

ГАРРИ ПОТТЕР

И
КУБОК ОГНЯ

4

ДЖ.К. РОУЛИНГ

ГАРРИ ПОТТЕР

и

КУБОК ОГНЯ

ЧАСТЬ ЧЕТЫРЕНАДЦАТАЯ

ДЖ.К. РОУЛИН

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер и кубок огня

*Посвящается Питеру Роулингу, памяти
мистера Ридли, а также Сьюзен Слэдден,
которые помогли Гарри выбраться из чулана*

Глава первая

Дом Реддлей

В деревне Малый Висельтон этот особняк по старинке называли «домом Реддлей», хотя семья Реддлей давно уже здесь не жила. Особняк высился на холме над деревней. Окна тут и там были заколочены, с крыши постепенно осыпалась черепица, а по фасаду буйно и беспрепятственно расползался плющ. Когда-то прекрасный, все в округе затмевавший величием, дом Реддлей стоял теперь замшелый, заброшенный и необитаемый.

Малые висельтонцы сходились во мнении, что старый дом – «жуть, да и только». Полвека назад в нем случилось нечто странное и ужасное, нечто такое, о чем старожилы до сих пор любили посудачить, когда иссякали другие темы для сплетен. От бесконечных пересказов история обросла цветистыми подробностями, и никто уже не знал, где правда, а где нет, но все версии начинались одинаково: с прекрасного летнего утра пятьдесят лет назад, когда солидный дом Реддлей еще блистал своей лощеной красотой. В тот день на рассвете служанка вошла в гостиную и обнаружила всех троих обитателей дома мертвыми.

Служанка заголосила и помчалась с холма, поднимая деревню:

– Лежат! Холодные как лед! А глаза-то открытые! Как были – в вечерней одежде!

Вызвали полицию. В Малом Висельтоне бурлило потрясенное любопытство и плохо скрываемое возбуждение. Никто особо и не пытался притвориться, что жалеет Реддлей – их не любили. Эти богачи, старый мистер Реддль с женой, только и умели, что нос задирать да на всех гавкать, а их взрослый сын Том и подавно. Жителей деревни волновало одно: кто убийца? Ясно же, что три вроде бы вполне здоровых человека не могут дружно помереть своею смертью в одну ночь.

В тот вечер в «Висельчаке», деревенском пабе, не успевали принимать заказы; народ пришел обсуждать убийство. И люди не

пожалели, что покинули родные очаги: явилась кухарка Реддлей и драматически объявила притихшему собранию, что арестовали Фрэнка Брайса.

– Фрэнка?! – вскричало сразу несколько человек. – Не может быть!

Фрэнк Брайс работал у Реддлея садовником и жил при особняке в полуразвалившемся домике. Он, как вернулся после войны с искалеченной ногой и огромной неприязнью к шуму и толпам, так и поступил к Реддлям.

Кухарку поспешили угостить стаканчиком, ибо жаждали услышать подробности.

– А я всегда говорила, дурковатый он! – сообщила она напряженно внимавшей толпе после четвертого хереса. – Смурной какой-то вечно. Я ж к нему и с чайком, и так и этак, посидим-де, потолкуем, а он – бирюк бирюком!

– Бросьте, – вмешалась женщина у стойки, – как-никак человек прошел войну. Фрэнк любит покой. С какой стати…

– А у кого ж еще был ключ от задней двери? – бухнула кухарка. – Сколько себя помню, всегда у садовника запасной ключ висел! Дверь-то не взломана! Окна не разбиты! Фрэнку всего-то и надо было, пробраться в большой дом, пока все спят…

Народ мрачно переглянулся.

– Мне он никогда не нравился, вот хоть режь, – проворчал мужик у стойки.

– Это он на войне сделался такой странный, – сказал хозяин заведения.

– Помнишь, я же говорила, что Фрэнку под горячую руку не попадайся, помнишь, Дот? – жарко заговорила женщина в углу.

– Ужасный характер, – рьяно закивала Дот. – Помню, когда он был еще пацаненком…

К утру никто уж и не сомневался, что Реддлей прикончил Фрэнк Брайс.

Однако неподалеку, в соседнем городке Большой Висельтон, в сумрачном и грязном полицейском участке Фрэнк упрямо твердил, что не виноват, а возле дома в день убийства видел разве только незнакомого паренька, бледного и темноволосого. Больше никто в деревне никакого паренька не приметил, и в полиции были уверены, что Фрэнк его выдумал.

Над головой бедного Фрэнка сгостились тучи, но тут прибыл рапорт о вскрытии – и ситуация совершенно переменилась.

Полицейским никогда еще не попадался рапорт необычнее. Патологоанатомы всесторонне исследовали тела и пришли к заключению, что ни один из Реддлей не был отравлен, зарезан, застрелен, задушен, не задохнулся сам и (насколько можно судить) вообще не пострадал. Собственно говоря, сообщалось в рапорте с явным изумлением, все Реддли отменно здоровы – правда, мертвые. Доктора, впрочем, не преминули указать (как бы пытаясь отыскать хоть что-нибудь несообразное), что на лицах у покойных застыло выражение смертельного ужаса – но слыхано ли, разочарованно заметили полицейские, чтобы людей, троих разом, взяли и запугали до смерти?

Поскольку доказательств, что Реддлей убили, не нашлось, Фрэнка отпустили. Реддлей похоронили при маловисельтонской церкви, и одно время их могилы сильно привлекали любопытных. Фрэнк Брайс, ко всеобщему удивлению и несмотря на косые взгляды, вернулся в свой домик в поместье Реддлей.

– А я вам говорю, это он их порешил, и мало ли чего там считает полиция, – заявила Дот в «Висельчаке». – Была б у него совесть, он бы здесь не остался, коль уж мы все знаем, что он убийца.

Но Фрэнк не уехал. Он остался и ухаживал за садом для следующего семейства, поселившегося в доме Реддлей, а потом и для следующего – долго в особняке никто не задерживался. Из-за Фрэнка или еще почему всякий новый владелец объявлял атмосферу в доме неприятной, и так, в отсутствие обитателей, особняк приходил в упадок.

Нынешний состоятельный владелец не жил в доме Реддлей и вообще им не пользовался; в деревне говорили, что он купил дом «по налоговым соображениям», но не умели толком объяснить, что это значит. Состоятельный владелец тем не менее продолжал платить Фрэнку за садовничество. Фрэнк готовился отметить свое семидесятисемилетие. Он почти оглох, хромал сильнее прежнего, но в хорошую погоду исправно тыкал совком в клумбы, хотя сорняки уже грозили прорасти сквозь него самого.

Фрэнку приходилось сражаться не только с сорняками. Деревенские мальчишки взяли дурную манеру бросаться камнями в окна особняка. Они гоняли на велосипедах прямо по газонам, за которыми Фрэнк так старательно ухаживал. Пару раз хулиганы вломились в старый дом на слабо. Они знали, что стариk Фрэнк будет до последнего защищать дом и двор, и потешались, глядя, как он ковыляет на хромой ноге, угрожающе размахивает палкой и, ворона вороной, выкрикивает проклятия. А по убеждению Фрэнка, мальчишки издевались, потому что, как и их родители, и дедушки с бабушками, считали его убийцей. И однажды августовской ночью, проснувшись и заметив, что в доме творится что-то очень и очень подозрительное, он решил, что мучители всего-навсего опять пытаются его доконать.

Фрэнка разбудила боль в ноге; в старости она его совсем затерзала. Он поднялся с постели и, хромая, спустился в кухню, думая подлить горячей воды в грелку, которая одна могла унять ноющее колено. Стоя перед раковиной и дожинаясь, пока наполнится чайник, он взглянул на дом Реддлей и в верхних окнах увидел мерцающий свет. Фрэнк мигом догадался, в чем дело. Опять мальчишки! Вломились в дом и к тому же – судя по отблескам – развели там костер!

Телефона у Фрэнка не было, да и в любом случае после своего ареста он сильно не доверял полиции. Он отставил чайник, поспешил наверх, насколько позволяла больная нога, оделся, вскоре вернулся в кухню и снял с крючка у двери ржавый запасной ключ. Захватил свою палку, что стояла у стены, и вышел во тьму.

Передняя дверь дома Реддлей не взломана. Окна тоже в порядке. Фрэнк похромал вокруг дома к задней двери, почти заросшей плетнем, вставил ключ в замочную скважину и бесшумно отворил.

Он прошел в гулкую кухню. Не заходил сюда вот уже много лет, однако вспомнил, какая дверь ведет в холл, и ощупью направился туда. Ноздри наполнил запах тлена и разрушения, слух обострился до предела в ожидании малейшего отзыва шагов или голосов. Он вышел в холл, где было чуть светлее – по обеим сторонам парадной двери высокие окна, – и начал карабкаться вверх по лестнице. Хорошо, что толстый слой пыли на каменных ступенях заглушает стук подошв и палки.

На площадке Фрэнк повернул вправо и сразу понял, где хулиганы: дверь в самом конце коридора была приоткрыта, и в щели неярко мерцал свет, длинной золотой полосой ложась на черный пол. Фрэнк, крепко ухватившись за палку, потихоньку продвигался ближе. В нескольких футах от порога за дверью стала видна часть комнаты.

Огонь, как выяснилось, разожгли в очаге. Это удивило Фрэнка. Он замер и внимательно прислушался: из комнаты доносился мужской голос, робкий и даже испуганный:

– В бутылке кое-что осталось, милорд, если вы еще голодны.

– Позже, – раздался второй голос. Он тоже принадлежал мужчине, но звучал странно: пронзительно и холодно, как внезапный порыв ледяного ветра. Почему-то от этого голоса редкие волосы у Фрэнка на затылке встали дыбом. – Придвинь меня к огню, Червехвост.

Чтобы лучше слышать, Фрэнк повернулся к двери правым ухом. Звякнула бутылка, поставленная на что-то твердое, ножки кресла тяжело и глухо проскребли по полу. В проеме спиной к Фрэнку промелькнул человечек: он толкал кресло к камину. Длинный черный плащ, на затылке плешь. Потом человечек вновь исчез из виду.

– Где Нагини? – спросил ледяной голос.

– Не... не знаю, милорд, – нервически задрожал в ответ первый голос. – Осматривает дом, по-моему...

– Ты подоишь ее перед тем, как мы отправимся спать, Червехвост, – приказал второй голос. – Ночью мне понадобится питание. Путешествие крайне утомило меня.

Нахмурив брови, Фрэнк наклонил слышащее ухо еще ближе к двери. После паузы человек по прозвищу Червехвост снова заговорил:

– Милорд? Позвольте спросить, долго мы здесь пробудем?

– Неделю, – ответил ледяной голос. – Или дольше. Здесь достаточно удобно, а дальнейшее развитие плана пока невозможно. Глупо действовать, пока не кончится чемпионат мира по квидишу.

Фрэнк сунул в ухо шишковатый палец и повертел. Видимо, опять сера скопилась – иначе откуда бы такое непонятное слово «квидиши»? Да и не слово это никакое.

– Чем... чемпионат по квидишу, милорд? – переспросил Червехвост. (Фрэнк сильнее повертел пальцем в ухе.) – Простите, но... я не понимаю... зачем нам ждать окончания чемпионата?

– Затем, идиот, что сейчас в страну прибывают колдуны со всего мира и болваны из министерства магии уже начеку и по любому поводу проверяют и перепроверяют удостоверения личности. Они же помешаны на безопасности – а то ведь муглы, не приведи небо, заметят! Уж лучше мы подождем.

Фрэнк оставил попытки прочистить ухо. Он явственно расслышал слова «министрство магии», «колдуны» и «муглы». Без сомнения, эти выражения что-то обозначают – это шифр. Фрэнк знал лишь два типа людей, употребляющих шифры, – стало быть, тут у нас либо шпионы, либо преступники. Фрэнк покрепче уперся в пол палкой и стал слушать еще внимательнее.

– Значит, ваша светлость, вы полны решимости? – тихонько спросил Червехвост.

– Разумеется, я полон решимости, Червехвост. – В ледяном голосе засквозила злоба.

Еле уловимая пауза – а затем Червехвост заговорил. Слова посыпались из него кувырком, точно он спешил высказаться прежде, чем потеряет кураж.

– Это можно сделать и без Гарри Поттера, милорд.

Снова пауза, длинее.

– Без Гарри Поттера? – еле слышно выдохнул второй голос. – Понятно...

– Милорд, я говорю это не потому, что забочусь о мальчишке! – взвизгнул Червехвост. – Мальчишка для меня ничего не значит, совсем ничего! Но с другим колдуном или ведьмой – любым другим колдуном или ведьмой! – дело бы сладилось гораздо быстрее! Если бы вы согласились отпустить меня ненадолго – вы же знаете, я умею превосходно маскироваться, – я бы вернулся с подходящим человеком уже через пару дней...

– Я мог бы использовать другого колдуна, – тихо сказал второй голос, – это правда...

– Милорд, это ведь разумно, – в голосе Червехвоста слышалось огромное облегчение, – потому что достать Гарри Поттера так сложно, его так тщательно охраняют...

– И ты готов привести замену? Интересно... быть может, тебе, Червехвост, стало утомительно выкармливать меня? Быть может, твоё

предложение изменить первоначальный план не что иное, как попытка сбежать от меня?

– Милорд! Я вовсе не хочу покидать вас, у меня нет ни малейшего...

– Не смей мне лгать! – зашипел второй голос. – Я всегда знаю, когда ты лжешь, Червехвост! Ты жалеешь, что вернулся ко мне. Я тебе отвратителен. Я же вижу, как ты кривишься, когда смотришь на меня, вижу, как ты содрогаешься, прикасаясь ко мне...

– Нет! Моя преданность вашей светлости...

– Твоя преданность – от трусости. Ты пришел, потому что больше некуда было идти. Как я выживу без тебя, если меня необходимо кормить каждые несколько часов? Кто будет доить Нагини?

– Но вы так окрепли, милорд...

– Лжец, – выдохнул второй голос. – Я вовсе не окреп, а за несколько дней в одиночестве могу лишиться и того весьма сомнительного здоровья, которое обрел благодаря твоей неуклюжей заботе. *Tuxo!*

Червехвост, безостановочно бормотавший что-то невразумительное, мгновенно умолк. Несколько секунд Фрэнк слышал только, как в камине потрескивает огонь. Затем второй человек снова зашептал – будто змея зашипела:

– У меня свои причины использовать мальчишку, как я тебе уже объяснял, и никто другой мне не подходит. Я ждал тринадцать лет. Подожду и еще несколько месяцев. Что касается его охраны, я уверен, мой план сработает. А от тебя, Червехвост, требуется лишь немного отваги – и ты найдешь ее в себе, если не хочешь познать всю полноту гнева Лорда Вольдеморта...

– Милорд, позвольте сказать! – в панике закричал Червехвост. – Все наше путешествие я снова и снова обдумывал ваш план – милорд, исчезновение Берты Джоркинс не останется незамеченным надолго, и если мы продолжим, если я наложу проклятие на...

– Если? – ужасным шепотом переспросил второй голос. – Если? Если ты будешь действовать по плану, Червехвост, в министерстве никогда не догадаются, что исчез кто-то еще. Ты все сделаешь тихо, без суэты; я лишь жалею, что не могу сам, но... в моем нынешнем положении... Ну полно, Червехвост! Осталось устранить всего одно препятствие – и путь к Гарри Поттеру свободен! Я не требую, чтобы

ты работал в одиночку. Нет, к тому времени к нам присоединится мой верный слуга...

— Я ваш верный слуга, — сказал Червехвост с еле заметной обидой.

— Червехвост, мне нужен тот, у кого есть мозги, кто ни на минуту не дрогнул в своей преданности, а ты, к несчастью, моим требованиям не удовлетворяешь.

— Это я вас нашел, — обида Червехвоста проступила явственно, — я! И привел к вам Берту Джоркинс.

— Это правда, — отозвался второй, слегка развеселившись. — Проблеск гения, которого я, признаться, не ожидал от тебя, Червехвост, — хотя, если уж начистоту, ты ведь не сознавал, сколь полезна она окажется, правда?

— Я... я сразу подумал, что она может пригодиться, милорд...

— Лжец, — заявил второй человек, уже откровенно и жестоко веселясь. — При этом, не отрицаю, ее информация была бесценна! Без нее мой план попросту провалился бы. Ты будешь вознагражден, Червехвост. Я позволю тебе исполнить для меня чрезвычайно важное дело — многие из моих последователей охотно отдали бы за это правую руку...

— Н-н-неужели, милорд? Какое же?.. — Червехвост опять пришел в ужас.

— Ах, Червехвост, зачем портить сюрприз? Твой выход в самом конце спектакля... Но обещаю, тебе будет предоставлена честь внести столь же важную лепту, как и Берта Джоркинс.

— Вы... вы... — Червехвост вдруг охрип, словно у него совершенно пересохло во рту. — Вы... убьете... и меня тоже?

— Червехвост, Червехвост, — укорил ледяной голос, — ну зачем мне тебя убивать? Берту убить пришлось, после допроса от нее уже решительно не было проку. Да и в любом случае, представь, какие вопросы ей стали бы задавать, вернись она в министерство с известием, что на каникулах повстречала тебя. Псевдопокойным личностям не след встречаться с министерскими ведьмами в придорожных гостиницах...

Червехвост забормотал так тихо, что Фрэнк не расслышал, но второй человек расхохотался — и этот смех, ледяной, как и его голос, лишен был всякой радости.

— *Модифицировать ее память?* Но заклятия забвения так легко снимаются умелыми колдунами — что я сам доказал, когда ее допрашивал. Кроме того, было бы оскорблением ее *памяти* не использовать информацию, которую я извлек.

Фрэнк внезапно заметил, что рука, стиснувшая палку, стала скользкой от пота. Человек с ледяным голосом убил женщину. И говорит об этом без тени сожаления — ему *весело*. Он опасен — маньяк. И планирует новое убийство — мальчик, Гарри Поттер какой-то, в опасности...

Фрэнк знал, что делать. Вот сейчас-то ему прямая дорога в полицию. Он выберется из дома и направится в деревню, к телефонной будке... но ледяной голос зазвучал опять, и Фрэнк застыл на месте, ловя каждое слово.

— Еще только одно проклятие... мой верный слуга в «Хогварце»... и Гарри Поттер — мой! Решено. Больше никаких споров. Но тихо... кажется, я слышу Нагини...

Его голос переменился. Таких звуков Фрэнк никогда раньше не слыхивал; не переводя дыхания, человек шипел и брызгал слюной. Наверное, припадок, решил Фрэнк.

И вдруг сзади, в коридоре, что-то шевельнулось. Фрэнк обернулся — и от страха его парализовало.

По полу скользило нечто, и, когда оно оказалось в полосе света от камина, он в ужасе разглядел, что это гигантская змея — футов двенадцать по меньшей мере. Пораженный, онемевший, Фрэнк смотрел, как ее тело волнами прорезает в пыли широкую дугу и подползает все ближе, ближе... Что делать? Спрятаться можно только в комнате, где эти двое планируют убийство, но, если остаться здесь, змея, скорее всего, убьет его...

Не успел он ничего сообразить, как змея поравнялась с ним, а затем — непостижимо, просто чудо какое-то! — проползла мимо, влекомая шипением и фырканьем человека с ледяным голосом. Мгновение — и ее узорчатый, в ромбах, хвост исчез за дверью.

Фрэнка прошиб пот, рука с палкой задрожала. Из комнаты неслось шипение, и старика посетила странная, невозможная мысль... *Этот человек умеет говорить по-змеиному.*

Да что ж тут происходит? Больше всего на свете Фрэнк хотел очутиться в своей постели со своей грелкой. Только вот беда — ноги не

двигаются. Пока он трясся и старался совладать с собой, ледяной голос вдруг вновь заговорил на нормальном английском языке.

– Нагини принесла интересное известие, Червехвост, – сказал он.

– В с-с-самом д-деле, м-милорд? – отозвался тот.

– В самом деле, – подтвердил голос. – По словам Нагини, за дверью стоит старый мугл и слушает наш разговор.

Фрэнк никак не успел бы спрятаться. Раздались шаги, и дверь в комнату распахнулась.

На пороге стоял низкорослый седеющий мужчина с острым носом и маленькими водянистыми глазками, и на лице его страх мешался с тревогой.

– Пригласи его войти, Червехвост. Что у тебя за воспитание?

Ледяной голос доносился из старинного кресла, повернутого к огню. Кто говорит, Фрэнк не видел. Но видел, что на полуслгнившем коврике у камина свернулась змея – жуткая пародия на комнатную собачку.

Червехвост поманил Фрэнка в комнату. Несмотря на потрясение, старик посильнее ухватился за палку и, прихрамывая, переступил порог.

Камин был единственным источником света в комнате; он отбрасывал на стены длинные паукообразные тени. Фрэнк смотрел на задник кресла; человек, сидевший в нем, видимо, был еще меньше, чем его слуга, – даже макушка не показывается.

– Ты все слышал, мугл? – прозвучал ледяной голос.

– Как это вы меня назвали? – спросил Фрэнк с вызовом. Теперь, когда пришло время действовать, он расхрабрился; вот и на войне всегда так бывало.

– Я назвал тебя муглом, – невозмутимо объяснил голос. – Это означает, что ты не колдун.

– Не знаю, что еще за «колдун» такой, – голос Фрэнка окреп, – знаю только, что наслушался довольно и полиция вами заинтересуется, уж будьте уверены. Вы совершили убийство и затеваете новое! И вот еще что, – добавил он по наитию, – моя жена знает, что я здесь, и если я не вернусь...

– У тебя нет никакой жены, – очень спокойно оборвал голос. – Никто не знает, где ты. Ты никому не говорил, что идешь сюда. Бесполезно лгать Лорду Вольдеморту, ибо он видит... он все видит...

— Ах вот как? — выпалил Фрэнк. — Лорд, стало быть? Ну и манеры же у вас, дорогой лорд. Повернулись бы лицом, как подобает человеку!

— Но я не человек, мугл, — еле слышный за потрескиванием поленьев, молвил голос. — Я гораздо, гораздо больше, чем просто человек... Однако... почему бы и нет? Я покажу тебе свое лицо... Червехвост, будь любезен, разверни кресло.

Слуга заскулил.

— Ты слышал меня, Червехвост.

Медленно-медленно, гадливо сморщившись, будто готов на что угодно, лишь бы не приближаться к своему господину и коврику со змеей, человечек подошел и начал разворачивать кресло. Змея подняла отвратительную треугольную голову и легонько зашипела, когда ножки кресла задели коврик.

И вот кресло повернулось к Фрэнку, и он увидел, что там. Палка со стуком упала на пол. Фрэнк распахнул рот и завопил. Он вопил так громко, что не услышал тех слов, которые, подняв палочку, произнес сидевший в кресле. Ослепительно полыхнуло зеленым, что-то просвистело в воздухе, и Фрэнк Брайс упал как подкошенный. Он умер, еще не коснувшись пола.

В двухстах милях от особняка мальчик по имени Гарри Поттер вздрогнул и проснулся.

Глава вторая

Шрам

Гарри лежал на спине и дышал тяжело, как после длительной пробежки. Он проснулся от очень яркого сна, прижимая к лицу ладони. На лбу под пальцами адской болью полыхал старый шрам, будто в кожу только что вдавили раскаленную проволоку.

Он сел, не отнимая одной руки от шрама, а другой нашаривая в темноте очки на тумбочке. Надел их, и прояснилась комната, тускло освещенная рассеянным оранжевым светом уличного фонаря за занавесками.

Гарри осторожно ощупал шрам. Все еще больно. Он включил лампу, вылез из постели, подошел к шкафу и открыл. Из зеркала на дверце недоуменно глядел худенький мальчик лет четырнадцати, со встрепанными черными волосами и блестящими зелеными глазами. Гарри внимательно посмотрел на свой лоб. Шрам, в форме зигзага молнии, выглядел как обычно, но сильно саднил.

Гарри попытался вспомнить сон. Все казалось таким реальным... двое знакомых людей и один незнакомый... хмурясь, он напряженно думал, припоминая...

В голове всплыла картинка: полутемная комната... змея на коврике у камина... человечек по имени Питер, по прозвищу Червехвост... пронзительный ледяной голос... голос Лорда Вольдеморта. При одной мысли о нем в живот как будто проскользнул кубик льда...

Гарри крепко зажмурился и постарался вспомнить, как выглядел Вольдеморт, но не смог... помнил только, что, едва кресло повернулось, накатил смертельный ужас и он мгновенно проснулся... Или его разбудила боль во лбу?

И что это был за старик? Там точно был какой-то старик; Гарри видел, как он упал на пол. В голове все перемешалось; мальчик закрыл лицо руками, чтобы не видеть комнаты и удержать воспоминание, – но нет, это все равно что пытаться удержать воду в ладонях; чем сильнее он цеплялся за сон, тем быстрее сон ускользал... Вольдеморт и

Червехвост говорили, что убили кого-то, но Гарри никак не мог вспомнить имени... и они собирались убить кого-то еще... *его самого!*

Гарри убрал руки от лица, открыл глаза и оглядел комнату, словно ожидал увидеть что-то необычное. И правду сказать, необычных вещей тут хватало. В изножье кровати открытый деревянный сундук, внутри котел, метла, черные колдовские мантии и разнообразные книги заклинаний. На письменном столе большая пустая клетка, где обычно восседает полярная сова Хедвига, а вокруг клетки сплошь пергаментные свитки. На полу у кровати открытая книга; вечером Гарри читал ее, пока не заснул. Люди на иллюстрациях двигались. Мужчины в ярко-оранжевых мантиях гоняли на метлах, то появляясь, то исчезая из поля зрения, и перебрасывались красным мячом.

Гарри поднял книжку с пола, проследил, как один колдун забил весьма впечатляющий гол в кольцо на шесте пятидесятифутовой высоты. И захлопнул книгу. Сейчас даже квидиш – по мнению Гарри, лучшая игра на свете – не мог отвлечь его от тяжелых мыслей. Он отложил «Полеты с «Пушками»» на тумбочку, подошел к окну и раздвинул занавески.

Бирючинная улица выглядела так, как и подобает почтенной пригородной улице в субботу перед рассветом. Все окна зашторены. И, насколько можно различить в темноте, нигде ни единого живого существа, даже кошки.

И все же... все же... Гарри в тревоге вернулся к кровати, сел и снова провел пальцем по шраму. Его беспокоила вовсе не боль; он был привычен и к боли, и к травмам. Однажды он вообще лишился костей в правой руке и провел кошмарную ночь, дожидаясь, пока они отрастут заново. Вскоре ту же самую руку насквозь пронзил ядовитый змеиный зуб длиной в фут. Не далее как в прошлом году Гарри, летая на метле, упал с высоты в пятьдесят футов. Короче говоря, наистраннейшие несчастные случаи иувечья – обычное дело для Гарри; в сущности, они неизбежны, если ты учишься в «Хогварце», школе колдовства и ведьминских искусств, и вдобавок обладаешь талантом вляпываться в историю.

Беспокоило его другое. В прошлый раз шрам болел, когда Вольдеморт был рядом... но его же нет... невозможно и представить себе, чтобы он рыскал ночью по Бирючинной улице, это абсурд...

Гарри напряженно вслушался в ночную тишину. Ожидал ли он скрипа ступеней, шороха плаща? Внезапно он вздрогнул – но это всего лишь мощно всхрапнул за стенкой двоюродный брат Дудли.

Гарри внутренне встряхнулся; ну что за глупости; в доме никого, кроме дяди Вернона, тети Петунии и Дудли, и все они спят, и ничего плохого и страшного им не снится.

Надо сказать, именно в таком виде – спящими – Дурслеи устраивали Гарри более всего; когда они бодрствовали, радости от них было мало. Дядя Вернон, тетя Петуния и Дудли, единственные родственники Гарри, были муглами (неколдунами), презирали и ненавидели колдовство во всех его проявлениях, и в доме у них Гарри чувствовал себя какой-то плесенью. Последние три года, объясняя длительное отсутствие племянника, Дурслеи говорили соседям, что он воспитывается в заведении св. Грубуса – интернате строгого режима для неисправимых преступников. Дяде и тете было прекрасно известно, что несовершеннолетним колдунам воспрещается заниматься магией вне стен «Хогварца», и все же именно Гарри они винили во всех происшествиях, что случались в доме. Нелепа сама мысль о том, чтобы довериться родственникам и вообще рассказать им хоть что-нибудь о жизни в колдовском мире. Вот и сейчас: пойти к ним, когда они проснутся, и пожаловаться на боль во лбу, на беспокойство из-за Вольдеморта? Да это просто смешно!

Тем не менее изначально Гарри оказался у Дурслеев именно из-за Вольдеморта. Если бы не Вольдеморт, у Гарри не было бы шрама. Если бы не Вольдеморт, у него были бы родители...

Гарри был всего годик, когда однажды ночью Вольдеморт – самый могущественный черный маг столетия, колдун, одиннадцать предшествующих лет набиравший силу, – явился к ним в дом и убил его родителей. Потом Вольдеморт обратил свою волшебную палочку на Гарри и произнес слова, которые смели с его пути к власти многих и многих взрослых колдунов и ведьм, – но проклятие чудесным образом не сработало. Вместо того чтобы прикончить малыша, оно рикошетом ударило по Вольдеморту. Гарри отделался небольшим шрамом в форме зигзага молнии, а Вольдеморт превратился в жалкую тварь. Лишившись колдовской силы, почти лишившись самой жизни, Вольдеморт исчез; кошмар, что так долго нависал над тайным

колдовским сообществом, рассеялся, приспешники Вольдеморта разбежались, а Гарри Поттер сделался знаменит.

Когда в свой одиннадцатый день рождения Гарри узнал, что он колдун, это явилось для него изрядным потрясением; но то, что в скрытом от посторонних глаз колдовском мире каждый ребенок знает его имя, добило его окончательно. В «Хогварце», куда бы он ни пошел, вслед ему поворачивались головы и несся взволнованный шепоток – с таким не сразу освоишься. Теперь-то он привык, как-никак осенью идет уже в четвертый класс. Гарри с нетерпением считал дни, отделяющие его от возвращения в любимый замок.

Но до первого сентября оставалось целых две недели. Гарри вновь безнадежно обвел глазами комнату, и его взгляд задержался на открытках, присланных двумя лучшими друзьями в конце июля ему на день рождения. Что бы сказали они, если б он написал им про шрам?

Моментально в голове зазвенел встревоженный голос Гермионы Грейнджен:

«Шрам болит? Гарри, это очень серьезно... Срочно напиши профессору Думбльдору! А я пойду посмотрю “Справочник распространенных колдовских заболеваний и недугов”... Может, там есть что-нибудь про шрамы от проклятий...»

Да, именно это и посоветовала бы Гермиона: обращайся прямиком к директору «Хогварца», а пока суд да дело, загляни в книгу. Гарри уставился в окно, в чернильно-синие небеса. Он сильно сомневался, что книга поможет. Насколько ему известно, он единственный человек на земле, переживший такое проклятие, а следовательно, вряд ли его симптомы описаны в «Справочнике». Что же касается директора, Гарри понятия не имел, где Думбльдор проводит лето. Он отвлекся на минуту, вообразив, как Думбльдор – с длинной серебристой бородой, в полном колдовском облачении и островерхой шляпе – лежит на пляже и втирает лосьон для загара в крючковатый нос. Разумеется, где бы Думбльдор ни находился, Хедвига непременно его отыщет; сова еще ни разу не сплоховала при доставке писем, даже без адреса. Только вот что написать?

«Уважаемый профессор Думбльдор! Извините, что беспокою, но сегодня ночью у меня болел шрам. Искренне Ваш, Гарри Поттер».

Даже в воображении – глупость страшная.

Тогда он попытался представить реакцию своего друга Рона Уизли. Сразу же перед внутренним взором всплыла длинноносая, веснушчатая физиономия с удивленно вытаращенными глазами.

«Шрам болит? Но... ведь Сам-Знаешь-Кого не может быть рядом, правда? В смысле... ну, ты бы ведь почувствовал, да? И он бы опять постарался тебя кокнуть, разве нет? И вообще, Гарри, я не знаю, может, шрамы от проклятий всегда немножечко зудят... Спрошу у папы...»

Мистер Уизли, высококвалифицированный колдун, работал в министерстве магии, в отделе неправомочного использования муглартефактов, но, по сведениям Гарри, не был специалистом по проклятиям. Да и в любом случае Гарри претила мысль, что вся семья Уизли узнает, какую панику Гарри поднял из-за минутной боли во лбу. Миссис Уизли засуетится похоже Гермионы, а шестнадцатилетние братья-близнецы Рона, Фред с Джорджем чего доброго решат, что Гарри сдрейфил. Он обожал семейство Уизли; он очень надеялся, что они, может, вскоре пригласят его к себе (Рон же обмолвился про чемпионат мира по квидишу), и ему совсем не хотелось, чтобы пребывание в гостях омрачалось тревожными расспросами про шрам.

Гарри потер лоб костяшками. На самом деле ему хотелось (и почти стыдно было признаться в этом даже себе) кого-то... ну, вроде *родителя*: взрослого колдуна, у кого можно, не чувствуя себя дураком, спросить совета и кто небезразличен к тебе и разбирается в черной магии...

И тут до него дошло. Так просто и так очевидно – непонятно, как он сразу не додумался, – *Сириус!*

Гарри вскочил с кровати и кинулся за стол; подтащил пергамент, окунул орлиное перо в чернила, написал: «Дорогой Сириус!» – и задумался, как бы получше облечь в слова свою тревогу, между тем удивляясь, почему он с самого начала не вспомнил о Сириусе. Хотя, если разобраться, тут нет ничего удивительного – о том, что Сириус его крестный, Гарри узнал всего два месяца назад.

До этого Сириус отсутствовал в жизни крестника по вполне объяснимой причине: сидел в Азкабане, страшной колдовской тюрьме, охраняемой жуткими существами – дементорами. После побега Сириуса эти незрячие душесосущие демоны явились за ним в «Хогварц». А ведь Сириус был невиновен – его осудили за убийства,

совершенные приспешником Вольдеморта Червехвостом, которого практически все считали погибшим. Гарри, Рон и Гермиона знали правду; в прошлом году они столкнулись с Червехвостом лицом к лицу, но их рассказу тогда поверил лишь Думблдор.

В продолжение одного-единственного восхитительного часа Гарри думал, что наконец-то уедет от Дурслеев, – Сириус предложил жить с ним, как только с него снимут обвинения. Но счастливая возможность ускользнула – Червехвост удрал раньше, чем его успели сдать представителям министерства магии, и Сириусу пришлось спасаться бегством. Гарри помог ему, Сириус улетел на гиппогрифе по кличке Конькур и с тех пор скрывался. Все лето Гарри преследовал образ дома, который мог бы у него быть, не убеги тогда Червехвост. Было вдвойне трудно вернуться к Дурслеям, зная, что, если бы не трагическая случайность, он бы избавился от них навсегда.

Но Сириус очень помогал крестнику даже заочно. Благодаря Сириусу Гарри теперь держал школьные принадлежности у себя в комнате. Раньше Дурслеи такого не позволяли; их страх перед колдовскими способностями Гарри и извечное стремление портить ему жизнь заставляли их запирать сундук со школьными вещами в чулане под лестницей. Однако их отношение переменилось, стоило им узнать, что крестный отец у Гарри – маньяк-убийца, а что Сириус невиновен, Гарри упомянуть «забыл».

С возвращения на Бирючинную улицу Гарри получил от Сириуса два письма. Оба доставили не совы (как принято в колдовском мире), а большие, яркие тропические птицы. Хедвига относилась к вторжениям этих броских созданий неодобрительно и с огромной неохотой подпускала их к своей поилке перед обратной дорогой. А вот Гарри они нравились – глядя на них, он воображал пальмы и белый песок и надеялся, что Сириус, где бы ни находился (в письмах он об этом умалчивал, на случай если те попадут в чужие руки), наслаждается жизнью. Гарри как-то не верилось, что дементоры долго протянули бы под жарким солнцем; может, поэтому Сириус и отправился на юг? Его письма, надежно спрятанные под чрезвычайно удобной неприбитой половицей у Гарри под кроватью, были веселы, и в обоих он призывал обращаться к нему в случае необходимости. Что ж, вот она, необходимость...

Свет настольной лампы как будто потускнел – наступил холодно-серый предрассветный час. Затем, позолотив стены, взошло солнце, из спальни дяди Вернона и тети Петунии послышались первые шорохи, а Гарри сбросил со стола скомканые листы пергамента и перечитал законченное письмо:

Дорогой Сириус!

Спасибо за письмо, эта птица была такая громадная, что с трудом пролезла в окно.

У нас тут все как обычно. С диетой у Дудли не очень. Тетя обнаружила, что он таскает к себе в комнату пончики. Ему пригрозили, что урежут карманные деньги, если так будет продолжаться, он разозлился и выкинул в окно «Плейстейшн», такой как бы компьютер с игрушками. Но это Дудли сильно сглупил, теперь он даже не может поиграть в свой любимый «Мегамордбай-3», и ему не на что отвлечься.

У меня, спасибо тебе, все хорошо: Дурслеи боятся, как бы ты не объявился и не превратил их по моей просьбе в летучих мышей.

Вот только ночью случилась странная вещь. У меня опять разболелся шрам. Последний раз это было, когда Вольдеморт проник в «Хогварц». Но вряд ли же он где-то рядом, правда? Ты не слышал, может, шрамы от проклятий и много лет спустя болят?

Я пошлю это письмо с Хедвигой, когда она вернется, она сейчас улетела поохотиться. Передавай от меня привет Конькуру.

Гарри

Да, подумал Гарри, вроде нормально. Не стоит описывать сон, а то получится, как будто он слишком испугался. Он скатал пергамент и отложил в сторону, чтобы сразу отдать Хедвиге, как только она прилетит. Потом встал, потянулся, снова открыл шкаф. И, не глядя в зеркало, стал одеваться к завтраку.

Глава третья

Приглашение

В кухне Дурслеи уже собирались за столом. Когда Гарри вошел, а затем сел, на него не обратили внимания. Громадное красное лицо дяди Вернона скрывалось за утренней «Дейли мейл». Тетя Петуния, поджав губы – лошадиных зубов не видно, – делила грейпфрут на четыре части.

Дудли злился и дулся. Казалось, он занимает гораздо больше места, чем обычно, – а это кое-что, да значило, поскольку обычно он занимал одну сторону большого квадратного стола от угла до угла. С боязливым: «Вот, нашему Дюдюшечке» тетя Петуния положила ему на тарелку четвертинку грейпфрута без сахара. Дудли гневно взорвался на нее. С тех пор как он привез из школы свой табель, жизнь обходилась с ним чересчур сурово.

Нет, плохим оценкам дядя Вернон и тетя Петуния, как всегда, нашли оправдание; тетя Петуния считала, что Дудли очень одаренный мальчик и учителя просто не способны его понять, а дядя Вернон твердил, что ему вообще не нужен в доме зубрила и маменькин сынок. Они также умудрились деликатно обойти обвинения в хулиганстве и жестокости. «Дудли, конечно, активный ребенок, но он и мухи не обидит!» – сквозь слезы заявила тетя Петуния.

Однако в конце табеля рукой школьной медсестры в очень тактичных выражениях было приписано такое, против чего ни дядя, ни тетя возразить не могли. Сколько бы ни прочитала тетя Петуния, что у ее сына крупная кость, что его вес – это детский жирок и что растущему организму требуется хорошее питание, факт оставался фактом: на школьном складе не было бриджей такого размера. Школьная медсестра обратила внимание на то, чего глаза тети Петунии – так зорко замечавшие отпечатки пальцев на сверкающих чистотой стенах и приходы-уходы соседей – попросту не желали видеть: Дудли не только не нуждался в дополнительном питании, но давно уже приобрел габариты молодого кита-убийцы.

Итак, после многочисленных скандалов и споров, сотрясавших пол комнаты Гарри, после обильных потоков слез, пролитых тетей Петуньей, в доме ввели новый режим. Листок с диетой, рекомендованной школьной медсестрой «Смылтингса», прикрепили к дверце холодильника, а сам холодильник полностью очистили от всего, что так любил Дудли, – от газировки и пирожных, шоколадок и бургеров – и наполнили овощами, фруктами, одним словом, тем, что дядя Вероник называл «силосом». А чтобы Дудли было не так обидно, тетя Петунья решила: пусть диеты придерживается вся семья. Сейчас тетя передала Гарри четвертинку грейпфрута – гораздо меньше, чем четвертинка Дудли. Видимо, тетя Петунья считала, что для поддержания у сына боевого духа нужно, чтобы он, по крайней мере, получал больше еды, чем Гарри.

Но тетя Петунья не знала, что припрятано у Гарри наверху под половицей. Она понятия не имела, что Гарри вовсе не придерживается диеты. Едва почувствовав, что ему предстоит пережить лето на сырой морковке, он разослал друзьям письма с мольбой о помощи, и те проявили редкостную отзывчивость. От Гермионы Хедвига вернулась с огромной коробкой не содержащих сахара батончиков (родители Гермионы были зубными врачами). Огрид, лесник «Хогварца», откликнулся целым мешком печенья собственного изготовления (к печенью Гарри не прикоснулся: ему слишком хорошо были известны кулинарные способности Огрида). Миссис Уизли прислала Эррола, семейного филина, с громадным кексом и многочисленными пирожными. Бедняга Эррол, который был очень стар и слаб, целых пять дней приходил в себя после трудного путешествия. Потом на день рождения (который Дурслеи полностью проигнорировали) Гарри получил четыре великолепных именинных пирога, по одному от Рона, Гермионы, Огрида и Сириуса. Два у него еще осталось, и поэтому, предвкушая настоящий завтрак у себя в комнате, Гарри послушно приступил к грейпфруту.

Неодобрительно фыркнув, дядя Вероник отложил газету и посмотрел в собственную тарелку.

– И это все? – ворчливо обратился он к тете Петунии.

Тетя Петунья метнула на него свирепый взгляд и выразительно указала подбородком на Дудли. Тот, покончив со своим грейпфрутом, порослячьими глазками кисло косился в тарелку Гарри.

Дядя Вернон издал глубокий вздох, отчего зашевелились его густые кустистые усы, и взялся за ложку.

Раздался звонок в дверь. Дядя Вернон тяжело поднялся и направился в прихожую. С быстротой молнии, пока мать возилась с чайником, Дудли украл у отца грейпфрут.

Гарри услышал разговор в прихожей, чей-то смех и резкий ответ дяди. Затем дверь захлопнулась, и донесся звук разрываемой бумаги.

Тетя Петуния поставила чайник на стол и с любопытством обернулась. Ей не пришлось долго ждать, чтобы узнать, чем это занят ее муж; не прошло и минуты, как он вернулся. Вид у него был разъяренный.

– Ты! – рявкнул он Гарри. – В гостиную. Быстро!

Изумленный, гадая, в чем же таком опять провинился, Гарри встал и проследовал за дядей в соседнюю комнату. Дядя Вернон с грохотом захлопнул дверь.

– Ну. – Он протопал к камину и повернулся к Гарри, будто собираясь объявить, что тот арестован. – Ну.

Гарри ужасно хотелось ответить: «Баранки гну», но вряд ли стоило так сурово испытывать дядино терпение с утра пораньше; дядя и без того на пределе из-за недокорма. Поэтому Гарри ограничился невинно-удивленной гримасой.

– Вот что сейчас принесли, – дядя Вернон помахал листком лиловой почтовой бумаги. – Письмо. Про тебя.

Гарри совсем растерялся. Кто бы из его знакомых стал писать про него дяде Вернону? И вдобавок посыпать письма по почте?

Дядя Вернон некоторое время прожигал Гарри глазами, а затем уставился на письмо и зачитал вслух:

Уважаемые мистер и миссис Дурслей!

Мы с вами друг другу не представлены, но я не сомневаюсь, что вы много слышали от Гарри о моем сыне Роне.

Возможно, Гарри говорил вам, что в следующий понедельник вечером состоится финальная игра чемпионата мира по квидишу. Моему мужу Артуру благодаря связям в департаменте по колдовским играм и спорту удалось достать билеты на лучшие места.

Я очень надеюсь, что вы позволите нам взять с собой Гарри на матч, поскольку такая возможность выпадает буквально раз в жизни,

игры на кубок не проводились в Англии вот уже тридцать лет и достать билеты практически невозможно. Мы, разумеется, будем счастливы, если Гарри погостит у нас до конца каникул, и проводим его на поезд в школу.

Будем признательны, если Гарри пришлет ответ как можно скорее нормальным способом, нам не доставляют мугловую почту, и я не уверена, что почтальон вообще знает, как нас найти.

Ждем Гарри с нетерпением.

Искренне Ваша,

Молли Уизли

P.S. Надеюсь, я наклеила достаточно марок.

Дядя Вернон дочитал, сунул руку в нагрудный карман и вытащил оттуда кое-что еще.

– Взгляни, – пробурчал он.

Он протянул конверт, в котором прибыло письмо миссис Уизли, и Гарри с трудом удержался от хохота. Конверт был усеян марками сплошь, за исключением одного квадратного дюйма на лицевой стороне, куда миссис Уизли микроскопическим почерком вписала адрес Дурслеев.

– То есть марок она наклеила достаточно, – сказал Гарри таким тоном, будто подобную ошибку мог совершить всякий.

Дядя сверкнул глазами.

– Почтальон *обратил внимание*, – процедил он сквозь зубы. – И очень интересовался, откуда могло прийти такое письмо. Потому он и позвонил в дверь. Он, видите ли, подумал, что это *забавно*.

Гарри промолчал. Кому другому, возможно, показалось бы странным, что дядя Вернон поднимает такой шум из-за чрезмерного количества марок, но Гарри жил с Дурслеями давно и знал, что их ужасает все, хоть на йоту выходящее за рамки обыкновенного. А больше всего на свете они боялись, как бы кто не пронюхал, что они имеют отношение (пусть и очень отдаленное) к миссис Уизли и ей подобным.

Дядя Вернон сверлил племянника глазами, а Гарри старался сохранять нейтральное выражение. Если сейчас повести себя правильно и не сгупить, его ждет настоящий подарок, мечта всей

жизни! Он подождал, пока дядя Вернон что-нибудь скажет, но тот только стоял и таращился. Гарри решился нарушить молчание.

– Так что... мне можно поехать? – спросил он.

Еле заметный спазм исказил большое багровое лицо. Усы ощетинились. Гарри точно знал, что происходит за этими усами: отчаянное сражение, конфликт между двумя главными инстинктами дяди Вернона. Разрешить поехать – значит, доставить Гарри удовольствие, а против этого дядя боролся целых тринадцать лет. С другой стороны, разрешить Гарри уехать к Уизли на весь остаток каникул – значит, избавиться от него на две недели раньше, чем предполагалось, а дядя ненавидел, когда Гарри дома. Он снова посмотрел на письмо миссис Уизли – видимо, тянул время и размышлял.

– Кто она? – спросил он, с отвращением взирая на подпись.

– Вы ее видели, – объяснил Гарри. – Мама Рона, моего друга, она встречала его с «Хог...». Со школьного поезда.

Он чуть не сказал «Хогварц-экспресс», а это был верный способ разозлить дядю. Под крышей дома Дурслеев запрещалось упоминать название школы, где учится Гарри.

Дядя Вернон сморщился, будто вспомнил нечто ужасно противное.

– Такая толстуха? – выдавил он после долгого раздумья. – С рыжим выводком?

Гарри нахмурился. Со стороны дяди Вернона, пожалуй, немного слишком называть кого-то толстухой, когда его собственный сын Дудли наконец достиг того, к чему шел с трехлетнего возраста, и таки сделался поперек себя шире.

Дядя Вернон продолжал изучать письмо.

– Квидиш, – пробормотал он себе под нос. – Квидиш... что еще за ерунда?

Гарри снова кольнуло раздражение.

– Это спортивная игра, – коротко ответил он. – В нее играют на мет...

– Тихо, тихо! – замахал руками дядя Вернон. Гарри с известным удовлетворением отметил, что дядя запаниковал – видно, не мог перенести упоминания о метлах в своей собственной гостиной. Пытаясь уйти от реальности, он вновь перечитал письмо. Гарри

смотрел, как его губы беззвучно произносят слова: «пришлет ответ как можно скорее нормальным способом». Дядя скривился.

– Что она хочет сказать, «нормальным способом»? – рявкнул он.

– Нормальным для нас, – сказал Гарри и, не успел дядя его остановить, добавил: – Ну, знаете, совиной почтой. Как обычно у колдунов.

Дядя Веронон вознегодовал так, словно Гарри произнес самое грязное на свете ругательство. Содрогаясь от ярости, он затравленно стрельнул глазами в окно, будто ожидая увидеть прижатые к стеклу уши соседей.

– Сколько раз тебе говорить? Не поминай ваши штучки в моем доме! – зашипел он. Его лицо приобрело оттенок спелой сливы. – Стоишь тут в одежде, которую тебе дали мы с Петунией…

– Когда Дудли проносил ее до дыр, – холодно бросил Гарри. И в самом деле свитер на нем был огромный – чтобы освободить руки, пришлось закатывать рукава пять раз, и свисал он до колен невероятно мешковатых джинсов.

– Я не позволю тебе разговаривать со мной таким тоном! – заявил дядя Веронон, дрожа от гнева.

Но Гарри не собирался все это безропотно сносить. Прошли времена, когда он подчинялся идиотским правилам Дурслеев. Он не сидит с Дудли на диете и не позволит лишить себя удовольствия побывать на финале кубка. По крайней мере, сделает все, что в его силах.

Чтобы успокоиться, Гарри глубоко вдохнул, а затем сказал:

– Значит, мне нельзя поехать на чемпионат? Ладно. Можно тогда я пойду? Мне нужно закончить письмо Сириусу. Ну, знаете – моему крестному.

В точку! Ему удалось произнести волшебное слово. Багрянец стал пятнами сходить с дядиного лица, и оно сделалось похоже на плохо перемешанное черносмородиновое мороженое.

– А вы… переписываетесь? – псевдоспокойным тоном спросил дядя Веронон. Но Гарри видел, как зрачки маленьких глазок от страха съежились.

– А?.. Ага, – небрежно обронил Гарри. – Я уже, кажется, давно ему не писал. Еще подумает, будто случилось что, если не объявлюсь.

И умолк, наслаждаясь произведенным эффектом. Он почти что видел, как под густыми и темными, расчесанными на ровный пробор дядиnymи волосами заворачались шестеренки. Если запретить Гарри писать Сириусу, тот может заподозрить, что с крестником плохо обращаются. Если запретить Гарри поехать на матч, он пожалуется Сириусу, и тот *узнает наверняка*, что с крестником обращаются плохо. То есть оставалось одно. Гарри наблюдал, как в дядиной голове формируется решение, – словно большое усатое лицо было прозрачным. Гарри старался не улыбаться и смотреть пусто. Наконец...

– Ладно. Езжай на этот свой идиотский... этот дурацкий... на кубок этот твой. Только напиши своим... как их... Уизли, что ли, пусть сами тебя забирают. У меня нет времени возить тебя по всей стране. И можешь остаться у них до конца лета. Да, и напиши своему... крестному, скажи... скажи, что едешь на матч.

– Вот и хорошо, – радостно ответил Гарри.

И направился к двери, еле сдерживая желание подпрыгнуть и заорать от восторга. Он едет!.. Едет к Уизли и увидит финал!

В прихожей он чуть не столкнулся с Дудли – тот ошивался под дверью в надежде подслушать, как ругают Гарри. Довольная улыбка Гарри явно потрясла.

– Завтрак был *замечательный*, правда? – невинно сказал Гарри. – Я прямо объелся – а ты?

Дудли оторопел, а Гарри расхохотался и, прыгая через две ступеньки, взлетел наверх и скрылся в своей комнате.

Первым делом он увидел, что Хедвига вернулась. Она сидела в клетке, смотрела на Гарри огромными янтарными глазами и щелкала клювом, давая понять, что недовольна. Кем, стало ясно почти мгновенно.

– ОЙ! – вскрикнул Гарри.

Ему в висок врезался маленький, серый и пернатый теннисный мячик. Гарри возмущенно потер голову, недоуменно поднял глаза и увидел крошечного совенка, такого маленького, что легко поместится на ладони. Совенок с жужжанием носился по комнате, как запущенная петарда. Тут Гарри заметил, что совенок бросил к его ногам письмо. Он наклонился, узнал почерк Рона и вскрыл конверт. Внутри лежала наспех нацарапанная записка.

Гарри! ПАПА ДОСТАЛ БИЛЕТЫ!!! Матч Ирландия – Болгария, в понедельник вечером. Мама написала муглам, чтобы они разрешили тебе приехать к нам. Может, они уже получили письмо, не знаю, сколько идет мугловая почта. На всякий случай решил послать тебе со Свином записку.

На слове «Свин» Гарри вытаращил глаза, а затем посмотрел на крошечную птичку – та сосредоточенно наворачивала круги вокруг люстры. Никогда он не видел ничего менее похожего на свинью. Может, не разобрал почерк? Он продолжил читать:

Мы тебя заберем в любом случае, нравится это муглам или нет, не пропускать же тебе кубок, только мама с папой сказали, что для приличия надо сначала спросить. Если муглы скажут «да», срочно посытай Свина обратно с ответом, и мы заберем тебя в пять часов в воскресенье. Если скажут «нет», срочно посытай Свина с ответом, и мы все равно заберем тебя в пять часов в воскресенье.

Гермиона явится сегодня после обеда. Перси пошел работать – в департамент международного магического сотрудничества. Пока будешь у нас, ни слова про заграницу, а то он занудит тебя так, что от скуки штаны сползут.

Увидимся!

Рон

– Да уgomонись ты! – прикрикнул Гарри. Совенок трепыхал крыльышками у него над головой и отчаянно клекотал от (только и мог предположить Гарри) гордости: он сумел не просто доставить письмо, но к тому же по назначению. – Иди сюда, понесешь обратно ответ!

Совенок плюхнулся на клетку Хедвиги. Та смерила его ледяным взором – мол, только посмей приблизиться.

Гарри схватил орлиное перо, чистый лист пергамента и написал:

Рон, все в порядке, муглы разрешили. Увидимся завтра в пять. Я не доживу!

Гарри

Он скатал записку в комочек и привязал его к крошечной лапке – с превеликим трудом, потому что совенок подпрыгивал на месте от нетерпения. Как только записку приладили, совенок взмыл в воздух. С бешеною скоростью он вылетел в окно и был таков.

Гарри повернулся к Хедвиге:

– Как насчет долгого путешествия?

Хедвига с достоинством ухнула.

– Отнесешь это Сириусу? – попросил Гарри, взяv письмо. – Подожди... я только закончу.

Он развернул пергамент и торопливо добавил постскрипту:

P.S. Если захочешь со мной связаться, я буду у Рона Уизли до конца лета. Его папа достал билеты на финал квидишного кубка!

Закончив письмо, он привязал его к лапке Хедвиги; та держалась на удивление чинно, будто желала показать, как должна себя вести настоящая почтовая сова.

– Возвращайся к Рону, я буду у него. Хорошо? – сказал Гарри.

Она любовно ущипнула его за палец, а затем с мягким шелестом расправила огромные крылья и бесшумно вылетела в окно.

Гарри проводил ее взглядом, а потом заполз под кровать, отодвинул половицу и достал большой кусок именинного пирога. Он ел, сидя на полу, и его переполняло небывалое счастье. Он ест пирог, а Дудли – паршивый грейпфрут; сегодня солнечный летний день, завтра Гарри отсюда уедет, шрам больше не болит, и скоро квидишный финал. Сейчас почти невозможно было нервничать – даже из-за Лорда Вольдеморта.

Глава четвертая

Возвращение в «Гнездо»

К двенадцати часам следующего дня Гарри сложил в сундук школьные принадлежности, а также самые драгоценные свои сокровища – унаследованный от отца плащ-невидимку, подаренную Сириусом метлу и волшебную карту «Хогварца», полученную в прошлом году от Фреда с Джорджем. Он выгреб еду из тайного хранилища под половицей, дважды перепроверил все закутки на предмет забытых учебников и перьев, а затем снял со стены самодельный календарь, на котором вычеркивал дни, оставшиеся до первого сентября.

Атмосфера в доме № 4 по Бирючинной улице накалилась до предела. Неизбежное появление в доме колдовской делегации пугало и злило Дурслеев. Когда Гарри известил дядю Вернона, что Уизли будут уже завтра в пять вечера, тот встревожился до крайности.

– Надеюсь, ты сказал, чтоб они оделись нормально, эти типы, – сразу же зарычал он. – Знаю я, что вы на себя напяливаете. В общем, пусть оденутся по-человечески – им же лучше. Вот так.

Гарри охватило нехорошее предчувствие. Ему не доводилось видеть родителей Рона в чем-нибудь, с точки зрения Дурслеев, человеческом. Дети их, может, в каникулы и надевали мугловую одежду, но мистер и миссис Уизли обычно носили длинные колдовские мантии, к тому же потрепанные. Гарри мало беспокоило мнение соседей, но он опасался за своих родственников – вдруг они нахамят Уизли, если те явятся в дом этакими типичными колдунами.

Сам дядя Верон надел лучший костюм. Не из гостеприимства, нет; Гарри точно знал, что дядя просто хочет выглядеть грозно и внушительно. Дудли, наоборот, весь съежился. Не потому, что диета наконец-то подействовала, а от страха. Первое же столкновение со взрослым колдуном закончилось для Дудли плачевно: тогда из прорехи в штанах у него высывался поросячий хвостик, и родители заплатили немалые деньги за его удаление в частной лондонской

клинике. Вовсе не удивительно, что сейчас Дудли то и дело нервно оглаживал сзади брюки и по комнатам передвигался бочком, чтобы ненароком не подставить неприятелю ту же мишень.

За обедом все молчали. Дудли даже не возмущался из-за меню (творога с тертым сельдереем). Тетя Петуния вообще ничего не ела. Она сидела, обхватив себя руками и поджав губы, и, кажется, прикусывала язык, сдерживая обвинения, которые ей так хотелось бросить Гарри в лицо.

— Они, конечно, приедут на машине? — гавкнул дядя Вернон через стол.

— Ммм, — сказал Гарри.

Об этом он почему-то не думал. Действительно, как Уизли будут его забирать? Машины у них больше нет: старенький «форд-Англия» давно одичал и бегает теперь где-то в Запретном лесу вокруг «Хогварца». Правда, в том году мистер Уизли одолжил машину в министерстве — может, и в этом тоже?

— Наверно, — решил Гарри.

Дядя Вернон фыркнул в усы. В обычных условиях он непременно спросил бы, какая у мистера Уизли машина; как правило, он судил о людях по размерам и стоимости их автомобилей. Впрочем, сомнительно, чтобы он проникся уважением к мистеру Уизли, даже если бы тот приехал на «феррари».

Всю вторую половину дня Гарри провел у себя в комнате; он не мог больше смотреть на тетю Петунью, которая каждые пять секунд тревожно поглядывала в окно сквозь тюлевую занавеску, словно по радио предупредили, что из зоопарка сбежал носорог. В гостиную Гарри спустился без четверти пять.

Тетя Петуния конвульсивно расправляла диванные подушки. Дядя Вернон изображал, будто читает газету, но его крохотные глазки не двигались. Гарри готов был поклясться, что дядя изо всех сил прислушивается, не едет ли машина. Дудли забился в кресло, запихнул под себя мясистые руки и крепко обхватил объект предполагаемого нападения. Напряжение стало невыносимо; Гарри вышел и уселся на лестнице, уставившись на часы. Сердце от волнения бешено билось в груди.

Но стрелка подошла к пяти часам и двинулась дальше. Дядя Вернон, потея в костюме, отворил парадную дверь, высунулся,

воровато оглядел улицу и поспешил втянуть голову обратно.

– Они опаздывают! – упрекнул он Гарри.

– Да, – ответил Гарри. – Наверно... э-э-э... пробки...

Десять минут шестого... четверть шестого... Гарри и сам уже забеспокоился. В половине шестого он услышал из гостиной приглушенное нервическое бормотание:

– Никакого такта.

– А вдруг у нас назначена встреча!

– Может, думают, если явиться попозже, их пригласят к ужину?

– Ну вот это уж дудки, – заявил дядя Веронон. Гарри услышал, как он встал и начал мерить шагами комнату. – Возьмут мальчишку и пускай убираются, нечего им тут ошиваться. Если, конечно, они вообще приедут. День, что ли, перепутали? Я так скажу, эти *граждане* пунктуальность не ценят. Или ездят на консервной банке, которая, конечно, сломалась по доро... А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!

Гарри вскочил. Судя по звукам в гостиной, все трое Дурслеев в панике бегали по комнате. Спустя мгновение оттуда в совершеннейшем ужасе вылетел Дудли.

– В чем дело? – спросил Гарри. – Что случилось?

Но Дудли был не в состоянии говорить. Хватаясь за ягодицы, он укатился в кухню, торопясь изо всех сил. Гарри поспешил в гостиную.

В заложенном кирпичами настоящем камине, у которого стоял включенный в розетку камин электрический, что-то громко стучало и царапалось.

– Что там? – хрипло выдохнула тетя Петуния. Она прижалась спиной к дальней стене и в ужасе смотрела на камин. – Что это такое, Веронон?

Она оставалась в неведении совсем недолго. Из-за стены послышались голоса.

– Ой! Фред, нет... назад, назад, тут какая-то ошибка... скажи Джорджу, чтобы он не... Ой!.. Джордж, нет, здесь нет места, быстро назад, скажи Рону...

– Пап, может, Гарри нас услышит... Может, он нас выпустит?..

По стене забарабанили кулаки.

– Гарри! Гарри, ты нас слышишь?

Дурслеи напустились на Гарри как две разъяренные росомахи.

– Что это за номера? – взревел дядя Веронон. – Что там происходит?

– Они... они хотели прилететь на кружаной муке. – Гарри невероятным усилием сдерживал истерический хохот. – Они могут путешествовать в огне – только у вас камин заложен – погодите...

Он подошел к камину и закричал в стену:

– Мистер Уизли! Вы меня слышите?

За стеной прекратили барабанить, и кто-то произнес: «Ш-ш-ш!»

– Мистер Уизли, это я, Гарри... Здесь камин кирпичами заложен. Вы не пройдете.

– Проклятье! – сказал голос мистера Уизли. – Какого лешего камин-то перекрывать?

– У них электрический, – объяснил Гарри.

– Правда? – восхитился голос мистера Уизли. – Эклектический? Со *штепселям*? Мать честная, я должен это увидеть... дайте-ка подумать... Ой! Рон!

Голос Рона присоединился к остальным:

– Вы чего тут? Что-нибудь не так?

– Конечно нет, Рон! – раздался голос Фреда, очень саркастичный. – Все так, именно об этом мы всю жизнь и мечтали.

– Ага, мы тут кайф ловим, – поддержал Джордж, судя по сдавленному голосу, припечатанный к стене.

– Мальчики, мальчики... – рассеянно укорил мистер Уизли. – Я думаю, что нам... да... больше ничего не остается... Гарри, в сторонку.

Гарри отошел к дивану. Дядя Веронон, наоборот, приблизился к стене.

– Постойте! – закричал он в камин. – Что вы собираетесь де?..

БАМ!

Электрический камин полетел через всю комнату – стена за ним рухнула, выпустив облака пыли и щебенки вместе с мистером Уизли, Фредом, Джорджем и Роном. Тетя Петуния завизжала, попятилась, споткнулась о кофейный столик и стала валиться навзничь; дядя Веронон едва успел ее поймать и, разинув рот, безмолвно уставился на Уизли. Те, все до единого, были рыжие, а Фред с Джорджем вообще идентичны до последней веснушки.

– Так-то лучше, – тяжело выдохнул мистер Уизли, отряхивая от пыли длинную зеленую мантию и поправляя очки. – А! Вы, должно быть, дядя и тетя Гарри?

Высокий, худой, лысеющий, он двинулся к дяде Вернону, протягивая руку, но тот отступил на несколько шагов назад, волоча и жену. Дядя попросту лишился дара речи. Известка запорошила его лучший костюм, усы и волосы, и он словно постарел на тридцать лет.

— Э-э-э... мда... Приношу извинения, — мистер Уизли опустил руку и через плечо оглянулся на взорванную стену. — Это я виноват, мне и в голову не пришло, что мы не сможем здесь выйти. Видите ли, я подсоединил ваш камин к кружаной сети — только на сегодня, понимаете, чтобы забрать Гарри. Строго говоря, мугловые камины подсоединять запрещено, но у меня есть один весьма нужный человечек в кружаной диспетчерской, так он по моей просьбе устроил... Вы не волнуйтесь, я моментально все исправлю. Я только зажгу огонь, отправлю мальчиков, починю ваш камин, а уж после дезаппарирую.

Гарри готов был поставить любую сумму на то, что Дурслеи не поняли ни слова. Будто громом пораженные, они пялились на мистера Уизли. Пошатываясь, тетя Петуния выпрямилась и спряталась за дядю Вернона.

— Привет, Гарри! — радостно поздоровался мистер Уизли. — Сундук собрал?

— Он наверху, — улыбнулся в ответ Гарри.

— Мы притащим, — тут же заявил Фред. Подмигнув Гарри, они с Джорджем выбежали из комнаты. Они уже знали, где его спальня, потому что однажды спасали его оттуда во мраке ночи. Гарри подозревал, что близнецы рассчитывают хоть одним глазком взглянуть на Дудли; они много о нем слышали.

— Что ж, — мистер Уизли слегка развел руками, подыскивая слова, чтобы прервать очень неприятное молчание. — У вас тут очень... э-э... уютно...

Поскольку в настоящий момент обычно безупречная комната была покрыта пылью и усеяна обломками кирпичей, его замечание не нашло у Дурслеев теплого отклика. Дядя Вернон побагровел, а тетя Петуния снова прикусила язык. Однако они были слишком напуганы и не посмели заговорить.

Мистер Уизли озирался. Он обожал все, что имело отношение к муглам. Чувствовалось: у него руки чешутся исследовать телевизор и видеомагнитофон.

— Работают на электричестве? — сказал он со знанием дела. — Да-да, вот штепсели. Знаете, я собираю штепсели, — добавил он, обращаясь к дяде Верону. — И батарейки. У меня огромная коллекция батареек. Жена считает меня сумасшедшим, и тем не менее...

Дядя Верон, совершенно очевидно, тоже считал его сумасшедшим. Он незаметно подвинулся вправо и загородил тетю Петуню, видимо опасаясь, что мистер Уизли может наброситься в любую минуту.

В комнате снова появился Дудли. Гарри услышал громыхание своего сундука по лестнице и понял, что эти страшные звуки выгнали двоюродного брата из кухни. Не сводя перепуганных глаз с мистера Уизли, Дудли по стеночке пробрался к родителям и попытался спрятаться у них за спинами. Туша дяди Вернона легко прикрывала тетю Петуню, но, к несчастью, не могла спрятать сына.

— А-а, это же твой кузен, Гарри? — заговорил мистер Уизли, опять храбро пытаясь завязать вежливую беседу.

— Угу, — кивнул Гарри, — это Дудли.

Они с Роном посмотрели друг на друга, но срочно отвели глаза; их так и разбирал смех. Дудли держался за задницу, будто боялся, что она вот-вот отвалится. Мистера Уизли такое странное поведение всерьез обеспокоило. Когда он снова заговорил, по его тону стало понятно, что он считает Дудли таким же ненормальным, каким Дурслеи считают его самого, только мистер Уизли испытывал скорее жалость, нежели страх.

— Хорошо проводишь каникулы, Дудли? — ласково спросил он.

Дудли вззизгнул. Гарри увидел, как пальцы кузена еще сильнее впились в массивные ягодицы.

Вернулись близнецы с сундуком, осмотрелись. При виде Дудли их лица озарились одинаковыми улыбками, не предвещавшими ничего хорошего.

— А-а, отлично, — сказал мистер Уизли. — Что ж, пожалуй, пора.

Он засучил рукава мантии и вытащил волшебную палочку. Дурслеи как один вжались в стену.

— Инцендио! — произнес мистер Уизли, направив палочку на пролом в стене.

В камине мгновенно вспыхнуло яркое пламя, бодро потрескивая, словно горело уже много часов. Мистер Уизли достал из кармана

мешочек на завязках, извлек оттуда щепотку муки и бросил в огонь. Пламя сделалось изумрудно-зеленым и высоко взметнулось.

– Отправляйся, Фред, – велел мистер Уизли.

– Иду, – отозвался Фред. – Ой, нет... подожди...

У него из кармана выпал пакет со сладостями. Содержимое раскатилось во все стороны – большие толстые помадки в ярких фантиках.

Фред пошарил по полу, рассовал конфеты по карманам, потом весело помахал Дудли и шагнул в огонь с криком: «Гнездо!» Тетя Петуния тихонько охнула и содрогнулась. Раздался шелестящий свист, и Фред исчез.

– Теперь ты, Джордж, – распорядился мистер Уизли, – с сундуком.

Гарри помог Джорджу донести сундук до камина и перевернуть на попа, чтобы удобнее было держать. Снова крик: «Гнездо!», снова шелестящий свист, и Джордж тоже улетучился.

– Рон, ты следующий, – велел мистер Уизли.

– До свидания, – с воодушевлением сказал Рон Дурслеям. Широко улыбнулся Гарри, вошел в огонь и с криком «Гнездо!» исчез.

Остались только Гарри и мистер Уизли.

– Что ж... тогда до свидания, – обратился к Дурслеям Гарри.

Те не ответили. Гарри направился к огню, но едва ступил на край камина, мистер Уизли придержал его за плечо. Он взирал на Дурслеев с нескрываемым изумлением.

– Гарри с вами попрощался, – укоризненно произнес он. – Вы что, не слышали?

– Это не важно, – пробормотал ему Гарри, – мне все равно.

Но мистер Уизли руку не убрал.

– Вы же не увидите племянника до следующего лета, – с негодованием сказал он дяде Вернону. – Должны же вы попрощаться?

Лицо дяди Вернона мучительно исказилось. То, что его учит хорошим манерам негодяй, который пару минут назад раздолбал стену в его же доме, явно причиняло ему тяжкие страдания.

Но в руке у мистера Уизли была палочка, и дядя Вернон, бросив на нее осторожный взгляд, весьма неохотно выдавил:

– До свидания.

– До встречи! – Гарри занес ногу над зеленым пламенем, и его обдало приятным теплом.

Тут, однако, позади раздался ужасающий сдавленный кашель. Тетя Петуния закричала.

Гарри резко обернулся. Дудли уже не стоял за спиной у родителей. Он упал на колени у кофейного столика. Он давился, пытаясь выплюнуть какую-то странную багровую, скользкую штуку в добрый фут длиной. Спустя секунду полнейшего недоумения Гарри разглядел, что эта штука — язык Дудли, а на полу перед ним валяется яркий фантик.

Тетя Петуния бросилась на колени рядом с сыном, схватила распухший язык и предприняла героическую попытку выдернуть его изо рта; неудивительно, что Дудли завопил и начал давиться еще сильнее, отбиваясь от матери. Дядя Веронон громко завывал и размахивал руками, а мистер Уизли перекрикивал весь этот гвалт.

— Успокойтесь, я все исправлю! — орал он, надвигаясь на Дудли с вытянутой палочкой.

Тетя Петуния заверещала пуще прежнего и закрыла Дудли своим телом.

— Да что вы, в самом деле! — в отчаянии воскликнул мистер Уизли. — Это же ерунда — из-за конфеты — мой сын Фред — обожает розыгрыши, знаете ли, — но тут всего лишь дутое заклятие — по крайней мере, я так думаю — пожалуйста, успокойтесь, я все исправлю...

Это отнюдь не успокоило Дурслеев — наоборот, они вовсе ополоумели; тетя Петуния захлебывалась рыданиями и тянула Дудли за язык, очевидно задавшись целью непременно его оторвать; Дудли изнемогал под двойной тяжестью языка и матери, а дядя Веронон, абсолютно потеряв контроль над собой, схватил с буфета фарфоровую статуэтку и швырнул ею в мистера Уизли. Тот пригнулся, и фигурка разбилась во взломанном камине.

— Да что же это такое! — сердито вскричал мистер Уизли, потрясая палочкой. — Я же хочу помочь!

Взвыв, как раненый гиппопотам, дядя Веронон схватил другую фигурку.

— Гарри, уходи! Уходи! — прокричал мистер Уизли, направив палочку на дядю Вернона. — Я сам справлюсь!

Гарри ни за что не пропустил бы такую потеху, но вторая статуэтка чуть не вмазалась ему в левое ухо, и он решил, что лучше

предоставить дело мистеру Уизли. Он шагнул в огонь и, обернувшись через плечо, произнес: «Гнездо!» Мельком он успел заметить, как мистер Уизли с помощью палочки вырывает из рук дяди Вернона третью статуэтку, тетя Петуния лежит поверх Дудли, а язык Дудли мотается по полу, как громадный скользкий питон. Но тут Гарри закрутило со страшной скоростью, и гостиная Дурслеев исчезла из виду в ревущем изумрудно-зеленом пламени.

Глава пятая

«Удивительные ультрафокусы Уизли»

Прижав локти к бокам, Гарри вращался все быстрее и быстрее. Мимо бешеной вереницей неслись смазанные пятна очагов. В конце концов Гарри затошило, и он закрыл глаза. Почувствовав, что скорость снижается, он резко затормозил, выбросив вперед руки. И вовремя, а то бы впечатался носом в пол на кухне в доме Уизли.

– Он съел? – нетерпеливо спросил Фред, помогая Гарри подняться.

– Ага, – кивнул Гарри. – А что это было?

– Помадка «Пуд-Язык», – радостно сообщил Фред. – Мы с Джорджем их сами изобрели, все лето искали, на ком бы испытать…

Крохотная кухонька взорвалась хохотом. Гарри огляделся и увидел за высокобленным деревянным столом Рона, Джорджа и еще двух незнакомых рыжих людей. Впрочем, Гарри сразу догадался, кто это: Билл и Чарли, самые старшие братья Рона.

– Привет, Гарри, – сказал тот, что сидел ближе, улыбнулся и протянул большую ладонь. Гарри почувствовал под пальцами многочисленные мозоли. Судя по всему, это Чарли, тот, что работает с драконами в Румынии. Сложением он напоминал близнецов, ниже и плотнее Перси с Роном – те отличались высоким ростом и худощавостью. Чарли явно проводил много времени на открытом воздухе, его широкое, добродушное лицо было таким веснушчатым, что казалось загорелым, мускулы впечатляли – и на одной руке красовался огромный блестящий ожог.

Билл тоже с улыбкой поднялся из-за стола и протянул руку. Гарри он сильно удивил. Гарри знал, что Билл работает в колдовском банке «Гринготтс», а в школе был старшим старостой, поэтому всегда воображал Билла взрослым вариантом Перси: таким правильным занудой и любителем всех поучить жизни. А на деле Билл оказался – никак иначе не назовешь – клевый. Высокий, длинные волосы

завязаны в хвост. В ухе серьга, какой-то вроде бы звериный клык. Одежда была бы вполне уместна на рок-концерте, а ботинки, заметил Гарри, не из кожи, а из шкуры дракона.

Не успели они заговорить, раздался легчайший хлопок, и за плечом у Джорджа появился мистер Уизли. Гарри еще никогда не видел, чтоб он так злился.

– Это *не смешно*, Фред! – закричал он. – Что за дрянь ты подсунул бедному ребенку?

– Ничего я ему не подсовывал, – зловредно ухмыльнулся Фред. – Я просто уронил... Он сам виноват – кто его просил это есть? Я не просил.

– Ты уронил нарочно! – грозно взревел мистер Уизли. – Ты знал, что он съест, потому что он на диете...

– А какой у него стал язык? – не сдержал любопытства Джордж.

– До четырех футов дорос, пока его родители не позволили мне вмешаться!

Все мальчики Уизли вместе с Гарри заржали как ненормальные.

– Это не смешно! – снова завопил мистер Уизли. – Такое поведение серьезно подрывает мугло-колдовские отношения! Я всю жизнь боролся против плохого обращения с мутлами, а теперь мои собственные дети...

– Мы же не потому, что он мугл! – возмутился Фред.

– А потому, что он наглый болван, – сказал Джордж. – Правда, Гарри?

– Точно, мистер Уизли, – честно подтвердил Гарри.

– Какая разница! – в гневе перебил тот. – Вот погодите, я все расскажу матери...

– Что ты мне расскажешь? – раздался голос у него за спиной.

В кухню вошла миссис Уизли. Она была невысокая полная женщина с очень добрым лицом – хотя сейчас глаза ее подозрительно сузились.

– Ой, здравствуй, Гарри, деточка, – поздоровалась она, заметив Гарри, и улыбнулась. Затем вперила взгляд в мужа: – *Что* ты мне расскажешь, Артур?

Мистер Уизли замялся. Было ясно, что, как бы он ни ярился на близнецовых, выдавать их матери он не собирался. Возникла неловкая пауза; мистер Уизли испуганно смотрел на жену. Затем в дверях у нее

за спиной появились две девочки. Одна из них, с невероятно пышными каштановыми волосами и довольно крупными передними зубами, была лучшая подруга Гарри и Рона, Гермиона Грейнджен. Вторая, маленькая и рыжеволосая, – младшая сестра Рона, Джинни. Обе улыбнулись Гарри, и он улыбнулся в ответ, отчего Джинни мгновенно зарделась – она прониклась к Гарри нежными чувствами еще с первого раза, когда он гостила в «Гнезде».

– *Что ты мне расскажешь, Артур?* – угрожающе повторила миссис Уизли.

– Пустяки, Молли, – промямлил мистер Уизли, – просто Фред с Джорджем… но я с ними уже побеседовал…

– Что еще они натворили? – осведомилась миссис Уизли. – Если опять какие-нибудь «Удивительные ультрафокусы Уизли»…

– Рон, покажи Гарри, где он будет спать? – предложила Гермиона с порога.

– Он прекрасно знает, где будет спать, – ответил Рон, – как обычно, в моей…

– Вот давайте все вместе и посмотрим, – очень подчеркнуто произнесла Гермиона.

– А, – сказал Рон. До него дошло. – Да.

– Ага, и мы тоже вместе посмотрим… – начал Джордж.

– *Нет, вы как раз останетесь здесь!* – рявкнула миссис Уизли.

Гарри и Рон бочком выбрались из кухни и вместе с Гермионой и Джинни отправились через узкую прихожую к скрипучей лестнице, зигзагами уходящей наверх.

– А что за удивительные ультрафокусы? – полюбопытствовал Гарри.

Рон с Джинни засмеялись, Гермиона – нет.

– Мама прибиралась у них в комнате и нашла целую пачку бланков, – тихонько объяснил Рон, – и еще длиннющие прейскуранты на всякие штуки, которые они сами сделали. Ну, всякие приколы, знаешь. Фальшивые волшебные палочки, сладости с сюрпризами и все такое. На самом деле очень здорово, я даже не знал, что они этим занимаются…

– У них в комнате постоянно что-то взрывалось, но мы и не думали, что это для дела, – вступила в разговор Джинни. – Мы думали, им просто нравится шуметь.

— Только, понимаешь, большая часть этих штук — ну то есть все — довольно опасные, — прибавил Рон, — а Фред с Джорджем, представляешь, собирались продавать их в «Хогварце» за деньги, и мама их чуть не убила. Запретила им, сожгла бланки... она же и без того злилась. Они ведь на С.О.В.У. сдали весьма так себе.

С.О.В.У. — это Совершенно Обычный Волшебный Уровень, аттестационный экзамен, который учащиеся «Хогварца» сдавали в пятнадцать лет.

— А после был жуткий скандал, — продолжила Джинни, — потому что мама хочет, чтобы они пошли работать в министерство, как папа, а им, оказывается, ничего, кроме хохмазина, не надо.

В это мгновение на площадке второго этажа отворилась дверь и оттуда высунулась очень раздраженная физиономия в роговых очках.

— Привет, Перси, — сказал Гарри.

— А, Гарри! Здравствуй, — ответил Перси, — а я-то думаю, кто это так топочет. Я, знаешь ли, *работаю* — нужно закончить отчет, но довольно трудно сосредоточиться, когда на лестнице вечный грохот.

— Мы не *топочем*, — огрызнулся Рон, — а ходим. Извини, если помешали твоей сверхсекретной министерской работе.

— А над чем ты работаешь? — спросил Гарри.

— Над отчетом для департамента международного магического сотрудничества, — с важностью поведал Перси. — Мы стандартизуем толщину котлов. А то импортные котлы чуточку тонковаты — количество протечек увеличилось за год почти на три процента!..

— Помяните мое слово, этот отчет спасет мир, — перебил Рон. — Представляете, взволнованная передовица в «Оракуле»: «Котлы текут», а дальше про нашего героя.

Перси слегка порозовел.

— Можешь издеваться, — взвился он, — но, если не принять международного закона, скоро наш рынок наводнит хлипкая тонкодонная продукция, и это серьезно увеличит риск...

— Да-да, конечно-конечно, — ответил Рон и зашагал дальше.

Перси шваркнул дверью. Гарри, Гермиона и Джинни вслед за Роном поднялись еще на три марша; с кухни неслись дикие вопли. Видимо, мистер Уизли раскололся и рассказал миссис Уизли про помадки.

Комната под крышей с прошлого раза почти не изменилась: на стенах и на косом потолке висели те же плакаты с любимой квидишной командой Рона, «Пуляющими пушками», и все игроки крутились в воздухе, приветственно размахивая руками; на подоконнике стоял все тот же аквариум – в позапрошлом году там сидели головастики, а сейчас – одна немыслимо жирная лягушка. Старой крысы Струпика больше не было, зато был крошечный серый совенок, который доставил письмо Рона на Бирючинную улицу. Совенок без устали прыгал вверх-вниз в маленькой клетке и безостановочно клекотал.

– Умолкни, Свин, – бросил Рон, пробираясь между двумя из четырех кроватей, втиснутых в комнату. – Фред с Джорджем тоже здесь спят, потому что у них в комнате Билл и Чарли, – пояснил он для Гарри. – Перси нужна отдельная, потому что он *работает*.

– А… почему ты совенка зовешь Свином? – спросил Гарри.

– Потому что Рон дурак, – заявила Джинни. – По-настоящему его зовут Свинринтель.

– Ага, и это очень умное имя, –sarкастически отозвался Рон. – Его Джинни так назвала. – Он глянул на Гарри. – Это якобы очень мило. Я хотел поменять, но было поздно, ни на что другое он уже не откликался. Так что он Свин. Приходится держать его здесь, а то он бесит Эррола с Гермесом. И меня тоже, к слову сказать.

Довольный Свинринтель, пронзительно ухая, нарезал круги по клетке. Гарри слишком хорошо знал Рона, чтобы принимать его слова всерьез. Помнится, в свое время Рон постоянно ворчал из-за Струпика, но ужасно огорчился, когда решил, что крысу съел Гермионин кот Косолапсус.

– А Косолапсус где? – кстати поинтересовался Гарри у Гермионы.

– В саду, наверно, – ответила она. – Любит гоняться за гномами, он их раньше никогда не видел.

– Значит, Перси нравится работа? – спросил Гарри, сев на кровать и наблюдая, как «Пушки» шныряют туда-сюда на плакатах, то и дело вылетая за рамку.

– Нравится? – мрачно повторил Рон. – Он небось домой бы не приходил, если бы папа его не забирал. Совсем маньяк. Ты, главное, не заговаривай про его начальника… *Как говорит мистер Сгорбс… как я сказал мистеру Сгорбсу… Мистер Сгорбс считает… Мистер Сгорбс*

мне рассказывал... Не удивлюсь, если они со дня на день объявят о помолвке.

– Как прошло лето, Гарри? – спросила Гермиона. – Посылки с едой дошли?

– Да, спасибо огромное, – сказал Гарри. – Ваши пироги спасли мне жизнь.

– А ты получал письма от... – начал было Рон, но умолк, заметив гримасу Гермионы. Ясно, что Рон собирался спросить о Сириусе. Рона с Гермионой едва ли не меньше Гарри волновало благополучие его крестного – все трое много сделали для его побега. Тем не менее обсуждать Сириуса при Джинни не стоило. Никто, кроме Гарри, Рона, Гермионы и профессора Думблдора, не знал, как Сириусу удалось бежать, и не верил, что он невиновен.

– Кажется, они уже перестали ссориться, – произнесла Гермиона, чтобы заполнить неловкую паузу, а то Джинни уже с любопытством переводила взгляд с Гарри на Рона. – Пойдем, поможем вашей маме с ужином.

– Ага, давайте, – поддержал Рон.

Они вышли из комнаты, спустились и обнаружили на кухне миссис Уизли, одну и в чрезвычайно дурном расположении духа.

– Есть будем в саду, – объявила она. – Здесь для одиннадцати человек места нет. Девочки, можете отнести тарелки? Билл и Чарли уже ставят столы. А вы двое, ножи и вилки, пожалуйста, – велела она Рону и Гарри и ткнула волшебной палочкой в горку картофеля в раковине. Вышло чуть энергичнее, чем она собиралась, – картофелины так резво повыскакивали из кожуры, что зарикошетили от потолка и стен. – Ой, ради *всего святого*, – рыкнула миссис Уизли, переводя палочку на совок, который спрыгнул со стены и поехал по полу, собирая картофелины. – Эта парочка! – свирепо выдохнула она, вышвыривая из шкафа кастрюли и сковородки, и Гарри догадался, что речь идет о близнецах. – Не знаю, что с ними дальше будет, прямо не знаю. Никакого честолюбия – разве только набедокурить лучше всех...

Она шваркнула большой медной кастрюлей о кухонный стол и яростно замахала внутри палочкой. Из кончика палочки заструился густой соус.

– Ладно, были бы какие-нибудь безмозглые, – ворчала она, ставя кастрюлю на плиту и тычком палочки зажигая под ней огонь, – правда,

непонятно, зачем им мозги, все равно ведь не пользуются, и если завтра же за ум не возьмутся, пиши пропало. Про них я получила из «Хогварца» больше сов, чем про всех остальных, вместе взятых. Если и дальше так пойдет, их вызовут в отдел неправомочного использования колдовства!

Вновь ткнув палочкой, миссис Уизли выдвинула ящик с ножами и вилками. Гарри и Рон отскочили – из ящика вырвалось на свободу несколько ножей. Просвистев через кухню, они деловито набросились на картошку, которую совок только что ссыпал обратно в раковину.

– Не знаю, что мы сделали не так, – не унималась миссис Уизли. Отложив палочку, она полезла за другими кастрюлями. – И это всю жизнь, не одно, так другое, и они ничего не слушают... ЧТО?! ОПЯТЬ?!

Когда она взяла палочку со стола, та громко пискнула и превратилась в огромную резиновую мышь.

– Опять фальшивая!!! – вскричала миссис Уизли. – Сколько можно говорить, чтобы не оставляли валяться где попало!

Она схватила настоящую палочку, повернулась к плите и обнаружила, что соус уже дымится.

– Скорей, – выпалил Рон Гарри, хватая горсть ножей и вилок из открытого ящика, – пошли поможем Биллу и Чарли.

Мальчики покинули миссис Уизли и через заднюю дверь выбежали во двор.

Они не прошли и нескольких шагов, как из сада им навстречу на гнутых лапах вылетел кот Гермионы, рыжий Косолапсус, – бутылочный ершик хвоста трубой. Косолапсус гнался за какой-то грязной картошкой на ножках, в которой Гарри узнал гнома. Ростом гном не дотягивал и до десяти дюймов. Отчаянно топоча мозолистыми ножонками, он со страшной скоростью просвистел по двору и головой вперед нырнул в резиновый сапог – под дверью их валялись горы. Кот запустил лапу внутрь, стараясь выудить гнома, а тот заливался истерическим хохотом. За домом раздался сокрушительный треск. В саду мальчики сразу обнаружили источник шума – Билл с Чарли, выставив палочки, устроили в воздухе сражение двух старых столов: те сталкивались друг с другом, пытаясь свалить противника на землю. Фред с Джорджем отчаянно болели, Джинни хохотала, а Гермиона

нервно подпрыгивала у живой изгороди, явно разрываясь между беспокойством и любопытством.

Стол Билла зацепился за стол Чарли и с треском оторвал у него ножку. Наверху громыхнуло. Все задрали головы и в окне второго этажа увидели голову Перси.

– Потише нельзя?! – заорал он.

– Извини, Персик, – виновато улыбнулся Билл. – Как там донышки?

– Отвратительно, – сварливо бросил Перси и захлопнул окно.

Хихикая, Билл с Чарли благополучно посадили свои боевые машины на траву впритык, а затем Билл мановением волшебной палочки починил ножку и соорудил скатерти.

К семи часам столы ломились от бесчисленных шедевров кулинарного искусства миссис Уизли, и все девять членов семейства вместе с Гарри и Гермионой сели насладиться пиршеством под ясным темно-синим небом. Для человека, который все лето питался день ото дня черствевшими пирогами, то был настоящий рай, и поначалу Гарри больше слушал, чем говорил, налегая на пирог с курицей и ветчиной, вареную картошку и салат.

В дальнем конце стола Перси рассказывал отцу про свой отчет.

– Я обещал мистеру Сгорбсу закончить ко вторнику, – важно вещал Перси. – Конечно, это немножко раньше, чем он просил, но я люблю во всем успевать. Думаю, он будет рад, что я все быстро сделал. В отделе сейчас запарка с приготовлениями к кубку мира. Надо сказать, мы не получаем необходимой поддержки от департамента по колдовским играм и спорту. Этот Людо Шульман...

– Мне нравится Людо, – мягко заметил мистер Уизли, – и это он достал нам такие хорошие билеты на финал. В свое время я тоже offered ему услугу: его брат Отто попал в историю – газонокосилка с паранормальными функциями, – а мне удалось замять дело.

– Согласен, Шульман *обаятельный*, – отмахнулся Перси, – но как он умудрился стать главой департамента... Никакого сравнения с мистером Сгорбсом! Не представляю, чтобы мистер Сгорбс, если бы у него в отделе пропал человек, сидел бы спокойно и даже не пытался выяснить, что случилось. Ты вообще понимаешь, что Берта Джоркинс вот уже больше месяца, как пропала? Поехала отдыхать в Албанию и не вернулась!

— Я спрашивал Людо, — нахмурился мистер Уизли, — он говорит, Берта пропадала сто раз... Впрочем, будь это мой сотрудник, я бы все равно забеспокоился...

— Да нет, Берта *безнадежна*, — сказал Перси. — Говорят, ее постоянно переводят из отдела в отдел, и от нее больше проблем, чем пользы... но все равно, Шульман должен хоть поискать. Вот мистер Сгорбс сильно встревожился — она ведь когда-то работала и у нас и, по-моему, мистер Сгорбс был ею очень доволен, — а Шульман только смеется. Говорит, Берта, скорее всего, перепутала и вместо Албании очутилась в Австралии. Однако, — Перси издал тяжелейший вздох и от души хлебнул бузиновки, — у нас в департаменте международного магического сотрудничества и так забот полон рот. Не хватало еще разыскивать пропавших сотрудников других департаментов. Сами понимаете, нам ведь сразу после кубка организовывать еще одно важное мероприятие.

Перси со значением прочистил горло и посмотрел на другой конец стола, где сидели Гарри, Рон и Гермиона:

— Ты знаешь, о чём я, папа. — И чуточку повысил голос: — Сверхсекретное мероприятие.

Рон закатил глаза и пробормотал тихонько:

— Он пытается заставить нас спросить, что за мероприятие, с тех пор как пошел на работу. Не иначе выставка толстодонных котлов.

В центре стола миссис Уизли спорила с Биллом о его серьге — видимо, совсем недавнем приобретении.

— ...с таким ужасным зубом! Ну честное слово, Билл! А что говорят у тебя в банке?

— Мам, в банке никому нет дела, как я одеваюсь, лишь бы денежки на счета капали, — терпеливо ответил Билл.

— И твои волосы... что-то уж чересчур, милый, — продолжала миссис Уизли, любовно водя пальцем по волшебной палочке. — Разрешил бы мне чуточку подровнять...

— А мне нравится, — заявила Джинни, сидевшая рядом с Биллом. — Ты такая старомодная, мама. И вообще, до профессора Думблдора Биллу еще далеко...

Рядом с миссис Уизли сидели Фред, Джордж и Чарли. Они горячо обсуждали кубок мира.

– Возьмет Ирландия, – неразборчиво говорил Чарли, набив рот картошкой. – Они же просто размазали Перу в полуфинале.

– Зато у болгар Виктор Крум, – возразил Фред.

– Крум – один хороший игрок, а у ирландцев их семеро, – коротко ответил Чарли. – Жалко, что Англия не прошла. Позор, да и только.

– А что случилось? – горячо заинтересовался Гарри, отчаянно жалея, что на Бирючинной улице не получал колдовских новостей. Гарри обожал квидиш. Он сам с первого класса был Ловчим команды «Гриффиндора» и летал на «Всполохе», одной из лучших гоночных метел в мире.

– Проиграли Трансильванию, триста девяносто – десять, – мрачно объяснил Чарли. – Безобразно выступили. Уэльс проиграл Уганде, а Шотландия – Люксембургу.

В саду темнело. Перед сладким (домашним земляничным мороженым) мистер Уизли сотворил свечки, и, когда мороженое было съедено, над столом уже вовсю порхали мотыльки. В теплом воздухе пахло травами и жимолостью. Наевшийся до отвала, чрезвычайно довольный жизнью Гарри наблюдал, как в зарослях шиповника, отчаянно хохоча, гномы улепетывают от Косолапуса.

Рон осторожно оглядел стол, убедился, что все остальные заняты разговором, и очень тихо спросил:

– Так что, ты *получал* письма от Сириуса?

Гермиона подняла голову и тоже насторожилась.

– Да, – еле слышно ответил Гарри, – два раза. У него все нормально. Я написал ему позавчера. Может, он даже ответит, пока я здесь.

Вдруг он вспомнил, почему написал Сириусу, и на долю секунды ему очень захотелось рассказать друзьям о том, что у него опять болел шрам, и о том, какой страшный сон ему приснился... однако неохота тревожить их сейчас, когда сам он так счастлив и спокоен.

– Времени-то сколько! – неожиданно всплеснула руками миссис Уизли, взглянув на наручные часы. – Всем срочно ложиться! Вам же вставать на рассвете, иначе не попадете на кубок. Гарри, если оставишь мне список, я тебе все куплю на Диагон-аллее. Я на всех буду завтра покупать. После кубка можете не успеть, в прошлый раз игра длилась пять дней.

– Ух ты! Надеюсь, и в этот раз тоже! – возликовал Гарри.

– А я не надеюсь, я *содрогаюсь* при мысли. – Незаменимый Перси в ужасе закатил глаза. – На что за пять дней станет похожа моя папка с входящими?

– Да уж, опять кто-нибудь подкинет кусок драконьего навоза – а, Перс? – подначил Фред.

– Это был образец удобрения из Норвегии! – выкрикнул Перси, густо покраснев. – В этом не было ничего личного!

– Очень даже было, – шепнул Фред Гарри на ухо, когда они вставали из-за стола. – Это же мы послали.

Глава шестая

Портшлюс

Гарри вроде бы только что лег спать, а его уже тормошила миссис Уизли.

— Пора вставать, Гарри, лапочка, — прошептала она и перешла к кровати Рона.

Гарри нашарил очки, надел их и сел. За окнами было еще темно. Рон, вяло уворачиваясь от матери, бормотал что-то невразумительное. У себя в ногах, за матрацем, Гарри увидел, как из простыней выпутываются два больших бесформенных силуэта.

— Штуже, поа? — плохо ворочая языком спросонок, сказал Фред.

Со сна неразговорчивые, ребята оделись и, потягиваясь и зевая, спустились в кухню.

Миссис Уизли у плиты мешала что-то в большом котле. Мистер Уизли сидел за столом и проверял толстую пачку больших пергаментных билетов. Он поднял глаза на мальчиков и развел руки, демонстрируя свой наряд — джемпер для гольфа и сильно потертые джинсы. Джинсы были великоваты и держались на толстом кожаном ремне.

— Ну как? — обеспокоенно спросил он. — Мы же едем инкогнито… Я похож на мугла, Гарри?

— Да, — улыбнулся Гарри, — еще как.

— А где Билл, Чарли и Пе-Пе-Перси? — У Джорджа не получилось подавить зевок.

— Ну они же аппарируют. — Миссис Уизли с трудом переставила котел на стол и начала раскладывать по мискам овсянную кашу. — Могут и еще поспать.

Гарри знал, что аппарировать очень трудно; это означало исчезать в одном месте и почти тут же появляться в другом.

— Ах, они еще спят, — проворчал Фред, придвигая к себе миску. — А нам почему нельзя аппарировать?

– Потому что вы несовершеннолетние и не сдали экзамен, – сварливо отозвалась миссис Уизли. – Куда подевались эти девчонки?

Она унеслась с кухни и затопала вверх по лестнице.

– Чтобы аппарировать, надо сдавать экзамен? – поинтересовался Гарри.

– Разумеется, – ответил мистер Уизли, аккуратно пряча билеты в задний карман джинсов. – Департамент волшебных путей сообщения на днях оштрафовал парочку любителей аппарировать без прав. Аппарировать не так-то просто. Чуть-чуть ошибешься, и могут выйти серьезные осложнения. Например, та несчастная парочка... их разомклинило.

Лица у всех исказились от ужаса, и только Гарри переспросил:

– Э-э-э... разомклинило?..

– Половина тела осталась на месте, – буднично пояснил мистер Уизли, поливая овсянку толстым слоем патоки. – И конечно, они застряли. Ни туда ни сюда. Пришлось дожидаться бригады по размагничиванию в чрезвычайных ситуациях. Сами понимаете, бумажной волокиты потом было ужас сколько, муглы же заметили, что в воздухе части тела висят...

Гарри представил себе две ноги и глазное яблоко, позабытые посреди Бирючинной улицы.

– Но с ними все обошлось? – испуганно спросил он.

– Да, конечно, – спокойно ответил мистер Уизли. – Но заплатили огромный штраф. Вряд ли они вскоре захотят повторить свой подвиг. С аппарированием шутки плохи. Многие взрослые колдуны и то воздерживаются. Уж лучше на метле –тише едешь, дальше будешь.

– А что, и Билл, и Чарли, и Перси – они умеют?

– Чарли сдавал на права два раза, – ухмыльнулся Фред. – Первый раз провалился, аппарировал на пять миль южнее, чем нужно, прямо на голову одной милой старушке, которая шла за покупками – помните?

– Да, но во второй раз он сдал, – заявила миссис Уизли, появившаяся в кухне под дружное фырканье.

– А Перси сдал всего две недели назад, – сказал Джордж, – и с тех пор каждое утро аппарирует на первый этаж – просто доказать, что умеет.

В коридоре раздались шаги, и вошли Гермиона и Джинни, обе бледные и сонные.

– Зачем нам так рано? – Отчаянно продирая глаза, Джинни села за стол.

– Нам придется немного прогуляться, – объяснил мистер Уизли.

– Прогуляться? – удивился Гарри. – Мы что, пойдем на кубок пешком?

– Нет-нет, это далеко, – улыбнулся мистер Уизли. – Пройдемся совсем чуть-чуть. Просто колдунам очень трудно собраться толпой в одном месте, не привлекая внимания муглов. Нам и так-то приходится путешествовать очень осторожно, а уж когда крупное мероприятие, кубок мира…

– Джордж! – резко окликнула миссис Уизли, и все вздрогнули.

– Что? – невинно отозвался Джордж, никого, впрочем, не обманув.

– Что это у тебя в кармане?

– Ничего!

– Не смей врать! – Миссис Уизли указала палочкой на его карман: – Акцио!

Из кармана стремительно вылетела стайка ярких шариков; Джордж цапнул пальцами, но не поймал, и шарики влетели прямо в руку миссис Уизли.

– Вам же велели это уничтожить! – яростно завопила миссис Уизли, держа на ладони не что иное, как помадки «Пуд-Язык». – Сказано же было избавиться! Выверните карманы, оба, живо!

Вышла неприятная сцена; очевидно, близнецы хотели контрабандой вытащить из дома как можно больше помадок, и лишь с помощью призывного заклятия миссис Уизли удалось обнаружить все.

– Акцио! Акцио! Акцио! – выкрикивала она, и конфеты вылетали к ней из самых неожиданных мест, включая подкладку куртки Джорджа и отвороты джинсов Фреда.

– Мы на них полгода ухлопали! – заорал на мать Фред, когда помадки отправились в помойку.

– Замечательный способ убить полгода! – пронзительно завопила в ответ миссис Уизли. – Неудивительно, что вам не удалось нормально сдать на С.О.В.У.

В конечном итоге при отъезде атмосфера в доме была не из благостных. Миссис Уизли целовала мужа на прощание, все еще

недовольно хмурясь, однако Фред с Джорджем ее перещеголяли: молча вскинули рюкзаки на спины и удалились, не сказав матери ни слова.

– Ну, удачно вам повеселиться, – пожелала миссис Уизли. – И *ведите себя как следует!* – прокричала она в спины близнецам, но те не оглянулись и не ответили. – Я отправлю Билла, Чарли и Перси около полудня, – сказала она мистеру Уизли, а затем он, Гарри, Рон, Гермиона и Джинни тронулись в путь.

Было холодно, и на небе еще сияла луна. Лишь тускло-зеленоватая полоска справа на горизонте говорила о том, что рассвет близок. Гарри, размышлявший о тысячах и тысячах колдунов, что спешат к месту проведения финального матча, догнал мистера Уизли.

– А *как* все попадают на матч, чтобы муглы не заметили? – спросил он.

– Огромная организационная проблема, – вздохнул мистер Уизли. – Беда в том, что на игре будет около сотни тысяч колдунов, и, естественно, у нас просто нет волшебного пространства такого размера. Конечно, есть места, куда муглы проникнуть не могут, но ты представь, что получится, если сотня тысяч человек вдруг свалится на Диагон-аллею или на платформу девять и три четверти. Поэтому мы нашли большую пустошь и воздвигли вокруг всю мыслимую и немыслимую противомугловую защиту. Министерство работало многие месяцы. Прежде всего, разумеется, скользящий график прибытия. Те, у кого дешевые билеты, приезжают за две недели. Кое-кто – очень немногие – поедет мугловым транспортом, но нельзя, чтобы в поездах и автобусах было слишком много наших, – колдуны ведь прибывают со всего света. Кто-то, конечно, аппарирует, но им требуются безопасные площадки, чтобы не на голову муглам сыпаться. Я так понял, рядом со стадионом очень удобный лесок для аппарирования. А те, кто не хочет или не может аппарировать, используют портшлюсы. Это такие предметы, которые переносят колдунов с одного места на другое в заранее установленное время. Можно большими группами, если надо. Мы по всей Англии установили в стратегически важных точках двести портшлюсов. Ближайший к нам – на вершине Горностаевой Головы; вот туда мы и идем.

Мистер Уизли показал на огромную черную гору, что возвышалась за деревней Колготтери Сент-Инспекторт.

— А портшлюсы, они какие? — с любопытством спросил Гарри.

— Да любые, — ответил мистер Уизли. — Незаметные, сам понимаешь, такие, чтобы муглам не пришло в голову их подбирать или играть с ними... с виду обычный мусор...

В тишине, нарушающей лишь стуком подошв, они тащились к деревне по темной и мокрой тропе. Пока шли по деревне, небо очень медленно посветлело, чернильную черноту постепенно разбавила темная синева. У Гарри ужасно замерзли руки и ноги. Мистер Уизли поминутно поглядывал на часы.

Путники начали взбираться на Горностаеву Голову, и стало не до разговоров — дыхание перехватывало, они то попадали ногами в кроличьи норы, то поскользывались на кочках, поросших густой черной травой. Каждый вдох отдавался у Гарри в груди острой болью, и мышцы в ногах уже сводило, когда наконец он снова почувствовал под ногами ровную землю.

— Ффу-у, — выдохнул мистер Уизли, снимая очки и вытирая их о джемпер. — Что ж, мы вовремя, у нас еще есть десять минут...

Гермиона поднялась последней, держась за бок.

— Осталось найти портшлюс, — сказал мистер Уизли. Он водрузил очки на нос и, сощурившись, оглядывал землю. — Что-нибудь небольшое... ищите...

Ребята разбрелись. Но не прошло и двух минут, как в неподвижном воздухе разнесся крик:

— Сюда, Артур! Сюда, сынок, вот он!

Над противоположным склоном на фоне звездного неба вырисовывались два высоких силуэта.

— Амос! — воскликнул мистер Уизли и с улыбкой направился к ним. Остальные зашагали следом.

Мистер Уизли пожал руку краснолицему колдуну с неухоженной каштановой бородой — тот держал заплесневелый старый башмак.

— Это Амос Диггори, ребята, — представил мистер Уизли. — Он работает в департаменте по надзору за магическими существами. А с его сыном Седриком вы, я полагаю, знакомы?

Седрик Диггори, удивительно красивый юноша лет семнадцати, учился в «Хогварце» и был капитаном, а также Ловчим квидишной

команды «Хуффльпупфа».

– Привет, – поздоровался Седрик, обводя всех взглядом.

Все ответили «привет», кроме Фреда и Джорджа, которые едва кивнули. Они так и не простили Седрику, что из-за него на первом же квидишином матче прошлого года гриффиндорская команда потерпела поражение.

– Устали, Артур? – спросил Амос.

– Ничего страшного, – отозвался мистер Уизли. – Мы живем прямо за холмом. А вы?

– Пришлось вставать в два – правда, Сед? Да, скажу я вам, поскорее бы он сдал на аппарирование. Хотя... я не жалуюсь... Кубок мира по квидишу! Да я это за мешок галлеонов не пропущу! Кстати, билеты так примерно и стоили. Но, похоже, я еще легко отделался... – Амос Диггори добродушно обвел глазами трех сыновей Уизли, Гарри, Гермиону и Джинни. – Все твои, Артур?

– Да нет, только рыжие. – Мистер Уизли показал на своих детей. – А это Гермиона, подруга Рона, – и Гарри, его друг...

– Мерлинова борода! – Глаза Амоса Диггори расширились. – Гарри? Гарри *Поттер*?

– Эмм... да, – сказал Гарри.

Он привык, что люди на него глазеют, услышав имя, и что их взгляды мгновенно перебегают к шраму на лбу, но все равно ему от этого было крайне неловко.

– Сед, понятно, о тебе говорил, – сообщил Амос Диггори. – И про вашу игру в том году тоже... А я ему тогда и сказал, слышь, говорю, Сед, ты ж потом будешь внукам рассказывать... как ты *обыграл Гарри Поттера!*

Гарри не нашелся, что ответить, и промолчал. Фред с Джорджем моментально надулись. Седрик немного смущился.

– Гарри упал с метлы, пап, – пробормотал он. – Я же объяснял... несчастный случай...

– Ясно! Но ты-то не упал! – добродушно пророкотал Амос, хлопнув сына по спине. – Всегда такой скромный, наш Сед, всегда джентльмен... но выиграл лучший. Гарри тебе скажет то же самое – скажи, Гарри? Кто-то падает с метлы, кто-то держится... Не надо большого ума, чтобы догадаться, который лучше летает!

— Должно быть, уже пора, — поспешил вмешаться мистер Уизли, снова доставая часы. — Остальных ждем? Не знаешь, Амос?

— Нет, Лавгуды уже неделю там, а Фосетты не достали билетов, — ответил мистер Диггори. — Больше ведь в округе никого и нет?

— Я никого больше не знаю, — согласился мистер Уизли. — Так... осталась минута... надо приготовиться... — Он обернулся к Гарри и Гермионе: — Нужно просто дотронуться до портшлюса, хотя бы пальцем...

Сталкиваясь набитыми рюкзаками, восемь человек сгрудились возле старого ботинка, который на вытянутой руке держал Амос Диггори.

Они стояли тесным кружком. На вершину холма налетел холодный ветер. Все молчали. Как странно бы все это выглядело для муглов, внезапно подумал Гарри, случись им появиться здесь... девять человек, двое — взрослые мужчины, стоят в полутиме, хватаются за драный башмак и чего-то ждут...

— Три... — бормотал мистер Уизли, одним глазом косясь на часы, — два... один...

Все произошло мгновенно: Гарри как будто с силой дернули за крючок, прицепленный к пупку. Ноги оторвались от земли; по бокам он чувствовал Рона и Гермиону, они сталкивались с ним плечами; все вместе они летели куда-то в завываниях ветра и вихре разноцветных пятен; башмак как магнит держал Гарри за палец и тащил вперед, а потом...

Подошвы впечатались в почву; Рон врезался в него, и оба упали; портшлюс шмякнулся на землю неподалеку от головы Гарри.

Гарри поднял глаза. Мистер Уизли, мистер Диггори и Седрик, сильно взъерошенные, стояли на ногах; остальные лежали на земле.

— 5:07 от Горностаевой Головы, — сказал голос.

Глава седьмая

Шульман и Сгорбс

Гарри высвободился из-под Рона и поднялся. Приземлились они посреди вересковой пустоши. Над ней поднимался туман. Поблизости стояли два мрачных, усталых колдуна. Один держал большие золотые часы, второй – толстый пергаментный свиток и перо. Оба замаскировались под муглов, правда, очень неискусно; человек с часами надел к твидовому костюму болотные сапоги, а его коллега облачился в понcho поверх килта.

– Доброе утро, Бейзил, – поздоровался мистер Уизли. Он подобрал с земли башмак и протянул колдуну в понcho, а тот швырнул использованный портшлюс в большой ящик. Там Гарри заметил старую газету, пустую банку из-под газировки и дырявый футбольный мяч.

– Приветствую, Артур, – устало ответил Бейзил. – Не на дежурство, нет? Везет же некоторым… А мы тут уже всю ночь… Вы бы лучше проходили поскорей, а то в 5:15 прибывает большая группа из Чернолесья. Подождите, я ваш лагерь найду… Уизли… Уизли… – Он просмотрел пергаментный свиток. – С четверть мили отсюда, первое поле. Распорядителя участка зовут мистер Робертс. Диггори… второе поле… спросите мистера Пейна.

– Спасибо, Бейзил. – И мистер Уизли поманил ребят за собой.

Они пошли вперед, мало что различая вокруг. Минут через двадцать из тумана выплыл каменный домик. Дальше, за воротами, Гарри смутно различил сотни и сотни палаток, поднимающихся по ровному склону большого поля к черному лесу, силуэтом прорисованному на горизонте. Они попрощались с Диггори и подошли к двери домика.

На пороге стоял человек и смотрел вдаль на палатки. С первого же взгляда Гарри стало ясно, что здесь это единственный настоящий мугл. Услышав шаги, мугл обернулся.

– Доброе утро! – бодро сказал мистер Уизли.

– Доброе, – ответил мугл.

– Это вы мистер Робертс?

– Я самый, – ответил тот. – А вы кто?

– Уизли. Пару дней назад я заказывал место на две палатки.

– Ага. – Мистер Робертс проверил список на двери. – Вам вон туда, к лесу. Только на одну ночь?

– Совершенно верно.

– Наверно, заплатите сразу?

– А! Да… конечно… – проговорил мистер Уизли. Он отошел от домика и поманил к себе Гарри. – Помоги, – попросил он, доставая из кармана мугловые деньги, скатанные в трубочку, и отсчитывая бумажки. – Это вот… сколько?.. Десять? Ах да, вот же цифирка… Значит, это пять?

– Это двадцать, – вполголоса поправил Гарри, с неловкостью замечая, что мистер Робертс навострил уши.

– Да-да, точно… Ну, я не знаю, такие крохотные бумажки…

– Вы иностранец? – осведомился распорядитель, когда мистер Уизли вручил ему правильные банкноты.

– Иностранец? – озадачился тот.

– Вы здесь не первый, кто в деньгах путается, – пояснил мистер Робертс, дотошно изучая мистера Уизли. – Десять минут назад двое вообще чуть не всучили мне золотые монеты. Громадные, ну прям колпак колесный.

– Да что вы? – нервно ахнул мистер Уизли.

Мистер Робертс пошарил в консервной банке в поисках сдачи.

– Никогда тут не бывало столько народу, – вдруг сказал он, снова обводя взглядом туманное поле. – Сотни предварительных заказов. Обычно все просто так приезжают…

– Неужели? – Мистер Уизли протянул ладонь за сдачей, но мистер Робертс ничего ему не дал.

– Ага, – протянул он задумчиво. – Со всего света. Куча иностранцев. И не просто иностранцев. Чудики все, понимаете? Видали, мужик разгуливал в килте и пончо?

– А нельзя? – встревожился мистер Уизли.

– Ну, у них тут вроде как бы… ну, я не знаю… вроде слета, что ли, – определил мистер Робертс. – И все знают друг друга. Как на большой вечеринке.

У двери из воздуха материализовался колдун в бриджах.

– Обливиате! – выпалил он, ткнув в мистера Робертса палочкой.

Взгляд мугла мгновенно расфокусировался, озабоченно нахмуренный лоб разгладился, и на лице нарисовалась мечтательная беспечность. Гарри мигом распознал симптомы: так выглядит человек с только что модифицированной памятью.

– Возьмите карту лагеря, – безмятежно предложил распорядитель. – И сдачу.

– Большое спасибо, – ответил мистер Уизли.

Колдун в бриджах проводил их до ворот. Вид у него был изнуренный, давно небритый подбородок отливал синевой, под глазами пролегли темно-лиловые тени. Отойдя на приличное расстояние от мистера Робертса, он пробормотал мистеру Уизли:

– Мне с ним столько хлопот! Без десятка заклятий забвения в день жить не может спокойно! И Людо Шульман тоже хороший! Расхаживает тут и во весь голос рассуждает о Кваффлах и Нападалах, как будто о противомуговой безопасности слыхом не слыхивал! Святое небо, как я буду счастлив, когда все это закончится! Ну, увидимся, Артур.

И он дезаппарировал.

– Я думала, мистер Шульман – глава департамента по колдовским играм и спорту? – удивленно вскинула брови Джинни. – Как же он не соблюдает осторожность? Разве можно говорить про Нападал при муглах?

– Нельзя, – улыбнулся мистер Уизли, пропуская ребят в ворота, – но Людо всегда… мmm… манкировал безопасностью. Зато такого энтузиаста на должность главы спортивного департамента больше не найдешь. Он ведь сам играл в квидиши за сборную Англии. После него у «Обормутских ос» не бывало таких Отбивал.

Они пробирались в тумане меж бесконечных палаток. Большинство выглядели вполне обыкновенно; владельцы явно старались придать им максимальное муглоподобие, хотя не обошлось и без ошибок: тут и там виднелись трубы, или дверные звонки, или флюгеры. А кое-где попадались палатки очевидно волшебные. Нечего и удивляться, что у мистера Робертса возникли подозрения. Посреди поля, например, стояло экстравагантное сооружение из полосатого шелка, больше всего похожее на дворец; у входа прогуливались на поводке несколько настоящих павлинов. Чуть подальше возвышалась трехэтажная

палатка с башенками, а за ней – палатка с садом, кормушкой для птиц, солнечными часами и фонтаном.

– Мы не меняемся, – улыбнулся мистер Уизли. – Как соберемся вместе, не можем друг перед другом не бахвалиться. А смотрите-ка, вот нам куда.

Прямо на опушке леса, над пологим склоном они увидели пустую площадку с маленькой табличкой, вбитой в землю: «Уизли».

– Лучше не придумаешь! – обрадовался мистер Уизли. – Стадион прямо за лесом, мы совсем близко. – Он сбросил рюкзак. – Так, – добавил он в некотором возбуждении, – колдовать, строго говоря, запрещено: мы на мугловой территории, и нас слишком много. Поэтому палатки будем ставить руками! Наверное, это не сложно... Муглы же справляются... Гарри, как ты думаешь, с чего надо начинать?

Гарри ни разу в жизни не ходил в поход; Дурслеи вообще не брали его с собой на отдых, предпочитая оставлять с пожилой соседкой миссис Фигг. Тем не менее они с Гермионой сообразили, как расположить шесты и колышки, и, хотя мистер Уизли больше мешал, чем помогал, – он вошел в раж, когда дело дошло до киянки, – в конце концов обе старенькие двухместные палатки были воздвигнуты.

Все дружно отступили, чтобы полюбоваться плодами своего труда. Никто и никогда не догадается, что эти палатки принадлежат не муглам, подумал Гарри, проблема лишь в том, что, как только прибудут Билл, Чарли и Перси, всего их станет десять человек. Гермиона, видимо, подумала о том же; когда мистер Уизли опустился на четвереньки и залез в одну из палаток, она недоуменно покосилась на Гарри.

– Нам, конечно, будет тесновато, – прокричал мистер Уизли, – но, пожалуй, как-нибудь уместимся! Зайдите, посмотрите.

Гарри пригнулся, занырнул в палатку – и рот его раскрылся от изумления. Он очутился в старомодной трехкомнатной квартирке с ванной и кухней. Поразительно, но обстановка там была точно такая, как у миссис Фигг: на разномастных креслах лежали вязаные салфеточки и сильно пахло кошками.

– Это же ненадолго, – сказал мистер Уизли, вытирая лысину носовым платком и присматриваясь к четырем койкам в спальне. – Я

эту палатку одолжил у Перкинса на работе. Он, бедняга, больше уже не выезжает, у него люмбаго.

Он взял пыльный чайник и заглянул внутрь.

– Надо принести воды...

– Тут на этой карте есть кран, – сообщил Рон. Он влез в палатку вслед за Гарри, но несообразности пропорций нисколько не удивился. – Вот, через поле.

– Давайте вы с Гарри и Гермионой сходите за водой. – Мистер Уизли выдал им чайник и пару кастрюль. – А все остальные наберут хвороста для костра.

– У нас же печка, – заметил Рон, – разве нельзя просто...

– Рон, а защита от муглов?! – воскликнул мистер Уизли, сияя от предвкушения. – Когда настоящие муглы выезжают на природу, они готовят снаружи на кострах, я сам видел!

Быстро заскочив в палатку девочек, которая была чуть меньше, зато кошками не пахла, Гарри, Рон и Гермиона с чайником и кастрюлями отправились через весь лагерь.

Теперь, когда солнце встало и туман рассеялся, ребята ясно видели простирающийся вокруг огромный палаточный город. Они медленно шли по рядам и жадно глазели. До Гарри только сейчас стало доходить, как много в мире ведьм и колдунов; он раньше как-то не думал, что они бывают и в других странах.

Палаточный город просыпался. Первыми поднимались семьи с маленькими детьми; Гарри еще не встречал колдунов и ведьмочек столь нежного возраста. У огромной палатки в форме пирамиды на корточках сидел крошечный мальчик лет двух и самозабвенно тыкал волшебной палочкой в слизняка на травинке, который медленно распухал до размеров салями. Когда ребята поравнялись с ним, из палатки выскочила мать малыша:

– Сколько можно, Кевин! *Не смей – трогать – папину – палочку!..*
Ой-ой!

Она наступила на гигантского слизняка, и тот взорвался. Ее ругань долго и далеко разносилась в неподвижном воздухе, смешиваясь с криками Кевина:

– Ты съямая сизяка! Ты съямая сизяка!

Немного дальше им встретились две маленькие ведьмочки чуть старше Кевина, катавшиеся на игрушечных метлах. Метлы

поднимались совсем невысоко, ноги у девочек задевали росистую траву. Это развлечение заметил колдун – представитель министерства; в спешке просвистев мимо Гарри, Рона и Гермионы, он пробормотал себе под нос:

– Средь бела дня! Родители там небось валяются...

Повсюду из палаток появлялись колдуны и ведьмы и приступали к стряпне. Одни, воровато оглянувшись, склоняясь наколдовывали огонь с помощью волшебных палочек; другие честно, хотя и с сомнением, будто уверенные, что подобная глупость ни за что не сработает, чиркали спичками. Трое колдунов-африканцев в длинных белых одеяниях, погруженные в пресерьезнейшую беседу, на ярко-пурпурном костре жарили нечто вроде кролика, а рядом, под звездно-полосатым транспарантом «Институт салемских ведьм», натянутым между палатками, сплетничала небольшая компания довольных американок среднего возраста. На ходу из палаток до Гарри доносились обрывки фраз на незнакомых языках, и, хотя он не понимал ни слова, ясно было, что абсолютно всеми владеет возбуждение.

– Э-э... Что-то тут все позеленело. Это у меня в глазах или правда? – вдруг спросил Рон.

С глазами у него все было в порядке. Просто ребята подошли к палаткам, густо увитым трилистником. Палатки эти походили на странные, выросшие из-под земли холмики. Тут и там за открытыми пологами широко улыбались лица. Вдруг сзади кто-то окликнул:

– Гарри! Рон! Гермиона!

Перед оплетенной трилистником палаткой сидел Шеймас Финниган, их одноклассник-гриффиндорец, рядом с желтоволосой женщиной, очевидно, своей мамой, и лучшим другом Дином Томасом, тоже гриффиндорцем.

– Красиво у нас? – расплываясь в улыбке, спросил Шеймас, когда Гарри, Рон и Гермиона подошли поздороваться. – Министерские не слишком довольны.

– Вот еще! Нам что, нельзя показать свои цвета? – возмутилась миссис Финниган. – Вы бы видели, чего у болгаров понавешано! Вы, конечно, будете болеть за Ирландию? – спросила она, вперив круглые глаза в Гарри, Рона и Гермиону.

Те заверили ее, что будут болеть, конечно, за Ирландию, и пошли дальше.

– Попробовали бы мы сказать что-нибудь другое! – заметил, впрочем, Рон.

– Интересно, а что понавешано у болгар? – заинтересовалась Гермиона.

– Пошли посмотрим, – предложил Гарри, показав на большое скопище палаток выше по полю, под красно-зелено-белым болгарским флагом.

Эти палатки не украшала растительность, зато на всех без исключения висел плакат с изображением угрюмого густобрового лица. Изображение, разумеется, умело двигаться, но ничего не делало, только моргало и хмурилось.

– Крум, – тихо выговорил Рон.

– Что? – не поняла Гермиона.

– Крум! – воскликнул Рон. – Виктор Крум, Ловчий болгарской команды!

– Мрачный какой-то. – Гермиона обвела глазами внушительное собрание хмурых моргающих Крумов.

– *Мрачный?* – Рон закатил глаза к небесам. – Ну и что? Зато он потрясающий! И очень молодой. Всего восемнадцать или вроде того. Он *гений* – вот погоди, вечером сама увидишь!

Возле крана в конце поля уже выстроилась небольшая очередь. Гарри, Рон и Гермиона встали за двумя колдунами, которые жарко спорили. Один был очень старый, в длинной цветастой ночной рубашке. Второй, очевидно, работал в министерстве; он протягивал старику полосатые брюки и чуть не плакал от отчаяния:

– Просто надень, и все, будь другом, Арчи, нельзя же так разгуливать, мугл на воротах уже заподозрил неладное...

– Я купил это в мугловом магазине, – упрямо твердил старик.

– Муглы это носят. – Муглянки это носят, Арчи, а не муглы. Муглы носят вот это, – объяснил представитель министерства и потряс брюками.

– Нет уж, спасибо, это я не надену, – вознегодовал престарелый Арчи. – Задница должна проветриваться.

Тут Гермиону одолел такой хохот, что она выпала из очереди и вернулась, лишь когда Арчи уже набрал воды и удалился.

Назад ребята шли медленнее, потому что нести воду было тяжело. Везде мелькали знакомые лица: ученики «Хогварца» и их родные. Оливер Древ, только что закончивший школу, потащил Гарри к своей палатке, познакомиться с родителями, и в восторге рассказал, что его зачислили в резервную команду «Малолетстон Юнайтед». Потом их отловил Эрни Макмиллан, четвероклассник из «Хуффльпуффа», а немного погодя они увидели Чо Чан, очень красивую девочку, Ловчую «Вранзора». Она заулыбалась и помахала Гарри, и тот, замахав в ответ, сильно облился. Чтобы Рон перестал скалиться, Гарри поспешил показать на большую группу незнакомых подростков.

— Как ты думаешь, это кто? — спросил он. — Они ведь не из «Хогварца»?

— Наверно, из какой-нибудь иностранной школы, — ответил Рон. — Я знаю, что эти школы есть, но сам ни разу никого оттуда не встречал. Билл переписывался с кем-то из Бразилии... давным-давно... он тогда еще хотел поехать учиться по обмену, но у родителей не было денег. А когда Билл написал, что не приедет, этот бразильский друг жутко разобиделся и прислал заговоренную шляпу. У Билла от нее уши засохли и все сморщились.

Гарри посмеялся, но не стал вслух изумляться существованию других колдовских школ. Теперь, когда кругом кишили представители самых разных национальностей, он понял, насколько глупо было не отдавать себе отчета в том, что «Хогварц» — далеко не единственная школа колдовства. Он покосился на Гермиону — та нисколько не удивилась. Вне всякого сомнения, прочла о других колдовских школах в какой-нибудь книжке.

— Сто лет пропадали, — бросил Фред, когда ребята наконец вернулись.

— Встретили кой-кого, — объяснил Рон, опуская кастрюлю. — А вы еще даже костер не развели?

— Папа играет со спичками, — сказал Фред.

Мистер Уизли и впрямь не достиг успехов в деле разведения огня, но не потому, что не старался. Земля вокруг него была усеяна поломанными спичками, но лицо у мистера Уизли сияло так, словно к нему после долгих лет пришло настоящее счастье.

– Ой! – У него вдруг получилось зажечь спичку, и от удивления он тут же ее уронил.

– Дайте мне, мистер Уизли, – ласково сказала Гермиона, забрала коробок и стала показывать, как это делается.

Наконец им удалось развести огонь, но прошел целый час, прежде чем костер разгорелся и на нем стало можно готовить. Впрочем, пока они ждали, им было на что посмотреть. Как выяснилось, их палатки располагались у главной тропинки к стадиону, и мимо, радушно приветствуя на ходу мистера Уизли, то и дело пробегали представители министерства. Мистер Уизли вкратце рассказывал, кто есть кто, в основном для Гарри и Гермионы – его собственные дети давно наслушались о министерских делах и особо не интересовались.

– Это Катберт Мокритц, начальник отдела по связям с гоблинами… а вот Гилберт Темниль, он из комитета экспериментальной магии, эти рожки у него уже довольно давно… Здорово, Арни… Арнольд Муротворс – амнезиатор, член бригады по размагничиванию в чрезвычайных ситуациях, ну, вы знаете… А это Кешифроу и Дод… они Неописуемые…

– Кто?

– Работают в департаменте тайн, сверхсекретный отдел, понятия не имею, чем занимается…

Огонь в конце концов разогрелся, и стоило поставить вариться яйца и сосиски, как из леса вышли Билл, Чарли и Перси.

– Только-только аппарировали, пап, – во всеуслышание объявил Перси. – А, обед! Великолепно!

Они уже наполовину уничтожили сосиски и яйца, когда мистер Уизли вдруг вскочил, замахал руками и разулыбался человеку, который вальяжно приближался к их костру.

– Ага! – вскричал мистер Уизли. – Персона дня! Людо!

Едва ли Гарри встречал людей заметнее, даже если учесть старика Арчи в ночной рубашке. Людо был одет в длинную квидишную форму в широкую черно-желтую полоску, с яркой картинкой на груди – огромной осой. Человек мощного телосложения, Людо явно перестал за собой следить; мантия туга обтягивала пузо, которое, надо полагать, отсутствовало в те времена, когда он играл за сборную Англии. Нос ему когда-то сломали (наверное, Нападалой, подумал Гарри), но

круглые голубые глаза, короткие светлые волосы и цветущий вид создавали образ очень крупного школьника-переростка.

– Эгей! – радостно завопил Шульман. Он шагал как на пружинках и очевидно пребывал в эйфории. – Артур, старина! – пропыхтел он, подходя к костру. – Какой день, а? Какой день! Ну скажи, ты видел погоду идеальнее? Ночь будет безоблачной... и подготовлено все безупречно... мне и делать-то нечего!

За его спиной промчался отряд измочаленных министерских колдунов – на бегу они тыкали пальцами в разведенный где-то вдалеке волшебный огонь, высоко и обильно искрививший фиолетовым.

Перси поспешил к Людо, выставив руку. Видимо, все-таки желал произвести на Шульмана хорошее впечатление, хоть и не одобрял его манеры руководства.

– А, ну да, – улыбнулся мистер Уизли, – это мой сын Перси, совсем недавно работает в министерстве, – а это Фред – нет, это Джордж, извини, – вот *это* Фред – Билл, Чарли, Рон – моя дочь Джинни – и друзья Рона, Гермиона Грейндженер и Гарри Поттер.

Услышав имя Гарри, Шульман едва заметно на него покосился, а затем его глаза совершили предсказуемый взлет к шраму.

– Дети, – продолжал мистер Уизли, – а это Людо Шульман, вы знаете, кто он такой, и это он достал нам такие хорошие места...

Шульман засиял, но замахал рукой – мол, пустяки.

– Хочешь поставить на матч, Артур? – с воодушевлением предложил он, позвенев изрядным количеством монет в карманах черно-желтой мантии. – Мы уже заключили пари с Родди Понтнером – он считает, Болгария первой забьет гол, – я даже предложил ему симпатичную ставочку, притом что я давно не видел такой сильной тройки нападения, как у ирландцев, – а малышка Агата Тиммс поставила половину акций своей угревой фермы на то, что матч продлится неделю.

– О... что ж, давай, – пробормотал мистер Уизли. – Галлеон на то, что Ирландия выиграет?

– Галлеон? – В голосе Людо Шульмана прозвучало легкое разочарование, но он быстро спохватился. – Чуденько, чуденько... Кто-нибудь еще?

– Им пока рано играть в азартные игры, – вмешался мистер Уизли, – Молли будет недово...

— Мы ставим тридцать семь галлеонов, пятнадцать сиклей и три кнуда, — объявил Фред (они с Джорджем быстро подоставали деньги), — что Ирландия выиграет — но Проныру поймает Виктор Крум. Да, и еще мы добавим фальшивую палочку.

— Зачем мистеру Шульману такая глупость?.. — зашипел Перси.

Но мистер Шульман вовсе не считал, что фальшивая палочка — глупость; напротив, едва он принял палочку из рук Фреда, мальчишеское лицо засияло от восторга, а когда она громко пискнула и превратилась в резинового цыпленка, Шульман восторженно захахотал.

— Здорово! Никогда не встречал более убедительной подделки! Я дам вам за нее пять галлеонов.

Перси застыл в потрясенном возмущении.

— Мальчики, — очень тихо проговорил мистер Уизли, — мне бы не хотелось, чтобы вы делали ставки... это же все ваши сбережения... мама рассер...

— Артур, ну не будь ты занудой! — загрохотал Людо Шульман, оживленно звеня карманами. — Они уже вполне взрослые и отлично знают, чего хотят! Значит, Ирландия выиграет, но Крум поймает Проныру? Ни в каком разе, мальчики, ни в каком разе... Вам я тоже предложу симпатичненькие условия... и мы добавим сюда пять галлеонов за эту забавную палочку — верно?..

Людо Шульман молниеносно выудил записную книжку и нацарапал в ней имена близнецов. Мистер Уизли беспомощно взирал на эту сцену.

— Спасиочки, — сказал Джордж, получив от Шульмана обрывок пергамента и бережно его спрятав.

Шульман, очень довольный, снова повернулся к мистеру Уизли:

— Слушайте, а вы мне чайку не заварите? Я, кстати, ищу Барти Сгорбса. Мой болгарский коллега меня уже допек — ни черта не понимаю, что он говорит. Барти мне поможет. Он, по-моему, знает сто пятьдесят языков.

— Мистер Сгорбс? — вмешался Перси, внезапно превращаясь из дико недовольной статуи в фонтан восторга. — Он их знает более двухсот! Он говорит по-русалочьи, и по-троллиному, и на гоблиберде...

— По-троллиному каждый дурак может, — отмахнулся Фред, — тычешь пальцем и утробно рычишь, делов-то.

Перси одарил Фреда очень яростным взглядом и свирепо поворотил поленья, чтобы чайник снова закипел.

— Людо, а от Берты Джоркинс что-нибудь слышно? — спросил мистер Уизли.

— Ни шиша, — успокоительно обронил Шульман, вальяжно развалившись на траве у костра. — Но она объявится. Бедняжка… память как дырявый котел плюс полный географический кретинизм. Зуб даю, потерялась. Потом вдруг придет на работу в октябре, считая, что на дворе июль.

— А тебе не кажется, что пора посыпать на поиски? — осторожно спросил мистер Уизли.

Перси протянул Шульману чай.

— Вот и Барти Сгорбс без конца о том же, — невинно распахнул глаза Шульман, — но нам, честное слово, просто некого сейчас послать! Ой, смотрите-ка! Вспомни его — и он появится! Барти!

К костру аппарировал колдун — ничего общего с Людо Шульманом. Барти Сгорбс, пожилой и чопорный, держался очень прямо и был одет в безупречного покроя и идеальной чистоты костюм с галстуком. Пробор в коротких седых волосах едва ли не отвращал своей прямизной, а усы щеточкой были подстрижены ровно, точно по линейке. Начищенные ботинки сияли. Гарри сразу понял, отчего Перси боготворит этого человека. Перси всегда ратовал за четкое следование правилам, а мистер Сгорбс столь дотошно выполнил указания по части мугловской одежды, что легко сошел бы за банковского управляющего, — вряд ли даже дядя Вернон распознал бы его истинную сущность.

— Падай на травку, Барти, — весело предложил Людо, похлопав по земле.

— Нет, спасибо, Людо, — ответил Сгорбс, и в его тоне прозвучал нетерпеливый укор. — Я всюду тебя разыскиваю. Болгары просят в Высшей ложе еще двенадцать мест.

— Ах, так вот им чего надо! — воскликнул Шульман. — А я-то решил, что мужику «да винца б местного». Такой жуткий акцент!

— Мистер Сгорбс! — еле слышно произнес Перси. Он согнулся в полупоклоне и стал похож на горбуну. — Не хотите чашечку чая?

— О... — Мистер Сгорбс в легком удивлении воззрился на Перси. — Да... спасибо, Уизерби.

Фред с Джорджем хрюкнули в чашки. Перси, с сильно порозовевшими ушами, занялся чайником.

— Кстати, я и с тобой, Артур, тоже хотел поговорить. — Мистер Сгорбс перевел острый взгляд на мистера Уизли. — Али Башир вышел на тропу войны. Он хочет перемолвиться с тобой парой слов по поводу эмбарго на ковры-самолеты.

Мистер Уизли тяжело вздохнул:

— Я посыпал ему сову еще на прошлой неделе. Я ли ему не говорил сто, может, тысячу раз: ковры, как мугловый артефакт, внесены в реестр запрещенных к зачаровыванию объектов. Но разве он будет слушать?

— Сомневаюсь, — бросил мистер Сгорбс, принимая из рук Перси чашку. — Он прямо жаждет экспорттировать.

— Ну у нас в Англии они же никогда не заменят метел, правда? — вставил Шульман.

— Али считает, что для них есть ниша на рынке семейных транспортных средств, — пояснил мистер Сгорбс. — У моего деда, помнится, был аксминстерский ковер на двенадцать персон — но, разумеется, тогда ковры еще не запретили.

Он сказал это так, чтобы ни у кого не осталось ни малейшего сомнения: все его предки строго следовали букве закона.

— Стало быть, дел по горло, Барти? — беспечно осведомился Шульман.

— Хватает, — сухо ответил мистер Сгорбс. — Организовать движение портшлюсов на пяти континентах — это не пустяки, Людо.

— Вы, наверное, оба будете счастливы, когда чемпионат закончится? — спросил мистер Уизли.

Людо Шульмана шокировал такой вопрос.

— Счастливы? Да я не помню, когда последний раз столько развлекался!.. Но нам есть чего ждать от жизни — да, Барти? Многое еще предстоит организовать, а?

Мистер Сгорбс высоко поднял брови:

— Мы же договорились не делать заявлений, пока все детали...

— Подумаешь, детали! — Шульман отмахнулся от этого слова, как от стаи мошкарь. — Они ведь уже проработаны? Ставлю что угодно, наши

детишки все равно скоро узнают. Это же будет в «Хогварце»...

— Людо, нас ждут болгары, — напомнил мистер Сгорбс, резко обрывая Шульмана. — Спасибо за чай, Уизерби.

Он ткнул в руки Перси чашку, из которой даже не отпил, и подождал, пока встанет Людо; Шульман грузно поднялся на ноги, одновременно заглатывая остатки чая. Денежки у него в карманах весело позвякивали.

— Увидимся! — выкрикнул он. — Будем вместе в Высшей ложе — я за комментатора! — Он помахал, Барти Сгорбс вежливо кивнул, и оба дезаппарировали.

— А что будет в «Хогварце», пап? — незамедлительно поинтересовался Фред. — О чем это они?

— Очень скоро вы все узнаете, — улыбнулся мистер Уизли.

— Это секретная информация, не подлежащая разглашению вплоть до специального решения министерства, — чопорно объявил Перси. — Мистер Сгорбс абсолютно прав, что ее не раскрывает.

— Заткнитесь, Уизерби, — любезно сказал Фред.

День длился, и всеобщее радостное возбуждение окутывало лагерь физически ощутимым облаком. К сумеркам даже сам по-летнему теплый воздух словно дрожал от предвкушения, и, когда тьма занавесом опустилась над многотысячной толпой, последние попытки соблюдать осторожность были оставлены: министерство смирилось с неизбежным и бросило бороться с откровенным волшебством, которое стущалось поминутно.

Через каждые несколько футов в воздухе возникали фигуры только что аппарировавших торговцев с лотками и тележками самого необычного товара. Они продавали светящиеся розетки — зеленые за Ирландию и красные за Болгию, — которые выкрикивали имена игроков; остроконечные зеленые шляпы, увитые танцующим трилистником; болгарские шарфы, украшенные львами, которые взаправду рычали; флаги обеих стран, исполнявшие национальные гимны, еслиими размахивать, и миниатюрные модели «Всполоха», которые по-настоящему летали, и фигурки знаменитых игроков, которые гордо расхаживали по ладони.

— Я все лето на это копил, — поведал Рон Гарри, когда они вместе с Гермионой бродили среди продавцов сувениров. Рон купил себе шляпу с танцующим трилистником и большую зеленую розетку, но еще он

купил маленького Крума, болгарского Ловчего. Миниатюрный Крум разгуливал по ладони Рона и свирепо хмурился на зеленую розетку.

– Ух ты, смотрите! – крикнул Гарри и побежал к тележке, доверху набитой медными биноклями. Они, правда, все были в каких-то чудных кнопочках и циферблатах.

– Купите омниокуляр, – с энтузиазмом предложил продавец. – Смотрите, тут есть повтор… замедление… и, если нужно, он может проигрывать детальный разбор момента. Всего десять галлеонов за пару, если возьмете три.

– Ну вот, и зачем я только купил это? – Рон кивнул на шляпу и бросил страстный взгляд на омниокуляр.

– Три пары, – твердо сказал Гарри продавцу.

– Ты что… не надо. – Рон покраснел. Он всегда болезненно воспринимал то обстоятельство, что Гарри, унаследовавший от родителей небольшое состояние, гораздо богаче его.

– Зато на Рождество ничего не получишь, – успокоил Гарри, всучив ему и Гермионе по омниокуляру. – Еще лет десять, учти.

– Идет, – ухмыльнулся Рон.

– О-о-о, спасибо, Гарри, – сказала Гермиона, – а я тогда куплю программки…

Значительно облегчив кошельки, они отправились назад к палаткам. Билл, Чарли и Джинни тоже надели зеленые розетки, а мистер Уизли размахивал ирландским флагом. Фред с Джорджем остались без сувениров – все их деньги ушли к Шульману.

И тут откуда-то из-за леса раздался глубокий, гулкий удар гонга, от которого мгновенно ожили красные и зеленые фонарики. Они зажглись среди деревьев, освещая путь к стадиону.

– Пора! – воскликнул мистер Уизли. Он оживился не меньше детей. – Пошли скорее!

Глава восьмая

Кубок мира

Сжимая свои приобретения, с мистером Уизли во главе, ребята по тропе под фонариками шли по лесу. Отовсюду доносился шум многотысячной толпы – шорохи, возгласы, смех, обрывки песен. Общее лихорадочное возбуждение заражало до крайности; губы у Гарри сами расползались в широкой улыбке. Они шагали минут двадцать, громко разговаривая и перешучиваясь, и наконец вышли за лесом. Перед ними открылся гигантский стадион, окруженный необъятной золотой стеной. И хотя в темноте была видна лишь часть этой стены, Гарри стало понятно, что внутри свободно поместились бы десять кафедральных соборов.

– Рассчитан на сто тысяч мест, – сказал мистер Уизли, заметив его ошеломление. – Пять сотен министерских работали целый год. Каждый дюйм этой стены покрыт муглорепеллентным заклятием. Весь год, стоило муглам подойти, как они тут же вспоминали об очень срочных делах и убегали… бедняжки, – ласково прибавил он и повел ребят к ближайшему входу, у которого роилась шумная толпа ведьм и колдунов.

– Лучшие места! – воскликнула билетерша. – Высшая ложа! По лестнице, Артур, на самый верх.

Лестница была устлана ковром сочного пурпурного цвета. Они поднимались в густой толпе, которая постепенно рассеивалась, расходясь вправо и влево на трибуны. Но мистер Уизли и его команда продолжали карабкаться. В конце концов они достигли вершины и оказались в небольшой ложе, на самом верху, ровно посередине между золотыми шестами. Здесь в два ряда стояло примерно двадцать пурпурных кресел с позолотой. Гарри вместе со всеми Уизли уселся в первом ряду, и перед ним открылась невообразимая картина.

Столы тысяч колдунов и ведьм постепенно заполняли многоуровневые трибуны, окружавшие длинное овальное поле. Все было окутано таинственным золотистым сиянием – будто сам стадион

светился. С высоты поле казалось ровным и гладким как бархат. На противоположных концах стояло по три пятидесятифутовых шеста с кольцами. Напротив Высшей ложи, почти прямо перед Гарри, располагалась гигантская грифельная доска. По ней бежали золотые строчки, словно чья-то невидимая рука писала, а затем стирала их с доски; понаблюдав еще, Гарри понял, что это реклама.

«Гуртензия»: метла для всей семьи – надежная, безопасная, со встроенной противоугонной сигнализацией... «Универсальный гигиент миссис Шваберс»: без труда – ни следа!.. «Модные магазины О’Требъена» – колдовская одежда из Лондона, Парижа, Хогсмеда...

Гарри оторвал взгляд от доски и посмотрел через плечо: кто еще сидит в Высшей ложе? Пока никого не было, кроме одного крохотного создания, занимавшего предпоследнее место в заднем ряду. Короткие ножки не свешивались с кресла, а торчали вперед, тельце на манер тоги окутывало кухонное полотенце, а лицо пряталось в ладонях. Тем не менее эти большие, как у летучей мыши, уши показались Гарри смутно знакомыми...

– *Добби?* – в изумлении спросил он.

Крохотное существо подняло голову и раздвинуло пальцы, обнаружив громадные карие глаза и нос, размером и формой сильно напоминавший крупный помидор. Это был не Добби – которого Гарри не так давно освободил от прежних хозяев, Малфоев, – но, несомненно, тоже домовый эльф.

– Сэр назвал меня Добби? – удивленно пропищал эльф, не отнимая пальцев от лица. Голос был еще выше, чем у Добби, тихонький, дрожащий писк, и Гарри заподозрил – хотя с домовыми эльфами не разберешь, – что это, кажется, девочка.

Рон с Гермионой резко обернулись. Они много слышали о Добби, но сами никогда его не видели. Даже мистер Уизли посмотрел с интересом.

– Извините, – сказал Гарри эльфу, – я вас перепутал с одним моим знакомым.

– Но я тоже знаю Добби, сэр! – пискнул эльф. Он, то есть она, закрывала лицо руками, как будто ее слепило, хотя Высшая ложа вовсе не была ярко освещена. – Меня зовут Винки, сэр... а вы, сэр, –

остановившись на шраме, карие глаза расширились и стали как блюдца, – вы, сэр, точно будете Гарри Поттер!

– Да, точно, – подтвердил Гарри.

– Но Добби только о вас и твердит, сэр! – Винки чуточку опустила руки. Вид у нее был ошеломленный.

– Как у него дела? – поинтересовался Гарри. – Как ему свобода?

– Ах, сэр, – Винки покачала головой, – ах, сэр, не хочу вас обижать, сэр, но вот мое мнение, сэр, что вы не очень-то помогли Добби, когда дали ему свободу.

– Почему? – Гарри этого совершенно не ожидал. – Что с ним такое?

– Свобода ему в голову ударила, сэр, – грустно ответила Винки. – Много стал о себе понимать, сэр. Не сыскать ему работы, сэр.

– Почему?

Винки понизила голос на пол-октавы и прошептала:

– *Подавай ему заработную плату, сэр.*

– Плату? – тупо повторил Гарри. – А... что тут плохого?

Винки была так глубоко потрясена его словами, что немножко сдвинула пальцы и снова почти спрятала лицо.

– Домовым эльфам не платят, сэр! – приглушенно пискнула она. – Нет-нет-нет, я Добби так и сказала, иди, говорю, найди себе хорошую семью и угомонись, Добби. А у него-то в голове *идеи*, а это ж эльфу не подобает. Будешь так продолжать, Добби, это я ему говорю, тебя сцепают и в момент свалокут в департамент по надзору за магическими существами, будто гоблина какого.

– Вообще-то, – сказал Гарри, – ему бы давно пора отдохнуть.

– Домовым эльфам отдыхать не след, Гарри Поттер, – твердо заявила Винки из-под пальцев. – Домовые эльфы должны выполнять, чего сказано. Я вот смерть как не люблю высоты, Гарри Поттер, – она глянула на край ложи и судорожно сглотнула, – но, коли хозяин велит тут сидеть, я и сижу, сэр.

– Зачем же он посыпает вас сюда, если знает, что вы боитесь высоты? – нахмурился Гарри.

– Хозяин... хозяин велел мне держать для него место, Гарри Поттер, он очень занятой человек, – объяснила Винки, мотнув головой на соседнее пустое кресло. – Винки очень бы хотела вернуться в палатку хозяина, Гарри Поттер, но Винки всегда выполняет, чего ей велят, Винки хороший домовый эльф.

Она еще раз испуганно глянула на край ложи и в ужасе сомкнула пальцы. Гарри повернулся к остальным.

– Значит, это домовый эльф? – пробормотал Рон. – Странные они какие.

– Это ты еще Добби не видел, – с жаром заявил Гарри.

Рон достал омниокуляр и принялся проверять, как он работает, рассматривая людей на противоположной трибуне.

– Вот это да! – завопил он, вертя рычажок повторного проигрывания. – Я могу заставить вон того старика еще раз поковырять в носу... и еще... и еще...

Гермиона тем временем с воодушевлением листала программку в бархатной обложке с кисточкой.

– Перед матчем выступят группы поддержки команд, – прочитала она вслух.

– О, это всегда интересно, – сказал мистер Уизли. – Сборные привозят с собой волшебных существ своей родины, что-то вроде талисманов, ну и чтобы, как говорится, себя показать...

Следующие полчаса ложа постепенно заполнялась зрителями. Мистер Уизли без конца здоровался за руку с явно очень важными работниками министерства. Перси до того часто вскакивал на ноги, что со стороны могло показаться, будто его посадили на ежа. А когда в ложу вошел сам министр магии Корнелиус Фудж, Перси поклонился так низко, что у него свалились и разбились очки. Донельзя смущившись, он починил их волшебной палочкой и больше с кресла не вставал, но завистливо косился на Гарри, которого Корнелиус Фудж приветствовал как доброго знакомого. Им раньше доводилось встречаться, и Фудж отечески потряс руку Гарри, спросил, как дела, и представил другим колдунам.

– Гарри Поттер, вы его знаете! – громко прокричал он болгарскому министру, облаченному в роскошное одеяние из черного бархата, отороченного золотом. Тот, по всей видимости, не понимал по-английски ни слова. – *Гарри Поттер...* ах, да что же это такое... вы знаете, кто он... мальчик, которого не смог убить Сами-Знаете-Кто... вы *точно* его знаете...

Болгарский министр вдруг заметил шрам и, тыча в него пальцем, громко и безостановочно залопотал.

— Наконец-то разобрались, — устало вздохнул Фудж, обращаясь к Гарри. — У меня с языками не очень, тут нужен Барти Сгорбс. А, да вот же и его домовый эльф место ему занял... очень кстати, а то эти болгарские морды выпрашивали себе все лучшие места... Смотрите-ка, Люциус!

Гарри, Рон и Гермиона дружно повернулись. По второму ряду к трем пустующим креслам — прямо позади мистера Уизли — пробирались не кто иные, как бывшие хозяева Добби: Люциус Малfoy, его сын Драко и какая-то дама, очевидно, мать Драко.

Гарри и Драко Малfoy стали лютыми врагами с самой первой поездки в «Хогварц-экспрессе». Бледный мальчик с острым лицом и платиновыми волосами, Драко очень сильно походил на отца. Его мать, тоже блондинка, высокая и стройная, была бы красавицей, если бы не гримаса — как будто под носом у нее намазано чем-то вонючим.

— А, Фудж, — поравнявшись с министром, произнес мистер Малfoy и протянул руку. — Как поживаете? Вы, кажется, не знакомы с моей женой? Нарцисса... и наш сын Драко.

— Очень приятно, очень приятно, — забормотал Фудж, расплываясь в улыбке и кланяясь миссис Малfoy. — Позвольте и мне представить вам мистера Обланск... Обалонск... мистера... короче, это болгарский министр магии, и он все равно по-английски не понимает ни слова, так что не обращайте внимания. Давайте посмотрим, кто тут еще, — полагаю, с Артуром Уизли вы знакомы?

Повисло очень напряженное молчание. Мистер Уизли и мистер Малfoy посмотрели друг на друга, и Гарри живо припомнилась их последняя встреча: она произошла в книжном магазине Завитуша и Клякца и закончилась дракой. Мистер Малfoy смерил мистера Уизли ледяным взглядом стальных глаз, а потом осмотрел передний ряд кресел.

— Святое небо, Артур, — тихо сказал он, — как же ты достал билеты в Высшую ложу? Вряд ли за твой дом столько дали?

Фудж, не слушая, радостно поведал:

— Артур, Люциус сделал очень щедрое пожертвование в пользу больницы святого Лоскута, Института причудливых повреждений и патологий. Он здесь по моему приглашению.

— Как... мило, — с натянутой улыбкой выдавил мистер Уизли.

Мистер Малфой перевел глаза на Гермиону, та порозовела, но решительно встретила его взгляд. Гарри отлично понимал, почему губы мистера Малфоя кривятся в неприятной ухмылке. Малфои кичились тем, что они чистокровные колдуны, и всех, кто происходил из семей муглов, держали за второй сорт. Однако перед министром магии мистер Малфой не мог себе позволить неподобающих замечаний. Он презрительно кивнул мистеру Уизли и направился к своему месту. Драко одарил Гарри, Рона и Гермиону высокомерным взором и устроился между родителями.

– Скользкие твари, – пробормотал Рон, и ребята отвернулись к игровому полю. В тот же миг в ложу ввалился Людо Шульман.

– Все собрались? – хохотнул он. Круглая физиономия сияла, как большая и радостная голова эдамского сыра. – Министр, готовы начинать?

– Если ты готов, Людо, то и я тоже, – доброжелательно заверил Фудж.

Людо стеганул палочкой, направил ее себе на горло, произнес:

– Сонорус! – а потом заговорил, перекрывая рокот толпы, уже до отказа заполнившей стадион; голос его эхом разносился повсюду, достигая каждого уголка трибун: – Леди и джентльмены... добро пожаловать! Добро пожаловать на финальную игру четыреста двадцать второго чемпионата мира по квидишу!

Зрители заорали и зааплодировали. В воздухе заплескались тысячи флагов, и в общий шум влились нестройно исполняемые национальные гимны. Огромная грифельная доска очистилась от последнего рекламного сообщения («Всевкусные орешки Берти Ботта – острота ощущений гарантирована!») и теперь показывала следующее: «БОЛГАРИЯ: 0, ИРЛАНДИЯ: 0».

– А сейчас, без дальнейших промедлений, позвольте представить... группа поддержки Болгарии!

Правая сторона трибун, сплошная масса алого, одобрительно заревела.

– Интересно, что они привезли? – Мистер Уизли подался вперед. – А-ах! – Он вдруг сорвал с носа очки и торопливо протер их подолом мантии. – Вейлы!

– А кто это та?..

На поле, отвечая на вопрос Гарри, выскоцнуло не меньше сотни вейл. Это были женщины... самые прекрасные женщины, каких Гарри видел в своей жизни... только они были не... просто не могли быть... люди. Это озадачило Гарри: кто же тогда они, отчего их кожа так серебристо сияет и почему их бело-золотые волосы так красиво развеваются, когда ветра совсем нет?.. Но заиграла музыка, и Гарри перестала интересовать нечеловеческая природа вейл – да и все остальное тоже.

Вейлы затащевали, и в голове у Гарри воцарилась абсолютная и блаженная пустота. Только бы вейлы не прекращали свой танец, потому что иначе произойдет ужасное...

Танец ускорялся, и дикие, неясные мысли заворочались в одурманенном мозгу. Гарри захотелось совершить что-нибудь героическое, прямо сейчас. Пожалуй, он спрыгнет из ложи на поле... хорошая мысль... Но, может, этого мало?

– Гарри, *что* ты делаешь?! – откуда-то издалека вскрикнула Гермиона.

Музыка смолкла. Гарри моргнул. Он стоял, задрав ногу на край ложи. Рядом с ним застыл Рон – в такой позе, будто собрался прыгать с трамплина.

Отовсюду неслись сердитые крики. Народ не хотел отпускать вейл. Гарри всем сердцем был за них; разумеется, он станет болеть за Болгарию. Он с недоумением посмотрел на зеленый трилистник, приколотый к груди. Рон рассеянно обрывал трилистник со шляпы. Мистер Уизли с легкой улыбкой забрал шляпу у него из рук.

– Это тебе еще понадобится, – заверил он, – когда ирландцы скажут свое слово.

– А? – Рон с открытым ртом смотрел на вейл, построившихся вдоль края поля.

Гермиона громко прищелкнула языком. Затем силой усадила Гарри на место.

– *Ну честное слово!* – сказала она.

– А теперь, – загремел голос Людо Шульмана, – будьте любезны поднять палочки... и поприветствуйте группу поддержки Ирландии!

В следующее же мгновение на стадион ворвалась огромная зелено-золотая комета. Она描画了 круг над игровым полем, разбралась на две кометы поменьше, и обе понеслись к шестам. Между двумя

световыми шарами над полем внезапно повисла радуга. Толпа откликнулась громкими «о-о-ох!» и «а-а-ах!», как при фейерверке. Радуга побледнела, световые шары воссоединились и сложились в огромный трепещущий трилистник, который воспарил высоко в небо и полетел над трибунами. Из него посыпался... да, золотой дождь.

– Здорово! – заорал Рон, когда трилистник просвистел и над ними. Отскакивая от голов и от кресел, сверху падали тяжелые золотые монеты. Прищурившись, Гарри разглядел, что трилистник состоит из тысяч и тысяч крошечных бородатых мужичков в красных жилетках, с зелеными и золотыми фонариками в руках.

– Лепреконы! – поверх оглушительных аплодисментов воскликнул мистер Уизли.

Многие на трибунах, отталкивая друг друга, рылись под сиденьями, собирая золото.

– Вот, возьми! – завопил счастливый Рон, пихнув горсть золотых монет в руку Гарри. – Это за омниокуляр! Теперь тебе придется покупать мне на Рождество подарок, ха!

Огромный трилистник распался, лепреконы спустились на поле против вилий и, усевшись по-турецки, подготовились наблюдать за матчем.

– Леди и джентльмены... болгарская национальная квидишная сборная! Встречайте: Димитров!

Укутанная в красное фигура на метле стремительно, размытым пятном, под оглушительный ор болгарских болельщиков выстрелила в воздух откуда-то из двери далеко внизу.

– Иванова!

Вылетела вторая фигура в алой мантии.

– Зограф! Левски! Вулчанов! Волков! И-и-и-и-и – Крум!

– Вот он, вот он! – заорал Рон, поворачивая за Крумом омниокуляр; Гарри быстро настроил свой.

Виктор Крум был худой и темноволосый, с землистым лицом, большим носом и черными густыми бровями. Он походил на огромную хищную птицу. Не верилось, что ему всего восемнадцать.

– А сейчас, прошу приветствовать – ирландская национальная квидишная сборная! – надрывался Шульман. – Встречайте: Коннолли! Райан! Трой! Маллет! Моран! Квигли! И-и-и-и-и – Линч!

На поле вылетели семь зеленых пятен; Гарри повертел колесико на омниокуляре, замедлил движение игроков и смог прочесть слово «Всполох» на метлах, а также фамилии, вышитые серебром на спинах.

– К нам, проделав далекий путь из Египта, прибыл наш судья, горячо любимый колдун – председатель Международной квидишиной ассоциации Хассан Мустафа!

На поле вышел маленький худосочный колдун в золотой, под цвет стадиона, мантии, совершенно лысый, но с усами, которым позавидовал бы сам дядя Вернон. Из-под усов торчал серебряный свисток, под мышками колдун нес большой деревянный ящик и метлу. Гарри повернул регулятор скорости назад в нормальное положение и внимательно посмотрел, как Мустафа оседлал метлу и пинком открыл ящик – откуда вырвались четыре мяча: красный Кваффл, два черных Нападалы и (Гарри видел его лишь долю секунды, прежде чем он исчез из виду) миниатюрный крылатый Золотой Проныра. Резко свистнув, Мустафа взмыл в небо вслед за мячами.

– И-и-и-и-и-и – СТАРТ! – завизжал Шульман. – И – Маллет! Трой! Моран! Димитров! Снова Маллет! Трой! Левски! Моран!

Такого квидиша Гарри еще не видел. Он так крепко прижимал омниокуляр к глазам, что дужка очков впивалась в переносицу. Игроки летали с неправдоподобной скоростью – Кваффл переходил от одного Охотника к другому так быстро, что Шульман едва успевал называть фамилии. Гарри повернул колесико «замедление» справа на омниокуляре, нажал кнопку «детальный просмотр» и стал смотреть игру в замедленной съемке. Перед глазами мелькали пурпурные пояснения, в ушах пульсировал рев толпы.

«Атакующее построение “Ястребиная голова”», – прочитал он, наблюдая, как три ирландских Охотника, объединившись в единую грозную формуацию – Трой в центре и чуть опережает Маллет и Моран – понеслись вниз на болгар. Затем – когда Трой, держа Кваффл, сделал вид, будто собирается взмыть, и болгарский Охотник Иванова метнулась за ним, а он уронил Кваффл в руки Моран – появилась надпись: «Уловка Улепетова». Болгарский Отбивала Волков тяжело ударил короткой битой по пролетавшему мимо Нападале и послал его наперерез Моран; та нырнула и выронила Кваффл; Левски, взмыв неизвестно откуда, поймал мяч и...

– ТРОЙ ЗАБИВАЕТ ГОЛ! – взревел Шульман, и стадион содрогнулся от грохота аплодисментов и криков. – 10: 0 в пользу Ирландии.

– Что?! – заорал Гарри, дико вращая головой, забыв опустить омниокуляр. – Ведь Кваффл у Левски?

– Гарри, если не будешь смотреть на нормальной скорости, ты все пропустишь! – закричала Гермиона, прыгая на месте и размахивая руками.

Трой пролетал круг почета. Гарри быстро глянул поверх омниокуляра и увидел, что лепреоны, наблюдавшие от барьера, огромным сверкающим трилистником дружно поднялись в воздух. Через поле мрачно глядели недовольные вейлы.

Жутко на себя разозлившись, Гарри перевел регулятор скорости в нормальное положение. Игра возобновилась.

Гарри знал о квидише достаточно и понимал, что ирландские Охотники играют потрясающе. Они работали с безупречной слаженностью. Судя по их четким перестроениям, они как будто читали мысли друг друга. Розетка на груди у Гарри неустанно выкрикивала их имена: «Трой – Маллет – Моран!» За следующие десять минут Ирландия забила еще два гола, что вызвало бурный прилив восторга и рукоплесканий среди болельщиков, облаченных в зеленое.

Темп игры становился все быстрее, а сама игра – все жестче. Волков и Вулчанов, болгарские Отбивалы, с бешеною свирепостью лупили по Нападалам, посылая их в ирландских Охотников, и перешли к хитрым приемам, чтобы помешать перемещениям противника; дважды Охотникам приходилось разлетаться, а потом наконец Ивановой удалось прорваться сквозь них, отвлечь Охранника Райана и забить первый гол.

– Заткните уши! – заорал мистер Уизли.

Счастливые вейлы пустились в торжествующий пляс. Гарри прижмурил глаза: не хотел отвлекаться от игры. Вскоре он рискнул взглянуть на поле. Вейлы прекратили танцевать; болгары вновь владели Кваффлом. Шульман громогласно выкрикивал:

– Димитров! Левски! Димитров! Иванова! А это еще что?..

Сто тысяч колдунов и ведьм дружно ахнули – оба Ловчих, Крум и Линч, пронеслись сверху вниз меж Охотников с такой скоростью,

будто их выкинули из самолета без парашютов. Гарри проследил за их спуском в омниокуляр, старательно щурясь и пытаясь понять, где Проныра...

– Они разобьются! – вскричала Гермиона.

И оказалась наполовину права. В последнее мгновение Виктор Крум вышел из пике и спирально взмыл. Линч же ударился о землю, и глухой удар разнесся по всему стадиону. Ирландские болельщики дружно взвыли.

– Вот дура-ак! – простонал мистер Уизли. – Это ж финт!

– Тайм-аут! – проорал голос Шульмана. – Колдомедики должны осмотреть Эйдана Линча!

– С ним все будет в порядке, подумаешь, землю пропахал! – Чарли успокаивал Джинни, которая перевесилась через край ложи с безмерным ужасом на лице. – Чего, собственно, Крум и добивался...

Гарри поскорей нажал «повтор» и «детальный просмотр», крутанул регулятор скорости и приложил омниокуляр к глазам.

Он снова смотрел, как Крум и Линч несутся к земле – теперь в замедленной съемке. «Обманка Вральского – опасный прием по отвлечению Ловчего», – гласила сияющая пурпурная строчка, бегущая внутри линз. Было видно, как лицо Крума исказилось от напряжения, когда он выходил из пике, – Линч в это время уже распластался по земле, и до Гарри дошло, что Крум вообще не видел никакого Проныры, он обманул Линча, намеренно увлек за собой. Гарри еще никогда не видел такого виртуозного полета; Крум летел словно бы и не на метле, а сам по себе; он двигался в воздухе так легко, что казался невесомым. Гарри повернул регулятор в нормальное положение и навел омниокуляр на Крума. Тот кружил высоко в небе над Линчем, которого отпаивала зельем бригада колдомедиков. Приглядевшись еще внимательнее, Гарри обратил внимание, как черные глаза Крума шарят по полю. Он вывел Линча из строя и теперь пользуется случаем, чтобы найти Проныру.

Наконец Линч, радостно приветствуемый зелеными болельщиками, встал, оседлал «Всполох» и, оттолкнувшись от земли, взлетел. Его возвращение к жизни вдохнуло в команду Ирландии новые силы. Прозвучал свисток Мустафы, и Охотники ринулись в бой, проявляя такие чудеса техники, какие Гарри и не снились.

Прошло пятнадцать яростных минут, и Ирландия забила еще десять голов. Счет был 130: 10, а игра стала грязнее.

Маллет, крепко прижимая к себе Кваффл, устремилась к шестам, а болгарский Охранник Зограф вылетел ей навстречу. Что-то случилось, но так быстро, что Гарри не успел разобрать. Тем не менее по возмущенному реву толпы и длинному, пронзительному свистку Мустафы он понял, что было нарушение.

– Мустафа делает предупреждение болгарскому Охраннику за грубое поведение – слишком активную работу локтями! – проинформировал орущих зрителей Шульман. – И разумеется – да! Ирландия бьет пенальти!

Лепреконы, после фола болгарской команды поднявшиеся в воздух, подобно рою сверкающих шершней, ринулись друг к другу и быстро сложили слова: «ХА-ХА-ХА!» На другом краю поля вейлы повсакали на ноги, сердито затрясли волосами и опять затанцевали.

Все как один мальчики Уизли и Гарри заткнули пальцами уши, но Гермиона, которая не потрудилась последовать их примеру, вскоре потянула Гарри за рукав. Он повернулся, и она нетерпеливо выдернула его пальцы из ушей.

– Посмотри на судью! – захихикала она.

Гарри посмотрел на поле. Хассан Мустафа спустился на землю к танцующим вейлам и, надо сказать, вел себя престранно. Он играл мускулами и горделиво разглаживал усы.

– Этого нам только не хватало! – В голосе Людо Шульмана звучал смешок. – Кто-нибудь! Стукните судью!

Зажимая уши пальцами, по полю промчался колдомедик и основательно пнул судью в лодыжку. Мустафа пришел в чувство; Гарри сквозь омниокуляр видел, как смутился судья и как он закричал на вейл. Те прекратили танцевать, но глядели при этомзывающе.

– Если я не ошибаюсь, Мустафа хочет удалить с поля болгарскую группу поддержки! – раздался голос Шульмана. – А вот такого мы еще не видели... о, это может обернуться плохо...

Так и вышло: болгарские Отбивалы Волков и Вулчанов приземлились с флангов от Мустафы и яростно с ним заспорили, выразительно показывая на злорадных лепреконов, которые сложились в слова: «ХИ-ХИ-ХИ!» Мустафу, однако, доводы болгар не убедили;

он тыкал пальцем вверх, в небо, явно требуя, чтобы Отбивалы занялись делом, а когда те отказались, дважды коротко свистнул.

– Два штрафных! – выкрикнул Шульман, и болгарские болельщики взвыли от злости. – А Волкову и Вулчанову лучше бы вернуться на метлы... да... что они и делают... и Трой завладевает Кваффлом...

Игра достигла невиданного уровня жесткости. Отбивалы обеих сторон вели себя безжалостно, в особенности Волков с Вулчановым, которым, похоже, было безразлично, по чему лупить битами, по Нападалам или по игрокам. Димитров ринулся к Моран, владевшей Кваффлом, и чуть не сшиб ее с метлы.

– *Фол!* – хором взревели ирландские болельщики, поднявшись дружной зеленою волной.

– *Фол!* – эхом отозвался магически усиленный голос Людо Шульмана. – Димитров задевает Моран – намеренное столкновение – видимо, судья назначит еще один штрафной – да, вот и свисток!

Лепреоны опять взмыли и на сей раз изобразили руку, показавшую вейлам в высшей степени неприличный жест. Те вышли из себя. Они кинулись в атаку через поле, швыряясь в лепреонов пригоршнями огня. В омниокуляр Гарри увидел, что красоту вейлы подрастерьали. Наоборот, их лица вытянулись, головы стали ужасными, птичьими, со страшными клювами, за плечами выросли длинные чешуйчатые крылья...

– Вот *поэтому*, мальчики, – крикнул мистер Уизли поверх всеобщего гвалта, – надо помнить, что важна не одна только внешность!

Поле наводнили представители министерства. Они пытались разнять вейл и лепреонов, но без особого успеха; а тем временем в воздухе разыгрывалась не менее напряженная драма. Гарри вертел омниокуляр туда-сюда, не успевая следить за Кваффлом, пулей перелетавшим из одних рук в другие...

– Левски – Димитров – Моран – Трой – Маллет – Иванова – снова Моран – МОРАН ЗАБИВАЕТ ГОЛ!

Но радостные крики болельщиков были едва различимы из-за воплей вейл, залпов из волшебных палочек представителей министерства и гневного рева болгар. Игра немедленно возобновилась; Кваффл был у Левски, перешел к Димитрову...

Отбивала ирландцев Квигли широко размахнулся, изо всех сил ударил по пролетающему Нападале и послал его в Крума. Тот не успел увернуться, и мяч попал ему в лицо.

Стадион оглушительно застонал; Круму явно сломали нос, он был весь в крови, но свисток не прозвучал. Хассан Мустафа отвлекся, и Гарри не мог его винить: вейла швырнула горсть огня и подожгла судью метлу.

Почему никто не замечает, что Крум ранен? Гарри волновался: пусть он болеет за Ирландию, но из всех игроков на этом поле Крум все-таки самый потрясающий. Рон явно разделял его чувства.

– Тайм-аут! Ой, да ладно вам, не может же он так играть...

– Смотри! Линч! – заорал Гарри.

Ловчий ирландцев внезапно ушел в крутое пике, и Гарри был уверен, что это не Обманка Вральского; это было настоящее...

– Он заметил Проныру! – крикнул Гарри. – Он его заметил! Смотри, как летит!..

Половина зрителей тоже, видимо, догадалась, что происходит, зеленые ирландские болельщики дружно вскочили, подбадривая Ловчего своей команды... но у него на хвосте уже сидел Крум. Как он умудряется видеть, куда летит, недоумевал Гарри; от Крума во все стороны разлетались капли крови, но он уже поравнялся с Линчем, и они вместе мчались к земле...

– Они разобьются! – визжала Гермиона.

– Ничего подобного! – ревел Рон.

– Линч разобьется! – вопил Гарри.

И не ошибся – второй раз за этот день Линч с сокрушительной силой ударился о землю и немедленно подвергся нападению разъяренных вейл.

– А где, где Проныра?! – заорал Чарли, перекрикивая галдеж.

– У него – у Крума – игра окончена! – верещал Гарри.

Красная мантия Крума пропиталась кровью из носа и сверкала, но он легко поднимался в воздух, вздымая над головой победоносный кулак, откуда посверкивал золотой лучик.

Над ничего не понимающими трибунами на грифельной доске зажглась надпись: «БОЛГАРИЯ: 160, ИРЛАНДИЯ: 170». Затем медленно, будто над стадионом разгонялся огромный реактивный

самолет, гул ликования среди болельщиков Ирландии стал расти, расти и в конце концов превратился в восторженный рев.

– ИРЛАНДЦЫ ПОБЕДИЛИ! – закричал Шульман, ошарашенный столь внезапным окончанием матча не меньше ирландцев. – КРУМ ПОЙМАЛ ПРОНЫРУ – НО ПОБЕДИЛИ ИРЛАНДЦЫ – святое небо, кто мог такое ожидать!..

– Зачем он поймал Проныру? – со стоном вопрошал Рон, хотя и прыгал вверх-вниз, хлопая в ладоши над головой. – Зачем-то закончил матч, когда у ирландцев было на сто шестьдесят очков больше, вот идиот!

– Он знал, что им никогда не догнать! – прокричал Гарри в общем грохоте. Он тоже вовсю аплодировал. – У ирландцев слишком сильные Охотники… он хотел закончить матч на своих условиях, вот и все…

– Он очень смелый, правда? – Гермиона наклонилась к перилам и смотрела, как приземляется Крум и как бригада колдомедиков расчищает себе дорогу к нему сквозь скопище дерущихся лепреконов и вейл. – Мамочки, прямо кровавое месиво…

Гарри снова приложил омниокуляр к глазам. Над полем носились лепреконы, и трудно было рассмотреть, что творится внизу, но ему удалось навести объектив на Крума, окруженного колдомедиками. Крум, еще мрачнее обычного, не позволял вытереть себе лицо. Его окружили члены болгарской команды, и все удрученно качали головами. Неподалеку, под золотым дождем, рассыпаемым лепреконами, танцевали счастливые ирландцы. С трибун махали флагами, отовсюду звучал ирландский гимн; вейлы снова становились красавицами, пусть и очень тоскливыми и печальными.

– Што ше, мы срашалишь храбро, – произнес мрачный голос за спиной у Гарри.

Он оглянулся – это высказался болгарский министр магии.

– Так вы говорите по-английски! – возмутился Фудж. – И зачем же вы весь день заставляли меня кривляться?!

– Што ше, это было ошень сабавно, – пожал плечами болгарский министр.

– И сейчас, когда ирландская команда облетает круг почета в сопровождении группы поддержки, в Высшую ложу вносят КУБОК МИРА!!! – загрохотал Шульман.

Гарри вдруг ослеп – Высшая ложа волшебным образом озарилась ослепительным белым светом. Теперь зрители видели, что происходит внутри. Сощурившись, Гарри заметил, как в ложу пыхтя поднялись два колдуна – они притащили ящик с золотым кубком. Колдуны протянули кубок Кортниусу Фуджу, все еще оскорбленному тем, что его безо всякой необходимости вынудили целый день пользоваться языком жестов.

– Давайте как следует поприветствуем наших доблестных проигравших – сборную Болгарии! – прокричал Шульман.

С лестницы в ложу вошли семь побежденных болгарских игроков. Зрители одобрительно аплодировали; Гарри видел, как на трибунах засверкали многие тысячи омниокулярных линз.

Один за другим болгары проходили между рядами в ложе и обменивались рукопожатием сначала со своим министром, а затем с Фуджем; Шульман выкрикивал их имена. Крум, последний в строю, выглядел ужасно. Черные глаза грозно блестали на окровавленном лице. Он все еще держал в руке Проныру. У Гарри создалось впечатление, что на земле Крум не так ловок. У него была утиная походка, и он сильно сутулился. Зато, когда объявили его имя, стадион чуть не взорвался от рукоплесканий.

Затем вошла команда Ирландии. Эйдана Линча поддерживали Моран и Коннолли; второй удар, похоже, оглушил беднягу, и глаза у него странно остекленели. Тем не менее он счастливо заулыбался, когда Трой и Квигли подняли кубок и трибуны разразились одобрительным грохотом. У Гарри от аплодисментов уже онемели руки.

Наконец, когда ирландцы удалились, чтобы проделать на метлах еще один круг почета (Эйдан Линч сидел позади Коннолли, крепко уцепившись за его талию и улыбаясь довольно бессмысленно), Шульман направил палочку себе на горло и пробормотал: «Квайетус».

– Об этом матче будут вспоминать годами, – хрипло выговорил он, – такой неожиданный поворот... жалко, что быстро закончилось... ах да... да, я вам должен... сколько?

Ибо Фред с Джорджем только что перелезли через спинки кресел и стояли перед Людо Шульманом с широченными ухмылками на лицах и протянутыми руками.

Глава девятая

Смертный знак

— Не вздумайте говорить матери, что играли на деньги, — умоляюще сказал мистер Уизли Фреду с Джорджем, когда все они медленно спускались из ложи.

— Не волнуйся, пап, — отозвался Фред, ликуя, — у нас на эти деньги большие планы, мы совсем не хотим, чтоб их конфисковали.

Мистер Уизли как будто собрался спросить, что за планы, но, поразмыслив, явно решил, что не желает знать.

Скоро они уже медленно двигались в толпе, что текла со стадиона к лагерю. Потом возвращались по освещенной фонариками тропе, и в ночном воздухе далеко разносилось пронзительное пение. Над головами, радостно прихехекивая, шныряли лепреконы со светильничками в руках. Добравшись наконец-то до палаток, ребята поняли, что совершенно не хотят спать, а поскольку вокруг все равно стоял дикий гвалт, мистер Уизли согласился, что сначала можно бы и выпить по чашке какао. И вот они уже весело обсуждали матч; у мистера Уизли возникли какие-то разногласия с Чарли по поводу драки во время игры, и, лишь когда Джинни заснула прямо за крошечным столом, расплескав по полу горячий шоколад, мистер Уизли положил конец пересказам наиболее интересных моментов и настоял, чтобы дети немедленно ложились. Гермиона с Джинни удалились в соседнюю палатку, а Гарри и Уизли переоделись в пижамы и забрались в койки. На другой стороне лагеря по-прежнему громко пели и кто-то чем-то гулко колошматил.

— Какое счастье, что я не на дежурстве, — сонно пробормотал мистер Уизли, — и не мне говорить ирландцам, что праздновать уже хватит.

Гарри лежал на верхней койке над Роном и смотрел в брезентовый потолок, периодически освещаемый фонариками пролетающих лепреконов. Он проигрывал в памяти лучшие приемы Крума, и ему не терпелось оседлать собственный «Всполох», попробовать Обманку

Вральского... почему-то Оливер Древ со всеми его ползучими диаграммами так и не смог толком объяснить, как она выполняется... Гарри видел себя в мантии, со своей фамилией на спине, и воображал, каково это, когда стотысячная толпа ревет в ответ на эхом разносящееся по стадиону: «Встречайте... Поттера!»

Гарри так и не понял, заснул он или нет, – фантазии о том, как он летает подобно Круму, вполне могли перейти в настоящий сон, – но точно понял, что внезапно мистер Уизли наяву закричал:

– Вставайте! Рон – Гарри – давайте же, подъем, живо!

Резко сев, Гарри провез головой по брезенту.

– Сотакое? – невнятно спросил он.

Каким-то образом сразу стало ясно: беда. Теперь в лагере шумели иначе. Пение прекратилось. Слышались крики и топот бегущих ног.

Гарри соскользнул с койки, потянулся к одежде, но мистер Уизли, сам натянувший джинсы поверх пижамы, крикнул:

– Нет, Гарри, нет времени – хватай куртку и на улицу, быстро!

Гарри сделал так, как ему велели, и выскочил на улицу, Рон – за ним следом.

В свете уже немногочисленных костров было видно, как люди убегают в лес, спасаясь от чего-то страшного – оно надвигалось по полю, странно пыхало огнем и, кажется, стреляло. Раздавались глумливые возгласы, взрывы хохота и пьяный ор; затем яркий зеленый свет вдруг озарил сцену действия.

По полю медленным маршем, выставив палочки вверх, двигалась тесная организованная группа колдунов. Гарри сощурился... у них не было лиц... потом он разглядел, что они в капюшонах и масках. Над ними высоко в воздухе в нелепых позах трепыхались четыре фигуры. Колдуны в масках были как кукловоды, а люди в воздухе – как марионетки на невидимых ниточках, что тянулись от волшебных палочек. Две летящие фигурки были очень маленькие.

К марширующей колонне присоединялись новые и новые колдуны. Они смеялись и вздымали палочки к парящим телам. Толпа все увеличивалась и сметала палатки с дороги. Гарри видел, как пару раз кто-то из участников процессии волшебной палочкой взрывал палатку, чтоб не мешала пройти. Некоторые палатки загорелись. Отчаянные крики сделались громче.

Люди в воздухе попали в пятно света над полыхавшей палаткой, и Гарри узнал одного — мистер Робертс, распорядитель. Еще трое, судя по всему, были его жена и дети. Один из участников марша, взмахнув палочкой, перевернул миссис Робертс вниз головой; ее ночная рубашка задралась, обнаружив объемистые панталоны; бедная женщина изо всех сил старалась прикрыться, а безумная толпа внизу в тошнотворном восторге верещала и улюлюкала.

— Гады, — прошептал Рон, увидев, как в шестидесяти футах над землей младший ребенок вдруг завертелся волчком. Крохотная головка беспомощно болтала из стороны в сторону. — Сволочи...

Натягивая куртки поверх ночных рубашек, побежали Гермиона и Джинни. За ними следовал мистер Уизли. В то же самое мгновение из палатки мальчиков выскочили Билл, Чарли и Перси. Они были полностью одеты, рукава закатаны, палочки наизготовку.

— Мы поможем министерству, — заглушая шум, прокричал мистер Уизли. Он сам закатывал рукава. — Дети, бегите в лес и *не теряйте друг друга!* Я приду за вами, как только все успокоится!

Билл, Чарли и Перси уже мчались навстречу жуткой колонне; мистер Уизли кинулся вдогонку. Отовсюду сбегались представители министерства. Толпа, что шагала под семейством Робертсов, все приближалась.

— Пошли. — Фред схватил Джинни за руку и потянул к лесу.

Гарри, Рон, Гермиона и Джордж побежали за ними. На опушке они обернулись. Под семейством Робертсов собралось еще больше народа; представители министерства пытались пробиться в центр толпы к фигурам под капюшонами, но это было сложно. Судя по всему, министерские опасались использовать заклятия — боялись уронить Робертсов.

Цветные фонари, освещавшие дорогу к стадиону, давно потухли. Меж деревьев ощупью пробирались чьи-то темные силуэты; плакали дети; холодный ночной воздух вибрировал от тревожных, панических возгласов. Какие-то люди, чьих лиц Гарри не различал, толкали его со всех сторон. Затем Рон завопил от боли.

— Что случилось? — перепугалась Гермиона, остановившись так резко, что Гарри уткнулся в нее. — Рон, ты где? Ой, да что же это я — люмос!

Ее палочка зажглась и узким лучом осветила дорожку. Рон распластался на земле.

– Об корень споткнулся, – сердито проворчал он, поднимаясь.

– И неудивительно, с такими-то ножищами, – раздался позади тягучий, надменный голос.

Гарри, Рон и Гермиона круто развернулись. Неподалеку, прислонившись спиной к дереву и скрестив руки на груди, стоял чрезвычайно довольный Драко Малфой. Судя по всему, он из-за деревьев наблюдал за происходящим в лагере.

Рон послал Малфоя в такое место, которое – Гарри был в этом уверен – ни за что бы не осмелился упомянуть при миссис Уизли.

– Надо же, какие выражения. – Бледные глаза Драко тускло блеснули. – И не лучше ли вам поторопиться? Вы же не хотите, чтобы заметили *ее*?

Он кивнул на Гермиону, и в тот же миг в лагере как будто взорвалась бомба. Ярко-зеленый от свет озарил деревья.

– Это ты о чем? – вызывающе спросила Гермиона.

– Грейндже, они охотятся за *муглами*, – равнодушно бросил Малфой. – Ты что, тоже хочешь всем продемонстрировать трусы? Если хочешь, подожди здесь… они сюда и идут… хоть повеселимся.

– Гермиона – ведьма, – рявкнул Гарри.

– Считай как тебе нравится, Поттер, – зловеще ухмыльнулся Малфой. – Если ты полагаешь, что они не в силах распознать мугродье, оставайся здесь.

– Думай, что мелешь! – выкрикнул Рон и шагнул к Малфою. Всем было прекрасно известно, что «мугродье» – очень оскорбительное обозначение колдунов и ведьм, происходящих из семьи муглов.

– Оставь, Рон. – Гермиона поспешила схватить его за руку.

Из-за деревьев с другой стороны раздался оглушительный взрыв. Совсем рядом закричали несколько человек.

Малфой тихо захихикал.

– Какие пугливые, а? – лениво процедил он. – Полагаю, ваш папочка велел вам всем спрятаться? А сам что? Спасает мугликов?

– А твои родители где? – рассердился Гарри. – Под масками маршируют?

Малфой повернулся к Гарри улыбающееся лицо:

— Хм... даже если так, я бы тебе вряд ли об этом сказал, согласись, Поттер.

— Ой, да оставьте вы его. — Гермиона с отвращением посмотрела на Малфоя. — Лучше пойдем поищем остальных.

— Не забывай пригибать свою мохнатую башку, Грейндже, — фыркнул Малфой.

— *Пошли*, — повторила Гермиона и потащила Гарри и Рона дальше по тропе.

— Спорю на что угодно, его отец *там*, под маской! — горячо вскричал Рон.

— Что ж, тогда, если повезет, представители министерства его схватят! — с чувством отклинулась Гермиона. — О ужас, куда делись остальные?

Ни близнецов, ни Джинни нигде не было видно, хотя на тропинке толпилось очень много других людей. Все они нервно наблюдали за погромом в лагере.

Чуть дальше стояла стайка подростков в пижамах. Они жарко о чем-то разговаривали. При виде Гарри, Рона и Гермионы одна девочка с густыми кудрями обернулась и быстро спросила:

— *Où est Madame Maxime? Nous l'avons perdue...* [1]

— Э-э-э... что? — не понял Рон.

— О... — девочка повернулась спиной, и, проходя мимо, они ясно расслышали, как она сказала: — «‘Огвагц».

— «Бэльстэк», — пробормотала Гермиона.

— Что? — переспросил Гарри.

— Видимо, они из «Бэльстэка», — повторила Гермиона, — ну, знаешь... академия магии «Бэльстэк»... я читала про нее в «Рейтинге колдовских школ Европы».

— А... да... конечно... — промямлил Гарри.

— Фред с Джорджем не могли уйти так далеко. — Рон вытащил палочку, тоже зажег и, сузив глаза, уставился вдаль.

Гарри порылся в карманах, но своей палочки не обнаружил. Нашелся только омниокуляр.

— Ой нет, только не это... Я палочку потерял!

— Шутишь?

Рон с Гермионой подняли палочки повыше, чтобы осветить побольше земли; Гарри осмотрел все вокруг, но палочки нигде не

было.

– Может, осталась в палатке? – предположил Рон.

– А может, выпала на бегу? – встревоженно сказала Гермиона.

– Да… – протянул Гарри. – Наверно…

В колдовском мире он никогда не расставался с волшебной палочкой и, внезапно оказавшись без нее при таких зловещих обстоятельствах, почувствовал себя очень неуютно.

В траве громко зашуршало, и все трое вздрогнули. Сквозь ближайшие кусты отчаянно прорывалась Винки – домовый эльф. Двигалась она престранным манером и явно с огромным трудом, будто кто-то невидимый хватал ее сзади и не пускал.

– Плохие колдуны! Много! – ничего не соображая, вопила она, складываясь чуть не пополам и с громадным усилием продолжая бежать. – Люди в воздухе! Высоко! Винки надо спрятаться!

И, задыхаясь, попискивая, преодолевая сопротивление тайной силы, она скрылась среди деревьев за тропой.

– Что это с ней? – Рон с любопытством поглядел вслед Винки. – А нормально бегать она не умеет?

– Наверняка не спросила разрешения спрятаться, – сказал Гарри. Он вспомнил Добби: всякий раз, когда тот делал такое, чего не одобрили бы Малфои, ему приходилось бить самого себя.

– У домовых эльфов *ужасные* условия труда! – возмутилась Гермиона. – Прямо рабство какое-то! Этот мистер Сгорбс отправил ее на самый верх трибуна, она там чуть не умерла от страха, а он ее к тому же еще и заколдовал, так что она даже не может убежать, когда громят палатки! Почему никто ничего для них не *сделает*?

– Но ведь они сами довольны, – возразил Рон. – Ты же слышала, что старушка Винки говорила… «Домовым эльфам отдыхать не след»… Ей по кайфу, когда ею командуют…

– Нет, это из-за таких, как *ты*, Рон, – горячо начала Гермиона, – тех, кто поддерживает прогнившую, несправедливую систему только потому, что им лень пошеве…

Опять громыхнуло, на этот раз на опушке.

– Лучше сейчас пошевелимся, пойдемте-ка отсюда, – сказал Рон.

Гарри заметил, как Рон нервно покосился на Гермиону. Возможно, в том, что сказал Малфой, и была доля правды – возможно, Гермиона и

впрямь рискует больше, чем они двое. Они зашагали быстрее. Гаррирылся в карманах, хотя и знал наверняка, что палочки там нет.

По темной тропинке ребята углубились в лес, посматривая по сторонам в поисках Фреда, Джорджа и Джинни. Они прошли мимо группы гоблинов – те ухохватывались над мешком золота, очевидно, выигранным на матче. Происходящее в лагере их нисколько не волновало. Пройдя еще дальше, Гарри, Рон и Гермиона вдруг очутились в круге серебристого света и за стволами деревьев, на полянке, увидели трех высоких красивых вейл, окруженных молодыми колдунами, которые разговаривали одновременно и очень громко.

– Я получаю сто мешков золотых галлеонов в год! – кричал один. – Я забойщик драконов в комитете по уничтожению опасных созданий.

– А вот и нет! – вопил другой. – Ты посудомойщик в «Дырявом котле»! А вот я охотник на вампиров, убил уже девяносто...

Третий колдун, чьи прыщи были видны даже в призрачном серебристом свете вейл, перебил:

– А я зато скоро стану самым молодым министром магии в истории – понятно?!

Гарри фыркнул. Он узнал прыщавого колдуна: его звали Стэн Самосвалт, и на самом деле он работал кондуктором на трехэтажном ночном автобусе «ГрандУлет».

Он повернулся, чтобы сообщить об этом Рону, но у того сделалось какое-то слабоумное лицо, и через секунду он уже закричал:

– А я говорил, что изобрел метлу, на которой можно долететь до Юпитера?!

– *Ну честное слово!* – в который уже раз воскликнула Гермиона.

Они с Гарри крепко схватили Рона под руки, развернули кругом и скорым шагом повели прочь. К тому времени, когда беседа вейл и их обожателей стихла, ребята очутились в самой чаще. Они были совсем одни, кругом стояла тишина.

Гарри осмотрелся.

– По-моему, вполне можно подождать здесь, тут за милю слышно, если кто-то идет.

Не успел он это сказать, как из-за дерева прямо на них выступил Людо Шульман.

Даже в слабом свете двух волшебных палочек Гарри разглядел, что с Людо произошли громадные перемены. Он уже не был

жизнерадостен и розовощек, шаг больше не пружинил. Людо был бел и очень напряжен.

– Кто здесь? – спросил он, моргая, вглядываясь в лица ребят. – Что вы тут делаете одни?

Они с удивлением вытаращились друг на друга.

– Ну... там же как бы погром, – объяснил Рон.

Шульман уставился на него:

– Что?!

– В лагере... какие-то колдуны захватили семью муглов...

Шульман громко выругался.

– Мерлин их задери, – произнес он в ужасном расстройстве и с легким хлопком без промедления дезаппарировал.

– Нельзя сказать, что он держит руку на пульсе, этот мистер Шульман, – нахмурилась Гермиона.

– Зато он был превосходным Отбивалой, – сказал Рон и направился к маленькой полянке, где сел под деревом на сухую травку. – При нем «Обормутские осы» три раза подряд становились первыми в лиге.

Он достал из кармана фигурку Крума, поставил ее на землю и стал наблюдать, как она разгуливает. Подобно настоящему Круму фигурка косолапила, сутуло гнула плечи и на земле производила гораздо менее сильное впечатление, чем на метле. Гарри прислушался: слышен ли еще шум? Но все было тихо; может, погром прекратился.

– Надеюсь, ни с кем из наших ничего не случилось, – проговорила Гермиона через некоторое время.

– Не бойся, с ними все хорошо, – успокоил Рон.

– Представляешь, если твой пapa схватит Люциуса Малфоя, – мечтательно произнес Гарри. Он сел рядом с Роном и стал смотреть, как миниатюрный Крум горбится над опавшими листьями. – Он всегда говорил, что хотел бы поймать его на чем-нибудь.

– Вот уж это сотрет ухмылочку с гнусной морды Драко, – заявил Рон.

– Бедные муглы, – тревожно произнесла Гермиона. – Что, если их не удастся спустить на землю?

– Удастся, удастся, – заверил Рон, – они там найдут способ.

– Но ведь это безумие – решиться на такое, когда кругом полно министерских! – воскликнула Гермиона. – В смысле как они вообще

могли рассчитывать, что это сойдет им с рук? Как думаете, они напились или просто?..

Она оборвала свою речь на полуслове и посмотрела через плечо. Гарри с Роном тоже быстро обернулись. Из-за деревьев как будто кто-то ковылял к полянке. Ребята застыли, прислушиваясь к нетвердым шагам. Но шаги вдруг замерли.

– Эй?! – крикнул Гарри.

Ответом было молчание. Гарри поднялся и заглянул за дерево. В темноте на расстоянии ничего не было видно, но он ощущал чье-то присутствие совсем рядом, однако вне поля зрения.

– Кто здесь? – спросил Гарри.

Внезапно тишину разорвал незнакомый голос, и голос этот не панически воскликнул, а яростно выкрикнул заклятие:

– МОРСМОРДРЕ!

И нечто огромное, зеленое, сверкающее выросло из кромешной тьмы, куда безуспешно всматривался Гарри; оно взметнулось над вершинами деревьев прямо в небо.

– Что за?.. – хрипло выдохнул Рон, вскакивая и задирая голову.

Долю секунды Гарри казалось, что это очередная фигура лепреконов. Но вскоре он осознал, что это колоссальный череп, весь из каких-то изумрудных звезд; изо рта у черепа языком высывалась змея. Утопая в призрачной зеленоватой дымке, череп поднимался все выше и выше, новым созвездием вырисовываясь на фоне черного неба.

Лес взорвался криками; почему, Гарри не понял, но, кроме внезапного появления черепа, причин не было – теперь он взмыл высоко и, точно зловещая неоновая реклама, осветил лес. Гарри всмотрелся в темноту, надеясь увидеть, кто создал череп, но никого не разглядел.

– Кто здесь?! – выкрикнул он снова.

– Гарри, скорее, *бежим!* – Гермиона схватила его сзади за куртку и потащила.

– Да в чем дело? – Гарри поразило ее белое испуганное лицо.

– Гарри, это же Смертный Знак! – простонала Гермиона и потянула его со всей силы. – Символ Сам-Знаешь-Кого!

– Вольдеморт?

– Гарри, быстрей!

Гарри развернулся – Рон поспешил изловил миниатюрного Крума – все трое побежали по поляне – но, не успели они сделать и пары шагов, череда негромких хлопков возвестила о прибытии двадцати колдунов, возникших из воздуха и кольцом окруживших ребят.

Гарри развернулся обратно и в одно мгновение успел отметить, что все колдуны держат палочки наизготовку и все эти палочки острием направлены на них троих. Инстинктивно он крикнул:

– ПРИГНИСЬ! – упал и рванул друзей за собой.

– *ОБОМРИ!* – взревело двадцать глоток – заполыхала очередь ослепительных вспышек – Гарри почувствовал, как взъерошились волосы на затылке, словно по поляне пронесся шквал. Осторожно, на долю дюйма приподняв голову, он увидел, как над ними проносятся кроваво-красные световые залпы, сталкиваясь друг с другом в воздухе, отскакивая от стволов, улетая далеко во тьму…

– Стойте! – закричал знакомый голос. – Стойте! Там мой сын!

Волосы на затылке Гарри улеглись. Он поднял голову чуточку выше. Колдун, стоявший прямо перед ними, опустил палочку. Гарри перекатился по земле и увидел, что к ним приближается до смерти перепуганный мистер Уизли.

– Рон… Гарри… – Голос его дрожал. – Гермиона… с вами все в порядке?..

– С дороги, Артур, – раздался холодный резкий голос.

Мистер Сгорбс. Вместе с другими представителями министерства он подошел к ребятам. Гарри встал и повернулся к ним. От негодования мистер Сгорбс дрожал как натянутая струна.

– Кто из вас это сделал? – рявкнул он, пронзительным взглядом мечась по их лицам. – Кто из вас создал Смертный Знак?

– Это не мы! – воскликнул Гарри, махнув на череп.

– Не мы! – поддержал Рон, потирая локоть и с возмущением глядя на отца. – Чего вы на нас напали?

– Не лгите мне, сэр! – закричал мистер Сгорбс. Он все еще не сводил с Рона палочки, глаза выкатились – смахивал он на безумца. – Вас застали на месте преступления!

– Барти, – прошептала ведьма в длинном шерстяном халате, – они же дети, они при всем желании не смогли бы…

– Так. Вы трое – говорите, откуда взялся Знак? – быстро вмешался мистер Уизли.

— Оттуда, — трясущимися губами пролепетала Гермиона, показывая, откуда раздалось заклятие, — там за деревьями кто-то был... они выкрикнули слова... заклинание...

— Ах, значит, они стояли там? — ядовито сказал мистер Сгорбс, вперив вытаращенные глаза в Гермиону. По его лицу разливалось недоверие. — Произнесли заклинание, вот как? Кажется, вы, юная мисс, прекрасно осведомлены о том, как создается Смертный Знак...

Однако, помимо мистера Сгорбса, никто из представителей министерства не считал даже отдаленно возможным, чтобы череп был творением Гарри, Рона или Гермионы; напротив, после слов Гермионы они грозно прищурились на темные деревья, вновь подняли палочки и направили их туда.

— Мы опоздали. — Ведьма в шерстяном халате покачала головой. — Они дезаппарировали.

— Вряд ли, — возразил колдун с лохматой каштановой бородой — Амос Диггори, отец Седрика. — Наши сногшибатели прошли прямо сквозь эти деревья... очень может быть, что мы попали...

— Амос, осторожнее! — хором предупредили сразу несколько колдунов, но Амос Диггори расправил плечи, выставил палочку, прошел, чеканя шаг, по полянке и растворился в темноте. Гермиона, прижав ладонь ко рту, глядела ему в спину.

Пару секунд спустя донесся крик мистера Диггори:

— Есть! Попали! Кто-то попался! Он без сознания! Он... но это же... черт!..

— Взял кого-то?! — с величайшим недоверием заорал мистер Сгорбс. — Кого?! Кто это?!

Послышался хруст веток, шуршание листьев, а затем тяжелые шаги — на поляне снова появился мистер Диггори. Он нес на руках бездыханную фигурку. Гарри сразу узнал кухонное полотенце. Винки.

Мистер Сгорбс не произнес ни слова и не пошевелился, когда Амос Диггори положил к его ногам его же собственного домового эльфа. Представители министерства молча взирали на мистера Сгорбса. Тот некоторое время недвижимо сверлил Винки глазами, и на абсолютно белом лице они полыхали бешеным огнем. Потом он пришел в чувство.

— Этого — не — может — быть, — задергал головой он, — просто — не — может...

Он стремительно обогнул мистера Диггори и направился туда, где тот нашел Винки.

– Бесполезно, мистер Сгорбс! – крикнул вслед мистер Диггори. – Там никого.

Мистер Сгорбс не поверил ему на слово. Было слышно, как он ходит туда-сюда, как шуршат листья, когда он разводит ветки кустов.

– Неловко получилось, – мрачно проговорил мистер Диггори, глядя на обморочное тельце. – Домовый эльф Барти Сгорбса… В смысле…

– Перестань, Амос, – спокойно ответил мистер Уизли. – Ты же не думаешь всерьез, что это мог сделать домовый эльф? Смертный Знак – колдовской знак. Чтобы его создать, нужна палочка.

– Ага, – кивнул мистер Диггори, – а палочка у нее как раз и *была*.

– *Что?* – поразился мистер Уизли.

– Вот, смотри. – Мистер Диггори показал палочку мистеру Уизли. – Была у нее в руке. Так что это для начала нарушение статьи третьей Кодекса пользования волшебными палочками. «Существам нечеловеческой природы запрещается иметь при себе, а также использовать волшебную палочку».

Тут раздался очередной хлопок, и рядом с мистером Уизли возник Людо Шульман. Запыхавшись, ничего не соображая, он повернулся на месте, тараща глаза на изумрудно-зеленый череп.

– Смертный Знак! – шепотом выкрикнул он и вопросительно повернулся к коллегам, чуть не наступив на Винки: – Кто его создал? Вы их поймали? Барти! Что тут происходит?

Мистер Сгорбс вернулся с пустыми руками. Он был по-прежнему бледен как привидение, руки и щеточка усов дрожали.

– Откуда ты, Барти? – не унимался Шульман. – Почему тебя не было на матче? Твоя Винки держала для тебя место… Загрызи нас горгулья! – Шульман только что заметил у себя под ногами Винки. – А с *ней* что случилось?

– Я был занят, Людо, – ответил мистер Сгорбс все в той же рваной манере, еле шевеля губами. – А мой эльф попал под сногсшибатель.

– Сногсшибатель? Ваш? Но за что?..

Тут круглое и блестящее лицо Шульмана озарилось пониманием; он посмотрел вверх на череп, вниз на Винки, а затем на мистера Сгорбса.

— *Не может быть!* — вскричал он. — Винки? Смертный Знак? Да она не умеет! И ей нужна была бы хоть палочка!

— У нее была палочка, — сказал мистер Диггори. — Я нашел ее с палочкой в руке, Людо. И, если вы не возражаете, мистер Сгорбс, я думаю, нам надо бы выслушать ее саму.

Сгорбс ничем не выдал, что услышал слова мистера Диггори, но тот принял его молчание за согласие. Он поднял палочку и сказал:

— Воспрянь!

Винки слабо зашевелилась. Огромные карие глаза открылись, и она несколько раз бессмысленно моргнула. Под взглядами колдунов неуверенно села. Увидела перед собой ноги мистера Диггори и медленно, с трепетом, подняла глаза к его лицу; затем еще медленнее перевела взгляд в небо. Гарри увидел, как в ее невероятных остекленелых глазах отразился череп. Винки охнула, диким взглядом обвела переполненную народом поляну и разразилась испуганными рыданиями.

— Эльф! — сурово произнес мистер Диггори. — Тебе известно, кто я такой? Я работаю в департаменте по надзору за магическими существами!

Винки закачалась взад-вперед, ее дыхание вырывалось из груди резкими спазмами. Гарри вспомнил Добби в те минуты, когда тот впадал в ужас от собственного неповинования.

— Как видишь, эльф, некоторое время назад кто-то создал Смертный Знак, — продолжал мистер Диггори. — А тебя обнаружили через несколько минут прямо под ним! Изволь объясниться!

— Я... я... я... не делала ничего, сэр! — в ужасе выдохнула Винки. — Я и знать не знаю как, сэр!

— Тебя обнаружили с палочкой в руке! — рявкнул мистер Диггори, потрясая вещественным доказательством. И как только палочку осветило зеленое сияние черепа, Гарри ее узнал.

— Постойте! Это моя! — воскликнул он.

Все лица повернулись к нему.

— Что? — в изумлении спросил мистер Диггори.

— Это моя палочка! — повторил Гарри. — Я ее уронил!

— Уронил? — переспросил мистер Диггори, не веря собственным ушам. — Следует ли это понимать как признание? Ты выбросил ее после того, как создал Знак?

— Амос, подумай, с кем ты говоришь! — Мистер Уизли очень рассердился. — Зачем *Гарри Поттеру* создавать Смертный Знак?

— Э-э-э... незачем, конечно, — пробормотал мистер Диггори. — Извините... меня занесло...

— Я ее не там уронил, — пояснил Гарри, большим пальцем показывая на деревья под черепом. — Я ее потерял, как только мы вошли в лес.

— Значит, так. — Мистер Диггори вновь обратился к Винки, съежившейся у его ног, и глаза у него посурошли. — Ты нашла палочку, так, эльф? Ты подобрала ее и решила поиграть? Признавайся!

— Я не делала магии, сэр! — заверещала Винки. Слезы струились по обеим сторонам расплющенного носа-помидора. — Я только... я только... подобрала ее, сэр! Я не делала Смертного Знака, сэр, я не умею!

— Это не она! — не выдержала Гермиона. Она явно нервничала, осмелившись заговорить перед толпой представителей министерства, однако вид у нее был решительный. — У Винки писклявый тихий голосок, а голос, который произнес заклинание, был гораздо ниже! — Она повернулась к Гарри и Рону, ища поддержки: — Он звучал совсем по-другому, правда?

— Правда, — закивал Гарри. — Он был точно не как у эльфа.

— Ага, голос был человеческий, — подтвердил Рон.

— Что ж, сейчас мы проверим. — На мистера Диггори свидетельство ребят особого впечатления не произвело. — Есть простой способ узнать, какое заклинание волшебная палочка выполнила последним. Тебе известно об этом, эльф?

Винки затряслась и отчаянно замотала головой, отчего затрепыхались большие уши. Мистер Диггори приложил свою палочку кончиком к кончику палочки Гарри и взревел:

— Приор инкантато!

Гарри услышал сдавленный вскрик Гермионы — из точки соприкосновения двух палочек вырвался огромный змеязыкий череп, но то была лишь тень зеленого черепа, висевшего в воздухе над лесом. Новый череп был словно из густого серого дыма: призрак черепа.

— Делетриус! — выкрикнул мистер Диггори; дымный череп рассеялся облачком. — Итак! — заявил мистер Диггори со злодейским триумфом, нависая над Винки, которая конвульсивно вздрогивала.

— Я это не делала! — взвизнула несчастная, и ее глаза в ужасе выкатились. — Не делала, не делала, я не умею! Я хороший эльф, я не трогаю палочки, я не умею!

— Тебя *поймали на месте преступления*, эльф! — загрохотал мистер Диггори. — *Поймали с преступной палочкой в руках!*

— Амос, — громко перебил мистер Уизли, — подумай сам... очень немногие колдуны знают, как выполнить это заклятие... Где она могла научиться?

— Возможно, Амос намекает, — проговорил мистер Сгорбс, и в каждом его слове звенела холодная ярость, — что я обучаю своих слуг создавать Смертный Знак?

Повисло очень нехорошее молчание.

Амос Диггори был потрясен.

— Мистер Сгорбс... нет... вовсе нет...

— Из всех, кто здесь присутствует, вы обвиняете тех двоих, кто с наименьшей вероятностью мог создать Смертный Знак! — рыкнул мистер Сгорбс. — Гарри Поттера и меня! Я полагаю, вы знакомы с историей этого мальчика, Амос?

— Разумеется... все знакомы... — забормотал донельзя смущенный мистер Диггори.

— И вы, я надеюсь, помните, что за свою долгую карьеру я неоднократно доказывал, что всячески презираю черную магию и тех, кто ею занимается?! — заорал мистер Сгорбс, и глаза его снова вылезли из орбит.

— Мистер Сгорбс, я... я вовсе не намекал, что вы к этому причастны! — Амос Диггори ужасно покраснел под своей лохматой бородой.

— Обвиняя моего эльфа, вы обвиняете меня, Диггори! — кричал мистер Сгорбс. — От кого еще она могла научиться заклинанию?

— Она... могла подцепить его где угодно...

— Совершенно верно, Амос, — вмешался мистер Уизли, — *она могла подцепить его где угодно...* Винки? — ласково обратился он к эльфу, но бедняжка все равно вздрогнула, будто на нее рявкнули. — Где именно ты нашла палочку Гарри?

Винки так отчаянно теребила подол кухонного полотенца, что ткань распускалась у нее под пальцами.

— Я... я нашла ее... там, сэр... — прошептала Винки, — там... под деревьями, сэр...

— Видишь, Амос? — сказал мистер Уизли. — Тот, кто создал Знак, сразу дезаппарировал, а палочку Гарри бросил. Весьма умно, использовать чужую палочку, своя могла бы выдать. А Винки, очень некстати для себя, тут же набрела на эту палочку и подобрала.

— Тогда получается, что она была в паре футов от преступника! — нетерпеливо воскликнул мистер Диггори. — Эльф! Ты видела кого-нибудь?

Винки задрожала сильнее прежнего. Ее огромные глаза метнулись от мистера Диггори к Людо Шульману, затем к мистеру Сгорбсу.

Потом она судорожно сглотнула и пролепетала:

— Никого я не видела, сэр... никого...

— Амос, — отрывисто произнес мистер Сгорбс, — я отдаю себе отчет в том, что, при нормальных обстоятельствах, вы бы хотели забрать Винки к себе в отдел на допрос. И все же я очень просил бы вас позволить мне разобраться с ней самому.

Мистеру Диггори такое предложение явно не понравилось, но — Гарри это было очевидно — он не осмелился перечить Сгорбсу: тот был слишком важной фигурой в министерстве.

— Можете не сомневаться, она понесет суровое наказание, — холодно добавил мистер Сгорбс.

— Х-х-х-хозяин, — заикаясь, прошептала Винки, поднимая на мистера Сгорбса глаза, полные слез. — Х-х-х-хозяин, у-у-умоляю...

Мистер Сгорбс встретил ее взгляд; от гнева лицо его заострилось, каждая морщина пропечаталась четче. В глазах не было ни капли жалости.

— Подобного поведения я никак не мог ожидать от Винки, — размеренно начал он. — Ей было велено оставаться в палатке. Я велел ей оставаться там до тех пор, пока я не разберусь со всеми делами и не вернусь. И что же я обнаружил, когда вернулся? Что она ослушалась меня. А это означает одежду!

— Нет! — возопила Винки, распростервшись у ног хозяина. — Нет, господин! Только не одежду, только не одежду!

Гарри знал, что единственный способ отпустить домового эльфа на свободу — снабдить его нормальной одеждой. Больно было видеть, как

Винки, захлебываясь рыданиями, цепляется за свое кухонное полотенце.

— Она же испугалась! — сердито выпалила Гермиона, пронзая взглядом мистера Сгорбса. — Ваш эльф боится высоты, а те колдуны в масках подняли людей в воздух! Она хотела спрятаться от них подальше — как вы можете ее винить?!

Мистер Сгорбс отступил на шаг, подальше от эльфа, кривясь, словно под ногами у него валялось нечто отвратительное, заразное и он боялся испортить свои до блеска отполированные ботинки.

— Мне не нужен домовый эльф, который не выполняет моих распоряжений, — ледяным тоном заявил он, глядя на Гермиону. — Мне не нужна прислугоа, забывающая, что важно для ее хозяина и его репутации.

Винки рыдала, и ее всхлипывания разносились по всей поляне.

Воцарилась крайне неприятная тишина, которую нарушил мистер Уизли, негромко сказав:

— Что ж, если ни у кого нет возражений, я, пожалуй, отведу детей в палатку. Амос, эта палочка уже сказала нам все, что могла, — будь добр, можно Гарри ее заберет?

Мистер Диггори отдал Гарри палочку, и тот спрятал ее в карман.

— Пойдемте, ребята, — тихо позвал мистер Уизли.

Но Гермиона не хотела уходить; она стояла не шевелясь и смотрела на рыдающую Винки.

— Гермиона! — окликнул мистер Уизли уже настойчивее.

Тогда она повернулась и пошла в лес вслед за Гарри и Роном.

— Что теперь будет с Винки? — спросила она, едва они ушли с полянки.

— Не знаю, — ответил мистер Уизли.

— Подумать только, как они с ней обращались! — возмущенно выкрикнула Гермиона. — Этот мистер Диггори все время называл ее «эльф»... А мистер Сгорбс! Знает, что это не она, а все равно собирается ее уволить! Ему наплевать, что ей было страшно, наплевать, что она была не в себе, — как будто она не человек!

— Вообще-то, она не человек, — заметил Рон.

— Это не означает, что у нее нет чувств, Рон, — напустилась на него Гермиона, — а то, как они себя с ней вели, отвратительно...

— Гермиона, я с тобой согласен, — мистер Уизли знаком показал, чтобы она не останавливалась, — но сейчас не время обсуждать права эльфов. Надо поскорее добраться до палаток. Кстати, а где остальные?

— Мы потерялись в темноте, — объяснил Рон. — Пап, а чего все так испугались этого черепа?

— Я объясню, когда вернемся в палатку, — напряженно ответил мистер Уизли.

Но когда они вышли из леса, на их пути возникло неожиданное препятствие.

На опушке собралась большая толпа перепуганных колдунов и ведьм. При виде мистера Уизли многие бросились к нему.

— Что случилось, Артур?

— Кто это сделал?

— Артур, это ведь не... не он?

— Разумеется, не он, — раздраженно сказал мистер Уизли. — Мы не смогли выяснить, кто это был, видимо, они успели дезаппариовать. А сейчас извините меня, пожалуйста, мне необходимо поспать.

Он провел Гарри, Рона и Гермиону сквозь толпу, и скоро они вернулись в лагерь. Все было тихо; не осталось и следа от колдунов в масках; правда, несколько поваленных палаток еще дымилось.

Из палатки мальчиков высовывалась голова Чарли.

— Пап, в чем дело?! — крикнул он из темноты. — Фред, Джордж и Джинни вернулись благополучно, а вот остальные...

— Я их нашел, — отозвался мистер Уизли, согнувшись и проходя в палатку. Гарри, Рон и Гермиона вошли следом.

Билл сидел за кухонным столиком, прижимая простыню к обильно кровоточащей руке. У Чарли была разорвана рубашка, а у Перси — разбит нос. Ни близнецы, ни Джинни не пострадали, хотя и пребывали в некотором шоке.

— Поймали их, пап? — резко спросил Билл. — Тех, кто создал Знак?

— Нет, — ответил мистер Уизли. — Мы поймали эльфа Барти Сгорбса с палочкой Гарри в руках, но насчет Знака ничего выяснить не удалось.

— *Что?!* — хором вскричали Билл, Чарли и Перси.

— С палочкой Гарри?! — воскликнул Фред.

— Эльфа мистера Сгорбса? — задохнулся пораженный Перси.

С некоторой помощью Гарри, Рона и Гермионы мистер Уизли рассказал, что произошло в лесу. Когда он дошел до конца истории,

Перси раздулся от возмущения.

– И правильно, что мистер Сгорбс избавился от такого домового эльфа! – заявил он. – Бросить свой пост, когда мистер Сгорбс ясно велел оставаться на месте!.. Поставить его в неловкое положение перед всем министерством!.. На что бы это было похоже, если б ее вызвали в департамент по надзору за…

– Она ничего плохого не сделала, просто оказалась не в том месте и не в то время! – рыкнула на Перси Гермиона. Тот даже испугался. Гермиона всегда неплохо ладила с Перси – правду сказать, лучше остальных.

– Гермиона, колдун, занимающий такое положение, как мистер Сгорбс, не может себе позволить держать домового эльфа, который убегает очертя голову с чужой палочкой! – высокомерно бросил он, опомнившись.

– Она не убегала очертя голову! – заорала Гермиона. – Она просто с земли ее подобрала!

– Подождите, а может кто-нибудь объяснить про черепушку? – нетерпеливо оборвал их Рон. – Она же никому вреда не причинила… почему из этого сшили целое дело?

– Я же говорила, Рон, это символ Сам-Знаешь-Кого, – раньше других ответила Гермиона. – Я читала во «Взлете и падении темных сил».

– И его не видели вот уже тринадцать лет, – тихо добавил мистер Уизли. – Конечно, люди запаниковали… это же все равно как узнать, что Сами-Знаете-Кто вернулся.

– Ничего не понимаю… – нахмурился Рон. – Ну, то есть… Это же просто картинка в небе…

– Рон, Сам-Знаешь-Кто и его приспешники запускали Смертный Знак, когда кого-нибудь убивали, – сказал мистер Уизли. – И этот ужас… ты слишком молод, ты не понимаешь. Попробуй себе представить: ты возвращаешься домой, а над твоим домом висит Смертный Знак, и ты уже знаешь, что тебя ждет внутри… – Мистер Уизли содрогнулся. – Мы боялись этого больше всего на свете…

Целую минуту никто ничего не говорил. Потом Билл, приподняв простынку, чтобы посмотреть, как там его порез, заметил:

– В любом случае, кто бы ни создал Знак, нам он очень помешал. Распугал Упивающихся Смертью. Они дезаппарировали, нам не

удалось сорвать с них маски. К счастью, успели Робертсов подхватить. Им сейчас модифицируют память.

— Упивающихся Смертью? — переспросил Гарри. — Кто такие Упивающиеся Смертью?

— Так называли себя последователи Сам-Знаешь-Кого, — ответил Билл. — Мы, судя по всему, видели сегодня остатки старой гвардии — ну, тех, кому удалось избежать Азкабана.

— Мы не докажем, что это они, Билл, — вздохнул мистер Уизли. — Хотя, скорее всего, так и было, — безнадежно добавил он.

— Ага, точно! — вдруг закричал Рон. — Пап, мы встретили в лесу Драко Малфоя, и он, считай, признался, что его отец среди этих, под масками! Всем ведь известно, что Малфои при Сами-Знаете-Ком были!

— Но зачем приспешникам Вольдеморта... — начал Гарри. Все испуганно вздрогнули — как и большинство колдунов, Уизли избегали называть Вольдеморта по имени. — Извините, — поспешил сказать Гарри. — Зачем им было запускать в воздух муглов? Какой смысл?

— Смысл? — безрадостно усмехнулся мистер Уизли. — Гарри, да они так развлекаются! Когда Сам-Знаешь-Кто был у власти, половину всех убийств муглов совершили исключительно забавы ради. Видимо, они сегодня выпили и не удержались, решили напомнить нам, что их еще много. Этакая встреча старых однополчан, — закончил он с отвращением.

— Но если это были Упивающиеся Смертью, почему же они тогда дезаппарировали от Смертного Знака? — спросил Рон. — Они ж должны были обрадоваться?

— Подумай сам, Рон, — сказал Билл. — Если они в свое время были Упивающимися Смертью, значит, после падения Сам-Знаешь-Кого немало постарались, чтобы избежать Азкабана. Врали как могли, что это он заставлял их пытать и убивать. Вот что угодно поставлю: они больше нашего боятся, как бы он не вернулся. Они же вообще от него отреклись, зажили себе дальше... Вряд ли он был бы ими доволен.

— Так что же... — задумчиво произнесла Гермиона, — те, кто создал Смертный Знак... они это в поддержку Упивающихся Смертью или, наоборот, чтобы их напугать?

— Понятия не имею, — пожал плечами мистер Уизли, — но я тебе вот что скажу... только Упивающимся Смертью известно, как это сделать.

Я бы сильно удивился, если б оказалось, что тот, кто создал Знак, не был Упивающимся Смертью раньше, даже если он больше не среди них... Слушайте, ребята, уже очень поздно. Если ваша мама узнает, что здесь произошло, она же с ума сойдет. Поспим чуток и постараемся успеть на самый ранний портшлюс.

Когда Гарри лег обратно в койку, голова у него гудела. По идее, он должен был до предела вымотаться, уже три часа ночи – а он совершенно не хочет спать и вдобавок жутко встревожен.

Три дня назад – как будто очень давно, но на самом деле всего три дня – он проснулся от боли в шраме. Сегодня, впервые за тринадцать лет, в небе появился символ Лорда Вольдеморта. Что все это значит?

Он вспомнил о письме, которое написал Сириусу перед отъездом с Бирючинной улицы. Получил ли его Сириус? И когда ответит? Гарри смотрел в брезентовый потолок, но больше не видел увлекательных квидишиных картинок, что помогли бы ему заснуть, и храп Чарли давно уже сотрясал палатку, когда Гарри наконец провалился в сон.

Глава десятая

Переполох в министерстве

Мистер Уизли дал ребятам поспать всего несколько часов. Чтобы собрать палатки, он использовал магию, и все они спешно покинули лагерь, миновав мистера Робертса на пороге его домика. У распорядителя был странный, пустой взгляд. Он помахал на прощание и вяло пожелал им счастливого Рождества.

— С ним все будет хорошо, — тихо сказал мистер Уизли, когда онишли через пустошь. — Иногда после модификации памяти на некоторое время наступает дезориентация... а над ним пришлось потрудиться, чтобы он забыл.

Приблизившись к пункту раздачи портшлюсов, они услышали взволнованные голоса. Вокруг диспетчера Бейзила уже собралась порядочная толпа колдунов и ведьм — все требовали, чтобы их немедленно отправили куда подальше. Мистер Уизли торопливо поговорил с Бейзилом; ребята встали в очередь и еще до восхода солнца отбыли на старой резиновой покрышке обратно к Горностаевой Голове. Потом, в рассветных сумерках, они шли через Колготтери Сент-Инспекторт к «Гнезду», от усталости почти не разговаривая и мечтая о завтраке. Когда они свернули и показалось «Гнездо», в росистом воздухе эхом понеслись крики:

— Хвала небесам! Хвала небесам!

Миссис Уизли, очевидно, давно дожидавшаяся во дворе, побежала навстречу — как была, в домашних шлепанцах, лицо бледно и очень напряженно, рука судорожно мнет утренний «Оракул».

— Артур!.. Я так волновалась... *так волновалась...*

Она бросилась на шею мужу, и газета выпала из ослабевшей руки. Гарри разобрал заголовок «ТЕРРОР НА ФИНАЛЕ КУБКА» и увидел черно-белую фотографию Смертного Знaka, что призрачно посверкивал над верхушками деревьев.

— Вы живы, — пролепетала миссис Уизли, отстраняясь от мужа и обводя всех красными глазами, — живы... *мальчики мои...* — и, ко

всеобщему удивлению, она обхватила руками близнецов и притянула к себе так рьяно, что те стукнулись головами.

– *Ой!* Мам – задушишь!..

– Я же на вас накричала! – Миссис Уизли принялась всхлипывать. – Я ни о чем другом думать не могла! Что, если бы Сами-Знаете-Кто вас убил, а я вам напоследок только и сказала, что вы получили С.О.В.У. меньше, чем надо? Ой, Фред... Джордж...

– Ну успокойся, Молли, с нами все в полном порядке, – ласково сказал мистер Уизли, отрывая жену от близнецов и мягко разворачивая к дому. – Билл, – добавил он вполголоса, – подбери-ка газету, я хочу посмотреть, что там...

Когда все набились в крошечную кухню и Гермиона заварила миссис Уизли чашку очень крепкого чая, куда по настоянию мистера Уизли добавили «Отменного Огневиски Огдена», Билл протянул отцу газету. Мистер Уизли пробежал глазами первую полосу. Перси читал через его плечо.

– Я так и знал, – сумрачно произнес мистер Уизли. – «Некомпетентность министерства... виновные не найдены... пренебрежение мерами безопасности... черные маги распоясались... позор нации...» Кто написал? А... ну конечно... Рита Вритер.

– У этой женщины зуб на министерство магии! – возмутился Перси. – На прошлой неделе у нее же было, что мы теряем время на бессмысленную возню с котлами, а надо бы истреблять вампиров! Как будто в параграфе 12 «Руководства по обращению с человекоподобными существами неколдовской природы» не указано *специально...*

– Сделай одолжение, Персик, – зевнул Билл, – заткнись.

– Тут и про меня есть. – Глаза мистера Уизли за стеклами очков широко распахнулись, когда он дочитал до конца.

– Где? – булькнула миссис Уизли, поперхнувшись чаем с виски. – Если б я увидела, я бы знала, что вы живы!

– Имя не упомянуто, – мотнул головой мистер Уизли, – вот послушайте: «Если перепуганные колдуны и ведьмы, затаив дыхание ожидающие новостей на опушке леса, рассчитывали получить поддержку и утешение от представителей министерства магии, их, увы, ждало разочарование. Спустя некоторое время после появления Смертного Знака из леса вышел работник министерства, сообщил, что

никто не пострадал, но в остальном комментировать отказался. Достаточно ли этого заявления, чтобы положить конец слухам о том, будто спустя час из леса вынесли несколько бездыханных тел, нам лишь предстоит выяснить». Ну знаете, — с досадой сказал мистер Уизли, отдавая газету Перси. — Ведь и в самом деле никто не пострадал, что же мне было говорить? «Слухам о том, будто из леса вынесли несколько бездыханных тел...» Теперь уж точно пойдут слухи, после такой заметки. — Он тяжело вздохнул: — Молли, мне придется пойти на работу, все это нужно улаживать.

— Я пойду с тобой, отец, — геройски вызвался Перси. — Мистеру Сгорбсу сегодня потребуются все. Кроме того, я смогу лично вручить ему отчет.

И он бегом кинулся из кухни.

Миссис Уизли совсем расстроилась:

— Артур, у тебя же отпуск! Твой отдел тут вообще ни при чем, министерство как-нибудь разберется без тебя...

— Мне нужно идти, Молли, — твердо сказал мистер Уизли, — из-за меня стало только хуже. Пойду надену мантию и отправлюсь.

— Миссис Уизли, — не сдержавшись, спросил Гарри, — а Хедвига не приносила мне письмо?

— Хедвига, деточка? — рассеянно переспросила миссис Уизли. — Нет... нет, вообще писем не было.

Рон и Гермиона с интересом посмотрели на Гарри.

Бросив на них многозначительный взгляд, он спросил:

— Ничего, если я пойду брошу вещи у тебя, Рон?

— Да... я, наверно, тоже пойду, — сразу ответил тот. — Гермиона?

— Да, — быстро кивнула она.

Все трое бодро вышли из кухни и зашагали по лестнице.

— В чем дело, Гарри? — спросил Рон, едва за ними закрылась дверь мансарды.

— Я вам кое-что не сказал, — объявил Гарри. — В субботу я проснулся оттого, что у меня опять болел шрам.

Реакция друзей была практически такой, как Гарри себе и представлял. Гермиона вскрикнула и тут же начала выдвигать версии, перечислять книги и авторитетных лиц, начиная с Альбуса Думблдора и заканчивая школьной фельдшерицей мадам Помфри.

А Рон был совершенно ошарашен.

– Но ведь... его же там не было, да? Сам-Знаешь-Кого?.. Ну то есть... когда в прошлый раз у тебя болел шрам, он же был в «Хогварце»...

– На Бирючинной улице его не было, в этом я уверен, – задумчиво протянул Гарри, – но я видел его во сне... его и Питера... ну, Червехвоста. Я всего сейчас не помню, но они планировали убить... кого-то.

Он хотел было сказать «меня», но не осмелился – Гермиона и так перепугалась до смерти.

– Это же просто сон, – с напускной бодростью утешил Рон, – обычный ночной кошмар.

– Да-а, но вдруг нет? – Гарри повернулся и посмотрел в окно на светлеющее небо. – Странно все же... сначала у меня болит шрам, и всего через три дня это шествие Упивающихся Смертью, а в небе символ Вольдеморта...

– Да – не – говори – ты – имени! – сквозь зубы произнес Рон.

– А помните, что предсказала профессор Трелони? – продолжал Гарри, не обращая внимания на Рона. – В конце года?

Профессор Трелони преподавала в «Хогварце» прорицание.

Испуг Гермионы мгновенно улетучился. Она фыркнула:

– Ой, Гарри, и ты будешь верить всему, что плетет эта старая дура?

– Тебя там не было, – возразил Гарри, – ты ее не слышала. В тот раз все было по-другому. Говорю же, она впала в транс – настоящий транс. И сказала, что Черный Лорд восстанет вновь... *могущественнее и ужаснее прежнего*... и случится это потому, что к нему вернется его верный слуга... а той ночью сбежал Червехвост.

Воцарилось молчание. Рон, сидя на кровати, рассеянно ковырял пальцем дырку в покрывале с «Пуляющими пушками».

– А почему ты спросил про Хедвигу? – спросила Гермиона. – Должно быть письмо?

– Я написал Сириусу про шрам, – пожал плечами Гарри. – Жду, что он ответит.

– Ты гений! – Лицо у Рона прояснилось. – Наверняка Сириус знает, что делать!

– Я надеялся, что он ответит быстрее, – пробормотал Гарри.

– Мы же не знаем, где он... может, в Африке, – резонно заметила Гермиона. – *Туда* Хедвиге не долететь за пару дней.

— Да, конечно, — согласился Гарри, но, когда очередной раз выглянул в окно и не увидел в небе ни малейшего намека на Хедвигу, на душе у него сделалось очень тяжело.

— Пойдем, поиграем в саду в квидиши, — предложил ему Рон. — Пошли! Трое на трое, и Билл, и Чарли, и Фред с Джорджем, все с удовольствием... Попробуешь Обманку Вральского...

— Рон, — произнесла Гермиона этаким особым голосом — мол, какой ты нечуткий, — Гарри вряд ли сейчас до квидиша... он устал, он нервничает... нам всем неплохо бы поспать...

— Мне как раз очень даже до квидиша, — вдруг осознал Гарри. — Подожди, я «Всполох» возьму.

Гермиона вышла, проворчав что-то очень похожее на «мальчишки».

Всю неделю мистер Уизли и Перси редко появлялись дома. Они уходили рано утром еще до того, как поднимались остальные, и возвращались гораздо позднее ужина.

— Вы не представляете, какой у нас там кошмар, — с усталой важностью поведал Перси ребятам в воскресенье вечером, накануне их возвращения в школу. — Я всю неделю тушил пожары. Нам постоянно шлют вогниллы, а если их сразу не открыть, они взрываются. У меня по всему столу подпалины, и лучшее перо сгорело.

— А почему вам шлют вогниллы? — спросила Джинни. Сидя на коврике у камина в гостиной, она заклеивала колдолентой «Тысячу волшебных трав и грибов».

— Жалуются на плохую охрану во время финального матча, — объяснил Перси, — и хотят компенсацию за испорченное имущество. Мундугнус Флетчер вообще прислал иск на возмещение стоимости палатки — двенадцать спален и в каждой джакузи, — но я его раскусил. Я прекрасно помню, что он ночевал под плащом на четырех палках.

Миссис Уизли глянула в угол на напольные часы. Гарри они очень нравились. Правда, узнать по ним время не представлялось возможным, но в остальном их показания были весьма информативны. На девяти золотых стрелках были выгравированы имена девяти Уизли. На циферблате не цифры, а описания мест, где могут находиться члены семьи. Версии разные: и «дома», и «на работе», и «в школе», но также и «пропал», «в больнице», «в тюрьме», а там, где у нормальных часов цифра 12, значилось: «в смертельной опасности».

Сейчас восемь стрелок стояли в положении «дома», но стрелка мистера Уизли, самая длинная, все еще указывала «на работе».

– Ваш папа не ходил на работу по выходным со времен Сами-Знаете-Кого, – вздохнула миссис Уизли. – Они его совершенно не щадят. И ужин испортится, если он не придет с минуты на минуту.

– Что ж, папа хочет загладить свою ошибку на матче, – сказал Перси. – Если честно, не очень-то осмотрительно было с его стороны делать публичные заявления, не согласовав их предварительно с главой департамента…

– Не смей винить отца в том, что наговорила эта ужасная женщина! – мигом вскипела миссис Уизли.

– Если бы папа ничего не сказал, эта дура написала бы, как возмутительно, что никто из министерства не прокомментировал случившееся, – вставил Билл, который играл в шахматы с Роном. – Рита Вритеर еще ни о ком хорошо не писала. Помните, она как-то брала интервью у гриngottских взломщиков заклятий и назвала меня «длинноволосой бестолочью»?

– Они и *правда* длинноваты, солнышко, – мягко заметила миссис Уизли, – если бы ты разрешил мне…

– *Нет*, мам.

В окно гостиной хлестал дождь. Гермиона с головой погрузилась в «Сборник заклинаний (часть четвертая)». Миссис Уизли купила на Диагон-аллее три таких учебника: Гермионе, Гарри и Рону. Чарли штопал огнеупорный вязаный шлем. Гарри полировал «Всполох» – у его ног стоял открытый набор для техобслуживания метел, подаренный Гермионой на тринадцатилетие. Фред с Джорджем забились в угол. Они держали в руках перья и перешептывались, склонившись над пергаментом.

– Что это вы двое там делаете? – подозрительно посмотрела на них миссис Уизли.

– Домашнюю работу, – неопределенно ответил Фред.

– Не говори глупостей, у вас каникулы, – повысила голос миссис Уизли.

– Да, но мы кое с чем протормозили, – сказал Джордж.

– А это случайно не новый *бланк заказа*? – проницательно прищурилась миссис Уизли. – Вы случайно не начинаете заново эти ваши «Удивительные ультрафокусы Уизли»?

– Ну хватит, мама. – Фред бросил на нее полный боли взгляд. – Если «Хогварц-экспресс» завтра потерпит крушение и мы с Джорджем погибнем, каково тебе будет помнить, что напоследок ты предъявила нам несправедливые обвинения?

Засмеялись все, даже миссис Уизли.

– О, папа возвращается! – вдруг воскликнула она, снова глянув на часы.

Стрелка мистера Уизли перепрыгнула с «на работе» к «в дороге», а секунду спустя вздрогнула, замерла в положении «дома» рядом с остальными, и из кухни донесся его голос.

– Иду, Артур! – крикнула в ответ миссис Уизли, выбегая из комнаты.

Вскоре в теплую гостиную вошел совершенно измочаленный мистер Уизли с подносом.

– Ну все, быть беде, Молли, – сказал он, усевшись в кресло у камина и без энтузиазма ковыряя вилкой слегка пожухшую цветную капусту. – Рита Вритеर всю неделю рыла носом землю, выискивала, какие еще ошибки допустило министерство. И откопала-таки историю про бедную Берту. Завтра в «Оракуле» статья. Я же *сто лет назад* говорил Шульману: надо организовать поиски!

– Мистер Сгорбс уже давно об этом говорит, – тут же влез Перси.

– Сгорбсу очень повезло, что Рита не узнала про Винки, – раздраженно ответил мистер Уизли. – Материала хватило бы на неделю: домовый эльф работника министерства пойман с палочкой, создавшей Смертный Знак.

– Мы ведь уже выяснили, что эта Винки, хотя и очень безответственная, Знака все же не *создавала*? – разгорячился Перси.

– А по-моему, мистеру Сгорбсу очень повезло, что никто в «Оракуле» не знает, как жестоко он обращается с эльфами, – сердито буркнула Гермиона.

– Ну, Гермиона, полегче! – вспылил Перси. – Мистер Сгорбс – высокопоставленный чиновник, он заслуживает того, чтобы ему беспрекословно подчинялись его слуги...

– То есть его *рабы*! – Голос Гермионы зазвенел. – Ведь он же не платит Винки?

– Мне кажется, вам лучше пойти наверх и проверить, все ли собрано! – прервала спор миссис Уизли. – Идите все, быстро!

Гарри закрыл набор для техобслуживания метел, вскинул на плечо «Всполох» и вместе с Роном отправился наверх. Под крышей шум дождя слышался гораздо громче и сопровождался свистом и воем ветра, не говоря уж о периодических воплях чердачного упыря. Как только мальчики вошли, Свинринтель защебетал и заметался по клетке. Похоже, вид наполовину упакованных сундуков ввергал его в неконтролируемый восторг.

— Пихни ему «Совячей радости». — Рон бросил Гарри пакет. — Может, заткнется.

Гарри просунул пару кусочков корма сквозь прутья решетки и отвернулся к своему сундуку. Рядом стояла клетка Хедвиги, по-прежнему пустая.

— Уже больше недели. — Гарри грустно поглядел на одинокий насест. — Рон, как думаешь, Сириуса не схватили?

— Не-а, написали бы в «Оракуле», — мотнул головой Рон. — Министерство непременно похвасталось бы, что поймало хоть *кого-то*.

— Да, наверное...

— Слушай, тут тебе мама вещи купила на Диагон-аллее. И взяла для тебя в банке денег... и постирала все твои носки.

Рон сгрузил Гарри на раскладушку гору свертков, швырнул туда же кошель и кучу носков. Гарри начал разворачивать покупки. Помимо «Сборника заклинаний (часть четвертая)» Миранды Истреб ему купили горсть новых перьев, двенадцать рулонов пергамента и ингредиенты для зелий — у него почти кончились толченые позвонки скорпены и экстракт белладонны. Когда он стал запихивать нижнее белье в котел, Рон в отвращении возопил:

— А это еще что за гадость?

Он держал нечто непонятное — длинное платье из бордового бархата. Воротник и рукава были оторочены замшелыми кружевами.

В дверь постучали, и вошла миссис Уизли — она принесла гору выстиранных и выглаженных школьных мантий.

— Вот, держите, — сказала она, раскладывая мантии на две стопки. — И уложите как следует, чтоб не помялись.

— Мам, ты положила мне платье Джинни. — Рон протянул миссис Уизли бордовую хламиду.

— Никакой не Джинни, — возразила миссис Уизли, — это твоё. Парадная мантия.

— Чего?! — в ужасе переспросил Рон.

— Парадная мантия! — повторила миссис Уизли. — В школьном списке сказано, что в этом году вам понадобится парадная форма... мантия для торжественных случаев.

— Да ты изdevаешься, — потрясенно прошептал Рон. — Я это не надену ни за что.

— Все их надевают, Рон! — рассердилась миссис Уизли. — Они все такие! И у папы есть... для мероприятий.

— Да я скорее ногишом пойду, — уперся Рон.

— Не глупи, — попыталась урезонить его миссис Уизли, — вам полагается парадная мантия, это указано в списке. Я и Гарри тоже купила... покажи, Гарри...

С некоторым трепетом Гарри открыл последний сверток. Оказалось, все не так плохо: на его парадной мантии не было кружев, и вообще, она была приблизительно такая же, как обычная, только не черная, а бутылочно-зеленая.

— Я подумала, она хорошо оттенит твои глаза, мой милый, — нежно произнесла миссис Уизли.

— Ну да, эта — нормальная! — Рон сердито смотрел на парадную мантию Гарри. — А почему мне нельзя что-нибудь такое же?

— Потому что... потому что я купила ее в магазине подержанного платья, а выбор там небогат! — Щеки миссис Уизли вспыхнули.

Гарри отвел глаза. Он бы с радостью поделился с Уизли своими деньгами, но знал, что Уизли никогда не согласятся.

— Я этого ни за что не надену, — упрямо повторил Рон. — Ни — за — что.

— Отлично, — рявкнула миссис Уизли. — Пойдешь голый. А ты, Гарри, не забудь его сфотографировать. Видит небо, мне не вредно повеселиться.

И она вылетела из комнаты, хлопнув дверью. Раздалось какое-то клокочанье. Свинринтель подавился слишком большим куском «Совячьей радости».

— Почему все, что у меня есть, такая дрянь?! — в сердцах воскликнул Рон, направляясь к Свинринтелю, чтобы разлепить ему клюв.

Глава одиннадцатая

В «Хогварц-экспрессе»

Наутро, когда Гарри проснулся, воздух был пронизан отчетливым тоскливым настроением конца каникул. В окна по-прежнему барабанили тяжелые капли бесконечного дождя. Гарри надел джинсы и свитер; в школьную форму все переоденутся в поезде.

Не успели они с Роном и близнецами спуститься на первый этаж, как у подножия лестницы появилась очень встрепанная миссис Уизли. – Артур! – громко позвала она.

– Артур! Срочное сообщение из министерства!

Гарри вжался в стенку – мистер Уизли прогрохотал мимо в мантии задом наперед и тут же скрылся из виду. В кухне миссис Уизли судорожно перерывала ящики – «У меня же где-то было перо!» – а мистер Уизли, нагнувшись к очагу, разговаривал с...

Гарри, желая убедиться, что зрение не обманывает, сильно зажмурился, а потом снова открыл глаза.

В камине был Амос Диггори, вернее, одна его голова – этакое большое бородатое яйцо. Вокруг летали искры, языки пламени лизали уши, но голова, совершенно не обращая внимания, тараторила:

– …соседи-муглы услышали шум и крики, вызвали… как бишь их там… полуцельских. Артур, тебе надо туда…

– Вот! – беззвучно выдохнула миссис Уизли и сунула в руки мистеру Уизли лист пергамента, чернильницу и мятое перо.

– …огромная удача, что я узнал, – продолжала голова мистера Диггори, – пришел в контору пораньше, разослать пару сов, а там отдел неправомочного использования колдовства всем кагалом, на место происшествия собрались… Если Рита Вритер про знает *об этом*, Артур…

– А сам Шизоглаз что говорит? – спросил мистер Уизли, открывая чернильницу. Он обмакнул перо и приготовился записывать.

Голова мистера Диггори закатила глаза.

— Говорит, что услышал, как к нему лезут во двор. Подбирались, мол, к дому, но мусорные баки устроили им засаду.

— А что мусорные баки? — Мистер Уизли бешено строчил.

— Я так понял, отстреливались мусором и устроили таарам, — сказал мистер Диггори. — Когда прибыли полуцельские, один бак так и носился по двору...

Мистер Уизли застонал:

— А кто к нему залез?

— Артур, ты же знаешь Шизоглаза. — Голова опять закатила глаза. — Кому нужен его двор, да еще ночью? Скорее всего, где-то сейчас бродит сильно контуженная кошка, вся в картофельных очистках. Но подумай, если отдел неправомочного использования колдовства заберет Шизоглаза, он, считай, пропал — ты вспомни его досье! — надо его как-то отмазать, по какому-нибудь мелкому обвинению, по твоему ведомству — что там полагается за стреляющую помойку?

— Наверно, предупреждение. — Мистер Уизли, не переставая очень быстро писать, нахмурил брови. — Палочку Шизоглаз не использовал? Ни на кого не нападал?

— Да наверняка вскочил с кровати и ну палить заклятиями из окна куда ни попадя, — ответил мистер Диггори. — Но как докажешь? Пострадавших-то нет.

— Ладно, я помчался. — Мистер Уизли затолкал записи в карман и выбежал из кухни.

Голова мистера Диггори перевела взгляд на миссис Уизли.

— Прости, Молли, — произнесла голова уже спокойнее, — что рано побеспокоил и все такое... просто Артур единственный, кто может вытащить Шизоглаза, а у Шизоглаза, по идее, сегодня первый день на новой работе. Вот приспичило же устроить переполох именно сегодня...

— Ничего страшного, Амос, — успокоила миссис Уизли. — Бутербродик не хочешь? Или еще что-нибудь, перекусить на дорожку?

— А? Вообще-то, давай, — согласился мистер Диггори.

Миссис Уизли взяла с вершины бутербродной горки на кухонном столе гренок с маслом и сунула его в рот мистеру Диггори каминными щипцами.

— Фпафибо, — невнятно поблагодарил он и с легким хлопком испарился.

Было слышно, как мистер Уизли торопливо прощается с Биллом, Чарли, Перси и девочками. Не прошло и пяти минут, как он вернулся в кухню. Мантию он надел правильно и теперь наспех причесывался.

— Ну, я побежал — учитесь хорошо, мальчики, — пожелал мистер Уизли Гарри, Рону и близнецам, укутываясь в плащ и готовясь дезаппариовать. — Молли, отправишь ребят на Кингз-Кросс сама?

— Конечно, — заверила она, — ты, главное, разберись с Шизоглазом, а уж мы как-нибудь справимся.

Мистер Уизли исчез, и тут же в кухню вошли Билл и Чарли.

— Кто тут сказал «Шизоглаз»? — спросил Билл. — Что он еще натворил?

— Утверждает, что ночью кто-то пытался пробраться к нему в дом, — ответила миссис Уизли.

— Шизоглаз Хмури? — задумчиво произнес Джордж, намазывая джем на гренок. — Этот псих, который...

— Ваш отец очень уважает Шизоглаза Хмури, — сурово изрекла миссис Уизли.

— Ну так папа и штепсели коллекционирует, — тихо заметил Фред, когда миссис Уизли понадобилось выйти из кухни. — Одного поля ягодки...

— В свое время Хмури был великим колдуном, — проговорил Билл.

— Он же вроде старый друг Думблдора? — спросил Чарли.

— Думблдора тоже не назовешь *нормальным*, согласитесь, — вмешался Фред, — ну, то есть он, конечно, гений, все дела...

— А *кто такой* Шизоглаз? — спросил Гарри.

— Сейчас он на пенсии, а раньше работал в министерстве, — ответил Чарли. — Папа как-то брал меня с собой на работу, и я его видел. Он когда-то был аврором — одним из лучших... ловил черных магов, — добавил Чарли, встретив непонимающий взгляд Гарри. — Половина камер Азкабана заполнена благодаря ему. Зато и врагов у него больше чем достаточно... в основном семьи тех, кого он посадил... И я слышал, к старости он стал настоящим пааноиком. Вообще никому не доверяет. Повсюду черные маги мерещатся.

Билл с Чарли тоже решили поехать на вокзал, а Перси принес глубочайшие и весьма многословные извинения: мол, ему очень нужно на работу.

— Я не могу себе позволить отсутствовать, обстановка слишком сложна, — объявил он. — Мистер Сгорбс уже привыкает во всем на меня полагаться.

— Ага, и знаешь еще что, Перси? — серьезно закивал Джордж. — Скоро он даже запомнит твою фамилию.

Миссис Уизли решилась позвонить по телефону с деревенского почтамта и вызвать три обычных мугловых такси до Лондона.

— Артур пытался взять машины в министерстве, — шепнула она Гарри, когда они стояли под дождем на дворе и смотрели, как таксисты грузят в багажники шесть тяжелых сундуков, — но свободных не было... ох батюшки, что-то они не очень довольны, да?

Гарри не стал объяснять миссис Уизли, что в мугловом мире таксисты редко перевозят взбесившихся сов — Свинринтель развопился не на шутку. Вдобавок некстати открылась крышка Фредова сундука, взорвалось немало фантастических холодных петард мокрого запуска д-ра Филибуستера, и один таксист в ужасе заорал — Косолапсус, выпустив когти, стал спасаться вверх по его ноге.

Поездка в переполненных машинах оказалась тяжела. Косолапсус успокоился отнюдь не сразу и, пока доехали до Лондона, успел исцарапать и Гарри, и Рона, и Гермиону. У вокзала Кингз-Кросс они вылезли с облегчением, хотя дождь полил сильнее и все насквозь промокли, таская сундуки через запруженную машинами улицу.

Гарри уже привык к диковинному способу проникновения на платформу девять и три четверти. Нужно было всего лишь пройти сквозь металл барьера между платформами девять и десять — но только незаметно, не привлекая внимания муглов. Сегодня ребята шли группами и первыми — Гарри, Рон и Гермиона (самая подозрительная троица, поскольку с ними были Свинринтель и Косолапсус); беспечно болтая, они небрежно прислонились к барьеру, бочком просочились... и перед ними мгновенно материализовалась платформа девять и три четверти.

«Хогварц-экспресс», сверкающий малиновый паровоз, уже стоял на путях, пыхая клубами дыма, в котором смутно, точно привидения, вырисовывались силуэты учеников «Хогварца» и их родителей. Свинринтель, заслышив уханье многочисленных сов во мгле, заверещал пуще прежнего. Гарри, Рон и Гермиона в поисках свободных мест отправились вдоль вагонов и вскоре погрузили

сундуки в купе посередине состава. Потом спрыгнули обратно на платформу – сказать «до свидания» миссис Уизли, Биллу и Чарли.

– Может, встретимся раньше, чем вы думаете, – улыбнулся Чарли, обнимая на прощание Джинни.

– Это почему? – насторожился Фред.

– Увидишь, – неопределенно ответил Чарли. – Только Перси меня, болтуна, не выдавайте... это же «секретная информация, не подлежащая разглашению вплоть до специального решения министерства».

– Да, пожалуй, на этот год я бы согласился вернуться в «Хогварц», – проговорил Билл, сунув руки в карманы и глядя на поезд чуть ли не с тоской.

– Да почему? – настойчиво спросил Джордж.

– Интересный будет год. – Билл блеснул глазами. – Может, я даже возьму отгул, приеду посмотреть...

– На что посмотреть? – спросил Рон.

Но тут раздался свисток, и миссис Уизли стала заталкивать их в поезд.

– Спасибо, что вы нас к себе пригласили, миссис Уизли, – сказала Гермиона.

Они зашли в вагон, закрыли дверь и высунулись из окна.

– Да, спасибо за все, миссис Уизли, – сказал Гарри.

– Ой, да мне же в радость, милые, – ответила миссис Уизли. – Я бы пригласила вас на Рождество, но... хм... наверняка вы захотите остаться в школе, учитывая... хм... все обстоятельства.

– Мама! – не выдержал Рон. – Чего это вы все темните?

– Подождите до вечера, и вы тоже узнаете, – улыбнулась миссис Уизли. – Это очень интересно – и хорошо, что правила изменили, я безумно рада...

– Какие правила? – хором спросили Гарри, Рон, Фред и Джордж.

– Профессор Думблдор все расскажет... ну, ведите себя хорошо, обещаете? *Обещаете*, Фред?.. Джордж?

Громко зашипел пар, заходили поршни, и поезд тронулся.

– Да скажите же, что такое будет в «Хогварце»?! – закричал из окна Фред уносящимся прочь миссис Уизли, Биллу и Чарли. – Что за правила изменили?

Но миссис Уизли только загадочно улыбнулась и помахала. Она, Билл и Чарли дезаппарировали, не успел поезд свернуть.

Гарри, Рон и Гермиона пошли в купе. Дождь так поливал окна, что снаружи почти ничего не было видно. Рон открыл сундук, достал парадную бордовую мантию и накинул ее на клетку Свинринстеля, чтобы заглушить вопли.

— Даже Шульман хотел рассказать, что будет в «Хогварце», — проворчал он, садясь рядом с Гарри. — На матче, помните? А моя собственная мать, видите ли, не желает! Интересно, в чем там...

— Ш-ш-ш! — Гермиона вдруг прижала палец к губам и показала на соседнее купе.

Мальчики прислушались. Сквозь открытую дверь доносился знакомый тягучий голос:

— ...Папа вообще-то думал отдать меня в «Дурмштранг», а не в «Хогварц». Он знаком с директором. Ну вы же знаете, какого он мнения о Думблдоре — муглофил, больше ничего, — а в «Дурмштранг» всякую шушеру не принимают. Но мама не захотела отпускать меня так далеко. Папа считает, что в «Дурмштранге» гораздо разумнее подходят к черной магии. Ее там взаправду *изучают*, не только эту дурацкую защиту от сил зла, как у нас...

Гермиона встала, на цыпочках подошла к двери и закрыла, чтобы Малфоя не было слышно.

— «Дурмштранг» ему, видите ли, в самый раз! — сердито сказала она. — Жаль, что его туда не отдали, нам бы не пришлось его терпеть.

— «Дурмштранг» — это колдовская школа? — спросил Гарри.

— Да, — презрительно скривилась Гермиона, — и у нее ужасная репутация. Если верить «Рейтингу колдовских школ Европы», там уделяют особое внимание черной магии.

— По-моему, я о них что-то слышал, — протянул Рон. — Где она? В какой стране?

— Этого же никто не знает, — подняла брови Гермиона.

— Э... почему? — удивился Гарри.

— Так сложилось, что между колдовскими школами существует негласное соперничество. «Дурмштранг» и «Бэльстэк» скрывают свое местонахождение, чтобы никто не выкрадал их секреты, — сухо объяснила Гермиона.

– Брось, – засмеялся Рон. – «Дурмштранг», наверное, не меньше «Хогварца» – как ты спрячешь такую громадину?

– Но «Хогварц» же *спрятан*, – удивилась Гермиона, – это всем известно... по крайней мере всем, кто читал «Историю “Хогварца”».

– Значит, одной тебе, – констатировал Рон. – Давай продолжай – как можно спрятать целый «Хогварц»?

– Он околдован, – объяснила Гермиона. – Если на него смотрят муглы, они видят старые замшелые развалины с надписью у входа: «ОПАСНО, НЕ ВХОДИТЬ, УБЬЕТ».

– Значит, посторонние думают, что «Дурмштранг» – тоже развалины?

– Может быть, – пожала плечами Гермиона, – а может, на него нанесены муглорепеллентные заклятия, как вот на стадионе было. А чтобы иностранные колдуны не нашли, его, скорее всего, сделали неподступным...

– Как это?

– Ну, здание же можно заколдовать, чтобы его и на карту нельзя было нанести. Не подступишься.

– Ммм... как скажешь, – промямлил Гарри.

– Но мне кажется, что «Дурмштранг» где-то далеко на севере, – задумчиво произнесла Гермиона. – Там очень холодно, раз у них форменные куртки на меху.

– Ах, только подумайте, какие возможности, – мечтательно сказал Рон. – Столкнуть этак незаметненько Малфоя со льдины и выдать за несчастный случай... жалко, что мамашка его любит...

Чем дальше на север, тем сильнее лило. Потемнело, окна сильно запотели, поэтому лампы зажгли уже к полудню. По коридору загромыхала тележка с едой, и Гарри купил на всех большую упаковку котлокексов.

До вечера к ним заглянуло множество приятелей, включая Шеймаса Финнигана, Дина Томаса и Невилла Лонгботтома, круглоголового и невероятно забывчивого мальчика, которого воспитывала бабушка, очень грозная ведьма. Шеймас так и не снял ирландской розетки. Волшебство в ней уже почти израсходовалось; она еще выкрикивала: «Трой! Маллет! Моран!» – но очень неубедительно и устало. Спустя полчаса или около того Гермиона утомилась от нескончаемых квидишных разговоров, зарылась носом в

«Сборник заклинаний (часть четвертая)» и принялась учить призывное заклятие.

Невилл с завистью слушал рассказы о финале кубка.

– Бабушка не захотела ехать, – упавшим голосом сказал он, – и не купила билеты. А там, похоже, здорово было!

– Еще бы, – подтвердил Рон. – Вот, гляди…

Он порылся в сундуке на багажной полке и выудил миниатюрного Виктора Крума.

– Ух *ты!* – завистливо воскликнул Невилл, когда Рон пустил Крума на его пухлую ладонь.

– Мы его видели прямо вот так вот близко, – сообщил Рон. – Мы сидели в Высшей ложе…

– Первый и последний раз в жизни, Уизли.

В дверях появился Драко Малфой. Позади стояли Краббе и Гойл, его приятели, бугай бандитского вида, которые за лето подросли по меньшей мере на фут. Судя по всему, они подслушали разговор – Дин с Шеймасом не до конца закрыли дверь купе.

– Не припомню, чтобы мы тебя звали, Малфой, – хладнокровно заметил Гарри.

– Уизли… а это что еще за пакость? – вытаращился Малфой, показывая на клетку Свинринстеля. С нее свисал рукав парадной мантии – он качался в такт движению поезда, и кружево на манжете очень бросалось в глаза.

Рон рванулся было спрятать рукав, но Малфой оказался проворнее; он ухватился за манжету и потянул.

– Вы посмотрите! – в экстазе завопил Малфой, потрясая мантией перед Краббе и Гойлом. – Уизли, ты же не собираешься это *носить*? Оно, конечно, писк моды… году этак в 1890-м…

– Чтоб тебе навозом подавиться, Малфой! – от души пожелал Рон, побагровев под цвет парадной мантии, и выхватил ее у Малфоя.

Тот издевательски захохотал; Краббе и Гойл тоже тупо заржали.

– Итак… будешь участвовать, Уизли? Может, попробуешь чуток прославить фамилию? Там ведь и денег можно заработать… если выиграешь, купишь приличные шмотки…

– О чем ты? – огрызнулся Рон.

– *Ты будешь участвовать?* – повторил Малфой. – Уж ты-то, Поттер, точно будешь? Ты же не упустишь случая покрываться перед

публикой.

— Либо объясни, о чем ты, либо уходи, Малфой, — отрубила Гермиона поверх «Сборника заклинаний (часть четвертая)».

По бледному лицу Малфоя разлилась довольная улыбка.

— Только не говорите, что *не знаете!* — в восторге продолжал он. — Уизли, у тебя и отец, и брат в министерстве, а ты *не знаешь?* Я в шоке! *Мне* папа рассказал сто лет назад!.. Узнал от Корнелиуса Фуджа. С другой стороны, мой отец общается с высокопоставленными чиновниками... а твой, Уизли, наверное, слишком мелкая сошка, ему ни о чем не сообщают... да, точно... о делах с ним не говорят...

Снова рассмеявшись, Малфой поманил за собой Краббе и Гойла, и все трое удалились.

Рон бросился следом и так шарахнулся по двери купе, что стекло брызнуло осколками.

— Рон! — укоризненно сказала Гермиона. Она вытащила палочку, пробормотала: — Репаро! — и осколки слетелись в целое зеркало, а оно вспрыгнуло обратно в раму.

— А чего он... будто самый умный, а мы дураки... — рявкнул Рон. — *Мой отец общается с высокопоставленными чиновниками...* А мой мог бы получить повышение в любой момент... просто ему и так хорошо...

— Конечно, — спокойно согласилась Гермиона. — Рон, это же Малфой. Не сходи с ума...

— Что?! Я? Из-за него? Вот еще! — И Рон раскрошил в кулаке котлокекс.

Остаток пути Рон пребывал в плохом настроении. Он молча переоделся в школьную форму и все еще злился, когда «Хогварц-экспресс» замедлил ход, а потом наконец остановился в кромешной темноте у платформы «Хогсмед».

Едва открылись двери поезда, в небе громыхнуло. Гермиона укутала Косолапсуса плащом, а Рон не стал снимать парадную мантию с клетки Свинринстеля. Пригибая головы и жмурясь, они сошли с поезда под сплошной ливень. Им на головы с неба как будто непрерывно выливались ушаты ледяной воды.

— Привет, Огрид! — заорал Гарри, увидев гигантский силуэт в дальнем конце платформы.

— Порядок, Гарри? — послышалось в ответ. Огрид помахал. — Увидимся на пиру, ежели не утопнем!

По традиции Огрид перевозил первоклассников в замок через озеро на лодках.

— Бррр! Не хотела бы я плыть по озеру в такую погоду! — с чувством воскликнула Гермиона. Она дрожала.

Вместе с толпой ребята медленно шагали по платформе. У станции их дожидалась сотня экипажей без лошадей. Гарри, Рон, Гермиона и Невилл с облегчением сели наконец в один из них. Дверь захлопнулась, и вскоре длинная процесия, сильно дернувшись, громыхая и разбрызгивая грязь, двинулась к замку «Хогварц».

Глава двенадцатая

Тремудрый турнир

Проехав ворота меж крылатых кабанов, экипажи, опасно кренясь на ветру, стремительно набиравшем ураганную силу, загромыхали вверх по склону. Гарри прислонился к окну. Сквозь плотную завесу проливного дождя все ближе размыто мерцали желтым окна замка. Небо озарилось молнией, и карета остановилась у каменной лестницы, ведущей к громадным дубовым дверям. Подъехавшие раньше торопливо поднимались в замок; Гарри, Рон, Гермиона и Невилл выпрыгнули из кареты и, вжимая головы в плечи, тоже побежали по ступеням. Они подняли головы, лишь когда оказались внутри, в безопасности огромного и гулкого, освещенного факелами вестибюля с величественной мраморной лестницей.

– Жуть какая-то, – сказал Рон, по-собачьи мотая головой, – если так и дальше, озеро выйдет из берегов. Я промок насквозь – А-А-АЙ!

С потолка Рону на голову упал и разорвался большой красный воздушный шар с водой. Обтекая и булькая, Рон пошатнулся и толкнул Гарри. Через мгновение упала вторая водяная бомба – и, чудом не попав в Гермиону, прямо под ногами Гарри взорвалась. Холодная волна окатила кеды и просочилась в носки. Все вокруг закричали и, суматошно толкаясь, ринулись прочь с линии огня – Гарри поднял глаза и увидел, что футах в двадцати над полом парит полтергейст Дрюзг, человечек в оранжевом галстуке-бабочке и шляпке с колокольчиками. На его широкой злобной физиономии застыла сосредоточенная гримаса – он снова прицеливался.

– ДРЮЗГ! – раздался сердитый окрик. – Дрюзг, спускайся НЕМЕДЛЕННО!

Из Большого зала выскочила профессор Макгонаголл, заместитель директора и куратор колледжа «Гриффиндор». Она поскользнулась на мокром полу и, чтобы не упасть, обхватила Гермиону за шею:

– Ой! Извините, мисс Грейндженер…

– Ничего страшного, профессор! – задушиенно прохрипела та, потирая горло.

– Дрюзг, спускайся сейчас же! – рявкнула профессор Макгонаголл, поправляя остроконечную шляпу и свирепо глядя вверх сквозь очки в квадратной оправе.

– Да я ж ничё! – захехекал Дрюзг и запулил очередную бомбу в пятиклассниц. Те завизжали и бросились в Большой зал. – Они ж и так мокрые! И это дождичек! Уи-и-и-и-и! – И в только что вошедших второклассников полетела еще одна бомба.

– Я позову директора! – закричала профессор Макгонаголл. – Предупреждаю, Дрюзг...

Дрюзг высунул язык, подбросил в воздух последнюю бомбу и улетел вверх по мраморной лестнице, хохоча как безумный.

– Что же вы, проходите, проходите! – довольно резко поторопила заляпанных детей профессор Макгонаголл. – В Большой зал, пожалуйста.

Гарри, Рон и Гермиона, то и дело поскользываясь, кое-как пересекли вестибюль и прошли направо в двойные двери. Рон гневно ворчал себе под нос, смахивая со лба насквозь мокрые пряди.

В парадном убранстве Большой зал выглядел, как всегда, потрясающе. В свете тысяч свечей, плавающих в воздухе над столами, сверкали золотом блюда и кубки. За четырьмя – по числу колледжей – длинными столами, весело болтая, сидели ученики; вдоль пятого стола лицом к учащимся расположились учителя. В зале было гораздо теплее, чем в вестибюле. Гарри, Рон и Гермиона прошли мимо столов «Слизерина», «Вранзора» и «Хуффльпуффа» и уселись за дальним, гриффиндорским столом, рядом с Почти Безголовым Ником. Жемчужно-белое, полупрозрачное привидение их колледжа облачилось в дублет с особенно пышным воротником, который призван был подчеркнуть торжественность момента, а заодно подпереть полуутрубленную голову.

– Добрый вечер, – просиял Ник.

– Так-таки и добрый, – пробурчал Гарри, снимая кеды и выливая из них воду. – Надеюсь, они поторопятся с Распределением, я с голоду умираю.

Распределение первоклассников по колледжам проводилось в начале каждого учебного года, но из-за весьма неблагоприятного

стечения обстоятельств Гарри присутствовал только на своем. И сейчас вообще-то очень хотел посмотреть.

На другом конце стола зазвенел восторженный, прерывающийся от волнения голосок:

– Э-те-гей, Гарри!

Это был Колин Криви, третьеклассник, который Гарри боготворил.

– Привет, Колин, – не поощряя ажиотажа, ответил тот.

– Гарри, знаешь что? Знаешь что, Гарри? В этом году мой брат пошел в школу! Мой брат Деннис!

– Э-э-э... здорово.

– Он так рад, так рад! – Колин буквально подпрыгивал на стуле. – Я так хочу, чтоб он попал в «Гриффиндор»! Скрести пальцы, ладно, Гарри?

– Э... ладно, хорошо, – отозвался тот. Он отвернулся к Рону, Гермионе и Почти Безголовому Нику. – Братья и сестры обычно ведь попадают в один колледж, да? – поинтересовался он. Все семеро Уизли, например, учились в «Гриффиндоре».

– Вовсе не обязательно, – помотала головой Гермиона. – У Парвати Патил сестра-близнец учится во «Вранзоре», а ведь они абсолютно идентичны – казалось бы, должны быть вместе.

Гарри посмотрел на учительский стол. Там пустовало гораздо больше мест, чем обычно. Ну, понятно, Огрид сражается с волнами на озере, перевозя первоклашек; профессор Макгонаголл руководит протиркой пола в вестибюле... но вот еще одно пустое кресло... Гарри не мог сообразить, кого не хватает.

– А где же новый преподаватель защиты от сил зла? – Гермиона смотрела туда же.

Ни один преподаватель не сумел продержаться на этой должности более трех триместров. Самым любимым у Гарри был профессор Люпин – он уволился в конце прошлого года. Гарри еще раз обвел глазами стол. Ни одного нового лица.

– Может, никого не нашли? – забеспокоилась Гермиона.

Гарри внимательно осмотрел учителей, всех по очереди. Крошечный профессор Флитвик, преподаватель заклинаний, сидел на высокой горке подушек. Рядом с ним профессор Спарж, учительница гербологии – летучие седые волосы, а колдовская шляпа нахлобучена косо. Профессор Спарж что-то говорила профессору Синистре с

кафедры астрономии. По другую сторону от Синистры сидел самый нелюбимый учитель Гарри, преподаватель зельеделия Злей – сальные волосы, землистый цвет лица, нос крючком. Нелюбовь Гарри к Злею была сравнима лишь с ненавистью Злея к Гарри – и эта ненависть, если такое вообще возможно, еще обострилась в прошлом году. Гарри тогда прямо под длинным носом Злея организовал побег Сириуса, с которым Злей непримиримо враждовал со школьной скамьи.

Около Злея стояло пустое кресло, предназначавшееся, видимо, для профессора Макгонаголл. Далее, в самом центре стола, в роскошной темно-зеленой мантии, расшитой звездами и полумесяцами, сидел профессор Думблдор. В свете свечей длинные борода и волосы директора отливали серебром. Думблдор подбородком опирался на сложенные домиком длинные худые пальцы и, глубоко погрузившись в раздумья, сквозь очки-полумесяцы взирал на зачарованный потолок. Гарри тоже посмотрел – потолок всегда отражал небо над замком и, пожалуй, еще никогда не бывал так мрачен. Там клубились чернобагровые тучи, и сейчас снова ударили гром, ослепительно полыхнула молния.

– Давайте же скорее, – простонал Рон. – Я уже гиппогрифа готов сожрать.

Не успел он произнести эти слова, как двери Большого зала отворились и воцарилась тишина. Профессор Макгонаголл повела к учительскому столу первоклассников. Гарри, Рон и Гермиона, конечно, тоже промокли, но это была ерунда в сравнении с тем, что выпало этим самым первоклассникам, – как будто они перебирались через озеро вплавь, а не на лодках. Все, подходя к учительскому столу и выстраиваясь в шеренгу, дрожали и от страха, и от холода – все, кроме самого маленького мальчика с мышастыми волосами. Он утопал в – Гарри узнал сразу – знаменитом плаще Огрида. Плащ был малышу так велик, что скорее напоминал шатер. Над воротником виднелось крохотное лицико, почти болезненно восхищенное. Встав рядом с перепуганными товарищами, он поймал взгляд Колина Криви, показал ему большие пальцы и сказал губами: «Я упал в озеро!» От такого поворота событий он явно пребывал в бешеном восторге.

Профессор Макгонаголл уже поставила перед первоклассниками трехногий табурет и поместила на него чрезвычайно старую, грязную и залатанную колдовскую Шляпу. Первоклассники уставились на нее.

Как и все остальные. Какое-то мгновение в зале было тихо. Потом над шляпными полями широко распахнулась дыра, и Шляпа запела:

*Лет тыщу, а то и поболе назад,
Меня тогда только пошили,
Четыре— о них и теперь говорят —
Великих волшебника жили.
Отважен сын пустошей был, Гриффиндор,
Добра Хуффльпуфф, дочь равнины,
Умна была Вранзор с высоких озер,
Хитер Слизерин из трясины.
И маги задумали школу открыть,
В которой могли, как мечтали,
Младых колдунов чародейству учить.
Так «Хогварц» они основали.
Но каждый свой колледж в той школе создал,
Поскольку в питомцах своих
Искали задатки тех главных начал,
Что были важнее для них.
Так, Гриффиндор отвагу
В учениках ценил,
У Вранзор же пытливый ум
Всему мерилом был.
Для Хуффльпуфф упорный труд —
Начало всех начал.
Властолюбивый Слизерин
Тщеславных привечал.
Питомцев по нраву мог выбрать всегда
Без промаха каждый мудрец.
Но кто же заетается набором, когда
Их веку настанет конец?
Решенье бесстрашный нашел Гриффиндор.
Он сдернул меня с головы и
Молвил: «Поручим мы Шляпе набор,
Вложив в нее знанья свои!»
Надень же меня, натянув до ушей,
Я в мысли твои погляжу,
Скажу без ошибки, уж ты мне поверь, —
Путь верный тебе укажу.*

Едва Шляпа допела, Большой зал взорвался аплодисментами.

– На нашем Распределении она пела другую песню, – заметил Гарри, хлопая вместе со всеми.

– Она каждый год поет новую, – сказал Рон. – Представляешь, какая тоска, быть шляпой? Наверно, она целый год очередную песню сочиняет.

Профессор Макгонаголл развернула длинный пергаментный свиток.

– Я буду вызывать вас по фамилиям, а вы должны надеть Шляпу и сесть на табурет, – объяснила она первоклассникам. – Когда Шляпа объявит ваш колледж, встаете и проходите за соответствующий стол. Аккерли, Стюарт!

Вперед шагнул мальчик – он откровенно трясясь с головы до ног, – взял Шляпу, надел ее и сел на табурет.

– «Вранзор»! – выкрикнула Шляпа.

Стюарт Аккерли снял Шляпу и поспешил к вранзорскому столу, откуда неслось ликующие рукоплескания. Гарри краем глаза увидел Чо, Ловчую «Вранзора», – она вместе со всеми приветствовала Стюарта. Гарри посетило мимолетное желание тоже сесть за их стол.

– Бэддок, Мальcolm!

– «Слизерин»!

Теперь крики понеслись с другого конца зала; Гарри видел, как хлопал Бэддоку Малфой. Интересно, подумал Гарри, знает ли этот Бэддок, что из «Слизерина» вышло больше всего черных магов? Когда Мальcolm Бэддок садился за стол, Фред с Джорджем зашипели.

– Брэнстоун, Элеанор!

– «Хуффльпуфф»!

– Колдуэлл, Оуэн!

– «Хуффльпуфф»!

– Криви, Деннис!

Крошечный Деннис Криви шагнул вперед, путаясь в плаще Огрида, а сам Огрид между тем бочком протиснулся в дверь позади учительского стола. В два раза выше и в три раза шире любого нормального человека, Огрид с его невероятной шевелюрой и косматой бородой казался страшным – и это было ошибочное впечатление. Гарри, Рон и Гермиона знали, какое доброе у Огрида сердце. Усаживаясь за стол, он подмигнул ребятам и стал смотреть, как Деннис надевает Шляпу. Дырка на Шляпе широко раскрылась, и...

– «Гриффиндор»! – провозгласила Шляпа.

Огрид захлопал вместе с гриффиндорцами, а Деннис Криви, с улыбкой до ушей, снял Шляпу, положил обратно на табурет и побежал к брату.

– Колин, представляешь, я выпал! – весь дрожа от восторга, выкрикнул он, плюхаясь на свободное место. – Вот здорово! А в воде какая-то штука схватила меня и назад в лодку закинула!

– Клево! – в таком же восторге ответил Колин. – Наверное, гигантский кальмар!

– Ух ты! – восхитился Деннис, словно никто даже в самых безумных мечтах не мог рассчитывать на подобное счастье: в шторм выпасть в бездонное озеро, а потом спастись благодаря огромному водяному монстру.

– Деннис! Деннис! Видишь того парня? Черные волосы, в очках? Видишь? Знаешь, кто это, Деннис?

Гарри отвернулся и очень сосредоточенно уставился на Шляпу, Распределявшую Эмму Добbs.

Процедура длилась и длилась. Мальчики и девочки, более или менее перепуганные, один за другим подходили к трехногому табурету. Шеренга медленно сокращалась – профессор Макгонаголл закончила с «Л».

– Давайте скорее, – простонал Рон, потирая живот.

– Ну полно, Рон, Распределение гораздо важнее пищи, – упрекнул Почти Безголовый Ник. «Мэдли, Лора!» как раз отправилась в «Хуффльпфф».

– Конечно, если ты мертвый, – огрызнулся Рон.

– Я очень надеюсь, что нынешняя партия гриффиндорцев окажется достойна наших славных традиций, – Почти Безголовый Ник аплодировал «Макдональд, Натали», присоединившейся к гриффиндорскому столу. – Мы же не хотим, чтобы кончилась полоса везения и побед?

Вот уже три года подряд «Гриффиндор» выигрывал соревнование колледжей.

– Причард, Грэм!

– «Слизерин»!

– Квирк, Орла!

– «Вранзор»!

Наконец на «Уитби, Кевине!» («Хуффльпуфф!») Распределение завершилось. Профессор Макгонаголл унесла Шляпу и табурет.

— Наконец-то, — проворчал Рон. Он схватил вилку и нож и выжидающе уставился на золотую тарелку.

Профессор Думбльдор встал. Гостеприимно раскинув руки, он улыбнулся ребятам.

— Я хочу сказать буквально одно слово, — произнес он, и его голос эхом пронесся по залу. — *Налетайте*.

— Вот это другое дело! — громко выкрикнули Гарри с Роном, когда блюда перед ними волшебным образом наполнились.

Почти Безголовый Ник грустно смотрел, как Гарри, Рон и Гермиона накладывают себе еду.

— О-о-о, ‘о-ак-то ‘учше, — сказал Рон, набив рот картофельным пюре.

— Вам повезло, что пир вообще состоялся, — заметил Почти Безголовый Ник. — На кухне сегодня был большой переполох.

— Как это? Что ‘учиось? — спросил Гарри сквозь изрядный кусок стейка.

— Что случилось… Дрюзг, разумеется. — Почти Безголовый Ник покачал головой, которая опасно заколыхалась. Он подтянул плюснутый воротник повыше. — Обычная история. Хотел прийти на пир — что, конечно, немыслимо, вы же его знаете, никакого воспитания, как увидит тарелку с едой — сразу швыряется. Мы созвали совет призраков — Жирный Монах, между прочим, был целиком и полностью за то, чтобы дать ему шанс, — но Кровавый Барон высказался за категорический запрет — и правильно сделал, по моему мнению.

Кровавый Барон, мрачный, безмолвный и запятнанный серебристой кровью, был слизеринским призраком. Во всей школе он один мог упрвиться с Дрюзгом.

— Мы так и подумали, что Дрюзг из-за чего-то взбесился, — сумрачно произнес Рон. — Так что он там наделал, в кухне?

— Да как всегда, — пожал плечами Почти Безголовый Ник. — Хаос и разрушение. Раскидал кастрюли и сковородки. Все кругом плавало в супе. До смерти перепугал домовых эльфов…

Звяк. Гермиона опрокинула золотой кубок. Тыквенный сок неостановимо пополз по скатерти, перекрасив в оранжевое несколько футов белого льна, но Гермиона даже не заметила.

— Здесь есть домовые эльфы? — Она в ужасе вытаращилась на Почти Безголового Ника. — Здесь, в «Хогварце»?

— Разумеется, — удивился Почти Безголовый Ник. — Насколько я знаю, ни в одном замке Британии столько не наберется. Больше сотни.

— Я ни разу ни одного не видела! — воскликнула Гермиона.

— Ну так они же днем почти не выходят из кухни, — сказал Почти Безголовый Ник. — Они выходят по ночам, прибираются, следят за каминами и так далее... Их ведь и не должно быть видно, не так ли? Таков отличительный признак хорошего домового эльфа, согласитесь: его не видно и не слышно.

Гермиона сверлила Ника взглядом.

— А им *платят*? — спросила она. — У них бывает *отпуск*? Больничный, пенсия?

Почти Безголовый Ник зафыркал так, что плоеный воротник сполз, голова откинулась набок и повисла на узкой призрачной полоске жил и кожи.

— Больничный? Пенсия? — переспросил он, опять водрузив голову на плечи и зафиксировав ее воротником. — Домовым эльфам не нужны больничный и пенсия!

Гермиона посмотрела на еду, к которой едва притронулась, а затем решительно положила на стол нож и вилку и отодвинула тарелку.

— Ой, ну п'растань, Ер-мона, — сказал Рон, случайно оплевав Гарри йоркширским пудингом. — Фу ты!.. ‘звини, ‘Ари... — Он проглотил. — Ты же не добьешься для них больничного голодовкой!

— *Рабский труд*, — заявила Гермиона, раздувая ноздри. — Вот как приготовлен этот ужин. *Рабским трудом!*

И не съела больше ни кусочка.

Дождь по-прежнему барабанил в высокие темные окна. Очередной раскат грома сотряс рамы, на потолке сверкнула молния и осветила золотые тарелки: остатки первых блюд быстро исчезали, и появлялось сладкое.

— Смотри, Гермиона, пирожное с патокой! — Рон помахал ладонью, чтобы на нее пошел запах. — Смородинный пудинг! Шоколадный бисквит!

Но Гермиона смерила его взглядом и при этом стала так похожа на профессора Макгонаголл, что Рон умолк.

Когда последние крошки сладкого испарились с тарелок и те вновь засияли чистотой, Альбус Думблдор снова поднялся. Веселое жужжание зала стихло почти мгновенно — слышны были только завывания ветра и стук дождя.

— Итак! — начал Думблдор, с улыбкой обводя всех глазами. — Теперь, когда мы напились и наелись («Хмф!» — фыркнула Гермиона), я прошу вашего внимания, поскольку мне необходимо сделать несколько объявлений. Наш смотритель мистер Филч просил уведомить вас, что список предметов, запрещенных в стенах замка, в этом году расширен и теперь включает в себя укокошные уй-яяшки, зубатые халявки и бumerанги бум-бум. Насколько я знаю, полный список состоит примерно из четырехсот тридцати семи предметов. Если кто-то хочет ознакомиться, он вывешен для всеобщего обозрения в кабинете мистера Филча.

Думблдор еле заметно дернул уголками рта и продолжал:

— Как всегда, напоминаю, что всем учащимся запрещено ходить в лес вокруг замка, а деревню Хогсмед посещают только те, кто уже закончил второй класс. Кроме того, моя тяжелая обязанность — уведомить вас, что квидишний чемпионат школы в этом году проводиться не будет.

— *Что?!* — выдохнул Гарри. Он оглянулся на Фреда с Джорджем, тоже игравших в команде «Гриффиндора». Те, не сводя глаз с Думблдора, молча шевелили губами, не в силах вымолвить ни слова от потрясения.

— Это вызвано тем, — сказал Думблдор, — что с октября и в течение всего учебного года в школе будет проводиться мероприятие, которое потребует от учителей полной отдачи — однако, я уверен, непременно вас всех порадует. С огромным удовольствием объявляю, что в этом году в «Хогварце»...

Но тут раздался оглушительный громовой раскат, и двери Большого зала с грохотом распахнулись.

На пороге, опираясь на длинный посох, стоял человек, укутанный в черный дорожный плащ. Все головы в зале повернулись, и незнакомца вдруг осветила раздвоенная молния, ярко сверкнувшая на потолке. Человек в дверях опустил капюшон, тряхнул длинной гривой седеющих темно-серых волос и направился к учительскому столу.

Каждый второй его шаг отдавался в зале глухим клацаньем. Человек дошел до конца стола, повернулся направо и захромал к Думблдору. Потолок вновь рассекла молния. Гермиона ахнула.

Вспышка резко выяснила лицо незнакомца, и такого лица Гарри в жизни не видал: его как будто вытесал из старого растрескавшегося полена некто, имевший очень смутное представление о человеческой внешности и не слишком умело владевший стамеской. Сплошь в шрамах, рот — диагональный разрез, большой кусок носа словно выдернут... Но самое страшное — глаза.

Один напоминал маленькую черную бусину. Другой, пронзительно-голубой, большой и круглый как монета, беспрерывно двигался. Не моргая, он крутился влево, вправо, вверх и вниз, совершенно независимо от нормального черного глаза — а потом закатился, уставившись незнакомцу в затылок, так что снаружи виднелся один белок.

Пришелец доклацал до Думблдора, протянул руку, тоже густо исчерченную шрамами, и Думблдор пожал ее, что-то пробормотав — Гарри не расслышал. Похоже было, что директор о чем-то спросил у незнакомца, а тот ответил вполголоса, покачав головой и без улыбки. Думблдор кивнул и указал гостю на свободное место справа от себя.

Человек сел, отбросил с лица темно-серую гриву, придвинул блюдо сарделек, поднес его к обрубку носа и понюхал. Затем вынул из кармана ножичек, наколол на острие сардельку и стал есть. Нормальный глаз смотрел на сардельку, а голубой, вращаясь в глазнице, стрелял во все стороны, изучая Большой зал.

— Позвольте вам представить нового преподавателя защиты от сил зла, — с воодушевлением произнес Думблдор в гробовой тишине. — Профессор Хмури.

Обычно новых преподавателей встречали бурными аплодисментами, но на сей раз не захлопал никто, ни учителя, ни ученики, только Думблдор и Огрид. Оба ударили в ладоши, но в тишине одинокие хлопки прозвучали зловеще, и оба вскоре прекратили. Всех остальных слишком поразило странное появление Хмури, и они лишь оцепенело глазели.

— Хмури? — шепотом переспросил Гарри у Рона. — *Шизоглаз Хмури?* Тот самый, которому утром помогал твой папа?

— Наверно, — тихо и благоговейно отозвался Рон.

– Что с ним такое? – тоже шепотом спросила Гермиона. – Что у него *с лицом*?

– Понятия не имею, – еле слышно ответил Рон, завороженно глядя на Хмури.

Этот отнюдь не теплый прием Хмури нимало не обескуражил. Не притронувшись к кувшину с соком, что стоял прямо перед ним, он полез куда-то под дорожный плащ, достал фляжку и от души глотнул. Когда он поднял руку ко рту, плащ задрался, и Гарри увидел под столом деревянную лодыжку в форме когтистой лапы.

Думбльдор прочистил горло.

– Как я уже сказал, – он, улыбаясь, оглядел море лиц, не сводивших зачарованных взоров с Шизоглаза Хмури, – в ближайшие месяцы в нашей школе пройдет весьма захватывающее мероприятие, подобного которому не проводилось уже свыше ста лет. Мне чрезвычайно приятно уведомить вас, что в этом году в «Хогварце» состоится Тремудрый Турнир.

– Да вы **ШУТИТЕ!** – на весь зал выпалил Фред Уизли.

Напряжение, висевшее в зале с прибытия Хмури, вдруг рассеялось.

Все засмеялись, и сам Думбльдор одобрительно захихикал.

– Нет, я *не* шучу, мистер Уизли, – сказал он, – но, кстати, вы напомнили – летом мне рассказали отличный анекдот. Значит, так: тролль, лешачка и лепрекон заходят в бар...

Профессор Макгонаголл громко закашляла.

– Э-э-э... сейчас, возможно, не время... мда... – стушевался Думбльдор. – О чем бишь я? Ах да, Тремудрый Турнир... некоторые из вас, вероятно, не знают, что это такое, поэтому, надеюсь, те, кто *знает*, простят мне небольшой экскурс в историю, а сами могут тем временем подумать о чем-нибудь своем... Тремудрые Турниры зародились около семисот лет назад. Это были дружеские состязания между учениками трех крупнейших колдовских школ Европы – «Хогварца», «Бэльстэка» и «Дурмштранга». Каждая школа делегировала на Турнир своего чемпиона. Три чемпиона выполняли три волшебных задания. Раз в пять лет школы по очереди принимали у себя участников Турнира, и принято было считать, что это блестящий метод установления дружеских контактов между молодыми ведьмами и колдунами из разных стран... Так продолжалось, пока уровень смертности не сделался столь высок, что Турниры отменили.

— Уровень смертности? — в ужасе повторила Гермиона. Но большинство, похоже, не разделяло ее беспокойства: многие оживленно переговаривались, да и Гарри куда интереснее было подробнее узнать про Турнир, чем переживать из-за смертей многовековой давности.

— Несколько веков не раз предпринимались попытки возродить Турниры, — продолжал Думблдор, — но успеха никто не добился. И все же департамент международного магического сотрудничества и департамент по колдовским играм и спорту нашего министерства решили, что пришло время попробовать вновь. Все лето мы напряженно работали над обеспечением безопасности, дабы ни при каких обстоятельствах участникам Турнира не грозила гибель... В октябре к нам прибывают директора «Бэльстэка» и «Дурмштранга» с претендентами на звание чемпиона. Чемпионы будут выбраны в Хэллоуин. Беспристрастный судья решит, кто из претендентов достоин состязаться за Тремудрый Приз,увековечение имени своей школы и вознаграждение в тысячу галлеонов.

— Я попробую! — громким шепотом воскликнул Фред Уизли, воодушевленно сияя. Подумать только: слава, богатство! И не он один вообразил себя чемпионом «Хогварца». Гарри видел, как за каждым столом ребята жадно взирают на Думблдора или увлеченно перешептываются. Затем Думблдор заговорил снова, и зал притих.

— Безусловно, каждый из вас жаждет завоевать для своей школы Тремудрый Приз, — сказал он, — и тем не менее директора школ-участниц совместно с министерством магии приняли решение ввести для претендентов возрастное ограничение. Заявки на участие будут приниматься только от тех, кому уже исполнилось семнадцать лет. Это, — Думблдор слегка повысил голос, потому что по залу понеслись возмущенные вопли (а близнецы Уизли точно взбесились), — необходимая мера. Невзирая ни на какие предосторожности, задания Турнира очень сложны и опасны — маловероятно, что с ними справятся учащиеся младше шестого-седьмого класса. Я лично прослежу за тем, чтобы несовершеннолетние не обманули нашего беспристрастного судью. — Голубые глаза ярко блеснули, скользнув по мягким лицам Фреда и Джорджа. — И я призываю тех, кому не исполнилось семнадцати, не тратить время понапрасну и не подавать заявки... Делегации «Бэльстэка» и «Дурмштранга» прибудут в октябре и

останутся у нас практически на весь учебный год. Я уверен, что вы примете наших иностранных гостей с подобающей любезностью и окажете искреннюю поддержку чемпиону «Хогварца», когда его или ее выберут. А теперь, поскольку уже очень поздно, а для завтрашних занятий вам необходимо отдохнуть и набраться сил, – быстренько спать! Марш-марш!

Думбльдор сел и повернулся к Шизоглазу Хмури. Скрежеща и грохоча скамьями, школьники встали из-за столов и устремились к двойным дверям.

– Как они могли! – возопил Джордж Уизли. Он к дверям не пошел, а остался у стола, испепеляя Думбльдора взглядом. – Нам исполнится семнадцать в апреле, почему нам нельзя участвовать?

– Меня они не остановят, – упрямо заявил Фред, тоже недовольно взиравший на учительский стол. – Чемпионам позволяет такое, что нам, простым смертным, и не снилось! Плюс тысяча галлеонов!

– Да-а, – задумчиво протянул Рон, – тысяча галлеонов…

– Пошли, – поторопила Гермиона, – мы скоро тут одни останемся.

Гарри, Рон, Гермиона, Фред и Джордж направились в вестибюль, обсуждая, как Думбльдор может помешать несовершеннолетнему подать заявку.

– А что за беспристрастный судья выбирает чемпионов? – спросил Гарри.

– Понятия не имею, – отозвался Фред, – но обдурить надо его. Джордж, я думаю, пары капель старильного зелья хватит…

– Но Думбльдор-то знает, что вам нет семнадцати, – пожал плечами Рон.

– Да, но ведь не он выбирает чемпиона, правильно? – резонно возразил Фред. – По-моему, этот самый судья получит список желающих и выберет лучшего от каждой школы, и ему безразлично будет, кому сколько лет. А Думбльдор хочет помешать нам подать заявку.

– Но ведь были смертельные случаи! – тревожно напомнила Гермиона. Они проскользнули в потайную дверцу за гобеленом и зашагали по узкой лестнице.

– Были, – беспечно согласился Фред, – но это ж миллион лет назад. И вообще, кто не рискует… Эй, Рон, ты как насчет поучаствовать? Если мы придумаем, как провести Думбльдора?

– Ты как считаешь? – обратился к Гарри Рон. – Подать заявку было бы классно, да? Но они небось выберут кого постарше... Мы-то недоучки...

– Я-то уж точно, – послышался за спинами близнецов мрачный голос Невилла, – хотя Ба наверняка захочет, чтоб я попробовал, она вечно твердит, как я должен поддержать честь семьи. Надо мне... ой!..

Нога Невилла провалилась сквозь исчезающую ступеньку посреди лестницы. В замке было много лестниц с секретами; для большинства учеников перепрыгивать через эту ступеньку стало второй натурой, но Невилл никогда ничего не помнил. Рон с Гарри подхватили его под руки и вытащили. На вершине лестницы противно задребежкали от смеха рыцарские доспехи.

– Да заткнись ты, – сказал Рон и, проходя мимо, с грохотом захлопнул рыцарю забрало.

Ребята добрались до входа в гриффиндорскую башню, спрятанного за большим портретом полной дамы в розовом шелковом платье.

– Пароль? – осведомилась дама.

– «Дребедень», – ответил Джордж, – мне староста внизу сказал.

Портрет задрался, открыв дыру в стене, и все по очереди забрались внутрь. В камине круглой общей гостиной весело потрескивал огонь. Сама гостиная была уставлена столиками и пухлыми креслами. Гермиона одарила танцующие язычки пламени суровым взглядом, и Гарри явственно расслышал, как она пробормотала: «Рабский труд». Затем пожелала всем спокойной ночи и удалилась в спальню.

Гарри, Рон и Невилл вскарабкались по последней, винтовой, лестнице и оказались в своей спальне на вершине башни. У стен стояли кровати под темно-красными бархатными балдахинами. В изножье кроватей располагались сундуки. Дин с Шеймасом уже ложились; Шеймас приколол к изголовью ирландскую розетку, а Дин поместил над тумбочкой плакат с Виктором Крумом. Рядом висел его старый плакат с футболистами «Уэст-Хэма».

– *Бред какой-то*, – со вздохом покачал головой Рон, глядя на неподвижных игроков.

Гарри, Рон и Невилл переоделись в пижамы и забрались в постели. Кто-то – вне всяких сомнений, домовый эльф – положил между простынями грелки. Небывалый уют – лежать в теплой постели и слушать завывания бури за окном.

– Может, я и поучаствую, – сонно произнес в темноте Рон, – если Фред с Джорджем узнают как… Турнир… Кто его знает, да?

– Да-а… – Гарри перевернулся на другой бок, и перед его внутренним взором замелькали заманчивые картины… вот ему удалось провести беспристрастного судью, и тот поверил, что Гарри семнадцать… вот Гарри стал чемпионом «Хогварца»… вот он стоит перед всей школой, с триумфом воздевая руки… все кричат, аплодируют… он только что выиграл Тремудрый Турнир… в толпе особенно четко выделяется восторженное лицо Чо…

Гарри заулыбался в подушку. Он был ужасно рад, что Рон этой картины не видит.

Глава тринадцатая

Шизоглаз Хмури

К утру буря прекратилась, но потолок в Большом зале оставался мрачным. За завтраком, когда Гарри, Рон и Гермиона изучали новое расписание, над головами у них нависали тяжелые оловянно-серые тучи. Фред и Джордж обсуждали с Ли Джорданом, как состарить себя волшебным способом и обманом подать заявки на участие в Тремудром Турнире.

— Сегодня довольно удачно... все утро на улице. — Рон водил пальцем по листку с расписанием. — Гербология с хуффльпуффцами, потом уход за магическими существами... черт, опять со «Слизерином»!..

— А после обеда пара прорицания, — застонал Гарри, заглянув в листок. Если не считать зельеделия, прорицание было у него самым нелюбимым предметом. Профессор Трелони упорно предсказывала близкую кончину Гарри, чем выводила его из себя.

— Давно пора бросить. Я же бросила, — подбодрила его Гермиона, намазывая гренок маслом. — Занялся бы чем-нибудь разумным — например арифмантикой.

— Я вижу, ты опять стала есть, — заметил Рон, глядя, как Гермиона густо намазывает джем на бутерброд.

— Я решила, что существуют более эффективные методы борьбы за права эльфов, — высокомерно ответила она.

— Ага... и к тому же проголодалась, — усмехнулся Рон.

Вверху неожиданно раздался громкий шелест — в открытые окна ворвались совы с утренней почтой. Гарри поднял голову. Увы, в густой массе коричневого и серого не было и намека на белое. Совы закружили над столами, выискивая адресатов. Большая нясясть зависла над Невиллом Лонгботтомом и сбросила ему на колени посылку — Невилл вечно забывал что-нибудь дома. На другом конце зала на плечо своему хозяину, Драко Малфою, опустился филин. Он, как обычно, принес пироги и конфеты. От разочарования у Гарри

засосало под ложечкой. Стаяясь не поддаваться тревоге, он вернулся к своей овсянке. Неужели с Хедвигой что-то случилось? Вдруг Сириус вовсе не получил письма?

Одолеваемый мрачными думами, Гарри по вязким междурядьям брел через огород к теплице номер три. Там он наконец отвлекся от грустных мыслей – профессор Спарж показала классу невероятно уродливые растения. На вид – скорее огромные и жирные черные слизни, вертикально торчащие из почвы. Они слегка извивались, и на их гладкой поверхности имелись большие блестящие вздутия, наполненные жидкостью.

– Буботуберы, –звестила профессор Спарж. – Их нужно выжимать. Гной вы будете собирать в…

– Что мы будем собирать? – с отвращением переспросил Шеймас Финниган.

– Гной, Финниган, гной, – повторила профессор Спарж, – и он очень ценный, страйтесь не потерять ни капли. Так вот, будете собирать гной вот в эти бутылки. Обязательно наденьте перчатки из драконьей шкуры, неразбавленный буботуберовый гной творит с кожей невероятные вещи.

Выжимать буботуберы было отвратительно, но в то же время приносило странное удовлетворение. Как только вздутия лопались, оттуда выстреливала густая желтовато-зеленая жидкость, сильно пахнувшая бензином. Профессор Спарж показала, как ловить струю в бутылку, и к концу урока набралось несколько пинт.

– Мадам Помфри будет в восторге, – сказала профессор Спарж, укупоривая последнюю бутылку. – Буботуберовый гной – прекрасное лекарство от самых стойких форм угревой сыпи. Теперь ученики перестанут делать глупости, лишь бы избавиться от прыщей.

– Как бедная Элоиза Мошкар, – страшным шепотом вставила Ханна Аббот из «Хуффльпуффа». – Она сгоняла прыщи с лица заклятием.

– Глупая девочка, – покачала головой профессор Спарж. – Но в конце концов мадам Помфри удалось поставить ей нос на место.

Гулкий звон колокола в замке, возвещая об окончании урока, эхом разнесся во влажном воздухе. Класс разделился: хуффльпуффцы отправились в замок на превращения, а гриффиндорцы – в другую

сторону, вниз по скользкому склону к деревянной хижине Огрида на опушке Запретного леса.

Огрид, держа за ошейник Клыка, громадного черного немецкого дога, ждал учеников во дворе. У его ног стояли открытые деревянные ящики. Клык поскуливал и рвался к ним, сгорая от желания исследовать содержимое. Когда ребята подошли ближе, до их ушей донесся загадочный грохот, перемежавшийся приглушенными взрывами.

— Приветик! — заулыбался Огрид. — Лучше б подождать слизеринцев, они такое не захотят пропустить. Гляньте-ка — взрывастые драклы!

— Чего? — не понял Рон.

Огрид ткнул пальцем в ящики.

— Бррр! — Лаванда Браун взвизгнула и отскочила.

Гарри был вынужден согласиться, что, кроме «бррр», про взрывастых драклов сказать нечего. Скользкие, отвратительно бледные, без намека на голову и с букетом ног, торчащих во все стороны, они напоминали изуродованных омаров без панциря. В ящиках было штук по сто драклов, каждый около шести дюймов в длину, и все беспрерывно наползали друг на друга, слепо стукаясь в стенки. Они жутко воняли протухшой рыбой. С одного конца тела у них то и дело с тихим «фьют» вылетали искры, и тогда драклы прыгали вперед на несколько дюймов.

— Только вылупились, — гордо сообщил Огрид, — сможете их сами воспитывать! Я так мыслю, это у нас будет особый *проект*!

— Это с какой же такой радости нам их воспитывать? — холодно произнес знакомый голос.

Прибыли слизеринцы. Краббе и Гойл поддержали выступление Драко Малфоя подобострастным хихиканьем.

Огрид растерялся.

— Радость от них какая? — пояснил Малфой. — Что они *делают*?

Огрид открыл рот, мучительно задумался и после паузы отрубил:

— Это уже следующий урок, Малфой. А нынче будете их просто кормить. И вот еще чего, вы им подавайте разные вещи — у меня ж их раньше не было, не знаю, чего им по вкусу, — я тут принес муравьиные яйца, лягушачью печеньку, кусочек ужа — попробуем дать всего понемножку.

— Сначала гной, теперь еще и это, — пробормотал Шеймас Финниган.

Только горячая привязанность к Огриду заставляла Гарри, Рона и Гермиону пригоршнями набирать осклилизную лягушачью печень, опускать ее в корзины и пытаться заинтересовать ею драклов. Гарри не оставляло чувство, что занятие это совершенно бесполезное, потому что у драклов не наблюдалось ртов.

— Ой! — минут через десять заорал Дин Томас. — Он меня укусил!

Встревоженный Огрид поспешил к нему.

— Он взорвался с конца! — сердито буркнул Дин, демонстрируя Огриду ожог на ладони.

— А... точно... так бывает, они взрываются, — кивнул Огрид.

— Фу! — воскликнула Лаванда Браун. — Фу, Огрид, что это у них за острыя штука?

— У них у некоторых жало, — с энтузиазмом поведал Огрид (Лаванда быстро отдернула руку от ящика). — Я так прикидываю, это самцы... а у самок штукенция на животе, вроде присоски... видать, кровь сосут.

— Теперь я наконец понимаю, зачем нам их выкармливать, — саркастично заметил Малфой. — Кто же откажется от питомца, который с одного конца жалит, с другого кусает, а с третьего — жжет?

— То, что они неприятные, еще не значит, что от них никакого прока, — огрызнулась Гермиона. — Драконья кровь очень полезна, но ты же не станешь держать дома дракона.

Гарри с Роном заговорщицки ухмыльнулись Огриду, и тот в ответ еле заметно улыбнулся под кустистой бородой. Огрид как раз очень даже стал бы держать дома дракона, о чем Гарри, Рон и Гермиона прекрасно знали, — когда они учились в первом классе, он одно время был счастливым обладателем кошмарного норвежского зубцеспина по кличке Норберт. Огрид обожал чудовищных монстров — чем смертоноснее, тем лучше.

— Что ж, по крайней мере, драклы маленькие, — изрек Рон час спустя по пути в замок.

— Это *сейчас*, — безнадежно вздохнула Гермиона, — но, как только Огрид выяснит, чем они питаются, они сразу вырастут футов до шести.

— Ну это же не важно, зато вдруг они, к примеру, от морской болезни помогают, — хитро усмехнулся Рон.

— Я сказала это, только чтобы Малфой заткнулся, ты же сам отлично понимаешь, — отрезала Гермиона. — А вообще-то, на сей раз он прав. Лучше бы избавиться от них, пока всех не перекусали.

Ребята уселись за гриффиндорский стол и принялись угощаться бараньими отбивными с картошкой. Гермиона ела так быстро, что Гарри с Роном удивленно вытаращились.

— Ты чего?.. Придумала новый способ борьбы за права эльфов? — спросил Рон. — Решила добиться, чтоб тебя вырвало?

— Ничего подобного, — ответила Гермиона со всем достоинством, которого ей удалось достичь с полным ртом брюссельской капусты. — Мне просто надо в библиотеку.

— *Что?!* — Рон не поверил своим ушам. — Гермиона!.. Сегодня первый день! Нам еще ничего не задали!

Гермиона дернула плечами и продолжила заталкивать в рот куски, будто ее несколько дней не кормили. Затем вскочила, наспех бросила:

— Увидимся за ужином! — и с дикой скоростью унеслась.

Прозвонил колокол — сигнал к началу послеобеденных занятий. Гарри с Роном отправились в Северную башню, по узкой винтовой лестнице забрались на вершину, а там к ним из круглого люка в потолке спустилась серебряная лесенка.

Едва они просунули в люк головы, в ноздри ударил знакомый сладкий запах от камина. Шторы, как всегда, были опущены. Круглая комната купалась в призрачном красноватом свете ламп, задрапированных шарфами и шалями. Гарри с Роном пробрались за свой столик между ситцевых кресел и пуфиков, на которых уже сидели их одноклассники.

— Добрый день, — сказал загадочный голос профессора Трелони прямо у Гарри за спиной, и он вздрогнул.

Профессор Трелони, очень худая женщина в огромных очках, от которых ее глаза казались чересчур велики, с высоты своего роста взирала на Гарри с трагизмом, который припасала исключительно для него. Все ее многочисленные бусы, цепи и браслетыискрились в свете камина.

— Ты чем-то обеспокоен, дитя мое, — заупокойно объявила она. — Лицо храброе, но душа... мой Внутренний Взор не обманешь — душа тревожна. И я должна с огорчением признать, что твое беспокойство небезосновательно. Я вижу, что у тебя впереди трудные времена...

Увы!.. Очень, очень трудные... Боюсь, то, чего ты опасаешься, и в самом деле случится... быть может, раньше, чем ты думаешь...

Она перешла на шепот. Рон поглядел на Гарри и закатил глаза. Гарри ответил каменным взглядом. Профессор Трелони прошелестела мимо и уселась перед классом в большое кресло у камина. Очень близко к ней, на пуфиках, примостились Лаванда Браун и Парвати Патил, боготворившие прорицательницу.

— Мои любезные, пришло время заняться звездами, — заговорила она, — движениями планет и таинственными предзнаменованиями, которые они раскрывают лишь тем, кто способен уразуметь рисунок небесного танца. Человеческая судьба зашифрована в излучениях планет, сочетающихся...

Мысли Гарри унеслись далеко-далеко. Ароматизированный жар камина всегда усыплял его и одурманивал, а монотонное бормотание профессора Трелони обычно не очень-то увлекало, но сейчас он поневоле размышлял о том, что она сказала. «Боюсь, то, чего ты опасаешься, и в самом деле случится...»

Но ведь Гермиона права, в раздражении подумал Гарри, профессор Трелони — всего лишь старая дура. Ничего он сейчас не опасается... если, конечно, не считать тревоги за судьбу Сириуса... но что она знает, эта Трелони? Гарри давно уже пришел к выводу, что ее предсказания — в основном удачные догадки плюс таинственная манера выражаться.

Вот только тот случай в конце прошлого учебного года, когда она предсказала, что Вольдеморт восстанет вновь... Сам Думбльдор, узнав об этом от Гарри, признал, что транс ее был подлинным...

— *Гарри!* — тихо позвал Рон.

— Что?

Гарри огляделся; на него смотрел весь класс. Он сел прямо; кажется, он чуть не заснул, одурев от жара и погрузившись в раздумья.

— Я говорила, мой дорогой, что ты, со всей очевидностью, родился под гибельным влиянием Сатурна. — В голосе профессора Трелони слышалась еле заметная обида: как же Гарри осмелился не внимать каждому ее слову?

— Родился под... чем, извините? — переспросил Гарри.

— Сатурна, дорогой, планеты Сатурн! — вскричала профессор Трелони, явно раздраженная тем, что он от этого известия не упал

замертво. – Я говорила, что в момент твоего рождения влияние Сатурна, очевидно, было очень сильно... твои темные волосы... худощавое сложение... трагические потери в юном возрасте... думаю, я не ошибусь, мой мальчик, если скажу, что ты родился в середине зимы?

– Нет, – сказал Гарри, – я родился в июле.

Рону пришлось по-быстрому превратить свой смех в сухой кашель.

Через полчаса перед каждым лежала сложная круговая карта – на нее требовалось нанести положение планет в момент твоего рождения. Это была ужасно нудная работа, бесконечное изучение таблиц и вычисление углов.

– У меня тут два Нептуна, – спустя некоторое время сказал Гарри. Он, нахмурившись, глядел в свой пергамент. – Так ведь не может быть, да?

– А-а-ах, – Рон симитировал мистический шепот профессора Трелони, – Гарри, когда в небе появляются два Нептуна, это верный знак того, что где-то на земле рождается очкастая козявка...

Шеймас и Дин, сидевшие рядом, громко прыснули, не заглушив, впрочем, возбужденный вопль Лаванды Браун:

– Ой, профессор, взгляните! По-моему, у меня здесь неаспектированная планета! О-о-о, какая же это, профессор?

– Это Уран, девочка, – изрекла профессор Трелони, пристально поглядев на карту.

– Ура, Уран, Ур-р-а-а... анус! Дай посмотреть, Лаванда! – развеселился Рон.

К великому его сожалению, профессор Трелони услышала. Возможно, потому она и задала так много на дом.

– Детальный анализ того, как движение планет в ближайший месяц повлияет на вашу судьбу, в соответствии с вашей индивидуальной картой, будьте любезны, – резко бросила она, подрастеряв отрешенности и напомнив скорее профессора Макгонаголл. – К понедельнику, пожалуйста, и не отлынивать!

– Старая курица, – горько проворчал Рон, когда они присоединились к толпе, спускающейся по лестнице в Большой зал на ужин. – Считай, все выходные убиты!

– Что, много задали? – радостно поинтересовалась догнавшая их Гермиона. – А нам профессор Вектор ничего не задала!

– Ну и к драклам ее, твою Вектор, – мрачно заявил Рон.

В вестибюле выстроилась порядочная очередь на ужин. Ребята встали в хвост, и тут сзади громко прозвучало:

– Уизли! Эй, Уизли!

Гарри, Рон и Гермиона обернулись. За ними стояли весьма чем-то довольные Малфой, Краббе и Гойл.

– Ну что? – коротко спросил Рон.

– Про твоего папашу написали в газете, Уизли! – Малфой помахал «Оракулом». Он нарочно говорил громко, чтобы никто в вестибюле ничего не упустил. – Послушай-ка!

МИНИСТЕРСТВО МАГИИ ОПЯТЬ ОПОЗОРИЛОСЬ

Такое впечатление, что беды министерства магии никогда не кончатся, сообщает наш спецкор Рита Вритец. Недавно навлекшее на себя жесткую критику прессы за неспособность контролировать толпу на финале квидишного кубка и все еще не давшее вразумительного объяснения исчезновению одного из своих работников, министерство снова попало в неловкую ситуацию из-за вчерашней выходки Арнольда Уизли (отдел неправомочного использования мугл-артефактов).

Малфой оторвался от статьи.

– Подумать только, Уизли, они даже имя не смогли правильно указать. Такое впечатление, что он там ноль без палочки. – Малфой просто каркал от радости.

Теперь уже внимательно слушали все. Малфой эффектно расправил газету и продолжил чтение:

Арнольд Уизли, два года назад обвинявшийся во владении летающим автомобилем, вчера оказался вовлечен в потасовку с правоохранительными органами муглов («полицейскими») по поводу неких чересчур агрессивных мусорных баков. Судя по всему, Арнольд Уизли прибыл на выручку «Шизоглазу» Хмури, в прошлом аврору, а ныне пенсионеру, отправленному министерством в отставку по причине полной неспособности отличить рукопожатие от покушения на убийство. Неудивительно поэтому, что мистер Уизли, прибыв к дому мистера Хмури, обнаружил, что тревога в очередной раз оказалась ложной. Мистеру Уизли удалось отделаться

от полицейских, лишь когда он модифицировал нескольким из них память. Мистер Уизли категорически отказался ответить на вопрос корреспондента «Оракула» о том, зачем ему понадобилось впутывать министерство в столь недостойную, сомнительную ситуацию.

– Тут фотография, Уизли! – Малфой развернул газету и поднял над головой. – Твои предки перед вашим домом – ну, или что у вас вместо дома. Твоей мамаше не мешало бы похудеть, а?

Рона от гнева тряслось. Все взгляды были прикованы к нему.

– Заткни свой грязный рот, Малфой, – приказал Гарри, – пошли, Рон…

– Ах да, ты же гостишь у них летом, Поттер? – презрительно скривился Малфой. – Так что, его мамаша и впрямь жирная или на фотографии плохо вышла?

– А ты знаешь, Малфой, что у *твоей* мамаши, – ответил Гарри (они с Гермионой удерживали Рона за мантию, чтобы тот не бросился на Малфоя), – лицо, как будто у нее навоз под носом? Это у нее всегда или только если ты рядом?

Бледное лицо Малфоя еле заметно порозовело.

– Не смей оскорблять мою мать, Поттер.

– Тогда держи пасть на замке, понял? – И Гарри отвернулся.

БАМС!

Раздались крики – Гарри ощущал, как щеку оцарапало что-то обжигающее, – он полез за волшебной палочкой, но, не успев ее достать, услышал второе «бамс», а потом рев, эхом разнесшийся по всему вестибюлю:

– НУ УЖ НЕТ, ПАРЕНЬ!

Гарри резко обернулся. По мраморной лестнице хромая спускался профессор Хмури. Палочку он устремлял на ослепительно-белого хорька. Испуганно дрожа, хорек вжимался в ступеньку на том самом месте, где только что стоял Малфой.

В вестибюле повисла гробовая тишина. Никто, кроме Хмури, не смел пошевелиться. Хмури повернулся и поглядел на Гарри – по крайней мере, нормальным глазом; другой смотрел внутрь головы.

– Он тебя задел? – пророкотал Хмури. Голос у него был низкий и скрипучий.

– Нет, – ответил Гарри, – промахнулся.

– ОТСТАВИТЬ! – крикнул Хмури.

– Что «отставить»? – растерялся Гарри.

– Не ты – он! – Хмури через плечо показал большим пальцем на Краббе, который замер в полупоклоне – он собирался взять белого хорька на руки. Кажется, врачающийся глаз Хмури был волшебным и видел то, что творится у него за спиной.

Хмури захромал к Краббе, Гойлу и хорьку. Последний панически пискнул и, струисто сверкая шкуркой, бросился к подземелью.

– Не выйдет! – взревел Хмури и снова указал на хорька палочкой – тот взлетел футов на десять, потом шмякнулся на пол и снова подскочил как мячик. – Не люблю, когда нападают из-за спины, – наставлял Хмури, а хорек, вереща от боли, прыгал, ударяясь об пол и снова взлетая, – это низость, это подлость, это трусость!

Лапки и хвост беспомощно трепыхались в воздухе.

– Никогда – так – больше – не – делай, – приговаривал Хмури при каждом ударе зверька об пол.

– Профессор Хмури! – воскликнул потрясенный голос.

По лестнице со стопкой книг в руках спускалась профессор Макгонаголл.

– Добрый вечер, профессор Макгонаголл, – невозмутимо отвечал Хмури, подбрасывая хорька еще выше.

– Что это... Что вы делаете? – спросила она, водя глазами вслед за хорьком.

– Учу, – ответил Хмури.

– Учите?.. Хмури, это что, ученик?! – взвизгнула профессор Макгонаголл, выронив книги.

– Угу, – буркнул Хмури.

– Нет! – закричала профессор Макгонаголл, сбегая по лестнице и вытаскивая палочку. Через мгновение хорек с громким хлопком снова стал Драко Малфоем, беспомощно распластавшимся на полу. Его платиновые волосы облепили блестящее пунцовое лицо. Кривясь от боли, он поднялся.

– Хмури, мы никогда не используем превращения в качестве наказания! – пролепетала профессор Макгонаголл. – Я уверена, профессор Думблдор вас уведомил?

– Угу, уведомил, – Хмури равнодушно почесал подбородок, – но я решил, что хорошая трепка и сильный испуг...

— У нас налагаются взыскания, Хмури! Или сообщают куратору колледжа!

— Ладно, теперь и я буду, — кивнул Хмури, неприязненно глядя на Малфоя.

Малфой поднял на Хмури глаза, полные слез боли и пережитого унижения, и злобно буркнул что-то невнятное. Ясно различимы были только слова «мой отец».

— Отец? — спокойно повторил Хмури, подковыляв поближе. Каждое клацание деревянной ноги по полу эхом отдавалось в вестибюле. — Что ж, я его давно знаю, парень... ты передай ему, что Хмури пристально следит за его сыночком... передай ему от меня... Итак... Стало быть, куратор у нас Злей, правильно?

— Да, — обиженно буркнул Малфой.

— Еще один старый друг, — пророкотал Хмури. — С удовольствием побеседую со стариной Злеем... Ну, пойдем. — Он схватил Малфоя за плечо и погнал перед собой в подземелье.

Профессор Макгонаголл встревоженно поглядела им в спины, затем махнула палочкой на упавшие книжки, и те вспрыгнули ей в руки.

— Не разговаривайте со мной, — тихо попросил Рон Гарри и Гермиону через несколько минут, когда они сидели за гриффиндорским столом. Вокруг жужжали восторженные голоса — все обсуждали случившееся.

— Почему? — удивилась Гермиона.

— Я хочу запомнить это навеки. — Рон сидел зажмутившись, и лицо у него было счастливое. — Драко Малфой, необыкновенный прыгучий хорек...

Гарри с Гермионой рассмеялись, и Гермиона стала раскладывать по тарелкам мясную запеканку.

— Но ведь он мог Малфоя взаправду покалечить, — озабоченно сказала она. — На самом деле, хорошо, что профессор Макгонаголл это пресекла...

— Гермиона! — яростно завопил Рон, распахивая глаза. — Ты портишь лучшую минуту в моей жизни!

Гермиона нетерпеливо фыркнула и начала быстро есть.

— Только не говори, что тебе опять в библиотеку, — сказал Гарри, наблюдая за ней.

– Куда деваться? – с полным ртом отозвалась Гермиона. – Куча дел.
– Сама же говорила, что профессор Вектор...
– Это не домашнее задание, – коротко ответила она, через пару минут доела и убежала.

Едва она ушла, ее место занял Фред.
– Но каков Хмури! – воскликнул он.
– Клевый! – воскликнул Джордж, усаживаясь напротив Фреда.
– Суперклевый! – воскликнул лучший друг близнецов Ли Джордан, скользнув на место рядом с Джорджем. – У нас он только что был, – пояснил он Гарри с Роном.
– Ну и как? – с интересом спросил Гарри.
Фред, Джордж и Ли многозначительно переглянулись.
– Это нечто! Первый раз такое, – уверенно сказал Фред.
– Уж он знает, – покивал Ли.
– Что знает? – Рон подался вперед.
– Знает, как оно все делается, – с чувством ответил Джордж.
– Что делается? – спросил Гарри.
– Как борются с силами зла, – объяснил Фред.
– Уж он повидал... – протянул Джордж.
– ‘Тр’сающе, – невнятно добавил Ли.
Рон добыл из рюкзака расписание.
– У нас Хмури только в четверг, – разочарованно сказал он.

Глава четырнадцатая

Непростительные проклятия

Следующие два дня прошли без особых приключений, если не считать того, что на зельеделии Невилл расплавил уже шестой котел. Профессор Злей, чья мстительность за лето достигла небывалых масштабов, наложил взыскание – Невиллу пришлось выпотрошить целую бочку рогатых жаб, и он вернулся в состоянии, близком к нервному срыву.

– Догадываешься, почему Злей в таком гнусном настроении? – спросил Рон у Гарри.

Они стояли и смотрели, как Гермиона обучает Невилла скобляному заклятию для удаления жабьих потрохов из-под ногтей.

– Конечно, – кивнул Гарри. – Из-за Хмури.

Было общеизвестно, что Злей мечтает занять пост учителя защиты от сил зла и эта возможность ускользает от него уже четвертый год подряд. Злей открыто ненавидел всех преподавателей этой дисциплины, но отчего-то опасался демонстрировать свою неприязнь Шизоглазу Хмури. Когда бы Гарри ни увидел их вместе – за трапезами или в коридорах, – его не оставляло ощущение, будто Злей всячески избегает глаз Хмури, как обычного, так и волшебного.

– По-моему, Злей его боится, – задумчиво произнес Гарри.

– Представляешь, если бы Хмури превратил Злея в рогатую жабу, – мечтательно отозвался Рон, – и заставил бы его прыгать по подземелью... скок-поскок?..

Все четвероклассники-гриффиндорцы с таким нетерпением ждали первого урока Хмури, что в четверг после обеда пришли к аудитории задолго до колокола.

Не было лишь Гермионы, которая появилась перед самым началом урока.

– Ходила в...

– ...библиотеку, – закончил за нее Гарри. – Давай скорей, а то приличных мест не останется.

Они подскочили к трем свободным стульям прямо перед учительским столом, достали учебники («Силы зла: руководство по самозащите») и притихли в ожидании. Скоро из коридора донеслось отчетливое клацанье, и в класс вошел Хмури, по обыкновению странный и страшный. Из-под подола мантии виднелась когтистая деревянная ступня.

— Это можете убрать, — пророкотал он, подковыляв к столу и усаживаясь, — книжки ваши. Не понадобятся.

Ребята убрали книжки в рюкзаки. У Рона на лице было написано восторженное предвкушение.

Хмури достал журнал, откинул седую гриву с перекошенного, изрезанного шрамами лица и начал вызывать всех по фамилиям. Нормальный глаз двигался по строчкам как положено, а волшебный вращался в глазнице, впиваясь в ученика, едва тот откликался.

— Превосходно, — сказал Хмури, когда все доложили о своем присутствии. — Я получил письмо от профессора Люпина по поводу вашего класса. Судя по всему, вы достаточно подкованы в смысле обращения с разными нехорошими существами — вы прошли вризраков, красношапов, финтиплохов, загрыбастов, капп и оборотней, верно?

По классу пробежал согласный шепоток.

— Но вы порядком подотстали — сильно отстали — в смысле проклятий, — продолжал Хмури. — Моя задача подтянуть вас по части того, что колдуны могут сделать друг с другом. У меня есть целый год, чтобы обучить вас противостоять черной...

— А вы что, не останетесь? — выпалил Рон.

Провернувшись в глазнице, волшебный глаз уставился на Рона; у того сделался крайне испуганный вид, но Хмури улыбнулся — первый раз за все времена. Улыбка еще больше перекосила его лицо, однако было приятно узнать, что грозный преподаватель способен и на такие эмоции. По физиономии Рона разлилось несказанное облегчение.

— Ты, видимо, сын Артура Уизли? — догадался Хмури. — Несколько дней назад твой отец вытащил меня из очень неприятной передряги... Да, я здесь всего на год. По особой просьбе Думблдора... всего год, а потом — назад, на пенсию, к тишине и покоя.

Он хрипло хохотнул и хлопнул в корявые ладоши.

— Что ж — к делу. Проклятия. Они бывают самые разные и разной силы. Вообще-то, согласно распоряжению министерства магии, я должен всего лишь научить вас контрзаклятиям. Раньше шестого класса я не имею права показывать вам, что такое запрещенные заклинания черной магии. Считается, что вы еще слишком маленькие. Однако профессор Думбльдор более высокого мнения о вашей выносливости, он считает, что вы в состоянии совладать с собой, а на мой взгляд, чем раньше узнаешь об угрозе, тем лучше. Как, скажите на милость, защититься от того, чего никогда не видел? Если колдун хочет применить запрещенное заклятие, вряд ли он заранее вас об этом уведомит. И церемониться не будет. Поэтому вы должны быть готовы. Вы должны быть внимательны и осторожны. И вы должны отложить все дела в сторону, мисс Браун, и слушать, что я говорю.

Лаванда, вспыхнув, так и подскочила на стуле. Она показывала Парвати свой гороскоп под партой. Значит, волшебный глаз Хмури видел не только сквозь затылок, но и сквозь дерево.

— Итак... кто из вас знает, применение каких заклятий серьезнее всего наказуемо по закону?

Опасливо поднялось несколько рук, в том числе Рона и Гермионы. Хмури ткнул пальцем в Рона, хотя волшебным глазом все еще смотрел на Лаванду.

— Э-э, — неуверенно начал Рон, — мне папа говорил... называется, кажется, «проклятие подвластия»?

— Совершенно верно, — одобрительно кивнул Хмури, — уж кто-кто, а твой отец *знает*. В свое время оно принесло министерству много головной боли, это проклятие.

Хмури тяжело поднялся на свои разные ноги, открыл ящик стола и достал стеклянную банку. Внутри копошились три больших черных паука. Гарри почувствовал, как съежился Рон — бедняга ненавидел пауков.

Хмури запустил руку в банку, поймал одного паука и на ладони показал его классу.

Потом направил на него волшебную палочку и пробормотал:

— Империо!

Паук свалился с ладони Хмури и повис на тонкой шелковистой нити. Потом закачался взад и вперед, как на трапеции. Потом неестественно растопырил ноги и сделал кувырок назад. Паутинка

порвалась, паук упал на парту и заходил колесом по кругу. Хмури дернул палочкой, паук встал на две задние ноги и исполнил чечетку.

Все засмеялись – все, кроме Хмури.

– Смешно вам? – рявкнул он. – А вам бы понравилось, если бы с вами так?

Смех замер почти мгновенно.

– Полный контроль, – тихо продолжал Хмури, а паук тем временем свернулся в клубок и покатился, – я мог бы заставить его выброситься из окна, утопиться, нырнуть любому из вас в глотку…

Рон непроизвольно содрогнулся.

– Было время, когда многими ведьмами и колдунами управляло проклятие подвластия, – проговорил Хмури, и Гарри понял, что он имеет в виду дни царствования Вольдеморта. – Представьте, каково было министерству разбираться, кто совершал преступления вынужденно, а кто по своей воле… Но проклятию подвластия можно противостоять, и я вас научу, хотя это и потребует настоящей силы духа, а она есть не у каждого. Лучше просто не подставляться. НЕУСЫПНАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ! – прогремел он, и все подпрыгнули.

Хмури подобрал паука, исполняющего сальто, и кинул обратно в банку.

– Кто может назвать еще? Другое запрещенное заклятие?

Руку подняла Гермиона, а также, к легкому изумлению Гарри, и Невилл. Обычно Невилл решался на подобное только на гербологии, которую очень неплохо знал. Сейчас он, видимо, и сам был поражен собственной смелостью.

– Да? – Волшебный глаз Хмури перекатился и неподвижно уставился на Невилла.

– Я знаю… пыточное проклятие, – тихо, но отчетливо сказал Невилл.

Хмури очень внимательно посмотрел на Невилла обоими глазами.

– Твоя фамилия Лонгботтом? – Волшебный глаз глянул в журнал.

Невилл нервно кивнул, но Хмури больше ни о чем не спросил. Оглядев остальных, он достал из банки еще одного паука и положил на стол, где тот и замер в страхе.

– Пыточное проклятие, – вздохнул Хмури. – Тут нужно покрупнее, чтобы вы поняли… – И он указал палочкой на паука: – Энгоргио!

Паука раздуло. Он стал больше тарантула. Оставив все попытки сохранить лицо, Рон отъехал на стуле назад, как можно дальше от учительского стола.

Хмури снова поднял палочку, указал на паука и произнес:

– Круцио!

Ноги у паука подломились; он перевернулся и закачался из стороны в сторону, ужасно содрогаясь. Он не издавал ни звука, но сомнений не оставалось: будь у него голос, он бы кричал. Хмури не отводил палочку, паук трясся и дергался все сильнее...

– Перестаньте! – звонко выкрикнула Гермиона.

Гарри повернулся к ней. Она смотрела не на паука, а на Невилла, и Гарри, проследив за ее взглядом, увидел, что Невилл сидит, сцепив руки на столе, костяшки у него побелели, а глаза распахнуты в ужасе.

Хмури отвел палочку. Ноги паука расслабились, но он продолжал дергаться.

– Редуцио, – бормотнул Хмури, и паук уменьшился до нормальных размеров. Хмури отправил его назад в банку. – Боль, – почти шепотом сказал Хмури. – Не нужны ножи и тиски, если умеешь применять пыточное проклятие... оно тоже было очень популярно. Так... Еще?

Гарри оглядел класс. На всех лицах было написано опасение за судьбу последнего паука. Гермиона опять подняла руку, и на сей раз рука слегка дрожала.

– Слушаю. – Хмури повернулся к ней.

– Авада Кедавра, – прошептала Гермиона.

Несколько человек, Рон в том числе, поглядели на нее, как-то съежившись.

– А, – слабая улыбка вновь перекосила кривой рот, – да. Последнее и самое ужасное. Авада Кедавра... убийственное проклятие.

Он запустил руку в банку. Третий паук, словно зная, что его ждет, отчаянно заметался, спасаясь от пальцев Хмури, но тот схватил его и посадил на стол. Бедное животное в панике забегало по столешнице.

Хмури поднял палочку, и Гарри замер от ужасного предчувствия.

– Авада Кедавра! – проревел Хмури.

Ослепительно полыхнуло зеленым, раздался странный шорох, будто пролетело нечто огромное и невидимое, – и паук кувырнулся на спину, мгновенно и незаметно умерев. Кто-то из девочек сдавленно

вскрикнул. Рон резко откинулся назад и чуть не перевернулся вместе со стулом – паук покатился прямо на него.

Хмури смахнул мертвого паука на пол.

– Вот так, – спокойно проговорил он, – малоприятно. И никакого контрзаклятия. Блокировать нельзя. Это проклятие пережил одинединственный человек, и он сидит сейчас передо мной.

Гарри ощущал, что краснеет, когда глаза Хмури (оба) заглянули в его собственные. Он чувствовал, что на него смотрит весь класс. Гарри как зачарованный уставился на доску, хотя на самом деле не видел ее...

Значит, вот как умерли его родители... совсем как этот паук. Раз – и нету, а на вид словно ничего и не произошло. Зеленая вспышка, шорох близкой смерти – и пустота...

Вот уже три года Гарри пытался вообразить смерть родителей – с тех самых пор, как узнал, что их убили. Выяснилось, что это Червехвост выдал Вольдеморту, где они скрываются, и Вольдеморт пришел к ним в дом... Сначала он убил отца Гарри. Джеймс Поттер пытался задержать Вольдеморта и кричал жене, чтобы хватала ребенка и бежала... но Вольдеморт бросился к Лили Поттер и приказал ей отойти, он хотел убить Гарри... она умоляла убить ее вместо сына и прикрывала малыша собой... Вольдеморт убил и Лили, и только потом обратил свою палочку на Гарри...

Эти подробности Гарри знал, потому что, когда в прошлом году к нему приближались дементоры, ему слышались голоса родителей перед смертью – ибо такова была страшная сила дементоров: заставлять свои жертвы вновь переживать худшие минуты их жизни и топить их, обессиленных, в отчаянии...

Словно издалека, до Гарри вновь донесся голос Хмури. С огромным усилием Гарри вернулся в настоящее и стал слушать.

– Авада Кедавра – проклятие, которое требует огромной колдовской силы. Вы можете все вместе наставить на меня палочки и произнести слова, но вряд ли у меня хотя бы кровь пойдет из носа. Однако это не важно. Я здесь не для того, чтобы обучать вас, как его исполнить... Естественно, возникает вопрос: зачем, если нет контрзаклятия, я вам это показываю? *Потому что вы должны знать.* Вы должны знать все, вплоть до самого худшего. Вам нельзя угодить под это проклятие. **НЕУСЫПНАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ!** – снова проревел

он, и снова все подпрыгнули. – Стало быть... Вышеупомянутые три проклятия – Авада Кедавра, подвластия и пыточное – известны как непростительные проклятия. Применение любого из них против другого человеческого существа карается пожизненным заключением в Азкабане. Вот с чем вам предстоит бороться. И я должен вас научить. Вас нужно подготовить. Вооружить. Но главное – вы должны научиться *неусыпной, неослабевающей бдительности*. Достаньте перья... запишите...

Остаток урока они делали записи о непростительных проклятиях. Никто не произнес ни слова, пока не прозвучал колокол, – но когда Хмури отпустил класс и ребята вышли из аудитории, их словно прорвало. Большинство с благоговейным ужасом обсуждали действие проклятий: «Видели, как он извивался?..», «...А как он его убил – раз и каюк!».

Они так говорили, словно побывали на увлекательном представлении, а вот Гарри не сильно развлекся – как, впрочем, и Гермиона.

– Пошли скорей, – напряженно поторопила она друзей.
– Опять в твою дурацкую библиотеку? – спросил Рон.
– Нет, – коротко ответила Гермиона, показывая в боковой коридор. – Невилл.

Невилл стоял один посреди коридора и широко раскрытыми, невидящими глазами смотрел в стену. На лице у него застыл ужас, как в ту минуту, когда Хмури демонстрировал пыточное проклятие.

– Невилл, – мягко позвала Гермиона.
Тот обернулся.
– А, привет, – заговорил он пронзительнее, чем обычно. – Любопытный урок, да? Интересно, что на обед, – умираю с голода, а вы?

– Невилл, что с тобой? – спросила Гермиона.
– Со мной ничего, я в порядке, – забормотал Невилл все так же звонко. – Очень интересный обед – в смысле урок – что там на еду?

Рон испуганно посмотрел на Гарри.
– Невилл, что?..
Но в коридоре заклацало, ребята обернулись и увидели, что к ним ковыляет профессор Хмури. Все четверо застыли и молча, с

некоторым страхом, взирали на учителя, но, когда тот заговорил, голос его рокотал тише и ласковее.

– Ничего, сынок, – сказал он Невиллу, – пойдем-ка мы с тобой ко мне в кабинет... Пошли... чайку попьем...

Перспектива пить чай с Хмури, казалось, напугала Невилла еще больше. Он ничего не ответил и не пошевелился.

Волшебный глаз уставился на Гарри:

– С тобой все в порядке, Поттер?

– Да, – ответил Гарри почти с вызовом.

Волшебный глаз слегка задрожал в глазнице, рассматривая Гарри.

Затем Хмури произнес:

– Вы должны знать. Может, это жестоко, но вы должны знать. Нет смысла притворяться... м-да... пойдем, Лонгботтом, у меня есть кое-какие книжки, они тебе понравятся.

Невилл бросил умоляющий взгляд на Гарри, Рона и Гермиону, но те молчали, и у Невилла не осталось выбора. Хмури положил ему на плечо корявую руку, и Невилл позволил себя увести.

– Что это было? – проговорил Рон, наблюдая, как Невилл и Хмури заворачивают за угол.

– Не знаю, – задумчиво ответила Гермиона.

– Вот это урок – скажи, Гарри? – по дороге в Большой зал заметил Рон. – Фред с Джорджем были правы. Он и впрямь знает свое дело, этот Хмури, скажи? А как он с Авадой Кедаврой? Паук вдруг – бац! – и сдох...

Но заметив, какое у Гарри лицо, Рон осекся и не издавал ни звука до самого Большого зала, где все-таки решился высказать предположение, что пора заняться предсказаниями для Трелони, а то они не успеют, потому что это займет вечность.

Гермиона, не вмешиваясь в их разговоры, с дикой скоростью заглотила ужин и опять умчалась в библиотеку. Гарри с Роном отправились в гриффиндорскую башню, и Гарри, который не переставая думал о непростительных проклятиях, сам о них заговорил.

– А у Хмури с Думблдором не будет неприятностей, если в министерстве узнают, что мы видели эти проклятия? – спросил Гарри на подходе к Толстой Тете.

– Скорее всего, – кивнул Рон. – Но Думблдор всегда поступал по-своему, а Хмури, я так понимаю, все равно вечно попадает в истории.

Сначала действуй, а потом думай – ты его мусорные баки вспомни. Дребедень.

Толстая Тетя пропустила их в шумную и людную гриффиндорскую гостиную.

– Ну что, пойдем возьмем прорицательские бумажки? – спросил Гарри.

– А куда деваться, – простонал Рон.

Они поднялись в спальню за книгами и картами и обнаружили там Невилла. Он сидел один на кровати и читал. Выглядел он хоть и не вполне正常ально, но все-таки гораздо спокойнее. Глаза у него сильно покраснели.

– Ты как, Невилл? – спросил Гарри.

– Я? Да ничего, – ответил Невилл. – Нормально, спасибо. Вот, читаю книжку, мне профессор Хмури дал… – Он показал обложку: «Отличительные свойства волшебных водных растений Средиземноморья». – Профессор Спарж ему сказала, что у меня способности к гербологии, – поделился Невилл. В его голосе пробивалась гордость, что случалось очень редко. – Он подумал, мне это будет интересно.

Как тактично Хмури сумел подбодрить Невилла, подумал Гарри. Беднягу так редко хвалят за успехи в учебе. Профессор Люпин поступил бы так же.

Гарри с Роном отнесли в общую гостиную «Растуманивание будущего», нашли столик и уселись за предсказания. Спустя час они преуспели очень мало, хотя стол был завален бумажками, испещренными вычислениями и загадочными символами, а мозг Гарри затуманился так, словно в него накачали дыма из камина профессора Трелони.

– Я представления не имею, что вся эта ерунда значит, – пробормотал Гарри, тупо взирая на длинный ряд цифр.

– Знаешь, – волосы у Рона стояли дыбом, потому что от отчаяния он без конца запускал в них пальцы, – по-моему, пора от души попрорицать.

– То есть? Все сочинить?

– Угу, – Рон смел со стола скомканые пергаменты, обмакнул перо в чернила и начал писать. – В следующий понедельник, – говорил он одновременно, – есть вероятность развития у меня респираторного

заболевания из-за неудачного аспекта Марса с Юпитером. – Он поднял глаза на Гарри: – Ты ж ее знаешь, натолкай побольше всяких горестей, и она умрет от счастья.

– Точно, – сказал Гарри. Он сделал мячик из своих черновиков и запустил его в камин поверх голов весело болтающих первоклашек. – Так-с... а *мне* в понедельник грозит... мmm... ожог.

– И верно, – мрачно подтвердил Рон, – в понедельник мы снова увидимся с драклами. Дальше... во вторник я... эммм...

– Потеряешь дорогую сердцу вещь, – подсказал Гарри, пролистывая «Растуманивание будущего» на предмет интересных идей.

– Отлично, – Рон записал. – Из-за... хм... Меркурия. А ты... давай ты получишь удар в спину от того, кого считал другом?

– Ага... здорово... – промычал Гарри, записывая, – потому что... Венера войдет в двенадцатый дом.

– А в среду мне, кажется, не повезет в драке.

– Э-эй! Это я хотел драку! Хотя ладно, тогда я проиграю пари.

– Точно, ты будешь держать пари на мою победу в драке...

Они продолжали в том же духе (предсказания становились все трагичнее) еще целый час. Гостиная постепенно пустела, народ расходился спать. Прибрел Косолапсус, легко вспрыгнул в пустое кресло и непроницаемо уставился на Гарри – примерно так же смотрела бы Гермиона, если б знала, что они несерьезно отнеслись к домашнему заданию.

Обегая взглядом комнату и сочиняя несчастье, которого с ними еще не приключалось, Гарри заметил у дальней стены Фреда с Джорджем. С перьями в руках они голова к голове склонились над пергаментом. Близнецам не было свойственно тихо сидеть в уголке; они любили находиться в центре событий, шуметь и всячески привлекать к себе внимание. Теперь они очень секретно шушукались, и Гарри сразу вспомнилось, как они сидели рядышком и что-то писали в «Гнезде». Тогда он думал, что они составляют бланк заказа «Удивительных ультрафокусов Уизли», но сейчас вряд ли – они обязательно позвали бы Ли Джордана. Может, все думают, как подать заявки на участие в Тремудром Турнире?

Джордж покачал головой, а Фред что-то вычеркнул и сказал тихо, но слышно в опустевшей комнате:

— Нет... получится, как будто мы его обвиняем. Тут надо осторожно...

Затем Джордж обернулся и поймал взгляд Гарри. Тот улыбнулся и поспешно уткнулся в свои предсказания — ему не хотелось, чтобы Джордж подумал, будто он подслушивает. Вскоре близнецы скатали пергамент, пожелали всем спокойной ночи и ушли спать.

Прошло минут десять, дыра за портретом открылась, и в общую гостиную влезла Гермиона с пачкой пергаментов в одной руке и грохочущей коробкой в другой. Косолапсус выгнул спину и заурчал.

— Привет, — сказала Гермиона, — только что закончила!

— И я тоже! — победно откликнулся Рон и бросил перо.

Гермиона села, сложила все на пустое кресло и придвинула к себе предсказания Рона.

— Не слишком ли ужасный месяц тебя ожидает? — сардонически бросила она. Косолапсус в это время устраивался у нее на коленях.

— Что ж, по крайней мере, я предупрежден, — зевнул Рон.

— Кажется, тебе предстоит дважды утонуть, — заметила она.

— Что, правда? — Рон уставился на пергамент. — Надо будет заменить в одном месте на то, что меня затопчет взбесившийся гиппогриф.

— Тебе не кажется, что это бросается в глаза — что ты все сочинил? — спросила Гермиона.

— Да как ты смеешь! — вскричал Рон в притворном возмущении. — Мы трудились как два домовых эльфа!

Гермиона вскинула брови.

— Это просто такое выражение, — поторопился добавить Рон.

Гарри тоже бросил перо, наспех предсказав собственную смерть через усекновение головы.

— Что там у тебя? — поинтересовался он, ткнув пальцем в коробку.

— Забавно, что ты спросил, — сказала Гермиона, кинув неприязненный взгляд на Рона, и показала содержимое.

В коробке лежало штук пятьдесят разноцветных значков с одинаковой надписью: П.У.К.Н.И.

— Пукни? — прочитал Гарри, взяв значок. — В каком смысле?

— Не *пукни*, — нетерпеливо поправила Гермиона, — а Пэ — У — Ка — Эн — И. Означает: «Против угнетения колдовских народов-изгоев». Общество такое.

– Никогда о нем не слышал, – заметил Рон.

– Разумеется, – живо согласилась Гермиона, – я его только что основала.

– Да что ты? – с некоторым удивлением спросил Рон. – И много там народу?

– Ну... если вы двое вступите, будет трое, – ответила Гермиона.

– И ты считаешь, мы захотим носить значки с призывом «пукни»? – осведомился Рон.

– Пэ – У – Ка – Эн – И! – горячо воскликнула Гермиона. – Я хотела назвать «Прекращение Возмутительного Беспредела в Отношении Магических Малых Народцев и Кампания за Изменение Их Правового Статуса», но это не влезло. Поэтому таков уж заголовок нашего манифеста. – Она потрясла пергаментом: – Я провела тщательное расследование. Порабощение эльфов продолжалось веками. Прямо не верится, что до меня никто никогда не попытался ничего для них сделать.

– Гермиона! У тебя уши есть? Тогда послушай! – громко вскричал Рон. – Им. Это. Нравится. Им *нравится* быть порабощенными!

– Наша программа-минимум, – продолжала Гермиона, перекривая Рона и делая вид, будто он не произнес ни слова, – обеспечить им достойную оплату и условия труда! Программа-максимум – изменить положение закона о неиспользовании волшебных палочек и попытаться ввести их представителей в департамент по надзору за магическими существами, потому что их процент там возмутительно низок!

– И как же мы все это будем делать? – спросил Гарри.

– Будем набирать людей, – объяснила довольная Гермиона. – Думаю, двух сиклей вступительного взноса – за значок – хватит на финансирование кампании по выпуску листовок. Рон, ты будешь казначеем – наверху я приготовила для тебя жестянку, – а ты, Гарри, секретарь, поэтому запиши все, что я сейчас говорю, это будет протокол нашего первого собрания.

Наступила пауза; Гермиона сияя смотрела на мальчиков, а Гарри разрывался – его просто бесила Гермиона и забавляла гримаса Рона. Наконец молчание было нарушено, но не Роном, который выглядел так, будто временно впал в идиотизм, а тихим «тук-тук» в окно. Гарри

посмотрел через опустевшую гостиную и за стеклом на подоконнике увидел снежно-белую сову в лунном свете.

– Хедвига! – закричал он, спрыгнул с кресла и бросился открывать окно.

Хедвига влетела и, прошелестев по комнате, приземлилась на предсказания Гарри.

– Наконец-то! – воскликнул он, торопясь за ней.

– Она принесла ответ! – возликовал Рон, тыча в скомканный кусочек пергамента, привязанный к лапке.

Гарри поспешно отвязал его и сел читать, а Хедвига, нежно ухая, перепорхнула к нему на колено.

– Что там? – почти беззвучно спросила Гермиона.

Письмо было очень коротким, и писали его, судя по почерку, в спешке. Гарри прочитал вслух:

Гарри,

Немедленно вылетаю на север. Известие о твоем шраме – последняя капля в ряду очень подозрительных слухов. Если опять заболит, сразу обратись к Думблдору – говорят, он пригласил Шизоглаза, а значит, он тоже правильно читает сигналы, даже если он один такой.

Скоро с тобой свяжусь. Мои наилучшие Рону и Гермионе. Будь начеку, Гарри.

Сириус

Гарри поднял глаза на Рона и Гермиону. Те смотрели на него.

– Он вылетает на север? – прошептала Гермиона. – *Возвращается?*

– Какие еще сигналы читает Думблдор? – недоуменно спросил Рон. – Гарри… что?..

Гарри со всей силы треснул себя кулаком по лбу, спугнув Хедвигу с колена.

– Не надо было ему говорить! – в гневе рыкнул он.

– О чем ты? – удивился Рон.

– Из-за этого он решил, что должен вернуться! – Гарри грохнул кулаком по столу, и Хедвига, возмущенно ухая, перелетела на спинку кресла Рона. – Он возвращается, потому что решил, что я в опасности! А со мной все в порядке! А для тебя у меня ничего нет, – рявкнул он на

Хедвигу, с надеждой щелкавшую клювом, — хочешь есть — лети в совялью!

Хедвига оскорблена поглядела на Гарри, снялась с места, больно хлопнув его по голове крылом, и вылетела в открытое окно.

— Гарри, — успокоительно начала Гермиона.

— Я иду спать, — отрубил он. — Увидимся утром.

Наверху он переоделся в пижаму и забрался в кровать, но сна не было ни в одном глазу.

Если Сириус вернется и его поймают, виноват будет он, Гарри. Нет бы ему промолчать. Подумаешь, поболело три секунды — что же, сразу жаловаться?.. Почему у него не хватило ума оставить это при себе...

Он слышал, как вскоре в спальню пришел Рон, но не стал с ним разговаривать. Гарри долго-долго смотрел на полог над головой. В спальне стояла абсолютная тишина, и, будь Гарри меньше поглощен переживаниями, он бы сообразил, что и Невилл не храпит, а значит, он здесь не единственный, кто лежит без сна.

Глава пятнадцатая

«Бэльстэк» И «Дурмштранг»

Утром, когда Гарри проснулся, в голове у него сформировался четкий план – видимо, пока он спал, мозг не переставал думать. Гарри встал и в предрассветных сумерках оделся; не став будить Рона, он вышел из спальни и спустился в пустую общую гостиную. Там со стола, где осталась лежать его работа по прорицанию, он взял лист пергамента и написал следующее:

Дорогой Сириус!

Наверное, мне просто показалось, что шрам болел, в прошлый раз я тебе писал в полусне и ничего не соображал. Тебе совершенно не нужно возвращаться, у нас все в порядке. Не беспокойся обо мне, у меня ничего не болит и вообще все хорошо.

Гарри

Затем он вылез в дыру за портретом, прошел по молчаливому замку (лишь ненадолго задержавшись в коридоре четвертого этажа из-за Дрюзга, который попытался скинуть вазу ему на голову) и наконец добрался до совяльни на вершине Западной башни.

В совяльне, круглом помещении с каменными стенами, было холодно и сильно сквозило, так как в окнах отсутствовали стекла. Пол устилала солома вперемешку с совиным пометом и срыгнутыми мышиными скелетами. На насестах до самой вершины башни сидело огромное множество сов всех мыслимых и немыслимых видов. Все они спали, хотя иногда откуда-нибудь да сверкал любопытный круглый янтарный глаз. Гарри заметил Хедвигу – она сидела между сипухой и неясью – и поспешил к ней, поскользываясь на усеянном пометом полу.

Ему пришлось довольно долго уговаривать ее проснуться и посмотреть на него: птица крутилась на насесте, поворачиваясь к хозяину хвостом. Она все еще злилась, что вчера он не поблагодарил ее как следует. Лишь когда Гарри предположил, что она, судя по всему,

слишком устала и ему, видимо, придется попросить у Рона разрешения обратиться к Свинринстелю, Хедвига соблаговолила протянуть лапку и позволила привязать письмо.

– Обязательно найди его, хорошо? – попросил Гарри. Поглаживая Хедвигу по спине, он отнес ее к окну. – Раньше дементоров.

Она ущипнула его за палец, возможно, несколько сильнее, чем обычно, но все-таки ухнула тихо и успокаивающе. Потом расправила крылья и взлетела навстречу восходу. Гарри провожал сову глазами, и под ложечкой у него уже привычно сосало. Он был так уверен, что ответ Сириуса успокоит его, – а тревога только обострилась.

– Но это же ложь, – за завтраком отчитала Гарри Гермиона. – Тебе вовсе не показалось, что шрам болит, и ты это знаешь.

– И что? – сказал Гарри. – Пусть он из-за меня попадает в Азкабан?

– Оставь его! – прикрикнул Рон на открывшую было рот Гермиону, и, как ни странно, она прислушалась к совету и замолчала.

Следующие две недели Гарри всячески старался унять тревогу за судьбу Сириуса. Конечно, трудно справиться с волнением по утрам, когда приходит совиная почта, а по вечерам, уже в постели, невозможно избавиться от жутких видений (дементоры загнали Сириуса в угол на темной лондонской улице), но в промежутках получается и не думать о крестном. Жалко, нет тренировок по квидишу: ничто так не успокаивает психику, как хорошая, выматывающая тренировка. С другой стороны, занятия в четвертом классе гораздо труднее и отнимают гораздо больше времени, чем раньше, особенно защита от сил зла.

Как ни удивительно, профессор Хмури объявил, что наложит проклятие подвластия на каждого по очереди, чтобы ребята прочувствовали его силу и поняли, смогут ли сопротивляться.

– Но, профессор… вы же говорили, это незаконно, – неуверенно пролепетала Гермиона, когда Хмури мановением палочки убрал парты и оставил посреди класса обширную пустоту. – Вы говорили, применять его против другого человеческого существа…

– Думбльдор пожелал, чтобы вы прочувствовали это на себе. – Хмури обратил волшебный глаз к Гермионе и пронзил ее жутким немигающим взглядом. – Если вы лично хотите обучиться иначе –

когда кто-нибудь околдует вас и получит над вами полный контроль, — я не возражаю. Вам присутствовать не обязательно. Свободны.

Корятым пальцем он указал на дверь. Гермиона покраснела и невнятно пробормотала, что она не имела в виду, будто хочет уйти. Гарри с Роном обменялись зловредными ухмылками. Они знали, что Гермиона скорее напьется бубутберового гноя, чем пропустит такой важный урок.

Хмури начал по одному вызывать учеников на середину и накладывать на них проклятие подвластия. Гарри видел, как под влиянием этого проклятия одноклассники один за другим совершали самые странные поступки. Дин Томас трижды обскакал вокруг комнаты, распевая национальный гимн. Лаванда Браун изобразила белку. Невилл выполнил серию потрясающих гимнастических трюков, на которые в нормальном состоянии просто не был способен. Противиться не мог никто. Ребята приходили в себя только после того, как Хмури снимал чары.

— Поттер, — пробурчал Хмури, — ты следующий.

Гарри вышел на пустую середину класса. Хмури поднял палочку, направил ее на Гарри и сказал:

— Империо.

Удивительнейшее чувство охватило Гарри. Все мысли уплыли вдаль, исчезли все тревоги и заботы, осталось одно лишь неопределенное, неуловимое счастье. Он стоял совершенно безмятежно и очень смутно осознавал, что на него смотрит весь класс.

Затем в голове, в каком-то отдаленном ее уголке, эхом разнесся голос Шизоглаза Хмури: *Прыгни на парту... прыгни на парту...*

Гарри послушно согнул колени и приготовился прыгать.

Прыгни на парту...

Но с какой, собственно, стати?

Где-то еще глубже в мозгу заговорил другой голос. Какая, однако, глупость, прыгать на парту, сказал он.

Прыгни на парту...

Нет, спасибо, я, пожалуй, не буду, отказался этот другой голос чуть тверже... нет-нет, я не хочу...

Прыгай! БЫСТРО!

И тут Гарри почувствовал сильную боль. Он одновременно и прыгнул, и попытался не прыгать — в результате врезался головой в

парту, опрокинул ее, а кроме того, кажется, сломал обе коленные чашечки.

– Это уже хоть на что-то похоже, – пророкотал голос Хмури, и звенящая пустота в голове у Гарри исчезла. Он прекрасно помнил все, что произошло. Боль в коленках стала вдвое сильнее. – Видели? Поттер сопротивлялся! Он сопротивлялся и почти преуспел! Попробуем еще, Поттер, а остальные пусть обратят внимание – смотрите ему в глаза, там все видно – очень хорошо, Поттер, очень, очень хорошо! Тебя им не поработить!

– Послушать его, – проворчал Гарри, час спустя хромая с занятий по защите от сил зла (Хмури повторял свой эксперимент четырежды подряд, пока Гарри не научился совершенно блокировать проклятие), – так можно подумать, что на нас на всех вот-вот нападут.

– Да уж, – отозвался Рон, подпрыгивая на каждом втором шаге. Ему было гораздо труднее сопротивляться проклятию, но профессор Хмури заверил, что к обеду действие чар сойдет на нет. – Кстати, о паранойе… – Рон нервно оглянулся через плечо, убедился, что Хмури точно не подслушивает, и продолжил: – Неудивительно, что в министерстве были рады от него избавиться, – ты слышал, как он рассказывал Шеймасу, что он сделал с ведьмой, которая первого апреля крикнула «мяу!» у него за спиной? И когда нам, спрашивается, читать о том, как сопротивляться проклятию подвластия, если у нас других заданий невпроворот?

В этом семестре четвертые классы отчетливо ощущали, насколько увеличилось количество работы. И профессор Макгонаголл объяснила почему – когда, получив домашнее задание по превращениям, ребята громко застонали.

– У вас начинается самый ответственный этап колдовского обучения! – заявила она, и ее глаза грозно засверкали за квадратной оправой. – Приближаются экзамены на Самый Обычный Волшебный Уровень…

– С.О.В.У. мы сдаем только в пятом классе! – возмущенно вскричал Дин Томас.

– Пусть так, Томас, но, поверьте мне, готовиться нужно начинать уже сейчас! У вас в классе мисс Грейндженер – по-прежнему единственная, кто способен превратить ежа в пристойную подушечку

для булавок. А вам, Томас, я должна напомнить: ваши подушечки по-прежнему ежатся от страха при виде булавки!

Гермиона, снова покраснев, старалась не слишком откровенно сиять от гордости.

На прорицании Гарри с Роном очень позабавились, узнав, что профессор Трелони поставила им высшие оценки за домашние задания. Она обстоятельно зачитывала всё вслух и похвалила мальчиков за то, как мужественно они приняли грядущие беды, — правда, радость тут же сошла на нет, потому что преподавательница попросила сделать аналогичный прогноз на следующий месяц, а у обоих иссякал запас несчастий и катастроф.

Между тем профессор Биннз, призрак, преподававший историю магии, еженедельно задавал сочинения по восстаниям гоблинов в восемнадцатом столетии. Профессор Злей заставлял учить противоядия. К этому пришлось отнести серьезно, так как Злей намекнул, что до Рождства непременно кого-нибудь отравит — проверит, сумеют ли они отыскать антидот. Профессор Флитвик велел прочитать три дополнительные книги для подготовки к уроку по призывным заклятиям.

Даже Огрид умудрился добавить проблем. Взрывастые драклы росли на удивление быстро, если учесть, что никто так и не выяснил, чем они питаются. Огрид очень радовался такому прогрессу и, в качестве развития «проекта», предложил ребятам через день приходить к нему в хижину наблюдать за драклами и делать записи об их поведении.

— Ни за что, — наотрез отказался Драко Малfoy, когда Огрид, точно Санта-Клаус, вынимая из мешка самую огромную игрушку, объявил о своей идее. — Спасибо, мне хватает и того, что я вижу на уроке.

Улыбка слиняла с лица Огрида.

— Ты вот чего... ты делай, чего я велю, — проворчал он, — а не то я возьму пример с профессора Хмури... Говорят, из тебя вышел отличный хорек, Малfoy.

Гриффиндорцы покатились со смеху. Малfoy от гнева вспыхнул, но, видимо, урок профессора Хмури был еще свеж в его памяти, и он не решился перечить. Гарри, Рон и Гермиона ушли с этого занятия в

приподнятом настроении: приятно, что Огрид отчитал Малфоя, ведь тот в прошлом году из кожи вон лез, чтобы Огрида уволили.

Войдя в двери замка, ребята не смогли двигаться дальше, потому что вестибюль был запружен народом. Школьники крутились возле громадного плаката у подножия мраморной лестницы. Рон, самый высокий из троих, встал на цыпочки и поверх голов вслух прочитал объявление:

ТРЕМУДРЫЙ ТУРНИР

Делегации представителей школ «Бэльстэк» и «Дурмштранг» прибывают в пятницу 30 октября в 18:00. Уроки закончатся на полчаса раньше...

– Отлично! – обрадовался Гарри. – В пятницу последний урок – зельеделие! Злей не успеет всех отравить!

Учащимся предписывается отнести портфели и учебники в спальню и собраться перед замком для встречи, после чего в честь гостей будет дан торжественный ужин.

– Осталась всего неделя! – вынырнув из толпы, воскликнул хуффльпуффец Эрни Макмиллан. Его глаза горели восторгом. – А Седрик-то знает? Пойду ему скажу...

– Седрик? – непонимающе переспросил Рон, когда Эрни убежал.

– Диггори, – объяснил Гарри. – Наверное, он подаст заявку на участие.

– Этот идиот? Чемпион «Хогварца»? – вытаращил глаза Рон. Они уже пробирались к лестнице сквозь шумную толпу.

– Никакой он не идиот, просто ты его не любишь, потому что из-за него «Гриффиндор» проиграл «Хуффльпуффу», – сказала Гермиона. – А я слышала, что он очень хорошо учится – *и кроме того*, он староста.

Она так сказала, словно это окончательно решало вопрос.

– Тебе он нравится только потому, что он красивый, – уничтожающе бросил Рон.

– Извините, когда это я судила о людях по внешности? – возмутилась Гермиона.

Рон громко и фальшиво закашлялся, и в этом кашле отчетливо прозвучало: «Чаруальд!»

Объявление в вестибюле сильно подействовало на обитателей замка. Всю неделю, куда бы Гарри ни пошел, разговоры были только об одном: о Тремудром Турнире. Подобно вирусу гриппа, от одного другому передавались слухи: кто хочет попробовать стать чемпионом «Хогварца», в чем будут заключаться задания Турнира, а также чем отличаются учащиеся «Бэльстэка» и «Дурмштранга» от учеников «Хогварца».

Более того, Гарри заметил, что в замке проводится генеральная уборка. Некоторые особо чумазые портреты отчистили, к величайшему неудовольствию изображений – те сидели нахолившись, мрачно ворчали и морщились, ощупывая покрасневшую, раздраженную кожу на лицах. Рыцарские доспехи внезапно засверкали и перестали скрипеть. А Аргус Филч так свирепо вел себя с теми, кто осмеливался не вытереть ноги, что довел до истерики пару первоклассниц.

Остальной штат школы тоже пребывал в напряжении.

– Лонгботтом, вы, главное, перед «Дурмштрангом» не показывайте, что не в состоянии выполнить простого превращального заклинания, уж будьте любезны! – рыкнула профессор Макгонаголл в конце одного особенно трудного урока, на котором Невилл случайно трансплантировал собственные уши кактусу.

Утром тридцатого октября, спустившись к завтраку, ребята обнаружили, что за ночь Большой зал торжественно украсили. На стенах висели громадные шелковые полотнища с символами колледжей: красное с золотым львом – «Гриффиндор», синее с бронзовым орлом – «Вранзор», желтое с черным барсуком – «Хуффльпуфф» и зеленое с серебряной змеей – «Слизерин». Позади учительского стола висело самое большое полотнище с гербом «Хогварца»: лев, орел, барсук и змея вокруг большой буквы «Х».

За гриффиндорским столом Гарри, Рон и Гермиона увидели Фреда с Джорджем. Странно, но те опять сидели в сторонке и тихонько разговаривали. Рон подошел к братьям.

– Это, конечно, крах, – мрачно говорил Джордж Фреду, – но, если он сам не захочет с нами говорить, придется послать ему письмо. Или сунем ему письмо прямо в руки, не может же он вечно нас избегать.

– Кто вас избегает? – спросил Рон, сядясь рядом.

– Жалко, что не ты. – Фреда разозлило, что их прервали.

– А что крах? – обратился Рон к Джорджу.

— Крах — это когда у тебя вместо брата любопытная макака, — ответил Джордж.

— Вы как, придумали насчет Турнира? — поинтересовался Гарри. — Есть идеи, как подать заявку?

— Я спрашивал у Макгонаголл, как выбирают чемпионов, но она не говорит, — горько сказал Джордж. — Велела мне замолчать, превращать енота и не отвлекаться.

— Интересно, какие будут испытания? — задумчиво протянул Рон. — Знаешь, Гарри, я уверен, мы бы вполне справились, мы же бывали в переделках...

— Но не перед судьями, — возразил Фред. — Макгонаголл говорит, что баллы начисляются в соответствии с тем, насколько безупречно выполнено задание.

— А кто судьи? — спросил Гарри.

— Прежде всего директора школ-участниц, — изрекла Гермиона. Сильно удивившись, все повернулись к ней. — Исходя из того, что на Турнире 1792 года все три директора получили ранения, когда взбесился василиск, которого чемпионы должны были поймать.

Она заметила, как они все на нее смотрят, и, по обыкновению рассердившись, что никто не читал тех же книг, что она, пояснила:

— Все это есть в «Истории “Хогварца”». Хотя, разумеется, это не вполне достоверный источник. «История “Хогварца”, исправленная и сокращенная» — было бы правильнее. Или: «В высшей степени искаженная и выборочная история “Хогварца”, сильно приукрашающая наиболее отвратительные аспекты».

— О чём ты? — не понял Рон, зато Гарри уже догадался, к чему она клонит.

— Я о домовых эльфах! — громогласно заявила Гермиона, доказав, что Гарри был прав. — Нигде, ни на одной из тысячи с лишним страниц «Истории “Хогварца”» не упоминается, что все мыствуем в угнетении сотни рабов!

Гарри покачал головой и занялся омлетом. Отсутствие у них с Роном энтузиазма никоим образом не охладило решимость Гермионы бороться за справедливое отношение к домовым эльфам. Мальчики, конечно, честно сдали по два сикля за значок П.У.К.Н.И., но только затем, чтобы она наконец отстала. Сикли были потрачены зря — в результате этого взноса Гермиона стала выступать еще больше. Она

бесконечно донимала Гарри и Рона, сначала чтобы они носили значки, потом чтобы агитировали других делать то же самое, а кроме того, взяла моду вечерами ходить по общей гостиной, загоняя народ в угол и грохоча у них перед носом жестянкой для пожертвований.

— Вы отдаете себе отчет в том, что вам меняют белье, разводят огонь, готовят еду, убирают классы несчастные существа, которым не платят и вообще используют как рабов? — свирепо вопрошала она.

Некоторые, например Невилл, отдавали деньги, лишь бы Гермиона на них не рычала. Кое-кто слегка заинтересовался, но не хотел активно участвовать в кампании. Большинство считали, что все это шутка.

Сейчас Рон закатил глаза к потолку, откуда лился яркий осенний солнечный свет, а Фред внезапно проявил живейший интерес к бекону (близнецы оказались платить за значок П.У.К.Н.И.). Джордж тем не менее склонился к Гермионе:

— Слушай, ты когда-нибудь на кухне была?

— Разумеется, нет, — отрезала Гермиона, — учащимся вряд ли разрешено нахо...

— Ну а мы были, — перебил Джордж, кивнув на Фреда, — тыщу раз, еду тырили. Так вот: мы с ними общались. Они *счастливы*. Они уверены, что у них лучшая в мире работа...

— Это потому что они необразованны и им промывают мозги! — пылко заговорила Гермиона, но ее слова потонули во внезапном громком шелесте под потолком,озвестившем о прибытии почтовых сов. Гарри тотчас задрал голову и увидел парящую Хедвигу. Гермиона осеклась; она и Рон тревожно следили глазами за совой — та опустилась к Гарри на плечо, сложила крылья и устало протянула лапку.

Гарри снял с лапки ответ Сириуса и предложил Хедвиге шкурку от бекона, которую она с благодарностью приняла. Затем, убедившись, что Фред с Джорджем погрузились в обсуждение Тремудрого Турнира, Гарри шепотом прочитал письмо Рону и Гермионе:

Зря старался, Гарри.

Я вернулся и нахожусь в надежном укрытии. Сообщай мне обо всем, что происходит в «Хогварце». Не посыпай Хедвигу, меняй сов почаще, за меня не беспокойся, но сам будь осторожен. Не забывай, что я говорил о шраме.

Сириус

– А зачем почаше менять сов? – тихо спросил Рон.

– Хедвига привлекает слишком много внимания, – тут же объяснила Гермиона, – она *выделяется*. Представьте, полярная сова то и дело появляется возле укрытия… Они же у нас не водятся, правильно?

Гарри скатал письмо и убрал во внутренний карман, не понимая, тревожнее ему теперь или спокойнее. Раз Сириусу удалось пробраться в страну и его не поймали, это уже что-то. И Гарри не мог не признать – мысль о том, что Сириус рядом, прибавляла уверенности; да и ответов на письма не придется ждать так долго.

– Спасибо, Хедвига, – он погладил сову. Та сонно ухнула, быстро сунула клюв в его кубок с соком и улетела, явно мечтая хорошенько отоспаться в совяльне.

В этот день воздух был пронизан предвкушением. На уроках никто ничего не слушал – все думали только о скором прибытии гостей. Даже зельеделие прошло легче обычного, поскольку его сократили на полчаса. Как только прозвонил колокол, Гарри, Рон и Гермиона помчались в гриффиндорскую башню, бросили там рюкзаки с учебниками, натянули плащи и кинулись вниз в вестибюль.

Кураторы колледжей построили своих подопечных в шеренги.

– Уизли, поправьте шляпу, – приказала профессор Макгонаголл. – Мисс Патил, снимите с волос эту дурацкую штуку.

Парвати надулась и сняла с косички большую узорчатую бабочку.

– Следуйте за мной, – сказала профессор Макгонаголл, – первоклассники первыми… не толкайтесь…

Они спустились по парадной лестнице и выстроились перед замком. Вечер был ясный и холодный; сгущались сумерки, бледная прозрачная луна уже сияла над Запретным лесом. Гарри стоял между Роном и Гермионой в четвертом ряду и смотрел на Денниса Криви в шеренге первоклашек – от нетерпения тот весь дрожал.

– Почти шесть. – Рон посмотрел на часы и взорвался на дорогу к воротам. – На чем они приедут, как думаете? На поезде?

– Сомневаюсь, – мотнула головой Гермиона.

– А как же тогда? На метлах? – спросил Гарри, поглядев на звездное небо.

– Не думаю… им слишком далеко…

– Портшлюс? – гадал Рон. – Или аппарируют – может, у них в стране это разрешается, даже если тебе нет семнадцати?

– На территорию «Хогварца» аппарировать нельзя – сколько раз можно повторять! – раздраженно бросила Гермиона.

Они живо водили глазами по темнеющему двору, но нигде не замечали никакого движения; кругом было тихо, спокойно и безмолвно, как обычно. Гарри начал замерзать. Скорее бы уж... Может, иностранные гости подготовили торжественный выход?.. Ему припомнились слова мистера Уизли в лагере перед финалом кубка: «Мы не меняемся, как соберемся вместе, не можем друг перед другом не бахвалиться»...

И тут послышался голос Думбльдора из заднего ряда, где он стоял вместе с остальными учителями:

– Ага! Если не ошибаюсь, приближается делегация «Бэльстэка»!

– Где? – переспросили многие, и все завертели головами.

– Вон там! – заорал какой-то шестиклассник, показывая на лес.

Нечто огромное, гораздо больше метлы – и даже ста метел, – неслось по темно-синему небу к замку, с каждой секундой увеличиваясь.

– Это дракон! – закричал один первоклассник, совершенно потеряв голову.

– Да ты что!.. Это летающий дом! – возразил Деннис Криви.

Догадка Денниса была ближе к истине... Гигантский черный силуэт попал в лучи света из окон замка, и все увидели, что на них, задевая верхушки деревьев, несется огромная, бледно-голубая, величиной с дом, карета, запряженная дюжиной крылатых коней. Все кони были соловой масти и размером со слона.

При виде кареты, все быстрее мчащейся к земле, первые три ряда учащихся отшатнулись. Со страшным грохотом, от которого Невилл отпрыгнул назад, отдавив ногу пятикласснику-слизеринцу, копыта коней, огромные как обеденные тарелки, ударились о землю. Через секунду, подпрыгнув на невероятных колесах, приземлилась и сама карета. Золотые кони поводили гигантскими головами и выкатывали большие, свирепые красные глазища.

Гарри успел только заметить, что на двери кареты имеется герб (две перекрещенные золотые палочки, и каждая испускает по три звездочки), и тут дверь распахнулась.

Оттуда выпрыгнул мальчик в бледно-голубой мантии, наклонился, повозился с чем-то на полу, разложил золотую лестницу. И почтительно отпрянул. Тогда из кареты показался блестящий ботинок на высоком каблуке – ботинок размером с детские санки, – а за ботинком почти тотчас последовала огромная женщина – Гарри никогда таких не встречал. Это немедленно объяснило размеры кареты и коней. Кое-кто судорожно ахнул.

Гарри знал только одного такого же большого человека – Огрида: у женщины с Огридом вряд ли был хоть дюйм разницы. И тем не менее почему-то – может, просто потому, что к Огриду Гарри уже привык, – эта женщина (она была уже у парадного крыльца и озирала молчаливую, вытаращившуюся от изумления толпу) выглядела намного внушительнее. Она вошла в круг света из вестибюля, и оказалось, что у нее красивое лицо, оливковая кожа, большие и черные влажные глаза и нос с выраженной горбинкой. Женщина с головы до ног была одета в черный атлас, на шее и толстых пальцах красовались тускло блестающие опалы.

Думблдор захлопал в ладоши. Учащиеся последовали его примеру. Многие привставали на цыпочки, чтобы получше рассмотреть удивительную гостью.

Лицо ее озарилось любезной улыбкой, и, протягивая сверкающую руку, она направилась к Думблдору – тому, хотя он и сам был отнюдь не маленького роста, почти не пришлось наклоняться, чтобы эту руку поцеловать.

– Моя дорогая мадам Максим, – произнес он. – Добро пожаловать в «Хогварц».

– Думбли-догг, – пробасила мадам Максим, – надеюсь, ви в добром здгавии?

– Я в превосходной форме, уверяю вас, – ответствовал Думблдор.

– Мои ученики, – представила мадам Максим, небрежно махнув назад громадной рукой.

Гарри, до этого полностью поглощенный созерцанием великанши, вдруг заметил, что из кареты вышло около дюжины мальчиков и девочек – все, судя по виду, лет семнадцати-восемнадцати, – и они стояли теперь за своей предводительницей. Все они дрожали. Что же, неудивительно: без плащей, и мантии, похоже, из тонкого шелка. Некоторые обмотали головы шарфами и платками. Насколько

разглядел Гарри (гости стояли в гигантской тени мадам Максим), они взирали на «Хогварц» с опаской.

– Пгибыл уже Кагкагов? – поинтересовалась мадам Максим.

– Должен прибыть с минуты на минуту, – ответил Думблдор. – Желаете подождать здесь и поприветствовать его или пройдете в замок и немного согреетесь?

– Немного сог’емся, – решила мадам Максим. – Но мои лёшади...

– Преподаватель ухода за магическими существами с радостью о них позаботится, – заверил Думблдор, – как только освободится. Ему пришлось отлучиться в связи с некой незначительной проблемой, связанной с другими его... мmm... питомцами.

– Драклами, – шепнул ухмыляющийся Рон на ухо Гарри.

– Моим коням нужна кгепкая гука, – предупредила мадам Максим с таким видом, будто сомневалась, найдется ли в «Хогварце» преподаватель, способный справиться с поручением. – Они такие сильные...

– Уверяю вас, Огрид прекрасно с ними поладит, – улыбнулся Думблдор.

– Бъен, – слегка поклонилась мадам Максим, – будьте добгы, пгоинфогмигуйте вашего Ог’ида, что лёшади пьют только односолодовый виски.

– Об этом позаботятся, – поклонился в ответ Думблдор.

– Пойдемте, – повелительно сказала мадам Максим своим ученикам. Толпа учащихся «Хогварца» расступилась, пропуская гостей к парадной лестнице.

– Какие же тогда лошади у «Дурмштранга»? – спросил Шеймас Финниган у Гарри с Роном, выглядывая из-за Лаванды с Парвати.

– Ну, если они больше этих, с ними даже Огрид не справится, – ответил Гарри. – Это если его не сожрали драклы. Интересно, что там с ними?

– Может, разбежались? – мечтательно предположил Рон.

– Не говори так, – содрогнулась Гермиона. – Только представь, что будет, если они наползут во двор...

В ожидании гостей из «Дурмштранга» все они уже тоже дрожали. Большинство с надеждой глядели в небо. Тишину нарушали только храп и топот коней мадам Максим. Но вот...

– Слышишь? – вдруг спросил Рон.

Гарри прислушался. Из темноты доносились громкие и какие-то потусторонние звуки: глухой рокот и сосущее чавканье, точно по дну реки двигался огромный пылесос...

– Озеро! – заорал Ли Джордан, показывая пальцем. – Посмотрите на озеро!

С вершины холма им открывался прекрасный вид на черную гладь воды – только та вдруг перестала быть гладкой. В глубинах посреди озера что-то забурлило; по нему пошли большие пузыри, волны заплескали на глинистые берега – и тогда в центре образовалась воронка, будто кто-то вытащил из дна гигантскую затычку...

Из сердцевины воронки медленно вырос длинный черный шест... Гарри разглядел оснастку...

– Это мачта! – сказал он Рону и Гермионе.

Медленно, торжественно, над водой возник сверкающий в лунном сиянии корабль. Странным образом он больше походил на остов, словно поднятое со дна моря судно, погубленное кораблекрушением. Горевшие призрачным, рассеянным светом иллюминаторы напоминали глаза привидения. Наконец с громким всхлипом судно вознеслось над водой целиком и, покачиваясь в бурлящих потоках, пошло к берегу. Спустя пару мгновений донесся всплеск выброшенного якоря и глухой удар спущенного на берег трапа.

С корабля сходили люди; их силуэты виднелись на фоне иллюминаторов. Сложением эти люди напоминали Краббе и Гойла... правда, когда они подошли к свету, Гарри понял, что на самом деле фигуры кажутся квадратными, потому что на них плащи из какого-то свалившегося тусклого меха. Предводитель был одет в меха другого сорта: серебристые и гладкие, совсем как его волосы.

– Думбльдор! – сердечно вскричал он, всходя по склону. – Как вы, мой дорогой друг, как вы поживаете?

– Процветаю, профессор Каркаров, благодарю вас, – ответил Думбльдор.

У Каркарова оказался звучный, елейный голос; вблизи ребята увидели, что он высок и худ, как Думбльдор, но его седые волосы коротко подстрижены, а эспаньолка (с кокетливым завитком на конце) не вполне скрывает безвольный подбородок. Подойдя к Думбльдору, Каркаров обеими руками взял его ладонь и потряс.

– Старый добрый «Хогварц». – Он улыбался, показывая желтые зубы, и оглядывал замок; Гарри заметил, что при этом внимательные глаза Каркарова остаются холодны и пронзительны. – Как хорошо сюда вернуться, как приятно... Виктор, проходи в тепло... Вы не возражаете, Думбльдор? Виктор у нас слегка простужен...

Каркаров поманил одного из учеников. Юноша прошел мимо Гарри, и тот успел увидеть большой крючковатый нос и густые черные брови. Чтобы узнать этот профиль, ему вовсе не нужны были ни щипок Рона, ни его шипение в ухо:

– Гарри – это же Крум!

Глава шестнадцатая

Кубок огня

— Я глазам не верю! — потрясенно воскликнул Рон, в толпе учащихся «Хогварца» поднимаясь по лестнице позади делегации «Дурмштранга». — Это же Крум, Гарри! *Виктор Крум!*

— Не сходи с ума, он же всего-навсего квидишиный игрок, — сказала Гермиона.

— *Всего-навсего квидишиный игрок?* — Рон посмотрел на нее так, словно теперь не верил своим ушам. — Гермиона, он один из гениальнейших Ловчих в мире! Я и не знал, что он еще учится в школе!

Продвигаясь по вестибюлю к Большому залу, Гарри видел, как Ли Джордан пританцовывает на цыпочках, чтобы лучше рассмотреть затылок Крума. Несколько девочек из шестого класса судорожно рылись на ходу в карманах:

— Вот ужас, у меня с собой ни одного пера!

— Как думаешь, он согласится расписаться у меня на шляпе губной помадой?

— *Ну честное слово,* — высокомерно изрекла Гермиона, когда они миновали девочек, пререкающихся из-за губной помады.

— Я тоже попрошу у него автограф, если получится, — заявил Рон. — Гарри, у тебя случайно нет пера?

— Не-а, все наверху, в рюкзаке, — ответил Гарри.

Они прошли к гриффиндорскому столу. Рон нарочно сел лицом к двери: Крум и его товарищи толпились у входа, видимо не понимая, куда им садиться. Ребята из «Бэльстэка» выбрали стол «Вранзора» и теперь мрачно оглядывали Большой зал. Трое по-прежнему судорожно цеплялись за шарфы и шали на головах.

— Здесь вовсе *не так* холодно, — наблюдая за ними, раздраженно бросила Гермиона. — И вообще, что мешало им взять плащи?

— Сюда! Садитесь сюда! — зашептал Рон. — Сюда!

Гермиона, придвинься, освободи место...

– Что?

– Все, уже поздно, – горько вздохнул Рон.

Виктор Крум и другие дурмштранговцы уселись за стол «Слизерина». Малфой, Краббе и Гойл исходили самодовольством. На глазах у Гарри Малфой склонился вперед поговорить с Крумом.

– Давай-давай, подлизывайся, Малфой, – ядовито зашипел Рон. – Небось Крум тебя видит насеквоздь... наверняка привык, что все к нему липнут... а где, как вы думаете, они будут спать?

Можно предложить им нашу спальню, ты как считаешь, Гарри?.. Я мог бы уступить ему свою постель и спать на раскладушке...

Гермиона фыркнула.

– Они вроде довольнее, чем бэльстэковцы, – заметил Гарри.

Снимая меха, ученики «Дурмштранга» с интересом смотрели на звездный потолок; некоторые брали со стола и разглядывали золотые тарелки и кубки, явно впечатленные роскошью.

Возле учительского стола сутился Филч, расставляя дополнительные кресла. По торжественному случаю смотритель надел старый замшелый фрак. К удивлению Гарри, Филч добавил четыре кресла, по два по бокам от Думбльдора.

– Приехали только двое, – поднял брови Гарри. – Почему кресла четыре? Кого еще ждут?

– А? – ничего не понимая, переспросил Рон. Он пожирал глазами Крума.

Когда все учащиеся расселись, появились учителя и тоже стали по очереди занимать места за столом на возвышении. Последними вошли профессор Думбльдор, профессор Каркаров и мадам Максим. Увидев свою директрису, бэльстэковцы вскочили. Кто-то из «Хогварца» засмеялся. Бэльстэковцев это совершенно не смущило; они не сели, пока мадам Максим не опустилась в кресло по левую руку от профессора Думбльдора. Думбльдор между тем остался стоять. В Большом зале воцарилась тишина.

– Добрый вечер, леди и джентльмены, призраки, а самое главное – дорогие гости, – просиял улыбкой Думбльдор, глядя на иностранных школьников. – Мне выпала особая честь приветствовать вас в стенах «Хогварца». Надеюсь и уверен, что вам здесь будет хорошо и уютно.

Девочка из «Бэльстэка», все еще придерживая кашне на голове, явственно иронически хмыкнула.

— Можно подумать, силком заташили! — прошептала Гермиона, ощетинившись.

— Официальное открытие Турнира состоится в конце пира, — объявил Думблдор, — а сейчас прошу, ешьте, пейте и вообще — будьте как дома!

Он сел. К нему немедленно наклонился Каркаров, и они погрузились в оживленный разговор.

Посуда на столе, как всегда, наполнилась волшебным образом. Домовые эльфы превзошли самих себя; Гарри никогда не видел такого разнообразия блюд, и среди них было несколько очевидно иностранных.

— Это еще что такое? — Рон показал на огромную супницу возле пудинга с мясом и почками, наполненную чем-то вроде тушеных моллюсков.

— Буйабес, — сказала Гермиона.

— Будь здорова.

— Это *по-французски*, — объяснила Гермиона. — Я ела на каникулах прошлым летом, попробуй, вкусно.

— Я и так тебе верю. — И Рон положил себе кровяной колбасы.

Хотя приехало от силы человек двадцать гостей, создавалось впечатление, что народу в Большом зале битком; может быть, потому, что цветные форменные мантии слишком ярко выделялись на фоне черных мантий «Хогварца». Под мехами учеников «Дурмштранга» обнаружилась форма густого кроваво-красного цвета.

Через двадцать минут после начала пира в дверь за учительским столом, как мог незаметно, протиснулся Огрид. Он проскользнул в свое кресло на краю стола и помахал Гарри, Рону и Гермионе сильно забинтованной рукой.

— Драклики здоровы?! — крикнул ему Гарри.

— Приветик шлют! — крикнул в ответ довольный Огрид.

— Ну естественно, — тихо пробурчал Рон. — Похоже, они наконец-то поняли, какая еда им нравится. Пальцы Огрида.

Тут чей-то голос произнес:

— Извиньите, пожалуйста, ви есче будьете буйабес?

Это была та девочка, которая засмеялась во время речи Думблдора. Она наконец-то сняла кашне. Завеса серебристых волос

ниспадала почти до самой талии. У девочки были огромные синие глаза и очень белые, ровные зубы.

Рон побагровел и, разинув рот, уставился на нее. Хотел ответить, но у него вышло только слабое бульканье.

– Нет, возьмите. – Гарри подвинул супницу к девочке.

– А ви ужье закончиль?

– Да, – беззвучно пролепетал Рон, – да, очень вкусно.

Девочка взяла супницу и осторожно понесла ее к столу «Вранзора». Рон таращился ей вслед, как будто чего-чего, а девочек никогда в жизни не видел. Гарри захихикал. Это вернуло Рона в чувство.

– Она же вейла! – хрипло выдохнул он.

– Ничего подобного! – поджала губы Гермиона. – Кроме тебя, никто больше на нее не пялится как идиот!

Не совсем правда. Многие мальчики поворачивали головы вслед длинноволосой красавице, и некоторые тоже временно столбенели.

– Говорю вам, это не обыкновенная девочка! – Рон отклонился немного вбок, чтобы не потерять ее из виду. – В «Хогварце» таких нет!

– В «Хогварце» есть все что надо, – не подумав, брякнул Гарри. Совсем недалеко от девочки с серебристыми волосами сидела Чо Чан.

– Когда у вас глаза встанут на место, – оживленно сказала Гермиона, – вы узнаете, кто только что приехал.

Она показала на учительский стол. Два пустующих кресла были заняты. Подле профессора Каркарова сел Людо Шульман, а мистер Сгорбс, начальник Перси, сел около мадам Максим.

– Что они здесь делают? – изумился Гарри.

– Это же они организовали Тремудрый Турнир, – отозвалась Гермиона. – Наверное, захотели присутствовать на открытии.

Когда подали сладкое, ребята заметили немало других незнакомых блюд. Рон внимательно изучил бледное бланманже, а затем аккуратно передвинул его вправо, чтобы видно было со стола «Вранзора». Однако девочка, похожая на вейлу, похоже, наелась и больше не подходила.

Потом золотые тарелки заблистили чистотой, и Думблдор снова встал. Зал в волнении замер. По телу Гарри пробежала приятная дрожь – интересно, что сейчас будет? Неподалеку Фред с Джорджем выжидалительно подались вперед и впились глазами в Думблдора.

– Час пробил, – объявил тот, улыбаясь целому морю запрокинутых лиц. – Тремудрый Турнир начинается. До того как внесут ларец, я хотел бы сделать некоторые пояснения...

– Что внесут? – не понял Гарри.

Рон пожал плечами.

– ...по поводу того, что будет происходить в этом учебном году. Но сначала позвольте представить вам наших гостей: мистер Бартемиус Сгорбс, глава департамента международного магического сотрудничества, – (раздались вежливые аплодисменты), – и мистер Людо Шульман, глава департамента по колдовским играм и спорту.

На этот раз аплодисменты были много громче – может, благодаря неувядающей квидишной славе Шульмана, а может, просто потому, что он был гораздо обаятельнее. Шульман в ответ весело взмахнул рукой. Бартемиус Сгорбс, напротив, на свое имя никак не отреагировал. Гарри, вспомнив Сгорбса на стадионе, в безукоризненном костюме, подумал, что колдовская одежда смотрится на нем неестественно. А усы щеткой и чрезмерно ровный пробор рядом с длинными волосами и бородой Думблдора производили странное впечатление.

– Мистер Шульман и мистер Сгорбс многие месяцы трудились над организацией Тремудрого Турнира, – продолжал Думблдор, – и они, вместе со мной, профессором Каркаровым и мадам Максим, войдут в состав жюри, которое будет оценивать мастерство чемпионов.

На слове «чемпионы» и без того напряженное внимание аудитории заметно повысилось.

Наверное, профессор Думблдор заметил, как все вдруг замерли, поскольку улыбнулся и сказал:

– Ларец, пожалуйста, мистер Филч, будьте любезны.

Филч, до этого незаметно ютившийся в дальнем углу, подошел к Думблдору с большим деревянным ларцом – инкрустированным драгоценными камнями и бесконечно, бесконечно древним. Учащиеся взволнованно зашептались; Денниес Криви даже встал на стул, чтобы лучше видеть, но, поскольку он был совсем крошечный, голова его еле-еле поднималась над теми, кто сидел.

– Мистер Сгорбс и мистер Шульман уже изучили инструкции к заданиям, которые предстоит выполнить чемпионам, – снова заговорил Думблдор, а Филч осторожно поставил перед ним на стол ларец, – и

организовали все необходимое. Испытаний на протяжении этого учебного года будет три, и они позволят проверить способности чемпионов с разных сторон... колдовское мастерство – доблесть – способность к дедукции – и, разумеется, умение достойно встретить опасность.

При этих словах в зале наступила такая тишина, будто все внезапно затаили дыхание.

– Как вы уже знаете, в Турнире состязаются трое колдунов, – спокойно продолжал Думбльдор, – по одному от каждой школы-участницы. В зависимости от того, насколько хорошо выполнены задания, чемпионам начисляются баллы. Чемпион, набравший больше всех баллов, выигрывает Тремудрый Приз. Чемпионов выберет беспристрастный судья... а именно, Кубок Огня.

Думбльдор достал волшебную палочку и трижды стукнул по крышке ларца. Крышка со скрипом открылась. Думбльдор сунул руку внутрь и вытащил большой, грубо вырубленный деревянный кубок – ничем особым не примечательный, если не считать того, что его до самых краев наполнял пляшущий бело-голубой огонь.

Думбльдор закрыл ларец и аккуратно разместил на нем кубок. Теперь его видел весь зал.

– Желающие подать заявки на участие должны написать свое имя и название школы на пергаменте и бросить его в Кубок, – объяснил Думбльдор. – Потенциальным чемпионам предоставляется на раздумья двадцать четыре часа. Завтра вечером, в Хэллоуин, Кубок сообщит имена троих, кого сочтет наиболее достойными защищать честь их школ. Сегодня вечером Кубок установят в вестибюле, в свободном доступе для желающих... Чтобы у учащихся, не достигших установленного возраста, не возникало искушения, – добавил Думбльдор, – я, как только Кубок будет установлен, проведу вокруг него Возрастной Рубеж, который невозможно пересечь, если вам не исполнилось семнадцати... И наконец, я должен поставить в известность всех: такое решение не стоит принимать легкомысленно. Чемпион, избранный Кубком Огня, обязан пройти путь до конца. Опустив пергамент со своей фамилией в Кубок, вы создаете некую неразрывную связь, заключаете магический контракт. Если вас изберут чемпионом, вы не сможете передумать. Поэтому, прошу вас,

хорошенько поразмыслите, готовы ли вы идти до конца. А теперь пора спать. Доброй ночи.

– Возрастной Рубеж! – блестя глазами, воскликнул Фред Уизли, когда все они направились к выходу. – Ну так его-то как раз можно обмануть старильным зельем. А как только бросил имя в Кубок – привет, дело сделано, откуда он знает, семнадцать тебе или нет?

– Но вряд ли те, кому меньше семнадцати, справятся с заданиями, – вмешалась Гермиона. – Мы еще столько всего не знаем...

– Говори за себя, – отрезал Джордж. – Гарри, ты как, будешь пробовать?

Гарри на мгновение вспомнил, как настойчиво просил Думблдор тех, кому еще нет семнадцати, не подавать заявки. Но эти воспоминания потеснила сладостная картина, как он выигрывает Тремудрый Приз... интересно, сильно разозлится Думблдор, если кто-то младше семнадцати *найдет* способ пересечь Возрастной Рубеж?..

– Где же он? – Рон не слышал ни слова; он смотрел по сторонам, ища Крума. – Думблдор случайно не говорил, где будут спать дурмштранговцы?

Ответ на его вопрос поступил немедленно; они поравнялись со слизеринским столом, где Каркаров как раз собирал своих учеников.

– Все, возвращаемся на корабль, – говорил он. – Виктор, как себя чувствуешь? Ты наелся? Послать за глинтвейном?

Гарри увидел, как Крум, натягивая меховую куртку, покачал головой.

– Профессор, я пы хотел фино, – с надеждой попросил другой мальчик.

– Я предлагал не *тебе*, Поляков, – рявкнул Каркаров. С него мигом слетела вся родительская заботливость. – Ты, я вижу, опять перепачкал мантию, неряха...

Каркаров повел учеников к дверям и достиг их одновременно с Гарри, Роном и Гермионой. Гарри остановился, пропуская профессора.

– Спасибо, – равнодушно поблагодарил Каркаров, на ходу скользнув взглядом по лицу Гарри.

И замер. Обернулся к Гарри и вытаращился, будто не в силах поверить собственным глазам. За спиной своего директора ученики «Дурмштранга» тоже остановились. Каркаров медленно оглядел лицо

Гарри, уставился на лоб. Дурмштранговцы тоже смотрели с интересом. Краем глаза Гарри видел, как некоторые лица озаряются пониманием. Мальчик-неряха пихнул локтем в бок стоящую рядом девочку и открыто показал на шрам.

– Да, это Гарри Поттер и есть, – пророкотал голос сзади.

Профессор Каркаров развернулся. Перед ним, тяжело опираясь на посох, стоял Шизоглаз Хмури. Волшебный глаз смотрел на директора «Дурмштранга» не моргая.

Кровь мгновенно отхлынула от лица Каркарова. Появилась ужасающая гримаса гнева, смешанного со страхом.

– Вы! – выдохнул он, глядя на Хмури как на привидение.

– Я, – сурово ответил Хмури. – Если вам нечего сказать Поттеру, Каркаров, лучше проходите. Вы устроили затор.

И действительно, за ними скопилась уже половина зала. Все тянули шеи, пытаясь рассмотреть, почему нельзя пройти.

Не сказав более ни слова, профессор Каркаров увел своих подопечных. Вперив ему в спину волшебный глаз, Хмури, с глубочайшей неприязнью кривя изуродованное лицо, следил, как тот удаляется.

Как правило, по субботам многие завтракали поздно, но наутро после пиры не только Гарри, Рон и Гермиона поднялись гораздо раньше обычного. Внизу они обнаружили человек двадцать. Кое-кто жевал гренки, и все разглядывали Кубок Огня. Тот красовался посреди вестибюля на табурете, куда обычно клади Шляпу-Распределницу. На полу вокруг табурета была нарисована тонкая золотая окружность радиусом в десять футов.

– Кто-нибудь уже бросил пергамент? – с жадным любопытством спросил Рон у какой-то третьеклассницы.

– Все дурмштранговцы, – ответила та. – А из «Хогварца» я пока никого не видела.

– Наверняка некоторые положили вчера вечером, когда все ушли спать, – сказал Гарри. – Я бы так и сделал... тайком. Представляешь, если твоя заявка – и вдруг из Кубка кубарем?

За спиной у Гарри раздался смех: вниз по лестнице бежали Фред, Джордж и Ли Джордан. Все трое были возбуждены до крайности.

— Мы его приняли, — торжествующим шепотом сообщил Фред Гарри, Рону и Гермионе, — только что!

— Что приняли? — спросил Рон.

— Стариальное зелье, тутика, — объяснил Фред.

— По одной капле. — Джордж радостно потирая руки. — Нам же надо состариться всего на несколько месяцев.

— Поделим тысячу галлеонов на троих, если один из нас выиграет. — Ли широко улыбался.

— Знаете, вряд ли у вас получится, — предупредила Гермиона. — Наверняка Думблдор предусмотрел.

Фред, Джордж и Ли не обратили на нее внимания.

— Готовы? — обратился Фред к двум другим, дрожа от волнения. — Тогда пошли — я первый...

В восторге раскрыв глаза, Гарри смотрел, как Фред вынул из кармана кусочек пергамента, на котором значилось: «Фред Уизли — “Хогварц”». Фред подошел к Возрастному Рубежу и встал, покачиваясь на цыпочках, точно пловец, готовящийся прыгнуть с пятидесяти футов. К нему были прикованы взгляды всех ребят в вестибюле. Он глубоко вдохнул и пересек Рубеж.

На долю секунды Гарри поверил, что трюк сработал, — Джордж-то уж точно поверил, издал победный клич и прыгнул следом, — но в следующее мгновение что-то громко зашипело, и близнецов словно невидимой катапультой выкинуло из золотой окружности. Они больно ударились, приземлившись на холодный каменный пол в десяти футах от Кубка Огня, после чего, как будто этого унижения было недостаточно, у обоих с громким хлопком выросли длинные белые бороды.

Стены вестибюля задрожали от хохота. Даже Фред с Джорджем, поднявшись на ноги и как следует оглядел друг друга, тоже рассмеялись.

— Я же вас предупреждал, — весело произнес низкий голос, и, повернувшись, все увидели, что из Большого зала вышел профессор Думблдор. Он внимательно осмотрел близнецов. В его глазах танцевали лукавые огоньки. — Пожалуй, вам следует отправиться к мадам Помфри. Она уже пользует мисс Фосетт из «Вранзора» и мистера Саммерса из «Хуффльпуффа», которые также решили слегка

состариться. Хотя, следует заметить, их бороды не идут ни в какое сравнение с вашими.

Фред с Джорджем помчались в лазарет, сопровождаемые рыдающим от хохота Ли. Гарри, Рон и Гермиона, хихикая, отправились завтракать.

Сегодня утром убранство Большого зала изменилось. По случаю Хэллоуина под зачарованным потолком трепыхали крыльышками облака настоящих летучих мышей, а из каждого угла плялились фигурно вырезанные тыквы. Гарри направился к Дину с Шеймасом, обсуждавшим совершеннолетних учащихся «Хогварца», которые, по их мнению, достойны были стать чемпионами.

– Говорят, Уоррингтон рано утром опустил свое имя в Кубок, – сказал Дин Гарри. – Знаешь, такой громила из «Слизерина», на ленивца похож.

Гарри, однажды игравший против Уоррингтона в квидиши, с отвращением потряс головой:

– Чемпион-слизеринец? Ни за что!

– Хуффльпффцы в один голос твердят про Диггори, – презрительно бросил Шеймас. – Только, мне кажется, он не захочет рисковать своей смазливенькой физией.

– Слышите? – вдруг сказала Гермиона.

Из вестибюля неслось радостные вопли. Все развернулись и в дверях увидели Ангелину Джонсон. Та смущенно улыбалась. Высокая чернокожая Ангелина, Охотница гриффиндорской команды, подошла к ним, села и сказала:

– Я подала заявку! Опустила бумажку, и все!

– Шутишь! – поразился Рон.

– А тебе уже семнадцать? – спросил Гарри.

– Конечно, семнадцать. Бороды-то нету, – тут же откликнулся Рон.

– У меня день рождения был на прошлой неделе, – сообщила Ангелина.

– Наконец-то кто-то из «Хогварца», – сказала Гермиона, – Ангелина, я так надеюсь, что тебя выберут!

– Спасибо, Гермиона, – кивнула Ангелина.

– Да уж, лучше ты, чем Красавчик Диггори, – вздохнул Шеймас, и на него тут же окрысились проходившие мимо хуффльпффцы.

— Так что мы сегодня будем делать? — спросил Рон у Гарри и Гермионы после завтрака на выходе из Большого зала.

— Мы же еще не навещали Огрида, — сообразил Гарри.

— Годится, — согласился Рон, — если только он не попросит нас сдать по паре пальцев на кормление драклов.

Лицо Гермионы внезапно озарилось.

— Я только что поняла — я же еще не предлагала Огриду вступить в П.У.К.Н.И.! — радостно вскричала она. — Подождите немножко, я сбегаю за значками.

— Что за человек, — обессиленно вздохнул Рон. Гермиона уже унеслась вверх по мраморной лестнице.

— Эй, Рон, — вдруг сказал Гарри, — а вон и твоя подруга...

С улицы через парадную дверь вошли бэльстэковцы — и среди прочих девочка-вейла. Пропуская их, собравшиеся вокруг Кубка Огня расступились, пристально наблюдая.

Мадам Максим вошла в вестибюль последней и тут же выстроила своих учеников в стройную линейку. Дисциплинированные бэльстэковцы по одному пересекали Возрастной Рубеж и бросали кусочки пергамента в бело-голубое пламя. Глотая имена, пламя ненадолго краснело и искрило.

— А что будет с теми, кого не выберут, как думаешь? — тихонько спросил Рон у Гарри, когда девочка-вейла бросила в огонь свою заявку. — Уедут обратно? Или останутся смотреть Турнир?

— Откуда я знаю? — пожал плечами Гарри. — Останутся, наверное... Мадам Максим ведь остается, она же будет судьей...

Когда все бэльстэковцы подали заявки, мадам Максим вывела их обратно на улицу.

— А они-то где спят? — Рон, как зачарованный, непроизвольно двинулся следом.

Громкое звяканье возвестило о возвращении Гермионы с коробкой значков П.У.К.Н.И.

— О, отлично, пойдем быстрей, — обрадовался Рон и запрыгал вниз по парадной лестнице, не отрывая глаз от спины девочки-вейлы, которая вместе со всей группой мадам Максим уже одолела полсклона.

Ребята подошли к хижине Огрида на опушке Запретного леса, и тайна местонахождения штаб-квартиры «Бэльстэка» раскрылась. Ярдах в двухстах стояла гигантская бледно-голубая карета, и

бэльстэковцы как раз забирались внутрь. Слоноподобные летающие кони паслись рядом в импровизированном загоне.

Гарри постучал в хижину. В ответ сразу же гулко загавкал Клык.

– Наконец-то! – воскликнул Огрид, распахнув дверь и увидев, кто пришел. – А я уж было решил, вы забыли, где я живу!

– У нас завал всяких дел, Огр... – Гермиона внезапно потеряла дар речи. Она в изумлении взорвалась на Огрида.

Тот облачился в парадный (и немыслимо уродливый) ворсистый коричневый костюм и галстук в желто-оранжевую клетку. Но это было еще не самое страшное; ко всему прочему Огрид предпринял попытку укротить свои дикие волосы, обильно измазав их, кажется, колесной мазью. Теперь прилизанная грива разделялась надвое – наверное, Огрид сначала попробовал завязать хвост, как у Билла, но потом понял, что волос слишком много. Такая прическа совершенно Огриду не шла. Гермиона, некоторое время потирая глаза, все-таки решила воздержаться от комментариев и спросила:

– Эмм... как драклы?

– Они на тыквенных грядках, – заулыбался Огрид. – Растут, между прочим, уже три фута почти! Вот только беда – стали убивать друг дружку!

– Да что ты! – ахнула Гермиона, предупреждающе стрельнув глазами на Рона, который не сводил удивленного взора с дурацкой прически Огрида и уже открыл было рот.

– Угу, – удрученно вздохнул Огрид, – ну да ничего, я их рассадил по отдельным ящикам. Штук двадцать еще осталось.

– Какая удача, – сказал Рон. Сарказма Огрид не уловил.

В хижине была всего одна комната. В углу стояла громадная кровать, покрытая лоскутным одеялом. Перед камином, под свисающими с потолка многочисленными окороками и птичьими тушками, располагался не менее громадный деревянный стол, окруженный стульями. Гарри, Рон и Гермиона уселись, а Огрид принялся готовить чай. Вскоре все они погрузились в обсуждение Тремудрого Турнира. Огрид предвкушал Турнир ничуть не меньше ребят.

– Вот погодите, – улыбался он, – вы только погодите. Такое увидите, чего сроду не видывали. Первое задание... Эх, мне ж нельзя вам говорить!

– Ну скажи, Огрид! – хором упрашивали Гарри, Рон и Гермиона, но он, не переставая улыбаться, лишь мотал головой.

– Чего ж я буду сюрприз портить… Только, доложу я вам, это будет зрелище! Чемпионам уж придется попотеть. Вот не чаял дожить до того, что снова Тремудрый Турнир увижу!

Ребята остались обедать с Огридом, но съесть им удалось немного – Огрид подал, как он сказал, говяжью запеканку, но, когда Гермиона откопала в своей порции здоровенный коготь, Гарри с Роном потеряли аппетит. И однако, они приятно провели время, пытаясь выудить из Огрида информацию о первом испытании, споря, кого выберут чемпионом, и гадая, избавились ли уже Фред с Джорджем от бород.

После полудня закрапал дождик, и им было очень уютно сидеть у огня, слушать, как тихо постукивают капли по стеклу, наблюдать, как Огрид штопает носки и спорит с Гермионой из-за домовых эльфов – ибо, едва увидев значки, он категорически отказался вступить в П.У.К.Н.И.

– Это им не на пользу, Гермиона, – сурово проговорил он, вставляя толстую желтую нитку в большую костяную иглу. – У них это в натуре – за людьми присматривать, они такие – понимаешь? Ежели забрать у них работу, они станут несчастные, а уж если ты попробуешь им платить – так вообще разобидятся вусмерть.

– Но Гарри же освободил Добби, и тот чуть не до луны прыгал от радости! – возразила Гермиона. – И мы слышали, что он теперь требует жалованье!

– Ну так что ж, везде есть белые вороны. Я и не говорю, да, кой-какие эльфы хотят свободы, но большинство ты ни в жисть не уговоришь – нет, Гермиона, ничего не выйдет.

Та ужасно надулась и спрятала коробку со значками в карман плаща.

К половине шестого стемнело, и ребята решили, что пора возвращаться в замок на пир по случаю Хэллоуина – а главное, на объявление имен чемпионов.

– Я с вами. – Огрид отложил штопку. – Секундочку погодьте.

Он встал, подошел к комоду у кровати и порылся в ящиках. Ребята не смотрели, пока до их ноздрей не долетел поистине ужасный запах.

Рон, закашлявшись, вскричал:

– Огрид, что это?!

– А? – Огрид повернулся. В руках у него была большая бутылка. – Чего, не нравится?

– Это лосьон после бритья? – полузадумчиво поинтересовалась Гермиона.

– Э-э-э... одеколон. – Огрид побагровел. – Может, переборщил... – проворчал он. – Пойду смою, погодьте еще...

Он вышел, и через окно ребята увидели, как он энергично отмывается в бочке с водой.

– Одеколон? – в изумлении произнесла Гермиона. – *Огрид?*

– А прическа и костюм? – вполголоса добавил Гарри.

– Смотрите! – вдруг сказал Рон, показывая в окно.

Огрид как раз выпрямился и повернулся. И, если то, что произошло с ним раньше, называлось «побагровел», то для описания теперешнего его состояния эпитетов не имелось. Осторожно, чтобы Огрид их не заметил, Гарри, Рон и Гермиона приблизились к окну. Из кареты, тоже собравшись на пир, только что вышли мадам Максим и ее подопечные. Ребятам не было слышно, что говорит Огрид, но выражение, с которым он смотрел на мадам Максим, – этот восторг, этот затуманенный взгляд – Гарри видел лишь однажды, когда Огрид любовался на драконьего детеныша Норберта.

– Он пошел в замок с ней! – возмутилась Гермиона. – Что же он нас не подождал?

Ни разу не оглянувшись, Огрид брел рядом с мадам Максим. Бэльстэковцам приходилось бежать трусцой, чтобы поспеть за их великанскими шагами.

– Он в нее втюрился! – изумленно прошептал Рон. – Что ж, если у них родятся дети, они установят мировой рекорд – их младенец будет весить тонну!

Ребята вышли из хижины и закрыли за собой дверь. Снаружи, оказывается, сильно стемнело. Поплотнее закутавшись в плащи, они пошли вверх по склону.

– О-о-о, это же они, смотрите! – прошептала Гермиона.

От озера к замку шли дурмштранговцы – Виктор Крум рядом с Каркаровым, остальные сзади. Рон восхищенно уставился на Крума, но тот даже не обернулся, хотя подошел к дверям замка почти одновременно с Гарри, Роном и Гермионой.

Мерцающий огнями свечей Большой зал был почти полон. Кубок Огня перенесли – теперь он стоял на учительском столе перед пустым креслом Думблдора. Фред с Джорджем, снова чисто выбритые, встретили свое поражение достойно.

– Надеюсь, выберут Ангелину, – сказал Фред, когда Гарри, Рон и Гермиона сели рядом.

– Я тоже! – выдохнула Гермиона. – Ну, скоро все узнаем.

Пир в честь Хэллоуина длился как будто гораздо дольше обычного. Возможно, оттого, что это был второй пир подряд, изысканные деликатесы не вызывали у Гарри должного энтузиазма. Наоборот, он, как и все в зале – если судить по непрерывно выгибающимся шеям, нетерпеливым гримасам, нервной суете и беспрерывному вскакиванию с целью посмотреть, доел ли уже Думблдор, – нисколько не огорчился бы, если бы еда сию минуту исчезла с тарелок и объявили, кого выбрали чемпионами.

Наконец после бесконечно долгого ожидания золотые блюда вновь стали безупречно чисты, и по залу пробежал шумный рокот, мгновенно стихнувший, как только поднялся Думблдор. По бокам замерли профессор Каркаров и мадам Максим – ими тоже владело общее напряженное волнение. Людо Шульман сиял и подмигивал кому попало. Мистер Сгорбс, напротив, происходящим, похоже, не интересовался и даже скучал.

– Что ж, Кубок почти готов дать ответ, – объявил Думблдор. – По моим оценкам, осталось ждать минуту. Как только прозвучат имена чемпионов, я прошу их пройти сюда, к учительскому столу, а затем вот в ту комнату, – он показал на дверь позади себя, – где они получат первые инструкции.

Думблдор достал волшебную палочку и широко ею взмахнул; все свечи, кроме тех, что горели в тыквах, мигом погасли, и в зале воцарился загадочный полумрак. Самым ярким пятном теперь был Кубок Огня, и от яркого бело-голубого пламени резало глаза. Все замерли в ожидании... кое-кто нетерпеливо посматривал на часы...

– Вот сейчас, – прошептал Ли Джордан, сидевший через два места от Гарри.

Огонь вдруг покраснел. Из Кубка полетели искры. И, вместе с длинным языком пламени, оттуда выстрелил обугленный кусочек пергамента – зал ахнул от неожиданности.

Думблдор поймал пергамент и отодвинул подальше от себя, чтобы прочесть в свете огня, вновь ставшего бело-голубым.

– Чемпионом «Дурмштранга», – возвестил он звучным, ясным голосом, – объявляется Виктор Крум!

– А кто ж еще! – заорал Рон.

Зал взорвался радостными криками и аплодисментами. Гарри увидел, как Виктор Крум встал из-за стола «Слизерина» и, сутуясь, поплелся к Думблдору, повернув направо, прошел вдоль учительского стола и исчез за дверью в задней комнате.

– Браво, Виктор! – прогудел Каркаров так громко, что все услышали его, несмотря на грохот. – Я знал, ты сдюжишь!

Возгласы и овации стихли. Внимание присутствующих переключилось на Кубок, и пару секунд спустя огонь покраснел вновь. Вращаясь в языках пламени, из Кубка вылетел второй кусочек пергамента.

– Чемпионом «Бэльстэка», – сообщил Думблдор, – объявляется Флёр Делакёр!

– Это же она, Рон! – завопил Гарри.

Девочка, которая так сильно напоминала вейлу, изящно встала из-за стола, откинула назад густую завесу серебристых волос и грациозно прошла между столами «Вранзора» и «Хуффльпуффа».

– Смотрите, как они все расстроились, – в поднявшемся шуме сказала Гермиона, кивая на остальных бэльстэковцев.

«Расстроились» – это слабо сказано, подумал Гарри. Две девочки горько рыдали, уронив головы на руки.

Флёр Делакёр скрылась в задней комнате, и в зале снова воцарилась тишина, на сей раз так сгустившаяся от эмоций, что ее, казалось, можно попробовать на вкус. Очередь за «Хогварцем»...

Кубок Огня вновь покраснел и заискрил; в воздух выстрелил длинный язык пламени, и с его кончика Думблдор снял третий обрывок пергамента.

– Чемпионом «Хогварца», – выкрикнул он, – объявляется Седрик Диггори!

– Нет! – громко простонал Рон, но этого никто, кроме Гарри, не расслышал – такая яростная буря поднялась за соседним столом. Все хуффльпуффи, визжа и вопя, повскакали на ноги, а Седрик, с широченной улыбкой на устах, прошел мимо них, вдоль учительского

стола и в заднюю дверь. Овации продолжались очень долго, и прошло порядочно времени, прежде чем Думблдору снова удалось заговорить.

– Прекрасно! – ликующе воскликнул он, когда замерли последние крики. – Что ж, три чемпиона у нас теперь есть. Я не сомневаюсь, что каждый из вас, включая неизбранных учеников «Бэльстэка» и «Дурмштранга», будет изо всех сил за них болеть. Тем самым вы внесете поистине неоценимый...

Но Думблдор вдруг замолчал, и всем сразу стало ясно почему.

Огонь в Кубке снова покраснел. Полетели искры. Язык пламени выстрелил в воздух и вынес еще один кусочек пергамента.

Длинной рукой Думблдор как будто машинально схватил этот обрывок. Отодвинул от себя и уставился на имя, которое там значилось. Повисла долгая пауза: Думблдор оторопело взирал на пергамент, а весь зал взирал на Думблдора. Затем тот прочистил горло и прочитал:

– Гарри Поттер.

Глава семнадцатая

Четыре чемпиона

Гарри сидел, чувствуя, что к нему повернуты все головы в Большом зале. Он был ошаращен. Он оцепенел. Абсолютно очевидно — он задремал. Ему все померещилось.

Аплодисментов не было. В зале нарастил гомон, точно зажужжал рассерженный пчелиный рой; некоторые привставали, чтобы получше разглядеть окаменевшего Гарри.

Профессор Макгонаголл вскочила, стремительно прошла позади Людо Шульмана и профессора Каркарова и что-то горячо зашептала Думблдору, а тот, слегка нахмурившись, склонил к ней ухо.

Гарри повернулся к Рону с Гермионой; из-за них, разинув рты, на него смотрел весь гриффиндорский стол.

— Я не подавал заявки, — бесцветно сказал Гарри, — вы же знаете, я не подавал.

Оба ответили ему такими же бесцветными взглядами.

За учительским столом профессор Думблдор, кивнув профессору Макгонаголл, выпрямился.

— Гарри Поттер! — снова провозгласил он. — Гарри! Подойди, будь любезен.

— Иди, — шепнула Гермиона, легонько его подтолкнув.

Гарри встал и споткнулся, наступив на подол собственной мантии. Он двинулся по проходу между гриффиндорским и хуффльпуффским столами. Шел он целую вечность, учительский стол никак не хотел приближаться, и на Гарри уставились прожекторы сотен и сотен глаз. Гул становился все громче. Миновал, казалось, час, прежде чем Гарри очутился перед Думблдором. Все учителя смотрели не отрываясь.

— Что же... в эту дверь, Гарри, — показал Думблдор без улыбки.

Гарри побрел вдоль учительского стола. В торце сидел Огрид. Он не подмигнул, не помахал Гарри, словом, не поприветствовал как обычно. Он был совершенно ошеломлен, и на лице его читалась та же оторопь, что у всех. Гарри вышел в заднюю дверь и оказался в комнате

поменьше, увешанной портретами колдунов и ведьм. В камине у дальней стены ревел жаркий огонь.

К Гарри дружно повернулись все лица на портретах. Одна сморщенная старушка метнулась со своей картины на соседнюю, к колдуну с усами как у моржа, и жарко зашептала ему в ухо.

Виктор Крум, Седрик Диггори и Флёр Делакёр стояли у камина – впечатительные силуэты, четко прорисованные на фоне пламени. Сутулый и угрюмый Крум, чуть поодаль от остальных, облокотился на каминную полку. Седрик, заложив руки за спину, глядел в огонь. Флёр Делакёр оглянулась на Гарри и откинула назад серебристые волосы.

– Что случилось? – спросила она. – Нас зовут обгатно в заль?

Она решила, что его прислали с поручением. Гарри не знал, как объяснить, что случилось. Он лишь стоял и смотрел на трех чемпионов. Его потрясло, какие они все высокие.

Послышался топот, и в комнату влетел Людо Шульман. Он подвел Гарри к остальным.

– Это что-то экстраординарное! – забормотал он, сжимая плечо Гарри. – Абсолютно экстраординарное! Господа… и дама, – прибавил он, подходя ближе к огню. – Разрешите представить вам – пусть это и невероятно – *четвертого* участника Тремудрого Турнира.

Виктор Крум выпрямился. Он смерил Гарри изучающим взглядом, и его мрачное лицо помрачнело еще больше. Седрик пребывал в полном замешательстве. Он переводил взгляд с Гарри на Шульмана и обратно, будто был уверен, что ослышался. Флёр Делакёр между тем тряхнула волосами, улыбнулась и сказала:

– О, какая смешная шутка, мистер Шульман.

– Шутка? – повторил потрясенный Шульман. – Нет, вовсе нет! Кубок Огня только что выдал имя Гарри!

Густые брови Крума дернулись. Седрик по-прежнему вежливо недоумевал.

Флёр нахмурилась.

– Но очевидно, что произошла ошибка, – вызывающе произнесла она. – Он не может согенноваться. Он очень мальчишний.

– Согласен… все это поразительно. – Шульман потер гладкий подбородок и улыбнулся Гарри. – Хотя, как вы знаете, возрастные ограничения введены только в этом году в качестве дополнительной меры предосторожности. К тому же его имя выдал Кубок Огня…

пожалуй, на данном этапе отступать некуда... таковы правила, вы обязаны... Гарри просто придется сделать все, что в его...

Дверь распахнулась, и вошла куча людей: профессор Думблдор, а следом за ним мистер Сгорбс, профессор Каркаров, мадам Максим, профессор Макгонаголл и профессор Злей. Из Большого зала до Гарри донесся гул толпы, а затем профессор Макгонаголл закрыла дверь.

— Мадам Максим! — Флёр бросилась к директрисе. — Они говорят, что этот маленький мальчик тоже будьет согенноваться.

Где-то глубоко, под коркой оцепенелого непонимания, Гарри почувствовал острый укол гнева. *Маленький мальчик?*

Мадам Максим выпрямилась во весь внушительный рост. Задев макушкой красивой головы канделябр с горящими свечами, она расправила обтянутую атласом гигантскую грудь.

— Что все это значит, Думбли-догг? — властно осведомилась она.

— Я и сам хотел бы понять, в чем дело, Думблдор, — поддержал ее профессор Каркаров. На его лице застыла холодная улыбка, голубые глаза превратились в льдинки. — *Два* чемпиона от «Хогварца»? Насколько я припоминаю, меня не предупреждали, что принимающая сторона имеет право выдвинуть двух чемпионов, — или я невнимательно изучил правила?

Он коротко, гадко хохотнул.

— *C'est impossible*². — Огромная рука мадам Максим, уизанная великолепными опалами, покосилась на плече Флёр. — У «Огвагца» не может быть двух чемпионов. Это несправедливо.

— Мы считали, что ваш Рубеж, Думблдор, закроет несовершеннолетним претендентам доступ к Кубку. — Холодная улыбка не сходила с губ Каркарова, а глаза сделались холоднее даже льда. — В противном случае мы бы, разумеется, представили расширенный набор кандидатов от наших школ.

— Каркаров, во всем виноват один Поттер, — тихо процедил Злей. Его черные глаза зажглись злобой. — Не вините Думблдора в том, что Поттер упорно нарушает все возможные правила. Он этим занимается с первого дня...

— Достаточно, благодарю вас, Злотеус, — твердо сказал Думблдор, и Злей умолк, хотя глаза его по-прежнему убийственно сверкали из-под черной занавеси сальных волос.

Професор Думбльдор обратил взгляд на Гарри, и тот посмотрел ему прямо в лицо, стараясь разобрать, что читается в глазах за стеклами-полумесяцами.

— Гарри, ты помещал свою заявку в Кубок Огня? — спокойно спросил Думбльдор.

— Нет, — ответил Гарри, всей кожей чувствуя на себе взгляды. Злей в полумраке тихо и нетерпеливо фыркнул — мол, ну да, как же.

— Ты просил кого-то из старших классов поместить твою заявку в Кубок Огня? — игнорируя Злея, продолжал Думбльдор.

— *Нет*, — с жаром ответил Гарри.

— Ах, но газумеется, он вгет! — вскричала мадам Максим. Злей, скривив губы в усмешке, качал головой.

— Он не мог пересечь Возрастной Рубеж, — резко вмешалась профессор Макгонаголл. — С этим, кажется, все согласились…

— Должно быть, Думбли-догг допустил с Губежом ошибку, — пожала плечами мадам Максим.

— Это, безусловно, не исключено, — вежливо согласился Думбльдор.

— Думбльдор, вы прекрасно знаете, что никакой ошибки не было! — рассердилась профессор Макгонаголл. — В самом деле, что за чушь! Гарри не мог пересечь Возрастной Рубеж сам, и профессор Думбльдор верит, что Гарри не просил никого из старшеклассников. Чего вам еще?

И она очень недовольно покосилась на профессора Злея.

— Мистер Сгорбс… мистер Шульман, — голос Каркарова снова истекал елеем, — вы здесь единственные… мmm… объективные судьи. Вы, конечно, согласитесь, что все это в высшей степени несообразно?

Шульман промокнул круглое мальчишеское лицо носовым платком и посмотрел на мистера Сгорбса, который стоял вне круга света от камина. В полутьме Сгорбс казался много старше и вообще выглядел существом из потустороннего мира; лицо его походило на череп. Заговорил он, однако, по обыкновению отрывисто:

— Мы должны следовать правилам, а правила четко и ясно гласят: те, чье имя выдано Кубком Огня, обязаны принять участие в Турнире.

— Ну вот! Барти знает законы вдоль и поперек. — Шульман, сияя, повернулся к Каркарову и мадам Максим с таким видом, словно вопрос теперь можно спокойно считать закрытым.

— Я требую повторного предоставления заявок остальными кандидатами от моей школы, — заявил Каркаров. Он оставил елейный тон и прекратил улыбаться. Гrimаса его была по-настоящему страшна. — Вы снова установите Кубок Огня, и мы будем продолжать процедуру, пока не получим по два чемпиона от каждой школы. Согласитесь, Думблдор, это будет справедливо.

— Но, Каркаров, так не выйдет, — возразил Шульман. — Кубок Огня только что остыл — и не зажжется вплоть до следующего Турнира...

— ...в котором «Дурмштранг» не станет участвовать ни под каким видом! — взорвался Каркаров. — После всех наших встреч, переговоров и компромиссов я никак не ожидал ничего подобного! Я не знаю, может быть, мне вообще следует уехать!

— Пустые угрозы, Каркаров, — прорычали от двери. — Вы не можете уехать и бросить своего чемпиона. Ему придется участвовать. Им всем придется. Думблдор ведь сказал, это магический контракт. Как удобно, а?

В комнату вошел Хмури. Он проковылял к огню, и правая нога громко клацала об пол при каждом шаге.

— Удобно? — переспросил Каркаров. — Боюсь, я не понимаю вас, Хмури.

Гарри было очевидно, что Каркаров изо всех сил старается изобразить насмешку — мол, слова Хмури вовсе не заслуживают внимания, — но его выдали руки: они сжалась в кулаки.

— Не понимаете? — тихо переспросил Хмури. — Все очень просто, Каркаров. Кто-то поместил заявку от Поттера в Кубок, зная, что если Кубок выберет его, ему придется участвовать.

— Очевидно, этот кто-то ‘отел, чтобы «‘Огвагц» откусил от яблёчка целих два кусочка! — бросила мадам Максим.

— Совершенно с вами согласен, мадам Максим, — поклонился ей Каркаров, — я непременно подам жалобу в министерство магии, *а также* в Международную конфедерацию чародейства...

— Если кому и нужно жаловаться, так это Поттеру, — пророкотал Хмури, — но... удивительное дело... от него я не слышу ни слова...

— Почему ему жаловаться? — взвилась Флёр Делакёр, топнув ногой. — Он получил шанс согенноваться! Мы все ньеделями надеялись, что нас избегут! Это честь для наших школ! Плиз в тисьячу галлеонов — за это многие согласились бы умереть!

— Возможно, кто-то как раз и надеется, что Поттер умрет, — с еле заметным намеком на рык заметил Хмури.

За этими словами последовало очень и очень напряженное молчание.

Сильно встревоженный Людо Шульман покачался на пятках и сказал:

— Хмури, старина... что за мысли!

— Все мы знаем, что профессор Хмури считает утром пропавшим зря, если к обеду не раскроет шести заговоров, — громко заявил Каркаров. — Видимо, теперь он и своих воспитанников обучает опасаться наемных убийц. Странное качество для преподавателя защиты от сил зла, но... у вас, очевидно, свои резоны, Думблдор.

— Значит, мне померещилось? — зарычал Хмури. — Я все придумал, да? Только высококлассный колдун или ведьма могли поместить имя мальчика в Кубок Огня...

— Ах, да какие же у вас доказательства? — воздела громадные руки мадам Максим.

— Такие, что они обвели вокруг пальца очень мощный волшебный артефакт! — вскричал Хмури. — Нужно было исключительно сильное заморочное заклятие, чтобы заставить Кубок забыть, что в Турнире участвуют всего три школы... Я думаю, они поместили имя Поттера как претендента от четвертой — тогда он был единственным кандидатом...

— Вы что-то слишком много думаете, Хмури, — ледяным тоном оборвал Каркаров, — и, безусловно, пришли к абсолютно гениальным выводам... Хотя, насколько мне известно, недавно вы также вообразили, будто один из подарков на ваш день рождения — хитро замаскированное яйцо василиска, и раздолбили его на куски, а затем выяснилось, что это обычные дорожные часы. Поэтому вы поймете нас, если мы не примем ваши слова совсем всерьез...

— Кому надо, всегда сумеет нагадить, — угрожающе парировал Хмури. — Моя работа — мыслить так, как это делают черные маги... а вы, Каркаров, должны бы помнить...

— Аластор! — предостерег Думблдор. Гарри сначала даже не понял, к кому он обращается, но потом догадался, что «Шизоглаз» — вряд ли настоящее имя. Хмури замолчал, но продолжал мерить Каркарова удовлетворенным взглядом — лицо у того горело.

— Каким образом возникла подобная ситуация, мы не знаем, — обратился Думблдор к собравшимся. — Однако, мне кажется, нам остается только ее принять. И Седрик, и Гарри избраны для участия в Турнире. Следовательно, они будут участвовать...

— Ах, но Думбли-догг...

— Моя дорогая мадам Максим, если вы можете предложить альтернативное решение, я буду счастлив выслушать.

Думблдор подождал, но мадам Максим ничего не сказала, а только стояла, излучая гнев. И не она одна, кстати. Злей негодовал; Каркаров ярился. А вот Шульманом владело нетерпеливое предвкушение.

— Ну-с, может, приступим? — сказал он, потирая руки и одаривая всех улыбкой. — Наши чемпионы ждут первых инструкций, не так ли? Барти, ты как — хочешь побыть председателем?

Мистер Сгорбс вышел из глубокой задумчивости.

— Да, — кивнул он, — инструкции. Да... первое испытание...

Мистер Сгорбс приблизился к камину, и Гарри разглядел, что вид у него совсем больной. Под глазами пролегли глубокие тени, морщинистая кожа истончилась и стала как бумага — на финале кубка он таким не был.

— Первое состязание должно испытать вашу отвагу, — объявил он Гарри, Седрику, Флёр и Круму, — и поэтому мы не скажем, в чем конкретно оно заключается. Храбрость перед лицом неизвестности — очень важное колдовское качество... очень важное... Первое испытание пройдет двадцать четвертого ноября в присутствии учащихся и судейского жюри. При выполнении заданий Турнира чемпионам не разрешается ни просить, ни принимать помощь от преподавателей. Первое испытание чемпионы встретят, вооруженные только волшебными палочками. Информация о втором испытании будет предоставлена по прохождении вами первого. Также, поскольку участие в Турнире отнимает много времени и сил, чемпионы освобождаются от экзаменов.

Мистер Сгорбс обернулся к Думблдору:

— Мне кажется, я ничего не забыл, Альbus?

— Вроде бы нет, — отозвался Думблдор, глядя на мистера Сгорбса в легкой тревоге. — Вы уверены, что не хотите остаться на ночь в «Хогварце», Барти?

– Нет, Думбльдор, мне необходимо вернуться в министерство, – ответил мистер Сгорбс. – У нас сейчас очень трудное, очень напряженное время... Пришлось оставить за главного юного Уизерби... он проявляет большое рвение... по правде говоря, чересчур ретив...

– Может, хоть выпьете чего-нибудь перед дорожкой? – предложил Думбльдор.

– Да ладно тебе, Барти! Я вот остаюсь! – с энтузиазмом вмешался Шульман. – Ты пойми, все самое важное происходит здесь и сейчас, а ты – министерство, министерство...

– Я так не думаю, Людо, – сказал Сгорбс, и в его голосе опять засквозило раздражение.

– Профессор Каркаров, мадам Максим – не желаете по рюмочке перед сном? – любезно осведомился Думбльдор.

Но мадам Максим уже положила руку на плечо Флёр и повела ее прочь. Гарри слышал, как они, выходя в Большой зал, тараторят по-французски. Каркаров поманил Крума, и они тоже вышли, но молча.

– Гарри, Седрик, вам обоим, наверное, лучше пойти наверх. – Думбльдор с улыбкой посмотрел на чемпионов «Хогварца». – Нисколько не сомневаюсь, что в настоящую минуту и гриффиндорцы, и хуффльпффцы с нетерпением ждут вас, чтобы отпраздновать победу, и было бы жестоко лишить их прекрасного повода устроить всяческие безобразия.

Гарри посмотрел на Седрика, тот кивнул, и они вместе вышли.

Большой зал опустел; свечи почти догорели, и зубастые тыквенные улыбки загадочно, почти зловеще мерцали.

– Значит, – произнес Седрик, еле заметно улыбаясь, – мы снова играем друг против друга.

– Получается так, – ответил Гарри. Он не смог придумать, что еще сказать. В голове царил полный кавардак, словно там только что провели обыск.

– Слушай, – начал Седрик, когда они дошли до вестибюля; Кубка Огня больше не было, и горели только факелы. – А как тебе удалось подать заявку?

– Я этого не делал, – Гарри поднял на него глаза, – я не подавал. Я правду говорил.

— Да... конечно, — пожал плечами Седрик. Было ясно, что он не поверил. — Тогда... увидимся.

У центральной лестницы Седрик свернул направо в боковую дверь. Гарри постоял, прислушиваясь к его шагам, удаляющимся вниз по каменным ступеням, а затем очень медленно начал подниматься по мраморным.

Интересно, поверит ли ему кто-нибудь, кроме Рона и Гермионы, или все решат, что он смухлевал? Но как такое вообще может прийти в голову? Ему же придется состязаться с соперниками, у которых на три года больше колдовского опыта, — ему предстоят очень опасные испытания, притом на глазах сотен людей. Да, он мечтал об этом... фантазировал... но это же просто так, праздные грезы... *всерьез* он ни разу не думал подать заявку...

А кто-то другой между тем подумал за него... Кто-то захотел, чтобы Гарри участвовал в Турнире, и сделал так, чтобы его выбрали. Зачем? От большой любви?.. Непохоже...

Или просто хотели посмотреть, как он выставит себя дураком? Что ж, тогда их желание наверняка исполнится...

Но *погубить*? Что это, обычная паранойя Хмури? А на самом деле шутка, розыгрыш? Есть такие, кому и правда нужно, чтобы он погиб?

Ответ у Гарри был готов. Да, кое-кто действительно желает ему смерти, причем с тех пор, как Гарри исполнился год... Лорд Вольдеморт. Но как Лорд Вольдеморт смог добиться того, чтобы заявку от Гарри поместили в Кубок Огня? Ведь он где-то очень далеко, скрывается в чужой стране, один... слабый и немощный...

И все же... в том сне, от которого заболел шрам, Вольдеморт был не один... он говорил с Червехвостом... и они планировали убить Гарри...

Гарри вздрогнул, обнаружив, что уже стоит перед Толстой Тетей. Он и не заметил, как сюда дошел. С не меньшим удивлением он увидел, что Толстая Тетя не одна. Рядом с ней восседала сморщенная старушка, которая шмыгнула на соседнюю картину, когда Гарри пришел к остальным чемпионам. Наверное, мчалась со всех ног, чтобы по картинам, висящим вдоль семи лестниц, добраться сюда раньше него. Обе дамы разглядывали мальчика сверху вниз с живейшим интересом.

— Так-так-так, — произнесла Толстая Тетя, — Виолетта мне только что рассказала. Стало быть, нас избрали чемпионом?

— Дребедень, — скучно сказал в ответ Гарри.

— И вовсе нет! — Старушенция от возмущения даже побледнела.

— Нет-нет, Ви, это пароль, — успокоила ее Толстая Тетя и впустила Гарри в общую гостиную.

Едва портрет открылся, Гарри в уши ударил такой грохот, что его чуть ли не откинуло назад. Он не успел понять, что случилось, но в следующий миг его потащили внутрь по меньшей мере две дюжины рук — и он уже стоял перед гриффиндорцами, а те визжали, свистели и рукоплескали.

— Надо было нам сказать, что ты подал заявку! — взревел Фред; он был недоволен и восхищен одновременно.

— А главное, без бороды! Гениально! — заорал Джордж.

— Я не подавал, — заговорил Гарри, — я не знаю...

Но на него уже налетела Ангелина:

— Пусть не я, так хоть гриффиндорец...

— Расквитаешься с Диггори за тот квидишный матч, Гарри! — завопила Кэти Белл, вторая Охотница «Гриффиндора».

— Гарри, мы притащили всякой еды, иди сюда...

— Я не голодный, я наелся на пиру...

Но никто не желал слышать, что он не голоден; никто не желал слышать, что он не подавал заявку; ни один человек не заметил, что он не в настроении праздновать... Ли Джордан откопал где-то гриффиндорский флаг и настоял, чтобы Гарри в него завернулся, как в плащ. Отбиться было невозможно; стоило Гарри бочком шагнуть к лестнице в спальню, как беснующаяся толпа вновь смыкалась вокруг, вливалась в него очередную порцию усладэля, пихала в руки чипсы и орешки... все жаждали узнать, как ему это удалось, как он перешел Возрастной Рубеж, как поместил в Кубок заявку...

— Я этого не делал, — твердил Гарри снова и снова, — я не знаю, как это получилось.

Он мог бы и не отвечать — никто не обращал ни малейшего внимания.

— Я устал! — взорвался он наконец, с трудом выдержав полчаса. — Нет, честно, Джордж, — я пойду...

Больше всего на свете ему хотелось отыскать Рона и Гермиону, островок здравого смысла в этом безумии, но друзей не было в гостиной. Решительно заявив, что ему пора спать, и чуть не размазав по стенке братцев Криви, которые подстерегли его у лестницы, Гарри сумел ото всех отделаться и поспешил вскарабкаться в спальню.

К величайшему облегчению, он обнаружил там Рона. Тот одетый лежал на кровати. Когда Гарри захлопнул за собой дверь, Рон поднял глаза.

– Ты где был? – спросил Гарри.

– А... привет, – ответил Рон.

Он улыбался, но то была очень странная, натянутая улыбка. Гарри сообразил, что до сих пор закутан в алый гриффиндорский флаг, и принял срывать его с себя, но узел завязали очень туго. Рон лежал неподвижно и смотрел, как Гарри сражается с полотнищем.

– Ну, – сказал Рон, когда Гарри наконец победил флаг и отшвырнул его в угол, – поздравляю.

– Что значит, поздравляю? – вытаращился Гарри. В улыбке Рона определенно было что-то не то: не улыбка – скорее гримаса.

– Ну... больше никому не удалось перейти Возрастной Рубеж, – пояснил Рон. – Даже Фреду с Джорджем. Что ты сделал – надел плащ-невидимку?

– Плащ-невидимка не помог бы перейти Рубеж, – медленно проговорил Гарри.

– А, ну да! – сказал Рон. – Наверно, ты бы мне сказал, если бы плащ... под ним мы могли бы спрятаться оба... Ты получше способ нашел, да? Какой?

– Послушай, – Гарри поглядел Рону в глаза, – я заявки не подавал. Это кто-то другой.

Рон поднял брови:

– Зачем?

– Понятия не имею, – ответил Гарри. Сказать «чтобы меня убить» было бы слишком мелодраматично.

Брови Рона задрались так высоко, что грозили потеряться в рыжих волосах.

– Да ты не бойся, мне-то можешь сказать правду, – заметил он. – Не хочешь говорить остальным – не надо, но я не понимаю, зачем врать, тебе же за это ничего не было! Подруга Толстой Тети, эта Виолетта,

уже всем рассказала, что Думбльдор разрешил тебе участвовать. Вознаграждение в тысячу галлеонов, да? И экзаменов сдавать не надо...

— Я не подавал заявки на участие в Турнире! — Гарри начал сердиться.

— Да-да, конечно, — процедил Рон скептически — в точности как Седрик. — Только ты еще утром говорил, что сделал бы это ночью, когда никто не видит... я, знаешь ли, не дурак.

— А прикидываешься убедительно, — огрызнулся Гарри.

— Да? — Рон больше не улыбался, даже натянуто. — Тебе пора спать, Гарри, — небось завтра надо быть в форме, для газеты сниматься, все дела.

Он с силой задернул полог, а Гарри остался стоять у двери, глядя на темно-красный бархат, скрывший одного из тех немногих, кто просто обязан был ему поверить.

² Это невозможно (*фр.*).

Глава восемнадцатая

Взвешивание палочек

Проснувшись утром в воскресенье, Гарри не сразу вспомнил, отчего ему так тошно и тревожно. Затем на него обрушились воспоминания о вчерашнем вечере. Он резко сел и почти отшвырнул полог, намереваясь объясниться с Роном, заставить его поверить, — но обнаружил, что соседняя кровать пуста; очевидно, Рон ушел завтракать один.

Гарри оделся и по винтовой лестнице спустился в общую гостиную. Те, кто уже вернулся с завтрака, тут же разразились бешеными аплодисментами. Перспектива появиться в Большом зале перед целой толпой гриффиндорцев, которые все как один считают его героем, привлекала мало, но выбор был небогат: либо туда, либо в плен к братьям Криви — оба отчаянно махали руками, призывая Гарри к ним присоединиться. Гарри решительно направился к портрету, распахнул его, выбрался наружу и столкнулся с Гермионой.

— Привет, — сказала она. В руках у нее была горка бутербродов в салфетке. — Я вот тут тебе принесла... хочешь пойти погулять?

— Хорошая мысль, — с благодарностью ответил Гарри.

Они спустились, быстро пересекли вестибюль, не оглядываясь на Большой зал, и скоро уже шли по газону к озеру, где, черно отражаясь в воде, покачивался пришвартованный дурмштранговский корабль. Утро было холодное, и они, на ходу жуя бутерброды, бродили туда-сюда, пока Гарри в подробностях рассказывал Гермионе обо всем, что случилось вечером, после того как он вышел из-за гриффиндорского стола. К его огромному облегчению, Гермиона поверила ему безоговорочно.

— Разумеется, я знала, что заявку ты не подавал, — проговорила она, едва Гарри закончил описывать сцену в комнате за Большим залом. — Ты бы видел свое лицо, когда Думбльдор назвал тебя! Вопрос в том, *кто* это сделал? Потому что Хмури прав... Вряд ли такое под силу

школьнику... никому из них не удалось бы заморочить Кубок или перехитрить Думбльдора...

– Ты видела Рона? – перебил Гарри.

Гермиона замялась.

– Эмм... да... за завтраком, – ответила она.

– Он все еще думает, что я подал заявку?

– Ну... нет, вряд ли... *не так чтобы*... – забормотала Гермиона.

– Что это значит – *не так чтобы*?

– Ой, Гарри, ты что, не понимаешь? – в отчаянье вскричала Гермиона. – Он завидует!

– *Завидует*? – не поверил своим ушам Гарри. – Чему завидует? Он что, хотел бы вместо меня сесть в лужу перед всей школой, да?

– Послушай, – терпеливо сказала Гермиона, – все внимание всегда направлено на тебя – согласись, это так. Я знаю, ты не виноват, – быстро добавила она, заметив, что Гарри в ярости открыл рот, – и знаю, что ты об этом не просил... но... ты пойми, у Рона куча братьев, с которыми его вечно сравнивают, а ты, его лучший друг, – настоящая знаменитость, люди смотрят на тебя и не замечают его, и он с этим мирится, и никогда не жалуется, но, по-моему, этот раз для него – просто чересчур...

– Отлично, – горько бросил Гарри, – просто великолепно. Передай ему от меня, что я готов поменяться с ним местами хоть сейчас. Передай, что я ему искренне желаю – пусть люди пялятся *ему* в лоб, где бы он ни появился...

– Я ему ничего передавать не буду, – отрезала Гермиона. – Сам ему скажешь, это единственный способ разобраться.

– Я не стану за ним бегать и уговаривать, чтоб он повзрослел! – закричал Гарри так громко, что с соседнего дерева в испуге снялись несколько сов. – Может, он сам поверит, что меня не на курорт отправили, когда я шею себе сломаю или...

– Не шути так, – тихо сказала Гермиона. – Это совсем не смешно. – Она была до крайности перепугана. – Гарри, я тут подумала... ты ведь знаешь, что надо сделать, да? Сразу, как только вернемся в замок?

– Конечно, знаю – дать Рону хорошего пинка под...

– *Послать письмо Сириусу*. Нужно ему рассказать. Он просил сообщать обо всем, что происходит в «Хогварце»... как будто ждал чего-то подобного. Я взяла с собой пергамент и перо...

— С ума сошла? — Гарри оглянулся — не слышит ли кто, — но во дворе никого не было. — Он вернулся в страну только потому, что у меня болел шрам. Если я скажу, что кто-то пропихнул меня на Турнир, он вообще, наверное, прямо в замок ворвется...

— Ему нужно знать, — сухово произнесла Гермиона. — Он в любом случае узнает...

— Каким образом?

— Гарри, о таких новостях не молчат. — Гермиона крайне посерезнела. — Турнир знаменит, ты знаменитость, я удивлюсь, если в «Оракуле» еще нет статьи о твоем участии... ты и так уже почти во всех книжках про Сам-Знаешь-Кого... а Сириус наверняка предпочел бы узнать от тебя.

— Ладно, ладно, напишу.

Гарри выбросил огрызок бутерброда в озеро. Оба задумчиво понаблюдали, как огрызок плавает, пока длинное щупальце не утащило его под воду. Тогда они пошли обратно в замок.

— А чью сову мне взять? — спросил Гарри, когда они взбирались по лестнице. — Он же сказал не посыпать Хедвигу.

— Спроси у Рона, можно ли...

— Ничего я у Рона спрашивать не буду, — сухо отрезал Гарри.

— Тогда возьми школьную — школьных всем можно брать, — предложила Гермиона.

Они поднялись в совяльню. Гермиона дала Гарри пергамент, перо и чернильницу и принялась расхаживать вдоль длинных настенов, рассматривая сов, а Гарри сел под стеной и стал сочинять письмо.

Дорогой Сириус!

Ты просил сообщать обо всем, что происходит в «Хогварце», так что слушай — может, ты уже в курсе — в этом году в «Хогварце» состоится Тремудрый Турнир, а в субботу вечером меня выбрали четвертым чемпионом. Я не знаю, кто поместил мою заявку в Кубок Огня, — я этого не делал. Другой чемпион «Хогварца» — Седрик Диггори, он из «Хуффльпуффа».

Тут он задумался. Хотелось объяснить, какой тяжелый камень лежит на душе со вчерашнего вечера, но облечь это в слова не удалось, поэтому он просто еще раз обмакнул перо в чернильницу и дописал:

Надеюсь, у тебя все в порядке, и у Конькура тоже.

Гарри

– Все, – сказал он Гермионе, встав и отряхивая с мантии солому. На плечо ему, трепеща крыльями, опустилась Хедвига и протянула лапку.

– Я не могу послать тебя, нужно кого-то из них, – объяснил ей Гарри, оглядываясь на школьных сов.

Хедвига очень громко ухнула и взлетела так резко, что когтями больно вонзилась Гарри в плечо. Пока он привязывал письмо к лапке большой сипухи, Хедвига сидела к нему задом. Когда сипуха улетела, Гарри попытался было погладить Хедвигу, но та свирепо щелкнула клювом и взмыла к стропилам.

– Сначала Рон, а теперь еще и ты, – рассердился Гарри. – *Я не виноват.*

Если Гарри думал, что, едва все привыкнут к его чемпионству, дела наладятся, следующий день показал, как жестоко он ошибался. В понедельник начались занятия, он больше не мог прятаться – и стало ясно, что вся школа, как и гриффиндорцы, не сомневается, будто Гарри сам подал заявку на участие в Турнире, но, в отличие от гриффиндорцев, вовсе не в восторге.

Хуффльпффцы, у которых всегда были чудесные отношения с гриффиндорцами, внезапно сделались чрезвычайно холодны. Чтобы это понять, хватило одного урока гербологии. Хуффльпффцы явно считали, что Гарри украл славу у их чемпиона; негодование усугублялось тем, что «Хуффльпффу» вообще редко доставалась слава, а Седрик, один из немногих, ее добился, одержав победу над «Гриффиндором» в квидишином матче. Эрни Макмиллан и Джастин Финч-Флетчи, прежде отлично ладившие с Гарри, не захотели с ним разговаривать, хотя им пришлось вместе пересаживать лупящие луковицы в горшки на одном подносе, – и гадко заржали, когда одна луковица вывернулась из рук Гарри и вмазалась ему в глаз. Рон тоже с ним не разговаривал. Гермиона сидела между ними, героически поддерживая весьма натянутую беседу, и оба нормально отвечали ей, но избегали встречаться взглядами друг с другом. Гарри показалось, что даже профессор Спарж держалась с ним очень формально – впрочем, она ведь была куратором «Хуффльпффа».

При нормальных обстоятельствах он бы с нетерпением ждал встречи с Огридом, но уход за магическими существами означал и

встречу со слизеринцами – впервые с тех пор, как его объявили чемпионом.

Вполне предсказуемо Малфой прибыл к хижине Огрида, сложив лицо в твердокаменную презрительную гримасу.

– Гляньте-ка, да это же чемпион, – обратился он к Краббе и Гойлу, убедившись, что Гарри услышит. – Вы захватили блокнотики для автографов? Лучше получить сейчас, а то вряд ли он пробудет среди нас долго... Сколько продержишься, Поттер? Я ставлю на десять минут с начала первого испытания.

Краббе с Гойлом льстиво заржали, но тут Малфою пришлось умолкнуть, потому что из-за хижины появился Огрид. Он тащил колышущуюся башню ящиков, и в каждом сидел громадный взрывающийся дракл. Ко всеобщему ужасу, Огрид объяснил, что драклы, оказывается, убивают друг друга по причине избытка энергии от неподвижного образа жизни, и поэтому каждый должен выбрать себе животное, взять его на поводок и вывести на прогулку. Правда, тут были и плюсы: затея отвлекла от Гарри внимание Малфоя.

– На прогулку? Этих уродов? – с отвращением переспросил тот, уставившись в ящик. – И куда же, скажите на милость, цеплять поводок? К жалу, к присоске или к взрывателю?

– За середину, – невозмутимо пояснил Огрид и показал. – Э-э-э... наденьте перчатки из драконьей шкуры, что ли, для предосторожности. Гарри – иди-ка сюда, помоги мне с этим здоровяком...

На самом же деле Огрид хотел поговорить с Гарри подальше от остальных.

Он подождал, пока все разойдутся со своими драклами, а затем сказал очень серьезно:

– Стало быть... участвуешь, Гарри. В Турнире. Чемпион школы.

– Один из, – поправил Гарри.

Черными глазами-жукаами Огрид тревожно посмотрел на него из-под кустистых бровей.

– Не в курсе, кто тебя втравил, а?

– Так ты веришь, что я не сам? – Гарри с трудом удалось унять благодарный восторг.

– Яс'дело, – подтвердил Огрид, – ты ж сказал, что не ты, я и верю – и Думблдор верит, и все.

– Хотел бы я знать, *кто* это сделал, – горько вздохнул Гарри.

Оба посмотрели на газон, по которому разбрелись ученики. Всем приходилось несладко. Драклы выросли до трех футов и очень окрепли. Они больше не были голыми и бесцветными, а обросли толстым серо-стальным панцирем. Походили они на помесь гигантских скорпионов с длинными крабами, но все еще не имели сколько-нибудь различимых голов и глаз. Они стали ужасно сильные – просто так не совладаешь.

– Глянь, как радуются, глянь! – воскликнул счастливый Огрид.

Гарри решил, что Огрид имеет в виду драклов, потому что одноклассники вовсе не радовались – то и дело звучало громкое «бум!», на конце дракла случался взрыв, дракл прыгал вперед на несколько ярдов, таща за собой поводыря, и немало народу отчаянно барахталось, пытаясь встать на ноги.

– Ох, не знаю я, Гарри, – вдруг вздохнул Огрид, с тревогой опуская к нему глаза. – Чемпион школы... и чего только с тобой не приключалось, да?

Гарри не ответил. Да уж, чего только с ним не приключалось... примерно то же самое сказала Гермиона, когда они гуляли вокруг озера, и, по ее словам, Рон поэтому с ним больше и не разговаривает.

Ужаснее следующих дней у Гарри в «Хогварце» еще не бывало. Приблизительно так же он чувствовал себя во втором классе, когда вся школа подозревала, что он нападает на других учеников. Но тогда Рон принял его сторону. Гарри стерпел бы всех остальных, если бы только с ним помирился Рон, но, раз тот мириться не хочет, Гарри его упрашивать не собирается. Однако ему было страшно одиноко, а враждебность так и сочилась со всех сторон.

Он еще мог понять хуффльпуффцев (хотя их отношение ему не нравилось) – должны же они поддерживать своего чемпиона. От слизеринцев, разумеется, и ждать нечего, кроме злобных оскорблений, слизеринцы всегда его ненавидели: благодаря Гарри «Гриффиндор» уже столько раз побеждал «Слизерин» в квидишином чемпионате и в соревновании колледжей. Но он так надеялся, что вранзорцы найдут в своих сердцах место и для него, а не только для Седрика. Он ошибался. Судя по всему, большинство вранзорцев считало, будто Гарри жаждал лишней славы и обманул Кубок Огня, всучив ему свою заявку.

К тому же нельзя было не признать, что Седрик гораздо больше походил на чемпиона: красавец, с прямым носом, темноволосый и сероглазый. Не поймешь, кому в последнее время доставалось больше внимания: Круму или Седрику. Гарри даже видел, как в обеденный перерыв те же самые шестиклассницы, которые в свое время умирали от желания получить автограф Крума, умоляли Седрика поставить свою подпись на их рюкзаках.

Помимо всего прочего, от Сириуса не было вестей, Хедвига на Гарри дулась, профессор Трелони еще убежденнее предсказывала его скорую гибель, и он так плохо справился с призывным заклятием на уроке у профессора Флитвика, что получил на дом дополнительную работу – единственный в классе, если не считать Невилла.

– Это не так уж трудно, – приободрила его Гермиона, когда они выходили из класса Флитвика. Сама-то она весь урок подманивала всякие луноскопы, тряпки и мусорные корзинки, и те летали с такой скоростью, будто Гермиона стала для них магнитом. – Ты просто не сосредоточился как следует…

– Вот уж непонятно почему, – проворчал Гарри. Мимо прошел Седрик Диггори в толпе отчаянно жеманящихся девочек. Все эти девочки оглядели Гарри так, словно он был особо крупным взрывастым драклом. – Но… мне ведь это нипочем, правда? У меня есть чем утешиться: впереди великое счастье – пара зельеделия…

Пары зельеделия всегда были тяжким испытанием, но в последнее время превратились в настоящую пытку. Полтора часа в подземелье со Злеем и слизеринцами, будто задавшимися целью как можно суровее покарать Гарри за его несчастное чемпионство, – трудно вообразить что-нибудь хуже. В прошлую пятницу он уже получил сполна (Гермиона тогда сидела рядом и монотонно шептала: «Наплюй, наплюй, наплюй»), и вряд ли сегодня будет лучше.

После обеда они с Гермионой подошли к подземелью Злея и увидели, что у дверей уже собирались слизеринцы. У всех на груди был приколот значок. На какое-то дикое мгновение Гарри почему-то решил, что это значки П.У.К.Н.И., но потом разглядел, что на них красными буквами, ярко светящимися в полутьме подземного коридора, написано:

**Болей за СЕДРИКА ДИГГОРИ – НАСТОЯЩЕГО чемпиона
«Хогварца»!**

– Нравится, Поттер? – громко спросил Малфой. – Это еще не все... Смотри!

Он нажал на свой значок, и надпись исчезла, сменившись другой, зеленой:

ПОТТЕР – ВОНЮЧКА

Слизеринцы захотели, дружно нажали на свои значки, и со всех сторон засветилось: «ПОТТЕР – ВОНЮЧКА». Жар бросился Гарри в лицо, разлился по шее.

– Ох, как смешно, – с сарказмом сказала Гермиона Панси Паркинсон и ее подружкам, заливавшимся громче всех, – просто *на редкость* остроумно.

У стены рядом с Дином и Шеймасом стоял Рон. Он не смеялся, но и не защищал Гарри.

– Хочешь себе, Грейндже? – Малфой протянул Гермионе значок. – У меня их куча. Только не прикасайся к моей руке. Я ее, понимаешь ли, только что вымыл, не хочу пачкаться обо всякое мугродье.

Злость, копившаяся в груди у Гарри уже который день, вдруг словно прорвала плотину. Не успев подумать, что делает, он выхватил волшебную палочку. Вокруг все шарахнулись подальше.

– Гарри! – предостерегла Гермиона.

– Давай-давай, Поттер, – тихо сказал Малфой, вытащив собственную палочку. – Здесь нет твоего защитника Хмури – посмотрим, на что ты лично способен...

Какой-то миг оба молча смотрели друг другу в глаза, а потом одновременно сделали выпад.

– Фурнункулюс! – рявкнул Гарри.

– Денсавгео! – завопил Малфой.

Из палочек выстрелили снопы света, встретились в воздухе и ударили рикошетом: луч Гарри попал в лицо Гойлу, луч Малфоя – в Гермиону. Гойл взвыл и схватился за нос, где от ожога стали вырастать отвратительные чирьи, а Гермиона, поскучивая от страха, прижала ладони ко рту.

– Гермиона! – бросился к ней Рон.

Гарри повернулся и увидел, как Рон с силой отводит руку Гермионы от лица. Зрелище было так себе. Передние зубы Гермионы, и без того немаленькие, росли с ужасающей скоростью. Они

удлинялись, сначала до нижней губы, потом до подбородка, и Гермиона все больше походила на бобра – она в панике ощупала зубы и потрясенно завопила.

– И что это здесь за шум? – произнес вкрадчивый, зловещий голос. Прибыл Злей.

Слизеринцы заговорили хором. Злей ткнул длинным желтым пальцем в Малфоя:

– Объясните.

– Поттер напал на меня, сэр…

– Мы атаковали друг друга одновременно! – вскричал Гарри.

– …он попал в Гойла – посмотрите…

Злей изучил физиономию Гойла, сейчас более всего похожую на иллюстрацию из книги про ядовитые грибы.

– В лазарет, – спокойно приказал Злей.

– А Малфой попал в Гермиону! – вмешался Рон. – *Смотрите!*

Он заставил Гермиону показать Злею зубы – она, как могла, закрывала их руками, хотя от этого было мало толку: зубы уже доросли до воротника. Панси Паркинсон с подружками согнулись пополам в немом хохоте, за спиной у Злея показывая на Гермиону пальцами.

Злей холодно оглядел Гермиону и процедил:

– Не вижу разницы.

Гермиона всхлипнула, глаза ее наполнились слезами; она развернулась и бросилась прочь, промчалась по коридору и скрылась из виду.

Очень удачно, что Гарри и Рон закричали на Злея одновременно; удачно, что эхо их голосов гулко разносилось по каменному коридору, поскольку весь этот звон помешал Злею расслышать, какими именно словами его называют. Суть он, однако, уловил.

– Так, – произнес он бархатисто. – Минус пятьдесят баллов с «Гриффиндора». Поттеру и Уизли – взыскание. И быстро в класс, а то получите взысканий на целую неделю.

У Гарри гудело в ушах. Несправедливость возмущала его, хотелось разорвать Злея на тысячу пакостных кусочков. Они с Роном, миновав Злея, прошли в конец подземелья. Гарри швырнул рюкзак на парту. Рона тоже от гнева тряслось – на мгновение показалось, что между ними все стало как прежде, но тут Рон отвернулся и сел с Дином и Шеймасом, оставив Гарри одного. На другой стороне подземелья

Малфой, повернувшись спиной к Злею и осклабясь, нажал на значок. «ПОТТЕР – ВОНЮЧКА» – моргнула надпись.

Начался урок. Гарри сидел и сверлил взглядом Злея, воображая, как с тем происходят всякие ужасы... вот если бы Гарри умел накладывать пыточное проклятие... Злей бы, как тот паук, валялся на спине, извиваясь и дергаясь...

– Противоядия! – возгласил Злей, неприятно блестя черными глазами. – У всех уже должны быть готовы рецепты. Я попрошу тщательно потомить ваши зелья, а потом мы выберем, на ком проверить...

Злей встретился глазами с Гарри, и тот сразу понял, что грядет. Злей его отравит. Гарри представил, как хватает котел, бежит с ним через весь класс и обрушивает со всей силы на сальную Злееву голову...

В эти радужные мечты ворвался громкий стук в дверь.

Вошел Колин Криви. Он протиснулся в класс, до ушей улыбнулся Гарри и подошел к столу Злея.

– Да? – коротко спросил тот.

– Пожалуйста, сэр, мне велели привести Гарри Поттера наверх.

Злей поверх крючковатого носа взорвался на Колина, и у бедняги слиняла с лица вдохновенная улыбка.

– Поттер еще целый час будет заниматься зельеделием, – ледяным тоном сообщил Злей. – Он поднимется, когда закончится урок.

Колин порозовел.

– Сэр... сэр, его мистер Шульман зовет, – испуганно пролепетал он. – Все чемпионы должны прийти, сэр, по-моему, их будут фотографировать...

Гарри отдал бы все самое дорогое, лишь бы Колин не произносил эти последние слова. Он рискнул бросить взгляд на Рона, но тот не двигался, решительно уставившись в потолок.

– Хорошо, хорошо, – огрызнулся Злей. – Поттер, оставьте вещи здесь, потом вернетесь, и я проверю ваше противоядие.

– Извините, сэр... он должен взять вещи с собой, – пискнул Колин. – Все чемпионы...

– Очень хорошо! – рявкнул Злей. – Поттер! Выметайтесь с вещами!

Гарри закинул рюкзак на плечо и направился к двери. Когда он проходил мимо слизеринцев, отовсюду заморгало: «ПОТТЕР –

ВОНЮЧКА».

– Потрясающе, Гарри, правда? – затараторил Колин, едва Гарри закрыл за собой дверь в подземелье. – Потрясающе, да? Что ты чемпион?

– Да-да, потрясающе, – упавшим голосом подтвердил Гарри, поднимаясь в вестибюль. – Колин, а для чего нас будут фотографировать?

– Для «Оракула», кажется!

– Отлично, – пробубнил Гарри, – этого-то мне и не хватало. Рекламы.

– Удачи! – пожелал Колин, когда они подошли к нужной двери. Гарри постучал и вошел.

Он оказался в довольно тесном классе – в центре освободили место, сдвинув почти все парты к стене. Три парты поставили в ряд перед доской и накрыли бархатом. За этим импровизированным столом стояло пять стульев. Один из них занимал Людо Шульман – он беседовал с ведьмой в ядовито-розовом, которую Гарри никогда раньше не встречал.

В углу стоял как всегда хмурый Виктор Крум.

Он ни с кем не разговаривал. Седрик и Флёр, напротив, оживленно болтали. Флёр, похоже, стала счастливее; она то и дело встряхивала головой, и в лучах света ее серебристые волосы мерцали. На нее искося посматривал пузатый мужчина с дымящейся камерой в руках.

Заметив Гарри, Шульман вскочил и бросился к нему:

– А вот и он! Чемпион номер четыре! Входи, Гарри, входи... не бойся, это всего лишь церемония взвешивания палочек, остальные судьи вот-вот подойдут...

– Взвешивания палочек? – испуганно переспросил Гарри.

– Надо проверить ваши палочки, убедиться, что они полностью в рабочем состоянии, – это же будет самое главное ваше оружие, – объяснил Шульман. – Эксперт сейчас наверху с Думблдором. А потом сфотографируемся. Это Рита Вритер, – кстати представил он, указывая на ядовито-розовую ведьму, – она пишет статеечку про Турнир для «Оракула»...

– Я бы сказала, статью, – уставившись на Гарри, поправила Рита Вритер.

Ее волосы были уложены в хитрую прическу, и на редкость туго завитые локоны странно контрастировали с квадратной челюстью. Оправу очков украшали драгоценные камни. Толстые пальцы впивались в сумочку крокодиловой кожи, ногти – дюйма два и покрыты малиновым лаком.

– А нельзя мне с Гарри немножко посекретничать, прежде чем мы начнем? – спросила она у Шульмана, не сводя взора с Гарри. – Самый молодой чемпион, понимаете?.. Это добавит красок...

– Разумеется! – с готовностью согласился Шульман. – Если, конечно... Гарри не возражает.

– Э-э-э... – сказал Гарри.

– Чуденько, – заявила Рита Вритер, и в ту же секунду ее малиновые когти с редкой силой впились ему в плечо; она вытащила его из класса и отворила ближайшую дверь. – Мы же не хотим, чтобы нам мешали, а там так шумно, – проговорила она. – Ну-ка посмотрим... ах, замечательно... здесь очень мило и уютно.

Вошли они в чулан для метел. Гарри вытаращился на корреспондентку.

– Проходи, дорогой – вот так – чуденько, – снова сказала Рита Вритер, осторожно присев на перевернутое ведро и с силой усаживая Гарри на картонную коробку. Она закрыла дверь, и чулан погрузился во тьму. – Ну-ка, ну-ка...

Она расстегнула крокодиловую сумочку, достала горсть свечек, зажгла их мановением волшебной палочки и повесила в воздухе; стало что-то видно.

– Не возражаешь, Гарри, если я воспользуюсь принципиарным пером? Тогда мы сможем поговорить нормально...

– Чем? – не понял Гарри.

Улыбка Риты Вритер стала шире. Гарри насчитал три золотых зуба. Рита снова полезла в сумочку и добыла оттуда длинное ядовито-зеленое перо и пергаментный свиток, который развернула на ящике с «Универсальным гигиентом миссис Шваберс». Затем сунула в рот кончик зеленого пера, с видимым удовольствием пососала и поставила его на пергамент. Перо, легонько дрожа, балансировало вертикально.

– Проверка... я Рита Вритер, репортер «Оракула».

Гарри глянул на перо. Оно, стоило Рите заговорить, застучило, скача по пергаменту:

Рита Врите́р, привлекательная блондинка, 43, чье злодейское перо проткнуло множество непомерно раздутых репутаций...

— Чудненько, — в который уже раз произнесла Рита, оторвала верхний кусок пергамента, скомкала и запихнула в сумочку. Потом склонилась к Гарри и приступила: — Итак, Гарри... как же ты решился подать заявку на участие в Турнире?

— Э-э-э... — опять сказал Гарри, но его отвлекло перо. Хотя он ничего еще не сообщил, оно забегало по пергаменту, оставляя за собой свежие строки:

Ужасный шрам, печальный сувенир трагического прошлого, уродует милые черты лица Гарри Поттера, чьи глаза...

— Не обращай внимания на перо, Гарри, — велела Рита Врите́р. Гарри неохотно перевел взгляд на нее. — Так что же — почему ты решил участвовать в Турнире?

— Я ничего не решал, — ответил Гарри. — Я не знаю, как моя заявка попала в Кубок. Я ее туда не клал.

Рита подняла густо начерненную бровь:

— Брось, Гарри, за это же ничего не будет. И так понятно, что тебе вообще не следовало подавать заявку. Но ты не переживай. Наши читатели любят бунтарей.

— Я не подавал заявки, — повторил Гарри, — и я не знаю, кто...

— Какие чувства ты испытываешь в связи с предстоящими испытаниями? — перебила Рита Врите́р. — Готов к бою? Или нервничаешь?

— Я пока не понял... наверное, нервничаю, — признался Гарри. При этих словах все его внутренности неприятно сжались.

— В прошлом бывали случаи, когда чемпионы умирали, знаешь? — жизнерадостно сказала Рита Врите́р. — Ты об этом думал?

— Ну... говорят, сейчас все будет гораздо безопаснее, — ответил Гарри.

Перо со свистом носилось по пергаменту, взад и вперед, словно каталось на коньках.

— Впрочем, тебе ведь и раньше доводилось смотреть в лицо смерти, не так ли? — продолжила Рита, заглянув ему в глаза. — Как, по твоему мнению, это отразилось на твоем характере?

— Эмм, — замялся Гарри.

— Тебе не кажется, что психологическая травма прошлого понуждает тебя доказать, на что ты способен? Оправдать свое имя? Тебе не кажется, что искушение подать заявку на участие в Тремудром Турнире возникло у тебя оттого, что…

— Да не подавал я заявку, — сказал Гарри, уже раздражаясь.

— Ты помнишь своих родителей? — перекричала его Рита Вритеर.

— Нет.

— Что, как ты считаешь, они бы сказали, если бы узнали о твоем участии в Тремудром Турнире? Они бы гордились? Тревожились? Сердились?

Гарри по-настоящему разозлился. Откуда, скажите на милость, ему знать, что сказали бы родители, будь они живы? Он чувствовал на себе пристальный взгляд репортерши. Нахмурившись, избегая ее взгляда, он посмотрел на строчки, ползущие из-под пера:

Беседа вдруг касается родителей, которых мальчик едва помнит, и поразительные зеленые глаза наполняются слезами.

— Никакими слезами мои глаза не наполняются! — возмутился Гарри.

Не успела Рита произнести хоть слово, дверь чулана распахнулась. Гарри обернулся, моргая от яркого света. Думбльдор из проема сверху вниз обозрел их двоих, ютящихся в чулане.

— Думбльдор! — вскричала Рита Вритеर с ужимками, которые должны были выразить восторг, но Гарри заметил, что и принципиарное перо, и пергамент вдруг исчезли с ящика «Гигиента», а когтистые пальцы проворно защелкнули крокодиловую сумочку. — Как поживаете? — Рита встала и протянула Думбльдору большую, мужскую ладонь. — Надеюсь, летом вы читали мою статью о конференции Международной конфедерации чародейства?

— Очаровательно ядовитая вещь, — сверкнул глазами Думбльдор. — Особенное удовольствие доставила мне характеристика моей скромной персоны: «замшелый маразматик».

Рита ни капли не смущилась:

— Я лишь подчеркнула, что некоторые ваши взгляды немножко устарели, Думбльдор, и многие колдуны-обыватели…

— Я буду счастлив узнать, какая логика обусловила вашу неделикатность, — Думбльдор, улыбаясь, любезно поклонился, — но,

боюсь, нам придется обсудить этот вопрос позднее. Вот-вот начнется взвешивание палочек, а церемония не может быть открыта, пока один из чемпионов прячется в чулане.

С огромным удовольствием избавившись от Риты Врите, Гарри поспешил обратно в класс. Остальные чемпионы уже сидели на стульях у двери; Гарри поскорей юркнул на место рядом с Седриком и посмотрел на покрытый бархатом стол. Там расположились четверо из пяти судей: профессор Каркаров, мадам Максим, мистер Сгорбс и Людо Шульман. Рита Врите пристроилась в углу. Гарри увидел, как она вытащила из сумочки пергамент, расправила его на колене, пососала принципиарное перо и снова установила его на пергаменте.

— Позвольте вам представить мистера Олливандера, — обратился Думблдор к чемпионам, заняв место за судейским столом. — Он прибыл проверить ваши волшебные палочки. Перед началом Турнира мы должны убедиться, что они в безупречном рабочем состоянии.

Гарри обвел глазами комнату и с изумлением заметил у окна старого колдуна с большими бледными глазами. С изготовителем волшебных палочек мистером Олливандером Гарри уже встречался — три года назад в его магазине на Диагон-аллее была куплена палочка для Гарри.

— Мадемуазель Делакёр, не возражаете, если мы начнем с вас? — выйдя на середину комнаты, сказал мистер Олливандер.

Флёр Делакёр подлетела к нему и предъявила палочку.

— Хммм... — промычал он.

Потом спирально крутанул палочкой меж длинных пальцев, и та выпустила сноп розовых и золотых искр. Мистер Олливандер поднес палочку к глазам и внимательно поглядел.

— Так, — тихо произнес он, — девять с половиной дюймов... жесткая... розовое дерево... и содержит... пресвятое небо...

— Волос с голови вейли, — опередила его Флёр, — одной из моих бабушек.

Значит, Флёр и впрямь частично вейла, подумал Гарри, надо не забыть сказать Рону... а потом вспомнил, что Рон с ним не разговаривает.

— Разумеется, — кивнул мистер Олливандер, — разумеется. Сам я никогда не использую волосы вейл. Я нахожу, что от них палочки

чесчур своенравны... Впрочем, каждому свое, и если вам подходит...

Он пробежал пальцами по древесине, видимо проверяя, нет ли на ней царапин или бугров, пробормотал:

– Орхидеос! – и на кончике палочки распустился букет. – Очень хорошо, очень хорошо, она в прекрасной рабочей форме. – Мистер Олливандер ловко ухватил букет и вместе с палочкой преподнес его Флёр. – Мистер Диггори, вы следующий.

Флёр заскользила на свое место и улыбнулась Седрику, когда тот проходил мимо.

– Так-так, а это уже мое произведение, не так ли? – Мистер Олливандер ощутимо воодушевился. – Да, я прекрасно ее помню. Содержит хвостовой волос редкостного экземпляра самца единорога... ладоней семнадцать, не меньше... чуть не проткнул меня насекомое, когда я дернул его за хвост. Двенадцать дюймов с четвертью... ясень... приятная упругость. В превосходном состоянии... Ухаживаете за ней регулярно?

– Только вчера полировал, – просиял Седрик.

Гарри поглядел на собственную палочку. Она была вся захвата. Он сгреб в кулак ткань своей мантии и постарался незаметно оттереть. Палочка плюнула золотыми искрами. Флёр бросила на Гарри очень покровительственный взгляд, и он тут же прекратил.

Мистер Олливандер пустил через всю комнату цепочку дымных колец, объявил, что вполне доволен, а затем пригласил:

– Мистер Крум, прошу вас.

Виктор Крум поднялся и побрел, сутулясь и загребая ногами. Он пихнул мистеру Олливандеру свою палочку, надулся и встал, погрузив руки в карманы мантии.

– Хммм... – протянул мистер Олливандер, – если не ошибаюсь, творение Грегоровича? Прекрасный изготовитель, хотя стиль его и не таков, каким я... и однако же...

Он поднес палочку к глазам и повращал, тщательно изучая.

– Так... граб и сердечная жила дракона? – выпалил он, и Крум кивнул. – Толще обычного... весьма жесткая... десять дюймов с четвертью... Авис!

Грабовая палочка выстрелила как пушка, из кончика вылетела стайка щебечущих птичек и скрылась за окном в размытом солнечном

свете.

— Отлично, — сказал мистер Олливандер, возвращая палочку Круму, — у нас остается... мистер Поттер.

Гарри встал, прошел мимо Крума к мистеру Олливандеру и протянул палочку.

— А-а-а-ах, разумеется. — Бледные стариковские глаза вдруг засияли. — Да-да-да. Как прекрасно я это помню.

Гарри тоже помнил. Так хорошо помнил, точно это случилось вчера...

Три с лишним года назад, в его одиннадцатый день рождения, Огрид привел его в магазин мистера Олливандера за волшебной палочкой. Мистер Олливандер снял с Гарри всевозможные мерки, а потом стал выдавать палочки на пробу. Гарри пришлось размахивать, наверное, миллионами палочек, пока наконец не нашлась та единственная, которая ему подошла, — вот эта самая, из остролиста, одиннадцать дюймов, с хвостовым пером феникса. Мистер Олливандер сильно изумился, что Гарри подошла именно эта палочка. «Любопытно, — забормотал он, — любопытно», — и лишь когда Гарри спросил, что же, собственно, любопытно, мистер Олливандер объяснил, что перо в палочке Гарри взято от того же феникса, чье перо дало сердцевину палочки Лорда Вольдеморта.

Гарри никогда и никому об этом не рассказывал. Он очень любил свою палочку, а ее родство с палочкой Вольдеморта считал роковой случайностью сродни тому обстоятельству, что сам он — племянник тети Петунии. Однако, не хотелось бы, чтобы мистер Олливандер обнародовал сейчас эту тайну. Не то, пожалуй, принципиарное перо Риты Вритеर от радости взорвется.

Волшебную палочку Гарри мистер Олливандер изучал дольше прочих. В конце концов он выпустил из нее фонтан вина и возвратил Гарри, объявив, что палочка в идеальном состоянии.

— Благодарю вас всех, — сказал Думблдор, вставая из-за судейского стола. — Можете возвращаться на уроки — хотя, думаю, разумнее отправиться сразу на ужин, потому что колокол вот-вот прозвонит...

Решив, что дела наконец-то пошли на лад, Гарри приготовился уйти, но тут откуда ни возьмись выскоцил человек с камерой и многозначительно прокашлялся.

– Фотографироваться, Думбльдор, фотографироваться! – радостно закричал Шульман. – Судьи и чемпионы, все вместе! Как считаешь, Рита?

– Ммм... да, пожалуй, сначала так. – Рита снова не спускала глаз с Гарри. – А потом, наверное, индивидуальные портреты.

Съемки затянулись. Мадам Максим, куда бы ни встала, отbrasывала тень на остальных, а фотографу никак не удавалось отойти так, чтоб она вместилась в кадр; кончилось тем, что она села, а все прочие встали вокруг. Каркаров бесконечно завивал пальцами бородку; Крум, который, казалось бы, давно должен был привыкнуть к такого рода вещам, прятался за чужими спинами. Фотограф все норовил поставить вперед Флёр, а Рита Вритер постоянно выбегала и вытаскивала в центр Гарри. Потом она настояла на том, чтобы чемпионов сняли по отдельности. Прошла вечность, прежде чем их отпустили.

Гарри спустился на ужин. Гермионы не было – видимо еще не вернулась из лазарета, где ей исправляли зубы. Гарри поел один в конце стола и отправился в гриффиндорскую башню, думая о дополнительной работе по призывному заклятию. В спальне он наткнулся на Рона.

– Тебе сова, – грубо бросил Рон, едва Гарри вошел. Он показал на кровать. На подушке Гарри дожидалась школьная сипуха.

– А – вижу, – кивнул Гарри.

– Завтра вечером мы отываем наказание в подземелье у Злея, – сказал Рон.

И, не глядя на Гарри, выскоцил из спальни. Гарри захотелось пойти за ним – поговорить или дать по шее, то и другоеказалось равно привлекательным, – но желание прочитать письмо Сириуса пересилило. Гарри снял с совиной лапки письмо и развернул.

Гарри,

Не могу в письме сказать все, что хотелось бы, слишком рискованно, вдруг письмо перехватят, – нам нужно поговорить с глазу на глаз. Сможешь быть один у камина в гриффиндорской башне 22 ноября в час ночи?

Я как никто знаю, что ты способен сам о себе позаботиться, а пока рядом Думбльдор и Хмури, вряд ли кто-то сможет тебе навредить. Но некто сильно старается. Подать от тебя заявку на

участие в Турнире – большой риск, особенно прямо под носом у Думбльдора.

Будь бдителен, Гарри. И сообщай обо всем, что покажется необычным. По поводу 22 ноября дай знать как можно скорее.

Сириус

Глава девятнадцатая

Венгерский хвосторог

Следующие две недели только надежда встретиться с Сириусом с глазу на глаз поддерживала Гарри и казалась единственным светлым пятном на горизонте, который в жизни еще не бывал так безрадостен. Шок чемпионства постепенно проходил, а на его место просачивался страх перед грядущими испытаниями. Первое состязание неуклонно приближалось. Оно нависало над Гарри, точно внезапно выросший на пути чудовищный монстр. Ничто и никогда, ни один квидишный матч (даже последний, со «Слизерином», решавший, кто выиграет школьный чемпионат) его так не нервировал. Гарри не мог даже заставить себя думать о том, что его ждет; казалось, не только смысл всей его предыдущей жизни, но и ее завершение – в этом первом испытании...

Вообще говоря, Гарри не верилось, что и Сириус сможет его подбодрить, – как ни крути, предстоит демонстрировать владение магией в сложных и опасных условиях перед лицом сотен людей, – но в данных обстоятельствах просто увидеть лицо друга уже многое значило. Гарри написал Сириусу, что будет у камина общей гостиной в условленное время, и они с Гермионой часами обсуждали, как избавиться от непредвиденных полуночников. В худшем случае придется разбросать навозные бомбы, решили они, однако надеялись, что до этого дело не дойдет, – иначе Филч снимет с них шкуру.

Тем временем жизнь Гарри сделалась почти невыносима – ибо Рита Вритер опубликовала статью о Тремудром Турнире, и это оказался не столько репортаж о предстоящих состязаниях, сколько в высшей степени колоритное жизнеописание Гарри Поттера. Большую часть первой полосы отвели под его фотографию; статья (продолжающаяся на второй, шестой и седьмой полосах) повествовала исключительно о нем, имена чемпионов «Бэльстэка» и «Дурмштранга» (написанные с ошибками) были втиснуты в последнее предложение, а о Седрике не упоминали вообще.

Статья вышла десять дней назад, но до сих пор при воспоминании о ней Гарри обжигал тошнотворный стыд. По версии Риты, он наговорил много такого, чего ему в жизни – а уж тем более в чулане для метел – не приходилось говорить.

Думаю, я черпаю силы у моих родителей, я знаю, они очень гордились бы, если бы видели меня сейчас... да, иногда я до сих пор плачу о них по ночам и не стыжусь в этом признаться... Я уверен, что во время Турнира со мной ничего не случится, потому что они оберегают меня...

Но Рита Вритеर не только превратила его невразумительные «ЭММ» в длинные приторные фразы, она пошла гораздо дальше – взяла о нем интервью у других ребят.

В «Хогварце» Гарри наконец обрел любовь. Его близкий друг Колин Криви рассказывает, что Гарри редко можно увидеть без некой Гермионы Грейнджеr, удивительно миловидной муглорожденной девушки, которая, как и Гарри, является одной из лучших учениц школы.

С появления этой статьи приходилось терпеть, что многие – в основном слизеринцы – при виде Гарри тут же начинали ее цитировать и отпускать презрительные замечания.

– Дать платочек, Поттер, а то еще расплачешься на превращениях?
– С каких же это пор ты один из лучших учеников школы, Поттер?
Или это в школе, где учитесь только вы с Лонгботтомом?
– Эй, Гарри!
– Да-да, совершенно верно, – Гарри так достали, что он вдруг заорал, даже не успев развернуться, – я уже обрыдался по покойной маме и сейчас иду рыдать дальше...
– Да нет... просто... ты уронил перо.
К нему подошла Чо. Гарри неудержимо покраснел.
– А!.. Да... извини, – пробормотал он, принимая перо.
– Э-э-э... удачи тебе во вторник, – пожелала Чо. – Надеюсь, ты хорошо со всем справишься.

И Гарри остался стоять, идиот идиотом.
Гермионе, кстати, тоже изрядно доставалось, но она не опускалась до того, чтоб орать на ни в чем не повинных людей; вообще-то Гарри

искренне восхищался тем, как она держится.

— Удивительно миловидная? Она? — возопила Панси Паркинсон, когда в первый раз после появления статьи увидела Гермиону. — По сравнению с кем? С бурундуками?

— Наплюй, Гарри, — с достоинством произнесла Гермиона, задрала подбородок и гордо прошествовала мимо слизеринских девиц, будто их и не слыша. — Просто наплюй, и все.

Но Гарри не мог «просто наплевать». Рон, с тех пор как сказал про наказание, больше с ним не разговаривал. Гарри лелеял надежду, что они как-нибудь помирятся за те два часа, что им пришлось вместе мариновать в подземелье крысиные мозги, но, к несчастью, в тот день как раз появилась статья Риты, и это, видимо, лишь утвердило Рона во мнении, что Гарри наслаждается поднятой вокруг него шумихой.

Гермиона страшно сердилась на них обоих, ходила от одного к другому и пыталась заставить объясниться, но Гарри был непреклонен: он заговорит с Роном, только если Рон признает, что Гарри не помешал заявки в Кубок Огня, и извинится за то, что назвал его лжецом.

— Не я это начал, — упрямо твердил Гарри. — Это его проблемы.

— Ты скучаешь по нему! — в нетерпении воскликнула как-то Гермиона. — И я знаю, что он скучает по тебе!

— Скучаю? — возмутился Гарри. — Ничего я не скучаю!..

Но это он врал. Как бы хорошо ни относился Гарри к Гермионе, она не могла заменить Рона. Когда твой лучший друг — Гермиона, в жизни неизбежно гораздо меньше веселья и гораздо больше библиотек. Гарри пока так и не овладел призывным заклятием — похоже, у него возникло нечто вроде психологического барьера, а Гермиона утверждала, что изучение теории должно помочь. Поэтому в обед они упорно сидели в библиотеке над книжками.

Виктор Крум тоже проводил в библиотеке очень много времени. Интересно, чего ему тут надо, думал Гарри. Просто так занимается или выискивает сведения, которые пригодятся для первого испытания? Гермиона часто жаловалась, что присутствие Крума ей мешает — не то чтобы он лез с разговорами, но из-за полок за ним почти всегда шпионили толпы хихикающих девчонок, а шум Гермиону отвлекал.

— Ведь он даже не красивый! — ворчала она, сердито сверля глазами резкий профиль Крума. — Они бегают за ним только потому, что он

знаменитость! Они его и не замечали бы, если б он не мог проделать эту... как ее... Обвалку Кральского...

– Обманку Вральского, – процедил Гарри. И почувствовал горький укол, не только потому, что ему не нравилось, когда перевирают квидишиные термины, но и потому, что вообразил лицо Рона, если бы тому довелось услышать про Обвалку Кральского.

Удивительно, но когда чего-то боишься и готов отдать все на светe, только бы замедлить бег времени, оно как нарочно бежит гораздо быстрее. Дни до первого испытания мчались так, будто кто-то поставил часы на двойную скорость. Куда бы Гарри ни пошел, его, вместе с едкими комментариями по поводу статьи в «Оракуле», всюду сопровождала почти не контролируемая паника.

В субботу перед первым испытанием всем учащимся начиная с третьего класса разрешили пойти в Хогсмед. Гермиона сказала, что Гарри не повредит выйти из замка, и его не понадобилось долго убеждять.

– А как же Рон? – спросил он. – Ты не хочешь пойти с ним?

– Ой... ну, – Гермиона еле заметно порозовела, – я подумала, можно встретиться с ним в «Трех метлах»...

– Нет, – отрезал Гарри.

– Ой, Гарри, это так глупо...

– Я пойду, но встречаться с Роном не буду. И надену плащ-невидимку.

– Как хочешь, – рассердилась Гермиона, – только я терпеть не могу разговаривать с тобой, когда ты в плаще. Непонятно, куда я смотрю, на тебя или мимо.

Итак, в спальне Гарри надел плащ, спустился в вестибюль, и они с Гермионой отправились в Хогсмед.

Под плащом он был потрясающе свободен. На подходе к деревне их обгоняли другие школьники, большинство со значками «Болей за СЕДРИКА ДИГГОРИ», но для разнообразия никто не отпускал уничижительных замечаний, никто не цитировал проклятую статью.

– Ну вот, теперь все глазеют *на меня*, – проворчала Гермиона, когда они вышли из кондитерской «Рахатлукулл», поедая громадные шоколадины с кремом. – Думают, я разговариваю сама с собой.

– А ты не шевели так сильно губами.

– Да брось ты! Сними свой дурацкий плащ, никто тебя здесь не тронет.

– Да ну? – переспросил Гарри. – Оглянись.

Из «Трех метел» только что вышли Рита Вритер и ее коллега-фотограф. Вполголоса беседуя, они прошли мимо Гермионы, не удостоив ее взглядом. Гарри вжался в стену «Рахатлукулла», чтобы Рита не задела его крокодиловой сумочкой.

Когда они удалились, Гарри сказал:

– Она не уехала. Спорим, припрется на первое испытание?

Как только он произнес эти слова, его окатила волна жгучего страха. Он ничего не сказал; они с Гермионой почти не обсуждали, что его ждет; Гарри подозревал, что она боится об этом думать.

– Ушла. – Гермиона прямо сквозь Гарри смотрела в конец Высокой улицы. – Может, зайдем, выпьем уладэля? А то что-то холодно... И тебе не обязательно общаться с Роном! – досадливо прибавила она, верно истолковав его молчание.

В «Трех метлах» кишел народ, в основном ученики «Хогварца», но также и всякий другой волшебный люд, который Гарри редко доводилось видеть вне деревни. Хогсмед, единственное полностью колдовское поселение Британии, был тихой гаванью для разных вешуний и лешаков, маскировавшихся не так ловко, как колдуны и ведьмы.

В плаще-невидимке тяжело пробираться в толпе – Гарри боялся кого-нибудь задеть, что неизбежно вызвало бы массу ненужных вопросов. Пока Гермиона ходила за уладэлем, он аккуратно протискивался в уголок к свободному столику. По дороге Гарри заметил Рона с Фредом, Джорджем и Ли Джорданом. Совладав с острым желанием хорошенько треснуть Рона по затылку, он наконец добрался до столика и сел.

Гермиона подошла минуту спустя и незаметно пропихнула уладэль ему под плащ.

– Сижу тут одна, как дура, – тихонько пробормотала она. – Хорошо еще, у меня есть чем заняться.

И она достала блокнот, куда записывала членов П.У.К.Н.И. Вверху очень короткого списка Гарри увидел свое имя и имя Рона. Словно тысяча лет минула с тех пор, как они сидели вместе, сочиняя

предсказания, а Гермиона пришла и назначила их секретарем и казначеем.

– Может, попробовать сагитировать жителей деревни вступить в П.У.К.Н.И? – глубокомысленно протянула Гермиона, оглядывая посетителей.

– Ага, так они и побежали, – скептически заметил Гарри. Он глотнул усладэля под плащом. – Гермиона, когда ты бросишь всю эту затею со своим П.У.К.Н.И?

– Когда домовые эльфы получат достойную заработную плату и приличные условия труда! – зашипела она в ответ. – Знаешь, я уже думаю, что пришло время для решительных действий. А как пробраться на школьную кухню?

– Понятия не имею, спроси у Фреда с Джорджем, – ответил Гарри.

Гермиона погрузилась в раздумья, а Гарри молча пил усладэль и разглядывал народ в трактирчике. Все такие веселые, спокойные... За соседним столиком Эрни Макмиллан менялся шокогадушными карточками с Ханной Аббот. У обоих на плащах красовался значок «Болей за СЕДРИКА ДИГГОРИ». У самой двери сидела Чо с большой компанией друзей-вранзорцев. У нее значка не было... и это чуточку порадовало Гарри...

Ну почему, почему он не один из них, кто болтает сейчас и смеется, у кого всех забот – невыполненные домашние задания? Он представил себе, каково бы ему было здесь, если б Кубок Огня *не* объявил его чемпионом. Для начала, Гарри не сидел бы сейчас в плаще. А рядом был бы Рон. Скорее всего, они втроем увлеченно гадали бы, какие страсти и ужасы предстоят во вторник чемпионам. Он бы предвкушал захватывающее зрелище, жаждал бы посмотреть, как чемпионы справятся с тем, с чем им там предстоит справиться... вместе со всеми болел бы за Седрика с безопасной трибуны...

Интересно, каково сейчас другим чемпионам. В последнее время Гарри видел Седрика исключительно в большой толпе поклонников – тот нервничал, но ликовал. Изредка в коридорах мелькала Флёр Делакёр, неколебимо высокомерная и невозмутимая. А Крум торчал в библиотеке над книжками.

Гарри вспомнил о Сириусе, и крепкий, тугой узел в груди немножко ослаб. Всего через двенадцать часов они смогут поговорить: на

сегодняшнюю ночь назначена встреча у камина – конечно, если ничего не случится, как оно регулярно бывает в последнее время...

– Смотри-ка, Огрид! – отметила Гермиона.

Над толпой возвышался косматый затылок – к счастью, Огрид перестал носить хвосты. Гарри подивился, как это он не заметил Огрида раньше, ведь тот такой большой, но, поднявшись в полный рост, увидел, что Огрид низко пригибается, разговаривая с профессором Хмури. Перед Огридом, как обычно, стояла кружка-ведерко, а Хмури пил из своей фляжки. Мадам Росмерта, хорошенская хозяйка заведения, была не очень-то этим довольна; собирая с соседних столов пустые кружки, она то и дело косилась на Хмури. Наверное, почитала это оскорблением своему глинтмеду, но Гарри-то знал, в чем дело. На последнем занятии по защите от сил зла Хмури сказал, что сам готовит себе еду и питье, поскольку для черного колдуна нет ничего проще, чем отравить пищу, оставленную без присмотра.

На глазах у Гарри Огрид и профессор Хмури встали и собрались уходить. Гарри помахал, но потом вспомнил, что Огрид его не видит. Хмури, однако, задержался, и его волшебный глаз уставился в тот угол, где стоял Гарри. Хмури пихнул Огрида в поясницу (поскольку до плеча не доставал), что-то сказал ему тихонько, и оба через весь трактир пошли к столу Гарри и Гермионы.

– Порядочек, Гермиона? – громко спросил Огрид.

– Привет, – улыбнулась в ответ она.

Хмури проковылял вокруг стола, нагнулся – вроде бы над блокнотом П.У.К.Н.И. – и вдруг пробормотал:

– Красивый плащ, Поттер.

Гарри изумленно воззрелся на него. Вблизи было особенно заметно, что в носу Хмури отсутствует целый кусок. Хмури усмехнулся.

– А что, ваш глаз?.. в смысле вы?..

– Да, я вижу сквозь плащи-невидимки, – тихо подтвердил Хмури. – Временами очень пригождается, уверяю тебя.

Огрид, сияя, глядел на Гарри, совершенно точно его не видя; должно быть, Хмури сказал Огриду, что Гарри здесь.

Под предлогом изучения блокнота Огрид тоже склонился над столом и прошептал так тихо, что услышал только Гарри:

– Приходи сегодня в полночь ко мне в хижину. В плаще.

Затем, выпрямившись, сказал громко:

– Приятно было повидаться, Гермиона, – подмигнул и удалился.

Хмури последовал за ним.

– Зачем он зовет меня к себе в полночь? – ужасно удивился Гарри.

– Да? – насторожилась Гермиона. – Что это он затевает? Не знаю, стоит ли тебе идти... – Она нервно огляделась и прошептала: – Можешь опоздать к Сириусу.

И действительно, поход в двенадцать ночи к Огриду и встреча с Сириусом не очень-то состыковывались; Гермиона предложила послать к Огриду Хедвигу, предупредить, что Гарри не сможет прийти, – если, конечно, Хедвига снизойдет, – но Гарри решил, что надо просто быстренько разобраться с тем, чего хочет Огрид; прежде он никогда не звал к себе Гарри так поздно.

В половине двенадцатого Гарри, до этого притворившийся, что хочет рано лечь спать, завернулся в плащ-невидимку и тихонько спустился в общую гостиную. Народу там еще сидело порядочно. Братья Криви откопали где-то упаковку значков «Болей за СЕДРИКА ДИГГОРИ» и старались их переколдовывать, чтобы надпись гласила: «Болей за ГАРРИ ПОТТЕРА». Пока что, однако, надпись лишь заело на «ПОТТЕР – ВОНЮЧКА». Гарри прокрался мимо них к дыре и подождал, не сводя глаз с часов. Потом, согласно плану, Гермиона открыла портрет Толстой Тети снаружи. Гарри проскользнул мимо Гермионы, прошептал «Спасибо!» и зашагал по замку.

Во дворе было очень темно. Гарри спустился по холму к огонькам хижины. Огромное обиталище бэльстэковцев светилось изнутри; стучал в дверь хижины, Гарри слышал голос мадам Максим, доносящийся из кареты.

– Гарри, ты? – шепнул Огрид, открыв дверь и озираясь.

– Угу, – Гарри проскользнул внутрь и стащил с головы плащ. – В чем дело?

– Хочу кой-чего показать, – сказал Огрид.

Он был сильно взволнован. В петлице у него красовался цветок, похожий на громадный артишок. К колесной мази он больше не прибегал, но явно пробовал расчесать волосы – из гривы торчали сломанные зубья гребня.

– Что ты мне хочешь показать? – опасливо спросил Гарри. Неужто драклы снесли яйцо или Огрид купил в трактире очередную трехголовую собаку?

– Пошли, только не вылезай из-под плаща и ни гу-гу – понял? – велел Огрид. – Клыка не берем, ему это будет не по нраву...

– Слушай, Огрид, я долго не могу... Мне надо в замок к часу...

Но Огрид не слушал; он отворил дверь хижины и вышел в ночь. Гарри поспешил за ним и, к своему несказанному удивлению, обнаружил, что Огрид ведет его к бэльстэкской карете.

– Огрид, что?..

– Ш-ш-ш! – шикнул на него Огрид и трижды постучал в дверь с золотыми скрещенными палочками.

Ему открыла мадам Максим. Ее массивные плечи окутывала шелковая шаль. Лицо при виде Огрида озарилось улыбкой:

– Ах, Ог'ид... что, уже вгемя?

– Бонь-свар, – лунась счастьем, отозвался Огрид и протянул громадную ладонь, чтобы помочь даме спуститься по золотым ступенькам.

Мадам Максим закрыла за собой дверь кареты, Огрид галантно подставил ей локоть, и вместе они двинулись в путь вдоль ограды загона с гигантскими крылатыми конями. Следом, еле поспевая за великанами, трусил абсолютно ошеломленный Гарри. Огрид что, хотел показать ему мадам Максим? Гарри ее уже видел и всегда может посмотреть еще... Да ее и не захочешь – увидишь...

Однако стало понятно, что мадам Максим тоже было обещано какое-то любопытное зрелище, потому что спустя некоторое время она игриво произнесла:

– Куда же ви меня ведете, Ог'ид?

– Вам понравится, – хрюплю отозвался Огрид, – Стоит поглядеть, чес' слово. Только... никому не говорите, что я вам показал, ладно? Вам про это знать не положено.

– Газумьеется, – ответила мадам Максим, трепеща длинными черными ресницами.

Они шли и шли. Гарри, трусивший сзади, все больше дергался и поминутно смотрел на часы. Огрид придумал какую-то ерунду, а Гарри, чего доброго, пропустит встречу с Сириусом. Если они через две минуты не дойдут до места, он просто развернется и пойдет в

замок, а Огрид пусть гуляет под луной с мадам Максим сколько влезет...

Но тут – они прошли по краю Запретного леса уже так далеко, что и замок, и озеро скрылись из виду, – Гарри услышал что-то странное. Впереди кричали… потом раздался сокрушительный рев…

Огрид провел мадам Максим вокруг рощицы и остановился. Гарри бегом их догнал – сначала ему померещились костры, вокруг них носились люди – но потом челюсть у него отвисла.

Драконы.

Четыре взрослых, огромных, очень злобных дракона, страшно хранили шеи, и в пятидесяти футах над землей, на фоне черного неба, из разверстых клыкастых пасти вырывались вихри пламени. Один дракон был серебристо-голубой, с длинными острыми рогами – он огрызаясь и щелкал пастью на колдунов-драконоводов; второй – зеленый, гладко-чешуйчатый, извивался и изворачивался изо всех сил; третий – красный с золотой оборкой острых игл вокруг морды, выпускал в воздух клубы огненных грибов; а четвертый, стоявший ближе всех, был громадный, черный и больше остальных походил на ящера.

Человек тридцать, по семь-восемь на дракона, старались обуздить чудовищ, натягивая цепи, прикрепленные к широким кожаным ошейникам и ножным путям. Гарри как завороженный задрал голову и встретился взглядом с черным драконом. Драконы глаза с кошачими зрачками выкатились – то ли от страха, то ли от ярости, не поймешь… Дракон страшно, со скрипом выл…

– Стой там, Огрид! – заорал ближайший к ограде колдун, изо всей силы удерживая цепь. – Они плюют огнем футов на двадцать! А этот хвосторог и на все сорок, я сам видел!

– Ну разве не красавец? – нежно проворковал Огрид.

– Не помогает! – закричал другой колдун. – На счет три, сногсшибатели, быстро!

Все драконоводы вытащили палочки.

– Обомри! – хором прокричали они; сногсшибательные заклятия огненными ракетами выстрелили в темноту, ударились о чешуйчатые шкуры и рассыпались звездным фонтаном…

Гарри увидел, что ближайший дракон угрожающе переступил задними лапами и широко разинул пасть в беззвучном теперь вопле; в ноздрях вдруг иссякло пламя, хотя дым еще шел, – затем медленно-медленно дракон упал – несколько тонн драконьей плоти ударились о землю с такой сокрушительной силой, что позади Гарри явственно задрожали деревья.

Драконоводы опустили палочки и подошли к застывшим питомцам – каждый размером с небольшой холм. Они проворно натянули цепи и надежно пристегнули их к железным кольям, которые забили глубоко в землю с помощью волшебных палочек.

– Хотите поближе? – восторженно предложил Огрид мадам Максим. Оба зашагали к ограде, Гарри двинулся следом. Колдун, просивший ближе не подходить, обернулся – и Гарри узнал Чарли Уизли.

– Как жизнь, Огрид? – пропыхтел он, приблизившись. – Теперь должны уgomониться – на пути сюда мы их вырубили сонным зельем, думали, будет лучше, если они проснутся в тишине и темноте, – а ничего подобного, им здесь не понравилось, совсем не понравилось...

– А породы какие, Чарли? – спросил Огрид, почти с благоговением неотрывно глядя на ближайшего черного дракона. Глаза чудовища были приоткрыты. Под морщинистым черным веком сверкала полоска желтого.

– Это венгерский хвосторог, – ответил Чарли. – Вон тот – обыкновенный валлийский зеленый, который поменьше, сероголубой, – шведский тупорыл, а красный – китайский огнешар.

Чарли оглянулся на мадам Максим – та прогуливалась вдоль ограды и рассматривала неподвижных драконов.

– Я не знал, что ты ее приведешь, Огрид, – нахмурился Чарли. – Чемпионы не должны знать, что их ждет, – а она ведь своим обязательно скажет?

– Да я так... подумал, они ей понравятся, – пожал плечами Огрид, в упоении пожиравший драконов глазами.

– Воистину романтическое свидание, – покачал головой Чарли.

– Четыре... – протянул Огрид в ответ, – стало быть, по одному на чемпиона? А чего с ними делать – сразиться?

– Скорее, пробраться мимо, – уточнил Чарли. – Мы будем рядом, чуть что – гасильное заклятие. Просили привезти самок, которые

только что отложили яйца, уж не знаю зачем... но я тебе вот что скажу – не завидую я тому, кому достанется хвосторог. Свирипый – жуть. И с хвоста опасный, и с морды. Смотри.

Чарли показал: из хвоста через каждые несколько дюймов торчали длинные шипы цвета бронзы.

К хвосторогу подошли пятеро коллег Чарли. Они принесли в одеяле кладку громадных, гранитно-серых яиц и аккуратно положили дракону под бок. Огрид жадно застонал.

– Они все посчитаны, Огрид, – сурово предупредил Чарли. А затем спросил: – Как Гарри?

– В норме, – рассеянно ответил Огрид. Он не отрывал взгляда от яиц.

– Надеюсь, он в ней и останется после встречи с нашими подопечными, – мрачно заметил Чарли, обводя взглядом загон. – Я не решился даже сказать маме, какое испытание его ждет, она и так с ума сходит... – Чарли изобразил тревожный голос миссис Уизли: – «И как они допустили его на этот Турнир, он же еще совсем ребенок! А я-то думала, им ничего не грозит, они же обещали возрастное ограничение!» А тут еще эта статья в «Оракуле»... Она обрыдалась... «Он все еще плачет по маме с папой! Ах, бедняжка, если б я знала!»

Гарри решил, что с него довольно. Вряд ли Огрид, зачарованный четырьмя драконами и мадам Максим, будет без него скучать; Гарри молча развернулся и отправился к замку.

Он даже не понимал, рад ли знать, что его ждет. Хотя, наверное, так лучше. По крайней мере первое потрясение уже позади. Если бы во вторник он увидел драконов в первый раз, скорее всего, упал бы в обморок прямо перед всей школой... впрочем, может, он и так упадет... Против огнедышащего, пятидесятифутового, бронированного шипастого дракона у него будет только волшебная палочка – а что она, в сущности, такое? Тоненькая щепочка, не более... во всяком случае, сейчас так казалось... И нужно пройти мимо этого дракона. У всех на глазах. Спрашивается, как?

Гарри ускорил шаг, держась опушк; у него меньше пятнадцати минут на то, чтобы добраться до камина, и тогда можно будет поговорить с Сириусом, а он в жизни так отчаянно не хотел с кем-нибудь поговорить – и вдруг, ни с того ни с сего, он наткнулся на что-то очень твердое.

Он упал на спину, очки съехали набок. Гарри вцепился в плащ. Кто-то вскрикнул:

– Ой! Кто здесь?

Гарри поскорее проверил, целиком ли закрыт плащом, и замер, глядя вверх на черный силуэт колдуна, в которого врезался. Он узнает эту бородку... Это же Каркаров!

– Кто здесь? – очень подозрительно повторил тот, озираясь в темноте. Гарри не двигался и молчал. Спустя минуту Каркаров, видимо, решил, что наткнулся на животное; он смотрел по сторонам на уровне пояса, будто выглядывал собаку. Затем прокрался под кроны деревьев и осторожно двинулся туда, где находились драконы.

Очень медленно и очень осторожно Гарри поднялся и припустил к замку, стараясь не сильно шуметь.

Ясно, что тут делает Каркаров, – никаких сомнений. Он тайком покинул свой корабль, чтобы выяснить, каково будет первое испытание. Может, видел, как Огрид и мадам Максим вместе идут в лес – их нетрудно заметить даже издали... а теперь Каркаров по голосам быстро отыщет, куда идти. И тогда он, как и мадам Максим, будет знать, что предстоит чемпионам. Получается, что единственный, кто во вторник встретится с неизвестностью, – это Седрик.

Гарри прибежал к замку, проскользнул в парадную дверь и начал взбираться по мраморной лестнице; он сильно задыхался, но не решался замедлить шаг... до встречи у камина меньше пяти минут...

– Дребедень! – выдохнул он в лицо мирно дремавшей Толстой Тете.

– И то правда, – сонно пробормотала она, не открывая глаз, после чего картина задралась и пропустила его.

Гарри влез внутрь. В общей гостиной никого не было, и судя по тому, что пахло здесь как обычно, Гермионе не пришлось разбрасывать навозные бомбы, чтобы предоставить им с Сириусом возможность пообщаться наедине.

Гарри стащил с себя плащ-невидимку и упал в кресло перед камином. В комнате стояла полутьма; свет излучало только пламя. Рядом на столе, поблескивая, валялись значки «Болей за СЕДРИКА ДИГГОРИ», над которыми возились братья Криви. Теперь надпись на значках гласила: «ПОТТЕР ВОНЮЧКА ГОРИ». Гарри перевел взгляд в огонь и подскочил на месте.

Из пламени смотрела голова Сириуса. Если бы раньше, на кухне дома Уизли, Гарри не видел в том же самом положении голову мистера Диггори, он бы перепугался до смерти. Но сейчас на лице у него расползлась улыбка – первая за много дней. Он выбрался из кресла, сел перед камином на корточки и сказал:

– Сириус... ты как?

Выглядел Сириус не так, как Гарри помнилось. В тот день, когда они простились, у Сириуса было изможденное лицо и спутанная грива тусклых черных волос – а сейчас волосы чисто вымыты и коротко подстрижены, лицо немного пополнело. Сириус выглядел моложе и гораздо больше походил на человека с той единственной фотографии, которая хранилась у Гарри, – фотографии со свадьбы его родителей.

– Я-то ладно, как ты? – серьезно спросил Сириус.

– Я... – Гарри попытался было выдавить «нормально», но не смог. Он заговорил, не успев себя остановить, и уже много-много дней он столько не разговаривал – о том, как никто не верит, что он не подавал заявки на участие в Турнире, и как Рита Вритеर оболгала его в «Оракуле», и как на каждом углу над ним насмехаются... а главное, Рон, как Рон не верит ему, как Рон завидует... – ...а только что Огрид показал, какое будет первое испытание, и там драконы, Сириус, и я пропал! – в отчаянии закончил он.

Сириус посмотрел на него, и глаза его были полны тревоги – в них еще не рассеялся мертвый ужас Азкабана. Пока Гарри не выдохся, Сириус его не перебивал, но теперь сказал:

– Гарри, драконов мы победим, но об этом чуть позже... у меня мало времени... Тут камин в одном колдовском доме, хозяева могут вернуться в любую минуту. Я должен тебя кое о чем предупредить.

– О чем? – Настроение Гарри упало еще на несколько делений... что может быть хуже драконов?

– О Каркарове, – ответил Сириус, – Гарри, он был Упивающимся Смертью. Ты ведь знаешь, кто это?

– Да... Так он... что?

– Его схватили, он сидел в Азкабане вместе со мной, но его выпустили. Вот на что угодно спорю – затем Думблдору в этом году и понадобился в школе аврор – следить за Каркаровым. Это ведь Хмури его схватил. И посадил в Азкабан.

– Каркарова освободили? – медленно повторил Гарри – мозг отказывался принять очередную порцию потрясений. – Почему?

– Он договорился с министерством магии, – горько ответил Сириус. – Сказал, что осознал свои ошибки, многих выдал... вместо него посадили толпу народа... что, надо сказать, не прибавило ему популярности. А после освобождения он, говорят, в своей школе обучает черной магии всех, кто под руку подвернется. Так что дурмштранговского чемпиона тоже берегись.

– Ладно, – задумчиво отозвался Гарри. – Но... ты думаешь, это Каркаров поместил мое имя в Кубок? Потому что если да, то он прекрасный актер. Он был в ярости. Хотел, чтобы мне запретили участвовать.

– Он еще какой актер, – подтвердил Сириус, – он же уговорил министерство магии его отпустить. И еще, Гарри, я почитываю «Оракул»...

– Ты и весь остальной мир, – с горечью вставил Гарри.

– ...и между строк в статье этой дамы, Риты, я прочел, что в ночь перед началом работы в «Хогварце» на Хмури напали. Да, я знаю, она утверждает, что это была очередная ложная тревога, – торопливо добавил Сириус, не дав Гарри заговорить, – но мне что-то не верится. Я думаю, кто-то не хотел, чтобы Хмури появился в «Хогварце». Кто-то понимал, что присутствие Хмури все усложнит. И никто не станет расследовать всерьез, Шизоглаз слишком часто паниковал на ровном месте. Но это не означает, что он не может распознать настоящего преступника. В министерстве не было авора лучше Хмури.

– Так что ты хочешь сказать? – медленно спросил Гарри. – Каркаров хочет убить меня? Но... зачем?

Сириус замялся.

– До меня доходят странные вести, – не сразу заговорил он. – В последнее время Упивающиеся Смертью что-то уж слишком активны. Смотри сам: они открыто показались на кубке мира. Потом кто-то создал Смертный Знак... и еще – ты слышал про ведьму из министерства, которая пропала?

– Берту Джоркинс? – спросил Гарри.

– Вот-вот... А пропала она в Албании – и, по слухам, там в последний раз видели Вольдеморта... и ведь она знала, что в этом году возродят Тремудрые Турниры – правильно?

– Да, но... вряд ли она прямо на Вольдеморта и наткнулась? – засомневался Гарри.

– Слушай, я знаю Берту, – сурово ответил Сириус. – Она училась со мной в «Хогварце», на пару-тройку лет старше нас с твоим отцом. Она была идиотка. Жутко любопытная, но совсем безмозглая, совершенно. Это страшное сочетание, Гарри. Я бы сказал, заманить ее в ловушку ничего не стоило.

– Значит... значит, Вольдеморт мог узнать про Турнир? – спросил Гарри. – Ты это имеешь в виду? Думаешь, Каркаров здесь по его приказу?

– Не знаю, – задумчиво сказал Сириус, – просто не знаю... Помоему, Каркаров не из тех, кто снова примкнет к Вольдеморту, если тот недостаточно силен и не может его защитить. И все же, кто бы ни поместил твою заявку в Кубок, он это сделал не случайно. Я не могу избавиться от мысли, что Турнир – прекрасный способ напасть на тебя и выдать все за несчастный случай.

– Я считаю, безупречный план, – уныло заметил Гарри. – Можно отойти в сторонку и подождать, пока меня прикончит дракон.

– Кстати – о драконах, – заторопился Сириус. – Есть хороший способ. Не пытайся использовать сногшибательное заклятие – драконы очень сильные, магическая мощь у них огромна, в одиночку с ними сногшибателем не справиться. Чтобы повалить дракона, нужно полдюжины колдунов...

– Да, я знаю, только что видел, – кивнул Гарри.

– Но можно справиться и одному, – продолжил Сириус. – Есть хороший способ, одно-единственное простое заклинание. Надо только...

Но Гарри выставил ладонь, веля Сириусу замолчать. Сердце громко забилось, вырываясь из груди, – он услышал шаги. Кто-то спускался по винтовой лестнице.

– Уходи! – зашипел он Сириусу. – *Скорей!* Кто-то идет!

Гарри неловко вскочил, закрывая собой камин, – если в замке увидят лицо Сириуса, поднимется страшный переполох – приедут министерские – его, Гарри, станут допрашивать о местонахождении Сириуса...

Гарри услышал за спиной еле слышное «хлоп» и понял, что Сириус исчез. Он уставился на подножие лестницы – кому это пришло в

голову прогуляться среди ночи? И не дать Сириусу досказать, как пройти мимо дракона?

Появился Рон в пестрой бордовой пижаме. Увидев в гостиной Гарри, он замер как вкопанный и огляделся.

– С кем это ты разговаривал? – спросил он.

– А тебе какое дело? – взъерепенился Гарри. – Ты-то что тут делаешь среди ночи?

– Я просто испугался, куда ты… – Рон осекся и пожал плечами. – Ничего я не делаю. Спать иду.

– Хотел пошпионить?! – заорал Гарри. Он знал, что Рон понятия не имел, какую сцену сейчас застал, знал, что Рон не нарочно, но ему было наплевать – в эту минуту он ненавидел в Роне все, вплоть до голых лодыжек, торчащих из пижамных штанов.

– Извини. – Рон покраснел от гнева. – Надо было догадаться, что тебя нельзя тревожить. Готовься спокойно к следующему интервью, я тебе не мешаю.

Гарри схватил со стола значок «ПОТТЕР ВОНЮЧКА ГОРИ» и швырнул со всей силы. Значок ударился Рону в лоб и отскочил.

– Вот так, – удовлетворенно выдохнул Гарри. – Наденешь это во вторник. Может, у тебя даже шрам останется, если повезет… ты же этого хочешь, да?

Он бросился через гостиную к лестнице; он почти ждал, что Рон его остановит, ему даже хотелось, чтобы Рон его треснул, но тот застыл в своей кургузой пижаме, и Гарри, вихрем взлетев по лестнице, долго-долго лежал потом в кровати и кипел от ярости, но так и не услышал, как Рон вернулся в спальню.

Глава двадцатая

Первое испытание

Поднявшись с постели утром в воскресенье, Гарри одевался крайне невнимательно и отнюдь не сразу сообразил, что пытается натянуть на ногу шляпу вместо носка. Пристроив наконец все детали одежды куда надо, он побежал искать Гермиону и обнаружил ее в Большом зале за гриффиндорским столом, где она завтракала вместе с Джинни. Гарри подташнивало, и есть он не стал, а просто посидел, дожидаясь, когда Гермиона отправит в рот последнюю ложку овсянки, после чего утащил ее на очередную прогулку вокруг озера. Там он рассказал ей и о драконах, и о разговоре с Сириусом.

Известие о Каркарове очень сильно встревожило Гермиону, но она сочла, что первоочередной проблемой являются драконы.

– Давай пока сосредоточимся на том, чтобы во вторник к вечеру ты был еще жив, – упавшим голосом сказала она, – а уж потом подумаем про Каркарова.

Они трижды обошли озеро, придумывая простое заклинание, которое утихомирит дракона. Никакие идеи их не посетили, и тогда оба отправились в библиотеку. Гарри притащил все книги по драконоведению, какие смог отыскать, сложил их в высоченную стопку, и они с Гермионой приступили к работе.

– *Заклинания для стрижки когтей... лечение чешуйчатой гнили...* это все не то, это для психов вроде Огрида, которые заботятся об их здоровье...

– «Сразить дракона крайне трудно из-за сильнейшего древнего волшебства, пропитывающего его толстую шкуру, проницаемую лишь для очень мощных заклятий...» – а Сириус сказал, «простое»...

– Давай тогда посмотрим простые учебники заклинаний, – предложил Гарри, отбросив в сторону «Людей, которые слишком сильно любили драконов».

Он принес новую стопку литературы и начал листать все книги по очереди. Над ухом у него безостановочно бормотала Гермиона:

— Есть, конечно, превращальные заклинания... но что от них толку? Разве что заменить зубы на винный мармелад, например, тогда дракон станет не такой опасный... беда в том, что в той книге пишут же, мало что проникнет под шкуру... лучше всего превратить бы его во что-нибудь, но... они такие огромные... это безнадежно... не факт, что даже профессор Макгонаголл... — или имеется в виду, что ты *сам* должен превратиться? Придать себе дополнительную колдовскую силу? Но это все не *простые* заклинания, мы их даже не проходили, я о них знаю только потому, что пробовала выполнить тесты на С.О.В.У...

— Гермиона, — сквозь зубы попросил Гарри, — помолчи, пожалуйста, а? Дай сосредоточиться.

Но когда она замолчала, голова его лишь наполнилась ровным и бессмысленным гулом, который тоже сосредоточиться не давал. Гарри безнадежно водил пальцем по оглавлению брошючки под названием «Некогда, а от злости корчит? Скорая эффективная порча»: мгновенное скальпирование... у драконов нет волос... *перечное дыхание*... от этого только огневая мощь усиливается... *языкрог*... еще чего не хватало, дать ему дополнительное оружие...

— Ой нет, *опять* он тут!.. Неужели нельзя почтать на своем дурацком корабле? — вскипела Гермиона.

В библиотеку только что прибрел Виктор Крум, неприветливо глянул на ребят и уселся в дальнем углу над стопкой книг.

— Пойдем отсюда, Гарри, давай вернемся в гостиную... сейчас явятся его фанатки... как начнут щебетать...

И правда — когда они выходили из библиотеки, мимо на цыпочках прошествовала стайка девиц; одна повязала вокруг талии болгарский шарф.

Ночью Гарри почти не спал. Проснувшись в понедельник утром, он впервые за все время всерьез подумал, не убежать ли из «Хогварца», но, озирая обстановку Большого зала за завтраком, представил себе, каково ему тогда будет, и понял, что не сможет. Это же единственное место на земле, где он счастлив... ну, с родителями ему, конечно, в свое время тоже было очень хорошо, но этого он не помнит.

Почему-то осознание того, что лучше остаться здесь и драться с драконом, чем вернуться на Бирючинную улицу, ему помогло, слегка

даже успокоило. Гарри с трудом впихнул в себя остатки бекона (горло отказывалось нормально глотать), и, встав одновременно с Гермионой, увидел, как из-за стола «Хуффльпуффа» выходит Седрик.

Седрик до сих пор не знает о драконах... единственный из всех чемпионов (если Гарри прав, и мадам Максим с Каркаровым уже рассказали о них Флёр и Круму)...

— Гермиона, встретимся в теплице, — сказал Гарри, поглядев Седрику в спину и решившись. — Иди, я тебя догоню.

— Гарри, ты опоздаешь, колокол вот-вот прозвонит...

— Я догоню, ага?

Когда Гарри добежал до подножия мраморной лестницы, Седрик был уже на вершине. Его окружала толпа приятелей-шестиклассников. Говорить при них не хотелось; эти самые люди при встречах с Гарри неустанно цитировали Риту Вритеर. Гарри пошел за Седриком на отдалении и увидел, что тот свернулся к классу заклинаний. Тут у Гарри родилась одна идея. Он остановился, достал палочку и тщательно прицелился:

— Диффиндо!

Рюкзак Седрика лопнул по шву. Книжки, перья, пергаменты посыпались на пол. Разбилось несколько чернильниц.

— Оставьте, я сам, — раздосадованно сказал Седрик друзьям, наклонившимся было, чтобы ему помочь. — Скажите Флитвику, что я сейчас подойду...

На это Гарри и рассчитывал. Он спрятал палочку, подождал, пока остальные скроются в классе, и кинулся по коридору, где теперь не было никого, кроме них с Седриком.

— Привет, — сказал Седрик, подбиравая с полу забрызганный «Курс высших превращений». — У меня рюкзак порвался... совсем новый, представляешь?

— Седрик, — сказал Гарри, — первое испытание — драконы.

— Что? — Седрик удивленно поднял глаза.

— Драконы, — быстро повторил Гарри, опасаясь, что профессор Флитвик может выйти посмотреть, что задержало Седрика. — Их четыре, по одному на каждого, и мы должны будем мимо них пробраться.

Седрик продолжал глязеть на него. В серых глазах Гарри распознал ту же панику, которая с субботнего вечера владела им самим.

– Ты уверен? – понизив голос, спросил Седрик.

– На все сто, – ответил Гарри. – Я их видел.

– Но как тебе удалось? Мы же не должны...

– Не важно, – поспешил перебил Гарри. Он знал, что у Огрида будут жуткие неприятности, если правда выплынет наружу. – Но знаю не только я. Флёр и Крум тоже, скорее всего, – и Каркаров, и Максим видели драконов.

Седрик, с охапкой заляпанных книжек, перьев и пергаментных свитков в руках, медленно поднялся. На плече болтался рваный рюкзак. Он не отрывал от Гарри взгляда, в котором сквозило удивление, смешанное с подозрением.

– А почему ты мне это говоришь? – спросил он.

Гарри не поверил своим ушам. Если бы Седрик сам видел драконов, у него не возникло бы такого вопроса. Встретиться с этими чудовищами неподготовленным Гарри не пожелал бы даже злейшему врагу – ну разве, может быть, Малфою или Злею...

– Это... справедливо, – ответил он. – Мы все знаем... мы на равных.

Седрик не сводил с него недоверчивого взгляда, и тут Гарри услышал за спиной знакомое клацанье. Он обернулся; из соседнего класса вышел Шизоглаз Хмури.

– Идем со мной, Поттер, – раскатисто позвал он. – Диггори, свободен.

Не ожидая ничего хорошего, Гарри посмотрел на Хмури. Слышал ли тот, о чем они говорили?

– Э-э-э... Профессор, мне нужно на гербологию...

– Ничего, Поттер. В мой кабинет, пожалуйста...

Гарри побрел за ним, гадая, что теперь будет. А если Хмури захочет узнать, откуда Гарри известно о драконах? И как он поступит: пойдет к Думблдору и донесет на Огрида или попросту превратит Гарри в хорька? Что ж, хорьку проще пробраться мимо дракона, смутно подумал Гарри, хорек маленький, с пятидесяти футов и не разглядишь...

Следом за Хмури он вошел в кабинет. Учитель прикрыл дверь и повернулся к Гарри, уставившись на него обоими глазами, волшебным и нормальным.

– Ты поступил очень благородно, Поттер, – тихо сказал Хмури.

Гарри не нашелся, что ответить; такой реакции он совершенно не ожидал.

— Садись, — велел Хмури, и Гарри сел, озираясь.

Он бывал в этом кабинете при двух предыдущих хозяевах. Во времена профессора Чаруальда стены были сплошь увешаны глянцевыми фотографиями, с которых подмигивал собственно профессор. А при профессоре Люпине здесь водилась масса удивительнейших злых существ, которых учитель добывал, чтобы показывать детям на уроках. Теперь же кабинет был заставлен кучей на редкость странных предметов — видимо, Хмури пользовался ими в бытность аврором.

На письменном столе стоял большой треснувший стеклянный волчок. Гарри сразу узнал горескоп, у него был такой же, только гораздо меньше. В углу на столике возвышалось нечто напоминающее сильно изогнутую золотую телевизионную антенну. Она тихонько гудела. Напротив Гарри на стене висело зеркало, только оно ничего не отражало. Внутри двигались туманные, расплывчатые фигуры.

— Нравятся мои детекторы зла? — поинтересовался Хмури, внимательно наблюдавший за Гарри.

— А это что? — Гарри показал на золотую антенну.

— Сенсор Секретности. Если рядом кто-то лжет или что-нибудь скрывает, он выбириует... Здесь, конечно, от него проку мало, слишком много помех — ученики то и дело врут, почему не выполнили домашнее задание. Гудит с самого моего приезда. Горескоп вообще пришлось отключить — день и ночь свистел. Он сверхчувствительный, ловит малейшее шевеление в радиусе мили. Разумеется, не только детские шалости, — прибавил он.

— А зеркало?..

— Это Зеркало Заклятых. Видишь, там рыщут мои заклятые враги? Это не страшно, пока не видны белки их глаз. А вот тогда я открываю сундук.

Он коротко, хрипло хохотнул и показал на большой сундук под окном. В сундуке было семь замочных скважин в ряд. Интересно, что внутри, подумал Гарри, но следующий вопрос Хмури быстро вернул его к действительности:

— Ну что... узнал про драконов, а?

Гарри замялся. Он боялся этого вопроса – впрочем, как он не сказал Седрику, так не скажет и Хмури, что Огрид нарушил правила.

– Да ничего страшного, – успокоил Хмури, садясь и со стоном выставив вперед деревянную ногу. – Жульничество – одна из традиций Тремудрого Турнира, так всегда было.

– Я не жульничал, – взвился Гарри, – это… случайно вышло.

Хмури ослабился:

– Я тебя не обвиняю, парень. Я с самого начала говорил Думбльдору: сам благородничай сколько угодно, но от Каркарова и Максим того же не жди. Они своим чемпионам все вывалят. Им надо выиграть. Победить Думбльдора. Доказать, что ничто человеческое ему не чуждо.

Хмури снова хрюплю хохотнул, и его волшебный глаз завертелся так быстро, что у Гарри закружилась голова.

– Итак… уже придумал, как разобраться с драконом? – спросил Хмури.

– Нет, – признался Гарри.

– Я тебе подсказывать не собираюсь, – проворчал Хмури. – У меня любимчиков не водится. Я тебе просто дам полезный совет. Правило первое – *используй свои сильные стороны*.

– У меня их нет, – ляпнул Гарри, не успев прикусить язык.

– Нет уж, извини, – пророкотал Хмури, – если я говорю, что у тебя они есть, значит, они есть. Подумай-ка. Что ты умеешь лучше всего?

Гарри старательно задумался. *Что* он умеет лучше всего? Ну, это, пожалуй, просто…

– Играть в квидиши, – бесцветно произнес он, – жуть как полезно…

– Совершенно верно. – Хмури глядел на него в упор, волшебный глаз почти не шевелился. – Я так понимаю, ты чертовски хорошо летаешь.

– Да, но… – Гарри не отрываясь смотрел на Хмури. – У меня же не будет метлы, у меня будет только палочка…

– А второе правило, – громко перебил Хмури, – пользуйся старыми-добрьми простыми заклинаниями, которые помогут получить то, что тебе нужно.

Гарри тупо на него пялился. А что ему нужно?

– Ну давай же, парень, – прошептал Хмури, – соображай… это вовсе не так сложно…

И в голове у Гарри что-то щелкнуло. Лучше всего он умеет летать. Он обойдет дракона по воздуху. Для этого ему понадобится «Всполох». А для этого ему понадобится...

— Гермиона, — шепотом проговорил Гарри, десятью минутами позже ворвавшись в теплицу номер три и на бегу извинившись перед профессором Спарж, — Гермиона, ты должна мне помочь.

— А я что, по-твоему, пытаюсь делать? — шепотом же ответила она, круглыми испуганными глазами глядя на него поверх дрожащих листьев трепекуста, который как раз обрезала.

— Гермиона, к завтрашнему дню мне надо нормально выучить призывное заклятие.

И они начали учиться. Они не пошли на обед, а отправились в свободный класс, где Гарри, отчаянно напрягая волю, стал через всю комнату подманивать к себе различные предметы. Получалось плохо. Книжки и перья на полдороге теряли решимость и камнем падали на пол.

— Сосредоточься, Гарри, *сосредоточься*...

— А я что делаю? — сердился Гарри. — Но мне почему-то все время представляется громадный отвратительный дракон... Ладно, пробуем еще...

Он хотел прогулять прорицание и дальше практиковаться, но Гермиона наотрез отказалась пропускать арифмантику, а оставаться без Гермионы не имело смысла. Поэтому пришлось пережить час в обществе профессора Трелони, которая пол-урока разъясняла, что при текущем аспекте Марса с Сатурном у людей, рожденных в июле, практически нет шансов избежать внезапной ужасной смерти.

— Вот и хорошо, что внезапной, — громко заявил Гарри, не сдержавшись. — Не хочу мучиться.

У Рона на мгновение сделался такой вид, будто он вот-вот рассмеется; определенно, он впервые за много дней встретился с Гарри взглядом, но Гарри еще сильно обижался и притворился, что не заметил. Остаток урока он палочкой призывал к себе под столом всякие мелочи. Ему удалось заставить мууху влететь прямиком к себе в кулак, хотя он и не был уверен, что это произошло из-за успешного призывного заклятия, — может, просто попалась муха-растяпа.

После прорицания за ужином он с трудом впихнул в себя немнога еды, а потом с Гермионой – под плащом-невидимкой, чтобы учителя не помешали, – вернулся в пустой класс. Они тренировались до полуночи. Могли бы и дольше, но в начале первого явился Дрюзг и, якобы решив, будто Гарри нужно, чтобы в него кидались предметами, взялся швыряться стульями. Гарри с Гермионой поспешили ретироваться, испугавшись, что шум привлечет Филча, и вернулись в общую гостиную «Гриффиндора», по счастью, уже опустевшую.

К двум часам ночи Гарри стоял у камина в окружении горы всякой всячины – книжек, перьев, нескольких перевернутых стульев, старого комплекта побрякушей и Невилловой жабы по имени Тревор. За последний час Гарри вдруг понял, в чем секрет призывного заклятия.

– Уже лучше, Гарри, гораздо лучше. – Гермиона вымоталась, но была очень довольна.

– В следующий раз, когда я не смогу освоить заклинание, ты знаешь, что делать, – отозвался Гарри, кидая ей рунический словарь, чтобы попробовать еще раз. – Пугай меня драконом. Так... – Он в который уже раз поднял палочку. – Акцию словарь!

Тяжеленный том выскочил из рук Гермионы, промчался по комнате и влетел в руки Гарри.

– Гарри, ты научился! – возликовала Гермиона.

– Завтра увидим, – сказал Гарри. – «Всполох» будет гораздо дальше, чем все это, он в замке, а я – во дворе...

– Это не важно, – уверенно заявила Гермиона. – Если ты как следует, *как следует* сосредоточишься, он прилетит. Гарри, хорошо бы спать... тебе это необходимо.

Гарри столько думал о призывном заклятии, что слепой ужас слегка его отпустил. На следующее утро, однако, паника возвратилась сполна. В замке царила атмосфера напряженного, но радостного ожидания. Уроки закончатся в середине дня, чтобы школьники успели добраться до драконьего загона – хотя они, конечно, пока еще не знали, что их там ждет.

Гарри чувствовал странное отчуждение от остальных, желали они удачи или шипели вслед: «Поттер, мы уже подготовили платочки». Это была такая кошмарная нервозность, что он опасался, как бы не

потерять голову, когда его поведут к дракону, и не начать проклинать все и вся вокруг.

Время вело себя крайне причудливо, исчезая громадными кусками: вроде бы только что он сидел на первом уроке, истории магии, а вот уже идет на обед... а вот (куда, скажите на милость, подевалось утро? Последние до-драконы часы?) через весь Большой зал к нему торопится профессор Макгонаголл, и многие оборачиваются.

– Поттер, чемпионам пора спуститься во двор... готовиться к первому испытанию.

– Хорошо. – Гарри встал. Вилка со звоном упала на тарелку.

– Удачи, Гарри, – прошептала Гермиона, – все будет хорошо!

– Ага, – ответил Гарри совершенно чужим голосом.

Вместе с профессором Макгонаголлом он вышел из Большого зала. Куратор тоже была сама не своя; пожалуй, она дергалась не меньше Гермионы. Спускаясь по каменным ступеням навстречу холодному ноябрьскому полудню, она положила руку Гарри на плечо.

– Главное – не паникуйте, – сказала она, – сохраняйте хладнокровие... помните, кругом взрослые колдуны, они контролируют ситуацию... главное, сделайте все, что в ваших силах, и никто не подумает о вас плохого... Вы хорошо себя чувствуете?

– Да, – с удивлением услышал Гарри собственный голос, – хорошо.

Профессор Макгонаголл вела его по опушке леса туда, где содержались драконы, но, когда они приблизились к рощице, откуда открывался вид на загон, оказалось, что его загораживает недавно установленная палатка.

– Вы, Поттер, идите внутрь к остальным чемпионам, – сильно дрожащим голосом объявила профессор Макгонаголл, – и ждите своей очереди. Мистер Шульман тоже там... он расскажет вам о... процедуре... Удачи.

– Спасибо, – неживым голосом поблагодарил Гарри. Профессор Макгонаголл оставила его у входа в палатку. Гарри вошел.

В углу на низкой деревянной табуретке сидела Флёр Делакёр. От ее обычной сдержанности буквально ничего не осталось, лицо побледнело и покрылось испариной. Виктор Крум был гораздо мрачнее обычного – видимо, предположил Гарри, так Крум нервничает. Седрик мерил шагами пол. Когда Гарри вошел, Седрик

слабо ему улыбнулся, и Гарри улыбнулся в ответ, обнаружив, что мускулы лица работают с трудом, словно позабыв, как это делается.

– Гарри! Ого-го! – радостно возопил Шульман, оборачиваясь к нему. – Входи, входи, будь как дома!

Среди бледных чемпионов Шульман странным образом напоминал слегка раздутого и яркого мультишного персонажа. Он снова облачился в старую квидишную форму «Ос».

– Что ж, все в сборе – пора снабдить вас информацией! – радостно объявил Шульман. – Когда публика займет свои места, я предложу каждому из вас этот мешочек, – он потряс мешочком из пурпурного шелка, – откуда вы достанете фигурку того, с кем вам предстоит встретиться! Они разных... э-э-э... разного вида. Так, что-то еще я должен вам сказать... ах да... ваша задача – *добыть золотое яйцо!*

Гарри огляделся. Седрик кивнул один раз, показав, что понял, и снова принял расхаживать туда-сюда; он слегка позеленел. Флёр Делакёр и Крум вообще никак не отреагировали. Может, боялись, что их вырвет, если они откроют рот, – этого, по крайней мере, боялся Гарри. А ведь они, в отличие от него, оказались здесь по добной воле...

Казалось, не прошло и секунды, а мимо палатки уже топотали тысячи ног, слышались оживленные разговоры, шутки, смех... Гарри чувствовал себя настолько отдельно от этих людей, будто они были существами иной породы. И тогда – по ощущениям, максимум еще через секунду – Шульман принял распускать завязки пурпурного шелкового мешочка.

– Леди вперед. – И он поднес мешочек к Флёр.

Она запустила внутрь дрожащую руку и вытащила крошечную, идеально точную модель дракона – валлийского зеленого. На шее у модели болтался номер «2». И, поскольку Флёр выразила не удивление, а скорее отчаянную покорность судьбе, Гарри понял, что был прав: мадам Максим ее преду предила.

То же самое было с Крумом: он вытащил алого китайского огнешара под номером «3» и, глазом не моргнув, уставился в пол.

Седрик опустил руку в мешочек и достал серо-голубого шведского тупорыла с номером «1». А Гарри добыл то, что осталось: венгерского хвосторога под номером «4». Он посмотрел на своего дракончика – хвосторог расправил крыльшки и обнажил миниатюрные зубки.

– Ну вот! – провозгласил Шульман. – Теперь каждый знает своего соперника, а номер на шее означает порядок выхода на поле, да? Я сейчас уйду – я комментирую состязания. Мистер Диггори, когда услышите свисток, просто выходите на поле, хорошо? Что еще... Гарри? Можно тебя на два слова? Снаружи?

– Э-э-э... конечно, – ничего не соображая, ответил Гарри, поднялся и вслед за Шульманом вышел из палатки. Тот отвел Гарри подальше, остановился между деревьями и отечески спросил:

– Ты как себя чувствуешь? Может, тебе что-нибудь принести?

– Что? – даже не понял Гарри. – А... нет, спасибо.

– У тебя есть план? – Шульман заговорщицки понизил голос. – Потому что, если не возражаешь, конечно, я с радостью поделюсь кое-какими идеями. Я имею в виду, – продолжал Шульман, понижая голос еще сильнее, – ты же у нас как бы вне программы, Гарри... и если я могу чем-то помочь...

– Нет, – отрезал Гарри, сам понимая, что поспешный ответ прозвучал грубо, – нет, я... уже придумал, что делать. Спасибо.

– Никто *не* *узнает*, Гарри, – подмигнул Шульман.

– Да нет, спасибо, все хорошо, – сказал Гарри, недоумевая, почему он без конца повторяет эти слова, хотя на самом деле ему еще ни разу не бывало так плохо. – У меня есть план, и я...

Где-то вдалеке прозвучал свисток.

– Батюшки, мне надо бежать! – спохватился Шульман и умчался.

Гарри зашагал к палатке и увидел, как оттуда появляется совсем позеленевший Седрик. Проходя мимо, Гарри попытался пожелать ему удачи, но выдавил только гортанный хрюп.

Гарри вернулся в палатку к Флёр и Круму. Спустя пару секунд снаружи донесся рев толпы, видимо означавший, что Седрик вошел в загон и оказался лицом к лицу с живым прототипом своей фигурки...

Гарри и не догадывался, что сидеть и слушать будет так ужасно. Публика, точно единое многоголовое существо, вскрикивала... визжала... ахала, глядя на то, что проделывал Седрик, пытаясь пробраться мимо шведского тупорыла. Крум упорно глядел в пол. Флёр вместо Седрика мерила шагами палатку. А комментарии Шульмана только усугубляли кошмар... Жуткие картины возникали в голове у Гарри, когда он слышал:

— О-о-о, чуть не попался, совсем чуть-чуть... Вот рисковый парень!.. *Хороший* ход — жаль, не помогло!..

А затем, минут через пятнадцать, раздался оглушительный гул, который мог означать только одно: Седрик обошел дракона и схватил золотое яйцо.

— Очень, очень хорошо! — кричал Шульман. — Ну — что нам скажут судьи?

Но он не произнес оценки вслух; видимо, судьи показывали их публике.

— Один закончил, осталось трое! — заорал Шульман, когда вновь прозвучал свисток. — Мисс Делакёр, прошу вас!

Флёр дрожала с головы до ног. Когда она, высоко задрав подбородок и крепко зажав в руке палочку, выходила из палатки, Гарри даже проникся к ней некоторой симпатией. Он и Крум остались вдвоем — сидели у противоположных стен и избегали встречаться взглядами.

Повторилось все то же самое...

— О, не уверен, что это разумно! — доносились до них веселые вопли Шульмана. — О!.. Почти что... Теперь осторожно!.. Святое небо, я думал, она его схватит!

Через десять минут трибуны разразились аплодисментами... Значит, Флёр тоже выполнила задание. Пауза... судя по всему, показывают оценки Флёр... снова рукоплескания... потом, в третий раз, свисток.

— На поле выходит мистер Крум! — провозгласил Шульман, и Крум косолапо удалился, оставив Гарри в одиночестве.

Он сейчас особенно чутко ощущал свое тело; ощущал, как сильно бьется сердце, как от страха сводит пальцы... и в то же время, глядя на стены палатки и слушая, откуда-то очень издалека, шум толпы, он словно бы витал над самим собой...

— Очень смело! — орал Шульман. Гарри услышал кошмарный, пронзительный вопль китайского огнешара. Публика судорожно вдохнула. — Вот это храбрость!.. И... Есть! Он добыл яйцо!

Рукоплескания осколками разбитого стекла рассыпались в холодном воздухе. Крум закончил выступление — теперь перед Гарри.

Он встал, заметив мимоходом, что ноги превратились в желе, и замер в ожидании. Прозвучал свисток. Гарри вышел из палатки. Ужас

его достиг крещендо. И вот уже, миновав рощицу, он вошел в загон.

Открывшуюся перед ним картину он увидел будто в очень ярком цветном сне. С трибун, магически воздвигнутых с того дня, как он побывал здесь в прошлый раз, смотрело великое множество лиц. А через загон на Гарри злобными желтыми глазами уставился хвосторог – приспустив крылья, дракониха склонялась над кладкой. Чудовищная чешуйчатая ящерица молотила по земле шипастым хвостом, оставляя отметины длиною в ярд. Трибуны очень шумели – ободряли или нет, Гарри не понимал и не интересовался. Пришло время сделать то, что нужно сделать... сконцентрировать всю волю на том, в чем его единственное спасение...

Гарри поднял палочку.

– Акцио «Всполох»! – прокричал он.

И стал ждать, всеми фибрами души надеясь, молясь... вдруг не получится... вдруг метла не прилетит... от окружающего его отделяла какая-то зыблющаяся, прозрачная завеса, точно жаркое марево, и от этого загон и лица людей как будто плавали в воздухе...

И тут Гарри услышал – к нему неслась метла. Он повернулся и увидел, как из-за леса стремительно приближается «Всполох». Метла ворвалась в загон и выжидательно повисла перед Гарри. Публика зашумела сильнее... Шульман тоже что-то кричал... но слух у Гарри больше не работал как надо... слышать было не нужно, не важно...

Он закинул ногу на древко, оттолкнулся от земли. И спустя мгновение случилось чудо...

Как только он воспарил, как только ветер развернулся ему волосы, как только лица публики сделались просто булавочными головками телесного цвета, а дракон уменьшился до размеров собаки, Гарри понял, что не просто покинул землю, но оставил внизу страх... очутился в своей стихии...

Это – очередной квидишный матч, вот и все... обычный квидишный матч, а хвосторог – особо мерзкая команда противника...

Он посмотрел вниз на кладку, надежно защищенную передними лапами дракона, и сразу увидел среди цементно-серых яиц одно сверкающее-золотое. «Итак, – сказал себе Гарри, – отвлекающий маневр... поехали...»

Он нырнул. Голова хвосторога повернулась за ним; Гарри знал, что задумал дракон, и вовремя вышел из пике; огненный снаряд пролетел

как раз там, где он оказался бы, если б не свернул... но Гарри было наплевать... все равно что увиливать от Нападалы...

– Вот это да, парень умеет летать! – заорал Шульман, перекрывая визги и охи. – Мистер Крум, как вам?

Гарри кружил в вышине; хвосторог следил за ним, вертя длинной шеей, – если продолжать в том же духе, у чудовища закружится голова – но лучше не медлить, не то дракон опять дохнет огнем...

Едва хвосторог открыл пасть, Гарри снова нырнул, но на сей раз ему повезло меньше – огнем, к счастью, не опалило, но дракон ударили хвостом, Гарри шарахнулся влево, и один шип задел его по плечу, пропорол мантию...

Он почувствовал боль, услышал крики и стоны с трибун, но порез вроде был неглубокий... Гарри просвистел позади дракона, и ему в голову пришла мысль...

Дракониха не хотела взлетать, она слишком боялась за кладку. Она вертелась, извивалась, складывала и расправляла крылья, не сводя с Гарри страшных желтых глаз, но покинуть своих детенышей не решалась... и тем не менее надо ее заставить, а то ему никогда не добраться до золотого яйца... трюк в том, чтобы сделать это медленно, осторожно...

Он принял решение лететь у нее перед носом, туда-сюда, не очень близко, чтобы она не пыталась отогнать его огнем, но все-таки недалеко, чтобы не сводила глаз. Ее голова с оскаленными зубами, мотаясь из стороны в сторону, следила за ним вертикальными зрачками...

Гарри взлетел повыше. Голова хвосторога поднялась следом, шея вытянулась во всю длину, качаясь, как змея перед факиром...

Гарри поднялся еще на несколько футов, и чудище разочарованно взревело. Он был как муха – муха, которую так хотелось прихлопнуть; она забила хвостом, но ей было не достать до Гарри... дракониха плеснула огнем, но он увернулся... челюсти широко распахнулись...

– Давай же, – понукал Гарри, дразняще вертаясь перед ней, – давай, поймай меня... вставай, лентяйка...

И тогда она встала на задние лапы, расправила наконец огромные кожистые крылья – размах как у небольшого самолета, – а Гарри спикировал. Не успела дракониха понять, что случилось и куда он исчез, Гарри с умопомрачительной быстротой слетел к земле, к кладке,

не защищенной когтистыми передними лапами, – отпустил древко – схватил золотое яйцо...

И, прибавив скорости, был таков. Он мчался над трибунами, надежно зажав под здоровой рукой тяжелую добычу. Вдруг ему словно включили громкость – в первый раз он нормально рассыпал шум с трибун. Там оглушительно вопили и рукоплескали, как ирландские болельщики на кубке мира...

– Вы посмотрите! – кричал Шульман. – Вы только посмотрите! Самый юный чемпион первым добыл яйцо! Что ж, это уравнивает шансы мистера Поттера!

К хвосторогу сбегались драконоводы – успокоить чудовище, а от входа в загон к Гарри, размахивая руками, спешили профессор Макгонаголл, профессор Хмури и Огрид, и даже издали было видно, как они улыбаются. Гарри полетел над трибунами обратно – барабанные перепонки разрывались от грохота – и мягко приземлился, чувствуя на душе небывалую легкость... Он прошел через первое испытание, он не погиб...

– Это было потрясающее, Поттер! – закричала профессор Макгонаголл, едва он слез с метлы, – что с ее стороны было непомерной похвалой. Она показала на его плечо (и Гарри заметил, что у нее трясутся руки): – Срочно идите к мадам Помфри, потом судьи объявят результат... сюда... она уже, наверное, закончила с Диггори...

– Молодчина, Гарри! – прохрипел Огрид. – Просто молодчина! Против хвосторога, это ж надо, ты ж знаешь, Чарли сказал, это самый страш...

– Спасибо, Огрид, – громко перебил Гарри, чтобы Огрид не проговорился.

Профессор Хмури тоже был очень доволен, его волшебный глаз танцевал в глазнице.

– Быстро и чисто, Поттер, – пророкотал он.

– Все, Поттер, в медпункт, пожалуйста, – велела профессор Макгонаголл.

Гарри вышел из загона, все еще не в силах отдохнуться, и в дверях соседней палатки увидел озабоченную мадам Помфри.

– Драконы! – с отвращением воскликнула она, затаскивая Гарри внутрь.

Палатка была поделена на отсеки; сквозь полотно Гарри различил силуэт Седрика, но тот вроде бы не сильно пострадал – во всяком случае, он сидел. Мадам Помфри осмотрела рану на плече у Гарри, безостановочно ворча:

– В том году дементоры, теперь драконы, что еще они в школу притащат? Ну, тебе очень повезло… рана неглубокая… только сначала продезинфицируем…

Она смазала порез пурпурной жидкостью, которая щипала и дымилась, но потом ткнула в плечо палочкой, и рана мигом затянулась.

– А сейчас посиди минутку спокойно – *посиди*, я сказала. Успеешь еще узнать оценки.

Мадам Помфри стремительно вышла, и Гарри услышал, как в соседнем отсеке она спрашивает:

– А теперь как себя чувствуешь, Диггори?

Гарри не сиделось; его переполнял адреналин. Он встал и собрался посмотреть, что происходит снаружи, но выйти не успел – внутрь ворвались двое: Гермиона, а следом за ней Рон.

– Гарри, ты был великолепен! – надтреснутым голосом произнесла Гермиона. На щеках у нее отпечатались следы ногтей – видимо, от страха она хваталась за лицо. – Это было просто потрясающе! Правда!

Но Гарри смотрел на смертельно бледного Рона. А тот глядел на Гарри как на привидение.

– Гарри, – очень серьезно сказал Рон, – не знаю, кто положил твою заявку в Кубок, но я… я думаю, они хотят тебя уокошить!

И вдруг все стало так, будто последних недель и не было – будто они встретились впервые с тех пор, как Гарри объявили чемпионом.

– Дошло наконец? – ледяным тоном произнес Гарри. – Ну ты и тупица.

Гермиона испуганно стояла между ними, переводя взгляд с одного на другого. Рон неуверенно открыл рот. Гарри догадался, что Рон собирается извиниться, но вдруг понял, что не хочет этого слышать.

– Да все нормально, – отмахнулся он, прежде чем Рон успел произнести хоть слово, – забудем.

– Нет, – возразил Рон, – зря я…

– *Забудем*, – повторил Гарри.

Рон нервно улыбнулся, и Гарри улыбнулся в ответ.

Гермиона расплакалась.

– Вот уж не о чем плакать! – сказал ей пораженный Гарри.

– Вы оба такие *дураки!* – закричала она и топнула ногой. Слезы брызнули на мантию. Потом – они не успели воспрепятствовать – Гермиона обняла их обоих и убежала, теперь уже откровенно, в голос, рыдая.

– Дурдом, – покачал головой Рон. – Гарри, пошли, сейчас твои оценки объявят…

Подхватив золотое яйцо и «Всполох», ощущая небывалый подъем – кто бы мог подумать час назад, что такое возможно, – Гарри, пригнувшись, вышел из палатки. Рон шагал рядом и тараторил:

– Ты был лучше всех, честно, просто никакого сравнения. Седрик сделал что-то странное, превратил камень на земле в собаку… хотел, чтобы дракон нападал на собаку, а не на него. Крутое, конечно, было превращение, ну и вроде как сработало, он же все-таки добыл яйцо, но его обожгло – дракон на полдороге передумал и решил все-таки напасть на него, а не на лабрадора, Седрик еле увернулся. А эта Флёр, у нее было такое заклинание, она ввела дракона в транс – тоже вроде как сработало, он заснул, но потом захрапел, из ноздри огонь, у Флёр подол загорелся, пришлось тушить водой из палочки. А Крум – ты не поверишь, он даже не подумал взлететь! Но после тебя он, наверно, был лучше всех. Вмазал дракону каким-то заклинанием прямо в глаз! Правда, дракон давай топтаться и реветь, половину яиц передавил, а за это снимаются баллы, их нельзя было портить.

Они подошли к загону, и Рон перевел дыхание. Теперь, когда хвосторога забрали, Гарри понял, где сидят пятеро судей – прямо напротив, на возвышении, в креслах, задрапированных золотой тканью.

– Оценки от одного до десяти, каждый ставит свою, – поведал Рон, и Гарри, прищурившись, увидел, как первый судья – мадам Максим – поднимает палочку. Из палочки вылетела длинная серебряная лента, свернувшаяся в цифру «8».

– Неплохо! – воскликнул Рон под аплодисменты с трибун. – Наверное, вычла два балла за плечо…

Следующим был мистер Сгорбс. Он выпустил в воздух цифру «9».

– Обнадеживает! – обрадовался Рон, заехав Гарри по спине.

Затем Думблдор. Он тоже поставил «9». Трибуны бесновались.

Людо Шульман – «10».

– Десять? – не поверил своим глазам Гарри. – Но... меня же поранили... что это он?

– Гарри, не жалуйся! – в восторге вскричал Рон.

Наконец палочку поднял Каркаров. Он выждал мгновение, а затем в воздух выстрелила цифра «4».

– Чего? – гневно заорал Рон. – Четыре? Ах ты мешок с дерьямом, это нечестно, ты же Круму десять поставил!

Но Гарри было безразлично, пусть Каркаров ставит ему хоть ноль. То, что Рон возмущался за него, стоило все сто баллов. Гарри, разумеется, Рону об этом не сказал, но когда он шагал из загона, сердце его танцевало от счастья. И за него радовался не только Рон... не только гриффиндорцы. На трибунах ликовала почти вся школа. Увидев, через что ему пришлось пройти, они встали на его сторону, болели за него так же, как и за Седрика... а на слизеринцев наплевать, пусть теперь говорят, что хотят.

– Вы вдвоем на первом месте! Ты и Крум! – Чарли Уизли выбежал им навстречу – Гарри с Роном уже направились было к школе. – Слушай, мне надо мчаться, послать маме сову, я ей обещал обо всем рассказать – но это было невероятно! Ах да – велено передать, чтоб ты задержался... Шульман хочет вам что-то сказать в чемпионской палатке.

Рон обещал подождать, и Гарри вернулся в палатку, которая почему-то выглядела совершенно иначе, гостеприимной и уютной. Гарри сравнил свои ощущения, когда уворачивался от хвосторога и когда ждал в палатке... ожидание несравненно хуже, без вопросов.

Флёр, Седрик и Крум вошли вместе.

Половину лица Седрика покрывал толстый слой оранжевой мази – очевидно, лекарство от ожога. Увидев Гарри, он заулыбался:

– Молодец, Гарри.

– Ты тоже, – улыбнулся в ответ Гарри.

– Вы все молодцы, *все!* – В палатку ворвался Людо Шульман, довольный, будто сам только что победил дракона. – А сейчас слушайте сюда. Перед вторым испытанием у вас большой перерыв, оно состоится в половине десятого утра двадцать четвертого февраля – но до тех пор вам будет о чём подумать! Посмотрите внимательно на золотые яйца – как видите, они открываются... у них петли, заметили? Вы должны разгадать загадку, скрытую внутри, – тогда узнаете, в чём

состоит следующее испытание, и сможете подготовиться! Все ясно? Точно? Что ж, тогда можете идти!

Гарри вышел из палатки, и они с Роном зашагали по опушке Запретного леса назад к замку, оживленно болтая. Гарри хотел услышать подробности о выступлении других чемпионов. Вскоре они обогнули рощицу, откуда Гарри в первый раз услышал драконий рев, и из-за деревьев выпрыгнула какая-то ведьма.

Оказалось, Рита Вритеर. Сегодня на ней была ядовито-зеленая мантия – принципиарное перо замечательно к ней подходило.

– Поздравляю, Гарри! – вскричала Рита Вритеर, сияя. – Можно тебя буквально на одно слово? Как ты себя чувствовал, оказавшись лицом к лицу с драконом? И что ты думаешь *теперь* о справедливости судей?

– На одно слово? – переспросил Гарри. – Да хоть на два: пока-пока!
И они с Роном направились к замку.

Глава двадцать первая

«Купи Адежду Колдовским Народам-Изгоям»

Вечером Гарри, Рон и Гермиона отправились в совяльню за Свинринстелем – Гарри хотел сообщить Сириусу, что справился с драконом и даже не пострадал. По дороге Гарри поведал Рону обо всем, что узнал от Сириуса о Каркарове. Узнав, что Каркаров был Упивающимся Смертью, Рон был просто шокирован, но, когда они дошли до совяльни, уже говорил, что им надо было догадаться с самого начала.

– Все сходится! – сказал он. – Помнишь, в поезде Малфой говорил, что Каркаров – друг его папаши? Теперь-то мы знаем, где они подружились! Небось и на финале кубка вместе бегали в масках... Только я вот что тебе скажу, Гарри: если это Каркаров сунул в Кубок твою заявку, он сейчас, наверно, уже оторвал себе бороденку! Не вышло ведь! Тебя всего лишь слегка поцарапало! Подожди-ка... я сам...

Поняв, что ему собираются поручить доставку, Свинринтель так перевозбудился, что начал носиться вокруг головы Гарри, ухая как полуумный. Рон сцепил совенка и держал, пока Гарри привязывал к лапке послание.

– Не может же быть, чтобы следующие испытания оказались еще опасней, – продолжал Рон и понес Свинринтеля к окну. – Знаешь что? Я думаю, у тебя есть шанс выиграть Турнир. Я серьезно.

Гарри, конечно, понимал, что Рон говорит это лишь затем, чтобы как-то извиниться за свое поведение в последние недели, но ему все равно было приятно. А вот Гермиона скрестила на груди руки, прислонилась к стене совяльни и, нахмутившись, поглядела на Рона.

– До конца Турнира еще очень далеко, – строго сказала она. – Если таково было первое задание, страшно подумать, каковы следующие.

– Оптимистка ты наша! – ответил Рон. – Вам бы с профессором Трелони подружиться.

Он выбросил Свинринстеля в окно. Тот камнем пролетел вниз футов двенадцать, прежде чем сумел выправиться: письмо было длиннее и тяжелее обычновенного – Гарри не устоял перед соблазном снабдить Сириуса подробнейшим, движение за движением, отчетом о том, как именно он изворачивался, кружил и вилял перед хвосторогом.

Ребята проследили, как Свинринтель растворился в темноте, а потом Рон сказал:

– Ну чего, пошли вниз? Гарри, тебе там сюрприз приготовили – Фред с Джорджем, наверное, уже натащили с кухни всякой еды.

И действительно, когда они вошли в общую гостиную, она взорвалась радостными криками. На всех столах высились горы пирожных, стояли кувшины с тыквенным соком и усладэлем; Ли Джордан запульнулся пару-тройку холодных петард мокрого запуска дра Филибуستера, и воздух загустел от летающих звездочек и искр; Дин Томас, который хорошо рисовал, успел изготовить несколько потрясающих плакатов, где был изображен Гарри, шныряющий на метле вокруг драконьей башки. Еще парочка постеров демонстрировала публике Седрика с подожженной головой.

Гарри принадлежал на еду; он уже и забыл, что это такое – настоящий голод. Он сидел с друзьями и сам не верил, что на свете бывает подобное счастье: Рон рядом, первое испытание позади, а второе – только через три месяца.

– Ух ты, тяжелое! – воскликнул Ли Джордан, взвешивая в руках золотое яйцо, которое Гарри оставил на столе. – Открой его, Гарри! Давай посмотрим, что внутри!

– По условиям, он должен отгадать загадку сам, – поспешила вставить Гермиона. – Таковы правила Турнира...

– По условиям, я должен был сам придумать, как обойти дракона, – вполголоса возразил Гарри так, чтобы услышала только она. Гермиона виновато улыбнулась.

– Правда, Гарри, давай открой! – хором поддержали несколько человек.

Ли передал яйцо Гарри. Тот запустил ногти в бороздку по окружности яйца и с усилием его раскрыл.

Внутри яйцо было полое и абсолютно пустое – но едва оно открылось, гостиную наполнил омерзительный, громкий и скрипучий вой. Нечто похожее Гарри слышал лишь однажды, на смертенинах у Почти Безголового Ника, когда оркестр привидений играл на музыкальных пилах.

– Закрывай! – возопил Фред, зажимая уши.

– Что это было? – пролепетал Шеймас Финниган, в ужасе глядя на захлопнутое яйцо. – Похоже на банши... Может, теперь будет банши вместо дракона?

– Это человек, которого пытают! – вскричал побелевший Невилл и уронил на пол сосиску в тесте. – Тебе придется противостоять пыточному проклятию!

– Ты чего, Невилл, это же противозаконно, – резонно возразил Джордж. – Не будут же они использовать пыточное проклятие против чемпионов. По-моему, это смахивает на пение Перси... Гарри, тебе, наверно, придется напасть на него, пока он в душе...

– Гермиона, хочешь тарталетку? – предложил Фред.

Гермиона подозрительно взорвалась на тарелку, которую он ей протягивал. Фред ухмыльнулся:

– Не бойся, с этим я ничего не делал. Но вот печенья с кремом берегись...

Невилл, только что вонзивший зубы в печенье, поперхнулся и все выплюнул.

Фред засмеялся:

– Я пошутил, Невилл...

Гермиона взяла тарталетку с джемом. Потом спросила:

– Фред, вы все это взяли с кухни, да?

– Угу, – ухмыльнулся Фред и пронзительно запищал, имитируя домового эльфа: – «Все что угодно, сэр, все, что вы только захотите!» Они всегда рады помочь... жареного быка достали бы, если б я сказал, что голодный.

– А где вообще у нас кухня? – невиннейшим, равнодушнейшим голоском поинтересовалась Гермиона.

– За потайной дверью. А дверь за картиной, где ваза с фруктами. Щекочешь грушу, она хихикает и... – Фред вдруг замолчал и с подозрением посмотрел на нее: – А что?

– Да так, ничего, – быстро сказала Гермиона.

– Хочешь устроить забастовку домовых эльфов? – поинтересовался Джордж. – Думаешь перейти от листовок к восстанию?

Кое-кто загоготал. Гермиона промолчала.

– Не вздумай их огорчать. Не надо рассказывать, что им нужна одежда и зарплата! – предупредил Фред. – Только отвлечь их от готовки!

Тут всеобщее внимание переключилось на Невилла, потому что он внезапно превратился в большую канарейку.

– Ой!.. Прости, Невилл! – под дружный смех закричал Фред. – Я забыл... мы *и правда* закодровали печенья!..

Впрочем, не прошло и минуты, как Невилл стал линять и, когда у него выпали последние перья, обрел свой нормальный вид. И даже засмеялся вместе со всеми.

– «Канарейки с кремом»! – провозгласил Фред, обращаясь к впечатленной толпе. – Мы с Джорджем их сами изобрели! Семь сиклей штука, прошу!

Лишь около часу ночи Гарри вместе с Роном, Невиллом, Шеймасом и Дином наконец удалились в спальню. Прежде чем задернуть занавеси балдахина, Гарри поставил на тумбочку крошечную фигурку венгерского хвосторога. Фигурка зевнула, свернулась клубком и закрыла глазки. «Вообще-то, – подумал Гарри, задергивая занавески, Огрид прав... они ничего, эти драконы...»

Начало декабря принесло в «Хогварц» ветер и дождь со снегом. Зимой замок продувался насквозь, и тем не менее Гарри с благодарностью думал о его толстых стенах и уютных каминах всякий раз, когда проходил мимо дурмштранговского корабля. Судно зверски качало на жестоком ветру, паруса яростно бились на фоне темных небес. В карете «Бэльстэка», тоже, должно быть, прохладно. Гарри замечал, что Огрид исправно снабжает коней мадам Максим их любимым односолодовым виски; от паров над кормушкой в углу загона все ученики на занятиях по уходу за магическими существами ходили навеселе. Что было очень некстати, так как они по-прежнему ухаживали за кошмарными драклами, а тут нужна трезвость ума.

– Вот я только не пойму, впадают они в спячку или нет, – поделился Огрид с классом, дрожавшим от холода на тыквенном огороде. –

Видать, надо последить, не клюют ли носом... Уложим их в эти ящички...

Драклов осталось всего десять; их жажду убивать себе подобных не искоренили никакие променады. Каждый дракл дорос до шести футов в длину. Серые панцири, мощные крабьи ноги, жала, присоски и плюющие огнем хвосты – Гарри никогда не встречал созданий отвратительнее. Весь класс уныло посмотрел на громадные ящики, которые принес Огрид. В ящиках лежали подушки и пуховые одеяла.

– Сейчас мы вас уложим, – приговаривал Огрид, – закроем крышечками и посмотрим, чего будет.

Выяснилось, однако, что драклы *не* впадают в спячку, а также *не* любят укладываться в ящики с подушками и одеяльцами под заколачиваемые гвоздями крышки. Вскоре Огрид вовсю вопил: «Тихо, тихо, без паники!» – а драклы разбегались по тыквенным грядкам, заваленным дымящимися обломками ящиков. Большинство учеников – во главе с Малфоем, Краббе и Гойлом – через заднюю дверь вломились в хижину Огрида и забаррикадировались; Гарри, Рон, Гермиона и еще очень немногие остались помогать Огриду. Совместными усилиями, хотя и ценой многочисленных ран и ожогов, им удалось изловить и связать девять драклов; на свободе оставался только один.

– Вы, глав' дело, не напугайте его! – закричал Огрид, когда Рон с Гарри из волшебных палочек выпустили залпы огненных искр в дракла, который устрашающе надвигался, выгибая над спиной трепещущее жало. – Накиньте на жало веревку, чтоб он сородичей своих не поуродовал!

– Это была бы катастрофа! – сердито огрызнулся Рон. Они с Гарри прижимались спинами к стене хижины, отстреливаясь от дракла искрами.

– Так-так-так... Какое *занятное* развлечение.

Рита Вритер, прислонясь к ограде, с любопытством наблюдала за творящимся безобразием. Сегодня она надела толстый ярко-фуксиновый плащ с пурпурным меховым воротником. На руке болталась сумочка из крокодиловой кожи.

Огрид бросился на дракла и всем телом прижал его к земле; из драклова хвоста вырвался залп, и взрыв раскрошил ближайшие тыквы.

– Вы кто? – спросил Огрид у Риты, набрасывая на жало и затягивая веревочную петлю.

— Рита Вритеер, корреспондент «Оракула», — просияла Рита. Сверкнули золотые зубы.

— Вроде Думбльдор распорядился больше вас в школу не пускать, — слегка нахмутившись, проговорил Огрид. Он слез с немного помятого дракла и за веревку потянул его к сородичам.

Рита сделала вид, будто слов Огрида не слышала.

— А как называются эти забавные зверьки?! — вскричала она, улыбаясь еще шире.

— Взрывастые драклы, — пробурчал Огрид.

— Да что вы! — живо воскликнула Рита. — Никогда о таких не слышала... а откуда они?

Гарри увидел, как из-под косматой черной бороды выползает тусклобагровый румянец, и сердце у него оборвалось. В самом деле, где Огрид раздобыл этих уродов?

Гермиона, видимо, подумала о том же самом и немедленно вмешалась:

— Правда, они очень интересные? Правда, Гарри?

— Что? А, да... ой... ужасно интересные, — сказал Гарри, когда она наступила ему на ногу.

— Ах, и *ты* здесь, Гарри! — оглянувшись, вскричала Рита. — Значит, тебе нравятся уроки ухода за магическими существами? Твой любимый предмет?

— Да, — решительно кивнул Гарри.

Огрид заулыбался во весь рот.

— Прелестненько, — сказала Рита, — прелестненько. И давно вы здесь учителем? — обратилась она к Огриду.

Гарри видел, как ее взгляд пропутешествовал от Дина (чью щеку пересекал глубокий порез) к Лаванде (чья мантия была сильно опалена) и Шеймасу (дувшему на обожженные пальцы), а потом к окнам хижины, за которыми столпился почти весь класс — народ прижал носы к стеклам и дожидался, пока утихнет сражение.

— Второй год всего, — ответил Огрид.

— Чудненько... Не хотите дать мне интервью, нет? Поделиться опытом по уходу за магическими существами? «Оракул» по средам дает зоологическую колонку — впрочем, я уверена, вы и сами знаете. Мы могли бы просветить публику насчет этих... пулястых граклов.

— Взрывастых драклов, — воодушевился Огрид. — Э-э-э... да, пожалуй, чего ж нет-то?

Гарри такой поворот ужасно не понравился, но не было никакого способа внушить это Огриду, не привлекая внимания Риты, и пришлось молча наблюдать, как они договариваются о встрече в «Трех метлах» под конец недели для спокойной продолжительной беседы. Вскоре в замке прозвонил колокол, и урок закончился.

— Что ж, до свидания, Гарри! — весело попрощалась Рита Бритер, когда он с Роном и Гермионой направился к школе. — До пятницы, Огрид!

— Она переверет все, что он скажет, — вполголоса сказал Гарри.

— Будем надеяться, он не ввозил драклов нелегально, — в отчаянии вздохнула Гермиона. Они переглянулись — чего еще ждать от Огрида!

— Огрид уже сто раз такое творил, а Думбльдор все равно его не увольнял, — утешил обоих Рон. — В худшем случае ему придется избавиться от драклов. Извините... я сказал — в худшем? Я хотел сказать — в лучшем!

Гарри с Гермионой рассмеялись и, приободрившись, отправились на обед.

Во второй половине дня Гарри искренне наслаждался парой прорицания; им уже в который раз велели составлять гороскопы, но теперь, когда они с Роном помирились, это опять стало смешно. Профессор Трелони, которая была так довольна, когда они напредсказывали себе всех и всяческих смертей, очень скоро ужасно раскипятилась: она повествует о безмерно разрушительном влиянии Плутона, а Гарри и Рон фыркают.

— *Казалось бы*, — произнесла она мистическим шепотом, нисколько, впрочем, не скрывавшим ее досады, — *некоторым из нас*, — она со значением вперила взор в Гарри, — не стоит вести себя *легкомысленно*. Если бы *им* открылось то, что открылось мне ночью, когда я смотрела в хрустальный шар... Я сидела, увлеченная вязанием, но внезапно меня охватило неудержимое желание проконсультироваться с шаром. Я поднялась, села перед ним, воззрилась в его хрустальные глубины... и что, как вы думаете, глянуло на меня изнутри?

— Старая уродливая летучая мышь в огромных очках? — еле слышно предположил Рон.

Гарри невероятным усилием сохранил невозмутимое лицо.

— Смерть, мои дорогие.

Парвати и Лаванда в ужасе прижали ладони ко рту.

— Да, — внушительно кивнула профессор Трелони, — никогда она не подходила так близко, она ястребом кружит над головою, опускается над замком все ниже... ниже...

Она многозначительно посмотрела на Гарри. Тот широко и откровенно зевнул.

— Я был бы потрясен гораздо сильнее, если б она не предсказывала того же самого уже раз восемьдесят, — сказал Гарри, когда они слезли по лестнице из класса профессора Трелони и наконец снова глотнули свежего воздуха. — Если б я всякий раз падал замертво, я был бы медицинским феноменом.

— Ты был бы очень настырным привидением, — заржал Рон. Им навстречу, угрожающе сверкая глазами, как раз проплыл Кровавый Барон. — Ладно, хоть на дом ничего не задали. Надеюсь, Гермионе, наоборот, зададут кучу всего — люблю, когда она пашет, а мы нет...

Но Гермионы не было за ужином и не было в библиотеке, куда они заглянули после. Там сидел один только Виктор Крум. Рон завис за полками, наблюдая за ним и шепотом дебатируя с Гарри, стоит ли просить автограф, но потом вдруг понял, что за соседним стеллажом, обсуждая то же самое, шныряют шесть или семь девочек, и растерял весь энтузиазм.

— Интересно, куда она подевалась? — спросил Рон по пути в гриффиндорскую башню.

— Понятия не имею... Дребедень.

Толстая Тетя только-только начала открываться, когда громкий торопливый топот возвестил о прибытии Гермионы.

— Гарри! — задыхаясь, проговорила она, резко затормозив (Толстая Тетя уставилась на нее, высоко подняв брови). — Гарри, пошли — пойдем, случилось необыкновенное — пожалуйста...

Она схватила Гарри за локоть и потянула назад по коридору.

— Что случилось? — удивился Гарри.

— На месте поймешь — пошли скорей!

Гарри оглянулся на Рона, тот ответил заинтригованным взглядом.

— Ладно, пошли, — согласился Гарри и зашагал за Гермионой; Рон кинулся за ними.

– А на меня, значит, можно не обращать внимания! – раздраженно прокричала вслед Толстая Тетя. – Можно не извиняться за то, что меня потревожили! Я могу и так повисеть, нараспашку, пока вы не соизволите вернуться, так, что ли?

– Ага, спасибо! – через плечо крикнул Рон.

– Гермиона, скажи хоть, куда мы идем? – не выдержал Гарри, когда они прошли уже шесть этажей и начали спускаться по мраморной лестнице в вестибюль.

– Увидишь, сейчас все увидишь! – лихорадочно ответила Гермиона.

В вестибюле она повернула налево и побежала к двери, за которой скрылся Седрик Диггори в тот вечер, когда Кубок Огня провозгласил их с Гарри чемпионами. Гарри никогда еще здесь не бывал. Вслед за Гермионой они с Роном спустились по каменным ступеням, но попали вовсе не в мрачный коридор, вроде того, что вел в подземелье Злея, а в широкую галерею с каменными стенами, ярко освещенную факелами и увешанную жизнерадостными картинами – в основном натюрмортами с едой.

– Ох, подожди-ка… – медленно проговорил Гарри на середине галереи, – подожди минуточку, Гермиона…

– Что? – Она обернулась в нетерпеливом предвкушении.

– Я знаю, куда ты нас ведешь, – сказал Гарри.

Он ткнул Рона в бок и показал на картину прямо за спиной Гермионы. Там была изображена огромная серебряная ваза с фруктами.

– Гермиона! – Рон тоже сообразил, в чем дело. – Опять хочешь нас вовлечь в свое пукни!

– Нет-нет, ничего подобного! – затрясла головой Гермиона. – Только не пукни, Рон…

– А, ты поменяла название? – сурово воззрился на нее Рон. – И кто же мы теперь? «Купи Адежду Колдовским Народам-Изгоям»? Я не пойду в кухню уговаривать их бросить работу, вот честно, не пойду…

– А я тебя и не прошу! – нетерпеливо перебила Гермиона. – Я только что там была, хотела с ними поговорить, а там… Ой, ну пошли скорей, Гарри, я покажу!

Она опять схватила его за руку, потянула к картине с фруктовым натюрмортом и пальцем пощекотала громадную зеленую грушу. Та, захихикав, начала извиваться и внезапно превратилась в большую

зеленую дверную ручку. Гермиона дернула за нее и с силой толкнула Гарри в спину, понуждая войти.

Он едва успел мельком разглядеть необъятное высоченное помещение – огромное, как Большой зал, располагавшийся прямо над ним, – груды сияющих медных кастрюль и сковородок вдоль стен, громадный кирпичный очаг в дальней стене, и тут из центра зала нечто маленькое бросилось к нему, вереща:

– Гарри Поттер, сэр! *Гарри Поттер!*

В следующую секунду оно шмякнулось Гарри в живот, совершенно вышибив из него дух, и сжало в объятиях с такой силой, что Гарри испугался за свои ребра.

– Д-добби? – выдохнул он.

– Добби, сэр, Добби, конечно, Добби! – запищал голос откуда-то от его пупка. – Добби так надеялся повидать Гарри Поттера, сэр, а Гарри Поттер сам пришел повидаться с Добби, сэр!

Добби отпустил дорогого гостя и попятился, радостно его оглядывая. Огромные, с теннисный мяч, зеленые глаза от счастья наполнились слезами. Эльф выглядел точно так же, каким Гарри его и запомнил: нос-карандашик, уши как у летучей мыши, длинные пальчики и ступни – только одежда была другой, совсем другой.

Служа у Малфоев, Добби всегда носил одно и то же – старую грязную наволочку. Теперь же его одежда состояла из самых немыслимых предметов; с подбором гардероба он справился даже хуже, чем колдуны на финале кубка. Вместо шляпы Добби надел чайную бабу, к которой приколол кучу разнообразных значков; галстук с узором из подков прикрывал голую грудь, далее следовали детские футбольные шорты и наконец носки – непарные. Один, разглядел Гарри, был тот самый черный носок, который он снял с себя, чтобы хитростью заставить мистера Малфоя отдать его Добби и тем самым освободить эльфа. Другой пестрел яркими розово-оранжевыми полосками.

– Добби, что ты тут делаешь? – в полнейшем изумлении спросил Гарри.

– Добби пришел в «Хогварц» и получил работу, сэр! – взвизгнул Добби. – Профессор Думблдор дал Добби и Винки работу, сэр!

– Винки? – переспросил Гарри. – Она тоже здесь?

– Да, сэр, да! – воскликнул Добби, схватил Гарри за руку и потащил в глубь кухни по проходу между двумя из четырех длинных деревянных столов. Гарри заметил, что столы расположены точно так же, как столы колледжей наверху, в Большом зале. Сейчас здесь не было никакой еды, поскольку ужин уже кончился, но Гарри не сомневался, что всего час назад они ломились от яств, которые через потолок отправлялись наверх, на соответствующий стол.

В кухне толпилось не меньше сотни эльфов. Добби вел Гарри мимо, а эльфы стояли, источая любезные улыбки, кланялись и делали реверансы. Все они были одеты в форму: кухонное полотенце с гербом «Хогварца», завязанное на манер тоги, как в свое время у Винки.

Добби остановился у кирпичного очага и показал пальцем.

– Винки, сэр! – объявил он.

Винки сидела у огня на табуретке. В отличие от Добби, она, очевидно, не искала себе одежду по всем углам. На ней была милая короткая юбочка, блузка и голубой чепчик с прорезями для ушей. Одежда Добби блистала ухоженной чистотой и выглядела с иголочки, однако Винки не заботилась о своем платье вовсе. Блузка была заляпана пятнами от супа, а на юбке красовалась прожженная дырка.

– Здравствуй, Винки, – сказал Гарри.

У Винки задрожали губы. А потом она, как после финального матча, разразилась слезами, брызнувшими из огромных карих глаз на блузку.

– Ой, мамочки, – произнесла Гермиона. Они с Роном подошли вслед за Гарри и Добби. – Винки, не плачь, пожалуйста, не плачь…

Но Винки только сильнее зарыдала. А Добби лучезарно взирал на Гарри.

– Не пожелает ли Гарри Поттер чашечку чая? – спросил он визгливо и громко, чтобы перекричать всхлипы Винки.

– Э-э-э… да, хорошо, – согласился Гарри.

В то же мгновение раздалось деловитое топотание, и к нему трусцой подбежали шесть домовых эльфов с огромным серебряным подносом, на котором стояли чайник, чашки для Гарри, Рона и Гермионы, кувшин с молоком и большое блюдо печенья.

– Ай да обслуживание! – восхитился Рон. Гермиона насупилась, поглядев на него, но эльфам его замечание польстило; они очень низко поклонились и ретировались.

– Давно ты здесь? – поинтересовался Гарри, когда Добби протянул ему чашку.

– Всего неделю, Гарри Поттер, сэр! – радостно отрапортовал Добби. – Добби посетил профессора Думблдора, сэр. Понимаете, сэр, домовому эльфу, которого уволили, сэр, очень трудно снова найти себе работу, сэр, очень-очень трудно…

При этих словах Винки громко звала, из носа-помидора потекло, но она даже не попыталась остановить этот ручей.

– Добби путешествовал по стране почти два года, сэр, все пытался найти работу, сэр! – верещал Добби. – Но Добби не нашел работы, сэр, потому что ему теперь нужна заработка!

Услышав это, остальные домовые эльфы, с интересом внимавшие разговору, отвели глаза, будто Добби неприлично выругался.

Зато Гермиона, наоборот, поддержала:

– И правильно, Добби!

– Благодарю вас, мисс! – зубасто улыбнулся ей Добби. – Только большинство колдунов не хотят платить домовым эльфам, мисс. «Зачем нам такой домовый эльф?» – вот что они говорили и захлопывали дверь прямо у Добби перед носом! Добби любит работать, но он хочет носить одежду и чтобы ему платили, да, Гарри Поттер… Добби нравится свобода!

Весь штат домовых эльфов «Хогварца» попятился, словно узнав, что у Добби заразная болезнь. Одна Винки осталась где была, но рыдания ее сделались значительно громче.

– А потом, Гарри Поттер, Добби навестил Винки и узнал, что Винки тоже дали свободу, сэр! – восторженно вскричал Добби.

Тут Винки бросилась со стула на выложенный каменной плиткой пол и осталась лежать ничком. Она била кулаками и заходилась отчаянными криками. Гермиона рухнула перед ней на колени и попыталась успокоить, но никакие слова на Винки не действовали.

Добби продолжал свой рассказ, пронзительно перекрикивая истеричные вопли:

– А потом Добби пришла в голову мысль, Гарри Поттер, сэр! «А почему бы Добби и Винки не поискать работу вместе?» – сказал Добби. «Где же найдется работа сразу для двух домовых эльфов?» – спросила Винки. Тогда Добби стал думать и придумал, сэр! В

«Хогварце»! И вот Добби и Винки пришли к профессору Думблдору, сэр, и профессор Думблдор согласился нас принять!

Добби засиял, и его глаза опять наполнились счастливыми слезами.

– И профессор Думблдор сказал, что будет платить Добби, сэр, раз уж Добби хочет получать заработную плату! И теперь Добби свободный эльф, сэр, и Добби получает галлеон в неделю и один выходной день в месяц!

– Но это же очень мало! – возмущенно закричала с пола Гермиона. Рыдания и стук кулаков не прекращались.

– Профессор Думблдор предлагал Добби десять галлеонов и два выходных в неделю, – пояснил Добби, содрогаясь, будто перспектива подобного богатства и праздности его пугала, – но Добби сумел сбить цену, мисс... Добби любит свободу, мисс, но слишком много свободы ему не нужно, мисс, работу он любит больше.

– А сколько профессор Думблдор платит тебе, Винки? – ласково спросила Гермиона.

Она жестоко ошибалась, если рассчитывала приободрить Винки. Рыдания в самом деле прекратились, и бедняжка села, но ее огромные глаза на мокром лице заполыхали свирепой яростью.

– Винки, конечно, падший эльф, но не настолько, чтоб плату получать! – запищала она. – Винки никогда так не опустится! Винки стыдится своей свободы, как и подобает!

– Стыдится? – растерялась Гермиона. – Но... Винки, брось! Это мистер Сгорбс должен стыдиться, а не ты! Ты не сделала ничего дурного, это он вел себя с тобой ужасно...

Услышав такое, Винки ладошками приплюснула уши к чепчику, чтобы ничего не слышать, и заверещала:

– Вы не смеете оскорблять моего господина, мисс! Мистер Сгорбс хороший колдун, мисс! Мистер Сгорбс правильно уволил несчастную Винки!

– Винки плохо привыкает, Гарри Поттер, – доверительно проскрипел Добби. – Винки все время забывает, что больше не принадлежит мистеру Сгорбсу. Ей теперь позволено говорить что вздумается, но она не хочет.

– А домовые эльфы не могут говорить про своего хозяина то, что думают? – спросил Гарри.

– О нет, сэр, нет, – внезапно посерезнел Добби. – Таковы условия порабощения, сэр. Мы храним их секреты, и наше молчание, сэр, поддерживает честь семьи, и мы никогда не говорим о них дурно – хотя профессор Думблдор сказал Добби, что на этом не настаивает. Профессор Думблдор сказал, мы можем даже... можем...

Добби вдруг занервничал и поманил Гарри поближе. Гарри наклонился. Добби прошептал:

– Он сказал, мы можем даже называть его... старым маразматиком, если нам так нравится, сэр!

Добби испуганно захихикал.

– Только Добби так не хочет, Гарри Поттер, – он снова заговорил нормально и потряс головой, отчего уши захлопали по щекам. – Добби очень любит профессора Думблдора, сэр, и гордится тем, что хранит его секреты.

– А про Малфоев ты теперь можешь говорить все, что хочешь? – ухмыльнулся Гарри.

В огромных глазицах промелькнул страх.

– Добби... мог бы, – с сомнением ответил эльф. Он расправил узкие плечики. – Добби мог бы сказать Гарри Поттеру, что бывшие хозяева Добби... они... *плохие черные маги!*

Мгновение Добби стоял, дрожа с головы до ног, потрясенный собственной смелостью, – а потом бросился к ближайшему столу и начал биться об него головой с криками:

– *Плохой Добби! Плохой Добби!*

Гарри схватил его за галстук и оттащил от стола.

– Спасибо, Гарри Поттер, спасибо. – Добби задыхался и потирал голову.

– Тебе просто нужно тренироваться, – сказал Гарри.

– Тренироваться! – яростно взвизгнула Винки. – Стыдиться, вот что тебе нужно, Добби! Так говорить о своих хозяевах!

– Они мне больше не хозяева! – огрызнулся Добби. – Добби больше неинтересно их мнение!

– Ты плохой эльф, Добби! – простонала Винки, и по ее лицу снова потекли слезы. – Мой бедный, бедный мистер Сгорбс, что он будет делать без своей Винки? Я ему нужна, ему надо прислуживать! Я всю жизнь заботилась о Сгорбсах, и моя мать, и бабка... ох, что бы они

сказали, если б узнали, что Винки дали свободу! О, позор, какой позор! – Она зарылась лицом в юбку и завыла.

– Винки, – решительно заявила Гермиона, – я уверена, что мистер Сгорбс прекрасно справляется без тебя. Мы его недавно видели...

– Вы видели моего господина? – ахнула Винки, поднимая заплаканное лицо и вытаращивая на Гермиону огромные глаза. – Видели здесь, в «Хогварце»?

– Да, – ответила Гермиона. – Они с мистером Шульманом – судьи на Тремудром Турнире.

– И мистер Шульман здесь? – пискнула Винки и, к великому удивлению Гарри (да и Рона с Гермионой, судя по их лицам), снова рассердилась: – Мистер Шульман плохой колдун! Очень плохой! Мой господин его не любит, о нет, совсем не любит!

– Шульман – плохой? – удивился Гарри.

– О да – Винки часто закивала. – Мой господин доверял Винки секреты! Но Винки не расскажет... Винки хранит секреты господина...

И снова утонула в слезах; были слышны ее горькие всхлипы:

– Бедный, бедный хозяин, нет у него больше Винки, некому ему помочь!

Больше от Винки не удалось добиться ни единого разумного слова, и ее оставили плакать. Ребята допили чай под счастливую болтовню Добби о том, как хорошо ему живется свободным эльфом, и о планах относительно его денежных накоплений.

– В следующий раз Добби купит себе джемпер, Гарри Поттер! – радостно объявил он, показывая на голую грудь.

– Знаешь что, Добби, – проговорил Рон, проникшийся к эльфу большой симпатией, – я подарю тебе тот, что мама связывает мне на Рождество, – она их всегда вязет. Тебе нравится свекольный цвет?

Добби был в восторге.

– Может, придется его немного усадить, чтобы он был тебе как раз, – продолжил Рон, – но к твоей чайной бабе очень подойдет.

Когда ребята собирались уходить, толпа эльфов сгрудилась вокруг, предлагая взять с собой угощение. Гермиона отказалась, с болью глядя, как они кланяются и делают реверансы, а Гарри с Роном набили карманы кремовыми пирожными и пирожками.

– Большое спасибо! – поблагодарил Гарри эльфов, провожавших гостей до двери. – Увидимся, Добби!

– Гарри Поттер… а можно Добби иногда будет приходить? – робко спросил эльф.

– Конечно, можно, – ответил Гарри, и Добби просиял.

– Знаете что? – обратился к друзьям Рон, когда они поднимались по лестнице в вестибюль. – Я все эти годы восхищался Фредом и Джорджем, как лихо они таскают с кухни еду, – а оказывается, это раз плюнуть! Они там только рады ее раздавать!

– Мне кажется, это лучшее, что могло случиться с эльфами, – сказала Гермиона на мраморной лестнице. – Что Добби получил здесь работу. Эльфы увидят, как ему хорошо, что он свободен, и постепенно до них дойдет, что и им тоже нужно освободиться!

– Будем надеяться, они не станут сильно приглядываться к Винки, – отозвался Гарри.

– О, она утешится, – заверила Гермиона, хоть и не без сомнения. – Первый шок пройдет, она привыкнет к «Хогварцу» и сразу поймет, насколько ей лучше без этого Сгорбса.

– А по-моему, она его любит, – невнятно пробурчал Рон (он только что приступил к пирожному).

– Зато не любит Шульмана, а? – добавил Гарри. – Интересно, что такого говорил про него Сгорбс дома?

– Например, что он плохо управляет своим департаментом, – ответила Гермиона, – и, если смотреть правде в глаза… такое мнение небезосновательно.

– И все-таки я бы лучше работал на него, чем на Сгорбса, – заявил Рон. – У Шульмана хоть чувство юмора есть.

– Главное, чтобы Перси тебя не услышал, – слегка улыбнулась Гермиона.

– А чего такого? Перси так и так не хотел бы работать на человека с чувством юмора. – Рон приступил к шоколадному эклеру. – Перси не распознал бы шутку, даже если б она танцевала перед ним голая в чайной бабе Добби.

Глава двадцать вторая

Неожиданное испытание

— Поттер! Уизли! *Вы будете слушать или нет?!* — хлыстом прорезал тишину раздраженный голос профессора Макгонаголл на занятиях по превращениям в четверг. Гарри с Роном подпрыгнули на месте и подняли глаза.

Урок почти закончился. Все уже было сделано: морские чайки, которых они превращали в морских свинок, заперты в большой клетке на столе профессора Макгонаголл (свинка Невилла щеголяла чудесным оперением); домашнее задание («Покажите на конкретных примерах, как адаптировать трансформационные заклятия при межвидовом превращении») переписано с доски. Колокол прозвонит с минуты на минуту, и Гарри с Роном, застигнутые врасплох на задней парте посреди фехтовального поединка фальшивыми палочками Фреда с Джорджем, подняли глаза — у Рона в руке жестяной попугай, у Гарри — резиновая селедка.

— Раз Поттер и Уизли соблаговолили повести себя сообразно возрасту, — профессор Макгонаголл ожгла их сердитым взглядом, а голова селедки поникла и беззвучно упала на пол — ее откусил Ронов попугай, — я должна сделать объявление. Приближается Рождественский бал — традиционное мероприятие Тремудрого Турнира, а кроме того, прекрасная возможность для всех нас ближе познакомиться с иностранными гостями. На бал допускаются школьники с четвертого класса — хотя при желании вы можете пригласить и младших...

Лаванда Браун пронзительно хихикнула. Парвати Патил с силой пихнула ее под ребра, сама усиленно работая лицевыми мышцами, чтобы победить смех. Обе они обернулись к Гарри. Профессор Макгонаголл не обратила на девочек внимания, что, по мнению Гарри, было в высшей степени несправедливо — ведь им с Роном она только что сделала выговор.

— Форма одежды — парадная, — продолжала профессор Макгонаголл. — Бал состоится в Рождество в Большом зале, начнется в восемь вечера и продлится до полуночи. И вот еще что... — Профессор Макгонаголл со значением обвела глазами класс. — На Рождественском балу допускаются некоторые вольности... можно... э-э-э... распустить волосы... и вообще, — неодобрительно закончила она.

Лаванда захихикала еще сильнее, зажимая рот ладошкой. На сей раз Гарри понял, что смешного: профессор Макгонаголл со своим тугим пучком никак не походила на человека, который, находясь в здравом уме, способен вольно распустить волосы.

— Но это НЕ означает, — снова заговорила профессор Макгонаголл, — что мы готовы опустить планку требований, которые наша школа предъявляет к своим учащимся. Я буду крайне недовольна, если ученики «Гриффиндора» как-либо опорочат свой колледж.

Ударил колокол, и в классе началась суета: все спешно собирали вещи и закидывали рюкзаки на спины.

Перекрикивая шум, профессор Макгонаголл позвала:

— Поттер! На пару слов, пожалуйста.

Предполагая, что с ним будут беседовать о несчастной безголовой сельди, Гарри поплелся к учительскому столу.

Профессор Макгонаголл подождала, пока все разойдутся, а затем сказала:

— Поттер, чемпионы и их партнеры...

— Какие партнеры? — перебил Гарри.

Профессор Макгонаголл посмотрела на него с подозрением, видимо подумав, что это он шутит.

— На Рождественском балу, Поттер, — холодно ответила она. — *Партнеры по танцам.*

У Гарри все внутри перевернулось и завязалось узлом.

— По танцам? — Он почувствовал, что неудержимо краснеет. — Я не умею танцевать, — выпалил он.

— Умеете, умеете, — ворчливо сказала профессор Макгонаголл. — Слушайте дальше. По традиции Рождественский бал открывают чемпионы и их партнеры.

Гарри тут же представил себя во фраке и цилиндре рядом с девушкой в платье с оборочками, вроде тех, что тетя Петуния надевала

на конторские вечера в фирме дяди Вернона.

– Я не танцую, – повторил он.

– Это традиция, – отрезала профессор Макгонаголл. – Вы чемпион «Хогварца», представитель школы, и должны выполнять все, что положено. Поэтому, Поттер, вы обязаны найти партнершу.

– Но... я не...

– Я все сказала, Поттер, – весьма непрекаемо произнесла профессор Макгонаголл.

Неделю назад Гарри сказал бы, что по сравнению с венгерским хвосторогом поиск партнерши – ерунда на постном масле. Но теперь, когда встреча с драконом осталась позади и нависла необходимость приглашать на бал какую-то девчонку, Гарри предпочел бы второй тур сражения с чудовищем.

Еще никогда списки остающихся в школе на рождественские каникулы не бывали такими длинными. Гарри оставался всегда – иначе ему приходилось бы проводить каникулы на Бирючинной улице, – но обычно таких, как он, было мало. А в этом году оставались все, начиная с четвероклассников и старше, причем все они, по мнению Гарри, дружно помешались на предстоящем бале – девочки уж точно, и внезапно оказалось, что девочек в «Хогварце» немыслимое количество; раньше Гарри этого почему-то не замечал. Девочки хихикали и шептались по углам; девочки заливались пронзительным смехом при виде мальчиков; девочки делились соображениями о том, что они наденут в рождественский вечер...

– И чего они всегда стайками? – спросил у Рона Гарри, когда мимо них, фыркая, продефирировала дюжина девочек. Все до единой пялились на Гарри. – Как, спрашивается, отловить кого-нибудь в одиночестве и пригласить?

– Лассо? – предложил Рон. – А ты уже выбрал кого?

Гарри не ответил. Он прекрасно знал, кого хотел бы пригласить, но вот решиться... Что на год старше, она очень хорошенъкая, превосходно играет в квидиши и вообще пользуется большой популярностью...

Рон, похоже, догадывался, что творится с Гарри.

– Слушай, у тебя не будет проблем. Ты чемпион, только что победил дракона. Спорим, они на тебя в очередь записываются?

Во имя недавно восстановленной дружбы Рон снизил уровень зависти в голосе до еле заметного минимума. И кроме того, к вящему изумлению Гарри, оказалось, что Рон прав.

Назавтра же его пригласила на бал кудрявая третьеклассница из «Хуффльпuffа», с которой Гарри ни разу не перемолвился и словом. Гарри так перепугался, что, не успев даже задуматься, ответил «нет». Девочка ушла обиженнная, а Гарри всю историю магии терпел подколки Дина, Шеймаса и Рона. На следующий день к нему обратились еще две девочки, второклассница и (о ужас!) пятиклассница. Последняя подошла с таким видом, будто намеревалась дать ему по морде, если он откажется.

— А она, между прочим, ничего, — признал Рон, отсмеявшись.

— Она же на фут выше меня, — пролепетал Гарри, все еще не в себе от потрясения. — Представляю, как бы мы с ней выглядели на балу.

Ему вспоминались слова, сказанные Гермионой о Круме: «Они бегают за ним только потому, что он знаменитость!» Гарри очень сомневался, что все эти девочки захотели бы пойти с ним на бал, не будь он чемпионом. А потом задумался: волновало бы его это, если бы его пригласила Чо?

В целом следовало признать, что, после того как он благополучно покончил с первым испытанием, жизнь явно наладилась — даже если учесть новую неприятность, а именно бал. В коридорах дразнили гораздо меньше, и этим, подозревал Гарри, он был во многом обязан Седрику, — похоже, тот в благодарность за подсказку о драконе велел хуффльпuffцам оставить Гарри в покое. Значки «Болей за СЕДРИКА ДИГГОРИ» тоже попадались реже. Драко Малфой, разумеется, не переставал при каждом удобном случае цитировать статью Риты Врите, но публика откликнулась все равнодушнее — а что еще приятнее, в «Оракуле» так и не появилось статьи об Огриде.

— По правде сказать, не больно-то ей было интересно про всяких существ, — признался Огрид, когда перед каникулами, на последнем занятии по уходу за магическими существами Гарри, Рон и Гермиона поинтересовались, как прошло интервью с Ритой. К величайшему облегчению всего класса, Огрид больше не настаивал на прямых контактах с драклами, и сегодня все спокойно сидели позади хижин за деревянным столом и готовили новое меню, которое должно было раздразнить аппетит этих тварей. — Она про тебя выведывала, Гарри, —

вполголоса продолжал Огрид. – Ну я ей и рассказал, что мы давно друзья, с той самой поры, как я тебя от Дурслеев забирал. «И за все четыре года вам ни разу не приходилось его ругать?» – это она спрашивает. Нет, говорю, да только это ей, кажется, не по нраву пришлось. Думала, я скажу, дескать, ты ужас что такое.

– Ну еще бы, – подтвердил Гарри, бросив пригоршню драконьей печеньки в большой металлический таз и взяв со стола нож, чтобы нарезать еще. – А то сколько можно писать о бедном трагическом герое? Это скучно.

– Ей нужен новый ракурс, Огрид, – поучительно произнес Рон, облупляя скорлупу с саламандровых яиц. – Надо было признаться, что Гарри – малолетний маньяк.

– Какой же он маньяк! – Огрид был искренне шокирован.

– Взяла бы интервью у Злея, – буркнул Гарри. – Он бы такого порассказал. «Поттер упорно нарушает все возможные правила с первого дня...»

– Это он так говорил? – спросил Огрид, а Рон с Гермионой засмеялись. – И то, бывает, ты правила обходишь... но вообще-то ты у нас молодец.

– Твое здоровье, – ухмыльнулся ему Гарри.

– А ты на бал придешь, а, Огрид? – поинтересовался Рон.

– Может, и приду, чего ж нет, – пробасил Огрид. – Должно быть знатно. Гарри, ты открываешь танцы? Кого пригласишь-то, знаешь уже?

– Пока нет. – Гарри почувствовал, что снова заливается краской. Развивать тему Огрид не стал.

В последнюю неделю семестра школа прямо бурлила – чем дальше, тем больше. Повсюду носились слухи о Рождественском бале, хотя Гарри не верил и половине из них – скажем, тому, что Думблдор закупил у мадам Росмерты восемьсот баррелей глинтмеда. Но то, что он ангажировал знаменитых «Чертовых сестричек», вроде было истинной правдой. Кто или что такое «Чертовы сестрички», Гарри понятия не имел, у него никогда не было колдовского радио, но, по безумному ажиотажу среди тех, кто вырос, регулярно слушая КВН («Канал Волшебных Новостей»), он заключил, что это ужасно популярная музыкальная группа.

Некоторые учителя, например маленький профессор Флитвик, оставили попытки обучать детей, когда их мысли явно где-то витают; в среду он разрешил играть в игры и почти весь урок беседовал с Гарри о том, как идеально тот выполнил призывное заклятие на первом испытании. Другие учителя благородничать не собирались. Так, профессора Биннза ничто не могло отвратить от тщательного перепахивания конспектов о восстаниях гоблинов – ему и собственная смерть не помешала учительствовать, что уж говорить о такой мелочи, как Рождество. Удивительно, но Биннзу удавалось даже о кровавых злодейских бунтах рассказывать так, что они выходили скучнее отчета Перси о днищах котлов. Профессор Макгонаголл и Хмури заставляли класс работать до последней секунды, а Злей, разумеется, скорее усыновил бы Гарри, чем позволил играть у себя на уроке. С премерзким видом оглядев класс, он уведомил всех, что на последнем уроке триместра даст контрольную по противоядиям.

– Злыдень, вот кто он такой, – горестно вздохнул вечером Рон в гриффиндорской гостиной. – Устроить контрольную на самом последнем уроке. Испортить последние денечки дурацким повторением.

– Ммм… нельзя сказать, чтобы ты перенапрягался, – заметила Гермиона, взглянув на него поверх пергамента по зельеделию. Рон сосредоточенно строил домик из колоды карт-хлопушек – по сравнению с мугловыми картами занятие куда интереснее, потому что все сооружение в любую секунду могло взорваться.

– Рождество же, Гермиона, – лениво проговорил Гарри; сидя в кресле у камина, он в десятый раз перечитывал «Полеты с «Пушками»».

Гермиона и его одарила свирепым взглядом:

– А ты мог бы заняться чем-нибудь *поконструктивнее*, даже если не хочешь повторять противоядия!

– Например? – небрежно полюбопытствовал Гарри, увлеченно наблюдая, как игрок «Пушек» Джои Дженкинс запускает Нападалу в Охотника «Недотепских нетопырей».

– А яйцо? – прошипела Гермиона.

– Да ладно тебе, до двадцать четвертого февраля еще куча времени! – отмахнулся Гарри.

Золотое яйцо было спрятано в сундуке, и после вечеринки в честь первого испытания Гарри ни разу яйца не открывал. В конце концов, на загадку скрипучего завывания осталось еще два с половиной месяца.

— А вдруг тебе понадобится много недель! — воскликнула Гермиона. — Представь, все будут знать разгадку, а ты нет! Это же каким идиотом ты выставишься!

— Оставь его в покое, Гермиона, он заслужил отдых, — вмешался Рон, установил последние две карты на вершину карточного домика, и сооружение немедленно взорвалось, опалив ему брови.

— Отлично выглядишь, Рон… это пойдет к твоей парадной мантии!

Явились близнецы и сели за столик к ребятам. Рон на ощупь определял нанесенный бровям ущерб.

— Рон, можно взять Свинринстеля? — попросил Джордж.

— Нет, он улетел с письмом, — ответил Рон. — А зачем вам?

— Джордж хочет пригласить его на бал, — съязвил Фред.

— Письмо надо послать, тушица ты невозможная, — объяснил Джордж.

— Кому это вы все пишете, а? — спросил Рон.

— Носик прочь от наших дел, а то я тебе и его опалю, — пригрозил Фред, помахав палочкой. — Итак… нашли уже себе партнерш?

— Не-а, — ответил Рон.

— Поторопитесь, друзья, хороших быстро разбирают, — усмехнулся Фред.

— А сам с кем пойдешь? — полюбопытствовал Рон.

— С Ангелиной, — без тени смущения тут же ответил Фред.

— Как? — Новость застигла Рона врасплох. — Ты ее уже пригласил?

— Хороший вопрос, — заметил Фред. Он повернул голову и крикнул через всю гостиную: — Эй! Ангелина!

Ангелина, болтавшая у камина с Алисией Спиннет, посмотрела на него.

— Что?! — крикнула она в ответ.

— Пойдешь со мной на бал?

Ангелина оценивающе его оглядела.

— Ну давай, — согласилась она, повернувшись к Алисии и продолжила беседу, слегка улыбаясь.

— Вот так, — сказал Фред Гарри и Рону, — дело в шляпе.

Потом встал, зевнул и прибавил:

– Пошли, Джордж, возьмем школьную сову...

Близнецы отбыли. Рон перестал щупать брови и поверх дымящихся останков карточного домика поглядел на Гарри.

– Надо бы нам поторопиться... пригласить кого-нибудь. Фред прав. Мы же не хотим остаться с парочкой троллих.

Гермиона от возмущения чуть не подавилась.

– Простите, с парочкой... кого?

– Ну, сама понимаешь, – пожал плечами Рон, – лучше в одиночестве, чем с... ну, скажем, с Элоизой Мошкар.

– Между прочим, прыщи у нее уже проходят – и потом, она очень милая!

– У нее нос набок, – отрезал Рон.

– Ах вот как! – взвилась Гермиона. – Понимаю! То есть лучше пригласить самую симпатичную из тех, кто согласится, даже если она клиническая идиотка?

– Ммнэ-э... примерно так, – ответил Рон.

– Я иду спать, – рявкнула Гермиона и, не сказав больше ни слова, бросилась к лестнице в спальню девочек.

В это Рождество преподавательский состав «Хогварца» вознамерился показать иностранным гостям замок в наилучшем виде. Такой красоты здесь еще не бывало. Перила мраморной лестницы запорошили нетающие снежинки; ежегодные двенадцать елок в Большом зале были увешаны всеми возможными украшениями, от светящихся ягод остролиста до живых и ухающих золотых сов. Рыцарские доспехи заколдовали, и, стоило к ним приблизиться, они начинали исполнять рождественские гимны. Это было что-то – вдруг услышать из-под пустого шлема, нетвердо знающего слова: «Придите, все верующие». Смотрителю Филчу несколько раз приходилось извлекать из доспехов Дрюзга – тот повадился там прятаться и заполнял промежутки лирикой собственного сочинения и редкого похабства.

А Гарри до сих пор не пригласил Чо. Они с Роном уже сильно нервничали, хотя, по справедливому замечанию Гарри, Рон без партнерши выглядел бы отнюдь не так глупо, как он сам, – ведь Гарри вместе с остальными чемпионами предстоит открывать бал.

– На крайний случай всегда есть Меланхольная Миртл, – хмуро проворчал он, вспомнив привидение, явившееся в туалете для девочек на втором этаже.

– Гарри! Надо сжать зубы и сделать рывок, – объявил Рон в пятницу утром таким тоном, будто им предстояло штурмовать неприступную крепость. – Давай договоримся – вечером мы вернемся в спальню, уже зная, с кем идем на бал, хорошо?

– Ммм... хорошо, – сказал Гарри.

Но всякий раз, когда он встречал Чо – на переменах, потом за обедом и один раз по дороге на историю магии, – ее окружали друзья. Она вообще *куда-нибудь* ходит одна? Может, устроить на нее засаду по дороге в туалет? Но нет – она и туда ходила с эскортом из четырех-пяти подружек. А ведь если не застолбить ее сейчас, ее неизбежно пригласит кто-то другой.

На контрольной по противоядиям Гарри не мог сосредоточиться и забыл добавить главное – безоаровый камень, – чем, видимо, обеспечил себе низший балл. Впрочем, наплевать; сейчас важнее всего набраться наконец смелости и совершить подвиг. Едва прозвонил колокол, он схватил рюкзак и бросился к выходу из подземелья.

– Встретимся за ужином, – бросил он на бегу Рону с Гермионой.

Он просто попросит Чо на пару слов, и все дела... Гарри несся по людным коридорам, повсюду ее разыскивая и (гораздо раньше, чем ожидал) наткнулся на нее, когда она выходила из аудитории защиты от сил зла.

– Э-э... Чо? Можно с тобой поговорить?

Все эти хиханьки надо запретить законом, в ярости подумал Гарри. Девочки, окружавшие Чо, прыснули. Но не она сама. Она сказала: «Хорошо» – и отошла за ним на безопасное расстояние, чтобы их не услышали ее одноклассницы.

Гарри повернулся к Чо, и у него в животе все как-то странно подпрыгнуло, будто он шагнул мимо ступеньки на лестнице.

– Э-э-э, – начал он.

Он не мог этого произнести. Просто не мог. Но сказать необходимо. Чо смотрела на него, молча недоумевая.

Слова вырвались изо рта раньше, чем Гарри успел построить в уме фразу:

– Йдешсомойабал?

– Прости? – не поняла Чо.

– Ты... не хотела бы... пойти со мной на бал? – спросил Гарри. С какой, ну с какой стати ему понадобилось краснеть именно сейчас? *С какой стати?*

– Ой! – тихо воскликнула Чо и тоже покраснела. – Ой, Гарри, мне очень жаль, – похоже, ей и вправду было очень жаль. – Меня уже пригласили.

– А, – сказал Гарри.

Странно, секунду назад внутренности извивались как змеи, а сейчас вдруг куда-то исчезли.

– Ну ничего, – совладал с собой он, – все нормально.

– Мне очень жаль, – повторила Чо.

– Да ладно, – сказал Гарри.

Они постояли, глядя друг на друга, а потом Чо выговорила:

– Ну тогда...

– Да, – кивнул Гарри.

– Тогда пока, – пробормотала Чо, все еще очень красная. И ушла.

Не успев себя остановить, Гарри крикнул ей вслед:

– А с кем ты идешь?!

– О... с Седриком, – ответила она. – С Седриком Диггори.

– А, понятно, – сказал Гарри.

Внутренности вернулись на место. Пока их не было, кто-то заполнил их свинцом.

Напрочь забыв про ужин, Гарри поплелся в гриффиндорскую башню. При каждом шаге в голове эхом звучали слова Чо: «С Седриком – с Седриком Диггори». В последнее время Седрик ему уже нравился – Гарри готов был даже забыть о поражении в квидишином матче, которое потерпел из-за Седрика, забыть, что Седрик очень симпатичный, всеобщий любимец и настоящий чемпион. А сейчас внезапно осознал, что Седрик – никчемный красавчик, и мозгов у него только в подставку для яиц залить, и еще место останется.

– Моргающие феи, – пробубнил он скучно, подходя к Толстой Тете, – пароль вчера сменили.

– Да, красота! – в восторге закричала Тетя, разглаживая на голове новенький ободок из елочного дождя, после чего открылась и пропустила его.

Войдя в гостиную, Гарри огляделся и с удивлением увидел Рона. Тот сидел в дальнем углу с пепельно-серым лицом. Джинни сидела рядом и, кажется, тихо его успокаивала.

– В чем дело? – подойдя, спросил Гарри.

Рон воззрился на него в слепом ужасе.

– Зачем я это сделал? – дико вопросил он. – Я не понимаю, что меня заставило!

– Что сделал? – не понял Гарри.

– Он... мmm... только что пригласил Флёр Делакёр на бал, – объяснила Джинни. Она как будто еле-еле сдерживала улыбку, хотя и не переставала сочувственно похлопывать Рона по руке.

– *Что?!* – не поверил Гарри.

– Я не понимаю, что меня заставило! – в ужасе повторил Рон. – Что на меня нашло? Там было полно народу – толпа! – я рехнулся – все видели! Я шел мимо по вестибюлю – она стояла и разговаривала с Дигори – и тут на меня накатило – и я пригласил ее!

Рон застонал и спрятал лицо в ладонях. И продолжал, хотя слова с трудом можно было разобрать:

– Она посмотрела на меня как на червяка! Даже не ответила. А потом – не знаю – я вроде как очухался и убежал.

– Она частично вейла, – сказал Гарри. – Ты был прав – у нее бабушка вейла. Так что ты не виноват – когда ты проходил мимо, наверняка она старалась околодовать Дигори, а тебе досталось случайно – только она зря старается. Он идет с Чо Чан.

Рон вопросительно поднял глаза.

– Я ее только что пригласил, – бесцветно пояснил Гарри, – и она мне сказала.

С лица Джинни сбежала улыбка.

– Что за бред! – воскликнул Рон. – Мы одни тут без партнерш – ну и еще Невилл. Кстати – угадай, кого пригласил он? Гермиону!

– *Что?!* – вскричал Гарри. Эта пугающая новость совершенно отвлекла его от переживаний.

– Вот так-то! – Рон засмеялся и вновь слегка порозовел. – Он мне после зельеделия признался! Говорит, она всегда такая добрая, помогает ему с уроками и все прочее – но она ему сказала, что идет с кем-то еще. Ха! Кто поверит! Она просто не хотела идти с Невиллом... ну, то есть... а кто бы пошел?

– Замолчи! – вспылила Джинни. – Не смейся над ним…

Тут в портретную дыру влезла Гермиона.

– Вы почему не были на ужине? – поинтересовалась она.

– Потому что – ой, да хватит ржать! – потому что им обоим отказали девочки, которых они пригласили на бал! – сообщила Джинни.

Рон с Гарри мгновенно умолкли.

– Спасибо огромное, Джинни, – кисло процедил Рон.

– Значит, Рон, всех красивых разобрали? – высокомерно бросила Гермиона. – Элоиза Мошкар хорошеет на глазах, а? Ну, я не сомневаюсь, что уж *кого-нибудь где-нибудь* вы себе найдете.

Но Рон уставился на Гермиону так, будто внезапно увидел ее в абсолютно новом свете.

– Слушай, Гермиона, а ведь Невилл прав – ты же тоже *девочка*…

– Какое верное наблюдение, – ядовито заметила она.

– Ну так – ты могла бы пойти с кем-то из нас!

– Нет, не могла бы, – огрызнулась Гермиона.

– Ладно, брось, – нетерпеливо отмахнулся Рон, – нам же нужны партнерши, без них мы будем как идиоты, у всех будут…

– Я не смогу пойти с вами, – повторила Гермиона, вдруг вспыхнув, – потому что меня уже пригласили.

– Ничего тебя не пригласили! – закричал Рон. – Ты это сказала, только чтоб отделаться от Невилла!

– Да неужели? – переспросила Гермиона, и ее глаза угрожающе сверкнули. – Если *тебе*, Рон, потребовалось три года, чтобы заметить, что я – девочка, это еще не значит, что и остальные – тоже тормоза!

Рон воззрился на нее. А потом снова заулыбался.

– Хорошо, хорошо, ты – девочка, мы в курсе, – произнес он. – Довольна? Теперь пойдешь?

– Я же сказала! – рассердилась Гермиона. – Меня уже пригласили!

И бросилась к спальням девочек.

– Она врет, – уверенно заявил Рон, глядя ей вслед.

– Нет, – тихо возразила Джинни.

– И кто же ее пригласил? – резко спросил Рон.

– Я вам не скажу, это ее дело, – ответила Джинни.

– Отлично. – Рон совсем пал духом. – Это уже какой-то идиотизм. Джинни, *ты* можешь пойти с Гарри, а я тогда просто…

— Я не могу, — сказала Джинни и тоже запунала. — Я иду с... с Невиллом. Когда Гермиона отказалась, он пригласил меня, а я подумала... ну... иначе я ведь не смогу пойти, я же еще не в четвертом классе. — Она ужасно расстроилась. — Я... на ужин, — и, повесив голову, побрела к дыре.

Рон вытаращенными глазами посмотрел на Гарри:

— Что на них на всех нашло?

Но Гарри увидел, что в гостиную только что влезли Парвати и Лаванда. Пришло время для решительных действий.

— Подожди здесь, — велел он Рону, встал, направился прямо к Парвати и сказал: — Парвати? Хочешь пойти со мной на бал?

С Парвати случился припадок хихиканья. Гарри терпеливо пережидал его, скрестив пальцы в кармане.

— Да, ладно, пойдем, — наконец ответила она, жутко покраснев.

— Спасибо, — с облегчением выдохнул Гарри. — Лаванда? А ты пойдешь с Роном?

— Она идет с Шеймасом, — ответила за нее Парвати, и обе снова захихикали.

Гарри вздохнул.

— А ты не знаешь, кто бы мог пойти с Роном? — Он понизил голос, чтобы Рон не услышал.

— А Гермиона Грейндже? — спросила Парвати.

— Ее уже пригласили.

Парвати обомлела.

— О-о-о-о... а кто? — с живейшим интересом спросила она.

Гарри пожал плечами:

— Понятия не имею. Так что насчет Рона?

— Ну... — медленно проговорила Парвати, — наверное, моя сестра сможет... Падма, знаешь ее? Из «Вранзора». Я у нее спрошу.

— Это было бы здорово, — ответил Гарри. — Скажи мне тогда, что она ответит, ладно?

И пошел обратно к Рону, думая между тем, что этот дурацкий бал вовсе не стоит такой суэты, и от души надеясь, что нос у Падмы Патил расположен строго по центру.

Глава двадцать третья

Рождественский бал

Несмотря на то что четвероклассникам на каникулы задали немыслимую кучу домашних заданий, Гарри после окончания триместра так и не смог заставить себя заниматься и неделю до Рождества наслаждался жизнью вместе со всеми. Невзирая на каникулы, народу в гриффиндорской башне ничуть не убавилось; наоборот, казалось, сама башня уменьшилась, поскольку ее обитатели буйствовали куда больше, чем во время учебы. Громадным успехом пользовались «Канарейки с кремом» – первые дни каждую минуту кто-нибудь да покрывался перьями. Очень скоро, однако, народ приучился относиться к предлагаемым угождениям с чрезвычайной осторожностью, на случай, если «Канарейки» спрятаны внутри, и Джордж признался Гарри, что они с Фредом изобретают нечто новенькое. Гарри тут же сделал себе мысленную пометку не принимать от близнецов ничего, даже чипсов. Он до сих пор не мог забыть Дудли и помадку «Пуд-Язык».

Пушистый снег густо ложился на замок и двор. Бледно-голубая бэльстэксская карета рядом с запорошенным пряничным домиком, в который превратилась хижина Огрида, казалась огромной мороженой тыквой. Иллюминаторы дурмштранговского корабля заледенели, снасти побелели от мороза. Домовые эльфы превзошли себя, подавали сытное, горячее тушеное мясо, пряные пудинги – и только одна Флёр Делакёр находила поводы для недовольства.

– Эта еда такая тяжелая, – как-то раз услышали ее ворчание ребята, выходя после ужина из Большого зала (Рон прятался за Гарри, чтобы Флёр его не увидела). – Я не вльезу в пагадную мантию!

– Скажите пожалуйста, какая трагедия! – взорвалась Гермиона, когда Флёр вышла в вестибюль. – Не слишком ли много она о себе воображает, эта барышня?

– Гермиона, а с кем ты идешь на бал? – невпопад спросил Рон.

Он без конца задавал этот вопрос в самые неожиданные моменты, надеясь, что как-нибудь застанет Гермиону врасплох и тогда получит ответ. Гермиона же только нахмурилась и ответила:

– Не скажу, вы будете смеяться.

– Ты шутишь, Уизли? – вмешался Малфой, случайно оказавшийся сзади. – Только не говори, что кто-то решился пригласить *это* на бал? Это длиннозубое мугродье?

Гарри с Роном дружно развернулись, а Гермиона спокойно и громко сказала, помахав кому-то за спиной у Малфоя:

– Здравствуйте, профессор Хмури!

Малфой побледнел и шарахнулся, дико озираясь, – но Хмури все еще доедал тушеное мясо за учительским столом.

– Экий ты у нас трусливый хорек, Малфой, – уничтожающе бросила Гермиона, и они с Гарри и Роном хохоча зашагали по мраморной лестнице.

– Гермиона, – Рон, покосившись на нее, вдруг наморщил лоб, – а твои зубы...

– Что мои зубы? – спросила она.

– Ну... они как-то изменились... я только что заметил...

– Конечно, изменились – а ты хотел, чтоб я оставила себе эти Малфоевы бивни?

– Нет, в смысле они до его заклятия были не такие... они теперь... прямые и... и... нормального размера.

Гермиона вдруг очень хитро улыбнулась, и Гарри тоже заметил: эта улыбка совсем не походила на ту, что он помнил.

– Ну... я тогда пришла к мадам Помфри, чтобы их уменьшить, а она поставила зеркало и велела сказать, когда зубы станут как раньше, – объяснила Гермиона. – И я просто... остановила ее чуточку позже. – Она заулыбалась еще шире. – Мама с папой вряд ли обрадуются. Я уже миллион лет умоляла их позволить мне уменьшить зубы, а они хотели, чтоб я носила скобки. Они же зубные врачи, они считают, что зубы и магия – две вещи несовместимые... Смотрите-ка! Свинринтель вернулся!

На вершине запорошенных волшебным инеем перил частопречасто трепыхал крыльышками совенок с пергаментным свитком на лапе. Проходившие мимо школьники показывали на него пальцами и смеялись, а какие-то третьеклассницы остановились и закудахтали:

– Ой, какая крошка! Ну разве не *прелесть*!

– Дурак пернатый! – забормотал Рон, бросился вверх по лестнице и схватил птичку. – Письма надо носить прямо адресату, понял? А не представления тут устраивать!

Свинринтель, чья головка едва высовывалась из кулака Рона, ответил радостным уханьем. Третьякласницы были шокированы.

– Идите отсюда! – шуганул их Рон, замахиваясь кулаком со Свинринтелем. Тот так и зашелся от счастья. – Вот – держи, Гарри, – вполголоса добавил Рон. Третьякласницы с видом оскорбленного достоинства бросились прочь. Рон отвязал письмо Сириуса, Гарри спрятал пергамент в карман, и они поспешили в гриффиндорскую башню, чтобы поскорее прочитать.

Гриффиндорцы в общей гостиной так самозабвенно выпускали излишки каникулярного пара, что ничего кругом не замечали. Гарри, Рон и Гермиона сели подальше от остальных у темного окна, которое постепенно засыпал снег, и Гарри прочел:

Дорогой Гарри!

Поздравляю с победой над хвосторогом! Не знаю, кто поместил в Кубок Огня твою заявку, но сейчас он наверняка очень недоволен! Сам я хотел предложить конъюнктивитное заклятие, глаза у драконов – самое слабое место...

– Это то, что сделал Крум! – прошептала Гермиона.

...но ты придумал еще лучше, я просто в восторге.

Однако не расслабляйся, Гарри. Это было всего лишь первое испытание; если те, кто вовлек тебя в Турнир, хотят тебе навредить, то шансов еще хоть отбавляй. Гляди в оба – особенно когда рядом тот, о ком мы говорили, – и постарайся не вляпаться в неприятности.

Непременно пиши, особенно если произойдет что-то необычное.

Сириус

– Он прямо как Хмури, – тихо заметил Гарри, пряча письмо во внутренний карман. – «Неусыпная бдительность!» Можно подумать, я расхаживаю по школе с закрытыми глазами, натыкаясь на стены...

– Но он прав, – сказала Гермиона, – у тебя впереди еще целых *два* испытания. И тебе, знаешь, правда нужно подумать над яйцом, пора уже разбираться...

– Гермиона, у него впереди еще сто лет! – рявкнул Рон. – Хочешь в шахматы, а, Гарри?

– Давай, – согласился тот. Потом, заметив, какое у Гермионы лицо, добавил: – Да ладно тебе! Как мне, по-твоему, над ним думать в этом дурдоме? Я даже завываний не услышу.

– Да уж, не услышишь, – вздохнула она и села смотреть шахматную партию, которая завершилась тем, что Рон при посильном участии двух отчаянно храбрых пешек и одного очень кровожадного слона поставил Гарри блестящий мат.

В рождественское утро Гарри проснулся внезапно. Не понимая, чем вызвано такое резкое возвращение из мира грез, он открыл глаза и увидел, что на него из тьмы светят огромные и круглые зеленые фонари – очень близко, почти у самого носа.

– *Добби!* – вскричал Гарри, отшатнувшись от эльфа и чуть не упав с кровати. – Не делай так никогда!

– Добби извиняется, сэр! – виновато пропищал Добби, прижав длинные пальцы ко рту и отпрыгивая. – Добби только хотел сказать Гарри Поттеру: «Счастливого Рождства!» и вручить подарок, сэр! Гарри Поттер разрешил Добби иногда приходить в гости, сэр!

– Ладно, все нормально, – сказал Гарри. Он все еще учащенно дышал, но сердце уже успокаивалось. – Только – на будущее – толкни меня, что ли, не нависай так надо мной...

Гарри отдернул шторы балдахина, взял с тумбочки очки и надел. Его вопль разбудил Рона, Шеймаса, Дина и Невилла. Все они, встрепанные, с опухшими глазами, выглядывали сквозь щелочки в занавесках.

– На тебя кто-то напал, Гарри? – сонно спросил Шеймас.

– Нет, это Добби, – пробормотал Гарри, – спите дальше.

– Не-а… подарочки! – Шеймас заметил гору свертков в ногах своей постели.

Рон, Дин и Невилл тоже решили, что, раз уж они все равно проснулись, можно и заняться подарками. Гарри повернулся к Добби, нерешительно замершему у кровати, – тот все переживал, что огорчил Гарри. С петельки на чайной бабе свисала елочная игрушка.

– Можно Добби вручить свой подарок Гарри Поттеру? – робко спросил эльф.

— Конечно, — ответил Гарри. — А у меня... мmm... для тебя тоже кое-что есть.

Это была неправда, он ничего не купил для Добби, но, поспешному открыл сундук, вытащил оттуда скатанную в клубок пару носков тошнотного горчичного цвета. Самая старая пара, все в затяжках, — раньше они принадлежали дяде Вернону. А в затяжках были потому, что вот уже больше года Гарри заворачивал в них горескоп. Он вытащил горескоп и протянул Добби носки:

— Извини, забыл упаковать...

Но Добби возликовал.

— Из всей одежды Добби больше всего, больше всего любит носки, сэр! — вскричал он, снимая с ног свои, разные, и надевая новые. — У меня их уже семь, сэр... но, сэр... — Глаза эльфа расширились, когда он натянул носки до упора, то есть до шортов, — в магазине ошиблись, Гарри Поттеру дали два одинаковых!

— Какой ужас, Гарри, как же ты не заметил! — Рон ухмылялся со своей кровати, заваленной упаковочной бумагой. — Знаешь что, Добби, — вот — возьми еще эти два, и тогда получатся две правильные пары. А вот и твой свитер.

Он кинул Добби пару только что распакованных фиолетовых носков и свитер ручной работы — подарки от миссис Уизли.

Добби был просто потрясен.

— Сэр очень добрый! — пискнул он, и его глаза наполнились слезами. Он низко поклонился Рону. — Добби знал, что сэр, должно быть, великий колдун, поскольку сэр — лучший друг Гарри Поттера, но Добби не знал, что сэр так щедр, так благороден, так бескорыстен...

— Это всего лишь носки. — У Рона порозовели уши, но он тем не менее был очень доволен. — Ух ты, Гарри! — Он открыл подарок от Гарри, шляпу «Пуляющих пушек». — Здорово! — И нахлобучил шляпу на голову — по цвету она чудовищно не сочеталась с рыжими волосами.

Теперь настала очередь Добби протянуть Гарри сверточек, в котором оказались... носки.

— Добби сам связал, сэр! — объявил довольный эльф. — Он купил шерсть на свою зарплату, сэр!

Левый носок был ярко-красный, с узором из метел; правый — зеленый, с узором из Проныр.

— Они такие... просто очень... спасибо, Добби, — поблагодарили Гарри и надел носки, а Добби еще сильнее залучился от счастья.

— Добби должен идти, сэр, мы в кухне уже готовим рождественский ужин! — сообщил Добби и побежал из спальни, помахав на прощание Рону и остальным.

Другие подарки порадовали Гарри гораздо больше непарных носков — за исключением, разумеется, подарка от Дурслеев, бумажного носового платка. Пожалуй, ничего хуже они еще не дарили — видимо, тоже никак не могли забыть помадку «Пуд-Язык». Гермиона подарила книжку «Квидишные команды Британии и Ирландии», Рон — громадный пакет навозных бомб, Сириус — очень удобный ножичек с приспособлениями для открывания любых замков и развязывания любых узлов, а Огрид прислал немыслимых размеров коробищу с любимыми сладостями Гарри: всевкусными орешками Берти Ботта, шокогадушками, взрывачкой Друблиса и шипучими шмельками. Среди свертков был, конечно, и подарок от миссис Уизли — новый свитер (зеленый, с драконом на груди, — видимо, Чарли рассказал ей про хвосторога) и много-много сладких пирожков.

Гарри и Рон встретились с Гермионой в гостиной и вместе отправились на завтрак. Потом полдня они провели в гриффиндорской башне, где все возились со своими подарками, и снова пошли в Большой зал. Там был потрясающий обед — великое множество индеек, рождественских пудингов и большие стопки волшебных хлопушек.

После обеда ребята вышли во двор. Снежную целину нарушали лишь глубокие тоннели, прорытые бэльстэковцами и дурмштранговцами от своих обиталищ к замку. Гермиона не захотела играть в снежки с Гарри и братьями Уизли, понаблюдала, а в пять часов сказала, что ей пора возвращаться и готовиться к балу.

— И тебе нужно целых три часа? — Рон разинул рот и немедленно за это поплатился, получив по голове снежком Джорджа. — А с кем ты идешь?! — заорал он вслед удаляющейся Гермионе, но та лишь помахала и, поднявшись по каменной лестнице, скрылась в замке.

Чаепития сегодня не устраивали, потому что на балу планировался и пир; в семь вечера, когда стало трудно как следует прицеливаться, мальчики прекратили сражение и дружной толпой устремились в общую гостиную. Толстая Тетя сидела в своей раме с подругой

Виолеттой с цокольного этажа. Обе были уже изрядно навеселе. На полу картины валялась груда пустых коробок из-под шоколадных конфет с ликером.

— Фуа-гра еще имеем, то-то же! — хихикнула Толстая Тетя, услышав о моргающих феях, и открылась.

В спальне Гарри, Рон, Шеймас, Дин и Невилл переоделись в парадные мантии. Все они очень смущались, но особенно Рон, который с крайним отвращением озирал себя в большом зеркале в углу. Закрыть глаза на то, что его парадная мантия больше походила на женское платье, было невозможно. В отчаянной попытке придать ей мужественный вид, Рон применил к воротнику и манжетам обрывное заклятие. Сработало оно довольно удачно — во всяком случае, от кружев не осталось и следа, — но не очень аккуратно, и обтрепанные края сильно напоминали бахрому. С тем ему и пришлось отправиться вниз.

— Я так и не понял, как вам удалось заполучить двух самых симпатичных девочек параллели, — проворчал Дин.

— Животный магнетизм, — хмуро ответил Рон, выдергивая нитки из манжет.

В гостиной толпился народ — не в черном, как обычно, а весь разноцветный, и это было странно. Парвати дожидалась Гарри у подножия лестницы. Она и в самом деле была очень хорошенъкая в своей ярко-розовой мантии; в косе сверкало золото, на запястьях — золотые браслеты. Гарри с облегчением увидел, что она не хихикает.

— А ты... мmm... прекрасно выглядишь, — неловко произнес он.

— Спасибо, — кивнула Парвати. — Падма будет ждать тебя в вестибюле, — сказала она Рону.

— Ладно, — буркнул тот, озираясь. — А где Гермиона? Парвати пожала плечами.

— Ну что, пойдем вниз, Гарри?

— Пошли, — отозвался Гарри, больше всего на свете жалея, что нельзя остаться в общей гостиной, и направился к портретной дыре. Когда он проходил мимо Фреда, тот подмигнул.

Вестибюль тоже был полон школьников — они топтались в ожидании восьми часов, когда откроются двери в Большой зал. Те, чьи партнеры учились в других колледжах, рыскали в толпе в поисках друг

друга. Парвати нашла свою сестру Падму и подвела ее к Гарри с Роном.

– Привет, – сказала Падма, такая же хорошенъкая, как и Парвати, только в ярко-бирюзовом. Впрочем, общество Рона ее не обрадовало; она осмотрела его сверху донизу, и ее темные глаза с неодобрением задержались на бахромчатых краях воротника и манжет его парадной мантии.

– Привет, – бросил Рон, не глядя на нее, но озираясь вокруг. – Ой нет...

Он слегка согнул колени, чтобы спрятаться за Гарри, – мимо проплыла ослепительная Флёр Делакёр в одеждах серебристо-серого атласа, сопровождаемая капитаном квидишной команды «Вранзора» Роджером Дэйвисом. Когда они удалились, Рон выпрямился и снова заозирался.

– Ну где же Гермиона? – опять спросил он.

По лестнице из подземелья вышла компания слизеринцев. Шествие возглавлял Малфой; в черной бархатной мантии с высоким воротником он сильно смахивал на викария. Под руку с Малфоем, прильнув к нему, шла Панси Паркинсон в бледно-розовой оборчатой мантии. Краббе с Гойлом нарядились в зеленое и напоминали мшистые булыжники. Оба они, с удовольствием отметил Гарри, пары себе не нашли.

Распахнулись парадные дубовые двери. Все обернулись посмотреть, как входят учащиеся «Дурмштранга», ведомые профессором Каркаровым. Первым шел Крум с какой-то красивой девочкой в голубой мантии; Гарри ее не знал. Поверх голов дурмштранговцев он увидел, что часть газона перед замком превратилась в просторный грот, увешанный светящимися гирляндами, – тысячи настоящих живых фей сидели в наколдованных розовых кустах и висели, трепеща крыльшками, у статуй – кажется, Санта-Клауса и его оленей.

Затем раздался голос профессора Макгонаголл:

– Чемпионы, сюда, пожалуйста!

Сияющая Парвати поправила браслеты. Они с Гарри сказали Рону и Падме: «Увидимся позже» – и вышли вперед, а оживленно болтающая толпа перед ними раздавалась. Профессор Макгонаголл в парадной мантии из красной шотландки, на поля своей шляпы

водрузившая довольно уродливый венок из чертополоха, попросила их подождать у двери, пока пройдут все остальные. Процессия чемпионов и их партнеров вступит в зал, когда все рассядутся. Флёр Делакёр и Роджер Дэйвис стояли ближе всех к дверям. Дэйвис был так потрясен своей счастливой участью стать кавалером Флёр, что ни на миг не отрывал от нее глаз. Седрик и Чо тоже были рядом, и Гарри отвел взгляд, чтобы не пришлось с ними разговаривать. В результате он случайно посмотрел на девочку, пришедшую с Крумом. И у него отвисла челюсть.

Гермиона.

Но она совершенно не походила на себя. Она что-то такое сделала с волосами, отчего они больше не стояли дыбом, а были стянуты в блестящий, гладкий, элегантный узел на затылке. На ней была струящаяся мантия цвета барвинка, и держалась Гермиона как-то иначе – возможно, из-за того, что сейчас на плече у нее не висел рюкзак с двадцатью учебниками. И она улыбалась – да, очень нервно, конечно, – но уменьшение передних зубов сразу бросалось в глаза. Гарри не мог понять, как же он раньше не замечал.

– Привет, Гарри! – сказала она. – Привет, Парвати!

Парвати уставилась на Гермиону в нелестном изумлении. И не она одна. Когда открылись двери в Большой зал, мимо прошагал Крумов фан-клуб, по пути обдав Гермиону волнами глубочайшего презрения. Панси Паркинсон, пройдя мимо с Малфоем, потрясенно разинула рот, но даже ее спутник не нашелся, как оскорбить Гермиону. А вот Рон промаршировал мимо, на Гермиону даже не взглянув.

Как только в зале все уселись, профессор Макгонаголл велела чемпионам и их партнерам заходить парами. Они так и сделали, и зал зааплодировал, едва они вошли и медленно зашагали к большому круглому столу в конце зала, за которым сидели судьи.

Стены покрывал сверкающий серебристый иней; усеянный звездами черный потолок украшали сотни гирлянд из плюща и омелы. Столы колледжей исчезли, вместо них повсюду стояли освещенные фонариками столы поменьше – человек на двенадцать.

Гарри был сосредоточен на том, чтобы не споткнуться. Парвати, кажется, наслаждалась, посыпала всем вокруг сияющие улыбки и вела Гарри так властно, будто он собака на выставке. Подходя к главному

столу, он заметил Рона и Падму. Рон прищуренными глазами следил за Гермионой. Падма дулась.

При виде чемпионов Думблдор радостно заулыбался. Каркаров глядел на Крума и Гермиону с той же гримасой, что и Рон. Людо Шульман, по случаю праздника – в ярко-лиловой мантии с крупными желтыми звездами, аплодировал с энтузиазмом школьника; мадам Максим, сменившая форменное платье из черного атласа на сиреневое, из летучего шелка, вежливо хлопала. А мистера Сгорбса, вдруг понял Гарри, за столом не было. Пятый стул занимал Перси Уизли.

Когда чемпионы и их партнеры подошли к столу, Перси выдвинул соседний свободный стул и многозначительно посмотрел на Гарри. Тот понял намек и сел возле Перси, одетого в новую, с иголочки, парадную мантию цвета морской волны и истекавшего редкостным самодовольством.

– Меня повысили, – провозгласил он, не успел Гарри и рта раскрыть, и по его тону можно было подумать, что повысили не иначе как до Главного Правителя Вселенной. – Я теперь личный помощник мистера Сгорбса и здесь представляю его.

– А сам он почему не приехал? – спросил Гарри. Ему не улыбалось весь вечер слушать лекции про днища.

– К сожалению, мистер Сгорбс, боюсь, очень неважно себя чувствует, очень и очень неважно. С самого финала кубка. И неудивительно – он переутомлен. Он уже не так молод – хотя, разумеется, по-прежнему прекрасный руководитель, блестательный ум. Но организация финального матча оказалась полным фиаско для всего министерства, к тому же мистер Сгорбс пережил личное потрясение из-за неповиновения этого его домового эльфа, Блинки или как бишь ее. Естественно, он ее тут же уволил, однако – ну я же говорю, он не молодеет, за ним нужен уход, и мне кажется, после ее увольнения дома комфорт уж не тот. А нам тем не менее нужно было организовывать Турнир и исправлять последствия произошедшего на финале – эта отвратительная Вритер вилась вокруг нас как муха – нет, он, бедняга, заслужил спокойное, тихое Рождество. Он знает, что у него есть на кого положиться, есть кому заступить на его пост; мистер Сгорбс может быть спокоен, чему я очень рад.

У Гарри зачесался язык спросить у Перси, перестал ли уже мистер Сгорбс называть его «Уизерби», но он сдержался.

На золотых тарелках пока не было еды, а перед каждым прибором лежало маленькое меню. Гарри неуверенно взял карточку и осмотрелся – официантов не видно. Думбльдор, однако, внимательно изучил свое меню, а затем отчетливо сообщил своей тарелке:

– Свиная отбивная!

И появилась свиная отбивная. Уловив, как нужно действовать, все остальные за столом тоже сделали заказы своим тарелкам. Гарри покосился на Гермиону: интересно, как ей этот новый способ питания – он сложнее, из-за него у домовых эльфов наверняка значительно прибавилось работы, – но Гермиона, ради праздника, на время забыла про П.У.К.Н.И. Она оживленно беседовала с Виктором Крумом и едва ли замечала, что ест.

Гарри внезапно пришло в голову, что он никогда раньше не слышал, как Крум разговаривает, однако сейчас тот определенно разговаривал, причем с огромной охотой.

– Што ше, – говорил он Гермионе, – у нас тоще замок, не такой большой, как ваш, и не такой уютный. У нас всего шетыре эташа, а камины разжигаются только для волшебства. Но территория у нас больше – правда, зимой мы имеем ошен мало света и не мошем гулят. А вот летом мы летаем каштый ден, над озерами и горами…

– Виктор, Виктор! – одернул Каркаров с улыбкой, так и не достигшей его холодных глаз. – Не выдавай уж нас, пожалуйста, не то твоя очаровательная подруга сразу догадается, где нас искать!

Думбльдор улыбнулся, заблестев глазами:

– Игорь, вся эта конспирация… можно подумать, вы не рады гостям.

– Знаете, Думбльдор, – отозвался Каркаров, демонстрируя все свои желтые зубы до единого, – любому из нас свойственно защищать свои частные владения, не так ли? Не все ли мы ревниво охраняем палаты просвещения, вверенные нашему попечению? Не надлежит ли нам гордиться тем, что только нам одним известны секреты наших школ, не должны ли мы их сохранить?

– Что вы, Игорь, я и не мечтаю узнать все секреты «Хогварца», – дружелюбно возразил Думбльдор. – Вот сегодня утром, например, я не туда повернулся по дороге в уборную и оказался в великолепной комнате безупречной архитектуры, вместилище превосходной коллекцииочных горшков. А когда я потом вернулся, чтобы исследовать

повнимательнее, комната исчезла. Но я теперь буду следить. Возможно, доступ в нее открыт лишь в пять тридцать утра. А может, она появляется лишь при видимой четверти луны – или когда у тебя до отказа переполнен мочевой пузырь.

Гарри хрюкнул в гуляш. Перси нахмурился, но Гарри готов был дать голову на отсечение, что Думблдор едва заметно ему подмигнул.

Тем временем Флёр Делакёр, обращаясь к Роджеру Дэйвису, критиковала праздничное убранство «Хогварца».

– Это все пустяки, – уничижительно заявила она, обводя глазами сверкающие стены Большого зала. – У нас во двоюродце Бэльстэк в Гождество по всему обеденному залу гасставльены льедяные скульптуры. Коньечно, они не тают... Они как гомадные альмазные статуи и блистают. А еда просто великолепная! И нам поет сегенады ‘ог дгевесных нимф. И мы не имеем ужасных доспехов по стенам, а если бы полтеггейст вздумал явиться в Бэльстэк, его викинули бы вот *так!* – И она с силой хлопнула по столу ладонью.

Роджер Дэйвис слушал ее как завороженный и все время промахивался вилкой мимо рта. У Гарри создалось впечатление, что любование Флёр отнимает у Роджера остатки разума и он не понимает ни единого ее слова.

– Совершенно верно, – быстро поддакнул Роджер, тоже хлопая по столу, – вот *так!* Да.

Гарри оглядел зал. Огрид сидел за одним из преподавательских столов снова в своем кошмарном ворсистом костюме. Он неотрывно смотрел на главный стол. Гарри заметил, как он украдкой помахал, и, оглянувшись, увидел, что мадам Максим помахала в ответ, сверкнув опалами.

Гермиона теперь обучала Крума правильно произносить свое имя, а то он называл ее «Хермийона».

– Гер-ми-о-на, – медленно и четко говорила она.

– Херми – оун – нина.

– Ну почти что. – Она поймала взгляд Гарри и усмехнулась.

Когда пир подошел к концу, Думблдор встал и попросил учеников сделать то же самое. По мановению его палочки столы отлетели к стенам, освободив середину зала, а у правой стены он соорудил сцену. Там стояли ударная установка, несколько гитар, лютня, виолончель и волынка.

Под бешеные аплодисменты на сцену взошли «Чертовы сестрички» – с дикими копнами волос и в искусно разорванных черных мантиях. Они взяли инструменты, и Гарри, который с интересом следил за ними и на время забыл, что его ждет, вдруг заметил, как фонарики гаснут, а другие чемпионы и их партнеры поднимаются из-за стола.

– Вставай! – зашипела Парвати. – Нам сейчас танцевать!

Вставая, Гарри наступил на подол собственной мантии. «Чертовы сестрички» затянули печальную траурную мелодию; Гарри вышел на свет в середину зала, тщательно избегая взглядов (но увидел, как машут и ухмыляются Дин и Шеймас), а в следующее мгновение Парвати схватила его за руки – одну обвила вокруг своей талии, вторую цепко стиснула на отлете.

Могло быть хуже, думал Гарри, медленно вращаясь на месте (в танце вела Парвати). Он упорно смотрел поверх голов зрителей, а вскоре многие тоже вышли на освещенную площадку, и чемпионы перестали быть центром внимания. Рядом танцевали Джинни и Невилл – Джинни то и дело морщилась, когда Невилл наступал ей на ногу. Думбльдор вальсировал с мадам Максим. Рядом с ней он казался карликом – верхушка его остроконечной шляпы периодически щекотала ей подбородок, и все же для такой огромной женщины двигалась мадам Максим на удивление грациозно. Шизоглаз, в паре с профессором Синистрой, выделявал какой-то чрезвычайно неэлегантный тустеп; Синистра испуганно уворачивалась от деревянной ноги.

– Симпатичные носочки, Поттер, – пророкотал Хмури, оказавшись рядом. Его волшебный глаз смотрел сквозь подол Гарри.

– А? Да, это мне Добби связал, домовый эльф, – ухмыльнулся тот.

– Он такой жуткий! – шепотом воскликнула Парвати, когда Хмури уцокал подальше. – По-моему, этот его глаз надо запретить!

Тут Гарри с облегчением услышал последнюю дрожащую ноту волынки. «Чертовы сестрички» доиграли, зал вновь разразился рукоплесканиями, и Гарри поспешил отстранился от Парвати.

– Может, пойдем посидим?

– Ой – но – эта тоже очень хорошая! – возразила Парвати. «Чертовы сестрички» заиграли следующую песню, гораздо динамичнее.

— Нет, мне не нравится, — соврал Гарри и, мимо Фреда с Ангелиной, отплясывавших столь лихо, что люди шатались, опасаясь получить травму, увел Парвати с танцевальной площадки к столику, где сидели Рон и Падма.

— Как дела? — спросил Гарри у Рона, присаживаясь рядом и открывая бутылку усладэля.

Рон не ответил. Он гневно следил за Гермионой и Крумом, танцевавшими неподалеку. Падма сидела, скрестив руки и ноги. Одна ступня подергивалась в такт музыке. Периодически она бросала на Рона недовольные взгляды — на что Рон не обращал ни малейшего внимания. Парвати села подле Гарри, тоже скрестила руки-ноги и уже через пару минут была приглашена на танец мальчиком из «Бэльстэка».

— Ты не возражаешь, Гарри? — спросила она.

— Что? — не понял Гарри, наблюдавший за Чо и Седриком.

— Ничего! — рассердилась Парвати и удалилась со своим новым кавалером. Когда танец закончился, она не вернулась.

Подошла Гермиона и села на место Парвати. От танцев она порозовела.

— Привет, — сказал Гарри. Рон промолчал.

— Жарко, да? — Гермиона обмахивалась рукой. — Виктор пошел за напитками.

Рон бросил на нее испепеляющий взгляд.

— *Виктор?* — повторил он. — А он еще не просил называть его *Викки*?

Гермиона посмотрела с удивлением.

— Что это с тобой? — спросила она.

— Раз сама не понимаешь, — злобно огрызнулся Рон, — я тебе объяснять не намерен.

Гермиона взорвалась на него, потом на Гарри. Тот пожал плечами.

— Рон, в чем?..

— Он из «Дурмштранга», вот в чем! — взвился Рон. — Он выступает против Гарри! Против «Хогварца»! А ты... а ты... — Рон не сразу подобрал достаточно сильные слова, чтобы описать преступление Гермионы, — *братаетесь с врагом*, вот что ты делаешь!

Гермиона от изумления разинула рот.

– Ты что, с ума сошел? – произнесла она после паузы. – *С врагом!*
Ну честное слово! Кто из нас чуть с ума не сошел, когда он приехал?
Кто мечтал взять у него автограф? У кого в спальне стоит его фигурка?

Все это Рон решил проигнорировать.

– Он небось пригласил тебя, когда вы были в библиотеке?

– Совершенно верно. – Розовые пятна на щеках Гермионы загорелись ярче. – И?

– А что ты сделала? Попыталась завербовать его в *пукни*?

– Ничего подобного! Если уж ты *действительно* хочешь знать, он... он сказал, что ходил в библиотеку каждый день, чтобы поговорить со мной, но никак не мог решиться!

Все это Гермиона выпалила очень быстро и по-краснела так сильно, что стала под цвет парадной мантии Парвати.

– Ну, конечно, это его версия, – окрысился Рон.

– И что ты хочешь этим сказать?

– Все ведь очевидно? Он же ученик Каркарова? И он знает, с кем ты общаешься... Он просто хочет подобраться поближе к Гарри – чтобы получить о нем информацию *изнутри* или чтобы навести порчу...

Гермиона вздрогнула, как будто Рон ее ударил. Когда она наконец заговорила, голос у нее дрожал:

– Если хочешь знать, он *ни слова* не спросил у меня о Гарри, ни единого...

Рон со скоростью света выдвинул другую версию:

– Значит, он рассчитывает, что ты ему поможешь с этим яйцом! Вы небось уже не раз сидели голова к голове над этой загадочкой в уютненькой библиотечке!

– Я бы ни за что не стала помогать ему с загадкой! – рассвирепела Гермиона. – *Ни за что*. Как ты можешь говорить такое – я хочу, чтобы Турнир выиграл Гарри. И Гарри это прекрасно знает, правда, Гарри?

– Оно и видно, – раздул ноздри Рон.

– Сам Турнир устроен для того, чтобы мы познакомились и подружились с колдунами из других стран! – звонко сказала Гермиона.

– Нет! – заорал Рон. – Он устроен для того, чтобы выиграть!

На них уже оборачивались.

– Рон, – тихо сказал Гарри, – я не против, что Гермиона пришла с Крумом...

Рон и на него не обратил внимания.

– Почему бы тебе не пойти к своему Викки, он уж, поди, заждался! – язвительно выкрикнул он.

– *Не называй его Викки!* – Гермиона вскочила, бросилась прочь прямо по танцевальной площадке и скрылась в толпе.

Рон проводил ее взглядом, в котором мешались злость и удовлетворение.

– Ты вообще собираешься со мной танцевать? – спросила его Падма.

– Нет, – отрезал Рон, все еще яростно глядя Гермионе вслед.

– Отлично, – разозлилась Падма. Она встала и ушла к Парвати и бэльстэкскому мальчику, который волшебным образом призвал одного из своих друзей, причем с такой скоростью, что Гарри не сомневался: для этой цели использовалось призывное заклятие.

– А кте ше Херми-оун-нина? – раздался голос.

К их столику подошел Крум с двумя порциями усладэля.

– Понятия не имею, – набычился Рон. – Что, потерял?

Крум тоже помрачнел.

– Што ше, если увидите ее, перетайте, что я взял напитки, – попросил он и косолапо отошел.

– Подружился с Виктором Крумом, да, Рон?

К столу, потирая руки, вихрем подлетел в высшей степени помпезный Перси.

– Отлично! Это здесь главное – международное магическое сотрудничество!

К великому раздражению Гарри, Перси немедленно занял место Падмы. За судейским столом никого не было. Профессор Думбльдор танцевал со Спарж, Людо Шульман – с профессором Макгонаголл, вальсирующие Огрид и мадам Максим прорубали среди танцующих широкую просеку, а Каркарова нигде не было видно. Закончилась очередная песня. Все снова зааплодировали, и Гарри увидел, как Людо Шульман поцеловал руку профессору Макгонаголл и пошел назад сквозь толпу, где его и перехватили Фред с Джорджем.

– Они что, совсем с ума сошли, приставать к высшему составу министерства? – зашипел Перси, подозрительно наблюдая за братьями. – *Никакого уважения...*

Людо Шульман, однако, довольно быстро избавился от Фреда и Джорджа и, заметив Гарри, подошел.

– Надеюсь, мои братья не очень вам докучали, мистер Шульман? – сразу спросил Перси.

– Что? Ах, это! Нет, вовсе нет! – отмахнулся Шульман. – Нет, они просто рассказали мне кое-что еще об этих своих фальшивых палочках. Спрашивали совета по маркетингу. Я обещал связать их с нужными людьми в «Хохмазине Зонко»...

Перси отнюдь не порадовала эта информация, и Гарри готов был держать пари на что угодно: стоит ему добраться до дома, он немедленно доложит миссис Уизли. Значит, теперь амбиции близнецов сильно возросли, коль скоро они собрались продавать свою продукцию широкой публике.

Шульман открыл было рот, собравшись о чем-то спросить Гарри, но Перси опять вмешался:

– Как, по вашему мнению, проходит Турнир, мистер Шульман? *Наш* департамент вполне удовлетворен – разумеется, произошло с Кубком Огня, – он бросил взгляд на Гарри, – несколько прискорбно, но с тех пор все идет гладко, вы как считаете?

– О да, – весело подтвердил мистер Шульман, – все ужасно здорово. А как делишки у старины Барти? Жалко, что он не смог прийти.

– Я уверен, что мистер Сгорбс встанет на ноги в самое ближайшее время, – с важностью заявил Перси, – но пока что я вполне готов закрыть собой амбразуру. Разумеется, я не только балы посещаю, – он позволил себе легкомысленно усмехнуться, – ничего подобного, нужно заниматься делами, которые выплыли в его отсутствие, – вы слышали, что Али Башира поймали при попытке контрабандного ввоза в страну партии ковров-самолетов? Кроме того, мы пытаемся уговорить трансильванцев ратифицировать международный запрет на дуэли, после Нового года у меня назначена встреча с главой их департамента магического сотрудничества...

– Пойдем погуляем, – тихо предложил Рон, – подальше от Перси...

Притворившись, будто собирались за напитками, Гарри с Роном встали из-за стола, пробрались по краешку танцплощадки и выскользнули в вестибюль. Дубовые двери были настежь распахнуты, а в розовом саду мерцали и подмигивали гирлянды из фей. Гарри и

Рон спустились по парадной лестнице и зашагали красивыми тропинками среди растительности и больших каменных статуй. Где-то плескала вода – видимо, был фонтан. Тут и там на резных скамейках сидели парочки. Ребята свернули было на тропинку, что петляла между розовых кустов, но, успев отойти совсем ненамного, услышали до отвращения знакомый голос:

– …не вижу повода для беспокойства, Игорь.

– Злотеус, нельзя делать вид, что ничего не происходит! – Встревоженный голос Каркарова звучал приглушенно, будто он опасался чужих ушей. – Он все отчетливее с каждым месяцем, и не стану отрицать, я напуган…

– Тогда беги, – оборвал его Злей. – Беги, я что-нибудь придумаю в оправдание. Но сам я останусь в «Хогварце».

Из-за угла показались Злей с Каркаровым. Злей, гнусно кривясь, волшебной палочкой стрелял по розовым кустам. Кусты распадались надвое – затем нередко несся испуганный визг, а после высакивали темные фигуры.

– Минус десять баллов с «Хуффльпуффа», Фосетт! – рявкнул Злей на прошмыгнувшую мимо девочку. – И минус десять баллов с «Вранзора», Стеббинс! – когда следом за ней прошмыгнул мальчик. – А вы двое что делаете? – добавил Злей, заметив впереди Гарри и Рона. Каркаров, отметил Гарри, при виде их несколько смущился. Его пальцы нервно потянулись к бородке и принялись ее крутить.

– Гуляем, – отрезал Рон. – Это пока не запрещено законом?

– Гуляете? Ну и гуляйте! – снова рявкнул Злей и стремительно прошел мимо. Его длинный черный плащ развеялся за спиной. Каркаров поспешил следом. Гарри с Роном побрали дальше.

– Чего это Каркаров так засуетился? – пробормотал Рон.

– И с каких это пор они со Злеем на «ты»? – задумчиво добавил Гарри.

Они дошли уже до большого каменного оленя, над которым высоко били сверкающие струи фонтана. Над каменной скамьей вздымались два огромных силуэта – двое глядели на воду в лунном свете. До Гарри донеслись слова Огрида:

– Я, как вас увидал, в момент понял, – произнес он странно и сипло.

Гарри и Рон застыли. Как-то сразу стало понятно, что лучше бы сюда не забредать... Гарри оглянулся и увидел, что позади, наполовину скрытые в розовых кустах, стоят Флёр Делакёр и Роджер Дэйвис. Гарри похлопал Рона по плечу и указал на них подбородком, имея в виду, что можно незаметно скрыться в том направлении (Флёр и Роджер были очень сильно заняты), но глаза Рона при виде Флёр в ужасе расширились, он отчаянно затряс головой и затащил Гарри еще глубже в тень оленя.

– Что же ви поняли, Ог'ид? – низко промурлыкала мадам Максим.

Гарри не желал ничего этого слышать; он знал, что Огрид пришел бы в ужас, узнав, что у него сейчас есть свидетели (вот Гарри точно был бы в ужасе); Гарри заткнул бы уши пальцами и громко замычал, но реально это был не выход. Пришлось заинтересоваться жуком, ползущим по спине оленя, но, к несчастью, жук оказался недостаточно интересным, и следующие слова Огрида Гарри рассыпал все равно:

– Я просто понял, что... что вы такая же, как я... у вас кто, мама или папа?

– Я... не понимаю, о чем ви, Ог'ид...

– У меня мама, – тихо сказал Огрид, – она была одна из последних в Британии. Яс'дело, я ее не сильно-то хорошо помню... ушла она от нас, понимаете. Мне тогда было три годка. Не было у ней материнских чувств... Ну, да у них это не в натуре. Не знаю, чего с ней стало... может, померла уж, откуда мне знать...

Мадам Максим промолчала. И Гарри вопреки всем своим намерениям оторвался от изучения жука и, глядя поверх оленевых рогов, навострил уши... Огрид никогда не говорил о своем детстве.

– Отцу она разбила сердце. Он был маленький совсем, папаша мой. К шести годам я уж мог его поднять и посадить на буфет, когда он меня до печенок доставал. Он хотстал тогда... – Голос Огрида сорвался. Мадам Максим сидела неподвижно, видимо глядя на воду. – Папаша растил меня один... а потом помер, как раз когда я в школу пошел. Там уж мне самому пришлось пробиваться. Думблэдор очень мне помог, это да. Очень он ко мне добрый...

Огрид достал большой шелковый платок в горошек и трубно высыпался.

– Ну да не важно... хватит про меня-то. А вот вы? У вас с какой стороны?

Мадам Максим вдруг вскочила.

— Становится пгохладно, — произнесла она, но, что бы там ни происходило с температурой на улице, до холода в голосе мадам Максим ей было далеко. — Мне, пожалуй, пога.

— А? — смешался Огрид. — Нет, не уходите! Я ж раньше никогда не встречал... других!

— Каких таких дгугих? — ледяным тоном осведомилась мадам Максим.

Гарри, например, сразу понял, что лучше бы не отвечать; он стоял скав зубы и изо всех сил надеялся, что Огрид промолчит, — но напрасно.

— Ну так полуигантов же! — воскликнул Огрид.

— Да как ви смеете! — взревела мадам Максим. Ее рев трубно прорезал мирную ночную тишину; Гарри услышал, как позади Флёр с Роджером выпали из розового куста. — Мне еще никогда не наносили такого оскогбления! Полуигант? *Mya?* У меня... у меня... пгосто шигокая кость!

Она сорвалась с места, распугивая с кустов разноцветные облачка фей. Огрид оторопело сидел на скамейке и глядел ей вслед. В темноте лица его не было видно. Минуту погодя он встал и побрел прочь, но не к замку, а через черный двор к своей хижине.

— Все, — сказал Гарри, — пошли...

Но Рон не шевелился.

— Что такое? — спросил Гарри.

Рон посмотрел на Гарри очень серьезно.

— Ты знал? — прошептал он. — Что Огрид полуигант?

— Нет, — пожал плечами Гарри, — а что такого?

По тому, каким взглядом ответил ему Рон, Гарри сразу понял, что в очередной раз продемонстрировал полную неосведомленность в делах колдовского мира. Воспитанный Дурслеями, Гарри не знал многого, что для колдунов разумелось само собой, но чем дольше учился в школе, тем реже сталкивался с подобными явлениями. Сейчас, однако, было ясно, что ни один нормальный колдун не сказал бы: «А что такого?» — узнав, что у его друга мать была гигантесса.

— Объясню в замке, — еле слышно сказал Рон, — пошли...

Флёр с Роджером куда-то скрылись — может, нашли более уединенную кущу. Гарри с Роном вернулись в Большой зал. Парвати и

Падма сидели теперь далеко, окруженные целой толпой бэльстэксских мальчиков, а Гермиона снова танцевала с Крумом. Гарри и Рон выбрали столик подальше от танцплощадки.

– Итак? – понукнул Гарри Рона. – Что за дела с этими гигантами?

– Ну, они... они... – Рон мучительно подыскивал слова, – не очень хорошие, – неловко закончил он.

– Ну и что? – не понял Гарри. – С Огридом-то все нормально!

– Я знаю, но... ах ты ж... неудивительно, что он скрывает! – Рон покачал головой. – Я-то всегда думал, что он в детстве неудачно попал под дурое заклятие... не хотел спрашивать...

– Но кому какое дело, что его мать гигантесса? – спросил Гарри.

– Ну... его знакомым – никакого, они же знают, что он добрый, – медленно проговорил Рон. – Но вообще... Гарри, понимаешь, они опасные, гиганты. Огрид же сказал, это у них в натуре, они как тролли... любят убивать, и все тут. Правда, в Британии их не осталось.

– А куда они делись?

– Они так и так вымирали, а потом еще многих поубивали авроры. Вроде за границей еще есть... скрываются в горах...

– Не знаю, кого хочет обмануть Максим. – Гарри посмотрел на очень угрюмую мадам Максим за судейским столом. – Если Огрид полугигант, то она уж точно. Широкая кость... шире кости только у динозавра.

Остаток бала Гарри с Роном, не имея ни малейшего желания танцевать, в уголке обсуждали гигантов. Гарри старался не замечать Чо и Седрика: когда он их видел, его тянуло хорошенько что-нибудь пнуть.

В полночь «Чертовы сестрички» прекратили играть, и их проводили очень громкими аплодисментами. Потом все двинулись к вестибюлю. Многие выражали сожаление, что бал не продлился дольше, но Гарри был рад пойти спать: на его взгляд, вечер не то чтобы удался.

В вестибюле они увидели, как Гермиона прощается с Крумом – тот возвращался на дурмштранговский корабль. Она посмотрела на Рона очень холодно и молча прошествовала к мраморной лестнице. Гарри и Рон направились следом, но на полдороге кто-то вдруг окликнул:

– Эй! Гарри!

Седрик Диггори. Чо ждала его внизу, в вестибюле.

– Да? – с прохладцей ответил Гарри, а Седрик уже взбегал по лестнице.

Похоже, говорить при Роне Седрик не хотел. Тот недовольно пожал плечами и пошел дальше.

– Слушай... – Рон удалился, но Седрик все равно понизил голос. – Я перед тобой в долгую за подсказку про драконов. Золотое яйцо, да? Твое вспомнишь, когда открываешь?

– Да, – кивнул Гарри.

– В общем... ты прими ванну, ага?

– Что?

– Прими ванну и возьми... мmm... возьми яйцо с собой и... мmm... хорошенько все обдумай в горячей воде. Это поможет... сосредоточиться. Ты уж мне поверь.

Гарри таращился на него.

– И знаешь что? – добавил Седрик, – ты иди в ванную для старост. Пятый этаж, четвертая дверь налево от статуи Бориса Бессмысленного. Пароль «хвойный освежающий». Ну все, я пошел... надо попрощаться...

Он снова улыбнулся Гарри и помчался вниз по лестнице к Чо.

Гарри одиноко отправился в гриффиндорскую башню. На редкость странный совет. Как ванна поможет разгадать загадку яичных воплей? Может, Седрик издевается? Хочет его обдурить, чтобы в сравнении с ним еще больше понравиться Чо?

Толстая Тетя и ее приятельница Ви уже дрыхли. Гарри пришлось громко заорать: «Моргающие феи!» – иначе обе никак не хотели просыпаться, а в итоге проснувшись, негодовали ужасно. Он вскарабкался в общую гостиную и обнаружил, что у Рона с Гермионой скандал не на жизнь, а на смерть. Они стояли поодаль друг от друга все багровые и страшно орали.

– Знаешь что? Знаешь что? Раз тебе так не нравится, ты же знаешь, что нужно делать? Знаешь?! – орала Гермиона. Ее элегантный пучок растрепался, лицо перекосило от злости.

– Ах вот как?! – орал в ответ Рон. – И что же это такое мне нужно делать?

– Когда в следующий раз будет бал, пригласить меня раньше других и не в качестве спасительной соломинки!

Пока Рон, наподобие золотой рыбки, вынутой из аквариума, шевелил губами, Гермиона развернулась на каблуках и бросилась к спальням девочек. Рон обернулся к Гарри.

– Это, – потрясенно захлебнувшись, начал он, – это... лишний раз доказывает... ничего не понимает...

Гарри промолчал. Мир с Роном был ему дороже, и он не стал говорить, что думает, – но отчего-то ему казалось, что Гермиона все поняла куда лучше Рона.

Глава двадцать четвертая

Сенсация Риты Врите^р

На второй день Рождества все встали поздно. В гриффиндорской гостиной было необычайно тихо, ленивые разговоры то и дело прерывались зевками. Густые волосы Гермионы снова распустились. Она призналась Гарри, что перед балом использовала невероятное количество «Гладейского прилизелья для волос».

— Но каждый день... нет уж, слишком много возни, — сказала она как бы между прочим, почесывая громко урчащего Косолапуса за ушами.

С Роном они, казалось, пришли к молчаливому соглашению свою ссору не обсуждать и общались очень доброжелательно, но как-то формально. Гарри с Роном, разумеется, при первой же возможности доложили Гермионе о разговоре Огрида с мадам Максим, но на Гермиону новость о том, что Огрид полуигант, подействовала совсем не так сильно, как на Рона.

— Я, в общем-то, так и думала, — пожала плечами она. — Понятно, что чистокровным гигантом он быть не может, тогда он был бы футов двадцать ростом. Но, честно сказать, все эти вопли насчет гигантов — просто-напросто истерия. Не могут же *все* они быть чудовищами... Это такие же предрассудки, как с оборотнями... расизм, больше ничего.

Рон собрался было съязвить, но, видимо, не захотел снова ссориться и поэтому только недоверчиво покачал головой, когда Гермиона отвернулась.

Между тем пришло время заняться домашними заданиями, о которых они начисто забыли в первую неделю каникул. После празднеств все ходили какие-то обессилевшие — за исключением Гарри, который (опять) слегка нервничал.

Оказалось почему-то, что по эту сторону Рождства двадцать четвертое февраля стало гораздо ближе, а Гарри еще даже не пробовал разгадать загадку золотого яйца. Теперь всякий раз, заходя в спальню,

он доставал яйцо из сундука, открывал и вслушивался в заунывный вой – вдруг в нем отыщется какой-нибудь тайный смысл. Напрягаясь изо всех сил, он размышлял, что (кроме тридцати музыкальных пил) ему напоминает этот ужасный звук, но... нет, он никогда не слышал ничего подобного. Тогда он закрывал яйцо, интенсивно его тряс и снова открывал – вдруг звуки переменятся, – однако они не менялись. Он пробовал задавать яйцу вопросы, перекрикивая вой, но это не действовало. Однажды он даже швырнул яйцо через всю комнату – не очень, впрочем, надеясь, что это поможет.

Гарри не забыл про намек Диггори, но далекие от дружеских чувства, которые он испытывал сейчас к Седрику, не позволяли принять от него помочь – во всяком случае, пока оставалась надежда обойтись без нее. В любом случае Гарри считал, что, если бы Седрик и в самом деле хотел помочь, он мог бы выразиться и яснее. Вот он, Гарри, прямо сказал, что их ждет на первом испытании, – а Седрик советует принять ванну! Это что, по-честному? Нет уж, не надо ему такой дурацкой помохи – тем более от того, кто расхаживает по коридорам за ручку с Чо.

А тем временем наступил первый день нового триместра, и Гарри отправился на уроки, нагруженный, как всегда, книжками, перьями и пергаментом, но дополнительной тяжестью на нем висело сосущее беспокойство из-за неразгаданной загадки, будто он и яйцо повсюду таскал с собой.

Школьный двор по-прежнему был завален снегом, а окна теплиц запотели, и на гербологии сквозь них ничего не было видно. В такую погоду никому не хотелось ухаживать за магическими существами; правда, как справедливо заметил Рон, уж драклы их точно согреют: либо станут за ними гоняться, либо своими взрывами подожгут домик Огрида.

Однако, приблизившись к хижине, ребята увидели пожилую ведьму с седым ежиком и мощным подбородком.

– Поторопитесь, поторопитесь, колокол прозвенел пять минут назад, – рявкнула ведьма, когда они прорвались к ней по снегу.

– А вы кто? – вытаращился Рон. – И где Огрид?

– Я – профессор Гниллер-Планк, – отрывисто сказала дама, – временный преподаватель ухода за магическими существами.

– Где Огрид? – громко повторил Гарри.

— Он не вполне в форме, — не вдаваясь в подробности, сообщила она.

До Гарри донесся тихий гадкий смех. Гарри обернулся — подошли слизеринцы, возглавляемые Драко Малфоем. У всех был довольный вид, новой преподавательнице никто не удивился.

— Сюда, пожалуйста, — пригласила профессор Гниллер-Планк и направилась вокруг загона, где зябко ежились и тряслись от холода огромные бэльстэксские кони. Гарри, Рон и Гермиона пошли за ней, на ходу оглядываясь на хижину. Занавески на окнах задернуты. Где же Огрид? Лежит внутри, больной и одинокий?

— А что с Огридом? — спросил Гарри, нагнав профессора Гниллер-Планк.

— Вас не касается, — ответила она так, будто он сует нос куда не следует.

— Да вот касается, — с горячностью возразил Гарри. — Что с ним такое?

Профессор Гниллер-Планк как будто не услышала. Вдоль загона она вывела класс на опушку Запретного леса. Там к дереву был привязан большой красивый единорог.

Девочки захали.

— О-о-о, какой красивый! — прошептала Лаванда Браун. — Откуда она его взяла? Их ведь трудно поймать!

По сравнению с ослепительно-белым единорогом снег казался серым. Животное нервно было золотыми копытами и запрокидывало рогатую голову.

— Мальчикам — отойти! — приказала профессор Гниллер-Планк, выбросив назад руку и больно ткнув Гарри в грудь. — Единороги предпочитают женщин. Девочки — вперед, подходите осторожно... Тихо, тихо, не торопитесь...

Она и девочки медленно направились к единорогу. Мальчики остались у изгороди.

Как только профессор Гниллер-Планк отошла, Гарри повернулся к Рону:

— Что с ним случилось? Как думаешь, может, дракл?..

— Нет, Поттер, драклы его не растерзали, если ты об этом, — раздался вкрадчивый шепот Малфоя. — Нет. Просто он стыдится показать людям свою громадную противную рожу.

– О чём ты? – огрызнулся Гарри.
Малфой достал из кармана свернутый газетный лист.
– Вот, – сказал он. – Жаль тебя огорчать, Поттер... – И гнусно осклабился.

Гарри схватил и развернул вырезку. Рон, Шеймас, Дин и Невилл читали через его плечо. Статья предварялась фотографией Огрида – выглядел тот до крайности неблагонадежно.

ГИГАНТСКАЯ ОШИБКА ДУМБЛЬДОРА

Альбус Думблдор, эксцентричный директор школы колдовства и ведьминских искусств «Хогварц», всегда позволял себе необъяснимые вольности в подборе преподавательского состава, отмечает наш специальный корреспондент Рита Вритец. В сентябре на должность преподавателя защиты от сил зла был принят пресловутый Аластор «Шизоглаз» Хмури, помешанный на слазе бывший аврор. Если учесть дурную привычку Хмури нападать на всякого, кто в его присутствии осмеливается сделать резкое движение, этот административный ход вызвал немалое удивление в министерстве магии. В то же время Шизоглаз Хмури выглядит вполне добропорядочным гражданином в сравнении с тем человекоподобным существом, которого Думблдор назначил на пост преподавателя ухода за магическими существами.

Рубеус Огрид, по его собственному признанию, исключенный из «Хогварца» на третьем году обучения, с тех самых пор вел благополучную жизнь, выполняя обязанности хранителя ключей и лесника – эту работу предоставил ему Думблдор. Однако в прошлом году Огрид умело воспользовался своим таинственным влиянием на директора и в обход многих более достойных кандидатов добился еще одной должности – преподавателя ухода за магическими существами.

Мужчина дикарской наружности и пугающих габаритов, Огрид использовал свое новообретенное положение с тем, чтобы посредством разнообразных чудовищных созданий терроризировать вверенных его попечению учеников. Думблдор смотрел сквозь пальцы на то, как Огрид на уроках, которые немало учеников называют не иначе как «страшные», калечил детей.

«На меня напал гиппогриф, а моего друга Винсента Краббе жутко искал скучечервь, – рассказал четвероклассник Драко Малfoy. – Мы все ненавидим Огрида, только боимся кому-нибудь об этом сказать».

При этом Огрид не намерен прекращать свою деятельность, направленную на устрашение школьников. В беседе с корреспондентом «Оракула», состоявшейся в прошлом месяце, он признался, что выращивает существ, которых он окрестил «взрывастыми драклами». Эти существа суть не что иное, как в высшей степени опасный гибрид мантикоры и огнекраба. Как все мы знаем, новые породы магических существ надлежит выводить под строжайшим контролем департамента по надзору за магическими существами. Но Огрид, похоже, считает, что мелкие ограничения не для него.

«Ну, я просто позабавился чутка», – отмахнулся он и быстро сменил тему разговора.

Вдобавок к вышеизказанному (хотя и этого более чем достаточно) «Оракул» получил неоспоримые доказательства того, что Огрид – не чистокровный колдун, каковым всегда прикидывался. В действительности он даже не вполне человек. Согласно сведениям, полученным из эксклюзивного источника, его мать – не кто иная, как гигантесса Фридвульфа, чье местонахождение в настоящее время неизвестно.

В течение последнего столетия кровожадные и злые гиганты, бесконечно воюя друг с другом, довели себя почти до полного истребления. Горстка оставшихся в живых влилась в ряды сторонников Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут. На их совести лежат наитягчайшие преступления, совершенные в годы его ужасного правления, в том числе массовые убийства муглов.

Фридвульфа не попала в число гигантов, уничтоженных аврорами, боровшимися против черных магов. Возможно, она, бежав из страны, примкнула к одному из сообществ гигантов, все еще обитающих в горных массивах других стран. Если принять во внимание преподавательские эскапады сына Фридвульфы, становится ясно, что он унаследовал жестокий характер своей матери.

По невероятной прихоти судьбы, Огрид известен тем, что завел близкую дружбу с мальчиком, который послужил причиной падения Сами-Знаете-Кого – и тем самым вынудил мать Огрида, как и остальных приспешников Сами-Знаете-Кого, скрываться в изгнании. Возможно, бедный Гарри Поттер не знает всей правды о своем большом друге – однако Альбус Думблдор бесспорно обязан предостеречь Гарри Поттера и остальных школьников от опасностей, которыми чревата дружба с полуигантами.

Гарри дочитал и посмотрел на Рона.

– Как она узнала? – прошептал тот, разинув рот от удивления.

Гарри беспокоило другое.

– Что значит «мы все ненавидим Огрида»? – бросил он в лицо Малфою. – И что за чушь насчет того, что *его*, – Гарри показал на Краббе, – жутко искал скучечервь? Да у них и зубов нет!

Краббе тупо лыбился, крайне довольный собой.

– Ну я так думаю, преподавательской карьере этого идиота настал конец, – сверкнул глазами Малфой. – Подумать только! А я-то думал, что он в детстве наглотался «СкелеРоста»… Вот уж *такое* никому из папочек-мамочек не понравится… они забоятся: вдруг он скушает их детушек… ха-ха…

– Ты…

– Вы собираетесь слушать или нет? – донесся до их ушей голос профессора Гниллер-Планк.

Все девочки столпились вокруг единорога и осторожно гладили красавца. Гарри повернулся – от ярости у него тряслись руки, газетная вырезка ходила ходуном – и невидяще уставился на единорога, чьи волшебные свойства как раз перечисляла профессор Гниллер-Планк – громко, чтобы мальчики тоже услышали.

– Хорошо бы она осталась! – воскликнула после урока Парвати Патил, когда все возвращались в замок на обед. – Вот это я понимаю – уход за магическими существами… за настоящими существами, за единорогами, а не за монстрами какими-то…

– А как же Огрид? – напустился на нее Гарри. Они уже поднимались по парадной лестнице.

– А что Огрид? – равнодушно переспросила Парвати. – Он же лесник.

После бала Парвати вообще была чрезвычайно холодна с Гарри. Наверно, он и правда уделил ей мало внимания, но ведь она и без него прекрасно провела время. Во всяком случае, она не забывала уведомить всех и каждого, что в выходные встречается в Хогсмеде с мальчиком из «Бэльстэка».

– Урок и правда был очень хороший, – признала Гермиона на входе в Большой зал. – Я не знала и половины того, что профессор Гниллер-Планк рассказала про едино…

– Ты на это посмотри! – рявкнул Гарри и сунул ей под нос заметку из «Оракула».

Читая, Гермиона все шире и шире открывала рот. Отреагировала она так же, как Рон:

– Откуда эта жуткая Вритеर все узнала? Не Огрид же ей сказал?

– Нет, конечно, – ответил Гарри, первым подходя к гриффиндорскому столу и в бессильном гневе падая на стул. – Он даже нам не говорил! По-моему, она так обозлилась, что он не рассказал ей всяких ужасов про меня, что взяла и нарыла компромат на него.

– Может, она подслушала его разговор с мадам Максим на балу, – тихо произнесла Гермиона.

– Мы ее в саду не видели! – возразил Рон. – И вообще, ее больше не пускают в школу, Огрид сказал, что Думбльдор ей запретил…

– А вдруг у нее есть плащ-невидимка, – сказал Гарри, накладывая на тарелку куриную запеканку и в раздражении заляпывая все вокруг. – Очень на нее похоже – шнырять по кустам и шпионить.

– Совсем как вы с Роном, – заметила Гермиона.

– Мы нечаянно! – возмутился Рон. – У нас не было выбора! И вообще, чего этот дурень взялся вешать про свою мамочку – кто угодно же мог услышать!

– Надо сходить к нему, – решил Гарри. – Вечером, после прорицания. Сказать, что мы хотим его обратно… Ты же хочешь, чтобы он вернулся? – прикрикнул он на Гермиону.

– Я… хм… не буду притворяться, было очень приятно для разнообразия побывать на *нормальном* уроке… но я хочу, чтобы Огрид вернулся, конечно, хочу! – спасовала она под свирепым взглядом Гарри.

Так что после ужина все трое снова вышли из замка и по замерзшему двору направились к хижине Огрида. Постучали. Ответом

был гулкий лай Клыка.

– Огрид, это мы! – заорал Гарри, барабаня в дверь. – Пусти!

Но Огрид не отзывался. Было слышно, как Клык, поскуливая, скребется в дверь, но дверь не открывалась. Они стучали еще добрых десять минут, Рон даже не поленился сходить постучать в окно – без толку.

– С какой стати он нас-то избегает? – удивилась Гермиона, когда они наконец сдались и пошли назад в школу. – Он же не думает, что для нас это имеет значение. Подумаешь, полуигант!

И все-таки Огрид, похоже, думал именно так. Всю неделю о нем не было ни слуху ни духу. Он не появлялся ни за едой, ни во дворе и полностью забросил обязанности лесника. На уроках его по-прежнему заменяла профессор Гниллер-Планк. Малфой не упускал возможности поиздеваться над Гарри и его друзьями.

– Скучаешь по своему приятелю-полукровке? – шептал он на ухо Гарри, когда рядом были учителя и Гарри ничего не мог сделать. – Льешь слезки по человеку-слону?

На середину января назначили поход в Хогсмед. Узнав, что Гарри тоже туда собирается, Гермиона очень изумилась.

– Я-то думала, ты воспользуешься случаем – в общей гостиной никого не будет, – сказала она. – Пора уже начинать думать над яйцом.

– Да я... мне кажется, я уже почти понял, в чем там дело, – соврал Гарри.

– Да ты что? – воскликнула Гермиона, приятно пораженная. – Вот молодец!

У Гарри в животе что-то сжалось от стыда, но он постарался не обращать внимания. В конце концов, у него еще целых пять недель, это ужас как много... а вдруг в Хогсмеде им встретится Огрид – можно попробовать уговорить его вернуться...

В субботу он вместе с Роном и Гермионой вышел из замка и по холоду и слякоти направился к воротам. Проходя мимо дурмштранговского корабля, они увидели Виктора Крума. Тот стоял на палубе в одних плавках. Он был очень худенький, но, видимо, куда крепче, чем казалось, – во всяком случае, он забрался на борт и нырнул прямиком в ледяную воду.

– Во псих! – не выдержал Гарри, наблюдая за пляшущей посреди озера черной головой Крума. – Вода же ледяная, январь на дворе!

— Там, откуда он приехал, гораздо холоднее, — ответила Гермиона. — Ему, наверное, здесь тепло.

— Да, но тут же еще гигантский кальмар, — заметил Рон. В его голосе не было тревоги — скорее надежда. Гермиона заметила это и нахмурилась.

— Между прочим, он очень хороший, — заявила она. — Вовсе не такой, как ты думаешь, хоть и из «Дурмштранга». И ему гораздо больше нравится у нас, он мне сам сказал.

Рон промолчал. После бала он не заговаривал о Круме, но на День подарков Гарри нашел под кроватью оторванную миниатюрную руку в болгарской квидишной мантии.

Всю дорогу, пока они шли по слякотной Высокой улице, Гарри внимательно смотрел, не видно ли где Огрида, а убедившись, что Огрида нет ни в одном из магазинов, предложил зайти в «Три метлы».

В кабачке было, как всегда, людно, но, быстро оглядевшись, Гарри понял, что Огрида нет и здесь. Сердце у него упало. Он вместе с Роном и Гермионой прошел к стойке, заказал у мадам Росмерты три усладэля и мрачно подумал, что с тем же успехом мог остаться в гриффиндорской башне и послушать завывания.

— Он что, на работу *вообще* не ходит? — вдруг прошептала Гермиона. — Смотрите!

Она показала на зеркало за стойкой, и Гарри увидел отражение Людо Шульмана. Тот сидел в темном уголке с гоблинами. Шульман очень тихо и очень быстро говорил, а гоблины очень грозно скрещивали руки на груди.

Странно, подумал Гарри, что Шульман здесь, в «Трех метлах», в выходные, когда даже турнирных мероприятий нет и не нужно судействовать. Он следил за Шульманом в зеркале. Вид у бывшего Отбивалы был напряженный, почти как тогда, в лесу, перед появлением Смертного Знака. Шульман бросил взгляд на стойку, заметил Гарри и встал.

— На пару секунд, на пару секунд! — бесцеремонно заявил он гоблинам и побежал к Гарри. Мальчишеская улыбка вернулась. — Гарри! — воскликнул он. — Как дела? Я надеялся тебя встретить! Ну как, все хорошо?

— Да, спасибо, — ответил Гарри.

– Слушай, можно с тобой поговорить наедине? Буквально два слова? – оживленно поинтересовался Шульман. – Вы двое не оставите нас на минутку, будьте так любезны?

– Э-э-э... Ладно, – пожал плечами Рон, и они с Гермионой пошли искать столик.

Шульман повел Гарри вдоль стойки подальше от мадам Росмерты.

– Я... просто хотел еще раз поздравить тебя с великолепным выступлением, – начал Шульман. – Это было потрясающее.

– Спасибо, – сказал Гарри, понимая, что этим дело не ограничится, – поздравить можно было и при Роне с Гермионой. Шульман, однако, не торопился раскрывать карты. Гарри видел, как он опасливо посмотрел в зеркало на гоблинов. Они молча следили за ним и за Гарри черными глазами-щелочками.

– Ужас и кошмар, – вполголоса сказал Шульман, заметив, что за гоблинами наблюдает и Гарри. – По-английски почти ни бум-бум... Я прямо как на финале кубка с болгарами... но те хотя бы объяснялись человеческими жестами. А эти бормочут на гоблиберде... а я на гоблиберде знаю только одно слово – «бладвак». Это значит мотыга. Не хотелось бы его употреблять – еще подумают, что я им угрожаю. – Он коротко, гулко хохотнул.

– А чего они хотят? – спросил Гарри. Гоблины не спускали с Шульмана пристальных взглядов.

– Ну... мmm... – Шульман вдруг занервничал. – Они... э-э-э... ищут Барти Сгорбса.

– А с какой стати они ищут его здесь? – удивился Гарри. – Он же в Лондоне, в министерстве?

– Э-э-э... вообще-то я понятия не имею, где он, – признался Шульман. – Он как бы... перестал ходить на работу. Перси, его помощник, говорит, что мистер Сгорбс болен. И якобы присыпает сов с распоряжениями. Только ты никому не говори, ладно, Гарри? А то Рита Вритеर всюду сует нос, и я что хочешь готов поставить – она из его болезни обязательно состряпает какую-нибудь утку. Выставит его второй Бертой Джоркинс...

– А о ней, кстати, что-нибудь слышно? – спросил Гарри.

– Нет. – Шульман опять напрягся. – Я, разумеется, послал людей на поиски... – (давно пора, подумал Гарри), – только все это очень странно. Она абсолютно точно *прибыла* в Албанию, потому что там

она встречалась с троюродной сестрой. А от сестры поехала на юг, навестить тетушку... и бесследно исчезла по пути. Пусть меня разорвет, если я знаю, куда она подевалась... она не из тех, кто, скажем, сбегает с женихом... и тем не менее... ладно, о чём это мы? О каких-то гоблинах, о Берте Джоркинс... Я же хотел спросить, как у тебя дела с золотым яйцом?

— Ммм... неплохо, — соврал Гарри.

Шульман, похоже, понял, что это неправда.

— Слушай, Гарри, — почти прошелестел он. — Я очень переживаю... ну, что тебя против воли впихнули в этот Турнир... так что, если, — (он говорил так тихо, что Гарри пришлось наклониться ближе), — если я могу помочь... подтолкнуть в нужном направлении... я к тебе очень проникся... как ты справился с драконом, а? В общем, только намекни.

Гарри поднял глаза и посмотрел в круглое розовощекое лицо, в широко распахнутые, младенчески-голубые глаза.

— Но мы же должны отгадать сами, — ответил он осторожно, чтобы не вышло, будто он обвиняет главу департамента по колдовским играм и спорту в нарушении правил.

— Разумеется, разумеется, — нетерпеливо перебил Шульман, — но... ай, да брось ты, Гарри!.. Мы же все хотим, чтобы победил «Хогварц»!

— А вы и Седрику предлагали помочь?

Гладкое лицо Шульмана едва заметно исказилось.

— Нет, не предлагал, — ответил он, — я... я же говорю, я проникся к тебе. Думал просто предложить...

— Спасибо, — сказал Гарри, — но мне кажется, я почти уже догадался, в чём там дело... еще пару дней — и все.

Он толком не понимал, почему отказывается — разве только потому, что они почти не знакомы, и помочь Шульмана как будто гораздо противозаконнее, чем советы Рона, Гермионы и Сириуса.

Шульман, похоже, оскорбился, но сказать уже ничего не смог — подошли Фред с Джорджем.

— Здравствуйте, мистер Шульман! — радостно воскликнул Фред. — Выпьете что-нибудь?

— Ммм... нет, — отказался тот, разочарованно покосившись на Гарри, — спасибо, мальчики...

Фред с Джорджем расстроились не меньше Шульмана. Последний выглядел так, будто Гарри ужасно его подвел.

— Что ж, пора бежать, — сказал он, — рад был повидать вас всех. Гарри — удачи!

И выскоцил на улицу. Гоблины дружно выскользнули из-за стола и направились следом. Гарри пошел к Рону с Гермионой.

— Чего он хотел? — спросил Рон, едва Гарри опустился на стул.

— Предлагал помочь с золотым яйцом, — ответил Гарри.

— Он не должен был! — вскричала шокированная Гермиона. — Он же судья! И ты ведь уже сам разгадал, да?

— Э-э-э... почти что, — сказал Гарри.

— Думбльдору не понравилось бы, если б он узнал, что Шульман предлагал тебе сжульничать! — с крайним неодобрением произнесла Гермиона. — Надеюсь, Седрику он тоже предлагал помочь?

— Нет. Я спрашивал, — сказал Гарри.

— Кому сдалось помогать Диггори? — бросил Рон. Про себя Гарри с ним согласился.

— А гоблины были недружелюбные, — потягивая усладэль, проговорила Гермиона. — Что они вообще здесь делают?

— Если верить Шульману, ищут Сгорбса, — ответил Гарри. — Он все болеет. Не ходит на работу.

— Может, Перси потихоньку подсыпает ему яду? — предположил Рон. — Наверно, думает, его назначат главой департамента, если Сгорбс скопытится.

Гермиона одарила Рона сумрачным взглядом — мол, такими вещами не шутят — и сказала:

— Странно, гоблины — и вдруг ищут мистера Сгорбса... обычно они имеют дело с департаментом по надзору за магическими существами.

— Сгорбс знает тысячу языков, — заметил Гарри. — Может, им нужен переводчик.

— Теперь, значит, нас беспокоят бедненькие маленькие гоблинчики? — поддел Гермиону Рон. — Мы подумываем, не основать ли нам какой-нибудь О.З.У.Г.? Общество защиты уродливых гоблинов?

— Ха-ха-ха, — с сарказмом отозвалась Гермиона. — Гоблинов защищать незачем. Вы что, не слушали, что рассказывал профессор Биннз про их восстания?

— Нет, — хором отрезали Гарри и Рон.

— Так вот, они вполне способны справиться с колдунами, — объяснила Гермиона, отхлебнув усладэля. — Они очень умные. Это вам

не домовые эльфы, которые боятся слово сказать.

– Ой-ой, – вдруг уставился на дверь Рон.

В кабачок вошла Рита Вритец. Сегодня она надела бананово-желтую мантию, а ногти выкрасила ядовито-розовым. С ней пришел пузатый фотограф. Рита купила напитки, и они с фотографом пробрались сквозь толпу к ближайшему столику. Гарри, Рон и Гермиона с ненавистью воззрились на нее. Рита была чем-то ужасно довольна и быстро-быстро говорила:

– …не очень-то он нам обрадовался, да, Бозо? С чего бы это, как ты думаешь? И вообще, что он тут делает в компании гоблинов?.. Показывает достопримечательности… какая чушь!.. никогда не умел врать. Думаешь, он что-то затевает? Может, стоит покопаться? «Опозоренный бывший глава департамента по магическим играм и спорту Людо Шульман…» Какое начало для статьи, скажи, Бозо? Остается только найти к нему подходящую историю…

– Хотите еще кому-нибудь испортить жизнь? – громко спросил Гарри.

Посетители заозирались. Глаза Риты за очками в драгоценной оправе расширились от удивления.

– Гарри! – просияла она. – Чудненько! Почему бы тебе к нам не присоеди…

– Я бы к вам и с десятифутовой метлой не приблизился! – яростно крикнул Гарри. – Зачем вы так с Огридом, а?

Рита Вритец подняла густо начерненные брови:

– Наши читатели имеют право знать правду, Гарри, я просто делаю мою рабо…

– Какое кому дело, что он полугигант?! – заорал Гарри. – Он хороший!

В зале стало тихо. Мадам Росмерта таращилась на них, очевидно не замечая, что мед, который она заливала в кувшин, течет через край.

Улыбка на долю секунды соскользнула с лица Риты, но она усилием воли удержала ее на месте, щелкнула застежкой крокодиловой сумочки, достала принципиарное перо и спросила:

– Может, поговорим об Огриде, которого знаешь *ты*, Гарри? Кто скрывается за грудой мускулов? Ваша странная дружба и ее причины? Не заменил ли он тебе отца?

Гермиона вскочила. В руке она сжимала усладэль как гранату.

— Вы мерзавка, — процедила она, — вам ведь все равно, вы за статью кого угодно продадите, да? Даже Людо Шульмана...

— Сядь, глупая девчонка, и не говори о том, чего не понимаешь, — ледяным тоном ответила Рита Вритеर, пронзив Гермиону жестким взглядом. — Я знаю про Людо Шульмана такое, отчего у тебя волосы встанут дыбом... тебе это, правда, ни к чему, — добавила она, скользнув глазами по кудрявой копне Гермиониных волос.

— Пошли отсюда, — сказала Гермиона, — пошли... Гарри... Рон...

Они ушли. Многие смотрели им вслед. У двери Гарри оглянулся. Принципиональное перо носилось по пергаменту на столе.

— Гермиона, ты станешь ее следующей жертвой, — тихо и встревоженно проговорил Рон. Ребята быстро шагали назад по улице.

— Пусть попробует! — пронзительно вскричала Гермиона. Ее тряслось от гнева. — Я ей тогда покажу! Я, значит, глупая девчонка? Нет, я этого так не оставлю, сначала Гарри, потом Огрид...

— Гермиона, не вздумай раздражать Риту Вритеर, — испуганно взмолился Рон. — Я серьезно, она что-нибудь такое на тебя откопает...

— Мои родители не читают «Оракул», и меня она не заставит прятаться от людей! — Гермиона неслась по улице, и Гарри с Роном едва за ней успевали. В последний раз, когда Гарри видел Гермиону в таком состоянии, дело кончилось тем, что она врезала по роже Драко Малфою. — И Огрид больше скрываться не будет! Из-за какой-то нечеловеческой тетки? Нет уж! Пошли *скорей!*

Она побежала, мальчики побежали за ней, по дороге к воротам с крылатыми кабанами и потом через школьный двор к хижине Огрида.

Занавески были по-прежнему задернуты, а внутри гавкал Клык.

— Огрид! — завопила Гермиона, барабаня в дверь. — Огрид, хватит прятаться! Мы знаем, что ты там! Никому нет дела, что твоя мама гигантесса! Как ты можешь слушать эту дрянь! Огрид, выходи, кончай дур...

Дверь открылась. Гермиона сказала было: «Ну наконе...» — и тут же осеклась, потому что перед ней возник вовсе не Огрид, а Альбус Думблдор.

— Добрый день, — любезно улыбнулся он.

— Мы... э-э-э... хотели повидать Огрида, — очень робко объяснила Гермиона.

– Да, я так и понял, – лукаво блеснул глазами Думблдор. – Может, зайдете?

– О... хм... да, – промямлила Гермиона.

Ребята вошли. Клык с сумасшедшим лаем набросился на Гарри и попытался облизать ему уши. Гарри кое-как отбился и обвел глазами хижину.

Огрид сидел за столом, где стояли две кружки с чаем. Выглядел Огрид ужасно: глаза опухшие, лицо в красных пятнах... что касается волос, то он впал в другую крайность, вообще бросил причесываться, и казалось, что на голову ему нахлобучили моток спутанной проволоки.

– Привет, Огрид, – сказал Гарри.

Огрид поднял голову.

– ‘Вет, – просипел он.

– Еще чаю, я полагаю. – Думблдор закрыл за гостями дверь, достал волшебную палочку и, будто играючи, повертел ее между пальцами. В воздухе закрутился поднос с чайными приборами и блюдом пирожных. Думблдор направил поднос на стол. Все расселись. После краткой паузы Думблдор заговорил: – Огрид, ты слышал, что кричала за дверью мисс Грейндже?

Гермиона порозовела. Думблдор улыбнулся ей и продолжил:

– Как видишь, и Гермиона, и Гарри, и Рон по-прежнему жаждут с тобой общаться – настолько, что пытались взломать дверь.

– Конечно, жаждем! – Гарри в упор посмотрел на Огрида: – Ты же не думаешь, что эта корова... извините, профессор, – поспешил прибавил он, поглядев на Думблдора.

– Прости, Гарри, я временно оглох и совсем не слышал, что ты говоришь, – ответил тот, устремляя взгляд в потолок и вращая большими пальцами.

– А... понятно, – робко пробормотал Гарри. – Я только хотел сказать... Огрид, как ты мог подумать, будто нам важно, что говорит эта... женщина?

Из черных глаз-журов выкатились две крупные слезы и медленно уползли в косматую бороду.

– Живое доказательство моих слов, – вставил Думблдор, упорно взирая на потолок. – Я же показал тебе бесчисленное множество писем от родителей, которые помнят тебя еще по своей учебе. Все они в

весьма недвусмысленных выражениях заявляют, что, если я вздумаю тебя уволить, им будет что сказать по этому поводу...

– Не все, – хрипло пробасил Огрид, – не все так думают.

– Ну знаешь, если тебе требуется признание вселенского масштаба, боюсь, ты просидишь дома очень и очень долго. – Сквозь стекла полумесяцы Думблдор сурово и пристально уставился на Огрида. – С того дня, как я стал директором этой школы, не проходит недели, чтобы я не получил по крайней мере одну сову с жалобами на то, как бездарно я руковожу. Что прикажешь мне делать? Забаррикадироваться в кабинете и ни с кем не разговаривать?

– Но вы... вы же не полутигант! – надтреснуто каркнул Огрид.

– Огрид, да ты посмотри на *моих* родственников! – не выдержав, завопил Гарри. – На Дурслеев посмотри!

– Верно подмечено, – кивнул профессор Думблдор. – Или вот мой братец Аберфорс. Его привлекли за применение неподобающих заклятий против козы. Об этом было во всех газетах. Но разве Аберфорс стал прятаться? Нет, он ходил с гордо поднятой головой и занимался своими делами! Правда, я не уверен, что он умеет читать, – возможно, это была вовсе не храбрость...

– Возвращайся и учи нас дальше, – тихо попросила Гермиона, – пожалуйста, возвращайся, мы без тебя скучаем.

Огрид громко слогнул. Слезы безудержно лились по его щекам и пропадали в бороде. Думблдор поднялся.

– Я отказываюсь принимать твою отставку, Огрид, и рассчитываю в понедельник увидеть тебя на рабочем месте, – объявил он. – Жду тебя к завтраку в Большом зале в восемь тридцать. И никаких отговорок. Желаю всем доброго дня.

Думблдор, остановившись на секундочку почесать Клыка за ухом, вышел. Едва за ним закрылась дверь, Огрид уткнулся в огромные ладони – каждая размером с крышку мусорного бака – и разразился рыданиями. Гермиона похлопывала его по руке, пока он не поднял голову – глаза были очень красные – и не сказал:

– Великий человек, Думблдор... великий человек...

– Эт-точно, – подтвердил Рон. – Можно мне пирожное, а, Огрид?

– Угощайся, – кивнул Огрид, утирая слезы. – Он, яс' дело, прав... да вы все правы... я себя как дурак повел... папаше б за меня стыдно было... – По лицу снова покатились слезы, но Огрид ожесточенно их

отер и сказал: – А я вам фотку моего старика не показывал, нет?.. Сейчас...

Он встал, подошел к буфету и достал из ящика фотографию дядьки-коротышки – такие же глаза-жуки, вокруг глаз морщинки. Сидя на плече у сына, коротышка весело улыбался. Они снялись перед яблоней – судя по ней, Огрид был не ниже семи-восьми футов, но лицо юное, круглое, гладкое, безбородое – мальчик никак не старше одиннадцати.

– Это я только-только в «Хогварц» поступил, – заплаканным голосом пояснил Огрид. – Папаша был на седьмом небе... боялся, а вдруг я не колдун, ну, из-за мамы, понимаете... ладно, не важно. Яс' дело, с магией у меня всегда было не так чтобы очень... Хорошо хоть, он не дожил до того, как меня турнули. Помер, когда я во второй класс пошел... Как папаши не стало, за мной Думбльдор приглядывал. Работу вот мне дал... вера у него в людей есть, вот как. Не боится дать еще один шанс... не как другие директора. Кого хошь примет в «Хогварц», ежели только у них талант имеется. Понимает, что человек может быть правильный, даже если семья у него не того... не очень-то уважаемая. А некоторые не понимают. Некоторые так и будут к тебе... с камнем за пазухой. А некоторые вообще прикидываются, будто у них широкая кость, – нет, чтоб встать и сказать: я – это я, и мне за это не стыдно. «Никогда не стыдись сам себя, – так мой стариан говоривал. – Всегда, – говорил, – найдутся те, кто будет против, только тебе до них дела нет». И ведь прав был. Дурак я, ох дурак. Вот и до нее мне больше дела нет, увидите. Широкая кость... я ей покажу широкую кость.

Гарри, Рон и Гермиона смущенно переглянулись. Гарри скорее согласился бы вывести на прогулку пятьдесят взрывастых драклов, чем признаться Огриду, что слышал их разговор с мадам Максим. Но Огрид бормотал, очевидно не сознавая, что говорит лишнее.

– И знаешь чего, Гарри? – Он поднял заплаканные глаза от отцовской фотографии. – Когда я тебя первый раз увидел, ты мне меня самого напомнил. Ни мамки, ни папки... Помнишь, ты еще не знал, подойдешь для «Хогварца» али нет? Не знал, справишься ли... а посмотреть на тебя сейчас, а? Чемпион школы!

Он поглядел на Гарри, а потом продолжил очень серьезно:

– Знаешь, чего б мне хотелось? Вот жуть как охота? Чтоб ты выиграл! Ты бы им всем показал... чтоб достичь вершины, не нужна никакая чистая кровь. Нельзя самого себя стыдиться. Они бы поняли – Думблдор-то, он прав, что принимает всех, которые колдовать умеют. Как у тебя с этим яйцом-то, а?

– Отлично, – ответил Гарри. – Очень хорошо.

На несчастном, мокром, измученном лице Огрида появилась широкая улыбка.

– Вот молодчага... Ты им покажешь, Гарри, ты им всем покажешь. Всех побьешь.

Врат Огриду было гораздо тяжелее, чем остальным. Гарри возвращался в замок и никак не мог забыть, до чего радостно просияла заросшая физиономия Огрида, когда тот вообразил, как Гарри выигрывает Турнир. В тот вечер непостижимое яйцо висело на совести Гарри уже невыносимо тяжким грузом, и к отбою он решился – пора забыть про гордость и выяснить, чего стоит подсказка Седрика.

Глава двадцать пятая

Глаз и яйцо

Гарри не знал, долго ли надо будет принимать ванну, разгадывая загадку, и поэтому решил сделать это ночью, чтобы хватило времени. Принимать подачки от Седрика не хотелось, но он все-таки пойдет в ванную комнату для старост; туда допускаются немногие, вряд ли ему там помешают.

Гарри спланировал свое путешествие со всей возможной тщательностью. Однажды ночью, блуждая по школе, он уже попался смотрителю Филчу, и повторять этот опыт не было ни малейшего желания. Главная надежда, конечно, на плащ-невидимку, а для верности он возьмет еще Карту Каверзника – тоже очень ценный предмет, когда предстоит нарушать школьные правила. Карта показывала весь замок, со всеми секретными переходами и короткими путями, а главное, на ней появлялись крошечные поименованные точки, которые показывали, кто где находится; если кто-то соберется в ванную, Гарри узнает заранее.

Ночью в четверг Гарри тихонько забрался в кровать, надел там плащ, а затем прокрался вниз и, как в ту ночь, когда Огрид показывал ему драконов, подождал, пока откроется дыра за портретом. На сей раз снаружи стоял Рон, он и сказал Толстой Тете пароль («жареный банан»).

– Удачи! – пробормотал Рон, пролезая в общую гостиную мимо Гарри.

Двигаться под плащом сегодня было неудобно: под мышкой зажато тяжелое яйцо, в другой руке Кarta. К счастью, в коридорах, залитых лунным светом, было тихо и безлюдно, и к тому же Гарри стратегически то и дело проверял Карту, чтобы не столкнуться с теми, кого следует избегать. Дойдя до статуи Бориса Бессмысленного, растерянного колдуна в перчатках не на ту руку, Гарри нашел нужную дверь, близко к ней наклонился и, согласно инструкции Седрика, прошептал:

– Хвойный освежающий.

Дверь со скрипом отворилась. Гарри проскользнул внутрь, закрыл щеколду, снял плащ-невидимку и осмотрелся.

Первым делом он подумал так: да, ради этой ванной имеет смысл стать старостой. Все вокруг сплошь из белого мрамора, неярко горят свечи в великолепных канделябрах, в полу посредине прямоугольное углубление – видимо, бассейн. По краям бассейна имелось множество золотых кранов, инкрустированных разноцветными драгоценными камнями, – на каждом кране свой. Трамплин для ныряния здесь тоже был. Окна закрывали длинные белые шторы; в углу высилась стопка белых пушистых полотенец. На стене висела одна-единственная картина, изображающая блондинистую русалку, уснувшую на скале. Русалка посапывала, и длинная прядь, упавшая ей на лицо, легонько шевелилась.

Гарри сложил на пол плащ, Карту и яйцо, прошел дальше, озираясь, и его шаги гулким эхом отразились от стен. Какой бы прекрасной ни была ванная и как бы ему ни хотелось открыть парочку-троечку этих красивых кранов – теперь он сильно заподозрил, что Седрик его надул. Как это поможет разгадать загадку? Тем не менее он пристроил полотенце, плащ, Карту и яйцо на край ванны-бассейна, встал на колени и несколько кранов повернул.

Сразу стало понятно, что из них льется вода, смешанная с цветной пеной, и ничего подобного Гарри никогда не видал. Из одного крана ползли розовые и голубые пузыри размером с футбольный мяч; из другого струилось что-то вроде снежной каши – она, показалось Гарри, выдержала бы даже его вес; из третьего вырывался сильно надушенный пурпурный пар, повисавший над водой. Некоторое время Гарри забавлялся, открывая и закрывая краны. Особенно ему понравился тот, чья струя била по воде и широкими дугами взлетала. А между тем глубокий бассейн уже наполнился горячей водой, пеной и пузырями (удивительно быстро, если учесть его размеры). Гарри закрыл все краны, снял халат, пижаму, шлепанцы и погрузился в воду.

Было так глубоко, что ноги еле-еле доставали до дна, и он не отказал себе в удовольствии проплыть пару раз туда и обратно. Затем вернулся к бортику и побродил у края бассейна, уставившись на яйцо. Горячая, разноцветная и душистая пена была в высшей степени приятна, но ничего мало-мальски похожего на озарение не снизошло.

Гарри мокрыми руками открыл яйцо. Вой заметался по ванной комнате, отражаясь от мраморных стен, по-прежнему ни на что не похожий, а из-за эха и вовсе невыносимый. Гарри поскорее захлопнул яйцо, испугавшись, что завывания привлекут Филча, и задумавшись, не в этом ли заключается коварный план Седрика, – но тут вздрогнул так, что яйцо выпало из рук и укатилось. Кто-то внезапно произнес:

– На твоем месте я бы открыла его *под* водой.

От ужаса Гарри поскользнулся и изрядно наглотался пены. Отплевываясь, он встал в воде и увидел призрак очень хмурой барышни, восседавшей, скрестив ноги, на кране. Это была Меланхольная Миртл, чей плач обыкновенно слышался из сифона в туалете трёх этажами ниже.

– Миртл! – возмутился Гарри. – Я… на мне ничего нет!

Вряд ли это имело значение в такой густой пене, но у него возникло кошмарное подозрение, что Миртл шпионила за ним из крана с той минуты, как он здесь появился.

– Когда ты залезал в воду, я зажмурилась, – сказал призрак, заморгав глазами за толстыми стеклами очков. – Ты не навещал меня уже *тыщу лет*.

– Да… точно… – пробормотал Гарри, сгибая колени, чтобы Миртл точно ничего не увидела, кроме его головы. – Мне же и не полагаетсяходить в ваш туалет, правда? Он ведь женский.

– Когда-то тебя это не смущало, – несчастным голосом упрекнула Миртл. – Ты сидел там часами.

Это была истинная правда. В свое время неработающий туалет Миртл очень пригодился Гарри, Рону и Гермионе для тайного изготовления всеэссенции – запрещенного зелья, с помощью которого Гарри с Роном на час превратились в двойников Краббе и Гойла и сумели пробраться в общую гостиную «Слизерина».

– Меня отругали за то, что я туда ходил, – объяснил Гарри. И почти не соврал; один раз на выходе оттуда его изловил Перси. – И я подумал, что мне, наверное, лучше там не появляться.

– А… понятно… – угрюмо ковыряя прыщ на подбородке, протянула Миртл. – Ладно… не важно… Я бы опустила яйцо в воду. Так Седрик Диггори делал.

– А ты и за ним шпионила? – вознегодовал Гарри. – Ты что же это, пробираешься сюда по вечерам посмотреть, как старосты моются?

— Иногда, — хитро ответила Миртл, — но раньше я ни с кем не заговаривала.

— Я польщен, — мрачно бросил Гарри. — Закрой глаза!

Он удостоверился, что Миртл как следует прикрыла очки ладошками, выскочил из ванны и, накрепко обмотавшись полотенцем, пошел за яйцом.

Когда он снова оказался в воде, Миртл раздвинула пальцы и сказала:

— Давай... открои его!

Гарри опустил яйцо под слой пены, открыл... и на этот раз оно не завыло. Из него полилась булькающая песня — будто кто-то под водой полоскал горло. Слова различить было невозможно.

— Голову тоже под воду, — распорядилась Миртл; командовала она с явным наслаждением. — Давай!

Гарри глубоко вдохнул, соскользнул вниз — и теперь, сидя в обнимку с яйцом на мраморном дне пенной ванны, он услышал хор дребезжащих, неземных голосов:

*Иди на голос, но усвой:
Не можем петь мы над землей.
Мы взяли то, чего тебе
Хватать не будет на земле.
И у тебя всего лишь час,
Чтоб это отобрать у нас.
Пройдет часок, и все, привет, —
Оно уж не увидит свет.*

Гарри всплыл, и его голова вырвалась на поверхность над слоем пузырьков. Он убрал с глаз мокрые волосы.

— Слышал? — спросила Миртл.

— Да... «Иди на голос»... и пойду, куда деваться... погоди, я еще послушаю... — И он снова нырнул.

За три подводных прослушивания он запомнил стихи, а затем, глубоко задумавшись, побродил в воде. Миртл сидела и наблюдала.

— Нужно найти людей, чьи голоса не слышны над землей... — медленно проговорил он. — Э-э-э... это кто же такие?

— Ну ты и тугодум!

Он никогда не видел, чтобы Миртл была так довольна, если не считать того раза, когда у Гермионы от всеэссенции покрылось шерстью лицо и вырос хвост.

Гарри, напряженно размышляя, водил глазами по стенам... раз голоса слышны только под водой, значит, логично предположить, что поют некие подводные существа. Он поделился своей теорией с Миртл, и та в ответ ухмыльнулась.

– То же самое говорил и Диггори, – сказала она. – Лежал тут и сам с собой разговаривал лет сто. Или тыщу... почти все пузыри осели...

– Под водой... – задумчиво проговорил Гарри. – Миртл... кто кроме гигантского кальмара живет в озере?

– Кто только не живет, – ответила она. – Я иногда там бываю... иногда выбора нет, если кто-то неожиданно спускает воду...

Страясь не воображать, как Миртл вместе с содержимым унитаза улетает по канализационным трубам в озеро, Гарри продолжил:

– Хорошо, кто-нибудь с человеческими голосами там живет? Подожди-ка...

Взгляд Гарри упал на изображение спящей русалки.

– Миртл, русалки там есть?

– О-о-о, какой ты молодец! – похвалила она, сверкнув очками. – Диггори думал гораздо дольше! Хотя она не спала. – Миртл с мрачным неодобрением кивнула на русалку. – Хохотала, выпендривалась, плавниками тряслась...

– Значит, все правильно? – обрадовался Гарри. – Второе задание состоит в том, чтобы найти в озере русалок и... и...

Внезапно до него дошел смысл собственных слов, и радость стремительно вылилась из него, будто кто-то вытащил из живота затычку. Плавает-то он не очень хорошо, толком не учился. Когда они были маленькие, Дудли водили на уроки плавания, а Гарри – ни разу; видимо, Дурслеи надеялись, что в один прекрасный день он утонет. Поплавать в этой ванне – еще туда-сюда, но в озере... оно же огромное, глубокое... а русалки наверняка живут на самом дне...

– Миртл, – тихо позвал Гарри, – а как же мне там *дышать*?

При этих словах глаза Миртл вдруг снова наполнились слезами.

– Какая бес tactность! – пробормотала она и полезла в карман за носовым платком.

– Почему бес tactность? – не понял Гарри.

— Говорить со мной о дыхании! — взвилась Миртл, и ее пронзительный крик громким эхом отозвался в ванной. — Когда я сама не могу... когда я уже... много лет... — Она зарылась лицом в платок и громко захлюпала носом.

Гарри вспомнил, как чувствительна Миртл к тому, что мертвa, — остальные привидения не поднимали по этому поводу столько шума и не обижались на каждое слово.

— Прости, — сказал он нетерпеливо, — я не имел в виду... я забыл...

— Конечно, очень просто забыть, что Миртл умерла, — икая, Миртл посмотрела на него опухшими глазами. — Никто про меня не помнил и при жизни! Сколько времени им понадобилось, чтобы обнаружить мое тело, — вечность! — уж я-то знаю, сколько я просидела, их дожидалась! В туалет зашла Олив Хорнби. «Ты опять здесь, Миртл? Все дуешься? — спросила она. — А то профессор Диппет велел мне тебя найти...» И тут увидела мое тело... О-о-о, этого она не забыла до смертного часа... уж я постаралась... все ходила за ней и напоминала, даже на свадьбе ее брата...

Но Гарри не слушал; он снова задумался о русалочьей песне. «Мы взяли то, чего тебе хватать не будет на земле». Видимо, они что-то украдут, и ему придется это у них отобрать. Но что именно?

— ...потом, конечно, она обратилась в министерство магии, чтобы я ее больше не донимала, и мне пришлось вернуться сюда и жить в туалете.

— Здорово, — невпопад сказал Гарри. — Так, ну я сильно продвинулся... будь добра, закрой опять глаза, я выйду.

Он достал яйцо со dna бассейна, вышел из воды, вытерся, потом надел пижаму и халат.

— Ты еще придешь в туалет навестить меня? — трагически вопросила Миртл, когда Гарри наклонился за плащом-невидимкой.

— Ммм... постараюсь, — ответил Гарри, прекрасно зная, что придет, только если засорятся все остальные туалеты в замке. — Увидимся, Миртл... Спасибо за помощь.

— Пока-пока, — мрачно буркнула она. Гарри надел плащ и успел заметить, как Миртл стремительно всосалась в кран.

В темном коридоре Гарри внимательно посмотрел в Карту Каверзника — удостовериться, что путь свободен. Так. Точки, обозначающие Филча и миссис Норрис, благополучно сидят в

кабинете смотрителя... Больше вроде бы никого, кроме Дрюзга, – тот скачет по трофеиной этажом выше... Гарри уже сделал первый шаг по направлению к гриффиндорской башне, но тут кое-что привлекло его внимание... очень подозрительно.

Двигалась *не только* точка, обозначавшая Дрюзга. По комнате в левом нижнем углу – кабинету Злея – металась еще одна. Но она не была помечена «Злотеус Злей»... под ней было написано: «Бартемиус Сгорбс».

Гарри в изумлении уставился на Карту. Считается, будто мистер Сгорбс тяжело болен – так болен, что не смог приехать на Рождественский бал, – и что же он делает в «Хогварце» в час ночи? Гарри следил за точкой – та без устали кружила по кабинету, время от времени задерживаясь тут и там.

Гарри постоял в нерешительности... а потом любопытство победило. Он развернулся и направился в другую сторону, к ближайшей лестнице. Надо выяснить, что затевает Сгорбс.

Гарри спускался как можнотише, и все же лица на некоторых портретах удивленно оборачивались на скрип ступенек, на шорох пижамы. Затем прокрался по коридору где-то до середины, толкнул гобелен и зашагал по узкой лесенке – это был короткий путь еще на два этажа вниз. Гарри не забывал посматривать на Карту и напряженно думал... как-то это не вяжется с характером мистера Сгорбса, такого правильного и законопослушного, – среди ночи шарить в чужом кабинете...

И вот тут-то – поскольку Гарри думал лишь о непонятном поведении мистера Сгорбса – его нога провалилась на той самой злополучной ступеньке, о которой вечно забывал Невилл. Гарри глупо замахал руками, и еще влажное золотое яйцо выскользнуло из-под мышки – он рванулся за ним, но не успел; яйцо покатилось, грохоча по многочисленным ступеням, как бас-барабан. Плащ-невидимка стал соскальзывать, Гарри судорожно вцепился в него и выпустил Карту Каверзника. Та съехала на шесть ступенек вниз. У Гарри, провалившегося по колено, не было никакой возможности ее достать.

Золотое яйцо выкатилось за гобелен у подножия лестницы, распахнулось и завопило на весь замок. Гарри вытащил палочку и попытался стереть изображение с Карты, но Карта была слишком далеко.

Гарри закутался в плащ, выпрямился и, в страхе зажмутившись, навострил уши... и почти сразу же услышал:

– ДРЮЗГ!

Вне сомнения, то был охотничий клич смотрителя Филча. До Гарри донеслось его быстрое шарканье. С каждой секундой оно становилось все громче. Пронзительный голос Филча звенел от ярости:

– Это что еще за шум? Хочешь перебудить весь замок, а? Я тебе покажу, Дрюзг, я тебе покажу, ты у меня... а это что такое?

Шаги Филча замерли; раздался металлический лязг, и вой прекратился – Филч подобрал и захлопнул яйцо. Гарри в капкане волшебной ступеньки застыл, напряженно вслушиваясь. Филч вот-вот отодвинет гобелен, ожидая найти за ним Дрюзга... и не найдет... но, если хоть немного поднимется по лестнице, заметит Карту Каверзника... а та, несмотря ни на какой плащ-невидимку, покажет «Гарри Поттера» там, где он сейчас и находится...

– Яйцо? – донесся тихий голос Филча. – Моя дорогая! – С ним, очевидно, была миссис Норрис. – Это же загадка Тремудрого Турнира! Оно принадлежит кому-то из чемпионов!

Гарри затошнило, сердце колотилось быстро-быстро...

– ДРЮЗГ! – возликовал Филч. – Это ты украл!

Он рванул гобелен, и Гарри увидел выпученные белесые глаза с отвратительными мешками: глаза эти вперились в темноту пустой (для Филча) лестницы.

– Спрятался? – вкрадчиво заговорил смотритель. – Сейчас я тебя поймаю, Дрюзг... Надо же, украл Тремудрую загадку... Смотри, мерзкий ворюга, Думбльдор тебе устроит, он тебя выселит...

Филч начал взбираться по лестнице. За ним по пятам бесшумно двигалась костлявая кошка цвета пыли. Огромные глаза-фонари миссис Норрис, один в один глаза ее хозяина, были прикованы к Гарри. Ему и раньше казалось, что плащ-невидимка не действует на кошек... От нехороших предчувствий его мутило, он смотрел на старый фланелевый халат надвигающегося Филча – судорожно дернулся ногой, но она только глубже застяла – Филч вот-вот увидит Карту или наткнется прямо на Гарри...

– Филч? Что здесь происходит?

Филч остановился за несколько ступенек от Гарри и обернулся. Под лестницей стоял тот, кто один на всю школу мог по максимуму

ухудшить положение Гарри, – Злей. Он был в длинной серой ночной рубашке и от ярости кипел.

– Да это все Дрюзг, профессор, – злорадно прошептал Филч. – Вот, сбросил с лестницы яйцо.

Злей взбежал по лестнице к Филчу. Гарри сжал зубы, убежденный, что его сейчас же обнаружат по громкому стуку сердца...

– Дрюзг? – тихо повторил Злей, задумчиво глядя на яйцо в руках у Филча. – Но в мой кабинет Дрюзгу не пробраться...

– Яйцо было в вашем кабинете, профессор?

– Разумеется, нет, – отрезал Злей, – я услышал грохот и завывания...

– Да, профессор, это яйцо...

– ...вышел проверить...

– ...его Дрюзг сбросил, профессор...

– ...а когда проходил мимо кабинета, увидел, что там зажжены факелы и дверца шкафа приоткрыта! Кто-то там рылся!

– Но Дрюзг не мог...

– Вот именно, не мог! – рявкнул Злей. – Я закрываю свой кабинет таким заклинанием, снять которое под силу только колдуны! – Злей посмотрел вверх по лестнице, прямо сквозь Гарри, потом вниз в коридор. – Филч, прошу вас пойти со мной и помочь отыскать взломщика.

– Я... конечно, профессор... но...

Филч с вожделением поглядел наверх, тоже сквозь Гарри; ясно было, что смотритель отчаянно не хотел упускать случай прижать полтергейста. *Уходи, взмолился про себя Гарри, иди за Злеем... уходи...* У ног Филча крутилась миссис Норрис... Гарри отчетливо заподозрил, что она его чует... ну зачем он налил в ванну столько ароматической пены?

– Понимаете, профессор, – жалобно начал Филч, – на этот раз директор просто обязан ко мне прислушаться! Дрюзг украл вещь, принадлежащую ученику, это, может, мой единственный шанс, чтоб его вышвырнули из замка раз и навсегда...

– Филч, мне плевать, что будет с вашим дебильным полтергейстом, меня волнует мой кабинет...

Клац. Клац. Клац.

Злей очень резко осекся. Они с Филчем одновременно посмотрели вниз. Между их голов Гарри увидел, как в поле зрения, хромая и по обыкновению опираясь на посох, возник Шизоглаз Хмури. Поверх ночной рубашки он накинул старый дорожный плащ.

– У нас тут что, пижамная вечеринка? – пророкотал он.

– Мы с профессором Злеем слышали шум, – немедленно отозвался Филч. – Дрюзг, как всегда, швыряется чем попало... а еще профессор Злей обнаружил, что кто-то вломился к нему в каби...

– Тихо! – шепотом прикрикнул на него Злей.

Хмури приблизился к лестнице еще на один шаг. Волшебный глаз пробежался по Злею, а потом, вне всяких сомнений, уставился на Гарри.

Сердце Гарри, жутко содрогнувшись, оборвалось. Хмури видит сквозь плащи-невидимки... он один способен понять, до чего странную сцену застал... Злей в ночной рубашке, Филч обнимается с яйцом, а он, Гарри, застрял в ловушке. Косой рот-надрез удивленно раскрылся. Несколько секунд Хмури и Гарри глядели друг другу в глаза. Потом Хмури закрыл рот и снова перевел голубой глаз на Злея.

– Я правильно расслышал, Злей? – с расстановкой спросил он. – Кто-то вломился в ваш кабинет?

– Это не важно, – холодно произнес Злей.

– Напротив, – пророкотал Хмури. – Важно, и еще как. Кому и что понадобилось в вашем кабинете?

– Кому-то из учеников, насколько я понимаю, – сказал Злей. Гарри было видно, как на сальном виске отчаянно бьется жилка. – Это и раньше случалось. Из моего личного хранилища уже пропадали кое-какие вещества... без сомнения, кто-то затеял приготовить запрещенное зелье...

– Думаете, они искали ингредиенты для зелья? – продолжал допрос Хмури. – А вы случайно ничего *этакого* у себя не прячете, а?

Желтоватое лицо Злея приобрело отвратительный кирпичный оттенок, жилка на виске забилась быстрее.

– Вам лучше других известно, Хмури, что прятать мне нечего, – вкрадчиво, но угрожающе ответил он, – поскольку вы и сами тщательно обыскивали мой кабинет.

Лицо Хмури искривилось в улыбке:

– По праву авора, Злей. Думблэдор велел послеживать...

— Так уж случилось, что Думбльдор мне доверяет, — прощедил Злей. — Он никак не мог санкционировать обыск моего кабинета!

— Конечно, Думбльдор вам доверяет, — проворчал Хмури. — Он вообще доверчивый, наш Думбльдор. Верит в еще один шанс. Что касается меня... я бы сказал, есть пятна, Злей, которые не смываются. Несмываемые пятна, понимаете, о чём я?

Злей отреагировал очень странно. Он вдруг схватился правой рукой за левую, над запястьем, словно его там обожгло.

Хмури засмеялся:

— Возвращайтесь в постель, Злей.

— Вы не уполномочены указывать, что мне делать! — зашипел Злей, отпуская собственную руку и как будто злясь на себя. — У меня не меньше прав бродить тут ночью, чем у вас!

— Бродите на здоровье, — ответил Хмури, но в голосе его звучала угроза. — Надеюсь, как-нибудь встретимся в темном коридорчике... Кстати, вы что-то уронили...

Гарри будто нож вонзился в сердце, когда он увидел, что Хмури показывает на Карту Каверзника, по-прежнему лежащую шестью ступеньками ниже. Злей с Филчем повернулись к Карте, а Гарри, отбросив всяческую предосторожность, замахал руками под плащом, чтобы привлечь внимание Хмури, и беззвучно закричал: «Это мое! *Moe!*»

Злей потянулся за Картою. Гадкая физиономия постепенно озарялась пониманием...

— Акцио пергамент!

Карта, проскользнув меж пальцев Злея, взмыла над ступеньками и полетела вниз прямо в руку Хмури.

— Извините, ошибся, — спокойно произнес тот. —

Это мое... должно быть, раньше обронил...

Однако черные глаза Злея бегали от яйца в руке Филча к пергаменту в руке Хмури, и Гарри стало ясно, что сообразительный Злей уже помножил два на два...

— Поттер, — тихо сказал он.

— Что такое? — по-прежнему спокойно спросил Хмури, сворачивая Карту и пряча ее в карман.

— Поттер! — взревел Злей. Он повернул голову и посмотрел прямо туда, где и в самом деле стоял Гарри, точно вдруг обрел способность

его видеть. – Это яйцо принадлежит Поттеру. Этот пергамент тоже принадлежит Поттеру. Я видел это раньше, я узнал! Поттер где-то здесь! В плаще-невидимке!

Злей, как слепец, вытянул руки и стал подниматься по лестнице. Его неестественно большие ноздри раздувались, вынюхивая Гарри, – тот, застряв в ловушке, откинулся назад, чтобы Злей до него не дотронулся... всего пара дюймов, и...

– Там никого нет, Злей! – гаркнул Хмури. – Но я буду рад доложить директору, что вы сразу же постарались свалить все на Поттера!

– Что вы хотите этим сказать? – повернув голову к Хмури, рявкнул Злей. Рук он не опустил, и они почти касались груди Гарри.

– Я хочу сказать, что Думбльдора очень интересует, кто в школе до такой степени ненавидит мальчика! – Хмури подковылял ближе к лестнице. – И меня тоже, к слову сказать... очень интересует...

Мерцающий свет факела озарил уродливое лицо, отчетливо прорисовав морщины и выемку в носу.

Злей смотрел вниз на Хмури, и его лица Гарри не видел. Все молчали и не шевелились. Затем Злей медленно опустил руки.

– Я только подумал, – с напускным спокойствием заговорил Злей, – что, если Поттер снова разгуливает по школе в неподложенное время... есть у него такая дурная привычка... это следует пресечь. Для его же блага.

– Ах, я понимаю, – мягко ответил Хмури. – Блюдем интересы Поттера?

Снова повисло молчание. Злей и Хмури сверлили друг друга взглядами. Миссис Норрис, высунувшись из-за ноги Филча, громко мяукнула, силясь найти, откуда же пахнет пеной для ванн.

– Думаю, мне пора спать, – коротко бросил Злей.

– Первая здравая мысль за всю ночь, – съязвил Хмури. – А теперь, Филч, позвольте яйцо...

– Нет! – Филч прижал яйцо к груди, словно возлюбленного первенца. – Профессор Хмури, это вещественное доказательство, что Дрюзг совершил кражу!

– Это имущество чемпиона, у которого он украл, – возразил Хмури. – Передайте его мне, будьте добры.

Злей стремительно спустился и прошел мимо Хмури, не сказав более ни слова. Филч чиркнул что-то миссис Норрис, та еще

несколько секунд неподвижно глядела на Гарри, а затем развернулась и отправилась за хозяином. Еще задыхаясь от ужаса, Гарри расслышал, как шаги Злея удаляются по коридору. Филч отдал яйцо Хмури и тоже скрылся из виду, бормоча миссис Норрис:

– Ничего, моя дорогая... мы пойдем к Думбльдору утром... и все расскажем про Дрюзга...

Хлопнула дверь. Гарри остался наедине с Хмури. Тот уперся посохом в нижнюю ступеньку и начал с трудом взбираться по лестнице, на каждом втором шаге глухо клацая деревянной ногой.

– Чуть не попался, Поттер, – проворчал он.

– А... да... я... спасибо, – ослабевшим голосом пролепетал Гарри.

– Что это такое? – спросил Хмури, вынув из кармана и развернув Карту Каверзника.

– Карта «Хогварца», – ответил Гарри, очень надеясь, что Хмури его освободит, – нога ужасно болела.

– Мерлинова борода, – прошептал Хмури, уставившись на Карту. Волшебный глаз словно взбесился. – Вот так... вот так Кarta, Поттер!

– Да, она... очень полезная, – сказал Гарри. От боли у него уже слезы проступили на глазах. – Ммм... профессор Хмури, вы не могли бы мне помочь...

– Что? А! Да... разумеется...

Хмури взял Гарри под руки и потянул. Нога высвободилась из капкана, и Гарри перепрыгнул на ступеньку выше.

Хмури не отрывал глаз от Карты.

– Поттер, – медленно проговорил он, – а ты случайно не видел, кто вломился в кабинет к Злею? На этой Карте?

– Э-э-э... вообще-то видел... – признался Гарри. – Мистер Сгорбс.

Волшебный глаз стремительно просканировал поверхность Карты. Хмури вдруг ужасно встревожился.

– Сгорбс? – повторил он. – Ты... ты уверен, Поттер?

– Абсолютно.

– Хм. Больше его здесь нет. – Волшебный глаз не переставал бегать по Карте. – Сгорбс... весьма... весьма интересно.

Почти минуту он молча изучал Карту. Новость эта что-то значила для Хмури, это было ясно, и Гарри очень хотел бы знать, что именно. Может, спросить? Хмури пугал его... но ведь он же сейчас его спас...

— Эмм... профессор... а зачем, как вы думаете, мистеру Сгорбсу обыскивать кабинет Злея?

Волшебный глаз оторвался от Карты и, подрожав, застыл на лице Гарри. Взгляд был пронизывающий, и у Гарри создалось ощущение, что Хмури обдумывает, стоит ли отвечать, и если да, сколько можно рассказать.

— Скажем так, Поттер, — пробормотал наконец Хмури. — Поговаривают, что старина Шизоглаз одержим поимкой черных магов... но Шизоглаз ничто — *ничто* — в сравнении с Барти Сгорбсом.

Он вернулся к изучению Карты. Гарри сгорал от любопытства.

— Профессор Хмури! — снова сказал он. — А вам не кажется... что это связано с... вдруг мистер Сгорбс считает, будто здесь... что-то происходит?..

— Что, например? — резко спросил Хмури.

Гарри не знал, на что решиться. Если Хмури догадается, что у Гарри есть источник информации вне «Хогварца», могут начаться ненужные расспросы про Сириуса.

— Не знаю, — пролепетал он в конце концов, — в последнее время случилось много странного, правда же? В «Оракуле» писали... Смертный Знак на финальном матче, Упивающиеся Смертью и все прочее...

Оба глаза Хмури расширились.

— А ты умный паренек, Поттер, — сказал он. Волшебный глаз уехал вниз, к Карте. — Сгорбс, весьма вероятно, тоже так думает, — медленно продолжал он, — что ж... нехороших слухов полно... не без помощи Риты Вритер, разумеется. Пожалуй, многие нервничают. — Мрачная улыбка перекосила кривой рот. — Ох, что я ненавижу на свете, — пробормотал он, обращаясь скорее к самому себе, чем к Гарри, причем волшебный глаз упорно смотрел в левый нижний угол Карты, — так это Упивающегося Смертью, который разгуливает на свободе...

Гарри уставился на него. Неужели Хмури имеет в виду то, что Гарри подумал?

— А теперь вот какой вопрос, Поттер, — вдруг очень по-деловому произнес Хмури.

Сердце у Гарри упало; он знал, что сейчас будет. Хмури спросит, откуда взялась эта Карта — весьма сомнительный магический предмет, — и ответ обличит не только Гарри, но и его родного отца, и

близнецов Уизли, а также профессора Люпина, прошлогоднего преподавателя защиты от сил зла. Хмури помахал перед Гарри Картой, тот внутренне сжался...

– Можно мне ее одолжить?

– О! – воскликнул Гарри. Ему, конечно, было жалко отдавать Карту, но, с другой стороны, какое счастье, что Хмури не спросил, откуда она, и к тому же, безусловно, надо отплатить за помошь. – Да, конечно.

– Хороший мальчик, – пророкотал Хмури. – Уж я ею воспользуюсь... может, это *именно* то, чего мне не хватало... так, все, Поттер, спать, немедленно спать...

Они вместе поднялись по лестнице. Хмури смотрел на Карту не отрываясь, словно добыл невиданное сокровище. Они молча дошли до двери в кабинет Хмури. Там учитель остановился и взглянул на Гарри:

– Ты никогда не думал о карьере аврора, а, Поттер?

– Нет. – Гарри никак не ожидал такого вопроса.

– А зря. – Хмури покивал, задумчиво глядя на Гарри. – Да, в самом деле... и, кстати... я подозреваю, ты сегодня не просто так вывел яйцо погулять?

– Хм... нет... – улыбнулся Гарри. – Я загадку отгадывал.

Хмури подмигнул, и волшебный глаз снова закрутился как сумасшедший.

– Для размышлений, Поттер, еще не придумано ничего лучше хорошей ночной прогулки... увидимся утром... – И он, уткнувшись в Карту Каверзника, вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

Гарри побрел в гриффиндорскую башню, размышляя о Зле, о Сгорбсе, о том, что все это означает... Почему Сгорбс притворяется больным, а сам, когда нужно, вполне способен добраться до «Хогварца»? И что он искал в кабинете Злея?

А Хмури считает, что ему, Гарри, следует стать аврором! Интересная мысль... правда, десять минут спустя, забравшись в постель – плащ и яйцо наконец-то были надежно спрятаны в сундуке, – Гарри решил, что, прежде чем выбрать этот жизненный путь, хорошо бы сначала выяснить, много ли шрамов у других авроров.

Глава двадцать шестая

Второе испытание

– Ты же говорил, что уже разгадал! – возмутилась Гермиона.

– Тише ты! – сердито шикнул на нее Гарри. – Мне просто нужно было... кое-что уточнить.

Они втроем сидели в классе заклинаний на последней парте. Полагалось упражняться в заклятии, противоположном призывному, – отсылном. Поскольку летающие по классу предметы – источник потенциальной опасности, профессор Флитвик выдал ребятам кучу подушек, исходя из теоретического соображения, что подушки, даже пущенные мимо цели, никого не покалечат. Теория, что и говорить, была хороша, но на практике не срабатывала: Невилл так плохо прицеливался, что то и дело запускал в полет не подушки, а всякие другие вещи, потяжелее, – например самого профессора Флитвика.

– Ты можешь на минуточку забыть про это несчастное яйцо? – прошипел Гарри, как раз когда мимо обреченно просвистел Флитвик, вскоре приземлившийся на шкаф. – Послушай про Злея и Хмури...

Для приватной беседы этот урок был идеальным прикрытием – одноклассники так веселились, что ничего не замечали, и Гарри вот уже полчаса порциями пересказывал свои вчерашние приключения.

– Злей сказал, что Хмури обыскивал его кабинет? – шепотом переспросил Рон. Его глаза зажглись живейшим интересом. Попутно он небрежным взмахом палочки отоспал подушку прочь (и она сшибла шляпу с Парвати). – А что... ты считаешь, Хмури здесь, чтобы следить не только за Каркаровым, но и за Злеем?

– Я не знаю, просил ли об этом Думблдор, но Хмури все равно следит, – ответил Гарри и, не особо задумываясь, тоже взмахнул палочкой, в результате чего подушка нелепо спрыгнула со стола. – Хмури еще сказал, что Думблдор не гонит Злея только потому, что дает ему еще один шанс... что-то в этом роде...

– Что?! – Глаза Рона расширились, и его следующая подушка спирально закрутилась в воздухе, отрикошетила от канделябра и

тяжело плюхнулась на учительский стол. – Гарри... может, Хмури думает, что это Злей положил твою заявку в Кубок?

– Ой, Рон, – скептически покачала головой Гермиона, – если помнишь, мы раньше тоже думали, что Злей хочет убить Гарри, а оказалось, он спасал Гарри жизнь.

Между делом она отослала подушку. Та пролетела по комнате и аккуратно приземлилась в ящик, куда, собственно, их и полагалось отсыпать. Гарри задумчиво посмотрел на Гермиону. Однажды Злей действительно спас ему жизнь, хотя ненавидел Гарри не меньше, чем в свое время его отца. Злей обожал вычитать у Гарри баллы, никогда не упускал случая наложить взыскание и даже намекал, что хорошо было бы исключить его из школы.

– Мне все равно, что говорит Хмури, – продолжала Гермиона. – Думблдор не дурак. Он поверил Огриду и профессору Люпину, хотя другие ни за что не взяли бы их на работу, так с чего бы ему ошибаться насчет Злея, даже если Злей немножко...

– Опасен, – поспешил закончить Рон. – Брось, Гермиона, чего же тогда все эти ловцы черных магов обыскивают его кабинет?

– Почему мистер Сгорбс притворяется больным? – не слушая, проговорила Гермиона. – Это как-то странно, да? На Рождественский бал он приехать не может, а в кабинет к Злею среди ночи забраться может?

– Просто ты не любишь Сгорбса из-за его эльфа, из-за Винки, – сказал Рон и запустил подушку в окно.

– А *тебе* просто хочется думать, что Злей затевает недобroe, – ответила Гермиона, и ее подушка спокойно и с достоинством улетела в ящик.

– А мне просто хочется знать, что Злей сделал со своим первым шансом, раз ему дали еще один, – мрачно произнес Гарри, и его подушка, к его же величайшему изумлению, пролетела через весь класс и приземлилась точнехонько на Гермионину.

Помня просьбу Сириуса рассказывать обо всех необычных происшествиях в «Хогварце», Гарри в тот же вечер послал ему неясность с подробным рассказом о том, как мистер Сгорбс взломал кабинет Злея, а также о разговоре между Злеем и Хмури. После чего всерьез переключился на решение самой важной задачи, а именно,

каким образом двадцать четвертого февраля выжить под водой в течение целого часа.

Рон был за то, чтобы снова использовать призывное заклятие, – узнав от Гарри об аквалангах, Рон не видел причин, почему бы один такой не призвать из ближайшего мутлового города. Гермиона забраковала этот план, заметив, что, даже если Гарри и сумеет за час освоить снаряжение – что маловероятно, – его все равно дисквалифицируют за нарушение Международного соглашения о колдовской секретности. Нельзя же в самом деле всерьез надеяться, что ни один мугл не заметит летящего над полями акваланга.

– Разумеется, идеально было бы превратиться, допустим, в подводную лодку, – сказала она. – Вот если б мы уже прошли человеческие превращения! Но они, по-моему, только в шестом классе, а так, если точно не знаешь, еще неизвестно, чем окажешься...

– Да уж, перископ на лбу мне не нужен, – покивал Гарри. – Конечно, всегда можно напасть на кого-нибудь при Хмури, и он сам меня превратит...

– Только не обязательно в то, что нужно, – серьезно возразила Гермиона. – Короче, мне кажется, лучше всего поискать какое-нибудь заклятие.

И Гарри, предчувствуя, что уж чего-чего, а книжек он наестся на всю оставшуюся жизнь, в очередной раз обложился пыльными томами и принялся искать заклинание, которое позволяло бы человеку час жить без кислорода. Однако, несмотря на то, что они втроем трудились все обеденные перерывы, все вечера и все выходные, – и даже несмотря на то, что Гарри выпросил у профессора Макгонаголл пропуск в Закрытый отдел библиотеки и обращался за помощью к брюзгливой, похожей на стервятника библиотекарше мадам Щипц, – им не попалось ничего такого, что помогло бы Гарри пробить под водой целый час и при этом оставаться в живых.

На Гарри вновь нападали знакомые приступы паники, на уроках стало трудно сосредоточиться. Стоило подойти к окну, и взгляд влекло к себе озеро, некогда привычная до неприметности часть пейзажа, а ныне огромная, холодная, серо-стальная водная масса, чьи неведомые ледяные глубины казались теперь дальше луны.

Как и в прошлый раз перед встречей с хвосторогом, время ускользало стремительно, словно кто-то колдовским манером вдвое

ускорил часы. Только что до двадцать четвертого февраля оставалась неделя (еще есть время)... вот уже пять дней (скоро я непременно что-нибудь найду)... три дня (пожалуйста, пусть я что-нибудь найду, *ну пожалуйста*)...

Когда осталось два дня, у Гарри опять начисто пропал аппетит. Но на завтраке в понедельник случилось кое-что хорошее – вернулась неясыть. Гарри взял ответ, развернул и прочитал, пожалуй, самое коротенькое из всех писем Сириуса:

Срочно сообщи дату следующего похода в Хогсмед.

Гарри перевернул пергамент, надеясь увидеть еще что-нибудь, но больше ничего не было.

– Через выходные, – прошептала Гермиона, читавшая записку из-за плеча Гарри. – На, возьми мое перо, пошли ответ прямо сейчас.

Гарри нацарапал дату на обороте записки Сириуса, привязал пергамент к лапке неясыти и проследил, как сова улетает. А чего он, собственно, ожидал? Совета, как продержаться под водой? Но ведь он так зациклился на рассказе про Злея и Хмури, что даже не упомянул о загадке в яйце.

– А зачем ему наш следующий Хогсмед? – спросил Рон.

– Откуда я знаю, – пробубнил Гарри. Радость, мимолетно посетившая его при виде письма, умерла. – Пошли... на уход за магическими существами.

Вернувшись к работе, Огрид – то ли в виде компенсации за неприятности, доставленные драклами, то ли потому, что драклов осталось всего два, а может быть, желая показать, что знает не меньше профессора Гниллер-Планк, – продолжал занятия с единорогами. Выяснилось, что о единорогах Огрид знает не меньше, чем о всяких чудищах, хотя отсутствие у единорогов ядовитых зубов он явно находил огорчительным.

К сегодняшнему уроку он умудрился изловить двух жеребят единорога. В отличие от взрослых животных жеребята были чисто-золотого цвета. При виде их у Парвати с Лавандой от восторга едва не случились колики, и даже Панси Паркинсон пришлось сдерживаться изо всех сил, чтобы скрыть, как эти звери ей нравятся.

– Их легче заметить, чем взрослых, – рассказывал Огрид. – Серебряные они становятся года в два, а рожки отрастают примерно в

четыре. Чисто-белые они не станут, пока совсем не повзрослеют, это примерно в семь. Детеныши, они подоверчивей... и против мальчиков не так... идите сюда поближе, можете их погладить... дайте-ка вот им сахарку... Ты как, Гарри, нормально? – уголком рта спросил Огрид, слегка отодвинувшись от учеников, столпившихся возле единорожьих малышей.

– Да, – ответил Гарри.

– Боишься?

– Немного.

– Гарри, – Огрид положил ему на плечо массивную ладонь, и под этой тяжестью у Гарри подогнулись колени, – я тоже боялся, пока не увидал тебя с хвосторогом, зато теперь знаю: ежели захочешь, ты все сможешь. Я больше ни капли не боюсь. У тебя все будет путем. Ты ж загадку-то разгадал, верно?

Гарри кивнул. Его одолевало жгучее желание признаться, что он понятия не имеет, как целый час продержаться на дне озера. Он поднял глаза на Огрида – может, тому иногда требуется спускаться под воду, общаться с тамошними обитателями? В конце концов, он ведь присматривает за всем прочим на школьной территории...

– Ты обязательно победишь, – рокочущим басом заверил Огрид и похлопал Гарри по плечу. Тот почувствовал, как ноги уходят в слякотную землю. – Я точно знаю. Я чую. Ты обязательно победишь, Гарри.

Лицо Огрида так уверенно, счастливо сияло, что Гарри не смог, не захотел его разочаровывать. Он выдавил улыбку, притворился, что ужасно интересуется молодыми единорожками, и пошел их гладить вместе с остальными.

Вечером накануне второго испытания Гарри был как в кошмаре, от которого никак не очнуться. Теперь, даже если он и найдет подходящее заклинание, за ночь его толком не освоить. Как же до такого дошло? Почему он не взялся за загадку раньше? Почему он вечно ничего не слушает на уроках – вдруг кто-то из учителей рассказывал, как дышать под водой?

За окном садилось солнце, а они с Роном и Гермионой, разделенные грудами книг, сидели в библиотеке и лихорадочно перелистывали страницы. Всякий раз, когда Гарри видел слово «вода»,

у него от волнения случались перебои в сердце, но чаще всего это оказывалось что-нибудь вроде «возьмите две пинты воды, полфунта нацинкованных листьев мандрагоры и одного тритона...»

– По-моему, шансов ноль, – донесся из-за книжной баррикады бесцветный голос Рона. – Ничего нет. *Ничегошеньки*. Единственное хоть на что-то похожее – это засушное заклятие, чтобы высушивать пруды и лужи, но для озера в нем мощности не хватит.

– Должно же быть что-то... – пробормотала Гермиона, ближе придвигая свечку. Глаза у нее такустили, что по меленьким строчкам манускрипта «Старинные и забытые чаровства» она почти водила носом. – Они никогда не ставят невыполнимых задач.

– Ну вот поставили, – сказал Рон. – Гарри, в общем, так. Завтра пойдешь к озеру, сунешь голову под воду, наорешь на русалидов, чтоб отдавали, чего сперли, и посмотришь, что будет дальше. Единственный вариант.

– Должен, обязательно должен быть способ! – сердито оборвала его Гермиона – Обязан быть!

Отсутствие в библиотеке нужной информации она, похоже, воспринимала как личное оскорбление; раньше книги никогда ее не подводили.

– Я знаю, что мне надо было сделать, – пробурчал Гарри, уронив лицо на «Хитрые трюки для каждой хитрюги». – Стать анимагом, как Сириус.

– Точно, ты бы мог превращаться в золотую рыбку! – поддержал Рон.

– Или в лягушку, – зевнул Гарри. Он смертельно устал.

– На то, чтобы стать анимагом, уходят годы, и к тому же надо регистрироваться, – рассеянно забормотала Гермиона, щурясь на оглавление «Критических колдовских ситуаций и способов их разрешения». – Помните, профессор Макгонаголл рассказывала... нужно зарегистрироваться в отделе неправомочного использования колдовства... указать, в какое животное превращаешься, сообщить свои особые приметы, чтобы не злоупотреблять...

– Гермиона, я пошутил, – устало перебил ее Гарри. – Я знаю, что не научусь превращаться в лягушку...

– Ой, это все бесполезно. – Гермиона захлопнула «Критические колдовские ситуации». – На кой ляд завивать волоски в носу? Кому это

надо?

— А я бы вот не возражал, — раздался вдруг голос Фреда Уизли. — А что, всегда тема для разговора.

Гарри, Рон и Гермиона подняли глаза. Из-за стеллажей появились близнецы.

— Что это вы тут делаете? — спросил Рон.

— Ищем тебя, — ответил Джордж. — Тебя Макгонаголл зовет. И тебя, Гермиона, тоже.

— Зачем? — удивилась та.

— Вот уж не знаю... но вид у нее был мрачный, — доложил Фред.

Рон с Гермионой посмотрели на Гарри, у которого что-то оборвалось в животе. Неужели профессор Макгонаголл хочет их отругать? Наверное, обратила внимание, как много они ему помогают, а он же должен разбираться сам...

— Встретимся в общей гостиной, — сказала ему Гермиона. Они с Роном поднялись; оба очень встревожились. — Возьми с собой книжек, сколько унесешь, ладно?

— Ладно, — нервно пообещал Гарри.

В восемь часов мадам Щипц погасила все лампы и пришла выгнать Гарри из библиотеки. Шатаясь под тяжестью книг, Гарри возвратился в гриффиндорскую башню, оттащил столик в угол и продолжил поиски. Но не нашел ничего ни в «Экстремальной магии для эксцентричных магов», ни в «Руководстве по средневековому волшебству»... Пребывание под водой не упоминалось ни в «Антологии заклинаний восемнадцатого столетия», ни в сочинении «Гады гулких глубин», ни во «Внутренних силах, о которых вы раньше не подозревали, и теперь не знаете, куда девать».

На колени к Гарри забрался Косолапсус, свернулся клубочком и громко замурлыкал. Общая гостиная понемногу пустела. Все желали ему удачи, весело и бодро, как Огрид, видимо не сомневаясь, что его выступление пройдет блестательно, как и в прошлый раз. Гарри не в силах был отвечать, он только кивал, чувствуя, что в горле застрял мяч для гольфа. До полуночи десять минут; Гарри с Косолапсусом остались одни. Гарри перерыл уже все книги, а Рон с Гермионой не возвращались.

Все кончено, сказал он себе. Ты не справился. Завтра утром пойдешь к озеру и скажешь судьям...

Он представил, как объясняет жюри, что не сможет выполнить задание. Отчетливо увидел круглые, удивленные глаза Шульмана, удовлетворенную желтозубую улыбку Каркарова. Он почти что слышал слова Флёр Делакёр: «Я так и знала... он есче слишком мальенький». Малфой в первом ряду светит значком «ПОТТЕР – ВОНЮЧКА», у Огрида убитое, ошарашенное лицо...

Забыв, что у него на коленях Косолапус, Гарри вскочил; кот, свалившись на пол, сердито зашипел, с брезгливым недоумением поглядел на Гарри и удалился, задрав хвост. Но Гарри этого не заметил – он уже бежал по винтовой лестнице в спальню... Он возьмет плащ-невидимку и отправится назад в библиотеку, он просидит там всю ночь, если нужно...

– Люмос, – прошептал Гарри четверть часа спустя, открывая дверь в библиотеку.

Водя перед собой светящимся кончиком волшебной палочки, Гарри крался вдоль стеллажей, вытаскивая по дороге книги – книги о порче и заклятиях, книги о русалидах и водяных чудовищах, книги о знаменитых колдунах и ведьмах, о магических изобретениях, словом, обо всем, где хотя бы вскользь могло упоминаться выживание под водой. Он отнес все это к столу и взялся за работу, при свете слабого лучика просматривая страницу за страницей и изредка поглядывая на часы...

Час ночи... два ночи... чтобы не сдаваться, можно было только твердить себе: *в следующей книжке... в следующей... в следующей...*

Русалка на картине в ванной для старост громко смеялась. Гарри как пробка болтался в пенной воде под ее скалой, а она держала над головой его «Всполох».

– А ну-ка отними! – потешалась коварная русалка. – Давай прыгай!

– Не могу, – задыхался Гарри, пытаясь сцепать метлу и отчаянно сражаясь с волнами. – Отдай!

Но злодейка, заливисто хохоча, больно ткнула его в бок древком.

– Ой! Больно!.. Отстань!..

– Гарри Поттер должен немедленно проснуться, сэр!

– Хватит меня тыкать...

– Добби должен тыкать Гарри Поттера, сэр, Гарри Поттер должен проснуться!

Гарри открыл глаза. Он по-прежнему был в библиотеке; плащ-невидимка, пока он спал, соскользнул с головы, щека прилипла к странице брошюры «Была бы палочка, а заклинанье найдется». Он сел и поправил очки, моргая от яркого дневного света.

– Гарри Поттер должен торопиться! – пропищал Добби. – Второе испытание начинается через десять минут, и Гарри Поттеру...

– Через десять минут? – хрипло повторил Гарри. – Десять... десять минут?

Он посмотрел на часы. Добби был прав. Двадцать минут десятого. Что-то огромное и тяжелое мертвым грузом свалилось из груди Гарри прямо в живот.

– Гарри Поттер должен торопиться! – верещал Добби, дергая Гарри за рукав. – Вы уже должны быть у озера с остальными чемпионами, сэр!

– Поздно, Добби, – безнадежно махнул рукой Гарри. – Я не выполню задание, я не знаю как...

– Гарри Поттер *обязательно* выполнит задание! – пискнул эльф. – Добби знал, что Гарри Поттер не нашел нужной книжки, поэтому Добби нашел сам!

– Что? – не поверил своим ушам Гарри. – Но ты же не знаешь, какое задание?

– Добби знает, сэр! Гарри Поттер должен прыгнуть в озеро и найти Виззи...

– Какую Лиззи?

– Виззи! Забрать Виззи у русалидов!

– Что за Лиззи?

– Вашего Виззи, сэр, вашего Виззи – Виззи, который подарили Добби свитер!

Добби приподнял пальчиками подол севшего свекольного свитера, который он теперь носил вместе с шортами.

– *Что?!* – задохнулся от ужаса Гарри. – Они... забрали Рона?

– То, чего Гарри Поттеру будет больше всего не хватать на земле, сэр! – пояснил Добби. – А через час...

– «Пройдет часок, и все, привет, – процитировал Гарри, в ужасе глядя на эльфа, – оно уж не увидит свет...» Добби... что мне делать?

– Съесть вот это, сэр! – скрипнул эльф, запустил руку в карман и вытащил моток каких-то скользких серо-зеленых крысиных хвостов. –

Прямо перед тем, как нырнуть, сэр, – это жаброводоросли!

– А зачем они? – вытаращился Гарри.

– Они помогут Гарри Поттеру дышать под водой, сэр!

– Добби, – лихорадочно спросил Гарри, – послушай… ты уверен?

Все-таки нельзя забывать, что в прошлый раз, когда Добби пытался «помочь», Гарри остался без костей в правой руке.

– Добби абсолютно уверен, сэр! – убежденно сказал эльф. – Добби слышит разговоры, сэр, он домовый эльф, он ходит по замку, зажигает каминсы, вытирает полы, и Добби слышал, как профессор Макгонаголл и профессор Хмури разговаривали в учительской про следующее задание… Добби не допустит, чтобы Гарри Поттер потерял своего Виззи!

Все сомнения исчезли. Вскочив, Гарри стащил с себя плащ-невидимку, запихнул его в рюкзак, схватил жаброводоросли, спрятал их в карман и бросился вон из библиотеки. Добби бежал за ним по пятам.

– Добби должен вернуться на кухню, сэр! – пискнул Добби в коридоре. – Добби могут хватиться – удачи, Гарри Поттер, сэр, удачи!

– Увидимся, Добби! – прокричал Гарри и помчался по коридору, а потом по лестнице, через две ступени.

В вестибюле еще попадались школьники, опаздывающие к началу второго испытания. Они выходили из Большого зала и торопились к дубовым дверям. Все с удивлением проводили глазами Гарри, а тот, случайно раскидав Колина и Денниса Криви, перелетел парадную лестницу и оказался на солнечном холодном дворе.

Барабаня пятками по газону, он заметил, что трибуны, окружавшие драконий загон в ноябре, теперь возвышались на другом берегу озера, отражаясь в водной глади. Трибуны были заполнены до отказа; возбужденный рокот голосов странно разносился над водой. Гарри со всех ног летел к судьям – те сидели за столом, задрапированным золотой тканью, у самой кромки воды на ближнем берегу. Седрик, Флёр и Крум стояли подле судейского стола и смотрели, как Гарри бежит.

– Я… здесь… – пропыхтел он, резко затормозив и случайно обдав Флёр грязью.

– Где ты был? – недовольно произнес начальственный голос. – Испытание вот-вот начнется!

Гарри оглянулся. Голос принадлежал Перси Уизли. Он сидел за судейским столом – мистер Сгорбс опять не явился.

– Ладно, ладно, Перси! – сказал Людо Шульман, с нескрываемым облегчением глядя на Гарри. – Дай человеку дух перевести!

Думбльдор улыбнулся Гарри, а вот Каркаров и мадам Максим были недовольны… судя по лицам, надеялись, что он не придет.

Запыхавшийся Гарри согнулся пополам, уперев ладони в колени; бок болел так, будто в него вонзили нож, но времени прийти в себя не оставалось – Людо Шульман уже расставлял чемпионов на берегу в десяти футах друг от друга. Гарри поставили самым последним, за Крумом, одетым в плавки и державшим наготове палочку.

– Все нормально, Гарри? – шепнул Шульман, отодвигая Гарри от Крума еще на пару футов. – Знаешь, что делать?

– Да, – выдохнул Гарри, потирая бок.

Шульман коротко сжал ему плечо и вернулся к судейскому столу. Он указал волшебной палочкой себе на горло, как на финале кубка, сказал:

– Сонорус! – и его громовой голос понесся над водой к трибунам: – Итак, наши чемпионы готовы ко второму испытанию. Они стартуют по моему свистку. У них есть ровно час, чтобы вернуть то, что у них отобрали. На счет три, прошу: раз… два… *три!*

В холодном, неподвижном воздухе пронзительно заверещал свисток; трибуны взорвались радостными криками и рукоплесканиями. Не глядя на других чемпионов, Гарри снял ботинки и носки, вытащил из кармана скомканые жаброводоросли, запихал их в рот и вошел в озеро.

Вода оказалась такой ледяной, что кожу на ногах опалило, точно огнем. Чем глубже он входил, тем сильнее тянула вниз намокающая мантия, вода уже дошла до колен, стремительно немеющие ноги скользили на илистом дне, на осклизлых плоских камнях. Он изо всех сил пережевывал жаброводоросли – на вкус они были противные, скользко-резиновые, как щупальца осьминога. Зайдя в воду по пояс, Гарри остановился, проглотил и стал ждать.

Он слышал смех публики и знал, что выглядит глупо: забрел в воду, как корова, сделал бы хоть что-нибудь волшебное. Все тело, что не намокло, покрылось мурашками; он стоял в ледяной воде, жесточайший ветер трепал волосы, от холода колотило. Гарри избегал

смотреть на трибуны – смех становился все громче, слизеринцы уже свистели и глумились…

А затем, совершенно неожиданно, рот и нос как будто накрыла невидимая подушка. Гарри попробовал вдохнуть, но от этого только закружила голова; в легких было пусто, шея по бокам вдруг ужасно заболела…

Гарри обеими руками схватился за горло и нашупал под ушами большие прорези, ритмично хлопающие в ледяном воздухе… *у него появились жабры.* Не раздумывая, он сделал то единственное, что имело смысл в данной ситуации, – с размаху бросился в воду.

Первый же судорожный глоток ледяной воды был как глоток жизни. Голова перестала кружиться, Гарри еще раз глубоко втянул в себя воду и почувствовал, как она гладко выходит сквозь жабры, отдавая кислород в мозг. Он вытянул руки и посмотрел. Под водой они выглядели призрачно-зелеными, между пальцев появились перепонки. Он изогнулся и взглянул на свои босые ноги – те удлинились, ступни тоже стали перепончатыми: у него как будто отросли ласты.

Вода больше не была ледяной… наоборот, она дарила приятную прохладу и легкость… Гарри вытянулся, наслаждаясь, – ноги-ласты с восхитительной скоростью понесли его вдаль, он видел все вокруг с удивительной четкостью, и ему больше не требовалось моргать. Вскоре он уплыл так далеко, что уже не видел дна. Потом нырнул и ушел на глубину.

Он летел над загадочным, темным, туманным ландшафтом. Тишина давила на уши. Он видел не дальше футов десяти вокруг, и новые пейзажи высказывали из мрака неожиданно: леса спутанных извивающихся водорослей, широкие илистые равнины, усеянные тусклыми мерцающими камнями. Распахнув глаза, Гарри заплывал все глубже и глубже, в середину озера, сквозь толщу воды, пронизанную потусторонним серым светом, вглядываясь в темные дали, где вода становилась непрозрачной.

Вокруг серебристыми стрелами сновали быстрые рыбки. Раз или два ему показалось, что впереди виднеется нечто посущественнее рыбок, но, подплывая ближе, он обнаруживал всего-навсего большое почерневшее бревно или густой клубок растительности. Нигде не видать ни других чемпионов, ни русалидов, ни Рона – ни, к счастью, гигантского кальмара.

Вдруг перед ним открылся бескрайний луг светло-зеленых водорослей высотой фута в два. Гарри не мигая уставился перед собой, силясь различить во мраке очертания чего-то непонятного... и тут ни с того ни с сего кто-то сцепал его за лодыжку.

Гарри изогнулся и увидел загрыбаста, маленького, рогатого водяного демона. Высунувшись из зарослей и обнажив острые зубки, он длинными пальчиками обхватил ногу Гарри – Гарри сунул перепончатую руку в карман мантии и порылся в поисках палочки – но, когда ее нашел, из водорослевого леса высунулись еще два загрыбаста, стали хватать Гарри за мантию, утягивая вниз.

– Релашио! – прокричал Гарри, правда, не издав при этом ни звука... изо рта выплыл большой пузырь, а палочка, вместо того чтобы ударить в загрыбастов искрами, выпустила в них заряды, судя по всему, кипящей воды – от них на зеленой коже демонов проступали красные пятна. Гарри выдернул ногу из лапы загрыбаста и во весь опор поплыл прочь, не оборачиваясь, но периодически отстреливаясь через плечо кипятком; его то и дело хватали за ноги другие загрыбасты, и тогда он с силой брыкался. Наконец он почувствовал, что его нога ударила о рогатый череп, и, обернувшись, увидел, как полуобморочный загрыбаст, у которого глаза съехались к переносице, медленно уплывает прочь, а его соплеменники грозят кулаками и погружаются в заросли.

Гарри немного замедлил ход, убрал палочку в карман и внимательно осмотрелся, прислушиваясь. Он сделал в воде полный оборот. Тишина сильнее прежнего давила на барабанные перепонки. Ясно, что он заплыл много глубже, но вокруг все равно не было ничего, кроме извивающихся водорослей.

– Ну, как дела?

С Гарри чуть не случился сердечный приступ. Он стремительно развернулся и увидел дымчатую Меланхольную Миртл – она смотрела на него сквозь перламутровые очки с толстыми стеклами.

– Миртл! – хотел было вскричать Гарри – но опять-таки изо рта вышел только очень большой пузырь. Меланхольная Миртл явственно захихикала.

– Ты бы посмотрел вон там! – показала она. – Я с тобой не пойду... я их не очень-то люблю, они вечно за мной гоняются, когда я подхожу слишком близко...

Гарри в знак благодарности показал ей большие пальцы и поплыл, стараясь держаться повыше над водорослями, на случай, если там тоже шныряют загрыбасты.

Плыл он, по ощущениям, по крайней мере минут двадцать. Внизу простиралась обширная илистая равнина, и Гарри, проплывая, поднимал на ней темные смерчики. Затем наконец до него донеслись долгожданные звуки – обрывки русалочьей песни:

*И у тебя всего лишь час,
Чтоб это отобрать у нас...*

Гарри поплыл быстрее, и вскоре перед ним прямо из мутной воды вырос громадный камень. На нем были нарисованы русалиды с копьями в руках – кажется, сцена охоты на гигантского кальмара. Гарри поплыл мимо камня на пение:

*...уже не час, а полчаса,
скорей плыви на голоса,
не то – ужасный поворот —
то, что ты ищешь, здесь сгниет...*

Неожиданно со всех сторон из мрака стали вырастать грубые каменные строения в пятнах водорослей. В окнах Гарри увидел лица... вовсе не похожие на лицо с картины в ванной для старост...

У русалидов была серо-зеленая кожа, на головах дикие копны длинных темно-зеленых волос. Глаза желтые, как и щербатые зубы, на шеях толстые связки каменных бус. Русалиды украдкой глядели на Гарри; двое или трое, сжимая в руках копья, с силой хлеща мощными рыбьими хвостами, явились из своих жилищ, чтобы получше его рассмотреть.

Озираясь, Гарри ускорил движение, и вскоре домов стало больше, вокруг некоторых росли сады из водорослей, а один раз у двери он даже увидел цепного загрыбаста. Русалиды, появляясь отовсюду, пристально наблюдали за пришельцем, показывали на его жабры и перепончатые руки, и переговаривались, ладонями прикрывая рты. Гарри поскорее свернулся, и его глазам открылось странное зрелище.

Меж домов, обступивших русалий вариант деревенской площади, плавала целая толпа русалидов. В центре пел хор, призывающий чемпионов, а за ним высилась грубо вытесанная из камня скульптура:

гигантская фигура то ли русалки, то ли русала. К каменному хвосту были крепко привязаны четверо.

Рон находился между Гермионой и Чан. Еще с ними была девочка никак не старше восьми, и по серебристому облаку ее волос Гарри сразу догадался, что это сестра Флёр Делакёр. Все четверо пребывали в очень глубоком сне. Их головы качались из стороны в сторону, изо ртов вырывались тонкие струйки пузьрей.

Гарри кинулся к заложникам, почти уверенный, что русалиды сейчас бросятся на него с копьями, но те не шевельнулись. Пленников привязали к статуе очень толстыми, скользкими и прочными веревками из водорослей. На мгновение Гарри вспомнился подаренный Сириусом на Рождество ножик – запертый в сундуке и соответственно бесполезный.

Он огляделся. Его окружали русалиды, у многих в руках копья. Гарри быстро подплыл к семи футовому русалу и жестами попросил одолжить копье. Русал расхохотался и покачал головой.

– Мы не помогаем, – произнес он хриплым, надтреснутым голосом.

– Да ладно вам! – в сердцах воскликнул Гарри (изо рта только пошли пузьри) и попробовал отобрать копье, но русал дернул копье на себя, тряся головой и надрываясь от хохота.

Гарри крутанулся в поисках чего-нибудь острого... чего угодно...

Дно озера было усеяно камнями. Он нырнул, схватил особо зазубренный камень, вернулся к статуе и начал рубить веревки Рона. Спустя несколько минут усердной работы веревки разорвались. Рон в обмороке болтался в паре дюймов выше дна, слегка покачиваясь от течения.

Гарри посмотрел вокруг. Других чемпионов не видно. О чём они думают? Почему не торопятся? Он вернулся к Гермионе и, целясь в ее веревки, размахнулся...

Мгновенно его схватили несколько пар сильных серо-зеленых рук. С полдюжины русалов потащили его от Гермионы, качая головами и смеясь.

– Забирай своего заложника, – сказал один, – а чужих не трогай.

– Вот еще! – свирепо отмахнулся Гарри – вместо слов выплыли два больших пузьря.

– Твоя задача – спасти своего друга... прочих оставь...

— *Она* тоже мой друг! — завопил Гарри, ткнув пальцем в Гермиону, и из его губ беззвучно выплыл громадный серебряный пузырь. — А *их* я тоже умирать здесь не брошу!

Голова Чо поклонилась на плече Гермионы, маленькая сереброволосая девочка была очень бледна и даже немножко позеленела. Гарри стал вырываться из рук русалов, но те не отпускали и только сильнее смеялись. Гарри беспомощно озирался — где же другие чемпионы? Успеет он отнести Рона на берег, а потом вернуться за Гермионой и остальными? Сможет ли он снова их отыскать? Он посмотрел на часы, но те остановились.

Вдруг русалиды возбужденно замахали руками, показывая куда-то поверх его головы. Гарри поднял глаза и увидел, что к ним подплывает Седрик. Его голову окружал огромный пузырь, отчего черты лица нелепо растянулись.

— Заблудился! — одними губами проговорил он. Вид у него был перепуганный. — Флёр и Крум скоро будут!

С огромным облегчением Гарри проследил, как Седрик вынул из кармана нож, освободил Чо и потащил ее наверх; скоро они скрылись из виду.

Гарри, вертя головой, стал ждать. Ну где же Флёр с Крумом? Времени все меньше, а если верить песне, когда пройдет час, заложников уже не отдадут...

Русалиды радостно заскрипели. Те, что держали Гарри, оглянулись и ослабили хватку. Гарри увидел, что на них, разрезая воду, надвигается какое-то чудовище с акульей головой и человеческим телом в плавках... Крум. Видимо, он превратился в акулу — но не слишком удачно.

Человек-акула подплыл к Гермионе и вгрызся в веревки; к сожалению, новые зубы Крума располагались неудобно — добычу меньше дельфина ими не укусишь, и Гарри почти не сомневался, что Крум рискует разорвать Гермиону пополам. Бросившись вперед, Гарри заехал ему по плечу и протянул зазубренный камень. Крум схватил камень и начал рубить. За какие-то секунды он добился успеха; обхватив Гермиону за талию, он, ни разу не оглянувшись, быстро поволок ее на поверхность.

«И что теперь?» — в отчаянии подумал Гарри. Будь он уверен, что Флёр сейчас появится... но ее не видно. Делать нечего...

Он схватил брошенный Крумом камень, но русалы загородили Рона и маленькую девочку, грозно качая головами.

Гарри вытащил палочку:

– Прочь с дороги!

Хотя изо рта по-прежнему выплывали одни пузыри, он был уверен, что русалы его поняли, – они вдруг перестали смеяться. Желтые глаза уставились на палочку – русалы испугались. Их, конечно, гораздо больше, но по их лицам Гарри догадался, что колдовать они умеют не лучше, чем гигантский кальмар.

– Считаю до трех! – выкрикнул он. Изо рта вырвалась струя пузырей, но он для наглядности поднял вверх три пальца. – Раз... – Он загнулся один палец. – Два... – загнулся второй...

Русалы отпрянули. Гарри бросился к девочке, стал долбить камнем по веревкам и наконец ее освободил. Потом обхватил ее за талию, взял Рона за шиворот и с силой оттолкнулся от дна.

Они всплывали невероятно медленно. Перепончатые руки были заняты, и Гарри изо всех сил работал ногами, но Рон и сестра Флёр тянули его на дно, как два мешка с картошкой... Гарри с надеждой смотрел вверх, но нет... они еще очень и очень глубоко, вода наверху такая темная...

Русалиды всплывали вместе с ним. Они легко кружили рядом, наблюдая, как он мучается... и что, они утащат его обратно на глубину, как только выйдет время? Может, они вообще питаются человечиной? Мышцы на ногах сводило от усилий, плечи болели под непосильной тяжестью...

Дышать стало ужасно тяжело. Снова заболела шея... вода вокруг сделалась на редкость мокра... зато тьма определенно рассеивалась... над головой забрезжил дневной свет...

Гарри с силой брыкнулся ногами и обнаружил, что ласт больше нет, а есть просто ноги... через рот в легкие хлынула вода... голова закружилась, но он знал, что свет и воздух всего в десяти футах... надо доплыть... надо доплыть...

Гарри так брыкался, что все мускулы, казалось, в негодовании кричали; мозг словно отяжелел от воды... нечем дышать, нужен кислород, надо двигаться, останавливаться нельзя...

И тут он почувствовал, как голова вырвалась на поверхность; от прекрасного, холодного, свежего воздуха зашипало лицо; Гарри

судорожно втянул этот воздух в себя, понял, что раньше еще никогда по-настоящему не дышал, и, отдуваясь, вытащил на поверхность Рона и маленькую девочку. Вокруг из-под воды высакивали зеленоволосые головы — но они улыбались.

На трибунах дико шумели, кричали и визжали, все повскакали на ноги. Гарри показалось, будто они решили, что Рон и девочка мертвы, но нет... оба открыли глаза, девочка растерялась и перепугалась, а Рон лишь выплюнул фонтан воды, поморгал на ярком свету, повернулся к Гарри и проговорил:

— Ну и мокрень, скажи? — Затем увидел сестру Флёр и удивился: — А ее-то ты зачем приволок?

— Флёр так и не появилась. Не бросать же ее там, — пропыхтел Гарри.

— Гарри, балда, — сказал Рон. — Ты что, песне поверил? Думбльдор не дал бы нам утонуть!

— Но в песне сказано...

— Только чтобы задать временные рамки! — вскричал Рон. — Ты же не тратил там время? Не изображал героя?

Гарри почувствовал себя ужасно глупо и ужасно разозлился. Для Рона, конечно, это ерунда, он-то все проспал, он не знал, как страшно там, на глубине, когда тебя окружают русалиды с копьями, по виду вполне способные на убийство.

— Ладно, давай, — только и ответил Гарри, — помоги мне с ней, она, по-моему, неважко плавает.

Они потащили сестру Флёр к берегу, откуда за ними наблюдали судьи, и двадцать русалидов плыли вокруг почетным караулом, распевая свои жуткие скрипучие песни.

Гарри видел, как над укутанными в толстые одеяла Гермионой, Крумом, Седриком и Чо суетится мадам Помфри. Думбльдор с Людо Шульманом улыбались Гарри и Рону, а Перси, очень белый и как будто ставший гораздо моложе, зашлепал к ним по воде. Мадам Максим тем временем удерживала Флёр Делакёр — та в истерике сражалась чуть ли не зубами и когтями, рвала обратно в озеро.

— Габгиэль! Габгиэль! Она жива? Она не ганена?

— С ней все нормально! — попробовал крикнуть Гарри, но он так устал, что почти не мог говорить, не то что кричать.

Перси схватил Рона и поволок к берегу («Отстань, Перси, я сам!»); Думблдор с Шульманом помогли Гарри подняться; Флёр вырвалась из рук мадам Максим и бросилась обнимать сестру.

– Эти заг’ибасти!.. они напали на меня... о Габгиэль, я думала... я думала...

– Иди-ка сюда, – раздался голос мадам Помфри. Она схватила Гарри, подтащила его к Гермионе и остальным, накрепко закутала одеялом – на него как будто надели смирительную рубашку – и влила в рот порцию очень горячего зелья. Из ушей у Гарри повалил пар.

– Гарри, ты молодец! – закричала Гермиона. – Ты справился, ты сам догадался как!

– Ну... – начал было Гарри. Он непременно рассказал бы ей про Добби, но вовремя поймал взгляд Каркарова. Тот единственный из судей не встал из-за стола, единственный не показал, что рад благополучному возвращению Гарри, Рона и сестры Флёр. – Да, точно. – Гарри повысил голос, чтобы Каркаров услышал.

– У тебя в волосах вотяной шук, Херми-оун-нина, – сказал Крум.

У Гарри создалось впечатление, что тот хочет вновь привлечь ее внимание к себе и, возможно, напомнить, что это он только что вытащил ее из озера; но Гермиона нетерпеливо сбросила жука и продолжила:

– Но только ты превысил лимит, Гарри... Ты что, так долго нас искал?

– Да нет... нашел-то я вас легко...

Ощущение собственного идиотизма росло. Теперь, когда он выбрался из воды, ему было совершенно ясно, что Думблдор принял все меры предосторожности и не допустил бы, чтоб заложники погибли только потому, что за ними не явились чемпионы. Что ж он сразу не схватил Рона и не уплыл? Был бы первым... Вот Седрик с Крумом не тратили времени на остальных, они не поверили русалочьей песне...

Думблдор склонился над водой, серьезно обсуждая что-то с главной и самой страшной русалкой. Думблдор скрипел горлом, как и русалиды над водой; стало быть, он умеет разговаривать по-русальи. Наконец директор выпрямился, повернулся к остальным судьям и сказал:

– Посовещаемся, пожалуй.

Судьи принялись совещаться. Мадам Помфри спасла Рона из объятий Перси, отвела его к Гарри и прочим, дала одеяло и «Всекипидрин», а затем направилась к Флёр и ее сестре. Руки и лицо Флёр были в порезах, мантия порвана, но Флёр не обращала внимания и не разрешила промыть себе раны.

— Позаботьтесь о Габгиэль, — попросила она мадам Помфри, а затем повернулась к Гарри: — Ти ее спас, — выдохнула она, — хоть она и не твоя залёжница.

— Да, — ответил Гарри, отчаянно жалея, что не оставил всех трех девочек на дне.

Флёр нагнулась, поцеловала Гарри в обе щеки (лицо у него вспыхнуло, и он не удивился бы, если бы из ушей снова пошел пар), а потом обратилась к Рону:

— И ти тожье... ти помогаль...

— Да, — с огромной надеждой подтвердил Рон, — да, немнogo...

Флёр бросилась и к нему и тоже поцеловала. Гермиону это откровенно взбесило, но тут рядом, заставив их всех подпрыгнуть, а трибуны умолкнуть, загремел магически усиленный голос Людо Шульмана:

— Дамы и господа, мы приняли решение. Предводительница русалидов Затонида поведала нам обо всем, что произошло на дне озера, и в результате чемпионы из пятидесяти максимальных баллов получают следующие оценки... Мисс Флёр Делакёр продемонстрировала великолепное владение пузыреголовым заклятием, но уже почти у цели была атакована загрыбастами и не сумела спасти своего заложника. Ей присуждается двадцать пять баллов.

Аплодисменты с трибун.

— Я заслужила ноль, — сквозь комок в горле проговорила Флёр, тряхнув прекрасной головой.

— Мистер Седрик Диггори, также использовавший пузыреголовое заклятие, первым вернулся со своим заложником, но превысил лимит на одну минуту. — Дикие крики хуффльпуффцев; Гарри заметил, как Чо одарила Седрика восторженным взглядом. — Он получает сорок семь баллов.

У Гарри упало сердце. Если Седрик превысил временной лимит, что уж говорить о нем самом.

— Мистер Виктор Крум воспользовался неполной формой превращения, оказавшейся тем не менее эффективной, и вернулся со своим заложником вторым. Он получает сорок баллов.

Каркаров с весьма победоносным видом хлопал громче всех.

— Мистер Гарри Поттер очень удачно воспользовался жаброводорослями, — продолжал Шульман. — Он вернулся последним, сильно превысив временной лимит. Однако предводительница русалидов уведомила нас, что мистер Поттер добрался до заложников первым, а задержался потому, что был твердо намерен обеспечить безопасное возвращение всех заложников, а не только своего.

Рон с Гермионой одарили Гарри одинаковыми взглядами — то ли злились, то ли соболезновали.

— Большинство судей, — тут Шульман злобно посмотрел на Каркарова, — считают, что он продемонстрировал неколебимую смелость и моральный дух, которые заслуживают высшей оценки. Однако… Гарри Поттер получает сорок пять баллов.

У Гарри екнуло сердце — теперь на первое место вышли они с Седриком. Рон с Гермионой, не ожидавшие такого поворота событий, уставились на Гарри, потом засмеялись и яростно зааплодировали вместе с остальными.

— Вот так-то, Гарри! — завопил Рон, перекрикивая шум. — Как выясняется, ты не балда — у тебя просто неколебимый моральный дух!

Флёр тоже очень горячо хлопала, а вот Крум наступил. Он попробовал опять вовлечь Гермиону в беседу, но та была занята — она радовалась за Гарри и не слушала.

— Третье, и последнее, испытание состоится на закате двадцать четвертого июня, — сообщил Шульман. — Участников уведомят о сути задания ровно за месяц. И спасибо всем, что болеете за чемпионов.

Все закончилось, как в тумане, думал Гарри, когда мадам Помфри погнала чемпионов и заложников в школу, чтобы они переоделись в сухое… все закончилось, он прорвался… и до двадцать четвертого июня можно ни о чем не беспокоиться…

«Как только попаду в Хогсмед, — решил он, поднимаясь по каменным ступеням в замок, — куплю Добби по паре носков на каждый день года».

Глава двадцать седьмая

Возвращение Мягколапа

После второго испытания все жаждали услышать в подробностях, что случилось на дне озера, и Рон в кои-то веки тоже купался в лучах славы. Гарри заметил, что с каждым пересказом Ронова версия постепенно меняется. Сначала он, судя по всему, говорил правду – по крайней мере, его история совпадала с историей Гермионы: Думбльдор в кабинете профессора Макгонаголл погрузил заложников в зачарованный сон, заверив предварительно, что они будут в полной безопасности и проснутся, лишь когда вновь окажутся над водой. Однако уже через неделю повествование Рона леденило душу – в похищении участвовало пятьдесят вооруженных до зубов русалов, и Рон, разумеется, сражался до последнего, а связали его, только основательно отметелив.

– Но в рукаве я спрятал волшебную палочку, – уверял он Падму Патил (теперь, когда Рон сделался знаменитостью, она к нему сильно потеплела и при встречах нередко останавливалась поболтать). – И если б я захотел, я бы им показал, этим русалидиотам.

– Что бы ты им показал? Как умеешь храпеть? – ядовито вмешалась Гермиона. Ее в последнее время совсем задразнили – дескать, вот кого Виктору Круму так не хватает на земле, – и она постоянно пребывала во взвинченном состоянии.

У Рона покраснели уши, и в дальнейшем он рассказывал только про зачарованный сон.

В марте погода стала суще, но дули пронизывающие ветра, на занятиях во дворе буквально сдирающие кожу с лица и рук. Почту приносили с опозданием – сов сдувало с курса. Неясность, с которой Гарри сообщил Сириусу о походе в Хогсмед, вернулась в пятницу к завтраку. Перья у птицы топорщились во все стороны. Не успел Гарри забрать ответ, неясность в ужасе улетела, явно опасаясь, что ее снова отправят с поручением.

Письмо было немногим длиннее предыдущего:

Приходи к перелазу через изгородь в конце дороги из Хогсмеда (за магазином Дервиша и Гашиша) в два часа в субботу. Принеси еды, сколько сможешь.

– Он что, вернулся в Хогсмед? – изумился Рон.

– Похоже на то, – ответила Гермиона.

– Быть такого не может, – тревожно сказал Гарри. – Если его поймают…

– До сих пор ведь не поймали, – откликнулся Рон. – К тому же дементоров там больше нет.

Гарри задумчиво свернул письмо. Если уж быть до конца честным, ему очень хотелось, чтобы Сириус вернулся. Поэтому на последний урок – сдвоенное зельеделие – он спускался значительно веселее, чем обычно по пути в подземелье.

У дверей толклись Малфой, Краббе, Гойл, Панси Паркинсон и ее подружки. Все они, довольно ухмыляясь, что-то рассматривали. Когда подошли Гарри, Рон и Гермиона, мопсоподобная Панси выглянула из-за широкой спины Гойла.

– Вот они, вот они! – захихикала она, и кучка слизеринцев расступилась. Гарри увидел в руках у Панси журнал «Ведьмополитен». На обложке двигалось изображение кудрявой, зубасто улыбающейся ведьмочки – она указывала волшебной палочкой на большой бисквитный торт.

– Вот, Грейндже, лови! Тебе понравится! – громко объявила Панси и швырнула журнал Гермионе. Та поймала, ничего не понимая. Тут дверь подземелья отворилась, и Злей поманил учеников внутрь.

Гермиона, Гарри и Рон, как всегда, направились к задней парте. Едва Злей повернулся спиной к классу, чтобы записать на доске состав сегодняшнего зелья, Гермиона принялась судорожно листать под партой журнал. Наконец в середине она нашла, что искала. Гарри с Роном наклонились поближе. Цветная фотография Гарри иллюстрировала короткую заметку, озаглавленную «Тайная сердечная рана Гарри Поттера»:

Этот мальчик, возможно, совершенно не похож на других – но все же и он подвержен естественным переживаниям юности, – сообщает Рита Вритер. – Лишенный любви и ласки после трагической потери родителей, четырнадцатилетний Гарри Поттер

думал, что нашел утешение в своей девушке, муглорожденной Гермионе Грейндженер. Бедняжка не знал, что вскоре ему предстоит новый удар – как будто в его жизни мало было тяжких потерь.

Мисс Грейндженер, невзрачная, но амбициозная особа, судя по всему, обладает неодолимой тягой к знаменитостям – тягой, которую не под силу удовлетворить одному Гарри Поттеру. С прибытия в «Хогварц» Ловчего болгарской квидишной команды Виктора Крума, героя последнего мирового чемпионата, мисс Грейндженер играла чувствами обоих юношей. Крум, не скрывающий того, что потерял голову от чар лицемерки Грейндженер, уже пригласил ее приехать к нему в Болгарию на летние каникулы, уверяя, что «не испытывал ничего подобного ни к одной девушке».

Возможно, однако, что интерес юношей вызван вовсе не природными (весьма сомнительными) достоинствами мисс Грейндженер.

«Она уродка, – уверяет Панси Паркинсон, симпатичная и жизнерадостная девчушка-четвероклассница, – но она довольно-таки умная и вполне способна приготовить любовное зелье. Я думаю, именно так она их и завлекает».

Разумеется, в «Хогварце» приготовление любовного зелья запрещено, и, без сомнения, Альбусу Думблдору в связи с этой гипотезой надлежит провести разбирательство. А тем временем людям, желающим добра Гарри Поттеру, остается лишь надеяться, что в следующий раз он подарит свое сердце более достойной кандидатке.

– Говорил я тебе! – шепотом вскричал Рон. Гермиона растерянно смотрела в журнал. – Говорил, что не надо злить Риту Вритеर! Вот она из тебя и сделала какую-то... ночную бабочку!

Гермиона перестала потрясенно таращиться на статью и громко фыркнула.

– *Ночную бабочку?* – повторила она, уставившись на Рона и давясь от хохота.

– Мама их так называет, – пробормотал он, и его уши снова покраснели.

– Если это все, что может Рита, она определенно теряет хватку. – Гермиона, смеясь, бросила «Ведьмополитен» на пустой соседний стул. – Какая феноменальная чушь.

Глянув на слизеринцев, которые пристально следили за ней и за Гарри в надежде, что те расстроятся, Гермиона саркастически улыбнулась и помахала, после чего вместе с Гарри и Роном принялась доставать ингредиенты для умострильного зелья.

– Но кое-что тут странно, – пробормотала она минут через десять, и ее пестик завис над чашкой со скарабеями. – Откуда Рита узнала?..

– Что узнала? – тут же спросил Рон. – Ты случайно не готовила любовного зелья?

– Не говори глупостей, – отрезала Гермиона, вновь принимаясь растирать скарабеев. – Нет, просто... как она узнала, что Виктор приглашал меня к себе на каникулы?

Сказав это, Гермиона густо покраснела. Она тщательно избегала смотреть Рону в глаза.

– Что? – Рон с грохотом уронил пестик.

– Как только вытащил меня из озера, – смущенно пробормотала Гермиона, – и избавился от акульей головы. Мадам Помфри дала нам одеяла, и тогда он отвел меня в сторонку, чтобы судьи не услышали, и сказал, что, если у меня пока нет планов на лето, может, мне будет интересно прие...

– А ты что? – перебил Рон. Он подобрал пестик и с силой вкручивал его в стол, в добрых шести дюймах от чашки, поскольку не сводил глаз с Гермионы.

– И он *действительно* сказал, что не испытывал ничего подобного ни к кому другому, – Гермиона покраснела так, что Гарри физически ощущал, что от нее идет жар, – но как Рита Вритер могла услышать? Ее там не было... или была? Может, у нее *в самом деле* есть плащ-невидимка, может, она прокрались посмотреть второе испытание...

– А ты что сказала? – повторил Рон и так вдавил пестик в столешницу, что оставил вмятину.

– Ну, я так беспокоилась за тебя и за Гарри, что...

– Какой бы увлекательной ни была ваша личная жизнь, мисс Грейндженер, – раздался за их спинами ледяной голос, – я вынужден попросить вас не обсуждать ее у меня на уроке. Минус десять баллов с «Гриффиндора».

Оказывается, пока они разговаривали, к ним подкрался Злей. Все повернулись и уставились на них, а Малфой воспользовался случаем напомнить Гарри, что «ПОТТЕР – ВОНЮЧКА».

— Ах вот как... мы еще и журнальчики под столом почитываем! — Злей схватил «Ведьмополитен». — Еще десять баллов с «Гриффиндора»... ах, ну конечно... — Черные глаза Злея сверкнули: он увидел заметку Риты Вритер. — Когда же еще Поттеру собирать вырезки...

Подземелье сотряс хотят слизеринцев. Губы Злея изогнулись в неприятной улыбке. К возмущению Гарри, учитель принял читать статью вслух.

— «Тайная сердечная рана Поттера...» Святые небеса, что ж еще с вами стряслось, Поттер? «Этот мальчик, возможно, совершенно не похож на других...»

Гарри ощущал, как горит у него лицо. В конце каждого предложения Злей делал паузу, чтобы слизеринцы могли вспасть посмеяться. В исполнении Злея статья звучала в сто раз ужаснее.

— «...Людям, желающим добра Гарри Поттеру, остается лишь надеяться, что в следующий раз он подарит свое сердце более достойной кандидатке». Как трогательно, — осклабился Злей, закрывая журнал под взрывы хохота. — Что ж, тогда мне, пожалуй, лучше рассадить вас, чтобы вы думали об уроке, а не о ваших запутанных любовных отношениях. Уизли, вы останетесь здесь. Мисс Грейнджен, сюда, рядом с мисс Паркинсон. Поттер — за парту перед моим столом. Шевелитесь. И побыстрее.

Кипя от гнева, Гарри пошвырнул в котел ингредиенты для зелья и рюкзак и потащил все это к пустой парте перед учительским столом. Злей прошел следом, сел и стал следить, как Гарри разгружает котел. Старательно не обращая внимания, Гарри продолжил растирать скарабеев, на месте каждого представляя противную рожу Злея.

— От внимания прессы, Поттер, ваше непомерно раздутое самомнение, того и гляди, лопнет, — тихо промолвил Злей, как только класс успокоился.

Гарри не ответил. Он понимал, что это провокация, Злей и раньше так поступал. Очевидно, ищет повод вычесть у «Гриффиндора» еще как минимум пятьдесят баллов.

— Вы, вероятно, пребываете в заблуждении, будто весь колдовской мир от вас без ума, — продолжал Злей почти беззвучно, чтобы слышал его один Гарри (а тот усердно растирал жуков, хотя они и так уже превратились в пыль), — но вот мне абсолютно безразлично, как часто

ваша физиономия мелькает в газетах. Вы, Поттер, для меня не более чем гадкий мальчишка, считающий, что правила придуманы не для него.

Гарри высыпал порошок в котел и начал резать имбирный корень. Руки его дрожали от злости, но он упорно не поднимал глаз, будто не слыша Злея.

– Поэтому предупреждаю, Поттер, – не унимался тот. Голос его стал еще тише и еще страшнее. – Знаменитость или нет, если я вас поймаю при очередном взломе моего кабинета...

– Я не подходил к вашему кабинету! – взорвался Гарри, забыв о своей притворной глухоте.

– Не лгите, – прошипел Злей, и его бездонные черные глаза вбурились в глаза Гарри. – Кожа бумсланга. Жаброводоросли. И то и другое – из моего личного хранилища, и я прекрасно знаю, кто их взял.

Гарри не отводил взгляда, изо всех сил стараясь не моргать и не выглядеть виноватым. Вообще-то он не крал ни того ни другого. Кожу бумсланга еще во втором классе украла Гермиона для всеэссенции, и хотя Злей всю дорогу подозревал Гарри, он так и не смог ничего доказать. А жаброводоросли украл Добби.

– Не знаю, о чём вы говорите, – равнодушно соврал Гарри.

– Вас не было в спальне в ту ночь, когда взломали мой кабинет! – все так же шепотом вскричал Злей. – Я это знаю, Поттер! Может быть, Шизоглаз Хмури и вступил в ваш фан-клуб, но я с вашим поведением мириться не намерен! Еще одна ночная прогулка в мой кабинет, Поттер, и вы поплатитесь!

– Хорошо, – невозмутимо ответил Гарри, вновь занявшийся имбирным корнем. – Я это учту, если мне приспичит туда попасть.

Глаза Злея полыхнули огнем. Он сунул руку под мантию. На какое-то безумное мгновение Гарри решил, что Злей сейчас вытащит палочку и наложит на него проклятие, – но потом увидел, что тот достал хрустальный пузырек с абсолютно прозрачной жидкостью. Гарри вытаращился.

– Знаете, что это такое, Поттер? – с угрожающим блеском в глазах осведомился Злей.

– Нет, – ответил Гарри, на сей раз совершенно честно.

– Это признавалиум – исповедальное зелье, такое сильное, что хватит и трех капель, чтобы вы перед всем классом раскрыли свои

самые сокровенные тайны, — страшным голосом сказал Злей. — Использование этого зелья строжайшим образом контролируется министерством магии. Но если вы не будете вести себя как следует, может так случиться, что моя рука *дрогнет* над вашим вечерним кубком с тыквенным соком. И тогда, Поттер... мы узнаем, были вы в моем кабинете или нет.

Гарри ничего не ответил. Он снова взял нож и стал резать имбирный корень. Это исповедальное зелье ему сильно не понравилось, а главное, он не сомневался, что Злей вполне способен подлить ему пару капель. Гарри еле сдерживал дрожь при мысли о том, что бы тогда рассказал... Он не только подставил бы друзей — для начала, Добби и Гермиону, — но выдал бы и другие секреты... контакты с Сириусом, а также... внутри все сжалось при одной только мысли — его чувства к Чо... Он ссыпал корни в котел и задумался, не взять ли пример с Хмури и не начать ли пить исключительно из персональной фляжки.

В дверь постучали.

— Войдите, — нормальным голосом сказал Злей.

Ученики дружно повернулись к двери. Вошел профессор Каркаров. Все смотрели, как он идет к учительскому столу. Он был сильно взволнован и крутил пальцем бородку.

— Нужно поговорить, — отрывисто произнес Каркаров, подойдя. Ему очень не хотелось, чтобы его услышали, и он едва шевелил губами; создавалось впечатление, будто в класс явился очень неумелый чревовещатель. Гарри не отрывал глаз от имбирного корня и внимательно прислушивался.

— Поговорим после урока, Каркаров... — начал было Злей, но Каркаров перебил:

— Я хочу поговорить сейчас, чтобы ты не улизнул, Злотеус. Ты меня избегаешь.

— После урока, — отрезал Злей.

Под предлогом того, что смотрит на просвет, достаточно ли желчи броненосца он налил в мерный стаканчик, Гарри бросил осторожный взгляд на обоих. Каркаров очень нервничал, Злей раздувал ноздри.

Остаток занятия Каркаров провисел над Злеем — очевидно, не хотел, чтобы тот сразу слинял. Желая услышать, о чем будет говорить Каркаров, Гарри за пару минут до колокола нарочно опрокинул

бутылку с желчью броненосца, и это дало ему повод спрятаться за котлом, вытирая лужу. Остальные ученики тем временем шумно покидали класс.

– Отчего такая срочность? – донеслось до него шипение Злея.

– Вот от этого, – ответил Каркаров, и Гарри, выглянув из-за котла, увидел, что Каркаров закатал левый рукав и показал Злею что-то на внутренней стороне предплечья. – Ну? – Каркаров по-прежнему старался не шевелить губами. – Видишь? Он давно не был таким четким, с тех самых пор как...

– Спрячь! – резко приказал Злей, стремительным взором обводя подземелье.

– Но ты наверняка заметил... – взволнованно начал Каркаров.

– Мы можем поговорить об этом позже, Каркаров! – оборвал Злей. – Поттер! Вы что тут делаете?

– Вытираю желчь броненосца, профессор, – невинно захлопал глазами Гарри, выпрямляясь и показывая мокрую тряпку.

Каркаров развернулся и вылетел за дверь с видом встревоженным и сердитым. Не желая оставаться наедине с исключительно злобным Злеем, Гарри побросал книжки и ингредиенты в рюкзак и со всех ног побежал рассказывать Рону и Гермионе, какую сцену только что видел.

Назавтра они вышли из замка в полдень. Слабое серебристое солнце освещало двор. Впервые с начала года так потеплело, и к Хогсмеду они подошли, сняв плащи и закинув их за плечи. Еда для Сириуса лежала у Гарри в рюкзаке. Им удалось стащить с обеда дюжину куриных ножек, буханку хлеба и фляжку тыквенного сока.

Ребята завернули в «Модный магазин О’Требъена» за подарком для Добби и с удовольствием провели время, выбирая самые безумные носки, в том числе с рисунком из мигающих золотых и серебряных звезд, и еще одни, которые громко кричали, как только начинали пахнуть. Затем в половине второго они направились по Высокой улице мимо магазина Дервиша и Гашиша к выходу из деревни.

Гарри здесь раньше не бывал. Извилистая дорога вела к диким лесам, окружающим Хогсмед. Коттеджей становилось все меньше, садов – все больше; ребята все ближе подходили к горе, в чьей тени и лежала деревня. Они свернули и в конце улицы увидели перелаз.

Положив лапы на верхнюю ступеньку, их дождался очень знакомый, огромный и лохматый черный пес, державший в зубах газеты.

– Привет, Сириус, – сказал Гарри, приблизившись.

Пес оживленно обнюхал его рюкзак, махнул хвостом, повернулся и затрусили по поросшей редким кустарником земле вверх к каменистому подножию горы. Гарри, Рон и Гермиона перешли через изгородь и последовали за ним.

Сириус подвел их к самой горе. Земля вокруг была усеяна большими валунами. Псу, с его четырьмя лапами, это путешествие ничего не стоило, но ребята скоро выбились из сил. Они полезли за Сириусом вверх по склону и с полчаса, потея на солнце, петляли по крутой каменистой тропе следом за виляющим хвостом. Лямки рюкзака больно врезались Гарри в плечо.

Затем Сириус исчез из виду, и ребята, пройдя еще немного, увидели узкую расщелину. Проколзнув в нее, они очутились в прохладной, скучно освещенной пещере. У дальней стены стоял гиппогриф Конькур, веревкой привязанный к валуну. Гибрид серой лошади и гигантского орла, Конькур сверкнул на гостей свирепым оранжевым глазом. Все трое склонились перед ним в низком поклоне. Конькур некоторое время важно глядел на них, а потом опустился на чешуйчатые колени и позволил Гермионе подбежать и погладить его оперенную шею. Гарри между тем смотрел на черную собаку, которая только что превратилась в его крестного отца.

Сириус был одет в драную серую мантию, ту самую, которую носил, когда сбежал из Азкабана. После встречи у камина черные волосы отросли, опять свалились и потускнели. Он очень похудел.

– Курица! – хрипло воскликнул он, вынув изо рта и отбросив старые экземпляры «Оракула».

Гарри развязал рюкзак и протянул Сириусу сверток с курицей и хлебом.

– Спасибо, – сказал Сириус. Он развернул сверток, выхватил ножку, уселся на пол и зубами оторвал огромный кусок. – Питаюсь в основном крысами. Не могу красть много еды из Хогсмеда – заметят.

Он улыбнулся Гарри, но Гарри ответил на улыбку неохотно.

– Что ты здесь делаешь, Сириус?

– Выполняю обязанности крестного отца, – ответил тот, совсем пособачьи вгрызаясь в куриную кость. – Не переживай, я прикидываюсь

симпатичным бродячим песиком.

Он по-прежнему улыбался, но, заметив беспокойство Гарри, посерезнел:

— Хочу быть рядом. Твое последнее письмо... скажем так, обстановка, все отчетливее пахнет жареным. Я краду газеты, как только кто-нибудь выбрасывает, и, судя по всему, не я один дергаюсь.

Он кивнул на пожелавшие номера «Оракула» на полу. Рон подобрал их и развернул.

Но Гарри не отрывал взгляда от Сириуса:

— А если тебя поймают? Если увидят?

— Здесь в округе только вы трое да еще Думбльдор знает, что я анимаг, — пожал плечами Сириус, жадно пожирая курицу.

Рон пихнул Гарри в бок и протянул ему газеты. Их было две, в первой шапка гласила «Загадочное заболевание Бартемиуса Сгорбса», во второй — «Сотрудница министерства до сих пор не найдена — министр магии берет дело под личный контроль».

Гарри просмотрел статью о Сгорбсе. Кое-что сразу бросилось в глаза: «...с ноября не появлялся на публике... дом кажется брошенным... В больнице св. Лоскута, Институте причудливых повреждений и патологий, отказываются комментировать... Министерство не подтверждает слухи о тяжелом заболевании...»

— По их словам выходит, будто он умирает, — задумчиво произнес Гарри, — но он не может быть настолько болен, сюда же он добрался...

— Мой брат работает личным помощником Сгорбса, — сообщил Сириусу Рон. — Он утверждает, что у мистера Сгорбса переутомление. Переработал.

— Хотя, правду сказать, последний раз, когда я видел его вблизи, он, кажется, и впрямь болел, — все так же медленно проговорил Гарри, продолжая читать. — В ту ночь, когда меня выбрал Кубок Огня...

— Получил по заслугам за то, что уволил Винки, — холодно заявила Гермиона. Она поглаживала Конькура, хрустевшего куриными косточками. — Наверняка теперь жалеет — понял, каково это, когда о тебе некому позаботиться.

— У Гермионы пунктик насчет домовых эльфов, — тихо пояснил Рон Сириусу и мрачно глянул на Гермиону.

Сириус, однако, заинтересовался:

— Сгорбс уволил своего домового эльфа?

– Да, на финальном матче, – подтвердил Гарри и поведал о появлении Смертного Знака, о том, как Винки нашли с его собственной палочкой, и о том, как разъярился мистер Сгорбс.

Когда Гарри закончил, Сириус уже снова был на ногах и расхаживал по пещере взад и вперед.

– Давайте-ка по порядку, – сказал он спустя некоторое время, размахивая очередной куриной ножкой. – Сначала вы видели эльфа в Высшей ложе. Она держала место для Сгорбса, так?

– Так, – хором ответили Гарри, Рон и Гермиона.

– Но Сгорбс на матче не появился?

– Нет, – покачал головой Гарри. – Кажется, говорил, что был слишком занят.

Сириус молча походил по пещере, а затем спросил:

– Гарри, ты проверял карманы после того, как вышел из ложи? Палочка была при тебе?

– Хмм… – Гарри напряг память. – Нет, – ответил он наконец. – Она мне была не нужна, а понадобилась только в лесу. Тогда я сунул руку в карман, а там один омниокуляр. – Он посмотрел на Сириуса. – Ты думаешь, тот, кто создал Знак, украл мою палочку еще в Высшей ложе?

– Возможно, – только и ответил Сириус.

– Винки не могла украсть палочку! – взвизгнула Гермиона.

– В ложе были и другие, не только эльф. – Сириус, нахмурив брови, продолжал расхаживать по пещере. – Кто еще сидел сзади тебя?

– Да куча народу… – протянул Гарри. – Какие-то болгарские министры… Корнелиус Фудж… Малфои…

– Малфои! – вдруг закричал Рон. Его голос эхом отозвался в пещере, и Конькур нервно вскинул голову. – Спорим, это Люциус Малfoy!

– Кто-нибудь еще? – спросил Сириус.

– Больше никого, – ответил Гарри.

– Почему, там еще был Людо Шульман, – напомнила Гермиона.

– Ах да…

– Про Шульмана я ничего не знаю, кроме того, что он был Отбивалой «Обормутских ос», – не останавливаясь, сказал Сириус. – Что он за человек?

– Нормальный, – заверил Гарри. – Все время предлагает мне помочь с Тремудрым Турниром.

– Вот как? – Сириус нахмурился еще сильнее. – Интересно, с какой стати?

– Говорит, я ему понравился, – объяснил Гарри.

– Хмм, – задумчиво промычал Сириус.

– Мы встретили его в лесу, как раз перед тем, как появился Смертный Знак, – сообщила Сириусу Гермиона. – Помните? – обратилась она к Рону с Гарри.

– Да, но он же там не остался, – возразил Рон. – Как только мы рассказали ему про погром в лагере, он бросился туда.

– А откуда ты знаешь? – возразила Гермиона. – Откуда ты знаешь, куда он дезаппарировал?

– Да ладно тебе, – отмахнулся Рон, – ты что хочешь сказать – Смертный Знак создал Людо Шульман?

– Скорее он, чем Винки, – упрямо заявила Гермиона.

– Я же говорил, – Рон многозначительно посмотрел на Сириуса, – помешалась на домовых…

Но Сириус поднял руку, призывая Рона помолчать.

– Когда появился Смертный Знак и эльфа обнаружили с палочкой Гарри, что сделал Сгорбс?

– Пошел поискать кого-нибудь в кустах, – ответил Гарри, – но там никого не было.

– Разумеется, – пробормотал Сириус, меряя шагами пещеру, – разумеется, ему хотелось повесить это на кого угодно, только не на своего домового эльфа… а потом он ее уволил?

– Да, – мигом разгорячилась Гермиона, – уволил только потому, что она не осталась в палатке, а ее бы там растоптали…

– Гермиона, да угомонись ты уже со своей Винки! – вскричал Рон.

Но Сириус покачал головой:

– Она понимает Сгорбса лучше, чем ты, Рон. Хочешь понять, что перед тобой за человек, – приглядись, как он обращается с подчиненными, а не с равными.

Он в глубокой задумчивости потер небритое лицо.

– Эти его исчезновения… Позабылся о том, чтобы домовый эльф держал для него место в ложе, – и даже не соизволил явиться на матч. В поте лица трудится над организацией Тремудрого Турнира – но уже

и на него не является... не похоже на Сгорбса. Если он раньше хоть один день отсутствовал на работе по болезни, я съем Конькура.

– А ты знаешь Сгорбса? – спросил Гарри.

Лицо Сириуса потемнело и вдруг стало таким же зловещим, как в ту ночь, когда Гарри встретился с ним впервые, в ту ночь, когда Гарри еще считал его убийцей.

– О, я прекрасно знаю Сгорбса, – тихо проговорил Сириус. – Это он отдал приказ отправить меня в Азкабан – без суда.

– *Что?* – в один голос спросили Рон и Гермиона.

– Не может быть! – воскликнул Гарри.

– Еще как может. – Сириус зубами оторвал громадный кусок курицы. – Сгорбс в то время был главой департамента защиты магического правопорядка, не знали?

Ребята покачали головами.

– Его прочили в министры магии, – продолжал Сириус. – Он великий колдун, Барти Сгорбс, исключительной колдовской силы – и любит власть. Нет-нет, он никогда не поддерживал Вольдеморта, – сказал он, правильно истолковав взгляд Гарри. – Нет, Барти Сгорбс всегда открыто заявлял, что черную магию не приемлет. Но многие, кто не желал переходить на сторону сил зла... вы не поймете... вы слишком молоды...

– То же самое говорил мой папа на чемпионате, – не без раздражения заметил Рон. – А ты все-таки объясни.

Улыбка мелькнула на худом лице Сириуса.

– Что ж, попробую...

Он снова отошел к дальней стене, вернулся и заговорил:

– Представьте, что Вольдеморт находится у власти сейчас. Вы не знаете, кто его сторонники, не знаете, кто работает на него, а кто нет; вам известно, что он умеет управлять людьми и они, не в силах сопротивляться, творят жуткие вещи. Вы боитесь за себя, за свою семью, за друзей. Каждую неделю приходят новые сообщения: кто-то погиб, кто-то исчез, кого-то пытали... в министерстве магии полный разброд, там не понимают, что делать, стараются все скрыть от муглов, а тем временем муглы тоже погибают. Повсюду террор... паника... путаница... вот так тогда и было... В подобные времена в одних людях просыпается все лучшее, в других – худшее. Возможно, поначалу намерения Сгорбса были чисты – я не знаю. Он сделал стремительную

карьеру в министерстве и наисуровейшим образом наказывал приспешников Вольдеморта. Авроры получили новые полномочия – например, им разрешили пленных не брать, убивать сразу. Не меня одного без суда и следствия передали в лапы дементорам. Сгорбс хотел побороть насилие насилием, он разрешил применять к подозреваемым непростительные проклятия. Словом, он стал безжалостен и жесток, как многие приспешники сил зла. И у него, надо сказать, полно было почитателей – куча народу считало, что он действует правильно, многие колдуны и ведьмы требовали, чтоб он стал министром магии. Когда Вольдеморт исчез, казалось, что избрание Сгорбса – лишь вопрос времени. Однако случилась незадача... – Сириус хмуро усмехнулся. – Его собственного сына схватили с группой Упивающихся Смертью, которые сумели отболтаться от Азкабана. Они вроде бы хотели найти Вольдеморта и вернуть к власти.

– *Сына Сгорбса схватили?* – ужаснулась Гермиона.

– Угу. – Сириус швырнул косточку Конькуру, плюхнулся на землю возле буханки хлеба и разорвал ее пополам. – Какой удар для старины Барти, могу себе представить. Надо было больше времени проводить с семьей, а? Иногда пораньше уходить с работы... поближе узнать родного сына.

Он по-волчьи вгрызся в хлебный мякиш.

– А его сын *был* Упивающимся Смертью? – спросил Гарри.

– Понятия не имею, – ответил Сириус, жуя хлеб, – я сам уже сидел в Азкабане, когда его упекли. Все это я выяснил, когда сбежал. Да, мальчика схватили в компании людей, которые точно были Упивающимися Смертью, я голову дам на отсечение, но, может, он просто оказался не в том месте и не в то время, как домовый эльф.

– А Сгорбс не пробовал его вызволить? – прошептала Гермиона.

Сириус хохотнул – как будто гавкнул.

– Сгорбс? Вызволить сына? Ты же вроде все про него поняла, Гермиона! Все, что грозило замарать его репутацию, надлежало убрать с дороги, а он рвался в министры магии, всю жизнь этому посвятил. Ты же видела, как он уволил преданного домового эльфа лишь за то, что из-за нее его имя опять связали со Смертным Знаком, – это тебе ни о чем не говорит? Отцовской привязанности Сгорбса хватило только на то, чтобы устроить показательный суд над сыном и, судя по всему,

для Сгорбса это был лишний повод показать, как сильно он мальчика ненавидит... а потом Сгорбс отправил его пряником в Азкабан.

– Он отдал своего сына дементорам? – тихо спросил Гарри.

– Именно, – невозмутимо ответил Сириус. – Я видел, как дементоры его привели, я смотрел сквозь дверную решетку. Лет девятнадцать, не больше. Камера была рядом. К вечеру он уже кричал, звал маму. Через несколько дней затих... там все в конце концов затихают... только визжат во сне...

На миг глаза Сириуса погасли, омертвили, будто внутри захлопнулись ставни.

– И сейчас он в Азкабане? – спросил Гарри.

– Нет, – сухо ответил Сириус, – его там больше нет. Он умер где-то через год.

– Умер?

– Не он один, – горько отозвался Сириус. – Большинство сходит с ума, многие под конец перестают есть. Теряют волю к жизни. Всегда понятно, что смерть на пороге, – дементоры чуют, они возбуждаются. А мальчик с первого дня выглядел больным. Поскольку Сгорбс был в министерстве важной шишкой, им с женой разрешили навестить сына перед смертью. Тогда я в последний раз видел Барти Сгорбса – он чуть ли не волоком тащил жену мимо моей камеры. Она вскоре тоже умерла. От горя. Угасла, как и мальчик. Сгорбс так и не забрал тело сына. Дементоры похоронили его недалеко от крепости, я сам видел.

Сириус отбросил кусок хлеба, который поднес было ко рту, схватил фляжку с тыквенным соком и осушил.

– Так что старина Сгорбс все потерял, как раз когда думал, что всего достиг, – продолжил он, ладонью утерев рот. – Вчера он герой, без пяти минут министр... а сегодня сын умер, жена умерла, честь семьи запятнана, а популярность, как я слышал уже после побега, резко упала. Едва мальчик умер, люди стали его жалеть, задаваться вопросом, как это милый молодой человек из хорошей семьи мог так ужасно оступиться. Пришли к выводу, что отец его особо не любил. Главный пост достался Корнелиусу Фуджу, а Сгорбса задвинули в угол, в департамент международного магического сотрудничества.

Повисло долгое молчание. Гарри вспоминал, как выкатились из орбит глаза Сгорбса, когда в лесу после финала квидишного кубка он смотрел на ослушавшегося домового эльфа. Значит, вот почему Сгорбс

так вскипел, когда Винки обнаружили под Смертным Знаком. Вспомнил о сыне, о старом скандале, о министерской опале.

– Хмури говорит, что Сгорбс как ненормальный всюду выискивает черных магов, – сказал Гарри.

– Да, я слышал, у него как бы мания, – кивнул Сириус. – Видно, считает, что, если поймает еще одного Упивающегося Смертью, сможет вернуть былую популярность.

– И он пробрался сюда, чтобы обыскать кабинет Злея! – с триумфом выкрикнул Рон, поглядев на Гермиону.

– Да, и я не вижу в этом никакого смысла, – заметил Сириус.

– А зря! – в волнении воскликнул Рон.

Но Сириус покачал головой:

– Если Сгорбсу понадобилось вывести на чистую воду Злея, почему же он не судит Турнир? Идеальный был бы предлог – регулярно появляться в «Хогварце», следить за ним.

– Так ты думаешь, Злей что-то затевает? – спросил Гарри, но тут вмешалась Гермиона:

– Знаете, мне все равно, что вы говорите, Думблдор Злею доверяет...

– Брось, Гермиона, – нетерпеливо перебил Рон, – Думблдор, конечно, гений и все такое, но это не значит, что по-настоящему сильный черный маг не может его обмануть...

– А зачем тогда Злей спас Гарри жизнь в первом классе? Почему не дал ему просто умереть?

– Откуда я знаю – может, боялся, что Думблдор его выгонит...

– А ты как думаешь, Сириус? – громко спросил Гарри, и Рон с Гермионой бросили препираться.

– Я думаю, вы оба в чем-то правы. – Сириус задумчиво посмотрел на Рона и Гермиону. – С тех пор как я узнал, что Злей тут преподает, я все гадал, почему Думблдор его нанял. Злей всегда обожал черную магию, он еще в школе этим славился. Скользкий, хитрый, волосы вечно сальные, вот какой он был, – добавил Сириус, и Гарри с Роном с ухмылкой переглянулись. – Еще до школы знал столько проклятий, сколько не знает иной семиклассник, и дружил со слизеринцами, которые почти все стали Упивающимися Смертью.

Сириус поднял руку и начал загибать пальцы:

– Розье и Уилкс – обоих убили авроры за год до падения Вольдеморта. Супруги Лестранжи сидят в Азкабане. Эйвери, насколько я слышал, как-то выпутался, сказал, что был под проклятием подвластия, – он до сих пор на свободе. Но, насколько я знаю, самого Злея ни разу не обвиняли в принадлежности к Упивающимся Смертью – правда, это ничего не значит. Многих ведь так и не поймали. А Злею хватило бы ума и хитрости не попасться.

– Злей хорошо знаком с Каркаровым, но не хочет, чтобы об этом знали, – заметил Рон.

– Точно, видел бы ты лицо Злея, когда Каркаров вчера объявился на зельеделии! – встрепенулся Гарри. – Каркаров пришел поговорить, сказал, что Злей его избегает. Сильно нервничал. Показал Злею что-то у себя на руке, только я не видел что.

– Показал Злею что-то на руке? – ошарашенно переспросил Сириус. Он рассеянно огладил грязные волосы, потом снова пожал плечами: – Понятия не имею, о чем речь... но если Каркаров сильно нервничает и за утешением приходит к Злею...

Сириус уставился в стену пещеры, затем разочарованно скривился:

– Факт остается фактом – Думблдор Злею верит. Я знаю, что Думблдор верит многим, кому больше никто и ни за что бы не поверил, но... как-то я сомневаюсь, что он разрешил бы Злею преподавать в «Хогварце», если бы тот когда-то служил Вольдеморту.

– Ну и чего тогда Хмури и Сгорбс ломятся к нему в кабинет? – упрямо спросил Рон.

– Ну-у, – протянул Сириус, – от Хмури вполне можно было ожидать, что он, как только попадет в «Хогварц», сразу обыщет все кабинеты. Старикан очень серьезно относится к защите от сил зла. Вот он, пожалуй, вообще никому не верит, что неудивительно – он многое всего повидал. Хотя, к его чести, он никогда не убивал, если этого можно было избежать. По возможности всегда доставлял людей живыми. Он был крут, но до уровня Упивающихся Смертью никогда не опускался. А вот Сгорбс... это другое дело... действительно ли он болен? Если да, чего же тогда притащился в кабинет к Злею? А если нет... тогда что он затевает? Чем это он был так занят на финальном матче, что даже не появился в ложе? И чем занимается, когда должен судить Турнир?

Сириус умолк, по-прежнему глядя в стену. Конькур топтался на каменистом полу, выискивая косточки, которые мог не заметить.

Наконец Сириус поднял глаза на Рона:

– Ты говоришь, твой брат – личный помощник Сгорбса? Ты не мог бы у него узнать, видел ли он Сгорбса в последнее время?

– Попробую, – с сомнением протянул Рон. – Но лучше не говорить, что я в чем-то подозреваю Сгорбса. Перси его обожает.

– Можешь, кстати, выяснить заодно, нашли ли они хоть какие-то следы Берты Джоркинс. – Сириус указал на вторую газету.

– Шульман говорил, что нет, – вставил Гарри.

– Да, его и в статье цитируют, – кивнул Сириус. – Шульман все твердит, какая у Берты плохая память. Может, конечно, она сильно изменилась, но Берта, которую я знал, вовсе не была забывчивой, совсем наоборот. Туповата – это да, но на всякие сплетни память у нее была отменная. Из-за этого она вечно влипала в неприятности – не умела держать рот на замке. Представляю, как с ней мучилось министерство... может, Шульман поэтому так долго и не хотел ее искать...

Сириус тяжко вздохнул и потер усталые глаза.

– Который час?

Гарри посмотрел на часы, но вспомнил, что после озера они не работают.

– Полчетвертого, – сказала Гермиона.

– Вам пора назад. – Сириус встал. – И вот еще что, послушайте... – Он очень пристально поглядел на Гарри. – Чтоб из школы ко мне сюда не бегали, понятно? Шлите записки. Если происходит что-то странное, я по-прежнему хочу знать. Но из замка без разрешения не выходить – это идеальные условия для атаки.

– Меня пока никто не атаковал, кроме дракона и парочки загрыбастов, – заметил Гарри.

Но Сириус нахмурился:

– Все равно... Я вздохну свободно только после Турнира, а это в июне. И еще: будете говорить обо мне между собой – зовите меня Шлярик, хорошо?

Он протянул Гарри пустую флягу и салфетку, сходил погладить Конькура и сказал:

– Дойду с вами до деревни. Вдруг удастся раздобыть еще газет.

У расщелины он превратился в большого черного пса, и они зашагали вниз по каменистой земле обратно к перелазу. Там Сириус позволил каждому потрепать себя по голове, развернулся и потрусили вдоль деревенской окраины.

Гарри, Рон и Гермиона через Хогсмед отправились к «Хогварцу».

– Интересно, а Перси знает историю Сгорбса? – проговорил Рон, когда они уже подходили к замку. – Может, ему все равно... может, он от этого еще больше восхищается. Да, Перси у нас любит правила. Он бы сказал – мол, и хорошо, что Сгорбс не нарушил закон ради сына.

– Перси не отдал бы родных дементорам, – сурово возразила Гермиона.

– Вот не знаю, – ответил Рон. – Если б решил, что мы мешаем его карьере... У Перси, знаешь ли, честолюбие...

Они поднялись по парадной лестнице в вестибюль, и их встретили вкусные запахи из Большого зала.

– Бедняга Шлярик, – глубоко вдохнув, сказал Рон. – Он, наверное, очень сильно тебя любит, Гарри... только представь, питаться крысами...

Глава двадцать восьмая

Безумие мистера Сгорбса

В воскресенье после завтрака Гарри, Рон и Гермиона сходили в совяльню и отправили письмо Перси – спросили, давно ли он видел Сгорбса. Послать решили Хедвигу, давно сидевшую без работы. Проводив сову глазами, ребята отправились на кухню дарить Добби носки.

Домовые эльфы встретили гостей очень радушно – приседали, кланялись, бросились готовить чай. Добби при виде подарка чуть с ума не сошел от восторга.

– Гарри Поттер слишком добр к Добби! – пропищал он, промокая гигантские слезы, выкатившиеся из огромных глаз.

– Добби, твои жаброводоросли спасли мне жизнь, кроме шуток, – сказал Гарри.

– А эклерчиков больше нет? – обратился Рон к толпе неуемно кланяющихся эльфов.

– Ты же только что позавтракал! – возмутилась Гермиона. Но к ним, поддерживаемое четырьмя эльфами, уже летело громадное серебряное блюдо с эклерами.

– Нужно что-нибудь послать Шлярику, – вполголоса произнес Гарри.

– Точно, – поддержал Рон. – Заодно и Свину будет чем заняться. Не дадите нам еще немножко еды, а? – обратился он к эльфам. Те счастливо закивали и бросились за провиантом.

– Добби, а где Винки? – Гермиона озиралась.

– Винки вон там, у камина, мисс, – тихо ответил Добби, и его уши чуть-чуть обвисли.

– Ой, мамочки мои, – прошептала Гермиона, увидев Винки.

Гарри тоже обернулся. Винки сидела на той же табуретке, что и в прошлый раз, но теперь стала такой грязной, что не сразу различалась на фоне прокопченных кирпичей. Давно не стиранная одежда была

порвана. Сжимая в руке бутылку усладэля, Винки слегка покачивалась и неотрывно глядела в огонь. Они увидели, как она сильно икнула.

– Винки пьет по шесть бутылок в день, – шепотом сообщил Добби.

– Ну это же не крепкое, – сказал Гарри.

Добби покачал головой.

– Для домовых эльфов – крепкое, – пояснил он.

Винки снова икнула. Эльфы, которые принесли эклеры, одарили ее неодобрительными взглядами и вернулись к работе.

– Винки чахнет, – грустно пробормотал Добби. – Винки хочет домой. Винки по-прежнему думает, что мистер Сгорбс – ее хозяин, сэр, Добби ей говорит-говорит, а она никак не поймет, что наш новый хозяин – профессор Думбльдор.

– Привет, Винки. – Гарри внезапно осенило. Он подошел и склонился к ней: – Ты случайно не знаешь, что такое с мистером Сгорбсом? Он почему-то перестал появляться на Тремудром Турнире.

В глазах Винки появился какой-то проблеск. Огромные зрачки с трудом сфокусировались на Гарри. Она снова качнулась, а потом произнесла:

– Х-хозяин перестал – ик – появляться?

– Да, – подтвердил Гарри, – мы не видели его с самого первого испытания. В «Оракуле» пишут, что он болен.

Винки, мутно взирая на Гарри, еще покачалась.

– Хозяин – ик – болен?

Нижняя губа у нее задрожала.

– Но мы не уверены, что это правда, – поскорее добавила Гермиона.

– Хозяину нужна его – ик – Винки! – заскутила несчастная. – Хозяин – ик – сам не справляется...

– Знаешь, Винки, другие люди прекрасно справляются с хозяйством сами, – с некоторой свирепостью заявила Гермиона.

– Винки у мистера Сгорбса – ик – была не только по хозяйству! – возмущенно взвизгнула Винки, опасно раскачиваясь и заливая усладэлем и без того изрядно заляпанную блузку. – Хозяин – ик – доверяет Винки – ик – самые важные – ик – самые секретные...

– Что? – спросил Гарри.

Но Винки энергично затрясла головой, еще обильнее поливая себя усладэлем.

— Винки хранит — ик — секреты своего господина, — взбунтовалась она, раскачиваясь очень сильно и хмурясь на Гарри — глаза у нее съехались к переносице. — А вы — ик — лезете, вы... суете нос.

— Винки не должна так говорить с Гарри Поттером! — сердито вмешался Добби. — Гарри Поттер благородный и храбрый, и Гарри Поттер вовсе не сует нос!

— Он сует нос — ик — в личные секретные — ик — дела моего господина — ик — Винки хороший домовый эльф — ик — Винки хранит молчание — ик — а всякие там — ик — приходят и лезут — ик... — Веки эльфа смежились, она вдруг соскользнула с табуретки на коврик и громко захрапела. Пустая бутылка покатилась по плиточному полу.

Подбежало около полудюжины эльфов. Все они брезгливо морщились. Один подобрал бутылку, другие накрыли Винки клетчатой скатертью и подоткнули края, скрыв оскорбительное для господских глаз зрелище.

— Мы извиняемся, что мисс и джентльменам приходится такое видеть, — скрипнул ближайший к ребятам эльф, очень пристыженно качая головой. — Мы надеемся, вы не станете судить по Винки обо всех нас!

— Ей плохо! — в отчаянии воскликнула Гермиона. — Ее надо подбодрить, а не накрывать тряпками!

— Извиняемся, мисс, — эльф еще раз низко поклонился, — только у домовых эльфов нету права такого, чтоб им было плохо, когда работа стоит, а господа необслуженные.

— Во имя Мерлина! — гневно возопила Гермиона. — Послушайте меня, вы все! У вас столько же прав, сколько у колдунов, вам тоже может быть плохо! Вы имеете право на заработную плату, и на отпуск, и на нормальную одежду, вы не обязаны делать все, что вам приказывают, — посмотрите на Добби!

— Пусть мисс не вмешивает Добби, — испуганно промямлил тот. Счастливые улыбки сползли с лиц эльфов. Они уставились на Гермиону как на опасную сумасшедшую.

— Вот ваша еда! — скрежетнул эльф у локтя Гарри и пихнул ему в руки большой кусок ветчины, дюжину пирожных и немного фруктов. — До свидания!

Эльфы кольцом сомкнулись вокруг Гарри, Рона и Гермионы и начали выпроваживать их с кухни, толкая в поясницы ладошками.

– Спасибо за носки, Гарри Поттер! – жалобно прокричал Добби – он уныло стоял над покрытой скатертью бесформенной кучкой у камина.

– Трудно было помолчать? – набросился на Гермиону Рон, как только дверь кухни с грохотом захлопнулась. – Больше они нас к себе не пустят! Мы же могли вытянуть из Винки что-нибудь еще про Сгорбса!

– А тебя, конечно, волнует это! – огрызнулась Гермиона. – У тебя одна еда на уме!

И весь день был испорчен. Пока они в общей гостиной делали уроки, Гарри так устал от препирательств, что посылку Сириусу понес в совяльню сам.

Свинринтель был слишком маленький и столько еды самостоятельно бы не донес, поэтому Гарри взял ему в помощь двух школьных сов. Все три вылетели навстречу вечерним сумеркам – странная группа с большущим свертком, – а Гарри оперся о подоконник и стал смотреть на школьный двор, на гнующиеся верхушки деревьев Запретного леса, на полоющиеся паруса дурмштранговского корабля. На фоне дыма, что спирально вился из трубы хижины Огрида, показался филин; он стремительно подлетел к замку, обогнул совяльню и скрылся из виду. Внизу Гарри увидел, как Огрид перед хижиной энергично орудует лопатой. Интересно, что он делает, подумал Гарри, не иначе вскапывает новую грядку под овощи. Из бэльстэкской кареты появилась мадам Максим. Она подошла к Огриду и попыталась вовлечь его в разговор. Огрид выпрямился, опервшись на лопату, но, видимо, вступать в беседу не захотел, потому что мадам Максим вскоре вернулась в карету.

Не имея ни малейшего желания идти в гриффиндорскую башню и слушать грызню Рона и Гермионы, Гарри смотрел, как Огрид копает, пока того не поглотила тьма, а совы не начали просыпаться и со свистом вылетать в ночь.

К утру злость Рона и Гермионы перегорела, а кроме того, к облегчению Гарри, не оправдались и мрачные прогнозы Рона относительно того, что домовые эльфы, в наказание за нанесенное Гермионой оскорблением, будут теперь присыпать на гриффиндорский

стол второсортную еду, — нет, копченая рыба, яйца и бекон по-прежнему были вкусны.

Когда влетели почтовые совы, Гермиона с надеждой задрала голову; она явно чего-то ждала.

— Перси еще не мог прислать ответ, — сказал ей Рон, — мы же только вчера отправили Хедвигу.

— Я жду другого, — объяснила Гермиона. — Я подписалась на «Оракул». Надоело узнавать новости от слизеринцев.

— Молодец! — Гарри тоже посмотрел вверх. — Эй, Гермиона, кажется, тебе повезло...

К Гермионе спускалась бородатая неясыть.

— Но у нее не газета, — разочарованно проговорила Гермиона, — это...

К ее величайшему изумлению, бородатая неясыть приземлилась прямо перед ее тарелкой, а следом туда же сели две серые неясыти и четыре сипухи.

— Сколько же ты номеров выписала? — спросил Гарри, подхватывая Гермионин кубок, чтобы его не опрокинули толкающиеся птицы — все хотели вручить послание первыми.

— Что еще такое?.. — Гермиона взяла у бородатой неясыти письмо, вскрыла и начала читать. — Да ну конечно! — возмущенно захлебнулась она, сильно покраснев.

— В чем дело? — спросил Рон.

— Это... ой, ну что за ерунда... — Она сунула письмо Гарри, и тот увидел, что оно не написано от руки, а составлено из букв, вырезанных из «Оракула»:

Ты ЗлАЯ девчОНКА. ГаРРи ПоттЕр заслУживаЕТ ЛучшегО.
ВозВРаЩАЙся к Муглам откуДА приШла.

— Они все такие! — в отчаянии воскликнула Гермиона, вскрывая письмо за письмом. — «Гарри Поттер достоин лучшего...», «Тебя надо сварить в лягушачьей икре...». Ой!

Она вскрыла последний конверт, и ей на руки вылилась густая желтовато-зеленая жидкость, сильно пахнущая бензином. Руки тут же покрылись большими желтыми ожогами.

— Неразбавленный буботуберовый гной! — Рон осторожно подобрал конверт и понюхал.

Гермиона от боли взвыла. Она пыталась оттереть руки салфеткой, и по ее лицу катились слезы. Пальцы покрылись ужасными пузырями –казалось, что на Гермионе толстые пупырчатые перчатки. Совы разлетелись.

– Давай-ка лучше в лазарет, – посоветовал Гарри, – мы скажем профессору Спаржу, куда ты пошла…

– Я ее предупреждал! – сказал Рон, как только Гермиона, прижимая к себе руки, побежала к дверям. – Я говорил, не надо раздражать Риту Врите! Ты только послушай… – Он зачитал выдержку из одного письма: – «Я прочла в «Ведьмополитене», как ты обманываешь Гарри Поттера, а этот мальчик и без того в жизни натерпелся, и за это я тебе в следующем письме пошлю такое проклятие, что не обрадуешься, только найду вот конверт побольше». О-о-о, Гермионе надо смотреть в оба!

На гербологию Гермиона не явилась. Выходя из теплицы, Гарри с Роном увидели, как с парадного крыльца спускаются Малfoy, Краббе и Гойл. Позади них шептались и хихикали Панси Паркинсон с подружками. Заметив Гарри, Панси прокричала:

– Поттер, ты что, расстался со своей любовью? Отчего это она за завтраком так расстроилась?

Гарри решил не обращать внимания – он не хотел, чтоб эта дура радовалась, зная, сколько бед принесла статья в «Ведьмополитене».

Огрид, на прошлом занятии объявиивший, что с единорогами покончено, ждал учеников возле своей хижины. У его ног стояли ящики. При виде их у Гарри внутри все оборвалось – неужели опять народились драклы? – но, подойдя ближе и заглянув внутрь, увидел пушистых черненьких зверьков с длинными хоботками и забавными, плоскими, как лопатки, передними лапками. Уставившись на ребят, зверьки удивленно моргали, вежливо недоумевая, отчего это им уделяется столько внимания.

– Это нюхли, – объяснил Огрид, когда все подошли. – Живут в основном на приисках. Любят блестящее… вот смотрите-ка.

Один нюхль прыгнул и попытался скусить часы с запястья Панси Паркинсон. Та завизжала и отскочила.

– Они прям как детекторы на всякие драгоценности, – радостно сообщил Огрид. – Мы с ними сегодня поиграемся. Видите? – Он показал на свежевспаханный участок. Здесь он копал, когда Гарри

наблюдал за ним из совяльни. – Я тут поназарывал золотых монеток. Чей нюхль отыщет больше всех денег, тому приз. Только с себя снимите все ценное, а потом выбирайте нюхля и приготовьтесь выпускать.

Гарри снял неработающие часы, которые носил только по привычке, и спрятал в карман. Потом выбрал себе нюхля. Тот сунул Гарри в ухо носик-трубочку и с энтузиазмом посопел. Ну прямо живая игрушка.

– Погодите-ка... – Огрид глядел в корзину. – Тут один лишний... Кого нету? Где Гермиона?

– Пошла в лазарет, – ответил Рон.

– Мы потом объясним, – пробормотал Гарри. Панси Паркинсон заинтересованно прислушивалась.

Это был, пожалуй, рекордно занятный урок ухода за магическими существами. Нюхли ныряли под землю и выныривали, точно это была вода. Каждый безошибочно бросался к тому ученику, который его выпустил, и ссыпал добытое золото ему в руки. Нюхль Рона оказался самым трудолюбивым, и скоро у Рона было полно денег.

– А их можно купить и держать дома, Огрид? – с воодушевлением спросил он. Его нюхль опять нырнул, обрызгав Рона грязью.

– Твоей маме не понравится, – ухмыльнулся Огрид, – они, нюхли эти, дома разрушают. Кажись, они уж все собрали, – добавил он, обойдя вскопанный участок, куда продолжали нырять нюхли. – Я зарыл всего сто монет. А, вот и Гермиона!

По газону брела Гермиона – руки сильно забинтованы, лицо несчастное. Панси Паркинсон наблюдала за ней цепкими глазками.

– Ну чего, давайте смотреть, кто чего набрал! – провозгласил Огрид. – Считайте монеты! А красть их ни к чему, Гойл, – он сузил глаза-жуки, – это лепреконово золото. Через пару часов исчезнет.

Недовольный Гойл высыпал золото из карманов. Самую высокую производительность показал нюхль Рона, и в награду Огрид дал Рону громаднейший кус рахатлукуловского шоколада. Тут по двору разнеслись удары колокола, созывающие на обед. Все отправились в замок, но Гарри, Рон и Гермиона остались помочь Огриду рассадить нюхлей по ящикам. Гарри заметил, что из окна кареты за ними наблюдает мадам Максим.

— А чегой-то у тебя с руками, Гермиона? — участливо спросил Огрид.

Гермиона рассказала про утренние гневные письма и конверт с буботуберовым гноем.

— А-а-а-а, это ерунда, не переживай, — ласково поглядев на нее сверху, посоветовал Огрид. — Я таких писем наполучал — уж будьте любезны, после того, как Рита Вритеर про мою мамашу-то написала. «Ты чудовище, тебя надо усыпить». «Твоя мать убивала невинных людей, была б у тебя совесть, ты б в озере утопился».

— Не может быть! — воскликнула крайне шокированная Гермиона.

— Да вот может, — сказал Огрид, перетаскивая ящики с нюхлями под стену хижины. — Они ж просто придури. Ты эти письма, ежели еще будут, не открывай, кидай сразу в огонь.

— Ты пропустила отличный урок, — сообщил Гермионе Гарри, когда все трое уже возвращались в замок. — Они такие симпатичные, эти нюхли. Правда, Рон?

Рон между тем, нахмурившись в ужасном расстройстве, взирал на шоколад.

— Что такое? — спросил Гарри. — Начинка не та?

— Нет, — бросил Рон. — Ты почему мне не сказал про золото?

— Какое золото? — не понял Гарри.

— Золото, которое я тебе отдал на финальном матче. Лепреконово, за омниокуляр. В Высшей ложе. Почему ты не сказал, что оно исчезло?

Гарри пришлось минуту подумать, прежде чем он сообразил, о чем речь.

— А-а, — протянул он, когда память наконец к нему вернулась. — Не знаю... Я и не заметил, что его нет. У меня тогда была другая забота — волшебная палочка, помнишь?

Они вошли в вестибюль и направились в Большой зал на обед.

— Хорошо, наверно, — отрывисто произнес Рон, когда они уселись за стол и принялись накладывать на тарелки ростбиф и йоркширский пудинг, — иметь столько денег, что и не замечаешь, если пропала целая пригоршня галлеонов.

— Слушай, у меня тогда совсем другое было на уме! — раздражился Гарри. — Да и у всех нас!

— Я не знал, что лепреконово золото исчезает, — бубнил Рон. — Я думал, что отдал тебе деньги. А так ты не должен был дарить мне на

Рождество шляпу «Пуляющих пушек».

– Да забудь ты об этом!

Рон наколол на вилку жареную картошку и прожег ее гневным взглядом. А потом сказал:

– Ненавижу, что я бедный.

Гарри с Гермионой переглянулись, не зная, что ответить.

– Все это ерунда, – продолжал Рон, обращаясь к картошке. – Я не виню Фреда с Джорджем, что они хотят заработать. Жалко, что я не могу. Жалко, что у меня нет нюхля.

– Что ж, теперь мы знаем, что тебе подарить на следующее Рождество, – бодро отозвалась Гермиона. Но, видя, что Рон по-прежнему сидит очень мрачный, добавила: – Перестань, Рон, бывает и хуже. Зато у тебя руки не в гное. – Гермиона с огромным трудом управлялась с ножом и вилкой, так сильно распухли у нее пальцы. – *Ненавижу* эту Вритер! – вдруг взорвалась она. – Я ей отплачу! Даже если это будет последнее, что я сделаю в жизни!

Всю следующую неделю гневные письма продолжали приходить; Гермиона последовала совету Огрида и перестала вскрывать конверты, но некоторые недоброжелатели присылали вопиллеры – те взрывались и выкрикивали ей в лицо оскорблений на весь Большой зал. Теперь даже те, кто не читал «Ведьмополитен», узнали о мнимом любовном треугольнике. Гарри устал объяснять, что Гермиона – вовсе не его девушка.

– Если мы не будем обращать внимания, – говорил он Гермионе, – все уляжется... им же в конце концов надоело обсуждать, что она понаписала про меня...

– Я хочу знать, как она подслушивает частные разговоры, когда ей даже вход на территорию запрещен! – сердилась Гермиона.

После следующего же урока защиты от сил зла Гермиона задержалась поговорить с профессором Хмури. Остальные торопились поскорее уйти – Хмури с таким рвением провел тест по изменению траектории заклятий, что многие получили мелкие травмы. Для Гарри последствия заклятия замаши-ушами оказались таковы, что он ушел с урока, руками прижимая уши к голове.

– В общем, Рита точно не пользуется плащом-невидимкой! – пропыхтела Гермиона пять минут спустя, догнав мальчиков в

вестибюле и отводя руку Гарри от извивающегося уха, чтобы он тоже послушал. – Хмури говорит, после второго испытания не видел ее ни возле судейского стола, ни около озера!

– Гермиона! Имеет ли смысл просить тебя бросить эту затею? – спросил Рон.

– Нет! – упрямо сказала Гермиона. – Я хочу знать, как ей удалось подслушать мой разговор с Виктором! И как она узнала про маму Огрида!

– Может, поставила вам жучки? – предположил Гарри.

– Жучки? – не понял Рон. – Как это... напустила блох, что ли?

Гарри принялся объяснять про потайные микрофоны и записывающие устройства.

Рон пришел в восторг, но тут вмешалась Гермиона:

– Когда-нибудь вы *наконец* прочитаете «Историю “Хогварца”» или нет?

– А смысл? – удивился Рон. – Ты же ее знаешь наизусть, мы всегда можем спросить у тебя.

– Все эти мугловые заменители волшебства – электричество, компьютеры, радары и прочее – все они около «Хогварца» выходят из строя, здесь воздух перенасыщен колдовством. Нет, у Риты магические средства... вот только понять бы какие... о-о-о, если это незаконно, я ей устрою...

– Как будто у нас других забот нет! – возмутился Рон. – Только вендетты не хватает!

– А я тебя о помощи не прошу! – огрызнулась Гермиона. – Я все сделаю сама!

И она, не оглядываясь, замаршировала вверх по мраморной лестнице – в библиотеку, ни на секунду не усомнился Гарри.

– Давай спорим, что она вернется с коробкой значков «Я ненавижу Риту Вритеर»? – предложил Рон.

Но Гермиона действительно не просила у них помощи в борьбе против Риты, за что оба были крайне ей благодарны – чем ближе подходили пасхальные каникулы, тем больше уроков им задавали. Гарри восхищался Гермионой: та справлялась с положенной работой, но еще и изучала магические методы подслушивания. Сам он едва успевал готовить домашние задания, но не забывал регулярно посыпать Сириусу продукты; собственный летний опыт не давал

забыть, каково это – постоянно ходить голодным. В посылки он вкладывал записочки с известиями о том, что ничего особенного не произошло, а ответ от Перси пока не приходил.

Хедвига не возвращалась до самого конца пасхальных каникул. Письмо было вложено в посылку с пасхальными яйцами от миссис Уизли. Наполненные ирисом яйца для Гарри и Рона были размером с драконы. А вот Гермиона получила яйцо меньше куриного. При виде его бедняжка помрачнела.

– Рон, твоя мама случайно не выписывает «Ведьмополитен»? – тихо спросила она.

– Выписывает, – пробурчал Рон сквозь ирис. – Берет оттуда рецепты.

Гермиона грустно поглядела на крошечное яичко.

– А давайте почитаем, что написал Перси! – поспешил предложил Гарри.

Письмо Перси было коротким, а его тон – ворчливым:

Как я постоянно твержу корреспондентам «Оракула», мистер Сгорбс находится в давно заслуженном отпуске. Он регулярно присыпает сов с распоряжениями. Его самого я не видел, но, уверяю вас, я вполне способен узнать почерк своего начальника. У меня сейчас хватает забот и без того, чтобы развеивать всякие нелепые слухи. Будьте добры больше не беспокоить меня без крайней необходимости. Счастливой Пасхи.

Обычно в начале летнего триместра Гарри усиленно тренировался к последнему квидишиному матчу сезона. А в этом году нужно было готовиться к третьему, и последнему, испытанию Тремудрого Турнира, только он пока не знал, каково оно будет. Наконец в последнюю неделю мая профессор Макгонаголл задержала его после урока превращений.

– Сегодня в девять вечера приходите на стадион, Поттер, – объявила она. – Мистер Шульман расскажет вам о последнем испытании.

В половине девятого Гарри расстался с Роном и Гермионой в гриффиндорской башне и пошел вниз. В вестибюле он увидел Седрика – тот появился из общей гостиной «Хуффльпуффа».

— Как думаешь, что будет? — спросил он у Гарри. Они вместе спустились с парадного крыльца под облачное вечернее небо. — Флёр твердит о каких-то подземных тоннелях — она считает, мы должны отыскать сокровище.

— Это было бы не так плохо, — ответил Гарри; в таком случае он просто попросит у Огрида нюхля, и тот всю работу сделает сам.

По чернеющему в сумерках газону они с Седриком добрались до стадиона, прошли между трибунами и оказались на поле.

— Что они тут понаделали? — возмутился Седрик, останавливаясь как вкопанный.

Квидишное поле больше не было ровным и гладким. На нем выстроили длинные низкие стены — они пересекались между собой и разбегались во все стороны.

— Это кусты! — сказал Гарри, наклонившись к ближайшей стенке.

— Всем привет! — раздался веселый голос.

Посреди поля вместе с Крумом и Флёр стоял Людо Шульман. Гарри и Седрик пробрались к ним, перелезая через кусты. При виде Гарри Флёр просияла. Она сильно потеплела к нему с тех пор, как он вытащил из озера ее сестру.

— Ну как вам? — поинтересовался довольный Шульман, как только новоприбывшие одолели последнюю изгородь. — Хорошо растут, правда? Дадим Огриду еще месяц — вырастут до двадцати футов. Не бойтесь, — заулыбался он, глядя на несчастные физиономии Гарри и Седрика, — как только испытание кончится, ваше квидишное поле вернется к вам целым и невредимым! Ну, вы уже догадались, что мы здесь строим?

Пару секунд все молчали. Потом...

— Лабиринт, — проворчал Крум.

— Точно! — вскричал Шульман. — Лабиринт. Третье задание на самом деле очень простое. Тремудрый Приз будет помещен в центр лабиринта. Чемпион, который дотронется до Приза первым, получит высший балл.

— Нам пгосто нужно пгойти чегез лабигинт? — переспросила Флёр.

— Там будут препятствия, — восторженно уточнил Шульман, покачиваясь на пятках. — Огрид посадит туда кое-каких... существ... и потом, вам встретятся заклятия, которые нужно снять... ну и всякое такое, сами понимаете. Да, еще: лидеры состязания войдут в лабиринт

первыми. – Шульман улыбнулся Гарри и Седрику. – Затем мистер Крум... а следом – мисс Делакёр. Но у каждого будет шанс побороться, все зависит от того, хорошо ли вы справитесь с препятствиями. Весело, да?

Гарри, прекрасно знавший, каких существ может по такому случаю выбрать Огрид, решил, что весело будет вряд ли. Тем не менее он вежливо покивал вместе со всеми.

– Очень хорошо... если ни у кого нет вопросов, давайте вернемся в замок, а то что-то прохладно...

Они начали выбираться из лабиринта. Шульман трусил рядом с Гарри – сейчас опять начнет предлагать помочь, заподозрил тот, но тут его постучал по плечу Крум:

– Мы мошем поговорит?

– Да, конечно, – немного удивился Гарри.

– Не отойдешь со мной?

– Ладно, – с любопытством согласился он.

Шульман слегка огорчился.

– Подождать тебя, Гарри?

– Нет, мистер Шульман, все нормально, – ответил Гарри, подавляя улыбку. – Я думаю, я смогу сам найти замок, спасибо.

Гарри с Крумом вышли со стадиона вместе, но Крум пошел не к кораблю, а к Запретному лесу.

– Зачем нам туда? – спросил Гарри, когда они миновали хижину Огрида и ярко освещенную бэльстэкскую карету.

– Не шелаю, чтобы нас подслушали, – коротко ответил Крум.

Наконец они достигли тихого места неподалеку от загона с крылатыми конями. Крум остановился в тени деревьев и повернулся.

– Я хочу знат, – начал он, сверля Гарри глазами, – што у вас с Херми-оун-ниной?

Гарри, в связи с загадочной прелюдией ожидавший чего-то посерезнее, уставился на Крума в изумлении.

– Ничего, – сказал он. Но Крум не сводил с него угрюмого взгляда, и Гарри, вдруг ясно заметив, какой Крум высокий, пояснил: – Мы просто друзья. Она не моя девушка и никогда ею не была. Это все выдумала Рита Вритер.

– Херми-оун-нина ошен шасто о тебе говорит. – Крум подозрительно посмотрел на Гарри.

– Да, – подтвердил Гарри, – потому что мы друзья.

Ему не верилось, что он ведет такой разговор с Виктором Крумом, знаменитым квидишиным игроком мирового масштаба. Получается, восемнадцатилетний Крум считает его, Гарри, равным – настоящим соперником...

– И вы никогда... вы не...

– Нет, – ответил Гарри очень-очень твердо.

Крум чуточку повеселел. Несколько секунд он молча глядел на Гарри, а потом произнес:

– Ты ошен хорошо летаешь. Я смотрел первое испытание.

– Спасибо. – Гарри широко улыбнулся и вдруг почувствовал, что и сам стал значительно выше. – А я видел тебя на финале кубка. Обманка Вральского – это вообще!..

Но что-то промелькнуло между деревьями, и Гарри, имевший некоторое представление о том, какие существа шныряют по этому лесу, инстинктивно схватил Крума за руку и развернул туда лицом.

– Што?

Гарри помотал головой, не сводя глаз с того места, где заметил движение. Он сунул руку под мантию и взялся за палочку.

Спустя мгновение из-за высокого дуба, шатаясь, вышел человек. Сначала Гарри его не узнал... а потом понял, что это мистер Сгорбс.

По виду казалось, будто он много дней шел пешком. Мантия на коленях порвалась и была окровавлена, лицо поцарапанное, небритое, посеревшее от усталости. Когда-то тщательно ухожен-ные волосы и усы нуждались в мытье и стрижке. И, если его появление было странным, то поведение попросту ошеломляло. Бормоча себе под нос и бурно жестикулируя, мистер Сгорбс, словно бы обращался к невидимому собеседнику. Он отчетливо напомнил Гарри бродягу, которого они с тетей Петунией встретили как-то раз, когда ходили за покупками. Тот человек тоже оживленно дискутировал с пустотой, и, чтобы поскорее от него убежать, тетя Петуния схватила Дудли за руку и поволокла через дорогу. В тот день дядя Веронон прочитал семье длинную лекцию о том, как бы поступил со всеми нищими и бродягами, будь на то его воля.

– Это же судья? – Крум уставился на мистера Сгорбса. – Из вашего министерства?

Гарри кивнул. Мгновение поколебавшись, он медленно направился к мистеру Сгорбсу. Тот даже не обернулся – он наставлял ближайшее дерево:

– …когда закончите с этим, Уизерби, отошлите к Думблдору сову, подтверждающую количество учащихся «Дурмштранга», которые прибудут на Турнир. Каркаров только что сообщил, что их будет двенадцать…

– Мистер Сгорбс, – осторожно позвал Гарри.

– …а затем пошлите еще одну сову к мадам Максим, потому что она, возможно, захочет увеличить количество своих участников, раз теперь у Каркарова целая дюжина… Справитесь, Уизерби? Справитесь? Справи… – Его глаза полезли из орбит. Он стоял, глядя на дерево и беззвучно бормоча. Потом пошатнулся и упал на колени.

– Мистер Сгорбс! – громко сказал Гарри. – Что с вами?

Глаза Сгорбса закатились. Гарри оглянулся на Крума, который следом за ним вошел под деревья и смотрел на Сгорбса в тревоге.

– Что с ним такое?

– Понятия не имею, – пробормотал Гарри. – Слушай, может, приведешь кого-нибудь?..

– Думблдор! – внезапно выдохнул мистер Сгорбс. Он протянул руку, схватил Гарри за подол и подтащил к себе, глядя, впрочем, поверх его головы. – Мне нужно… Думблдора…

– Обязательно, – заверил Гарри, – если вы встанете, мистер Сгорбс, мы отведем вас в…

– Я… сделал… глупость… – с трудом выговорил мистер Сгорбс. Вид у него был совершенно безумный. Выпученные глаза закатывались, по подбородку стекала струйка слюны, каждое слово давалось ценой неимоверных усилий. – Должен… признаться… Думблдору…

– Вставайте, мистер Сгорбс, – громко и четко произнес Гарри, – вставайте, и я отведу вас к нему!

Глаза Сгорбса остановились на Гарри.

– Вы… кто? – прошептал он.

– Я ученик, – ответил Гарри, оглядываясь на Крума и надеясь на помощь, но тот болтался в отдалении с очень испуганным видом.

– Вы не… с ним? – прошептал Сгорбс, и его челюсть отвисла.

– Нет, – уверил Гарри, не имея ни малейшего представления, о чем идет речь.

– С Думблдором?

– Да, – подтвердил Гарри.

Сгорбс подтащил его еще ближе, Гарри попробовал ослабить хватку, но она была чересчур сильна.

– Предупредить... Думблдора...

– Я приведу Думблдора, если вы меня отпустите, – вразумлял Гарри. – Отпустите, мистер Сгорбс, и я его приведу...

– Спасибо, Уизерби, а когда вы со всем закончите, я был бы благодарен, если бы вы принесли мне чашечку чая. Скоро приедет моя жена с сыном, мы вместе с Фуджами идем сегодня на концерт. – Сгорбс опять бегло заговорил с деревом. Он, казалось, и не подозревал, что рядом Гарри, и тот так удивился, что не заметил, как Сгорбс слегка разжал пальцы. – Да, мой сын недавно получил С.О.В.У. 12, весьма удовлетворительно, совершенно верно, благодарю вас, спасибо, да-да, действительно горжусь. А теперь, будьте любезны, принесите мне меморандум из министерства магии Андорры, пожалуй, я еще успею набросать ответ...

– Оставайся с ним! – велел Гарри Круму. – Я пойду за Думблдором, я его быстрее найду, я знаю, где его кабинет...

– Он сумасшедший, – с сомнением произнес Крум, глядя на Сгорбса, который все еще бессвязно беседовал с деревом в полной уверенности, что это Перси.

– Побудь с ним. – Гарри начал вставать, и это как-то сбило мистера Сгорбса. Он обхватил Гарри за колени и потянул обратно на землю.

– Не... оставляйте... меня... – в отчаянии прошептал Сгорбс, и его глаза снова выкатились. – Я... сбежал... должен предостеречь... должен предупредить... увидеть Думблдора... моя вина... во всем моя вина... Берта... мертва... во всем моя вина... мой сын... моя вина... скажите Думблдору... Гарри Поттер... Черный Лорд... сильнее... Гарри Поттер...

– Я приведу Думблдора, если вы меня отпустите! – сказал Гарри и гневно обернулся к Круму: – Может, поможешь все-таки?

С большой опаской Крум приблизился и опустился возле Сгорбса на корточки.

– Не пускай его отсюда, – Гарри высвободился из цепких объятий мистера Сгорбса, – а я приведу Думблдора.

– Поскорей, латно?! – крикнул вслед Крум, а Гарри уже мчался от леса к замку через темный двор. Кругом было пусто; Шульман, Седрик и Флёр давно ушли. Гарри пролетел над парадным крыльцом и взвился по мраморной лестнице на второй этаж.

Через пять минут он уже стоял посреди пустынного коридора перед каменной горгульей.

– Лим... лимонный леденец! – задыхаясь, закричал он на нее.

Это был пароль для входа на потайной эскалатор в кабинет Думблдора – по крайней мере два года назад. Очевидно, пароль с тех пор сменился, поскольку горгулья не пожелала оживать и отпрыгивать в сторону, а стояла неподвижно и злобно глядела на Гарри.

– Шевелись же! – завопил Гарри. – Быстро!

Но в «Хогварце» ничто не делалось по твоему крику; Гарри понимал, что все бесполезно. Он оглядел неосвещенный коридор. Может, Думблдор в учительской? Он со всех ног бросился к лестнице...

– ПОТТЕР!

Гарри резко затормозил и обернулся.

С потайного эскалатора сходил Злей. Стена как раз закрывалась за его спиной. Он поманил Гарри к себе:

– Что вы здесь делаете, Поттер?

– Мне нужен профессор Думблдор! – Гарри побежал назад и затормозил теперь перед Злеем. – Мистер Сгорбс... он только что появился... в лесу... он просит...

– Что за ерунда? – оборвал Злей. Черные глаза недобро сверкнули. – О чем вы говорите?

– О мистере Сгорбсе! – закричал Гарри. – Из министерства! Он болен, наверное, – он в лесу, хочет видеть Думблдора! Скажите мне пароль и...

– Директор занят, Поттер, – с неприятной улыбкой уведомил Злей.

– Мне нужно сообщить Думблдору! – завопил Гарри.

– Вы меня не слышали, Поттер?

Очевидно, Злей наслаждался, отказывая Гарри в том, что было нужно так срочно.

— Послушайте, — сердито сказал Гарри, — Сгорбс не в порядке... он... сошел с ума... говорит, что должен предостеречь...

Стена позади Злея скользнула в сторону. Появился Думблдор в длинной зеленой мантии.

— Что-то случилось? — спросил он, в легком удивлении переводя взгляд с Гарри на Злея.

— Профессор! — Гарри обогнул Злея раньше, чем тот успел заговорить. — Там... в лесу... мистер Сгорбс... он хочет поговорить с вами!

Гарри ждал, что Думблдор начнет задавать вопросы, но, к его величайшему облегчению, расспрашивать Думблдор не стал. Он быстро сказал:

— Показывай дорогу, — и поспешил за Гарри, оставив Злея стоять около горгульи. Оба были хороши, но горгулья, пожалуй, посимпатичнее. — Что говорит мистер Сгорбс, Гарри? — спросил Думблдор, когда они стремительно спускались по мраморной лестнице.

— Говорит, что должен предостеречь вас... он сделал что-то ужасное... упомянул своего сына... и Берту Джоркинс... и... и Вольдеморта... вроде бы Вольдеморт становится сильнее...

— Вот оно как, — проговорил Думблдор и ускорил шаг в кромешной тьме.

— Он вел себя не нормально, — продолжал Гарри, торопясь за Думблдором. — Похоже, он не знал, где находится. Он то говорил как будто с Перси, а потом вдруг менялся и просил видеть вас... Я оставил его с Виктором Крумом.

— В самом деле? — насторожился Думблдор и пошел еще быстрее. Теперь, чтобы поспевать за ним, Гарри приходилось бежать. — Ты не знаешь, кто-нибудь еще видел мистера Сгорбса?

— Нет, — ответил Гарри, — мы с Крумом разговаривали, мистер Шульман только что рассказал нам про третье испытание, мы остались, а потом увидели, как из леса вышел мистер Сгорбс...

— Где они? — спросил Думблдор, когда из темноты внезапно вынырнула бэльстэкская карета.

— Вон там. — Гарри вышел вперед и, огибая деревья, повел Думблдора за собой.

Голоса Сгорбса больше не было слышно, но Гарри знал, куда идти... совсем недалеко от кареты... где-то здесь...

– Виктор! – крикнул Гарри.

Никто не ответил.

– Они были здесь, – сказал Гарри Думблдору. – Они точно были где-то здесь...

– Люмос, – проговорил Думблдор и поднял зажженную палочку.

Узкий лучик переходил от одного черного ствола к другому, освещая землю. Затем упал на чьи-то ноги.

Гарри и Думблдор бросились вперед. На земле распростерся Крум. Он был без сознания. Мистер Сгорбс исчез. Думблдор склонился над Крумом и осторожно приподнял ему веко.

– Сногшибальное заклятие, – тихо произнес он. Потом оглядел деревья – в свете волшебной палочки блеснули стекла-полумесяцы.

– Позвать кого-нибудь? – спросил Гарри. – Мадам Помфри?

– Нет, – быстро отозвался Думблдор, – оставайся здесь.

Он поднял палочку и направил на хижину Огрида. Из кончика палочки вылетело нечто серебряное и птицей-призраком заструилось меж деревьев. Затем Думблдор снова склонился над Крумом, направил палочку на него и пробормотал:

– Воспрянь.

Крум открыл глаза. У него было совершенно бессмысленное лицо. При виде Думблдора он попытался сесть, но Думблдор придержал его за плечо.

– Он напал! – забормотал Крум, поднося руку к голове. – Этот сумасшедший старик напал на меня! Я смотрел, кто Поттер, а он напал сзади!

– Полежи спокойно, – остановил его Думблдор.

Загрохотали шаги, и в поле зрения появились Огрид и Клык. Огрид держал в руках арбалет.

– Профессор Думблдор! – Его глаза округлились. – Гарри... что за?..

– Огрид, приведи скорее профессора Каркарова, – велел Думблдор. – На его ученика совершено нападение. А затем, пожалуйста, извести профессора Хмури...

– Не требуется, Думбльдор, – раздался дребезжащий рык, – я уже здесь.

Хмури хромал к ним, опираясь на посох и держа в руке зажженную палочку.

– Проклятущая нога, – свирепо проворчал он, – мог бы прибыть быстрее... Что случилось? Злей сказал что-то про Сгорбса...

– Сгорбса? – растерялся Огрид.

– Каркарова, поскорее, пожалуйста, Огрид! – резко перебил Думбльдор.

– Ах да... точно... – пробормотал Огрид, повернулся и исчез за темными деревьями. Клык потрусили следом.

– Я не знаю, где Барти Сгорбс, – сказал Думбльдор, обращаясь к Хмури, – но его непременно нужно разыскать.

– Есть разыскать, – прорычал Хмури, достал волшебную палочку и захромал в чащу.

Ни Думбльдор, ни Гарри не произнесли ни слова, пока не услышали шум – явно возвращались Огрид и Клык. Каркаров в гладких серебристых мехах торопливо шел сзади. Он был бледен и раздосадован.

– В чем дело?! – вскричал он, едва завидев Крума на земле, а над ним Думбльдора и Гарри. – Что произошло?

– На меня напали! – ответил Крум, садясь и потирая голову. – Мистер Скорбс или как его...

– На тебя напал Сгорбс? *Сгорбс?* Судья Тремудрого Турнира?

– Игорь, – начал Думбльдор, но Каркаров в ярости подобрался, плотнее укутавшись в меха.

– Предательство! – возопил он, указующим перстом тыча в Думбльдора. – Заговор! Вы с вашим министерством заманили меня сюда обманом! Это не равноправное соревнование! Сначала вы пропихнули на Турнир своего малолетнего Поттера! Теперь ваш министерский друг хотел вывести из строя *моего* чемпиона! Я с самого начала подозревал двойную игру! Это коррупция! Вы, Думбльдор, со всеми вашими песнями об укреплении международных колдовских связей, о восстановлении былого единства, о том, что пора забыть распри... Вот что я думаю о *вас!*

И он плонул Думбльдору под ноги. Огрид молниеносно схватил Каркарова за грудки, поднял и шваркнул о ближайшее дерево.

– Извинись! – рявкнул Огрид, держа Каркарова за горло. Тот ловил ртом воздух и сучил ногами.

– Огрид, нет! – закричал Думблдор, сверкая глазами.

Огрид убрал руку; Каркаров сполз по стволу и рухнул у корней дерева. На голову ему посыпались веточки и листики.

– Огрид, будь добр, проводи Гарри в замок, – велел Думблдор.

Тяжело дыша, Огрид одарил Каркарова свирепым взглядом.

– Может, я лучше тут побуду, директор…

– Ты проводишь Гарри в школу, Огрид, – твердо повторил Думблдор. – До самой гриффиндорской башни. Да, и… Гарри! Я хочу, чтобы ты не выходил оттуда. Что бы тебе ни понадобилось – послать сову, например, – все это может подождать до утра, ты меня понимаешь?

– Э-э-э… да. – Гарри с удивлением уставился на Думблдора. Как тот узнал, что в это самое мгновение Гарри думал, что надо срочно послать к Сириусу Свинринстеля?

– Я с вами Клыка оставлю, директор, – сказал Огрид, угрожающим взором сверля распростертого под деревом Каркарова, который запутался в шубе и корнях.

Они с Гарри молча прошагали мимо бэльстэксской кареты и направились к замку.

– Как он посмел, – зарычал Огрид, когда они шли вдоль озера, – как посмел обвинять Думблдора! Как будто Думблдор на такое способен. Как будто он вообще хотел, чтоб ты участвовал. Он переживает! Я Думблдора сроду таким не видел! А ты! – вдруг рявкнул Огрид, и Гарри опешил. – Ты-то чего творишь, ходишь незнамо куда с этим дрянцом Крумом! Он же с «Дурмштранга», Гарри! Он бы запросто тебя – раз, и проклял! Тебя чего, Хмури ничему не обучил? Крум этот заманил бы тебя…

– Крум хороший! – горячо возразил Гарри. Они уже взошли по парадному крыльцу в вестибюль. – Он не собирался меня проклинать, он хотел поговорить про Гермиону…

– Я и с ней еще побеседую! – сурово молвил Огрид, топая по ступеням. – Чем меньше якшаться с этой иностранциной, тем вам самим лучше. Им верить не след.

– Сам ты очень даже неплохо ладил с мадам Максим, – разозлился Гарри.

— Не говори мне о ней! — взвился Огрид. На миг у него вдруг сделался очень устрашающий вид. — Я ее раскусил! Хочет в доверие опять втереться, выведать, что будет за третье испытание! Дудки! Нет им больше веры!

Огрид жутко рассвирепел, и Гарри был только рад попрощаться с ним возле Толстой Тети. Сквозь дыру за портретом он пробрался в общую гостиную и кинулся в тот угол, где сидели Рон с Гермионой, — рассказать им, что случилось.

Глава двадцать девятая

Сон

— Короче, получается следующее, — Гермиона потерла лоб, — либо мистер Сгорбс напал на Виктора, либо кто-то напал на обоих, а Виктор его не видел.

— Скорее всего, Сгорбс, — немедленно отозвался Рон. — Потому его и не было, когда Гарри привел Думблдора. Сбежал.

— Сомневаюсь, — покачал головой Гарри. — Он был слабый — помоему, у него и сил не хватило бы дезаппариовать или еще что...

— С территории «Хогварца» нельзя дезаппариовать, ну сколько раз повторять! — не выдержала Гермиона.

— Ну хорошо... а как вам такая версия, — развелся Рон. — Крум напал на Сгорбса — нет, вы послушайте! — а потом сам себя ударил сногшибателем!

— А мистер Сгорбс после этого испарился? — холодно поинтересовалась Гермиона.

— Ах да...

Светало. Гарри, Рон и Гермиона тихонько вышли из спален очень рано утром и побежали в совяльню посыпать записку Сириусу. Теперь они стояли и смотрели на туманный двор. У всех троих были опухшие глаза и бледные щеки: вечером они допоздна обсуждали случившееся.

— Расскажи еще раз, Гарри, — попросила Гермиона. — Что именно говорил мистер Сгорбс?

— Я же уже сказал, он говорил очень непонятно, — ответил Гарри. — Говорил, что хочет о чем-то предупредить Думблдора. Определенно упоминал Берту Джоркинс. Похоже, он считал, что она умерла. И все время твердил, что это его вина... про сына говорил.

— Что ж, это — *действительно* его вина, — презрительно процедила Гермиона.

— Он был не в себе, — продолжал Гарри, — половину времени он как будто думал, что его жена и сын живы, и еще все время разговаривал с Перси про работу, отдавал ему всякие распоряжения.

– А... напомни, как он сказал про Сам-Знаешь-Кого? – боязливо попросил Рон.

– Я же говорил, – без выражения повторил Гарри, – он сказал, что тот сильнее.

Повисло молчание.

Потом Рон с фальшивой уверенностью заявил:

– Но он же был не в себе, значит, как минимум половина – бред...

– О Вольдеморте-то он говорил вполне связно, – возразил Гарри, не замечая, как вздрогнул Рон. – С трудом языком ворочал, это да, зато понимал, где он и что ему нужно. Все твердил, что должен видеть Думблдора.

Гарри отвернулся от окна и уставился на стропила. Большинство насестов пустовало, но в оконные проемы то и дело влетали совы – с мышками в клювах они возвращались с ночной охоты.

– Если бы Злей меня не задержал, – горько сказал Гарри, – мы могли бы успеть. «Директор занят, Поттер... Что за ерунда, Поттер?» Трудно было не лезть?

– Может, он не хотел, чтоб вы успели! – встрепенулся Рон. – Может, погоди – а быстро он мог добраться до леса, как думаешь? А вдруг он вас с Думблдором опередил?

– Разве что превратился в летучую мышь, – ответил Гарри.

– С него станется, – буркнул Рон.

– Нужно повидать Хмури, – решила Гермиона. – Узнать, нашел ли он мистера Сгорбса.

– Запросто, если у него была Карта Каверзника, – заметил Гарри.

– Если Сгорбс не удрал за территорию, – заметил Рон. – Она же показывает только внутри границ...

– Ш-ш-ш! – вдруг сказала Гермиона.

Кто-то взбирался в совяльню. Гарри слышал, как приближаются два голоса – они спорили:

– ...это шантаж, натурально, вляпаемся – мама не горюй...

– ...мы пытались вежливо, теперь пора тоже показать зубы. Он же не захочет, чтобы в министерстве узнали, чем он...

– Говорю тебе, если написать это в письме, выйдет шантаж!

– Да-а, но, если мы получим кучу откупных, ты же не будешь возражать, правильно?

Дверь в совялью с грохотом распахнулась. Через порог переступили Фред с Джорджем и застыли при виде Гарри, Рона и Гермионы.

– Вы что тут делаете? – одновременно спросили Рон и Фред.

– Посылаем письмо, – в унисон ответили Гарри и Джордж.

– Ни свет ни заря? – выпалили Гермиона и Фред.

Фред ухмыльнулся:

– Отлично – мы вас не спрашиваем, а вы – нас.

В руках он держал заклеенный конверт. Гарри бросил быстрый взгляд, но Фред, то ли случайно, то ли нарочно, сдвинул пальцы и закрыл имя адресата.

– Что ж, не смеем вас задерживать. – Фред отвесил клоунский поклон и показал на дверь.

Рон не пошевелился.

– Кого вы шантажируете? – спросил он.

Улыбка исчезла с лица Фреда. Джордж покосился на него, затем улыбнулся Рону и небрежно произнес:

– Ты что, с ума сошел? Я просто пошутил.

– Непохоже, – сказал Рон.

Близнецы переглянулись.

Потом Фред резко ответил:

– Я тебе уже говорил, Рон: не суй нос не в свое дело, если тебя устраивает его теперешняя форма. Не понимаю, конечно, как она может нравиться, но...

– Если вы кого-то шантажируете, это мое дело, – уперся Рон. – Джордж прав, вы можете вляпаться в неприятности.

– Говорю тебе, я пошутил, – заверил Джордж. Он подошел к Фреду, забрал письмо и стал привязывать к лапке ближайшей сипухи. – Ты прямо как наш дорогой старший братец, вот что я тебе скажу, Рон. Продолжай в том же духе – старостой назначат.

– Ничего не назначат! – взвился Рон.

Джордж отнес сову к окну, и та улетела. Он с усмешкой обернулся к Рону:

– Тогда кончай учить, кому что делать. Все, до новых встреч!

И близнецы ушли. Гарри, Рон и Гермиона переглянулись.

– Как думаете, может, они что-то знают? – зашептала Гермиона. – Про Сгорбса?

– Нет, – покачал головой Гарри. – Если б дело было настолько серьезное, они бы кому-нибудь рассказали. Пошли бы к Думблдору.

Рон тем не менее замялся.

– Что такое? – спросила его Гермиона.

– Ну… – протянул Рон, – я не знаю, сказали бы они или нет. Они…

В последнее время помешались на деньгах, это очень заметно. Я когда тусовался с ними… когда… когда… ну…

– Когда мы с тобой не разговаривали, – закончил за него Гарри. – Да, но шантаж…

– Это из-за хохмазина, – сказал Рон. – Я сначала думал, они просто маму дразнят, но они правда хотят открыть хохмазин. В «Хогварце» им остался всего год, они без конца твердят, что пора подумать о будущем, а папа им помочь не может, и надо же с чего-то начинать.

Теперь смутилась Гермиона.

– Да, но… они ведь не пойдут против закона, чтобы добыть деньги. Нет?

– Не пойдут? – скептически произнес Рон. – Откуда я знаю… правила нарушать – это им запросто.

– Да, но закон! – испугалась Гермиона. – Это вам не глупые школьные правила… наказание за шантаж – не какое-нибудь жалкое взыскание! Рон… может, стоит сказать Перси…

– Ты в своем уме? – возмутился Рон. – Сказать Перси! Да он небось похлеще всякого Сгорбса сдаст их властям! – Он посмотрел в проем, куда улетела сова близнецов, и прибавил: – Пошли завтракать.

– Как думаете, к профессору Хмури еще рано? – спросила Гермиона, когда они спускались по винтовой лестнице.

– Да, – уверенно ответил Гарри. – Он, наверное, вышибет нас сквозь дверь, если мы его разбудим на рассвете. Решит, что мы пришли напасть на него во сне. Подождем до перемены.

Еще никогда история магии не тянулась так долго. Гарри беспрестанно смотрел на часы Рона – свои он в конце концов перестал носить, – но их стрелки двигались до ужаса медленно, и Гарри готов был поклясться, что эти часы тоже не работают. Все трое очень устали и с радостью подремали бы на партах; даже Гермиона ничего не записывала, а сидела, подперев рукой подбородок, и мутным взором глядела на профессора Биннза.

Когда колокол наконец прозвонил, они помчались по коридорам к классу защиты от сил зла и увидели выходящего оттуда профессора Хмури. Он, видимо, тоже сильно вымотался. Веко нормального глаза обвисло, из-за чего лицо перекосилось больше обычного.

– Профессор Хмури! – позвал Гарри, продираясь к нему сквозь толпу.

– Здравствуй, Поттер, – пророкотал Хмури. Волшебный глаз провернулся, следя за двумя первоклашками, и те испуганно ускорили шаг. Глаз вкатился внутрь головы и следил за мелкотой, пока они не завернули за угол. Тогда Хмури снова заговорил: – Заходите.

Он посторонился, пропуская ребят, потом, хромая, тоже ступил внутрь и притворил дверь.

– Вы нашли его? – спросил Гарри безо всякой преамбулы. – Мистера Сгорбса?

– Нет, – ответил Хмури. Он доковылял до стола, сел, со стоном вытянул деревянную ногу и вытащил фляжку.

– А вы пользовались картой? – спросил Гарри.

– Разумеется. – Хмури отхлебнул из фляжки. – Последовал твоему примеру, Поттер. Призвал ее из кабинета в лес. Сгорбса на ней не было.

– Значит, он дезаппарировал? – встрял Рон.

– *С территории «Хогварца» нельзя дезаппариовать, Рон!* – гавкнула Гермиона. – Но есть и другие способы исчезнуть, да, профессор?

Волшебный глаз, подрожав, остановился на Гермионе.

– Ты тоже могла бы подумать о карьере аврора, – сказал он ей. – У тебя, Грейндженер, котелок варит.

Гермиона вспыхнула от удовольствия.

– По крайней мере, он не был невидим, – проговорил Гарри, – невидимок карта показывает. Значит, покинул территорию.

– Вот только сам ли? – с готовностью подхватила Гермиона. – Или кто-то его заставил?

– Да, кто-то мог бы… например, втащил на метлу и вместе с ним улетел, да? – поспешно вставил Рон и с надеждой уставился на Хмури: не предложит ли тот и ему избрать карьеру аврора?

– Похищение исключать нельзя, – буркнул Хмури.

– Значит, – продолжал Рон, – вы думаете, он где-то в Хогсмеде?

– Да где угодно, – покачал головой Хмури. – Мы только знаем, что здесь его нет.

Он широко зевнул, растянув шрамы на лице и обнаружив изрядный недостаток зубов в перекошенном рту. Затем проворчал:

– Вот что. Думбльдор говорил, вы трое любите в сыщиков поиграть, но Сгорбсу вы ничем не поможете. Его теперь ищет министерство, Думбльдор им сообщил. Поттер, тебе лучше бы сосредоточиться на третьем испытании.

– Что? – смешался Гарри. – А, да...

С той минуты, когда они с Крумом вышли вчера из лабиринта, о третьем испытании Гарри ни разу и не вспомнил.

– Там как раз по твоей части. – Хмури поглядел на Гарри и почесал изуродованный щетинистый подбородок. – Судя по рассказам Думбльдора, ты через такое проходил не раз. В первом классе пробился ведь к философскому камню, а?

– Мы помогали, – опять вмешался Рон. – Мы с Гермионой.

Хмури ухмыльнулся:

– Что ж, а сейчас помогите ему подготовиться, и я сильно удивлюсь, если он не выиграет. Но тем временем... Неусыпная бдительность, Поттер. Неусыпная бдительность.

Хмури вновь надолго приложился к фляжке, а волшебный глаз повернулся к окну. Там виднелся самый верхний парус дурмштранговского корабля.

– А вы двое, – нормальный глаз смотрел на Рона и Гермиону, – будьте с ним рядом, ладно? Я слежу, но все-таки... Лиших глаз не бывает.

Сириус прислал сову обратно на следующее же утро. Она, трепеща крыльями, села перед Гарри одновременно с серой неясытью, которая принесла Гермионе свежий номер «Оракула» в клюве. Гермиона взяла газету, пробежала глазами первые несколько страниц, сказала:

– Ха! Про Сгорбса она не узнала! – а затем вместе с Гарри и Роном принялась читать письмо Сириуса. Тот о таинственных событиях предпоследней ночи думал следующее:

Гарри, где, спрашивается, была твоя голова, когда ты пошел в лес с Виктором Крумом? Я требую, чтобы ты дал мне клятву – с ответной совой, – что больше ни с кем не будешь разгуливать по

ночам. В «Хогварце» находится крайне опасный человек. Ясно как день, что он или они хотят помешать Сгорбсу встретиться с Думблдором и, скорее всего, прятались в темноте, в двух шагах от тебя. Тебя могли убить.

Твоя заявка попала в Кубок Огня не случайно. И если кто-то наметил тебя жертвой, у них остается последний шанс. Держись поближе к Рону и Гермионе, из гриффиндорской башни вечерами не выходи, готовься к третьему испытанию. Поучи сногсшибатель и разоружатель. И пару-тройку проклятий – не повредит. Помочь Сгорбсу ты ничем не можешь. Вообще, позабочься о себе и не высывайся. Жду от тебя письма с обещанием больше по окрестностям не гулять.

Сириус

– Это он будет учить меня послушанию? – вознегодовал Гарри. Он свернул письмо Сириуса и спрятал под мантию. – А сам-то в школе что творил!

– Он о тебе беспокоится! – огрызнулась Гермиона. – Так же, как Хмури и Огрид! Вот и слушайся их!

– За весь год никто даже не попытался на меня напасть, – заметил Гарри. – Никто мне ничего не сделал...

– Всего-навсего положил в Кубок твою заявку, – сказала Гермиона. – И это было не просто так. Шлярик прав. Может, они выжидали. И нападут во время последнего испытания.

– Послушай, – нетерпеливо перебил Гарри, – допустим, Шлярик прав: кто-то ударил Крума сногсшибателем, чтобы похитить Сгорбса. Значит, они *действительно* прятались в кустах где-то рядом. Но они же дождались, пока я ушел, и только тогда стали действовать, правильно? Непохоже, чтоб они охотились за мной, тебе не кажется?

– Если бы тебя убили в лесу, это никак нельзя было бы выдать за несчастный случай! – возразила Гермиона. – А вот если ты умрешь на Турнире...

– Но ведь на Крума они напали не задумываясь? – возразил Гарри. – Чего бы им и меня не пришибить заодно? Могли бы представить дело так, будто бы у нас с Крумом была дуэль, например.

– Гарри, я и сама не понимаю, – в отчаянии признала Гермиона. – Но творится что-то странное, и мне это совсем не нравится... Хмури

прав, и Шлярик тоже – тебе пора готовиться к третьему испытанию, немедленно. И, пожалуйста, напиши Шлярику, пообещай в одиночку никуда не выходить.

Никогда еще окрестности «Хогварца» не бывали так привлекательны, как сейчас, когда Гарри полагалось сидеть в помещении. Несколько дней они с Роном и Гермионой все свободное время проводили в библиотеке, выискивая разные полезные проклятия, либо в свободных классных комнатах, куда тайком пробирались потренироваться. Гарри сосредоточился на сногсшибальном заклятии, которым раньше никогда не пользовался. Одна беда: обучение требовало известного самопожертвования от Рона и Гермионы.

– Может, похитим миссис Норрис? – предложил Рон в обеденный перерыв в понедельник, лежа на спине посреди класса заклинаний. Гарри только что привел его в чувство – уже пятый раз подряд. – Давайте повырубаем ее. А еще можно позвать Добби. Гарри, он же ради тебя хоть в лепешку расшибется. Нет, я не жалуюсь, – он опасливо поднялся, потирая спину, – но у меня уже все болит…

– А что же ты падаешь мимо! – недовольно упрекнула его Гермиона, поправляя подушки, которыми они пользовались при изучении отсыльного заклятия. – Надо падать на спину!

– Знаешь, когда выключишься, довольно трудно как следует прицелиться! – разозлился Рон. – Может, сама попробуешь?

– Мне кажется, Гарри уже научился, – поспешила сказать она. – А по поводу разоружателя можно не беспокоиться, это он давным-давно умеет… Вечером надо, пожалуй, приступать к проклятиям.

Она просмотрела список, который они составили в библиотеке.

– Вот это мне нравится, – она показала пальцем, – порча-помеха. Замедляет любого противника. Начнем с нее.

Зазвонил колокол. Ребята торопливо пошвыряли подушки обратно в шкаф и выскоились из класса.

– Увидимся за ужином! – И Гермиона помчалась на арифмантику.

Гарри с Роном направились в Северную башню на прорицание. Коридор пересекали широкие полосы ослепительно-золотого солнечного света из высоких окон. Ярко-голубое небо казалось эмалевым.

— У Трелони небось настоящая баня! Она же этот свой камин никогда не гасит, — заметил Рон, когда они начали взбираться по серебряной лесенке к люку в полу.

И оказался прав. В сумрачной комнате стояла невыносимая жара. Камин вовсю источал ароматические пары. Гарри направился к занавешенному окну; голова кружилась. Пока профессор Трелони снимала шаль с лампы, он незаметно приоткрыл створку и сел в ситцевое кресло, так, чтобы легкий ветерок обдувал лицо. До крайности удобно.

— Мои драгоценные, — начала профессор Трелони, усаживаясь перед классом в высокое кресло и неестественно огромными глазами вглядываясь в лица ребят, — мы почти закончили работу над предсказаниями, основанными на движениях планет. Тем не менее сегодня нам предоставляется исключительно удачная возможность изучить влияние Марса, ибо сейчас он расположен весьма интересным образом. Если вам будет угодно взглянуть вот сюда, я притушу огни...

Она взмахнула волшебной палочкой, и лампы погасли. Теперь комнату освещал лишь огонь в камине. Профессор Трелони достала из-под своего кресла миниатюрную модель Солнечной системы под стеклянным куполом. Удивительно красивая вещь; возле каждой из девяти планет посверкивали спутники, свирепо полыхало Солнце, и все это свободно парило в воздухе под стеклом. Гарри лениво следил за профессором Трелони, демонстрирующей восхитительно интересный аспект Марса с Нептуном. На Гарри попеременно накатывали то приторно-ароматные пары, то свежий ветерок из окна. За плотной шторой негромко журжало какое-то насекомое. Глаза слипались...

В ясном голубом небе, на спине филина, Гарри летел к старому, увитому плющом дому высоко на холме. Они спускались все ниже и ниже — ветер приятно обдувал лицо — и наконец нырнули в темное разбитое окно на верхнем этаже. Вот уже они летят по сумрачному коридору, до конца... затем дверь и мрачная комната с заколоченными окнами...

Гарри слезает со спины птицы... она спархивает в кресло, повернутое спинкой... у кресла на коврике — две непонятные фигуры... шевелятся...

Одна – гигантская змея... другая – человек... плешивый человечек с водянистыми глазками и острым носом... он дышит с присвистом и всхлипывает...

– Тебе повезло, Червехвост, – раздается пронзительный ледяной голос из глубин кресла, куда приземлился филин. – Тебе очень сильно повезло. Твоя ошибка не испортила всего. Он мертв.

– Милорд! – всхлипывает человечек с пола. – Милорд, я... так рад... и так виноват...

– Нагини, – продолжает ледяной голос, – а тебе не повезло. Видимо, пока я не стану скармливать тебе Червехвоста... но ничего, ничего... есть еще Гарри Поттер...

Змея шипит. Трепещет раздвоенный язык.

– А сейчас, Червехвост, – говорит ледяной голос, – мы вспомним, почему тебе нельзя больше допускать никаких ошибок...

– Милорд... нет... умоляю вас...

Из-за кресла появляется кончик волшебной палочки, указывает на Червехвоста.

– Круцио, – произносит голос.

Червехвост кричит. Он кричит так, будто каждый нерв его тела горит страшным огнем, крик проникает Гарри в уши, заполняет голову, шрам пылает от боли, Гарри тоже кричит... Сейчас Вольдеморт услышит, поймет, что Гарри здесь...

– Гарри! Гарри!

Гарри открыл глаза. Он лежал на полу в классе профессора Трелони, закрывая руками лицо. Шрам так жгло, что на глазах выступали слезы. Боль была реальной. Вокруг столпился весь класс. Перепуганный Рон стоял рядом на коленях.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Разумеется, нет! – вскричала профессор Трелони, очень оживившись. Ее огромные глаза плавали в вышине, пялились на Гарри. – Что это было, Поттер? Предзнаменование? Призрак? Что ты видел?

– Ничего, – соврал Гарри. Он сел. Его колотило. Он безотчетно заозирался, вглядываясь в полумрак, – голос Вольдеморта звучал так близко...

– Ты хватался за шрам! – закричала профессор Трелони. – Катался по полу и хватался за шрам! Не темни, Поттер, у меня есть опыт в

таких делах!

Гарри посмотрел на нее.

– Кажется, мне нужно в лазарет, – сказал он. – Ужасно болит голова.

– Мой дорогой, но ведь очевидно, что уникальные флюиды моего обиталища стимулировали у тебя способности к ясновидению! – не отставала профессор Трелони. – Если сейчас уйдешь, ты потеряешь возможность увидеть глубины, каких тебе никогда...

– Ничего не хочу видеть, кроме лекарства от головы, – отрезал Гарри.

Он встал. Ребята отступили. Все разнервничались.

– До встречи, – пробормотал Гарри Рону, взял рюкзак и двинулся к люку, не обращая внимания на профессора Трелони. У той на лице было написано безмерное разочарование, словно ей отказали в редком удовольствии.

Гарри спустился по серебряной лесенке, но пошел вовсе не в лазарет. Он туда и не собирался. Сириус говорил, что нужно делать, если шрам заболит снова, и Гарри намеревался последовать его совету: он направился прямиком в кабинет Думблдора. Он шагал по коридорам, размышая об увиденном во сне... сон был такой же яркий, как тот, что разбудил его летом на Бирючинной улице... Гарри перебирал в памяти все подробности, чтобы ничего не забыть... значит, Вольдеморт обвинял Червехвоста, тот допустил ошибку... но сова принесла хорошие новости, ошибка исправлена, кто-то умер... и Червехвоста не будут скормливать змее... вместо этого скормят его, Гарри...

Гарри сам не заметил, как прошел мимо каменной горгульи, охраняющей вход в кабинет Думблдора. Он поморгал, озираясь, сообразил, в чем дело, вернулся и встал перед чудовищем. И тогда вспомнил, что не знает пароля.

– Лимонный леденец? – неуверенно попробовал он.

Горгулья не пошевелилась.

– Ладно. – Гарри задумчиво посмотрел на нее. – Грушевый леденец. Ммм... Лакричная волшебная палочка. Шипучая шмелька. Взрывачка Друблиса. Всевкусные орешки Берти Ботта... а, нет, он их не любит... Эй, не валай дурака, открывайся уже! – сердито закричал он. – Мне нужно его видеть, срочно!

Горгулью это нисколько не волновало.

Гарри ее пнул, но добился лишь непереносимой боли в большом пальце.

– Шокогадушка! – злобно заорал он, стоя на одной ноге. – Сахарное перо! Тараканы гроздья!

Горгулья ожила и отпрыгнула в сторону. Гарри оторопело замигал.

– Тараканы гроздья? – недоуменно повторил он. – Я же пошутил...

Он шагнул в образовавшийся проем и на винтовой каменный эскалатор, неспешно ползущий вверх. Стена за ним медленно закрылась. Эскалатор доставил Гарри к полированной дубовой двери с медным дверным молотком.

Из кабинета доносились голоса. Гарри сошел с эскалатора и нерешительно застыл, прислушиваясь.

– Думблдор, боюсь, я невижу связи! – сказал голос министра магии Корнелиуса Фуджа. – Людо утверждает, что Берта вполне могла потеряться сама, это в ее духе! Я согласен, по идее, мы давно должны были ее найти, но все равно, нет ни малейших оснований подозревать, что дело нечисто. А связать ее исчезновение с исчезновением Барти Сгорбса!..

– А что, по вашему мнению, случилось с Барти Сгорбсом, министр? – прорычал голос Хмури.

– Я вижу две возможности, Аластор, – ответил Фудж. – Либо Сгорбс наконец свихнулся – я уверен, вы оба согласитесь, что это более чем вероятно, если принять во внимание его личные обстоятельства, – и теперь где-то бродит...

– В таком случае, бродит он препворно, Корнелиус, – спокойно заметил Думблдор.

– Либо... хмм... – Фудж смешался, – я лучше придержу свое мнение до тех пор, пока не осмотрю место происшествия, но, вы говорите, это неподалеку от кареты «Бэльстэка»? Думблдор, вам известно, кто эта женщина?

– Я считаю, она превосходный директор и прекрасная партнерша по танцам, – тихо отозвался Думблдор.

– Прекратите, Думблдор! – взвился Фудж. – Вам не кажется, что из-за Огрида вы предвзяты? Может, они не все такие уж безобидные – если, конечно, Огрид безобиден, с его-то пунктиком, с этими монстрами...

– Мадам Максим я подозреваю ничуть не больше, чем Огрида, – все так же спокойно возразил Думбльдор. – Мне кажется, из нас двоих предвзяты вы, Корнелиус.

– А нельзя ли закруглить дискуссию? – пророкотал Хмури.

– Да-да, пойдемте во двор, – с нетерпением поддержал Фудж.

– Не в том дело, – сказал Хмури, – просто, Думбльдор, с вами хочет поговорить Поттер. Он за дверью.

Глава тридцатая

Дубльдум

Дверь кабинета отворилась.

– Здравствуй, Поттер, – сказал Хмури, – проходи, раз пришел.

Гарри прошел внутрь. Однажды он уже здесь бывал. Кабинет Думбльдора, очень красивый и круглый, украшали многочисленные портреты предыдущих директоров и директрис «Хогварца». Все они в данный момент крепко спали, мерно дыша.

У письменного стола стоял Корнелиус Фудж, как всегда, в полосатом плаще. В руке он держал лаймовый котелок.

– Гарри! – оживился Фудж и шагнул вперед. – Как ты?

– Отлично, – солгал Гарри.

– Мы как раз говорили о том вечере, когда в школе столь неожиданно появился мистер Сгорбс, – сообщил Фудж. – Это же ты его обнаружил, не так ли?

– Я, – подтвердил Гарри. Затем, решив, что глупо притворяться, будто он ничего не слышал, добавил: – Но мадам Максим я там не видел, а ей просто так не спрятаться…

Думбльдор за спиной у Фуджа улыбнулся Гарри, блеснув глазами.

– А, ну что ж, – смущенно пробормотал Фудж. – Гарри, мы тут собрались прогуляться по территории, надеюсь, ты нас извинишь… может быть, тебе лучше вернуться в класс…

– Мне нужно с вами поговорить, профессор, – поспешил сказать Гарри Думбльдору. Тот ответил коротким испытующим взглядом.

– Подожди меня здесь, Гарри, – проговорил он. – Я ненадолго.

Все молча вышли из кабинета; дверь за ними закрылась. Спустя минуту клацанье деревянной ноги по коридору под эскалатором стало затихать. Гарри огляделся.

– Привет, Янгус, – сказал он.

Янгус, Думбльдоров феникс, птица размером с лебедя и с великолепным малиново-золотым оперением, восседал на золотом

шесте у двери. Он махнул длинным хвостом и добродушно моргнул Гарри.

Тот сел в кресло перед столом Думбльдора. Пару-тройку минут он понаблюдал за похрапывающими бывшими директорами и директрисами, обдумывая то, что сейчас услышал, и водя пальцами по шраму. Шрам больше не болел.

Здесь, в кабинете Думбльдора, Гарри стало поспокойнее: очень скоро можно будет рассказать Думбльдору про сон. Гарри обвел взором стены позади стола. Вот на полке залатанная и потрепанная Шляпа-Распределница. Рядом в стеклянном ларце – великолепный серебряный меч с инкрустированной рубинами рукоятью. Гарри сразу узнал этот меч – во втором классе ему довелось достать его из Шляпы-Распределницы. Меч когда-то принадлежал Годрику Гриффиндору, основателю колледжа Гарри. Сейчас, задумчиво глядя на меч, Гарри вспоминал, как чудесное оружие пришло ему на помощь, когда никакой надежды на спасение уже не было, и вдруг заметил серебристый отблеск, танцующий на стекле ларца. Он оглянулся в поисках источника света и увидел, что за неплотно прикрытой дверцей черного шкафчика сияет серебристая белизна. Гарри поколебался, нерешительно глянул на Янгуса, а потом встал, подошел и открыл дверцу.

Внутри обнаружилась неглубокая каменная чаша с диковинной резьбой по краям – руническими письменами, которых Гарри не мог прочитать. Светилось содержимое чаши – очень странное, Гарри никогда в жизни не видел ничего похожего. Не поймешь, что это за субстанция, жидкость или газ. Яркое, белесое, текучее серебро; оно то и дело рябило, как вода на ветру, но затем воздушно распадалось и клубилось облаками. Больше всего это походило на жидкий свет – или отвердевший ветер, Гарри так и не решил, что точнее.

Ему захотелось потрогать это вещество, выяснить, каково оно на ощупь, но четырехлетний опыт жизни в колдовском мире подсказывал: глупо совать пальцы в чашу с неизвестной субстанцией. Поэтому Гарри достал волшебную палочку, воровато огляделся, потом снова перевел взгляд на чашу и потыкал в содержимое. Серебряная поверхность стремительно закружилась.

Гарри наклонился ниже, сунув голову в шкафчик. Серебристое вещество стало прозрачным как стекло. Он взгляделся, ожидая увидеть

каменное дно чаши, но под поверхностью загадочного вещества, будто сквозь круглое окошко в потолке, увидел огромный зал.

Освещение в зале было тусклое; Гарри даже показалось, что это, скорее всего, подземелье – окон не было, а по стенам горели факелы, как в «Хогварце». Еще нагнувшись – кончик носа теперь завис в дюйме от стекловидной поверхности, – Гарри увидел толпу на скамьях, поднимавшихся вдоль стен ступенями. Внизу, в центре зала, стояло пустое кресло, очень зловещее: с подлокотников свисали цепи, – видимо, тех, кто в него садится, обычно приковывают…

Где же это? Точно не «Хогварц» – насколько Гарри известно, в замке такого зала нет. Более того, люди в таинственном зале на дне чаши – сплошь взрослые, а в «Хогварце» не наберется столько учителей. Похоже, все они чего-то ждали – никто ни с кем не разговаривал и все смотрели в одну сторону, хотя пока ничего, кроме остроконечных верхушек шляп, не было видно.

Чаша круглая, зал квадратный, и не видно, что происходит по углам. Гарри наклонился еще ниже, повернул голову, стараясь заглянуть…

И кончиком носа коснулся странного вещества.

Кабинет Думбльдора мощно содрогнулся – Гарри швырнуло головой вперед и засосало в серебристую субстанцию…

Но он вовсе не ударился головой о каменное дно. Нет, он падал в ледяную черноту, его как будто затягивало в водоворот…

Внезапно он очутился на одной из последних скамей, в вышине, в зале, который был в чаше. Гарри задрал голову, ожидая разглядеть круглое окошко, откуда только что сюда смотрел, но увидел лишь темный каменный потолок.

Часто дыша, Гарри завертел головой. Никто в зале (а здесь было не меньше двухсот человек) на него не смотрел. Никто, похоже, не заметил, что с потолка к ним свалился четырнадцатилетний мальчик. Гарри повернулся к своему соседу и удивленно вскрикнул, послав эхо гулять в тишине.

Рядом сидел Альбус Думбльдор.

– Профессор! – задушенным шепотом вскричал Гарри. – Простите… я не хотел… я только посмотрел в вашу чашу… я… где мы?

Но Думбльдор не шелохнулся и не ответил. Не обратил на Гарри ни малейшего внимания. Как и все здесь, он неотрывно смотрел через весь зал на дверь.

Гарри ошарашенно поглядел на Думбльдора, обвел взором безмолвную настороженную аудиторию, снова посмотрел на Думбльдора... И тут до него дошло...

Однажды Гарри уже отыскал такое место, где никто его не видел и не слышал. В тот раз он провалился в страницу зачарованного дневника, прямо в чужие воспоминания... Судя по всему, сейчас происходит примерно то же самое...

Гарри мгновение поколебался, а затем энергично замахал рукой перед носом у Думбльдора. Тот не обернулся, не моргнул, вообще не пошевелился. Гарри сделал вывод, что это решает дело: настоящий Думбльдор не стал бы вот так его игнорировать. Значит, он, Гарри, находится внутри чьих-то воспоминаний, и это – не сегодняшний Думбльдор. Однако воспоминания не слишком давние: здешний Думбльдор тоже седой. Но что это за место? Чего ждут все эти люди?

Гарри пригляделся. Зал – как он и заподозрил, еще когда смотрел сверху, – скорее подземелье, чем зал. Обстановка суровая и гнетущая, на стенах ни картин, ни украшений, только тесные ступенчатые ряды скамей, и отовсюду видно кресло с цепями.

Не успел Гарри сообразить, где же он находится, раздались шаги. Дверь в углу подземелья отворилась, и вошли трое людей – точнее, один человек и два дементора.

У Гарри внутри все похолодело. Дементоры, высоченные существа, чьи лица скрывались под глубокими капюшонами, медленно заскользили к креслу, мертвыми гнилостными лапами цепко схватив несчастного заключенного под руки. У бедняги был такой вид, словно он вот-вот грохнется в обморок, – и это понятно... Гарри знал, что в воспоминаниях дементоры не причинят ему вреда, но слишком хорошо помнил, как они действуют. Зрители слегка съежились и затаились. Страшилища усадили человека в кресло с цепями и выскользнули из зала. Дверь с грохотом захлопнулась.

Гарри посмотрел на человека в кресле и узнал Каркарова.

В отличие от Думбльдора Каркаров выглядел много моложе: волосы и бородка черные. Одет он был вовсе не в гладкие меха, а в тонкую драную мантию, и дрожал с головы до ног. На глазах у Гарри

цепи вдруг сверкнули золотом и поползли вверх по рукам, приковав Каркарова к месту.

– Игорь Каркаров, – отрывисто произнес чей-то голос слева. Гарри повернулся и увидел, что скамьей ниже посреди ряда встал мистер Сгорбс. У него были темные волосы, гораздо меньше морщин, и весь он был очень собран и деловит. – Вас привезли из Азкабана, чтобы вы дали показания перед всем министерством магии. Мы так поняли, вы владеете важной информацией.

Скованный Каркаров постарался выпрямиться.

– Совершенно верно, сэр, – ответил он, и, хотя говорил он очень испуганно, Гарри различил знакомые вкрадчивые нотки. – Я надеюсь пригодиться министерству. Я хочу помочь. Я... мне известно, что министерство... разыскивает остатки старой гвардии Черного Лорда. Я готов оказать любую посильную помощь...

По рядам пробежал шепоток. Одни рассматривали Каркарова с интересом, другие – с очевидным недоверием. Затем по другую сторону от Думблдора Гарри отчетливо расслышал знакомый рокот:

– Мразь.

Гарри наклонился и посмотрел. За Думблдором сидел Шизоглаз Хмури – мало, впрочем, похожий на настоящего. Волшебного глаза нет – оба нормальные. И оба, сузившись от острой неприязни, буравили Каркарова.

– Сгорбс его выпустит, – еле слышно выдохнул Хмури, обращаясь к Думблдору. – Они договорились. Я полгода его выслеживал, а Сгорбс его, видите ли, хочет выпустить, если получит достаточно имен. Давайте послушаем, что он нам скажет, – это я Сгорбсу предложил, – а потом отправим его назад прямиком в Азкабан...

Думблдор тихонько фыркнул длинным крючковатым носом – очевидно, не согласился.

– Ах да, я все забываю... вы же не любите дементоров, Альbus? – сардонически улыбнулся Хмури.

– Это правда, – спокойно согласился Думблдор, – увы, я их не люблю. Я давно думаю, что министерство напрасно выбрало их в союзники.

– Но для такой мрази... – тихо пробормотал Хмури.

– Вы сказали, что можете назвать имена, Каркаров, – продолжил Сгорбс. – В таком случае, мы хотели бы их услышать. Прошу вас.

– Вы поймите, – зачастил Каркаров, – Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут всегда действовал в обстановке строжайшей секретности... он предпочитал, чтобы мы, я имею в виду, его сторонники – а теперь я очень, очень глубоко раскаиваюсь, что входил в их число..

– Давай уже, выкладывай, – ухмыльнулся Хмури.

– ...мы не знали всех своих товарищей – он один знал точно, кто мы и сколько нас...

– И, между прочим, очень умно – чтобы такая вот гадина не сдала всех сразу, – вполголоса проворчал Хмури.

– И все же вы утверждаете, что можете назвать *некоторые* имена? – спросил Сгорбс.

– Да-да, – пролепетал Каркаров. – Заметьте, это были важные лица. Они исполняли его приказы на моих глазах. Я даю эти показания в знак того, что отрекаюсь от него целиком и полностью, меня переполняет столь глубокое раскаяние, что я с трудом...

– Так что это за люди? – бесцеремонно перебил мистер Сгорбс.

Каркаров глубоко вдохнул.

– Прежде всего Антонин Долохов, – выговорил он. – Я... видел, как он пытал бесчисленных муглов и... тех, кто не поддерживал Черного Лорда.

– И сам ему помогал, – прокомментировал Хмури.

– Мы уже вычислили Долохова, – заявил Сгорбс. – Его взяли вскоре после вас.

– В самом деле? – Глаза Каркарова расширились. – Я... очень рад это слышать!

По его виду никак нельзя было сказать, что он рад. Было ясно, что это известие его подкосило. Одно из имен оказалось бесполезным.

– Кто-то еще? – равнодушно поинтересовался Сгорбс.

– Разумеется... Розье, – поспешил Каркаров. – Эван Розье.

– Розье мертв, – объявил Сгорбс. – Его тоже взяли вскоре после вас.

Он не захотел сдаваться без боя и погиб при сопротивлении властям.

– И унес с собой кусок меня, – шепнул Хмури. Гарри увидел, как тот показывает Думблдору на глубокую выемку в носу.

– Он... он ничего другого и не заслужил! – Каркаров откровенно запаниковал. Гарри видел: подсудимый опасается, что его показания могут вовсе не заинтересовать министерство. Взгляд Каркарова

метнулся к двери в угол, за которой, вне всякого сомнения, его дожидались дементоры.

– Еще? – спросил Сгорбс.

– Да! – выпалил Каркаров. – Еще Трэверс – он помог убить Маккиннонов! Мульцибер – специализировался на проклятии подвластия, очень многих вынуждал к кошмарным злодеяниям! Гадвуд... он шпион, передавал Тому-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут сведения из самого министерства!

На сей раз, очевидно, Каркаров напал на золотую жилу. Молчаливая публика вдруг загомонила.

– Гадвуд? – повторил мистер Сгорбс, кивая сидевшей перед ним ведьме, которая тут же заскрипела пером по пергаменту. – Огастэс Гадвуд из департамента тайн?

– Он самый, – с готовностью подтвердил Каркаров. – Насколько мне известно, для сбора информации он использовал сеть высокопоставленных колдунов, в министерстве и вне его, и они собирали...

– Но о Трэверсе и Мульцибере мы и так знали, – заметил мистер Сгорбс. – Что ж, Каркаров, если это все, до принятия решения вас возвратят в Азкабан...

– Не все! – в полнейшем отчаянии завопил Каркаров. – Подождите, я назову еще!

В свете факелов Гарри видел, что подсудимый вспотел; белая как мел кожа резко контрастировала с черными волосами и бородой.

– Злей! – выпалил Каркаров. – Злотеус Злей!

– Злей был оправдан этим самым собранием, – ледяным тоном отрезал Сгорбс. – За него поручился Альбус Думблдор.

– Нет! – Каркаров с силой натянул цепи. – Уверяю вас! Злотеус Злей – Упивающийся Смертью!

Думблдор встал.

– Я уже давал показания по данному вопросу, – спокойно проговорил он. – Злотеус Злей действительно был Упивающимся Смертью. Однако он перешел на нашу сторону еще до падения Лорда Вольдеморта и стал нашим осведомителем ценою огромного риска для жизни. Сейчас он такой же Упивающийся Смертью, как я.

Гарри посмотрел на Шизоглаза Хмури. Тот за спиной у Думблдора скептически скривился.

— Прекрасно, Каркаров, — холодно подытожил Сгорбс, — вы нам помогли. Я назначу пересмотр вашего дела. А тем временем вы вернетесь в Азкабан...

Голос мистера Сгорбса стих. Гарри огляделся. Подземелье рассеивалось, словно дым, все исчезало, он видел только себя, а остальное скрыла клубящаяся тьма...

Чуть позже подземелье вернулось. Гарри сидел уже на другом месте, тоже на верхней скамье, но теперь слева от мистера Сгорбса. Атмосфера переменилась — все расслабленны, даже веселы. Колдуны и ведьмы оживленно болтали, будто собирались здесь на какое-то спортивное состязание. Внимание Гарри привлекла одна ведьма напротив, на скамье в середине. У ведьмы были светлые волосы, ярко-розовая мантия, и она посасывала кончик ядовито-зеленого пера. Это, вне всякого сомнения, была Рита Бритер, только моложе. Гарри огляделся. Рядом снова сидел Думблдор, но в другой мантии. Мистер Сгорбс утомленнее и отчего-то яростнее, черты лица острее... Гарри понял. Другое воспоминание, другой день... другой суд.

Дверь в углу распахнулась, и в зал вошел Людо Шульман.

Однако не нынешний раздобревший — нет, Людо Шульман на пике спортивного блеска, высокий, стройный, мускулистый. Нос ему еще не сломали. Шульман нервно повертел головой и сел в кресло с цепями. Те не стали его приковывать, как Каркарова, и Шульман, возможно, воодушевленный этим обстоятельством, оглядел публику, кому-то помахал и выдавил скромную улыбку.

— Людо Шульман, вас вызвали в Верховный колдовской суд, чтобы вы дали показания по обвинению касательно деятельности Упивающихся Смертью, — провозгласил мистер Сгорбс. — Мы выслушали свидетельства против вас и готовы огласить вердикт. Можете ли вы до вынесения приговора добавить что-то к вашим показаниям?

Гарри не верил собственным ушам. *Людо Шульман — Упивающийся Смертью?*

— Только одно, — промямлил Людо, неловко улыбаясь, — ну... я знаю, что был полным идиотом...

Пара колдунов и ведьм снисходительно заулыбались. Но мистер Сгорбс их чувств не разделял. Он глядел на Людо Шульмана сурово, со свирепой неприязнью.

— Да, парень, это ты прямо в точку, редкий случай, — сухо проворчал кто-то Думблдору. Гарри оглянулся и вновь увидел Хмури. — Если бы я не знал, что он с детства тупица, решил бы, что его долбануло Нападалой по мозгам...

— Людовик Шульман, вас застали при передаче информации одному из сторонников Лорда Вольдеморта, — продолжал мистер Сгорбс. — За это я рекомендую заключение в Азкабан сроком не менее...

Но отовсюду понеслись возмущенные крики. Кое-кто вскочил на ноги и, глядя на мистера Сгорбса, затряс головой и даже кулаком.

— Но я же говорю, я понятия не имел! — поверх гомона толпы очень искренне воскликнул Шульман, округляя невинные голубые глаза. — Ни малейшего! Старина Гадвуд — давний друг моего отца... мне и в голову не приходило, что он продался Сами-Знаете-Кому! Я думал, я собираю информацию для наших! А Гадвуд мне еще обещал должность в министерстве... ну, когда я уйду из квидиша... не век же по мне Нападалами будут лупить, правда?

В зале кто-то прыснул.

— Ставим вопрос на голосование, — невозмутимо объявил мистер Сгорбс. Он повернулся к правой стороне аудитории. — Присяжные, будьте добры, поднимите руки... кто за тюремное заключение?..

Гарри посмотрел на правую часть зала. Руки не поднял никто. Зато многие зааплодировали. Одна из присяжных поднялась.

— Да? — гаркнул Сгорбс.

— Мы хотели бы поздравить мистера Шульмана с великолепным выступлением в прошлую субботу на матче против Турции, — задохнувшись от волнения, выговорила та.

Мистер Сгорбс вскипал. Подземелье зазвенело от дружных рукоплесканий. Шульман встал и, сияя, раскланялся.

— Нет слов, — прошипел Сгорбс Думблдору, затем сел, а Шульман вышел из зала. — Гадвуд, видите ли, обещал ему должность... День, когда к нам присоединится Людо Шульман, станет одним из самых печальных дней в истории министерства...

И подземелье снова растворилось. Когда оно возникло опять, Гарри огляделся. Они с Думблдором по-прежнему сидели около Сгорбса, но атмосфера в зале изменилась до неузнаваемости. Стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь бесслезными всхлипами очень хрупкой

дамы подле мистера Сгорбса. Она дрожащими пальцами прижимала к рту носовой платок. Гарри внимательно посмотрел на Сгорбса. Тот еще больше осунулся и поседел. На виске у него билась жилка.

— Ведите, — приказал он, и его голос эхом отозвался в абсолютной тишине подземелья.

Дверь снова открылась. На сей раз вошли шестеро дементоров — они сопровождали четверых. Многие зрители поворачивались и смотрели на Сгорбса. Некоторые зашептались.

Дементоры усадили пленников в кресла с цепями. Пред судом предстали коренастый мужчина, пустыми глазами уставившийся вверх на Сгорбса, еще один мужчина, худой и дерганый, женщина с густыми и блестящими темными волосами и тяжелыми веками, восседавшая в страшном кресле как на троне, и юноша, почти подросток, от ужаса попросту окаменевший. Юноша дрожал, соломенные волосы падали на веснушчатое лицо, побледневшее до молочной белизны. Хрупкая маленькая ведьма подле Сгорбса закачалась взад и вперед, подывая в носовой платок.

Сгорбс встал. Он посмотрел на четверых подсудимых с неприкрытой ненавистью.

— Вы предстали перед Верховным колдовским судом, — четко произнес он, — по обвинению в чудовищном преступлении...

— Отец, — сказал мальчик с соломенными волосами, — отец... прошу тебя...

— ...и в этих стенах нам еще не доводилось слышать ничего чудовищнее, — повысив голос и заглушая слова сына, продолжал Сгорбс. — Мы выслушали обвинение. Вас четверых обвиняют в том, что вы схватили аврора — Фрэнка Лонгботтома — и подвергли его пыточному проклятию на основании подозрения, что ему известно местонахождение вашего изгнанного господина, Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянуть...

— Папа, я этого не делал! — закричал внизу мальчик в цепях. — Не делал, клянусь! Папа, не отсытай меня обратно к дементорам...

— Далее, вы обвиняетесь, — взревел мистер Сгорбс, — в том, что, не получив желаемых сведений от Фрэнка Лонгботтома, пытали его жену. Вы организовали заговор с целью возвращения Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянуть к власти, дабы продолжать вершить те злодеяния,

которые вы предположительно вершили в дни его могущества. И сейчас я прошу присяжных...

– Мама! – отчаянно вскричал мальчик, и маленькая ведьма рядом со Сгорбсом, не переставая раскачиваться, громко зарыдала. – Мама, мамочка, не дай ему, я не виноват, это не я!

– Я прошу, – загрохотал мистер Сгорбс, – поднять руки тех присяжных, которые, как и я, считают, что за подобные преступления обвиняемые заслуживают пожизненного заключения в Азкабане.

Колдуны и ведьмы справа в едином порыве подняли руки. Публика зааплодировала, как аплодировала Шульману, но на сей раз лица горели кровожадным торжеством. Мальчик истошно завопил:

– Нет! Мамочка, нет! Я этого не делал, не делал, я не знал! Не отсылайте меня туда, не дай ему!..

В зал заскользили дементоры. Трое других подсудимых поднялись; женщина с тяжелыми веками задрала голову и обратилась к Сгорбсу:

– Черный Лорд восстанет вновь! Брось нас в тюрьму – мы подождем! Он восстанет вновь и вознаградит нас, своих верных слуг, как никого другого! Мы одни храним ему верность! Мы одни пытались его разыскать!

Мальчик отчаянно рвался из лап дементоров, но Гарри видел, что их холодная, изнурающая сила уже подавляет его сопротивление. Публика глумилась, кое-кто повскакал. Женщину с тяжелыми веками увели, а мальчик продолжал бороться.

– Я же твой сын! – взывал он к Сгорбсу. – Я твой сын!

– Ты мне не сын! – заорал мистер Сгорбс. – У меня больше нет сына!

Хрупкая женщина громко ахнула и сползла со скамьи. Она потеряла сознание. Сгорбс этого как будто не заметил.

– Уведите их! – брызгая слюной, взревел он, обращаясь к дементорам. – Заберите, и пусть сгниют в тюрьме!

– Папочка! Папочка, я тут ни при чем! Нет! Нет! Пожалуйста, папочка!

– Мне кажется, Гарри, пора вернуться в мой кабинет, – сказал тихий голос прямо Гарри в ухо.

Гарри вздрогнул. Повернул голову. Затем в другую сторону.

Альбус Думблдор справа смотрел, как дементоры уволакивают сына Сгорбса; Альбус Думблдор слева смотрел прямо на Гарри.

— Пойдем, — произнес левый Думблдор и взял Гарри за локоть. Гарри почувствовал, что взлетает; подземелье растворилось; на мгновение вокруг воцарилась чернота, потом он вдруг исполнил как бы замедленное сальто, приземлился на ноги в кабинете Думблдора и от солнечного света едва не ослеп. Перед ним в шкафчике блестела серебром каменная чаша, а рядом стоял Альбус Думблдор.

— Профессор, — ахнул Гарри, — я знаю, это я зря... то есть... дверца была приоткрыта и...

— Прекрасно тебя понимаю, — кивнул Думблдор. Он отнес чашу к столу, поставил на полированную столешницу, а сам сел в кресло. Жестом пригласил Гарри сесть напротив.

Гарри так и поступил. Он уставился на чашу. Содержимое стало прежним — серебристо-белым, кружилося и рябило.

— Что это? — дрожащим голосом спросил Гарри.

— Это? Это называется дубльдум, — ответил Думблдор. — Иногда у меня возникает ощущение — которое, я уверен, знакомо и тебе, — что от переизбытка мыслей и воспоминаний у меня лопается голова.

— Ммм, — промычал Гарри. Если по правде, он бы не сказал, что это ощущение ему знакомо.

— В подобные моменты, — продолжал Думблдор, указывая на чашу, — мне на помощь приходит дубльдум. Просто выщеживаешь мысли из головы, переливаешь в чашу и возвращаешься к ним в свободное время. В такой форме легче прослеживаются связи, общий узор.

— То есть... эта штука — это ваши мысли? — Гарри недоверчиво уставился на бурлящее белое вещество.

— Разумеется, — подтвердил Думблдор. — Позволь, я тебе покажу.

Он достал из-под мантии волшебную палочку и кончиком прикоснулся к седому виску. Когда он отстранил палочку, Гарри показалось, что на нее налипли волосы, — но потом он разглядел, что на самом деле это блестящая ниточка того же странного серебристо-белого вещества. Думблдор добавил новую мысль к уже имеющимся, и Гарри с изумлением увидел, как в чаше закружилось его собственное лицо.

Думблдор обеими руками приподнял дубльдум, взболтал, точно золотоискатель, промывающий песок... и лицо Гарри плавно

превратилось в лицо Злея – оно открыло рот и гулко промолвило в потолок:

– Он возвращается... и у Каркарова тоже... четче, сильнее прежнего...

– Связь, которую я мог бы проследить и самостоятельно, – вздохнул Думбльдор, – ну да ладно. – Он поверх очков посмотрел на Гарри – тот глазел на Злея, чье лицо кружилось на поверхности. – Я как раз был занят, когда приехал мистер Фудж, и, боюсь, я убрал дубльдум на место чересчур поспешно. Естественно, он привлек твоё внимание.

– Извините, – промямлил Гарри.

Думбльдор покачал головой.

– Любопытство не порок, – изрек он, – но к своему любопытству нужно подходить крайне осторожно... да уж...

Легонько хмурясь, он волшебной палочкой потыкал мысли в чаше. Оттуда мгновенно поднялась толстая насупленная девочка лет шестнадцати. Стоя в чаше ногами, она стала медленно вращаться, не замечая ни Гарри, ни профессора Думбльдора. Потом заговорила – гулко, как и Злей, словно из каменных глубин:

– Он навел на меня порчу, профессор Думбльдор, а я же его просто дразнила, сэр, я только сказала, что видела, как он в четверг целовался с Флоренс за теплицами...

– Но зачем, Берта, – грустно проговорил Думбльдор, глядя на вращающуюся девочку, – зачем тебе вообще понадобилось его выслеживать?

– Берта? – шепотом переспросил Гарри, глядя на неё. – Это... это была Берта Джоркинс?

– Да, – кивнул Думбльдор, снова потыкав мысли палочкой. Берта растворилась в них, и они снова засеребрились и помутнели. – Берта Джоркинс, какой я ее помню по школе.

Серебристое сияние дубльдuma подсвечивало лицо Думбльдора, и Гарри поразило, какой он дряхлый. Гарри, конечно, знал, что Думбльдор стареет, но как-то никогда не считал его стариком.

– Итак, – тихо произнес Думбльдор. – До того, как ты потерялся в моих мыслях, ты собирался мне что-то сказать.

– Да, – подтвердил Гарри. – Профессор... я сейчас был на прорицании, и я... э... заснул.

Он помялся, ожидая выговора, но Думбльдор только и сказал:

– Это можно понять. Продолжай.

– В общем, мне приснился сон, – продолжил Гарри, – про Лорда Вольдеморта. Он пытал Червехвоста... Вы знаете, кто такой Червехвост?..

– Знаю, – быстро ответил Думбльдор. – Пожалуйста, продолжай.

– Сова принесла Вольдеморту письмо. Он сказал, типа ошибки Червехвоста исправлена. Сказал, кто-то мертв. А потом еще... что Червехвоста теперь не будут скормливать змее – там около его кресла была змея. Он... он сказал, вместо него скормят меня. И применил к Червехвосту пыточное проклятие – а у меня заболел шрам. Так заболел, что я проснулся.

Думбльдор молча смотрел на него.

– Ммм... и все, – закончил Гарри.

– Понятно, – тихо отозвался Думбльдор, – понятно. Так. А еще в этом году у тебя болел шрам? За исключением того случая летом, когда ты проснулся от боли?

– Нет, не... а откуда вы знаете, что было летом? – поразился Гарри.

– Ты не единственный корреспондент Сириуса, – объяснил Думбльдор. – Я с ним переписываюсь с тех пор, как он в июне покинул «Хогварц». Это я порекомендовал ему пещеру в горах.

Думбльдор встал и принял расхаживать вдоль письменного стола. Периодически он подносил палочку к виску, извлекал новую серебристо-блестящую мысль и помещал ее в дубльдум. Мысли в чаше теперь кружились стремительно, и Гарри толком ничего не мог разглядеть – сплошное цветовое пятно.

– Профессор, – тихо позвал он через несколько минут.

Думбльдор остановился.

– Прошу прощения, – тихо сказал он. И снова сел за стол.

– А вы знаете... почему у меня болит шрам?

Думбльдор посмотрел на Гарри очень пристально и после паузы ответил:

– У меня есть одна теория, не более того... Мне представляется, твой шрам болит, когда Лорд Вольдеморт поблизости и когда у него особенно сильный приступ ненависти.

– Но... почему?

– Потому что вы связаны силой неудавшегося проклятия, – объяснил Думблдор. – Это же не обычный шрам.

– Так вы считаете… что этот сон… это по правде было?

– Возможно, – кивнул Думблдор. – Я бы сказал – вероятно. Гарри, ты… видел самого Вольдеморта?

– Нет, – покачал головой Гарри. – Только спинку его кресла. Но… там же нечего было видеть? У него же нет тела? Но тогда… – протянул Гарри, – как он держал палочку?

– В самом деле, – пробормотал Думблдор, – как…

Некоторое время они молчали. Думблдор невидяще глядел в пространство, то и дело поднося палочку к виску и сбрасывая мысли в кипящий дубльдум.

– Профессор, – сказал наконец Гарри, – вы считаете, он становится сильнее?

– Вольдеморт? – Думблдор посмотрел на Гарри поверх дубльдума. Это был очень характерный, пронизывающий взгляд – Думблдор так смотрел и раньше, и Гарри всякий раз подозревал, что директор видит его насеквость, как не умеет видеть ни один волшебный глаз. – Опять же, я могу поделиться лишь своими предположениями.

Думблдор снова вздохнул – он как будто совсем устал и постарел.

– В годы восхождения Вольдеморта к власти, – начал он, – то и дело случались исчезновения. А сейчас там, где в последний раз видели Вольдеморта, бесследно пропала Берта Джоркинс. Мистер Сгорбс тоже исчез… прямо здесь, в школе. Был и еще случай – которому, увы, министерство особого значения не придает, поскольку исчез мугл. Его звали Фрэнк Брайс, и жил он в деревне, где вырос отец Вольдеморта. Его не видели с прошлого августа. Я, видишь ли, в отличие от большинства моих министерских друзей, читаю мугловые газеты.

Думблдор очень серьезно посмотрел на Гарри:

– Мне представляется, что эти исчезновения между собою связаны. Министерство со мной не согласно – как ты, возможно, слышал, пока ждал за дверью.

Гарри кивнул. Они опять замолчали. Думблдор то и дело извлекал мысли из головы. Гарри заподозрил, что надо бы уйти, но любопытство не пускало.

– Профессор, – снова позвал он.

– Да, Гарри? – откликнулся Думблдор.

– Э-э-э... можно спросить вас про... про тот суд, куда я попал... в дубльдуме?

– Можно, – тяжело вздохнул Думблдор. – Я много раз бывал на заседаниях, но некоторые вспоминаются отчетливее... особенно сейчас...

– Вот этот... вот этот суд, где вы меня застали, да? Где был сын Сгорбса. Там... мmm... говорили о родителях Невилла?

Думблдор пронзил Гарри взглядом.

– А Невилл не рассказывал, почему его воспитывает бабушка? – спросил он.

Гарри помотал головой, изумляясь, как же он сам за целых четыре года не догадался спросить.

– Да, там говорили о родителях Невилла, – сказал Думблдор. – Его отец Фрэнк был аврором, как профессор Хмури. Ты, видимо, понял: их с женой пытали – выбивали информацию о том, куда скрылся Вольдеморт, когда потерял силу.

– Они умерли? – тихо спросил Гарри.

– Нет, – ответил Думблдор, и Гарри никогда не слышал в его голосе столько горя. – Они сошли с ума. Оба в больнице св. Лоскута. По-моему, Невилл с бабушкой навещают их на каникулах. Они его не узнают.

Гарри сидел, окаменев от ужаса. Он понятия не имел... ни разу, за все четыре года, не удосужился поинтересоваться...

– Лонгботтомов все очень любили, – продолжал Думблдор. – Их схватили, когда Вольдеморт уже пал, когда все думали, что спасены. Это вызвало сильнейший прилив ненависти – я такого никогда не видел. На министерство очень давили, им позарез надо было найти виновных. К несчастью, свидетельство самих Лонгботтомов было – если учесть их состояние – не слишком надежно.

– Значит, сын мистера Сгорбса, может, и вправду невиновен? – медленно проговорил Гарри.

Думблдор покачал головой:

– Об этом я не имею ни малейшего представления.

Гарри посидел молча, наблюдая, как вращается содержимое дубльдuma. Было еще два вопроса, которые так и жгли его изнутри... но они касались виновности двух ныне здравствующих людей...

– Эмм… – проговорил он, – а мистер Шульман?..

– …с тех пор ни разу не замечен ни в чем криминальном, – спокойно сказал Думблдор.

– Ясно, – поспешил отозвался Гарри, снова уставившись в дубльдум. Думблдор больше не добавлял новых мыслей, и прежние вращались медленнее. – А… мmm…

Дубльдум, кажется, решил ему помочь. На поверхность снова всплыло лицо Злея. Думблдор коротко глянул на него и перевел взгляд на Гарри.

– Как и профессор Злей, – добавил он.

Гарри заглянул в голубые глаза директора, и то, о чем он на самом деле жаждал спросить, вырвалось, не успел он прикусить язык:

– Профессор, а почему вы решили, что Злей больше не за Вольдеморта?

Несколько секунд Думблдор молча смотрел ему в глаза, потом ответил:

– А это, Гарри, касается только меня и профессора Злея.

Гарри понял, что беседа окончена; Думблдор не рассердился, но в его тоне прозвучал заключительный аккорд, лучше всяких слов говоривший, что пора уходить. Гарри встал, Думблдор тоже.

– Гарри, – произнес он, когда Гарри подошел к двери. – Пожалуйста, не говори ни с кем о родителях Невилла. У него есть право рассказать самому, когда он будет готов.

– Конечно, профессор, – кивнул Гарри и повернулся к двери.

– И еще…

Гарри оглянулся.

Думблдор стоял над дубльдумом, и лицо в серебристых отсветах было не просто старым – древним. Он окинул Гарри долгим взором и сказал:

– Удачи тебе в третьем испытании.

Глава тридцать первая

Третье испытание

– И Думбльдор тоже думает, что Сам-Знаешь-Кто стал сильнее? – прошептал Рон.

Всем, что видел в дубльдуме, а также почти всем, что рассказал и показал Думбльдор, Гарри сейчас же поделился с Роном и Гермионой – и, разумеется, с Сириусом, которому послал сову, едва выйдя из директорского кабинета. Вечером Гарри, Рон и Гермиона снова засиделись в общей гостиной, без конца обсуждая произошедшее. В результате голова у Гарри шла кругом, и он теперь понимал, что имел в виду Думбльдор, говоря о переизбытке мыслей. Да, перелить куданибудь хотя бы часть – истинное облегчение.

Рон задумчиво поглядел в огонь. И, кажется, еле заметно содрогнулся – а ведь вечер был теплый.

– И он доверяет Злею? – переспросил Рон. – По-настоящему доверяет, хотя знает, что Злей был Упивающимся Смертью?

– Да, – подтвердил Гарри.

Гермиона молчала минут десять, не меньше. Она сидела, упервшись лбом в ладони и уставившись на собственные колени. Гарри подумал, что и ей, похоже, не повредил бы дубльдум.

– Рита Вритеर, – пробормотала она в конце концов.

– Как ты можешь сейчас о ней думать? – поразился Рон.

– Я думаю не о ней, – объяснила Гермиона своим коленям, – я думаю вот о чем... Помните, что она мне сказала в «Трех метлах»? «Я знаю про Людо Шульмана такое, отчего у тебя волосы встанут дыбом». Так вот что она имела в виду! Она была на том заседании, знала, что он передавал информацию Упивающимся Смертью! А Винки,помните?.. «Мистер Шульман плохой колдун». Видимо, мистер Сгорбс был в ярости, что Шульман выкрутился, он, наверное, говорил об этом дома.

– Да, но Шульман же не нарочно?

Гермиона пожала плечами.

– А Фудж считает, что на Сгорбса напала *мадам Максим?* – Рон снова повернулся к Гарри.

– Ага, – ответил Гарри, – но только потому, что Сгорбс исчез недалеко от бэльстэкской кареты.

– Мы ведь о Максим и не подумали, – медленно проговорил Рон. – А у нее есть гигантская кровь, причем она это отрицает...

– Конечно, отрицает! – вскричала Гермиона, подняв голову. – Посмотрите, что случилось с Огридом после Ритиной статьи! Посмотрите, как Фудж мигом делает выводы, только потому, что она полугигант! Кому нужны эти предубеждения? Я бы, наверно, тоже говорила, что у меня широкая кость, если б знала, что меня ждет за правду.

Гермиона посмотрела на часы.

– Мы же совсем не позанимались! – всполошилась она. – Мы же хотели выучить порчу-помеху! Завтра надо будет обязательно поработать! Все, Гарри, пошли, тебе нужно как следует отдохнуть.

Гарри с Роном медленно поднялись в спальню. Надевая пижаму, Гарри все смотрел на кровать Невилла. Верный своему слову, про родителей Невилла он Рону с Гермионой ничего не сказал. Сняв очки и забравшись в постель, он попытался представить себе, каково это – когда твои родители живы, но не узнают тебя. Совершенно незнакомые люди часто жалели его за то, что он сирота, но теперь, прислушиваясь к посапыванию Невилла, Гарри думал, что тот заслуживает жалости гораздо больше. Лежа в кромешной тьме, Гарри вдруг задохнулся от яростной ненависти к тем, кто замучил Лонгботтомов... Он вспомнил, как бешено вопила толпа, когда дементоры уводили сына Сгорбса и его товарищей... понял, что чувствовали эти люди... но тут же вспомнил молочно-белое лицо кричащего мальчика и с ужасом осознал, что годом позже тот умер...

И все это дело рук Вольдеморта, думал Гарри, глядя вверх на балдахин, еле различимый в темноте, все нити тянутся к Вольдеморту... это он разрушил все эти семьи, сломал им жизнь...

По идеи, Рон и Гермиона должны были готовиться к экзаменам, которые заканчивались в день третьего испытания, но почти все силы тратили на помощь Гарри.

— Об этом не беспокойся, — отмахнулась Гермиона, когда Гарри их укорил и сказал, что мог бы некоторое время потренироваться самостоятельно, — зато высший балл по защите от сил зла нам обеспечен, мы бы ни на каком уроке не узнали столько порч и проклятий.

— Пригодится, когда станем аврорами! — восторженно сказал Рон, применяя порчу-помеху к осе, с жужжанием носившейся по комнате. Та зависла в воздухе.

С наступлением июня замок вновь напряженно загудел в предвкушении. Все с нетерпением ждали третьего испытания, которое должно было состояться за неделю до окончания учебного года. Гарри каждую свободную минуту практиковался в заклятиях. Перед третьим испытанием он чувствовал себя увереннее. Конечно, оно тоже будет трудным и опасным, но Хмури прав: Гарри и раньше находил способы обмануть чудовищ и миновать зачарованные преграды, а сейчас его хоть предупредили заранее и можно подготовиться.

Профес sor Макгонаголл, устав натыкаться по всей школе на неугомонную троицу, разрешила Гарри в обеденные перерывы пользоваться классом превращений. Вскоре Гарри в совершенстве овладел порчей-помехой, которая замедляла движение врага и вообще ему препятствовала; раскиdalным заклятием, которое отшвыривает прочь с дороги любые твердые тела, а также заклятием четырех точек: эта удачная находка Гермионы поворачивала волшебную палочку острием на север и поможет сориентироваться в лабиринте. А вот заградительное заклятие Гарри по-прежнему не давалось. Предполагалось, что оно должно создавать вокруг него временную непроходимую стену, отталкивающую любое не очень сильное колдовство, но Гермионе удалось ее разрушить ловко нацеленным ватноножным заклятием. Гарри потом добрых десять минут ковылял на трясущихся ногах, пока она не нашла контрзаклятия.

— И все-таки ты молодец, — ободряюще сказала Гермиона, просматривая список и вычеркивая уже освоенное. — Может, не все, но какие-то тебе точно пригодятся.

— Идите сюда, посмотрите, — позвал Рон от окна. Он пристально глядел во двор. — Чем это занимается Малфой?

Гарри с Гермионой подошли посмотреть и увидели под деревом Малфоя, Краббе и Гойла. Краббе и Гойл, похоже, стояли на стреме.

Оба ухмылялись. Малфой, поднеся руку ко рту, что-то говорил себе в ладонь.

– У него как будто рация, – удивился Гарри.

– Это невозможно, – покачала головой Гермиона, – я же говорю, в районе «Хогварца» такие приборы не работают. Давай-ка, Гарри, – продолжила она бодро, отвернулась от окна и ушла на середину комнаты, – еще раз попробуем заградительное.

Сириус теперь присыпал сов ежедневно. Он, как и Гермиона, считал, что сначала надо заняться третьим испытанием, а потом уже всем остальным. В каждом письме он твердил: что бы ни происходило за пределами «Хогварца», Гарри это не касается, тем более что повлиять на события не в его власти.

Если Вольдеморт и впрямь становится сильнее, – писал Сириус, – моя главная обязанность – обеспечить твою безопасность. Пока ты под защитой Думбльдора, у Вольдеморта нет шансов, но рисковать все равно нельзя. Сначала разберись с лабиринтом, а уж потом мы подумаем про остальное.

Двадцать четвертое июня надвигалось, и Гарри нервничал, но не так сильно, как перед первым или вторым испытаниями. Во-первых, он был уверен, что на этот раз подготовился как только мог. Во-вторых, это будет последнее испытание, и, как бы он ни выступил, плохо ли, хорошо ли, Турнир, к величайшему его облегчению, все равно закончится.

В день третьего испытания завтрак за гриффиндорским столом проходил очень бурно. Прилетела почта, а с ней открытка от Сириуса с пожеланием удачи. То есть не открытка, а скомканный кусочек пергамента с отпечатком грязной лапы, но Гарри все равно был очень рад. Гермионе принесли свежий номер «Оракула». Она развернула газету, взглянула на первую полосу, подавилась и заплевала ее тыквенным соком.

– Что? – Гарри с Роном дружно повернулись к Гермионе.

– Ничего, – поспешило сказать она и попыталась спрятать газету, но Рон успел перехватить.

Он уставился на заголовок и проговорил:

– Только не это. Только не сегодня. Вот *корова*.

– Что? – спросил Гарри. – Опять Рита Вритеर?

– Нет, – ответил Рон и тоже попытался спрятать газету.

– Там про меня, да? – не отставал Гарри.

– Нет, – снова пробормотал Рон на редкость неубедительно.

Но не успел Гарри потребовать газету, от слизеринского стола донесся громкий крик Драко Малфоя:

– Эй, Поттер! *Поттер!* Как головка? Бо-бо? Ты сегодня-то смиренный? Бросаться не будешь?

Малфой тоже держал в руке номер «Оракула». Слизеринцы с гнусными ухмылочками сидя поворачивались, чтобы посмотреть на реакцию Гарри.

– Дай прочитать, – велел Гарри Рону. – Дай сюда.

Рон с огромной неохотой отдал Гарри газету. Гарри раскрыл ее и уставился на собственный портрет под большим заголовком:

ГАРРИ ПОТТЕР

«*Одержим и очень опасен*»

Мальчик, победивший Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут, отличается нестабильностью психики, вследствие чего потенциально опасен, сообщает наш специальный корреспондент Рита Вритеर. Недавно до нас дошли тревожные сведения о странном поведении Гарри Поттера, ставящие под сомнение возможность его участия в таком серьезном соревновании, как Тремудрый Турнир, – а равно и обучения в «Хогварце» в целом.

Согласно эксклюзивным источникам «Оракула», Поттер регулярно падает в обмороки и часто жалуется на боль в шраме на лбу (оставшемся на память о проклятии, которым его пытался уничтожить Сами-Знаете-Кто). В прошлый понедельник, посреди урока прорицания, корреспондент нашей газеты оказалась свидетелем того, как Поттер выбежал из класса, утверждая, что боль невыносима и он не в силах оставаться на занятиях.

Эксперты больницы св. Лоскута, Института причудливых повреждений и патологий, утверждают, что, возможно, в результате нападения Сами-Знаете-Кого оказался затронут мозг Поттера, а его настойчивые жалобы на боль в шраме могут быть симптомом глубокой психологической травмы.

«Он даже может притворяться, – считает один из специалистов, – это может быть отчаянной попыткой привлечь к себе внимание».

Однако «Оракулу» стали известны и другие весьма тревожные факты, касающиеся Гарри Поттера, которые директор «Хогварца» Альbus Думблдор тщательно скрывал от колдовской общественности.

«Поттер умеет говорить на серпентарго, – сообщил ученик четвертого класса Драко Малфой. – Пару лет назад у нас в школе случались таинственные нападения на учащихся, и большинство считало, что за этим стоит Поттер. Мы однажды видели, как он взбесился в Клубе дуэлянтов и натравил на одного мальчика змею. Правда, тогда дело замяли. А потом он и с оборотнями дружбу водил, и с гигантами. Мы все думаем, он на что угодно пойдет ради власти».

Змеевость, способность разговаривать со змеями, с незапамятных времен принято относить к черной магии. И действительно, самый знаменитый змеест наше времена – не кто иной, как Сами-Знаете-Кто. Один из членов Лиги защиты от сил зла, пожелавший остаться неизвестным, заявил в беседе с нашим корреспондентом, что считает всякого колдуна, обладающего способностью изъясняться на серпентарго, «подлежащим тщательной проверке». Помимо этого, он сказал: «Лично я к тем, кто общается со змеями, отношусь с огромным подозрением. Известно, что змей нередко используют в самых страшных заклинаниях черной магии. Исторически сложилось, что в сознании людей змеи ассоциируются с величайшими злодеями». И соответственно «те, кто водит дружбу с оборотнями и гигантами, скорее всего, обладают выраженной склонностью к жестокости».

Альбусу Думблдору непременно следует рассмотреть вопрос о том, может ли Гарри Поттер участвовать в Тремудром Турнире. Кое-кто опасается, что Поттер, в своем отчаянном стремлении выиграть Турнир, третье испытание которого состоится сегодня вечером, может прибегнуть к черной магии.

– Ну вот и до меня добрались, – беспечно сказал Гарри, сворачивая газету.

За слизеринским столом над ним вовсю потешались Малфой, Краббе и Гойл. Они смеялись, стучали пальцами по лбу, гротескно

изображали психов и показывали языки, пародируя змей.

– А как она узнала, что у тебя на прорицании заболел шрам? – спросил Рон. – Ее же там не было, она же никак не могла...

– Я открыл окно, – вспомнил Гарри, – мне было нечем дышать.

– Это же на вершине Северной башни! – воскликнула Гермиона. – А она услышала во дворе?

– Вообще-то это ты собиралась выяснить про волшебные способы подслушивания! – огрызнулся Гарри. – Вот ты и скажи, как она это делает!

– Я пыталась! – закричала Гермиона. – Но я... но...

Лицо ее внезапно заволокла отрешенная задумчивость. Гермиона медленно подняла руку и запустила пальцы в волосы.

– Ты чего? – нахмурился Рон.

– Да, – выдохнула Гермиона.

Она еще раз провела пальцами по волосам, а потом поднесла ладонь ко рту, точно разговаривая по невидимой радиции. Гарри с Роном изумленно переглянулись.

– У меня идея, – уставившись в пространство, сообщила Гермиона. – Кажется, я знаю... потому что так никто не увидел бы... даже Хмури... И так она могла оказаться на подоконнике... но ей же нельзя... точно не разрешено... Так, кажется, мы ее поймали! Я только на пару секунд в библиотеку – чтоб уж наверняка!

С этими словами Гермиона подхватила рюкзак и стремглав вылетела из Большого зала.

– Эй! – завопил ей вслед Рон. – У нас экзамен по истории магии через десять минут! Вот это да, – пробормотал он, поворачиваясь к Гарри, – как же она ненавидит эту Вритер, даже начало экзамена готова пропустить... А ты что будешь делать у Биннза? Опять читать?

Поскольку из-за Тремудрого Турнира Гарри освободили от экзаменов, он обычно сидел на задней парте и рылся в книжках, выискивая всякие полезные заклятия.

– Наверно, – ответил Гарри, но тут к нему подошла профессор Макгонаголл.

– Поттер, после завтрака чемпионы собираются в комнате за Большим залом, – объявила она.

– Но испытание только вечером! – И Гарри от испуга, что перепутал время, уронил на себя омлет.

— Мне это известно, Поттер, — сказала профессор Макгонаголл. — Но, видите ли, на последнее испытание приглашены семьи чемпионов. Так что вам предоставляется возможность с ними встретиться.

Она ушла. Гарри, разинув рот, посмотрел ей вслед.

— Она же не думает, что Дурслеи приедут, правда? — тупо спросил он у Рона.

— Откуда я знаю? — ответил Рон. — Гарри, мне пора бежать, а то я к Биннзу опоздаю. Потом увидимся.

Гарри доедал в постепенно пустевшем зале. Он видел, как Флёр, встав из-за стола «Вранзора», вместе с Седриком направилась в комнату позади Большого зала. Они исчезли за дверью. Очень скоро за ними косолапо проследовал Крум. Гарри сидел за столом. Почестному, ему вообще не хотелось туда идти. Семьи у него нет — во всяком случае, нет таких людей, которые приехали бы поболеть за него, когда он будет рисковать жизнью. Он уже собирался встать, размыкая, не пойти ли в библиотеку поискать еще какие-нибудь заклятия, как вдруг дверь комнаты отворилась, и оттуда высунулась голова Седрика:

— Гарри, ну ты чего, тебя же ждут!

Совершенно огороженный, Гарри поднялся. Неужто Дурслеи приехали? Он пересек зал и вошел в комнату.

У дверей стоял Седрик с родителями. В углу Виктор Крум оживленно беседовал на болгарском со своими черноволосыми мамой и папой. Оказывается, крючковатый нос он унаследовал от отца. У дальней стены Флёр щебетала с матерью по-французски. Младшая сестра, Габриэль, держа мать за руку, помахала Гарри, и тот помахал в ответ. И тут заметил у камина сияющих миссис Уизли и Билла.

— Сюрприз! — радостно воскликнула миссис Уизли. Гарри, расплывшись в широчайшей улыбке, поспешил к ним. — Мы решили приехать и поболеть за тебя, Гарри! — Она наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Ну, ты как? — улыбнулся Билл, пожимая Гарри руку. — Чарли тоже хотел приехать, но не получилось. Он говорил, против хвосторога ты выступил неподражаемо.

Гарри заметил, что Флёр Делакёр из-за плеча своей мамы с интересом посматривает на Билла. Сразу было ясно, что ни длинные волосы, ни серьга с зубом ее вовсе не смущают.

— Как это... мило с вашей стороны, — тихо пробормотал Гарри, обращаясь к миссис Уизли. — А я было подумал... Дурслеи...

— Хмм, — поджала губы миссис Уизли. При нем она никогда не позволяла себе критиковать его родственников, но при одном их упоминании глаза ее неизменно сверкали гневом.

— Здорово сюда вернуться, — сказал Билл, обводя взором комнату. (Виолетта, подруга Толстой Тети, подмигнула ему с портрета.) — Пять лет тут не был. А картина сумасшедшего рыцаря все еще здесь? Сэра Кэдогана?

— О да, — сказал Гарри. Сам он познакомился с сэром Кэдоганом в прошлом году.

— А Толстая Тетя? — спросил Билл.

— Она была уже в мое время, — заметила миссис Уизли. — Однажды устроила мне такую выволочку!.. Я как-то вернулась в спальню в четыре утра...

— А что это ты делала вне спальни в четыре утра? — спросил Билл, удивленно уставившись на мать.

Миссис Уизли улыбнулась, и в ее глазах забегали чертики.

— Мы с вашим папой дышали ночным воздухом, — ответила она. — Его тоже схватил Аполлон Прингл — тогдашний смотритель, — у папы до сих пор отметины остались.

— Может, сводишь нас на экскурсию, а, Гарри? — попросил Билл.

— Конечно, — сказал Гарри, и они направились к дверям.

Когда они проходили мимо Амоса Диггори, тот оглянулся.

— А, вот и ты. — Он смерил Гарри взглядом. — Что, теперь уж не так в себе уверен? Седрик-то тебя догнал по очкам, а?

— Что? — не понял Гарри.

— Не обращай внимания, — шепнул ему Седрик, хмуро косясь на отца. — Он, как прочитал тогда статью Риты Врите, так и злится на тебя — ну, помнишь, она так написала, будто ты единственный чемпион «Хогварца».

— Ну так он же не потрудился ее поправить? — довольно громко возразил Амос Диггори. Гарри услышал уже на пороге. — Ну уж... ты ему покажешь, Сед. Тебе не впервой, правда?

— Амос, Рита Врите вечно воду мутит! — в сердцах воскликнула миссис Уизли. — Уж кому и знать, как не тебе. Ты же в министерстве работаешь!

Мистер Диггори, похоже, хотел ответить что-то резкое, но его жена положила ладонь ему на руку, и он лишь пожал плечами и отвернулся.

Гарри очень приятно провел утро, разгуливая по солнечному двору с Биллом и миссис Уизли. Он показал им бэльстэкскую карету и дурмштранговский корабль. Миссис Уизли очень заинтересовалась Дракучей ивой, которую посадили уже после ее выпуска, а потом долго и обстоятельно предавалась воспоминаниям о хранителе ключей, работавшем здесь до Огрида, – того звали Огг.

– А как Перси? – поинтересовался Гарри, когда они огибали теплицы.

– Не очень, – ответил Билл.

– Ужасно расстроен. – Миссис Уизли оглянулась по сторонам и понизила голос: – Министерство замалчивает исчезновение мистера Сгорбса, но Перси вызывали на допрос насчет распоряжений, которые Сгорбс присыпал. Кажется, подозревают, что писал не он. Перси сильно вымотан. Ему не разрешили представлять мистера Сгорбса на сегодняшнем испытании. Пятым судьей будет Корнелиус Фудж.

В замок они вернулись к обеду.

– Мам! Билл! – удивился Рон, подойдя к гриффиндорскому столу. – А вы что тут делаете?

– Приехали поболеть за Гарри! – жизнерадостно ответила миссис Уизли. – Между прочим, должна сказать: это очень приятно, когда для разнообразия не надо готовить! Как твой экзамен?

– А!.. нормально, – ответил Рон. – Правда, я не все имена гоблинов-повстанцев вспомнил. Пришлось изобрести парочку. Да ничего страшного, – он накладывал себе на тарелку пирог по-корнуолльски, нимало не смущаясь под материным суровым взором, – они же все на один лад – Бодрод Бородатый, Ург Угвазданный, делов-то.

Пришли Фред, Джордж и Джинни. Гарри было так хорошо – почти как будто он снова в «Гнезде». Он даже забыл тревожиться о предстоящем испытании, и лишь когда посреди обеда явилась Гермиона, Гарри вспомнил, что у нее случилось озарение касательно Риты Вритеर.

– Ну как, ты нам скажешь?..

Гермиона, бросив взгляд на миссис Уизли, предостерегающе затряслась головой.

— Здравствуй, Гермиона, — проговорила миссис Уизли очень натянуто.

— Здравствуйте, — отозвалась Гермиона, и под холодным взглядом миссис Уизли ее улыбка угасла.

Гарри поглядел на одну, потом на другую и сказал:

— Миссис Уизли, вы ведь не поверили в эту белиберду, которую Рита Вритец написала в «Ведьмополитене»? Потому что Гермиона вовсе не моя девушка.

— О! — воскликнула миссис Уизли. — Вот еще! Конечно нет!

Но сразу ощутимо потеплела к Гермионе.

После обеда Гарри, Билл и миссис Уизли опять долго гуляли вокруг замка, а потом вернулись в Большой зал на вечерний пир. За учительским столом уже сидели Людо Шульман и Корнелиус Фудж. Шульман, как всегда, весело бурлил, а вот Фудж, сидевший рядом с мадам Максим, напротив, был очень мрачен и ни с кем не разговаривал. Мадам Максим не отрываясь глядела в тарелку; кажется, у нее покраснели глаза. С другого конца стола на нее поминутно взглядывал Огрид.

В честь праздника стол ломился от разных вкусных блюд, но Гарри уже разнервничался и ел мало. Когда голубой зачарованный потолок стал окрашиваться в закатно-пурпурный, Думблдор поднялся, и в зале воцарилась тишина.

— Леди и джентльмены, через пять минут вас пригласят на квидишине поле, где состоится третье, и последнее, испытание Тремудрого Турнира. Чемпионов вместе с мистером Шульманом я прошу проследовать на стадион сейчас.

Гарри встал. Гриффиндорцы проводили его аплодисментами, Уизли и Гермиона пожелали удачи. Вместе с Седриком, Флёр и Крумом он направился к выходу.

— Ты как, Гарри? — спросил Шульман на крыльце. — Уверен в себе?

— Я нормально, — ответил Гарри. Это, в общем и целом, была правда: он всю дорогу перебирал в уме выученные заклятия, помнил все, и это придавало уверенности.

Они вошли на квидишине поле, совершенно неузнаваемое. По периметру тянулась двадцатифутовая живая изгородь. А прямо перед ними зиял разрыв — вход в лабиринт. Вглубь уходили зловещие темные коридоры.

Через пять минут трибуны стали заполняться зрителями, в воздухе зазвенели взволнованные голоса. Отовсюду доносился многооногий топот – школьники рассаживались по местам. Небо было чистое, темно-синее, появлялись первые звезды. На стадион к Шульману и чемпионам вышли Огрид, профессор Хмури, профессор Макгонаголл и профессор Флитвик. У каждого на шляпе горела большая красная звезда, у одного только Огрида звезда красовалась сзади, на спине плаща из чертовой кожи.

– Мы будем патрулировать стены лабиринта, – объяснила чемпионам профессор Макгонаголл. – Если попадете в беду, выпускайте в воздух красные звезды – кто-нибудь из нас сразу же придет на помощь. Понятно?

Чемпионы кивнули.

– Что ж, идите! – бодро сказал Шульман четырем патрульным.

– Удачи тебе, Гарри, – шепнул Огрид, и четверка спасателей разошлась в разные стороны по своим постам.

Шульман кончиком волшебной палочки показал себе на горло, пробормотал:

– Сонорус, – и к трибунам полетел его магически усиленный голос: – Леди и джентльмены, начинается третье, и последнее, испытание Тремудрого Турнира! Позвольте вам напомнить счет! Первое место занимают мистер Седрик Диггори и мистер Гарри Поттер – оба набрали по восемьдесят пять баллов!

Крики и рукоплескания вспугнули птиц из Запретного леса, и те взмыли в темнеющее небо.

– На втором месте – мистер Виктор Крум, чемпион института «Дурмштранг», у него восемьдесят баллов! – (Снова рукоплескания.) – На третьем месте – мисс Флёр Делакёр, академия «Бэльстэк»!

В центре трибуны Гарри еле-еле различил миссис Уизли, Билла, Рона и Гермиону: они вежливо аплодировали Флёр. Он помахал, и они радостно замахали в ответ.

– Итак… Гарри и Седрик! По моему свистку! – провозгласил Шульман. – Три… два… один…

Он коротко свистнул, и Гарри с Седриком ринулись в лабиринт.

Высокие изгороди зачерняли дорожку тенями, и – то ли потому, что они были такие высокие, то ли потому, что их заколдовали, – едва

мальчики вошли в лабиринт, гомон трибун стих. Гарри как будто снова оказался под водой. Он достал палочку, пробормотал:

– Люмос, – и услышал, что Седрик сказал то же самое.

Пройдя ярдов пятьдесят, они достигли развилки. Переглянулись.

– До встречи, – сказал Гарри и повернул налево. Седрик отправился вправо.

Вскоре до Гарри донесся второй свисток. Значит, в лабиринт вошел Крум. Гарри прибавил шагу. Дорожка казалась совершенно пустынной. Он повернул направо и торопливо пошел вперед, высоко держа палочку, чтобы видеть как можно дальше. Правда, смотреть было особо не на что.

Далеко-далеко прозвучал третий свисток. Теперь все чемпионы вошли в лабиринт.

Гарри то и дело озирался. Ему снова чудилось, будто кто-то за ним наблюдает. С каждой минутой темнота сгущалась, небо окрасилось густой синевой. Он достиг второй развилки.

– Указуй, – прошептал он палочке, положив ее на ладонь.

Палочка повернулась вокруг своей оси и показала направо, в кусты. Значит, там север. А чтобы попасть в центр лабиринта, нужно двигаться на северо-запад. Ладно, теперь разве что свернуть налево, а потом при первой же возможности – вправо.

Эта дорожка тоже была абсолютно пуста. Достигнув поворота и свернув направо, Гарри обнаружил, что и здесь его путь ничто не преграждает. Неизвестно почему, отсутствие препятствий нервировало. Он ведь уже должен был на что-нибудь наткнуться? Лабиринт как будто хочет усыпить его бдительность. И вдруг за спиной что-то зашевелилось. Гарри, готовый к атаке, выставил палочку, но луч осветил всего лишь Седрика, выбежавшего на дорожку с правой стороны. Седрик был в сильном потрясении. Рукав его мантии дымился.

– Огридовы взрывастые драклы! – прошептал он. – Огромные – я еле спасся!

Он потряс головой и снова нырнул куда-то на другую дорожку. Гарри, желая как можно скорее и как можно дальше убраться от драклов, побежал. И, едва завернув за угол, увидел…

Дементора. Тот слепо скользил к Гарри – огромный, двенадцати футов ростом, лицо под капюшоном, тянет гнилостные, покрытые

струпьями руки. Он приближался, нащупывая дорогу навстречу человеческому теплу. До Гарри доносилось хриплое дыхание, от ледяного ужаса он помертвел, но знал, что делать...

Он призвал на помощь самую счастливую мысль: изо всех сил сосредоточился на том, как выберется из лабиринта и будет праздновать окончание Турнира с Роном и Гермионой, поднял палочку и прокричал:

– Экспекто патронум!

Из кончика палочки вырвался серебристый олень. Он поскакал к дементору, и тот упал на спину, запутавшись в плаще... Гарри никогда раньше не видел, чтобы дементоры спотыкались...

– Погоди-ка! – закричал он, следя за серебристым оленем по пятам. – Ты же визрак! Риддикулюс!

Раздался громкий щелчок, и сменобраз взорвался, превратившись в облачко дыма. Серебристый олень растворился в воздухе. Жалко, лучше бы он остался, Гарри вовсе не возражал бы против компании... но он пошел дальше, как можно бесшумнее и быстрее, напряженно прислушиваясь и поднимая над головой палочку.

Налево... направо... опять налево... дважды он утыкался в тупики. Потом снова воспользовался заклятием четырех точек и обнаружил, что забрел слишком далеко на восток. Тогда он пошел назад, свернул направо и увидел впереди странный золотой туман в воздухе.

Гарри осторожно приблизился, направляя на туман луч света. Видимо, это что-то волшебное. Интересно, можно отшвырнуть его прочь с дороги?..

– Редукто! – сказал он.

Заклинание прошло сквозь туман, нисколько ему не повредив. Ну да, мог бы и догадаться – раскидальное заклятие годится только для твердых тел. А если войти в этот туман? Имеет смысл пробовать или лучше сразу свернуть?

Пока он думал, тишину прорезал крик.

– Флёр?! – заорал Гарри.

Ответом было молчание. Он заозирался. Что с ней такое? Кажется, кричали где-то впереди. Гарри глубоко вдохнул и вбежал в заколдованный туман.

Мир перевернулся с ног на голову. Гарри свисал с земли, волосы у него стояли дыбом, очки болтались на лбу, грозя вот-вот упасть в

бездонное небо. Он прижал их к кончику носа и повис, ничего не соображая. Ноги точно прилипли к траве, внезапно ставшей небом. Внизу простирались темная звездная пропасть небес. Казалось, стоит пошевелить ногой, и он тут же упадет с земли.

Думай, приказал он себе; к голове приливалась кровь. *Думай...*

Но ни одно из выученных заклинаний не предназначалось для ситуации, когда небо и земля неожиданно меняются местами. Можно ему хоть ногой-то двинуть? В ушах стучала кровь. Возможностей две: либо пошевелиться, либо послать в воздух красные звезды, пусть его спасут и дисквалифицируют.

Гарри зажмурился, чтобы не видеть бездну внизу, и с силой оторвал правую ногу от травянистого потолка.

Мир мгновенно встал на место. Гарри упал коленями на восхитительно твердую землю. От шока он совершенно обессилел. Глубоко подышал, чтобы успокоиться, потом встал и поспешил вперед, через плечо оглядываясь на золотой туман, невинно мерцающий в лунном свете.

На перекрестке двух дорог Гарри задержался, озираясь в поисках Флёр. Он был уверен, что кричала она. С чем она столкнулась? Все ли с ней в порядке? Красных звезд точно не было – но что это означает? Она благополучно справилась? Или не справилась настолько, что даже не успела достать палочку? В растущей тревоге Гарри пошел направо... и в то же время не мог отделаться от мысли: «Так, одним соперником меньше...»

Кубок где-то рядом, Флёр, судя по всему, выбыла из игры. А вот с ним пока ничего не случилось... Что, если он и впрямь выиграет? В сознании на мгновение – впервые с того дня, как его объявили чемпионом, – вспыхнула картинка: перед всей школой он поднимает Тремудрый Приз...

Еще десять минут Гарри не натыкался ни на что особенное, если не считать многочисленных тупиков. Дважды напрасно сворачивал на одну и ту же дорожку. Потом наконец набрел на новый маршрут и побежал рысцой. Волшебная палочка освещала путь, и в ее луче тень Гарри прыгала, переламываясь, по кустарниковым стенам. Он завернул за угол и оказался лицом к лицу со взрывающим драклом.

Седрик не соврал – дракл был *огромный*, не меньше десяти футов. Больше всего он напоминал гигантского скорпиона. Длинное жало

изгибалось над спиной. Толстый панцирь тускло блеснул в свете волшебной палочки.

– Обомри!

Заклинание ударились о панцирь и отрикошетило. Гарри вовремя пригнулся, но почувствовал запах паленых волос – его мазнуло по макушке. Дракл выпустил огненный залп и прыгнул на Гарри.

– Импедимента! – заорал Гарри. И снова заклинание отрикошетило от бронированной шкуры. Гарри попятился и упал. – ИМПЕДИМЕНТА!

В какой-то паре дюймов от него дракл застыл – Гарри попал ему по голому брюху. Задыхаясь, Гарри поспешил отполз подальше и со всех ног помчался в другую сторону – действие порчи-помехи длится не так уж долго, в любую секунду дракл снова задвигается.

Гарри свернулся влево и опять оказался в тупике, потом вправо – снова тупик. Сердце бешено колотилось; он заставил себя остановиться и выполнил заклятие четырех точек. Потом вернулся немного назад и выбрал дорожку на северо-запад.

Он бежал уже несколько минут, когда вдруг за кустами, в параллельном проходе, услышал нечто странное и замер на месте.

– Ты что делаешь?! – закричал голос Седрика. – С ума сошел?!

А потом раздался голос Крума:

– Круцио!

Воздух мгновенно огласился воплями Седрика. Гарри, вне себя от ужаса, бросился вперед по своей дорожке, пытаясь найти поворот на дорожку Седрика. Но не нашел, и тогда опять воспользовался раскиdalным заклятием. Получилось так себе, но все же в кустах прожгло небольшую дыру, куда Гарри смог просунуть ногу. Он пинал толстые колючие сучья, пока не проделал отверстие побольше. Затем прорвался сквозь изгородь, порвав мантию, и справа увидел, что на земле корчится Седрик, а над ним стоит Крум.

Гарри выбрался из кустов, наставил палочку на Крума, тот обернулся на шум. И бросился бежать.

– Обомри! – закричал Гарри.

Заклятие попало Круму в спину; он встал как вкопанный, затем упал лицом в траву и застыл. Гарри бросился к Седрику. Тот больше не корчился, но лежал тяжело дыша, прижав ладони к лицу.

– Ты как? Цел? – рявкнул Гарри, схватив Седрика за руку.

— Да, — через силу выдохнул Седрик. — Да... Вот дрянь... Подкрался сзади... Я услышал, обернулся — а он уже палочку наставил...

Седрик поднялся на ноги. Его била дрожь. Они с Гарри посмотрели на Крума.

— Что ж такое... а мне казалось, он вполне ничего, — произнес Гарри.

— Мне тоже, — отозвался Седрик.

— А ты слышал крик Флёр?

— Да, — кивнул Седрик. — Думаешь, тоже Крум?

— Не знаю, — медленно проговорил Гарри.

— Мы как, оставим его здесь? — пробормотал Седрик.

— Нет, — решительно ответил Гарри. — Надо, наверное, красные звезды запустить. Кто-нибудь за ним явится... а то его еще дракл сожрет.

— Так ему и надо, — процидил Седрик, но поднял волшебную палочку и послал в воздух фонтан красных звезд, которые зависли высоко над Крумом, обозначив, где он находится.

Гарри с Седриком постояли в темноте, озираясь. Затем Седрик сказал:

— Ну что... пошли дальше...

— Что? — переспросил Гарри. — А!.. Да... Пошли...

Это был довольно неловкий момент. Они с Седриком ненадолго объединились против Крума — а сейчас вдруг вспомнили, что они на самом деле соперники. Они молча зашагали по темной тропе, а на развилке повернули: Гарри налево, Седрик — направо. Шаги Седрика вскоре замерли в отдалении.

Гарри продвигался вперед, то и дело используя заклятие четырех точек, чтобы не сбиться с курса. Борьба теперь шла только между ним и Седриком. Желание первым достичь Приза жгло ужасно, но Гарри никак не мог ни забыть поступок Крума, ни поверить, что Крум так поступил. Применение непростительного проклятия к другому человеку означает пожизненное заключение в Азкабане — так говорил Хмури. Неужто Крум так сильно жаждет победы?.. Гарри прибавил шагу.

Он без конца попадал в тупики, но тьма сгущалась, а значит, он приближался к центру лабиринта. Затем пошел по длинному прямому

коридору и внезапно заметил какое-то движение. Луч света упал на необыкновенное существо – Гарри видел такое только на картинке в «Чудовищной книге чудовищ».

Сфинкс – громадное львиное тело, большие когтистые лапы и длинный желтоватый хвост с коричневой кисточкой. А вот голова – женская. Леди-сфинкс перевела большие миндалевидные глаза на Гарри. Тот неуверенно поднял палочку, но сфинкс не припала к земле, готовясь атаковать, – она ходила туда-сюда, перегораживая дорогу.

Затем она заговорила хриплым басом:

– Ты очень близок к цели. И кратчайший путь – мимо меня.

– Тогда… может быть, вы посторонитесь? Будьте добры, – попросил Гарри, прекрасно, впрочем, понимая, какой ответ его ждет.

– Нет, – сказала она, продолжая расхаживать. – Нет, пока ты не отгадаешь мою загадку. Ответишь с первого раза – пропущу. Ответишь неверно – наброшусь. Промолчишь – отпущу, не тронув.

У Гарри в животе все спазматически сжалось. Это Гермиона специалист по загадкам, а не он. Гарри взвесил свои шансы. Если загадка слишком сложная, он промолчит, уйдет невредимым и попробует отыскать другую дорогу.

– Ладно, – решился он. – А какая загадка?

Сфинкс уселась точно посреди дорожки и прочитала стихи:

*Сначала ты букву вторую возьми
Того, кто таится в тени и двулик,
Кто секреты крадет, чье молчание лжет,
От кого ни следов, ни улик.

Затем вспомни то, что кричишь ты в лесу,
Когда, заблудившись, бредешь.
А третью всегда в конце тутика,
В начале конца обретешь.

Все вместе сложи и получишь того,
Кого ты, хоть видел не раз,
Не смог бы обнять никогда. Существо
Какое? Скажи мне сейчас!*

Гарри разинул рот.

– А можете повторить?.. Помедленнее? – испуганно попросил он. Она моргнула, улыбнулась и повторила стихи.

— И все это вместе означает существо, которое я не смог бы обнять? — переспросил Гарри.

Она лишь снова загадочно улыбнулась. Гарри решил, что это значит «да». Затем пораскинул мозгами и понял, что знает очень много разных существ, которых ни за что не смог бы обнять. Первым делом на ум пришли взрывастые драклы, но Гарри заподозрил, что это не подходит. Придется по подсказкам...

— «Того, кто таится в тени», — пробормотал он, уставившись в лицо сфинксу. — «Кто секреты крадет, чье молчание лжет...» Ммм... это, наверное, какой-нибудь жулик. Нет-нет, это еще не отгадка! Крадет секреты?.. Шпион?.. то есть что, «п»? Я к этому еще вернусь... не могли бы вы повторить про тупик, пожалуйста?

Она повторила.

— «Всегда в конце тупика...» — повторил Гарри. — Ммм... ерунда какая-то... понятия не имею... «В начале конца...» А вторую подсказку еще раз можно?

Сфинкс прочла строчки про лес.

— «Что кричишь ты в лесу, когда, заблудившись, бредешь...» — пробормотал Гарри. — Ммм... это... это... «ay!». Я кричу «ay»!

Сфинкс улыбнулась.

— П... ау... пау... — Гарри и сам принял расхаживать туда-сюда. — Существо, которое я не смог бы обнять... *paук*!

Сфинкс просияла. Она медленно встала, по-кошачи потянулась и отошла, пропуская Гарри.

— Спасибо! — сказал он и, донельзя изумленный собственной сообразительностью, рванул вперед.

Он наверняка где-то совсем рядом... показания палочки говорили, что Приз прямо по курсу... если не повстречается что-нибудь совсем ужасное, у Гарри определенно есть шанс...

Вскоре снова пришлось выбирать дорогу.

— Указуй! — шепнул он палочке, та повернулась и указала направо. Гарри помчался туда и увидел впереди свет.

В ста ярдах от него на постаменте тускло сиял призовой кубок. Гарри кинулся к нему со всех ног, и тут прямо перед ним с боковой дорожки выскочила темная фигура.

Седрик доберется до Приза раньше... Седрик мчался как стрела, Гарри понимал, что ему ни за что не догнать, Седрик много выше,

ноги у него длиннее...

И тогда Гарри увидел, как слева за изгородью показалось нечто огромное – оно стремительно двигалось им наперерез. Оно перемещалось с такой скоростью, что Седрик непременно с ним столкнется, – но взгляд Седрика был устремлен на Приз, и он не видел ничего вокруг...

– Седрик! – завопил Гарри. – Слева!

Седрик оглянулся как раз вовремя. Он прошмыгнул мимо громадного существа и сумел избежать столкновения, но споткнулся. Палочка вылетела у него из руки, а на дорожку вывалился гигантский паук и зашагал прямо на Седрика.

– Обомри! – закричал Гарри. Заклинание шарахнуло по огромному волосатому паучьему телу, но результат был ничтожен, с тем же успехом можно было кинуть камушком – паук дернулся, быстро перебрал ногами и кинулся на Гарри.

– Обомри! Импедимента! Обомри!

Бесполезно – паук был то ли слишком большой, то ли слишком волшебный, и заклинания только раззадоривали его. Гарри успел увидеть восемь горящих черных глаз и острые бритвы ротовых клешней – и паук бросился.

Передними лапами он поднял Гарри в воздух; Гарри отчаянно сопротивлялся. Брыкаясь, он попал ногой по клешням и в ту же секунду почувствовал невыносимую боль – услышал крик Седрика: «Обомри!» – но и это ничуть не помогло – паук распахнул клешни, однако Гарри успел поднять палочку и закричал:

– Экспеллиармус!

Сработало! От разоружного заклятия паук бросил жертву на землю, но в результате Гарри свалился с двенадцатифутовой высоты на поврежденную ногу, которая как-то неестественно под ним смялась. Не думая ни секунды, Гарри, вспомнив дракла, прицелился в паучье брюхо и выкрикнул:

– Обомри! – одновременно с Седриком.

Соединившись, два заклинания сделали то, чего не смогло одно, – паук повалился набок, примяв ближайшую изгородь и перегородив дорогу клубком волосатых лап.

– Гарри! – донесся крик Седрика. – Ты цел? Он не на тебя упал?

– Нет! – закричал в ответ Гарри. Он посмотрел на свою ногу. Та вовсю кровоточила. На порванной мантии осталось пятно густой и клейкой паучьей слюны. Гарри попытался подняться, но нога отказывалась его держать. Он прислонился к изгороди, судорожно дыша и озираясь.

Седрик стоял в нескольких футах от Тремудрого Приза, тускло мерцающего у него за спиной.

– Ну чего, бери, – с трудом выговорил Гарри. – Давай, бери. Ты же рядом.

Но Седрик не двигался. Он стоял и смотрел на Гарри. Потом обернулся и посмотрел на Приз. В золотом сиянии кубка Гарри увидел на лице Седрика тоскливое вожделение. Седрик снова обернулся к Гарри – тот теперь хватался за кусты, чтобы не упасть.

Седрик сделал глубокий вдох.

– Нет, ты бери. Ты должен был выиграть. Ты здесь уже дважды спас мне жизнь.

– Нет, так не положено, – ответил Гарри. Он рассердился. Нога болит невыносимо, как, собственно, и все тело после этого паука, столько мучений, а Седрик все-таки его опередил – как и с приглашением Чо на бал. – Выигрывает тот, кто первым достигнет Приза. Это ты. Говорю тебе, я со своей ногой все равно никуда не добегу.

Седрик сделал несколько шагов к поваленному пауку – прочь от Приза. Он мотал головой.

– Нет, – сказал он.

– Хватит играть в благородство, – раздраженно сказал Гарри. – Бери, и все, и мы уже выберемся отсюда.

Седрик смотрел, как Гарри цепляется за ветки.

– Ты сказал мне про драконов, – проговорил он. – Я бы не прошел первое испытание, если бы ты меня не предупредил.

– Мне тогда тоже подсказали, – рявкнул Гарри, пытаясь подолом мантии отереть кровь с ноги. – И ты помог мне с яйцом – мы квиты.

– Мне тоже помогли с яйцом, – заспорил Седрик.

– И все равно мы квиты. – Гарри опасливо наступил на ногу, и она ужасающее задрожала – видимо, когда паук его бросил, он вывихнул лодыжку.

– Ты должен был получить больше баллов за второе испытание, – упрямился Седрик. – Ты остался, чтобы спасти всех заложников. Я тоже должен был.

– Просто мне одному хватило тупости принять песню всерьез! – с горечью ответил Гарри. – Слушай, возьми ты уже этот Приз!

– Нет, – сказал Седрик.

Он перешагнул через паучьи лапы и приблизился к Гарри. Тот испытуемое на него посмотрел. Седрик говорил серьезно. Он добровольно отказывался от славы, какая и не снилась «Хуффльпуффу».

– Пошли, – велел Седрик. По его виду было понятно, что ему пришлось собрать в кулак всю волю, но лицо его горело убежденностью, руки уверенно скрещены на груди – он решился.

Гарри перевел взгляд с Седрика на Приз. На один-единственный лучезарный миг он представил, как появляется из лабиринта с этим Призом, как поднимает его над головой. Услышал восторженный рев толпы, увидел восхищенное лицо Чо, разглядел его яснее ясного... потом прекрасная картина исчезла, и он снова посмотрел в затененное упрямое лицо Седрика.

– Вместе, – сказал Гарри.

– Что?

– Возьмем его одновременно. Все равно это будет победа «Хогварца». Победим вместе.

Седрик поглядел на Гарри. Расцепил руки.

– Ты... уверен?

– Да, – ответил Гарри. – Абсолютно... Мы же помогли друг другу? И оба добрались сюда. Возьмем его вместе.

Седрик смотрел так, будто не верил своим ушам. А затем расплылся в улыбке.

– Идет, – согласился он. – Давай сюда.

Он подхватил Гарри под руку и помог ему допрыгать до постамента. Каждый занес ладонь над сияющей ручкой призового кубка.

– На счет три, да? – предложил Гарри. – Раз... два... три...

Они с Седриком одновременно схватились за ручки.

В ту же секунду Гарри почувствовал, как его с силой дернуло за пупок. Ноги оторвались от земли. Он не мог разжать пальцы, а

Тремудрый Приз тянул его ввысь, в круговорть цветовых пятен и ветра – и Седрика вместе с ним.

Глава тридцать вторая

Плоть, кровь и кость

Гарри почувствовал, как ступни ударились о землю; поврежденная нога подогнулась, он упал лицом вперед, ладонь разжалась, и он выпустил наконец кубок.

— Где это мы? — проговорил он.

Седрик помотал головой. Он встал и помог Гарри подняться. Они осмотрелись.

Определенно, это не «Хогварц». Они, видимо, пролетели многие мили — может, сотни миль: не видно даже гор вокруг замка. Ребята стояли на мрачном заброшенном кладбище; справа за тисом вырисовывался черный силуэт небольшой церквишки. Слева возвышался холм. Наверху проступали очертания красивого старого особняка.

Седрик посмотрел на Тремудрый Приз, потом на Гарри:

— А *тебя* предупреждали, что Приз — это портшлюс?

— Нет, — ответил Гарри. Он беспокойно осматривал кладбище. Вокруг царilo зловещее безмолвие. — Это что, тоже испытание?

— Не знаю, — пожал плечами Седрик. Он немного нервничал. — Надо бы достать палочки, как считаешь?

— Да, — согласился Гарри, радуясь, что не пришлось предлагать самому.

Они вытащили палочки. Гарри озирался. Опять это странное чувство, будто за ними следят...

— Кто-то идет, — вдруг заметил он.

Напряженно вглядываясь в темноту, они следили, как к ним, уверенно пробираясь между могил, приближается фигура. Лица не различить, но, судя по походке, по тому, как он держит руки, человек что-то нес. Он был невысок; кто это — понять невозможно, лицо скрывалось под капюшоном плаща. Потом — человек сделал еще несколько шагов, все ближе, — Гарри увидел, что на руках у него... ребенок?.. или просто свернутая мантия?

Гарри чуть-чуть опустил палочку и покосился на Седрика. Седрик ответил растерянным взглядом. И они снова посмотрели на незнакомца.

Тот остановился у высокого мраморного надгробия, футах в шести от них. Секунду Гарри, Седрик и невысокий человек взирали друг на друга.

И вдруг шрам Гарри взорвался невыносимой болью. Подобных мук он не испытывал никогда в жизни. Он схватился руками за лицо, и палочка выскользнула из ослабевших пальцев, колени подогнулись — Гарри упал на землю, от боли ослепнув, — казалось, голова вот-вот расколется пополам.

Где-то далеко вверху послышался пронзительный, холодный голос, равнодушно сказавший:

— *Лишнего убей.*

Свистящий шелест и второй голос, визгливо выкрикнувший в ночь:

— Авара Кедавра!

Под веками Гарри ослепительно полыхнуло зеленым, и он услышал, как что-то тяжелое упало рядом на землю; боль в шраме достигла такой силы, что его вырвало, — и тогда стало легче. В смертельном ужасе от того, что он сейчас может увидеть, Гарри раскрыл слезящиеся глаза.

Рядом, раскинув руки и ноги, лежал Седрик. Он был мертв.

Какое-то мгновение, вместившее в себя вечность, Гарри смотрел ему в лицо, в открытые серые глаза, пустые и бессмысленные, точно окна заброшенного дома, смотрел на недоуменно полуоткрытый рот. И тогда, не успело сознание Гарри постичь увиденное, не успел он сам почувствовать хоть что-то, кроме оцепенелого неверия, его с силой подняли на ноги.

Человечек в плаще, положив на землю сверток, зажег палочку и поволок Гарри к мраморному надгробию. Прежде, чем его грубо развернули и швырнули к подножию памятника, Гарри различил на мгновение высеченную надпись:

ТОМ РЕДДЛЬ

Человечек наколдовал путы, от шеи до лодыжек примотавшие Гарри к мраморной плите. Из-под капюшона до Гарри доносилось прерывистое частое дыхание. Он стал вырываться, и человечек его

ударил – на руке не было пальца. И тогда Гарри понял, кто скрывается под капюшоном. Червехвост!

– Ты?! – выдохнул он.

Но Червехвост промолчал; водя по узлам непослушными скачущими пальцами, он проверял, крепки ли путы. Убедившись, что Гарри привязан к плите такочно, что не сдвинется ни на дюйм, Червехвост достал из-под плаща черную ленту и грубо затолкал ее Гарри в рот; затем, не произнося ни слова, отвернулся и поспешил прочь. Гарри не мог издать ни звука и не понимал, куда ушел Червехвост, – головы не повернешь, не заглянешь за камень, смотреть удавалось только прямо перед собой.

Футах в двадцати лежало тело Седрика. Чуть дальше, поблескивая в свете звезд, валялся Тремудрый Приз. Палочка Гарри – у его ног на земле. Сверток, который Гарри принял за ребенка, тоже был рядом, у подножия могилы. Он беспокойно ерзал. Гарри посмотрел на него, и лоб снова пронзила дикая боль... и тогда он понял: он не желает знать, что в свертке... не хочет, чтобы сверток развернули...

Под ногами зашуршало. Он опустил глаза и увидел в траве гигантскую змею – она ползла вокруг могилы. Опять все громче слышалось частое, свистящее дыхание Червехвоста. Судя по звукам, он тащил что-то тяжелое. Скоро он появился в поле зрения – оказалось, он толкает к подножию могилы каменный котел вроде бы с водой – до Гарри доносились всплески, – и котел этот был больше всех котлов, какими пользовался Гарри: в огромном каменном брюхе котла вполне поместится взрослый человек.

Существо в свертке завозилось сильнее, словно пытаясь высвободиться. Червехвост с палочкой в руках суетился возле котла. Внезапно под днищем, потрескивая, заплясал огонь. Гигантская змея уползла в темноту.

Жидкость в кotle нагревалась очень быстро. На поверхности забурлили пузыри – мало того, полетели бешеные искры, будто сама жидкость горела. Пар густел, замутняв очертания Червехвоста, следившего за огнем. Сверток еще сильнее закопошился. И Гарри опять услышал пронзительный ледяной голос:

– Поторопись!

Жидкость в кotle сплошь искрила. Она словно была инкрустирована алмазами.

– Все готово, господин.

– Скорей... – приказал ледяной голос.

Червехвост размотал сверток, обнажив то, что лежало внутри, и Гарри издал страшный, заглушенный кляпом вопль.

Червехвост как будто перевернул камень, открыв глазам нечто омерзительное, слепое, склизкое – но в тысячу раз хуже. Оно было точно съежившийся ребенок, только трудно было вообразить нечто меньше похожее на ребенка. Оно было черное и отливало краснотой, словно освежеванное, безволосое, в какой-то чешуе... Руки и ноги тонки и беспомощны, а лицо – не бывает у детей таких ужасных лиц – плоское, змеиное, с горящими красными глазами.

Существо казалось совсем слабым; оно тонкими ручками обвило Червехвоста за шею, и тот поднял его. Капюшон плаща соскользнул, и когда Червехвост приблизился к котлу, Гарри в свете огня разглядел на трусливом побелевшем лице гримасу крайнего омерзения. На мгновение перед Гарри мелькнуло злое плоское лицо, подсвеченное искрами. А затем Червехвост опустил существо в котел, раздалось шипение, и тварь ушла под воду; Гарри слышал, как слабое тельце легонько ударились о дно.

Пусть оно утонет, взмолился про себя Гарри. Шрам разрывало от невыносимой боли... Пожалуйста... Пусть оно утонет...

Червехвост заговорил. Он был испуган до полной потери рассудка, голос его очень сильно дрожал. Он воздел палочку, закрыл глаза и заговорил в ночь:

– Кость отца, без ведома данная, возроди своего сына!

Могила под ногами у Гарри дала трещину. В ужасе он следил, как, повинувшись заклинанию Червехвоста, в воздух взвилось, а потом мягко просыпалось в котел легкое облачко пыли. Алмазная поверхность, зашипев, взбурлила. Во все стороны полетели искры, и жидкость стала ядовито-голубой.

Червехвост заскулил. Он достал из-под мантии длинный и тонкий, сверкнувший серебром клинок. Голос его сорвался на отчаянные всхлипы:

– Плоть – слуги – с г-готовностью данная – оживи – своего господина!

Он вытянул правую руку – ту, на которой не хватало пальца. Потом левой рукой стиснул кинжал и широко замахнулся.

За секунду до того, как все случилось, Гарри догадался, что будет, – и отчаянно зажмурился, но не смог заглушить крик, пронзивший тишину ночи, пронзивший его самого, словно это его ударили кинжалом. Он услышал, как что-то упало на землю, страдальчески захрипел Червехвост, затем отвратительный всплеск, будто что-то бросили в котел. Гарри не смел взглянуть... но зелье стало ярко-красным, свет проникал даже под закрытые веки...

Червехвост стонал, задыхался в муках. И, лишь почувствовав на лице его прерывистое дыхание, Гарри понял, что тот стоит прямо перед ним.

– К-кровь недруга – силой отъятая – воскреси – своего врага!

Гарри ничего не мог поделать, его слишком крепко связали... опустив глаза, он безнадежно рвался из пут... потом увидел сверкающий клинок в дрожащей, ныне единственной руке Червехвоста. Почувствовал, как лезвие входит в сгиб правой руки. По рваному рукаву мантии заструилась кровь. Червехвост, от боли стеная, порылся в кармане, достал стеклянный фиал, поднес к порезу и набрал крови.

Затем, спотыкаясь, вернулся к котлу и вылил кровь Гарри туда. Жидкость мгновенно сделалась ослепительно-белой. Червехвост, завершив свои труды, упал у котла на колени, затем повалился на бок и остался лежать на земле, задыхаясь от рыданий, баюкая кулью.

Котел бурлил, рассыпая во все стороны яркие алмазные искры, такие ослепительные, что все остальное сделалось бархатно-черным. Больше ничего не происходило...

Пусть ничего не получится, думал Гарри, пусть бы он утонул...

И внезапно бурление улеглось, искры исчезли. Из котла клубами повалил белый пар, скрыв все вокруг, и Гарри не видел больше ни Червехвоста, ни Седрика, ничего, кроме этой мглы... все пошло не так, подумал он... оно утонуло... пожалуйста... пожалуйста, пусть оно умерло...

Но затем его окатило волной ледяного страха – сквозь пар он различил, как над котлом медленно вздымается черный силуэт высокого, как скелет худого человека.

– Одень меня, – приказал из тумана пронзительный ледяной голос, и Червехвост, стеная, всхлипывая, по-прежнему нянча изуродованный

обрубок, торопливо схватил с земли черные одеяния и одной рукой облачил в них своего господина.

Не сводя глаз с Гарри, скелет шагнул из котла... и Гарри воочию увидел лицо, которое вот уже три года преследовало его в кошмарах. Белее кости, с широко расставленными злобными багровыми глазами, змеиным плоским носом и широкими прорезями ноздрей...

Лорд Вольдеморт восстал вновь.

Глава тридцать третья

Упивающиеся смертью

Вольдеморт отвел взгляд от Гарри и стал осматривать свое тело. Кисти его походили на крупных бледных пауков; длинные белые пальцы нежно касались груди, плеч, лица... Красные глаза с кошачьими прорезями зрачков светились во тьме ярче прежнего. Он вытянул руки и с гримасой экзальтированного восторга принял сгибать и разгибать пальцы. Он не обращал внимания ни на истекающую кровью Червехвоста, который корчился на земле, ни на гигантскую змею, что, шипя, медленно скользила вокруг могилы. Неестественно-длинные пальцы скользнули глубоко в карман мантии и вытащили волшебную палочку. Вольдеморт любовно погладил ее, а затем направил на Червехвоста. Того приподняло над землей и швырнуло к надгробию, к которому был привязан Гарри. Червехвост рыдающим комком обмяк у края могилы и замер. Вольдеморт обратил багровые глаза к Гарри и исторг пронзительный, ледяной, безжалостный смех.

Мантия Червехвоста – он кое-как укутал ею культо – тускло блестела от крови.

– Милорд, – давясь рыданиями, взмолился он, – милорд... вы обещали... вы же обещали...

– Вытяни руку, – с ленцой процедил Вольдеморт.

– О господин... благодарю вас, господин...

Он протянул кровоточащую культо, но Вольдеморт снова рассмеялся:

– Другую руку, Червехвост.

– Господин, прошу вас... умоляю...

Вольдеморт нагнулся, схватил Червехвоста за левую руку и рванул на себя, откинув рукав. Гарри увидел на коже ярко-красную татуировку – череп, изо рта змея, то же самое изображение, которое появилось в небе на финале кубка, Смертный Знак. Вольдеморт

вгляделся, не обращая внимания на неконтролируемые спазмы, сотрясающие тело Червехвоста.

— Снова появился, — вкрадчиво проговорил Вольдеморт, — они должны были уже понять... вот мы и увидим... вот мы и узнаем...

Он вдавил в отметину длинный белый указательный палец.

Шрам Гарри в очередной раз пронзила ужасная боль, а Червехвост взвыл с новой силой: когда Вольдеморт отнял палец от Знака, тот стал угольно-черным.

С жестоким удовлетворением на лице Вольдеморт выпрямился, вскинул голову и огляделся.

— Интересно, сколько храбрецов явятся, едва почувствуют? — зашептал он, поднимая к звездам тускло светящиеся красные глаза. — И сколько дураков осмелятся не явиться?

Он принял расхаживать перед Гарри и Червехвостом, глазами обводя кладбище. Минуту спустя он снова посмотрел на Гарри, и змеиное лицо исказила зловещая улыбка.

— Гарри Поттер, ты стоишь на бренных останках моего покойного отца, — зашипел он, — мугла и редкого болвана... прямо как твоя дорогая матушка. Но оба оказались в своем роде полезны, не так ли? Твоя маменька умерла, защищая тебя, младенца... а своего папеньку я убил, и ты только посмотри, какую пользу мне принес дорогой покойничек...

Вольдеморт опять расхохотался. Он ходил взад-вперед, поглядывая по сторонам. Змея кругами ползала в траве.

— Видишь дом на холме, Поттер? Там жил мой отец. Мама, ведьма, жила рядом, в деревне, и ее угораздило влюбиться в этого идиота. Но он бросил ее, стоило ей признаться, кто она такая... папаша не одобрял колдовства... Он бросил ее и вернулся к своим родителям-муглам еще до моего рождения... а мама умерла родами, и меня воспитывали в мугловом приюте... но я поклялся разыскать его... я отомстил ему, этому кретину, давшему мне свое имя... *Том Реддль*...

Он все расхаживал, взгляд метался меж могил.

— Ну надо же! Семейные воспоминания... — пробормотал он. — Да я становлюсь сентиментален... А теперь смотри, Гарри! Вот возвращается моя *настоящая семья*...

Неожиданно воздух наполнился шуршанием плащей. Из-за тиса, из-за могил, со всех сторон появлялись аппарирующие колдуны. Все

они были в капюшонах и масках. Один за другим они подходили... медленно, опасливо, будто не веря собственным глазам. Вольдеморт замер и молча ждал. Затем один упал на колени, подполз к Вольдеморту и поцеловал край его черной мантии.

– Господин... господин... – залепетал он.

Остальные сделали то же самое: каждый подползал на коленях и целовал подол, после чего отползал задом и поднимался – они встали кольцом вокруг Гарри, Вольдеморта, могилы Тома Реддля и рыдающей груды тряпья по имени Червехвост. И все же в этом кольце имелись пустоты, будто собравшиеся ожидали еще кого-то. Но Вольдеморт, похоже, больше никого не ждал. Багровым взором он обвел скрытые капюшонами лица, и, хотя было безветренно, по шеренге пробежал трепет, некое общее содрогание.

– Приветствую вас, Упивающиеся Смертью, – тихо промолвил Вольдеморт. – Тринадцать лет... тринадцать лет миновало с нашей последней встречи. А вы откликнулись на мой зов, будто не прошло и дня... Стало быть, Смертный Знак еще объединяет нас! *Так ведь?*

Лицо его снова зловеще исказилось. Раздув ноздри, он с силой втянул воздух.

– Я чую вину, – прошипел он. – От вас разит угрызениями.

И снова по шеренге от одного к другому пробежала дрожь, будто каждый желал бы, да не смел отшатнуться от Вольдеморта.

– Я вижу вас перед собою целыми и невредимыми, вы не растеряли колдовской силы – как быстро вы явились на зов! – и я задаюсь вопросом... как же случилось, что эти колдуны так и не пришли на помочь своему господину, которому клялись в вечной преданности?

Никто не издал ни звука, не пошевелился – лишь Червехвост, распростервшись на земле, рыдал над кровоточащей рукой.

– И я сам себе отвечаю, – шепотом продолжал Вольдеморт, – должно быть, они поверили, что со мной покончено, поверили, что я исчез навсегда. Они растворились средь моих врагов, они поклялись им, что невиновны, ничего не знали, были околдованы... И тогда я спрашиваю себя: как могли они поверить, что я не восстану вновь? Они, кто знал, как надежно я обезопасил себя от смерти? Они, кто видел доказательства моего безграничного величия в те времена, когда я был могущественнее всех колдунов на земле?.. И снова отвечаю я сам себе: вероятно, им мнилось, что существует более могучая сила,

та, что способна победить самого Лорда Вольдеморта?.. И ныне они служат другому господину... Кому же? Убогому герою простонародья, предводителю муглов и мугродья... Альбусу Думблдору?

При упоминании Думблдора стоящие в строю зашевелились, невнятно забормотали, затрясли головами.

Вольдеморт будто и не заметил.

– Какое разочарование... Должен признать, я сильно разочарован...

Один Упивающийся Смертью, разорвав круг, неожиданно бросился вперед. Дрожа всем телом, он упал к ногам Вольдеморта.

– Господин! – истерично закричал он. – Господин, простите меня! Простите нас всех!

Вольдеморт расхохотался. И воздел над головой палочку:

– Круцио!

Упивающийся Смертью душераздирающе завыл, корчась от боли. Такие крики непременно должны услышать в окрестных домах, подумал Гарри... пусть придет полиция, в отчаянии молил он про себя... кто-нибудь... сделайте хоть что-нибудь...

Вольдеморт опустил палочку. Тот, кого он пытал, замер на земле, хрипло дыша.

– Встань, Эйвери, – негромко проговорил Вольдеморт. – Встань. Ты просишь о прощении? Я никого не прощаю. Я ничего не забываю. Тринадцать долгих лет... Вы отплатите за каждый из них, прежде чем получите прощение. Вот Червехвост уже заплатил часть своих долгов – верно, Червехвост?

Он обратил равнодушный взгляд на рыдающего Червехвоста.

– Ты вернулся не потому, что так мне предан, а потому, что боялся своих старых друзей. Ты заслужил эту боль, Червехвост. Ты ведь это понимаешь, не так ли?

– Да, господин, – простонал Червехвост, – прошу вас, господин... пожалуйста...

– Однако ты помог мне вернуться в мое тело, – холодно сказал Вольдеморт, наблюдая за корчащимся в муках слугой. – Ты жалкий, трусливый негодяй, но все же ты мне помог... А Лорд Вольдеморт умеет вознаграждать за помочь...

Вольдеморт взметнул палочку, крутанул в воздухе. Из нее излилась сияющая полоса как будто бы расплавленного серебра. Сначала бесформенная, она изогнулась, зашевелилась и сформировалась в

человеческую руку, блестевшую ярче луны. Затем ринулась вниз и ловко села на кровоточащее запястье Червехвоста.

Тот внезапно прекратил всхлипывать, с прерывистым хрипом поднял голову и огороженное уставился на серебряную кисть, мгновенно сросшуюся с запястьем. Впечатление было такое, будто он надел ослепительно сверкающую перчатку. Червехвост пошевелил блестящими пальцами, а затем, весь дрожа, подобрал с земли прутик и раскрошил его в пыль.

— Милорд, — прошептал он, — господин... какая красота... благодарю вас... благодарю вас...

Он на коленях подполз к Вольдеморту и принялся целовать края его мантии.

— И да пребудет твоя верность неколебима, Червехвост, — произнес Вольдеморт.

— Всегда, милорд... всегда...

Червехвост встал и занял место в строю, разглядывая свою новую могучую руку. Его лицо еще блестело от слез. А Вольдеморт тем временем шагнул к человеку справа от Червехвоста.

— Люциус, мой ненадежный друг, — прошептал он, остановившись. — Мне говорили, ты не отрекся от былых убеждений, хотя и считаешься в обществе добропорядочным гражданином. Насколько я знаю, ты не прочь, как встарь, возглавить пыточную бригаду? Муглам по-прежнему несдобровать. И все же ты не искал меня, Люциус... твои подвиги на финальном матче оказались всего лишь забавой, не более... а не стоило ли направить энергию в более продуктивное русло? Разыскать, например, своего господина и помочь ему?

— Милорд, я всегда был начеку, — поспешил из-под капюшона голос Люциуса Малфоя. — Малейший знак от вас, легчайший намек о том, где вы находитесь, — и я немедленно явился бы к вам, и ничто бы мне не помешало...

— Но ты убежал от моего Знака, который прошлым летом запустил в небо мой верный слуга? — лениво процедил Вольдеморт, и мистер Малфой осекся. — Да-да, мне все известно, Люциус... ты разочаровал меня... в будущем я ожидаю от тебя более преданного служения.

— Разумеется, милорд, разумеется... вы так милосердны, благодарю вас...

Вольдеморт двинулся дальше и остановился, глядя в пустоту между Малфоем и следующим за ним в строю; туда вместились бы двое.

— Здесь должны стоять Лестранжи, — печально промолвил Вольдеморт. — Но их заточили в Азкабан. Они хранили мне верность. И предпочли тюрьму отречению... Когда мы откроем двери Азкабана, я осиплю Лестранжей почестями, о каких они не смели и мечтать... Дементоры перейдут на нашу сторону... они наши союзники, такова их природа... и мы возвратим изгнанных гигантов... Я верну всех моих преданных слуг, соберу армию тех, кого боится остальной мир...

Он пошел дальше. Кое-кого миновал в молчании, возле других останавливался и заговаривал.

— Макнейр... Червехвост говорил, ты работаешь на министерство магии, уничтожаешь опасных созданий? Скоро, очень скоро у тебя появятся жертвы поинтереснее, Макнейр. Лорд Вольдеморт обеспечит...

— Благодарю вас, господин... благодарю вас... — пробормотал Макнейр.

— А тут у нас, — Вольдеморт перешел к двум самым большим фигурам, чьи лица тоже были скрыты под капюшонами, — Краббе... надеюсь, на сей раз ты выступишь лучше, Краббе? А ты, Гойл?

Те неуклюже поклонились и пробубнили:

— Да, господин...

— Обязательно, господин...

— То же касается и тебя, Нотт, — тихо бросил Вольдеморт, проходя мимо сутулого человека, прячущегося в тени Краббе.

— Милорд, я смиренно простираюсь перед вами, я ваш самый верный, самый...

— Достаточно, — кивнул Вольдеморт.

Он приблизился к самому широкому промежутку в цепи и остановился, глядя в пространство пустыми, красными глазами, словно видел тех, кто должен был там стоять.

— Здесь отсутствуют шестеро Упивающихся Смертью... Троє умерли во имя своего господина. Один — трус, он не явился... он заплатит. Один, похоже, оставил меня навсегда... он, разумеется, будет убит... и еще один, самый преданный мой слуга, уже вернулся и служит мне.

Упивающиеся Смертью зашевелились; Гарри видел, как они косятся друг на друга из-под масок.

– Он в «Хогварце», этот верный мне человек, и благодаря его усилиям к нам сегодня прибыл наш юный друг... Да-да, – усмешка исказила безгубый рот Вольдеморта, и его глаза сверкнули – он взглянул на Гарри. – В день моего возрождения нас любезно посетил Гарри Поттер. Мой, если угодно, почетный гость.

Все молчали. Потом Упивающийся Смертью справа от Червехвоста шагнул вперед и заговорил из-под маски голосом Люциуса Малфоя:

– Господин, мы жаждем знать... мы умоляем вас рассказать... как вам это удалось... это чудо... как вы смогли вернуться к нам...

– Ах, это такая занимательная история, Люциус, – со вкусом произнес Вольдеморт. – И она начинается – и заканчивается – вот этим моим юным другом.

Он неспешно подошел и встал около Гарри. Все глаза обратились к ним двоим. Змея неустанно кружила рядом.

– Вы, разумеется, знаете, что этого мальчишку называют причиной моего падения? – тихо начал Вольдеморт, уставив красные глаза на Гарри, которому от невыносимой боли во лбу хотелось кричать. – Вы все знаете, что, попытавшись убить его, я потерял и свою силу, и свое тело? Его мать умерла ради его спасения – и невольно дала ему защиту, которой я, признаюсь, не предвидел... я не мог даже прикоснуться к нему.

Вольдеморт поднес длинный белый палец очень близко к щеке Гарри.

– Его хранила принесенная ею жертва... старый магический трюк, глупо было о нем забыть... но не важно. Теперь я могу к нему прикоснуться.

Гарри почувствовал холодное прикосновение и испугался, что от боли голова сейчас взорвется.

Вольдеморт тихо засмеялся ему в ухо, убрал палец и снова обратился к своей команде:

– Я ошибся в расчетах, друзья мои, должен это признать. Из-за неразумного поступка глупой женщины мое проклятие срикошетило в меня. А-а-а-ах!.. боль превыше всякой боли, друзья мои, к такому нельзя быть готовым. Я потерял свое тело, я стал меньше, чем дух, меньше, чем призрак... однако я остался жив. Кем или чем я был, я и

сам не ведаю... я, кто дальше других ушел по дороге, ведущей к бессмертию. Вы знаете, какова была моя цель, – победа над смертью. Так вот, мне дана была возможность проверить себя, и, как выяснилось, некоторые мои эксперименты оказались успешны... я не погиб, несмотря на убийственное проклятие. И все же я стал совершенно беспомощен – слабейшее существо из всех живущих на земле... У меня не было надежды выкарабкаться самому... у меня не было тела, а любое заклинание, которое могло мне помочь, требовало волшебной палочки... Я только помню, как без сна и отдыха, секунду за секундой заставлял себя существовать... Затаился глубоко в лесу и ждал... конечно же кто-нибудь из моих верных слуг попробует разыскать меня... кто-нибудь придет и выполнит за меня необходимое заклинание, вернет мне мое тело... но я ждал вотще...

И снова по шеренге Упивающихся Смертью, молча внимавших своему господину, пробежала тревожная судорога. Вольдеморт затянул страшное молчание, но потом продолжил:

– У меня оставалось лишь одно умение. Я мог завладевать чужими телами. Но я не осмеливался появиться там, где много людей, я знал, что авроры повсюду, что они выслеживают меня. Иногда я вселялся в животных – предпочитая, разумеется, змей, – но едва ли это меняло дело, животные плохо приспособлены для колдовства... кроме того, мое пребывание в них укорачивало их жизни, ни одно не протянуло долго... Затем... четыре года назад... я, казалось, нашел средство вернуться к жизни. В мой лес забрел один колдун – молодой, глупый и легковерный. О таком случае я и мечтал... ибо он был учителем в школе Думблдора... очень легко оказалось подчинить его своей воле... с его помощью я вернулся в страну, спустя некоторое время завладел его телом и стал управлять им, и он выполнял мои распоряжения. Но мой план провалился. Мне не удалось украсть философский камень. Я не смог обрести вечную жизнь... и опять из-за Гарри Поттера...

Воцарилась тишина; все кругом замерло, даже листья тиса. Упивающиеся Смертью не двигались, из-под масок посверкивая глазами на Вольдеморта и Гарри.

– Мой слуга умер, как только я покинул его тело, я снова стал слаб и немощен, как прежде, – продолжал Вольдеморт. – Я возвратился в укрытие. Не буду притворяться, я боялся, что никогда не верну былое

могущество... наверное, то были самые черные дни в моей жизни... нельзя было рассчитывать, что судьба пошлет еще одного колдуна, в которого можно будет вселиться... и я уже оставил бесплодные надежды на помощь моих верных слуг...

Один-двою в строю беспокойно переступили ногами, но Вольдеморт не обратил внимания.

— А затем, меньше года назад, когда я почти оставил всякую надежду, это наконец случилось... ко мне явился мой слуга: Червехвост, вот он перед вами. Он инсценировал собственную смерть, дабы скрыться от правосудия, но потом его обнаружили те, кого раньше он называл друзьями, и тогда он решил вернуться к своему господину. Он стал искать меня там, где я скрывался, — слухи до него доходили... и, разумеется, ему помогали крысы. У Червехвоста с крысами есть некое родство, правда, Червехвост? Эти его маленькие гаденькие дружки поведали ему, что в самом сердце албанских лесов есть место, которого они избегают... Там разные мелкие животные гибнут, когда в них вселяется черная тень... Но его путь ко мне не был гладким, верно, Червехвост? Как-то раз, проголодавшись, он зашел в маленькую гостиницу на окраине того самого леса, где он рассчитывал меня найти... и кого же там встретил? Берту Джоркинс из министерства магии! А теперь смотрите, как судьба благоволит к Лорду Вольдеморту. Казалось бы, тут-то и конец Червехвосту, а вместе с ним и моим надеждам на возрождение. Но Червехвост — проявив сообразительность, какой я, признаюсь, от него не ожидал, — уговорил Берту Джоркинс совершить с ним небольшую ночную прогулку. Он одолел ее... и привел ко мне. И так Берта Джоркинс, которая в мгновение ока могла все испортить, оказалась истинным подарком судьбы, на какой я не смел и рассчитывать! Ибо — с небольшим принуждением — она стала настоящей золотоносной жилой всевозможной информации... Она рассказала, что в этом году в «Хогварце» проводится Тремудрый Турнир. Она назвала имя преданного мне Упивающегося Смертью, который будет счастлив служить, если я сумею с ним связаться. Она рассказала и многое другое... но, чтобы снять наложенное на нее заклятие забвения, мне пришлось применить очень сильные средства, и после извлечения всех необходимых сведений память ее и тело оказались повреждены и уже

не подлежали восстановлению Она сослужила свою службу. Вселиться в нее было нельзя. Я избавился от нее.

Вольдеморт жутко улыбнулся. Красные глаза были пусты и безжалостны.

– Тело Червехвоста тоже не годилось для этой цели, поскольку все считали его мертвым, и если бы его заметили, поднялось бы слишком много шума. Однако он был трудоспособным слугою... поэтому, невзирая на то, что колдун он бездарный, Червехвост выполнял мои распоряжения, и в результате я вернул себеrudimentарное слабое тельце – временно, до получения компонентов, необходимых для подлинного возрождения... парочка заклинаний моего собственного изобретения... небольшая поддержка со стороны моей дорогой Нагини, – Вольдеморт скользнул глазами по извивающейся змее, – зелье из крови единорога и змеиного яда... опять же спасибо Нагини... Вскоре я возвратил себе почти человеческий вид и достаточно окреп для путешествия... Надежды на философский камень больше не было – я знал, что Думблэдор позаботится о том, чтобы камень уничтожили. Но, прежде чем вновь гнаться за бессмертием, я готов был согласиться на смертную жизнь. Я умерил свои запросы... мне хватило бы моего тела и моего былого могущества... Я знал, что для зелья, которое ныне меня воскресило – а это древняя черная магия, – необходимы три сильных компонента. Что ж, один из них у меня уже был, не так ли, Червехвост? Плоть, данная слугою... За костью отца, естественно, требовалось наведаться на его могилу. Но вот кровь врага... Червехвост уговаривал меня использовать первого попавшегося колдуна... любого, кто меня ненавидит... ибо их много по-прежнему. Но я знал, кто мне нужен, если я хочу восстать вновь, могущественнее, чем до падения. Необходима была кровь Гарри Поттера. Кровь того, кто тринадцать лет назад лишил меня власти... ибо тогда неиссякаемая защита, дарованная ему матерью, разлилась бы и по моим жилам... Но как добраться до Гарри Поттера? Он, наверное, и сам не знает, до чего тщательно его охраняли. Эту защиту обеспечил Думблэдор – еще в те давние дни, когда ему выпало устроить будущее мальчишки. Думблэдор задействовал древние магические силы, чтобы ребенок, пока он находится под опекой родственников, всегда был в безопасности. Там даже я не мог до него добраться... но тут подвернулся финал кубка... и я подумал, что, возможно, вдали от

родственников и от Думбльдора защита ослабнет... однако сам я был еще не настолько силен, чтобы решиться на похищение, – ведь Гарри Поттера окружала целая свора министерских псов! А после матча он возвращался в «Хогварц», где с утра до вечера находился под крючковатым носом мерзкого муглофилла. Так как же схватить его?.. Как?.. Конечно же хитростью, с помощью информации, полученной от Берты Джоркинс. Заслать в «Хогварц» верного слугу, дабы он поместил в Кубок Огня заявку от имени мальчишки. И пусть мой слуга сделает так, чтобы мальчишка выиграл Турнир, – тогда он возьмет в руки Тремудрый Приз – кубок, который слуга превратит в портшлюс, а тот принесет мальчишку сюда, прямо в мои заждавшиеся руки... Здесь он незащищен, и Думбльдор ему не поможет... Итак, вот он перед вами... мальчик, которого все вы считали причиной моего падения...

Вольдеморт медленно повернулся к Гарри. И поднял палочку:
– Круцио!

Эту боль нельзя было сравнить ни с чем: адским огнем горели самые кости, голова раскалывалась по линии шрама, глаза закатились, и Гарри хотел только одного – чтобы все кончилось... потерять сознание... умереть...

И вдруг все прекратилось. Он безжизненно повис на веревках, сквозь пелену глядя в горящие красные глаза. Ночная тишина звенела от хохота Упивающихся Смертью.

– Теперь, я полагаю, вы видите: глупо было считать, будто этот мальчишка сильнее меня, – сказал Вольдеморт. – Но ни у кого не должно оставаться и тени сомнения в том, что Гарри Поттер ускользнул от меня лишь благодаря счастливой случайности. Я докажу это, убив его перед всеми вами, здесь и сейчас, когда рядом нет ни Думбльдора, который мог бы ему помочь, ни матери, которая могла бы умереть вместо него. Однако я дам ему шанс. Ему позволено будет сразиться со мной, и вы более ни на миг не усомнитесь, кто из нас сильнее. Подожди еще немножко, Нагини, – шепнул он, и змея отползла к Упивающимся Смертью. – Теперь развязи его, Червехвост, и отдай ему его палочку.

Глава тридцать четвертая

Приори инкантатем

Червехвост направился к Гарри, и тот задергал ногами, пытаясь обрести опору, чтобы не упасть, когда развязнутся веревки. Новой серебряной рукой Червехвост вытащил изо рта у Гарри кляп, а потом одним движением разрубил путы.

Пожалуй, на мгновение у Гарри мелькнула мысль о побеге, но поврежденная нога завихляла, едва он на нее встал, а круг Упивающихся Смертью, подступивших ближе к нему и Вольдеморту, сомкнулся так, что разрывов в кольце уже не было. Червехвост выбрался из круга, сходил туда, где лежал Седрик, вернулся с волшебной палочкой и не глядя грубо пихнул ее Гарри в руки. А потом занял свое место в строю.

– Вас учили драться на дуэли, Гарри Поттер? – негромко спросил Вольдеморт. Красные глаза зловеще сверкнули в темноте.

Гарри вспомнил – как будто это было в прошлой жизни, – что во втором классе однажды посетил Клуб дуэлянтов… выучил он там лишь разоружное заклятие, «экспеллиармус»… Спрашивается, какой толк (даже в том невероятном случае, если это удастся) лишать Вольдеморта волшебной палочки, когда вокруг не меньше тридцати его верных слуг? Нет, Гарри никогда не учили тому, что хоть как-то сейчас бы пригодилось. Он понимал, что вот-вот столкнется с тем самым, против чего всегда предостерегал Хмури… неблокируемое убийственное проклятие… Авара Кедавра… и Вольдеморт прав: мамы рядом нет, умереть за него некому… он совершенно беззащитен…

– Сначала мы должны поклониться друг другу, Гарри, – сказал Вольдеморт, сгибаясь в легком поклоне, но не опуская змеиного лица и не сводя с Гарри глаз. – Давай же, этикет нужно соблюдать… Думблдор был бы доволен, увидев, какой ты воспитанный… поклонись своей смерти, Гарри…

Упивающиеся Смертью загоготали. Безгубый рот Вольдеморта скривился в усмешке. Гарри не стал кланяться. Нет уж, он не позволит

Вольдеморту играть с собой, как кошка с мышью... не доставит ему такой радости...

– Я сказал, *поклонись*. – Вольдеморт махнул палочкой – и Гарри почувствовал, что позвоночник сгибается сам, будто на него давит чья-то невидимая огромная рука. Упивающиеся Смертью умирали со смеху. – Молодец, – похвалил Вольдеморт и стал поднимать палочку – груз со спины Гарри тоже как будто сняли. – А теперь мы сойдемся лицом к лицу... будь мужчиной, встань прямо, смотри гордо – так встретил смерть твой отец... Ну-с – дуэль.

Вольдеморт вскинул палочку, и, не успел Гарри что-то предпринять – в сущности, он не успел даже пошевелиться, – его снова настигло пыточное проклятие. Боль была такой страшной, такой всепоглощающей, что он уже не понимал, где находится... тело пронзали тысячи добела раскаленных клинов... голова сейчас точно расколется... он никогда в жизни так не кричал...

Внезапно боль отпустила. Гарри перекатился по земле и вскочил; его колотило, совсем как Червехвоста, когда тот отрубил себе руку; спотыкающиеся ноги повлекли его к стоящим стеной зрителям, и те толкнули его назад, к Вольдеморту.

– Маленький перерыв, – Вольдеморт в восторге раздул ноздри-прорези, – перерывчик... что, больно, Гарри? Наверное, ты не хочешь, чтобы я повторил, нет?

Гарри не ответил. В безжалостных красных глазах он читал свою судьбу: он умрет, умрет, как Седрик... умрет, и ничего тут не поделаешь... но подыгрывать Вольдеморту он не намерен. Подчиниться ему? Никогда!.. Молить о пощаде? Ни за что!

– Я тебя спрашиваю: ты хочешь, чтобы я повторил? – почти прошептал Вольдеморт. – Отвечай! Империо!

И Гарри ощутил, как из головы улетучиваются все мысли... Как же это приятно, ни о чем не думать, он словно плыл куда-то во сне... *просто скажи «нет»... скажи «нет»... скажи просто «нет»...*

Ни за что, отвечал упрямый голос откуда-то с задворков сознания, не буду говорить, не буду...

Просто скажи «нет»...

Не буду, не буду я этого говорить...

Скажи «нет»...

– НЕ БУДУ!

Последние слова вырвались у Гарри громко, вслух и эхом разнеслись по кладбищу. Дурманная пелена мгновенно спала, будто его окатили холодной водой, – и тотчас возвратилась боль, терзаящая все тело после пыточного проклятия, вернулось ужасающее осознание того, где он находится и что его ждет...

– Ах, не будешь? – тихо повторил Вольдеморт, и на сей раз Упивающиеся Смертью не засмеялись. – Не будешь говорить «нет»? Гарри, послушание – великая добродетель, которую я обязан воспитать в тебе перед тем, как ты умрешь... видимо, для этого потребуется еще одна небольшая доза...

Вольдеморт взмахнул палочкой, но теперь Гарри был готов; рефлекс, выработанный на квидишиных тренировках, швырнул его на землю, Гарри боком откатился за могильный камень и услышал, как тот треснул от удара проклятия.

– Ты перепутал, мы играем не в прятки, Гарри, – невозмутимо произнес ледяной голос, приближаясь, и Упивающиеся Смертью расхохотались опять. – Тебе не удастся от меня отделаться. Означает ли твое поведение, что ты устал от дуэли? Означает ли оно, что ты просишь прикончить тебя сразу? Выходи, Гарри... выходи, продолжим... это быстро... это, наверное, даже не больно... не знаю... никогда не умирал...

Гарри съежился в комок за могильным камнем, понимая, что пришел конец. Надежды нет... помохи ждать неоткуда. Но, прислушиваясь к шагам Вольдеморта, он понимал и другое. Это было сильнее страха, сильнее здравого смысла: он не намерен умирать вот так, укрывшись за камушком, как ребенок, играющий в прятки; не намерен умирать на коленях у ног Вольдеморта... он умрет стоя, как отец, и будет защищаться, хоть это и бесполезно...

Опередив Вольдеморта, не дав ему заглянуть за камень, Гарри встал во весь рост, крепко сжимая палочку. Он выставил ее перед собой и выскоцил из-за надгробия прямо перед врагом.

Тот был готов к нападению. Одновременно с криком Гарри:

– Экспеллиармус! – Вольдеморт выпалил:

– Авада Кедавра!

Из обеих палочек выстрелили лучи света – зеленого у Вольдеморта, красного у Гарри – они встретились в воздухе – и вдруг палочка Гарри сильно завибрировала, будто по ней пошел мощный

электрический ток; рука словно прилипла к палочке, он не смог бы разжать пальцы при всем желании – обе волшебные палочки соединил тонкий световой лучик, не зеленый и не красный, а яркий, сочно-золотой, – и Гарри, изумленно проследив за этим лучиком, понял, что и длинные белые пальцы Вольдеморта тоже прикованы к вибрирующей палочке.

А потом – Гарри был совершенно, совершенно не готов к такому повороту событий – его ноги оторвались от земли. Неведомая сила поднимала их с Вольдемортом в воздух, а волшебные палочки оставались связанные яркой золотой нитью. Оба плавно пролетели над могилой Вольдеморта отца и опустились на участок земли, где не было могил... Упивающиеся Смертью кричали, спрашивали господина, что им делать, затем подбежали, снова сомкнули кольцо... следом поползла змея... кое-кто доставал палочки...

Золотая нить, соединяющая Гарри и Вольдеморта, расщепилась: палочки оставались соединены, но нить превратилась в тысячи нитей, и они взмыли тонкими золотыми арками. Они перекрецивались, и скоро соперники оказались под золотым паутинчатым куполом, в световой клетке, а снаружи шакалами кружили Упивающиеся Смертью... но их вопли теперь доносились как сквозь вату...

– Ничего не делайте! – закричал Вольдеморт своим приспешникам. Гарри видел, что тот ошарашен происходящим – красные глаза округлились в изумлении, – и старается разорвать нить между палочками... Гарри вцепился в свою крепче, обеими руками, и золотая нить осталась невредима. – Ничего не делайте, пока я не прикажу! – снова крикнул Вольдеморт.

И тут в воздухе зазвучало неземное прекрасное пение... пела каждая нить золотого купола. Гарри узнал эти звуки, хотя слышал их всего раз в жизни... то была песнь феникса...

Песнь дарила Гарри надежду... он в жизни не слышал ничего прекраснее и желаннее... ему казалось, песнь звучит не вне, а внутри его... чудесные звуки будто соединили его с Думблдором, он словно услышал дружеский шепот...

Не разрывай связь.

Я знаю, ответил Гарри музыке, я знаю, что нельзя... но стоило так подумать – и держать палочку стало в тысячу раз тяжелее. Она заходила ходуном... луч, соединявший их с Вольдемортом,

изменился... по нему покатились огромные световые бусины – они подкатывали все ближе, и Гарри почувствовал, что палочка вырываетя из рук... луч теперь как будто исходил от Вольдеморта, и палочка Гарри упиралась, сердилась...

Когда ближайшая световая бусина придинулась почти к самому кончику палочки, древесина так раскалилась, что, казалось, вот-вот загорится. Чем ближе была бусина, тем сильнее вибрировала палочка; кажется, соприкосновения она не выдержит, вот-вот разлетится в щепу...

Изо всех оставшихся сил Гарри мысленно принялся толкать бусину назад к Вольдеморту... в ушах звучала песнь феникса, в глазах горела сосредоточенная ярость... это длилось долго, ужасно долго... наконец бусины, подрожав, остановились... а потом, очень-очень медленно, двинулись в другую сторону... и теперь затряслась палочка Вольдеморта... Тот смотрел ошеломленно и даже испуганно...

Крайняя бусина задрожала в паре дюймов от палочки Вольдеморта. Гарри не понимал, что делает и чего хочет достичь... но, собрав всю волю, сконцентрировавшись как никогда в жизни, толкал бусину, загоняя ее обратно в палочку... и она медленно... очень-очень медленно... поползла по золотой нити... вздрогнула... и влилась в палочку Вольдеморта...

Та разразилась воплями страха, боли... а потом – красные глаза в ужасе расширились – из палочки Вольдеморта вылетела полупрозрачная дымчатая рука... она растворилась в воздухе... призрак руки, подаренной Червехвосту... снова крики боли... из палочки постепенно вырастало нечто большое... огромное сероватое нечто, все как будто из густого дыма... голова... грудь и руки... торс Седрика Диггори.

Если Гарри и мог в шоке выронить палочку, это должно было произойти сейчас, но инстинкт его уберег, и золотая нить осталась цела, а густо-серый призрак Седрика (но призрак ли? он такой плотный), словно выдавив сам себя из очень узкого тоннеля, вырвался из палочки Вольдеморта, поднялся в полный рост, внимательно оглядел золотую нить и заговорил.

– Держись, Гарри, – сказал он.

Голос прозвучал словно издалека, отдаваясь эхом. Гарри посмотрел на Вольдеморта. В красных глазах по-прежнему читалось потрясенное

изумление. Как и Гарри, он не ожидал ничего подобного... еле слышно доносились панические вопли Упивающихся Смертью – те бродили вокруг золотого купола...

Из палочки зазвучали новые крики боли и ужаса... что-то еще вырывалось оттуда... еще одна плотная тень... голова, следом руки, торс... стариk, однажды виденный Гарри во сне, выбирался, как Седрик, выталкивал сам себя из палочки... Призрак, или тень, или что там это было, вывалился рядом с Седриком, встал и, опираясь на палку, в легком недоумении обозрел Гарри, Вольдеморта, золотой купол, сцепившиеся палочки...

– Стало быть, он и вправду колдун? – произнес стариk, глядя на Вольдеморта. – Это он меня убил, вот этот вот... Ты уж ему задай, парень...

А из палочки уже лезла следующая голова... женская, словно из дымчатого серого мрамора... Гарри изо всех сил старался удержать палочку – от напряжения у него отчаянно дрожали руки. Женщина упала на землю, выпрямилась, встала рядом с остальными и взорвилась на происходящее...

Круглыми от удивления глазами тень Берты Джоркинс следила за сражением.

– Не отпускай, не отпускай! – выкрикнула она, и ее голос, как и у Седрика, отдавался эхом, будто издалека. – Не сдавайся, Гарри, – не отпускай!

Она и два других призрака принялись расхаживать вдоль стен золотой клетки; снаружи мелькали тени Упивающихся Смертью... мертвые жертвы Вольдеморта ходили вокруг противников кругами, шепотом подбадривали Гарри и с шипением бросали в лицо своему погубителю слова, которых Гарри слышать не мог.

Вот и еще одна голова стала рваться наружу... и Гарри, заметив ее, догадался, кто это... будто знал с самого начала, как только увидел Седрика... знал, потому что именно ее он столько раз вспоминал сегодня...

Дымчатая тень молодой длинноволосой женщины повторила движения Берты: упала, выпрямилась и посмотрела на Гарри... и тот поглядел в призрачное лицо своей матери; руки у него уже ходили ходуном.

– Папа сейчас будет, – тихо проговорила она. – Он хочет тебя увидеть... все будет хорошо... держись...

И он появился... сначала голова, потом тело... высокий мужчина со встрепанными волосами, как у Гарри, дымчатая тень Джеймса Поттера расцвела на кончике палочки Вольдеморта, упала на землю и выпрямилась рядом с женой. Он подошел к Гарри очень близко, поглядел на него и заговорил, тоже издалека и гулко, но тихо, чтобы не услышал Вольдеморт, чье лицо от страха стало сизым:

– Когда связь прервется, мы сможем остаться лишь на несколько мгновений... но мы дадим тебе время... доберись до портшлюса, он возвратит тебя в «Хогварц»... ты понял, Гарри?

– Да, – через силу выговорил тот, сражаясь с палочкой, которая вырывалась, выскальзывала из пальцев.

– Гарри, – прошептала тень Седрика, – отнеси мое тело назад, ладно? К родителям...

– Обязательно, – пообещал Гарри, морщась от напряжения.

– Давай, – шепнул голос отца, – приготовься сразу бежать... давай...

– Да! – заорал Гарри, чувствуя, что все равно больше не продержится ни секунды. Он рванул палочку вверх, и золотая нить порвалась; световой купол исчез, песнь феникса смолкла, не исчезли только тени – они обступили Вольдеморта, преграждая ему путь к Гарри...

И Гарри бросился бежать, как никогда еще не бегал в своей жизни. Отшвырнув по дороге двух ошелелых Упивающихся Смертью, он зигзагами понесся меж могил, зная, что вслед бьют проклятия, слыша, как они крошат памятники; он вилял, петлял между надгробьями, он мчался к телу Седрика, забыв о больной ноге, помня только о своей цели...

– *Сиибить!* – донесся вопль Вольдеморта.

До Седрика оставалось десять футов. Гарри нырнул за мраморного ангела. Мимо просвистел красный световой заряд, и у ангела откололся кончик крыла. Гарри крепче сжал палочку и выпрыгнул из-за ангела...

– Импедимента! – взревел он и через плечо ткнул палочкой в Упивающихся Смертью.

По приглушенному воплю он понял, что попал по крайней мере в одного, но времени оборачиваться не было; он перепрыгнул Тремудрый Приз и пригнулся, услышав сзади залпы; над головой пронеслись новые световые заряды. Гарри упал, потянулся к руке Седрика...

– Отойдите! Я убью его! Он мой! – завизжал Вольдеморт.

Гарри схватил Седрика за запястье; от Вольдеморта их отделяет могильный камень, но Седрик такой тяжелый, а до Приза отсюда не дотянуться...

В темноте блеснули красные глаза. Гарри увидел, как рот Вольдеморта кривится в улыбке, как Вольдеморт поднимает палочку.

– Акцио! – заорал Гарри, указав палочкой на Тремудрый Приз.

Кубок взмыл в воздух и прыгнул к нему – Гарри схватился за ручку...

Он одновременно услышал разъяренный вопль Вольдеморта и почувствовал, как что-то дернуло его за пупок, а это означало, что портшлюс сработал, – в вихре ветра и цветовых пятен их с Седриком уносило назад... они возвращались...

Глава тридцать пятая

Признавалиум

Гарри всем телом рухнул на землю, лицом в траву – ее запах наполнил ноздри. В полете он закрыл глаза и сейчас не открывал. Он не шевелился. У него не было сил даже дышать, голова сильно кружилась, его словно качало на палубе корабля. Чтобы хоть как-то остановить эту качку, он крепче вцепился в два предмета, которые так и не выпустил, – гладкую, прохладную ручку призового кубка и тело Седрика. Стоит их выпустить, казалось Гарри, он провалится в черноту, что сгущалась по краям сознания. Крайнее изнеможение и шок не давали подняться; он лежал, вдыхая запах травы, и ждал... ждал, пока кто-нибудь что-нибудь сделает... пока что-нибудь произойдет... а шрам все саднил и саднил...

Оглушив и сбив с толку, на него вдруг обрушился ураган звуков – голоса, топот, крики... он оставался недвижим, но лицо мучительно исказилось – грохот причинял страдания, и Гарри терпеливо ждал, пока этот кошмар закончится.

Затем его жестко схватили и перевернули навзничь.

– Гарри! Гарри!

Он открыл глаза.

И неподвижно уставился в звездное небо. Над ним склонялся Альбус Думблдор. Вокруг, надвигаясь, теснились черные тени – Гарри ощущал, как от их шагов дрожит под затылком земля.

Он лежал у границы лабиринта. Ввысь уходят трибуны, на них шевелятся силуэты, вверху звезды...

Гарри выпустил Приз, но еще крепче вцепился в Седрика. Свободной рукой впился в запястье Думблдору. Лицо директора пульсировало перед глазами, то расплываясь, то становясь четче.

– Он вернулся, – прошептал Гарри. – Он вернулся. Вольдеморт.

– Что такое? Что случилось?

Над Гарри появилось перевернутое лицо Корнелиуса Фуджа – белое, смятенное.

— Святое небо... Диггори! — зашевелило губами оно. — Думбльдор!.. Он мертв!

Эти слова стали повторять, теснившиеся в первых рядах передавали их стоящим сзади... а те принялись выкрикивать — истощно — в ночь:

— Он мертв!

— Он *мертв*!

— Седрик Диггори! *Мертв*!

— Гарри, отпусти его, — раздался голос Фуджа, и чьи-то пальцы попытались оторвать руку Гарри от безжизненного тела — но он не отпустил Седрика.

Тогда к нему приблизилось лицо Думбльдора, все еще размытое, как в тумане:

— Гарри, ты больше не можешь ему помочь. Все закончилось. Отпусти.

— Он просил принести его назад, — забормотал Гарри — казалось, очень важно это объяснить. — Он специально просил. Чтобы я отнес его к родителям...

— Понятно, Гарри... а сейчас отпусти, ну-ка...

Думбльдор нагнулся и, явив силу, удивительную для такого худого и пожилого человека, поднял Гарри с земли и поставил на ноги. Гарри покачнулся. В голове был молот. Раненая нога отказывалась держать. Вокруг все толкались, стараясь подобраться ближе, надвигаясь темной массой:

— Что случилось?

— Что с ним такое?

— *Диггори умер*!

— Его нужно в лазарет! — громко выкрикивал Фудж. — Ему плохо, он ранен — Думбльдор, здесь же родители Диггори, они на трибуне...

— Я возьму Гарри, Думбльдор, я его возьму...

— Нет, я бы предпочел...

— Думбльдор, сюда бежит Амос Диггори... вот он уже... вам не кажется, что его надо предупредить... до того, как он увидит?..

— Гарри, постой здесь...

Девочки визжали, истерически рыдали... Перед глазами у Гарри все мелькало...

— Все хорошо, сынок, я здесь... пойдем-ка... в лазарет...

— Думбльдор сказал постоять, — невнятно возразил Гарри. От пульсирующей боли в шраме все вокруг расплывалось; кажется, его сейчас вырвет.

— Тебе надо лечь... пошли, пошли...

Кто-то большой и сильный наполовину нес, наполовину волок его, проталкиваясь сквозь перепуганную толпу, — Гарри слышал аханье, крики, взвизгивания. Дальше, дальше, по газону, мимо озера, мимо дурмштранговского корабля. Гарри ничего не слышал, кроме тяжелого дыхания человека, помогавшего ему идти.

— Что произошло, Гарри? — спросил наконец человек, затачивая Гарри на ступени парадного входа. Клац. Клац. Клац. Это Шизоглаз Хмури.

— Приказался портшлюсом, — объяснил Гарри по дороге через вестибюль. — Нас с Седриком отнесло на кладбище... там был Вольдеморт... Лорд Вольдеморт...

Клац. Клац. Клац. Вверх по мраморной лестнице...

— Там был Черный Лорд? И что?

— Седрика убили... Они убили Седрика...

— А потом?

Клац. Клац. Клац. По коридору...

— Они сварили зелье... и он вернул свое тело...

— Черный Лорд вернул себе тело? Он возродился?

— Появились Упивающиеся Смертью... а потом мы дрались на дуэли...

— Ты дрался на дуэли с Черным Лордом?

— Я спасся... моя палочка... сделала что-то непонятное... я видел маму с папой... они вышли из его палочки...

— Заходи сюда, Гарри... заходи, садись... теперь все в порядке... выпей вот это...

Гарри услышал скрежет ключа в замке, почувствовал, как ему в руки суют чашку.

— Выпей... станет лучше... и давай же, Гарри, мне нужно знать в точности, что произошло...

Хмури помог Гарри глотнуть жидкость — горло ожег острый перечный вкус, Гарри закашлялся. Очертания кабинета сразу сделались четче, как и очертания самого Хмури... тот был бледен, как Фудж, и, не мигая, обоими глазами смотрел в лицо Гарри.

– Значит, Вольдеморт вернулся? Ты уверен, что он вернулся? Как он это сделал?

– Он взял кое-что из могилы своего отца, и у Червехвоста, и у меня, – объяснил Гарри. В голове прояснилось, шрам уже не так болел, Гарри хорошо видел лицо Хмури, хотя в кабинете было темно. С далекого квидишного поля доносились визги и вопли.

– Что взял у тебя Черный Лорд? – спросил Хмури.

– Кровь, – сказал Гарри, поднимая руку. Рукав мантии был порван там, куда Червехвост вонзил клинок.

Хмури длинно, с присвистом, выдохнул.

– А Упивающиеся Смертью? Тоже вернулись?

– Да, – кивнул Гарри. – Их очень много…

– Как он с ними обошелся? – тихо спросил Хмури. – Простили?

Но Гарри внезапно вспомнил что-то очень важное. Надо было сказать Думбльдору, надо было сразу сказать…

– В «Хогварце» есть Упивающийся Смертью! Он здесь, у нас – он поместил в Кубок мою заявку и сделал так, чтобы я дошел до конца Турнира…

Гарри попытался встать, но Хмури толкнул его обратно.

– Я знаю, кто этот Упивающийся Смертью, – спокойно произнес он.

– Каркаров? – дико вскричал Гарри. – Где он? Вы его схватили? Его заперли?

– Каркаров? – странно хохотнул Хмури. – Каркаров сбежал сегодня, едва почувствовав жжение Смертного Знамени. Он предал слишком многих верных последователей Черного Лорда, он боится встречи с ними… впрочем, сомневаюсь, что ему удастся далеко убежать. У Черного Лорда есть способы выследить врага.

– Каркаров *сбежал*? Взял и сбежал? Но, значит… это не он положил в Кубок мою заявку?

– Нет, – медленно проговорил Хмури, – нет, не он. Это сделал я.

Гарри расслышал, но не поверил.

– Нет, не вы, – он замотал головой, – вы этого не делали… вы бы не могли…

– Уверяю тебя, это был я, – сказал Хмури, и его волшебный глаз провернулся в глазнице и замер на двери. Гарри понял, что Хмури проверяет, нет ли за ней кого-нибудь. Одновременно Хмури достал

волшебную палочку и навел ее на Гарри. – Значит, он простил их, да? – пробормотал он. – Упивающихся Смертью, которые гуляли на свободе? Тех, кто не был в Азкабане?

– Что?

Гарри смотрел на палочку Хмури. Это какая-то дурацкая шутка, больше ничего.

– Я спрашиваю тебя, – раздельно повторил Хмури, – простил ли он мерзавцев, которые даже не пытались его разыскать? Трусов и предателей, которые не нашли в себе смелости пойти ради него в Азкабан? Неверных жалких негодяев, у которых хватило наглости скакать под масками на финале кубка, но которые сбежали, стоило мне создать Смертный Знак?

– Вы создали... о чём вы?..

– Я говорил тебе, Гарри... я тебе говорил... Что я ненавижу на свете, так это Упивающегося Смертью, который разгуливает на свободе. Они отвернулись от моего господина, когда он более всего в них нуждался. Я ждал, что он их накажет. Я ждал, что он будет их пытать. Скажи мне, Гарри, скажи, что он сделал им очень больно... – На лице Хмури вдруг зажглась безумная улыбка. – Скажи, он говорил им, что только я, я один, остался ему верен?.. Готов был пожертвовать собой, лишь бы доставить ему то единственное, чего он желал более всего на свете... *тебя*...

– Нет, это не вы... это... не могли быть вы...

– А кто поместил в Кубок заявку от твоего имени и от другой школы? Я. Кто охранял тебя от всякого, кто мог тебе навредить и помешать выиграть Турнир? Я. Кто надоумил Огрида показать тебе драконов? Снова я. Кто помог тебе понять, что ты можешь победить дракона только одним способом? Я, я, я!

Волшебный глаз Хмури отвернулся от двери. И вперился в Гарри. Кривой рот развязился в широкой ухмылке.

– Это было не так-то просто, Гарри, – провести тебя через все эти испытания и не вызвать подозрений. Мне понадобилась вся моя хитрость, чтобы за твоими успехами не проглядывало мое вмешательство. Думбльдор сразу бы заподозрил неладное, если бы тыправлялся слишком легко. Я знал: только когда ты окажешься в лабиринте, причем желательно имея фору, у меня будет шанс отделаться от других чемпионов, расчистить тебе путь. Но, кроме

всего прочего, мне приходилось бороться и с твоей тупостью. Второе испытание... вот когда я всерьез опасался, что мы потерпим неудачу. Я следил за тобой, Поттер. Я знал, что ты не разгадал загадку, и мне опять пришлось намекнуть...

— Это не вы, — хрипло возразил Гарри, — это Седрик...

— А кто сказал Седрику, что яйцо надо открывать под водой? Я! Я никак не сомневался, что он с тобой поделится. Честными людьми очень просто манипулировать, Поттер. Я был уверен: Седрик сочтет, что обязан отблагодарить тебя за подсказку про драконов, — так оно и вышло. Но даже тогда, даже тогда, Поттер, ты чуть было не умудрился проиграть. Я следил за тобой постоянно... столько часов в библиотеке. Как же ты не догадался, что нужная книга все это время была у вас в спальне? Я подсунул ее тебе под самый нос, я дал ее этому мальчишке, Лонгботту, не помнишь? «Отличительные свойства волшебных водных растений Средиземноморья». Там ты все прочел бы про жаброводоросли. Я рассчитывал, что ты будешь просить помощи у всех подряд. Лонгботтом тебе сказал бы тут же. Но нет... ты не стал. Твои дурацкие гордость и независимость чуть было не испортили все дело... Что мне оставалось? Я скормил тебе сведения из других невинных рук. На Рождественском балу ты сказал мне, что домовый эльф по имени Добби подарил тебе носки. Я вызвал эльфа в учительскую, чтобы он забрал одежду в стирку. И затеял при нем громкий разговор с профессором Макгонаголл о том, кого возьмут в заложники, и о том, догадается ли Поттер использовать жаброводоросли... Твой маленький друг тут же помчался в личное хранилище Злея, а потом побежал искать тебя...

Палочка Хмури по-прежнему целилась Гарри прямо в сердце. За плечом Хмури, в Зеркале Заклятых, двигались тени.

— Ты так долго болтался в озере, Поттер, — я уж думал, что ты утонул. Но, к счастью, Думблэдор принял твоё слабоумие за благородство и решил тебя вознаградить. А я вздохнул с облегчением... И разумеется, сегодня в лабиринте тебе было гораздо легче, чем полагалось. Все потому, что я был рядом. Я патрулировал у стен лабиринта, видел, что происходит внутри, и мог отгонять от тебя всякую нечисть. Я обездвижил Флёр Делакёр. Я наложил проклятие подвластия на Крума, чтобы он покончил с Диггори и освободил тебе дорогу к Призу.

Гарри расширенными глазами смотрел на Хмури. Как это может быть?.. Друг Думбльдора, знаменитый аврор... поймал столько Упивающихся Смертью... какой-то бред...

Туманные тени в Зеркале Заклятых становились четче. За плечом у Хмури Гарри видел три силуэта, и они подходили все ближе. Сам Хмури их не замечал – он не сводил волшебного глаза с Гарри.

– Черному Лорду не удалось тебя прикончить, а он этого *так* хотел, – прошептал Хмури. – Только представь, как он вознаградит меня, когда узнает, что я сделал это за него. Сначала я дал ему тебя – чтобы возродиться, в тебе он нуждался больше всего, – а теперь я тебя убью. Меня вознесут надо всеми Упивающимися Смертью. Я буду самый близкий, самый дорогой ему человек... я стану ему роднее сына...

Нормальный глаз Хмури выкатился из орбиты, а волшебный по-прежнему сверлил Гарри. Дверь заперта. Гарри понимал, что выхватить палочку не успеет...

– У нас с Черным Лордом, – выкрикнул Хмури, окончательно, видимо, обезумев, – много общего! Например, у нас обоих в жизни не задалось с отцами... не задалось. И мы оба вынужденыечно страдать от того, что нас назвали в их честь. И оба имели удовольствие... огромное удовольствие... прикончить их во имя Черного Порядка!

– Вы псих, – не удержался Гарри, – настоящий псих!

– Это я-то псих? – не контролируя себя, взревел Хмури. – Это мы еще посмотрим, кто псих! Посмотрим, кто псих, теперь, когда Черный Лорд вернулся, а я подле него! Он вернулся, Гарри Поттер, ты его не одолел... зато сейчас – я одолею тебя!

Хмури поднял палочку, открыл рот, Гарри быстро сунул руку в карман за своей палочкой...

– Обомри!

С ослепительной красной вспышкой, с грохотом и треском дверь кабинета взорвалась...

Хмури отшвырнуло назад, он упал на пол. Гарри, не отведя взгляда оттуда, где только что был Хмури, смотрел теперь в Зеркало Заклятых на Альбуса Думбльдора, профессора Злея и профессора Макгонаголл. Затем обернулся и увидел их же в дверном проеме. Первым, выставив вперед волшебную палочку, стоял Думбльдор.

И в этот момент Гарри постиг, почему про Думбльдора говорят, что он единственный колдун, которого боится Вольдеморт. Невозможно было вообразить взгляда страшнее того, которым Думбльдор пронзal лежащего на полу без сознания Шизоглаза Хмури. Ни следа доброжелательной улыбки, в глазах за очками не посверкивали лукавые огоньки... каждая черточка этого древнего лица горела холодной яростью... от Думбльдора исходила властная сила, он как будто источал жар...

Он шагнул в кабинет и ногой перекатил Хмури на спину, чтобы видно было лицо. Злей вошел следом и посмотрел в Зеркало Заклятых, где его отражение еще свирепо взирало в комнату с порога.

Професор Макгонаголл кинулась прямо к Гарри.

– Пойдемте, Поттер, – прошептала она. Тонкие губы кривились, будто она вот-вот расплачется. – Пойдемте... в лазарет...

– Нет, – резко возразил Думбльдор.

– Думбльдор, это необходимо – посмотрите на него – он столько пережил...

– Он останется, Минерва, потому что он должен понять, – отрезал Думбльдор. – Понять – значит принять, а только приняв, он сможет оправиться от пережитого. Он должен знать, кто и почему подверг его чудовищным испытаниям.

– Хмури, – оторопело произнес Гарри. Мозг все еще отказывался верить. – Как это мог быть Хмури?

– Это не Аластор Хмури, – тихо сказал Думбльдор. – Ты никогда не встречал настоящего Аластора Хмури. Настоящий Хмури не увел бы тебя от меня после того, что случилось сегодня. Как только он тебя забрал, я все понял – и пошел следом.

Думбльдор склонился над безжизненным телом и запустил руку под мантию. Он достал фляжку и связку ключей. Затем повернулся к Злею и Макгонаголл:

– Злотеус, пожалуйста, принесите мне самое сильное исповедальное зелье, какое только у вас есть, а затем пойдите на кухню и приведите эльфа по имени Винки. Минерва, прошу вас, сходите к Огриду, у него там на тыквенном огороде вы найдете большую черную собаку. Отведите ее в мой кабинет и скажите ей, что я скоро буду, а потом возвращайтесь сюда.

Если Макгонаголл и Злей и сочли эти распоряжения странными, то не подали виду. Оба развернулись и покинули кабинет. Думбльдор подошел к сундуку с семью замками, вставил первый ключ в замок и поднял крышку. Под ней лежала груда книг. Думбльдор опустил крышку, вставил в замок второй ключ и снова открыл сундук. Книги исчезли, на этот раз внутри оказались сломанные горескопы, перья, пергамент и нечто похожее на серебристый плащ-невидимку. Гарри изумленно наблюдал, как Думбльдор вставляет в замки третий, четвертый, пятый и шестой ключи, и всякий раз в сундуке обнаруживалось что-то новенькое. Наконец он вставил в замок седьмой ключ, и когда откинулась крышка, Гарри ахнул.

Внутри оказалась десятифутовой глубины яма, что-то вроде подземной комнаты, а на полу спал худой и, похоже, долго голодавший настоящий Шизоглаз Хмури. Деревянной ноги не было, вместо волшебного глаза – пустая глазница, несколько прядей спутанных седеющих волос неровно обстрижены. Гарри ошеломленно переводил взгляд с одного Хмури, спящего в сундуке, на другого, без сознания лежащего на полу в кабинете.

Думбльдор забрался в сундук, опустился внутрь и легко спрыгнул на пол возле спящего Хмури. Склонился над ним.

– Сшиблен – под проклятием подвластия – очень слаб, – констатировал он. – Естественно, он был нужен им живым. Гарри, брось сюда плащ самозванца. Аластор совсем замерз. Его нужно будет сразу же показать мадам Помфри, но его жизнь, похоже, вне опасности.

Гарри сделал то, о чем его попросили. Думбльдор укрыл Хмури, тщательно подоткнул вокруг него плащ и выбрался из сундука. Затем взял со стола фляжку, отвинтил крышку и перевернул. На пол плюхнулись капли густой вязкой жижи.

– Это всеэссенция, Гарри, – сказал Думбльдор. – Видишь, как просто – и как гениально. Хмури пьет только из своей фляжки, это всем известно. Самозванцу, разумеется, нужно было держать настоящего Хмури под рукой, чтобы изготавливать новые порции зелья. Волосы, да? – Думбльдор бросил взгляд на дно сундука. – Самозванец обстригал их весь год – видишь, неровные? Но, кажется, сегодня вечером наш мнимый Хмури увлекся и забыл, что зелье нужно принимать регулярно... по часам... каждый час... скоро увидим.

Думблдор отодвинул кресло от стола и сел, устремив взгляд на неподвижную фигуру на полу. Гарри тоже уставился на лже-Хмури. Минуты проходили в молчании...

Затем прямо на глазах лица лежащего на полу человека стало меняться. Исчезали шрамы, разглаживалась кожа, поврежденный нос сделался целым и начал уменьшаться. Длинные седые волосы втянулись в голову и стали соломенными. С громким «щелк» неожиданно отвалилась деревянная нога, уступив место выросшей нормальной; через мгновение из глазницы выскочил волшебный глаз, и его заменил обычный. Волшебный глаз покатился по полу, продолжая зиркать во все стороны.

Перед Гарри лежал светловолосый человек с бледными веснушками на бледном лице. Гарри его узнал. Он видел этого человека в дубльдуме, видел, как дементоры уводили его из зала суда, видел, как он убеждал мистера Сгорбса, что невиновен... только теперь вокруг глаз у него появились морщины, и выглядел он много старше...

В коридоре послышались торопливые шаги. Вернулся Злей и привел с собой Винки. Следом тотчас вошла профессор Макгонаголл.

– Сгорбс! – Злей как вкопанный остановился в дверях. – Барти Сгорбс!

– Святое небо, – профессор Макгонаголл тоже замерла и уставилась на неподвижное тело.

Из-за ноги Злея выглянула грязная, растрепанная Винки. Она широко раскрыла рот и пронзительно завопила:

– Господин Барти, господин Барти, что вы тут делаете?

И бросилась на грудь молодому человеку.

– Вы его убили! Вы его убили! Вы убили хозяйского сына!

– Его всего лишь сшибли, Винки, – проговорил Думблдор. – Будь добра, отойди в сторонку. Злотеус, вы принесли зелье?

Тот предъявил стеклянный пузырек с прозрачной жидкостью – тот самый признавалиум, которым он недавно угрожал Гарри. Думблдор встал из-за стола, наклонился над лежащим и усадил его, привалив к стене под Зеркалом Заклятых, откуда на присутствующих по-прежнему сурово взирали отражения Думблдора, Злея и Макгонаголл. Винки осталась стоять на коленях – она дрожала и закрывала руками лицо.

Думбльдор силой открыл молодому человеку рот и влил туда три капли зелья. Затем палочкой указал на его грудь и велел:

– Воспрянь.

Сын Сгорбса открыл глаза. Взгляд его был бессмыслен, глаза пусты. Думбльдор опустился перед ним, чтобы говорить ему прямо в лицо.

– Ты меня слышишь? – тихо спросил Думбльдор. Веки молодого человека задрожали.

– Да, – еле слышно пробормотал он.

– Расскажи нам, пожалуйста, – мягко начал Думбльдор, – как ты здесь оказался. Как ты сбежал из Азкабана?

Сгорбс сделал долгий, судорожный вдох и заговорил ровно и безжизненно:

– Меня спасла мать. Она знала, что умирает. И уговорила отца выполнить ее последнюю просьбу – спасти сына. Он любил ее так, как никогда не любил меня. И согласился. Они пришли меня навестить. Дали мне всеэссенцию с волосом моей матери. А она выпила всеэссенцию с моим волосом. Мы поменялись обличиями.

Дрожащая с головы до ног Винки затрясла головой:

– Молчите, господин Барти, молчите, не говорите больше ничего, вы сделаете плохо вашему отцу!

Но Сгорбс лишь снова глубоко вдохнул и продолжал все так же сухо:

– Дементоры слепые. Они почуяли, что в Азкабан вошел один здоровый и один умирающий. А потом почуяли, что из Азкабана выходит один здоровый и один умирающий. Отец вынес меня, переодетого в одежду матери, на случай, если заключенные увидят нас сквозь решетку... Мама вскоре умерла в Азкабане. До самого конца она старательно принимала всеэссенцию. Ее похоронили в моем обличии и под моим именем. Все считали, что она – это я.

Веки молодого человека дрогнули.

– А что сделал с тобой отец, когда ты снова оказался дома? – тихо спросил Думбльдор.

– Инсценировал мамину смерть. Тихие похороны, пустая могила. Наш домовый эльф, Винки, выходила меня, вернула к жизни. После этого я должен был скрываться от людей. Меня нужно было держать под контролем. Отец заклинаниями подавлял мою волю. Когда ко мне

вернулись силы, я мечтал только об одном – найти моего господина... вернуться к нему и служить ему.

– Как отец подавлял твою волю? – спросил Думбльдор.

– Проклятие подвластия, – ответил бывший Хмури. – Он полностью контролировал меня. Заставлял днем и ночью носить плащ-невидимку. Я всегда был под надзором домового эльфа. Она была моим сторожем и моей нянькой. Она меня жалела. Уговаривала отца изредка баловать меня чем-нибудь. В награду за хорошее поведение.

– Господин Барти, господин Барти, – зарыдала Винки из-под пальчиков, – нельзя это рассказывать, нам будет плохо...

– Кто-нибудь еще знал, что ты жив? – по-прежнему мягко допрашивал Думбльдор. – Кроме твоего отца и домового эльфа?

– Да, – ответил Сгорбс, и его веки вновь дрогнули. – Ведьма из департамента моего отца. Берта Джоркинс. Она пришла к нам домой, принесла отцу бумаги на подпись. Его дома не было. Винки провела ее в дом и вернулась на кухню ко мне. Но Берта Джоркинс услышала, как Винки со мной разговаривает. И подкралась разведать. Услышала достаточно и догадалась, кто скрывается под плащом-невидимкой. Отец вернулся домой. Она набросилась на него с обвинениями. Он наложил на нее очень сильное заклятие забвения. Слишком сильное. Сказал, что оно навсегда повредило ее память.

– А чего она полезла в личные дела хозяина? – плакала Винки. – Чего ей было от нас надо?

– Расскажи про финальный матч чемпионата мира, – велел Думбльдор.

– Это Винки уговорила моего отца, – монотонно отвечал Сгорбс. – Умоляла долгие месяцы. Я уже многие годы не выходил из дома. А я когда-то очень любил квидиш. Отпустите его, просила она. Он не будет снимать плащ-невидимку. Пусть посмотрит матч. Хоть на воздухе побудет. Сказала отцу, что мама умерла ради моей свободы. Что она спасала меня не для тюремного заточения. В конце концов он согласился... Все было тщательно спланировано. Отец отвел нас с Винки в Высшую ложу рано утром. Винки должна была говорить, что держит место для отца. А я должен был сидеть тихо под плащом-невидимкой. Мы бы ушли последними. Винки была бы как будто одна. Никто бы ничего не узнал.

– Но Винки понятия не имела, что я стал сильнее. Я боролся с проклятием подвластия. Ненадолго выходил из-под отцовского контроля и временами становился почти самим собой. Все случилось там, в Высшей ложе. Я как будто очнулся от долгого сна. Вокруг люди, идет игра, и я вдруг вижу палочку – она высовывается из кармана у мальчика впереди. Последний раз я держал в руках палочку еще до Азкабана. И я ее украл. Винки не знала. Винки боится высоты. Она прятала лицо.

– Господин Барти, хулиган вы этакий! – прошептала Винки, и между пальцев просочились слезы.

– Значит, ты взял палочку, – сказал Думбльдор, – и что же ты с нею сделал?

– Мы возвратились в палатку, – продолжал рассказ Сгорбс. – А потом услышали их. Упивающихся Смертью. Из тех, кто никогда не был в Азкабане. Кто не страдал за моего господина. Они отвернулись от него. При этом их никто не порабощал. Они были вольны разыскать его, но не захотели. Они просто решили позабавиться с муглами. Их голоса разбудили меня. В голове прояснилось, впервые за долгие годы. Я был в ярости. У меня была палочка. Я хотел напасть на них за то, что они предали моего господина. Отца в палатке не было, он ушел спасать муглов. Увидев меня в такой ярости, Винки испугалась. Она держала меня своей, особой, магией. Утащила из палатки в лес, подальше от Упивающихся Смертью. Я сопротивлялся. Я хотел вернуться в лагерь. Хотел показать этим неверным, что означает служение Черному Лорду, и как следует их наказать. Я воспользовался украденной палочкой и запустил в небо Смертный Знак... Прибыли сотрудники министерства. Принялись бить во все стороны сногшибателями. Один попал туда, где прятались мы с Винки. Связь между нами разорвалась. Нас обоих сшибли... Когда Винки обнаружили, отец понял, что я где-то рядом. Он обшарил кусты там, где ее нашли, и нашупал меня. Подождал, пока уйдут представители министерства. Снова наложил на меня проклятие подвластия и забрал домой. Винки он уволил. Она его подвела. Не уследила, и мне в руки попала палочка. Я чуть было не сбежал.

Винки издала вопль отчаяния.

– Мы остались в доме вдвоем, отец и я. А потом... потом... – Голова Сгорбса запрокинулась, и по лицу расползлась безумная

улыбка. – Мой господин пришел за мной... Это случилось однажды ночью. Его принес слуга, Червехвост. Господин узнал, что я жив. В Албании ему удалось схватить Берту Джоркинс. Он ее пытал. Она многое рассказала. Про Тремудрый Турнир. Про то, что старый аврор Хмури будет учителем в «Хогварце». Господин пытал ее, пока не разбил заклятие забвения, наложенное моим отцом. И узнал от нее, что я сбежал из Азкабана. Что отец держит меня в заточении, не пускает на поиски моего господина. Так господин узнал, что я по-прежнему его верный слуга – может быть, самый верный из всех. Узнав все это, мой господин замыслил план. Я был ему нужен. Он прибыл к нам в дом около полуночи. Дверь открыл мой отец.

Безумная улыбка шире разлилась по лицу – младший Сгорбс вспоминал сладчайший миг своей жизни. Потрясенные глаза Винки светились между пальцев. От ужаса она онемела.

– Все произошло очень быстро. Господин наложил на моего отца проклятие подвластия. Теперь отец стал заключенным, теперь контролировали его. Господин заставлял его заниматься делами, будто ничего не произошло. А я освободился. Проснулся. Снова стал самим собой, *живым*, каким не был долгие годы.

– И чего же хотел от тебя Лорд Вольдеморт? – спросил Думблдор.

– Он спросил, готов ли я ради него пожертвовать всем. Я сказал, что готов. Это была моя мечта, мое главное счастье – служить ему, доказать свою преданность. Он сказал, что должен поместить в «Хогварц» верного человека. Этот человек незаметно приведет Гарри Поттера к победе в Тремудром Турнире. Будет приглядывать за Гарри Поттером. Превратит Тремудрый Приз в портшлюс и позаботится о том, чтобы Поттер добрался до него первым, чтобы Приз отнес его к моему господину. Но сначала...

– Тебе нужен был Аластор Хмури, – промолвил Думблдор. Его голубые глаза полыхали страшным огнем, но голос оставался спокойным.

– Мы с Червехвостом все организовали. Заранее подготовили всеэссенцию. Забрались к Хмури в дом. Он боролся. Поднял шум. Мы еле-еле успели его утихомирить. Сунули в его же собственный сундук. Взяли его волосы и добавили во всеэссенцию. Я выпил ее и стал двойником Хмури. Взял себе его глаз и ногу. Я успел до того, как Артур Уизли прибыл разбираться с муглами, которые слышали шум. Я

заставил мусорные баки перемещаться по двору. Сказал Артуру Уизли, будто слышал, как кто-то забрался ко мне во двор и потревожил баки. Потом я упаковал вещи Хмури, все его детекторы зла, сложил в сундук вместе с их хозяином и отправился в «Хогварц». Хмури был жив, но я держал его под проклятием подвластия. Я хотел допрашивать его. Узнавать историю, изучать привычки, чтобы обмануть даже Думбльдора. И мне нужны были его волосы, чтобы готовить зелье. С остальными ингредиентами оказалось просто. Кожу бумсланга я украл в подземелье. А когда учитель зелье делия застал меня в своем кабинете, я сказал, что у меня есть приказ провести там обыск.

— А куда делся Червехвост, после того как вы напали на Хмури? — спросил Думбльдор.

— Червехвост вернулся в дом моего отца, заботиться о моем господине и следить за моим отцом.

— Но твой отец сбежал, — сказал Думбльдор.

— Да. Позже он, как и я, научился бороться с проклятием подвластия. Временами он понимал, что происходит. Господин решил, что отца больше нельзя выпускать из дома. Заставлял его посыпать в министерство письма. Вынудил сказаться больным. Но Червехвост пренебрег своими обязанностями. Он плохо следил, и отец сбежал. Господин догадался, что он направился в «Хогварц». Мой отец хотел во всем признаться Думбльдору. Хотел сознаться, что выкрад мене из Азкабана... Господин сообщил, что мой отец сбежал. Велел остановить его любой ценой. Я выжидал, следил. Пользовался картой, которую взял у Гарри Поттера. Картой, которая чуть было все не погубила.

— Картой? — живо переспросил Думбльдор. — Что за карта?

— Карта «Хогварца». Она принадлежит Поттеру. Он увидел меня на ней. Увидел, как я краду компоненты для зелья из кабинета Злея. Он принял меня за моего отца, потому что у нас одинаковое имя. В ту ночь я забрал у Поттера карту. Сказал, что мой отец ненавидит черных магов. Поттер поверил, что мой отец выслеживал Злея... Примерно неделю я ждал прибытия отца в «Хогварц». Наконец как-то вечером я увидел его на карте. Я надел плащ-невидимку и спустился во двор ему навстречу. Он шел по опушке леса. И вдруг появились Поттер и Крум. Я затаился. Поттера нельзя было трогать, он требовался моему

господину. Поттер побежал за Думблдором. Я сшиб Крума. И убил отца.

— *He-e-e-e-e-em!* — взвыла Винки. — Господин Барти, господин Барти, что же вы такое говорите?!

— Ты убил своего отца, — мягко повторил Думблдор. — Что ты сделал с телом?

— Отнес в лес. Накрыл плащом-невидимкой. Карта была у меня с собой. Я видел, как Поттер прибежал в замок. Он встретил Злея. Потом к ним пришел Думблдор. Я видел, как Поттер ведет Думблдора из замка. Я вышел из леса, обогнул их с тыла, подошел. Сказал Думблдору, что это Злей объяснил мне, куда идти... Думблдор велел найти моего отца. Я вернулся к телу. Следил по карте. Когда все ушли, я превратил моего отца в кость... и, надев плащ-невидимку, зарыл на свежевскопанном участке перед хижиной Огрида.

Воцарилось молчание, прерываемое лишь плачем Винки.

Затем Думблдор произнес:

— А сегодня...

— Сегодня перед ужином я вызвался отнести Тремудрый Приз в лабиринт, — прошептал Барти Сгорбс. — Превратил его в портшлюс. План моего господина удался. Он вернул себе власть и теперь вознаградит меня превыше всех мечтаний.

Безумная улыбка вновь озарила его черты, а потом его голова упала на плечо. Рядом рыдала безутешная Винки.

Глава тридцать шестая

Пути расходятся

Думблдор встал и сверху вниз с отвращением посмотрел на Барти Сгорбса. Затем взмахнул палочкой, и из нее вылетели веревки, туго связавшие пленника.

Думблдор повернулся к профессору Макгонаголл:

— Минерва, можно попросить вас посторожить его, пока я отведу Гарри наверх?

— Конечно, — отозвалась профессор Макгонаголл. Лицо у нее было слегка брезгливое, словно при ней только что кого-то стошило. Тем не менее она достала волшебную палочку и направила ее на Барти Сгорбса твердой рукой.

— Злотеус, — Думблдор повернулся к Злею, — попросите, пожалуйста, мадам Помфри спуститься сюда. Аластора Хмури нужно отправить в лазарет. Затем пойдите во двор, разыщите Корнелиуса Фуджа и приведите его в этот кабинет. Он, без сомнения, захочет сам допросить Сгорбса. А если ему понадобится видеть меня, скажите, что через полчаса я буду в лазарете.

Злей молча кивнул и отбыл.

— Гарри, — ласково позвал Думблдор.

Гарри встал и снова покачнулся — боль в ноге, о которой он на время позабыл, слушая Сгорбса, вернулась с новой силой. Кроме того, он вдруг заметил, что его колотит. Думблдор подхватил его под руку и, поддерживая, вывел в темный коридор.

— Сначала мы зайдем ко мне в кабинет, Гарри, — тихо сказал Думблдор, когда они двинулись по коридору. — Нас ждет Сириус.

Гарри кивнул. На него навалилось оцепенение, ощущение полнейшей нереальности, но ему было безразлично, он даже был рад. Он не желал думать обо всем, что случилось после прикосновения к Тремудрому Призу. Не хотел углубляться в эти воспоминания, свежие и яркие, как фотографии, хотя они мелькали в голове и помимо его воли. Шизоглаз Хмури в сундуке. Червехвост на земле баюкает

культю. Вольдеморт восстает из дымящегося котла. Седрик... мертв... Седрик просит отнести его к родителям...

– Профессор, – пробормотал Гарри, – а где мистер и миссис Диггори?

– Они у профессора Спарж, – ответил Думблдор. Его голос, такой невозмутимый при допросе Барти Сгорбса, в первый раз еле заметно дрогнул. – Она куратор колледжа и знала Седрика лучше всех.

Они подошли к каменной горгулье. Думблдор сказал пароль, горгулья отпрыгнула, и они с Гарри по винтовому эскалатору поднялись к дубовой двери. Думблдор ее распахнул.

В кабинете стоял Сириус. Он был смертельно бледен и изможден, как в те времена, когда только что сбежал из Азкабана. Одним прыжком он пересек комнату.

– Гарри, ты как? Я знал... знал, что нечто подобное... что произошло?

Руки у него тряслись; он усадил Гарри в кресло перед столом.

– Что произошло? – спросил он настойчивее.

Думблдор пересказал Сириусу все, что узнал от Барти Сгорбса. Гарри слушал вполуха. Он смертельно устал, все кости стонали, хотелось только одного – сидеть в этом кресле, час за часом, и чтобы никто не трогал, а потом забыться и уснуть.

Мягко зашуршали крылья. Феникс Янгус покинул свой настест, перелетел кабинет и уселся Гарри на колено.

– ‘вет, Янгус, – еле слышно произнес Гарри. Погладил красивые малиново-золотые перья. Янгус добродушно заморгал. В его теплой тяжести было что-то утешительное.

Думблдор закончил свой рассказ. Через стол посмотрел на Гарри, но тот избегал этого взгляда. Думблдор будет его расспрашивать. Заставит вновь все пережить.

– Гарри, мне нужно знать, что произошло, когда ты коснулся Приза, – сказал Думблдор.

– Думблдор, а нельзя это оставить до утра? – резко вмешался Сириус. Он положил руку на плечо Гарри. – Пусть он поспит. Ему нужно отдохнуть.

Гарри окатило теплой волной благодарности, но Думблдор как будто не услышал Сириуса. Он лишь подался ближе к Гарри. С огромной неохотой тот поднял голову и поглядел в голубые глаза.

— Если бы я считал, что это поможет, — мягко начал Думблдор, — погрузить тебя в зачарованный сон, отодвинуть момент, когда тебе придется вспомнить все, что сегодня произошло, — я бы непременно так и сделал. Но я-то знаю. Если заглушить боль на время, она станет еще острее потом, когда неизбежно вернется. Ты уже продемонстрировал безграничную храбрость превыше всех моих ожиданий. И сейчас я прошу тебя проявить ее еще раз. Пожалуйста, расскажи нам, что случилось.

Феникс пропел тихую дрожащую ноту. Она завибрировала в воздухе, и Гарри будто глотнул горячего чаю — звук согрел и придал ему силы.

Гарри глубоко вдохнул и заговорил. Он рассказывал, и перед глазами вставали сцены пережитого: он видел сверкающую поверхность зелья, которое воскресило Вольдеморта, Упивающихся Смертью, которые аппарировали на кладбище, тело Седрика, распластанное на земле подле призового кубка.

Пару раз Сириус, по-прежнему крепко сжимая плечо Гарри, открывал рот, собираясь что-то сказать, но Думблдор жестом его останавливал, и Гарри был рад: раз уж начал, проще договорить. Так даже легче: словно что-то ядовитое вытекало из него; каждое слово давалось с неимоверным усилием, и все же он чувствовал, что, когда выговорится, ему станет лучше.

Но когда он дошел до того, как Червехвост вонзил ему в руку клинок, Сириус вскрикнул, а Думблдор вскочил так стремительно, что Гарри вздрогнул. Думблдор обошел стол и велел Гарри вытянуть руку. Гарри показал им обоим дырку на мантии и порез под ней.

— Он сказал, что моя кровь сделает его сильнее, чем любая другая, — объяснил Думблдору Гарри. — Сказал, что та защита, которую дала мне моя... мама... что теперь эта защита будет и у него. И он был прав. Он смог дотронуться до меня, и ему ничего не было, он прикоснулся к моему лицу.

На долю секунды Гарри показалось, что в глазах Думблдора блеснуло торжество. Но спустя миг он уверился, что ему показалось. Когда Думблдор снова сел, лицо у него было крайне усталое, даже дряхлое.

— Очень хорошо, — произнес он. — Этот барьер Вольдеморт преодолел. Гарри, пожалуйста, продолжай.

Гарри продолжил. Он рассказал, как Вольдеморт восстал из котла, и постарался как можно точнее пересказать его речь перед Упивающимися Смертью. Потом рассказал, как Вольдеморт развязал его, вернул ему палочку и предложил дуэль.

Но на том месте, когда золотая нить соединила их палочки, у Гарри внезапно перехватило горло. Он хотел говорить дальше, но не мог — его захлестывали воспоминания о тех, кто появился из палочки Вольдеморта. Гарри видел Седрика, старика, Берту Джоркинс... маму... папу...

Он был благодарен Сириусу за то, что тот нарушил молчание.

— Палочки соединились? — сказал Сириус, переводя взгляд от Гарри к Думблдору. — Почему?

Гарри тоже посмотрел на Думблдора — лицо у того отрешенно застыло.

— Приори инкантатем, — пробормотал он.

Он пристально поглядел Гарри в глаза, и между ними почти зримо пробежала искра понимания.

— Реверсивный заклинательный эффект? — резко переспросил Сириус.

— Совершенно верно, — подтвердил Думблдор. — У их палочек одинаковая сердцевина: хвостовое перо одного и того же феникса. Этого феникса, если быть точным, — прибавил он и показал на малиново-золотую птицу, уютно устроившуюся у Гарри на колене.

— В моей палочке перо Янгуса? — поразился Гарри.

— Да, — кивнул Думблдор. — Четыре года назад мистер Олливандер сообщил мне, что ты приобрел вторую палочку, едва ты вышел из магазина.

— И что происходит, когда палочка встречает свою сестру? — спросил Сириус.

— Друг против друга они работают неправильно, — объяснил Думблдор. — Если владельцы заставляют их сражаться... имеет место весьма редкое явление... Одна палочка заставляет другую исторгать ее прошлые заклинания — в обратном порядке. Сначала последнее... потом те, что перед ним...

Он испытывающее поглядел на Гарри, и тот кивнул.

— А это означает, — медленно проговорил Думблдор, не сводя глаз с Гарри, — что перед тобой должен был так или иначе вновь появиться

Седрик Диггори.

Гарри еще раз кивнул.

– Диггори ожил? – встрепенулся Сириус.

– Нет такого заклинания, которое способно вернуть умершего к жизни, – тяжело вздохнул Думблдор. – Тут могло быть лишь некое эхо. Из палочки могла появиться тень живого Седрика… я прав, Гарри?

– Он со мной заговорил, – сказал Гарри. Его вдруг снова затрясло. – Привидение Седрика, или что это было, заговорило со мной.

– Эхо, – объяснил Думблдор, – сохранившее внешний вид и характерные черты Седрика. Видимо, появились и другие призраки… более давних жертв Вольдеморта…

– Старик. – Горло Гарри сильно сжалось. – Берта Джоркинс. И еще…

– Твои родители? – тихо спросил Думблдор.

– Да, – ответил Гарри.

Сириус до боли сжал его плечо.

– Последние убийства, выполненные палочкой, – покивал Думблдор. – В обратном порядке. Появились бы и другие, если бы связь сохранилась. Очень хорошо, Гарри. И что же сделали эти… тени?

Гарри рассказал, как тени бродили у стен золотой клетки, как Вольдеморт боялся их, как тень отца подсказала Гарри, что делать; о последней просьбе Седрика тоже рассказал.

И почувствовал, что больше не в силах говорить. Оглянулся на Сириуса. Тот сидел, закрыв лицо руками.

Янгус, оказывается, спорхнул с колена Гарри на пол и положил красивую голову на поврежденную ногу. В рану, оставшуюся от паука, покатились крупные перламутровые слезы. Боль исчезла. Рана затянулась. Нога зажила.

– Я не могу не повторить, – произнес Думблдор, а феникс перелетел обратно на насест, – ты продемонстрировал безграничную храбрость превыше всех моих ожиданий. Такую же храбрость, как те, кто погиб в сражениях с Вольдемортом в дни его наивысшего могущества. Ты взвалил на себя ношу, которая под силу лишь взрослому колдуну, и ты справился с ней – ты сделал для нас все, на что мы вправе рассчитывать. Сейчас мы пойдем в лазарет. Я не хочу,

чтобы сегодня ты ночевал в общей спальне. Тебе необходимо сонное зелье и полный покой... Сириус, хочешь остаться с ним?

Сириус кивнул. Он снова превратился в большого черного пса, вместе с Гарри и Думблдором вышел из кабинета, и они зашагали вниз по лестнице в лазарет.

Думблдор открыл дверь, и Гарри увидел миссис Уизли, Билла, Рона и Гермиону, окруживших затурканную мадам Помфри. От нее, видимо, требовали ответа, где Гарри и что с ним случилось.

Едва вошли Гарри, Думблдор и черный пес, все круто развернулись, и миссис Уизли приглушенно вскрикнула:

– Гарри! *O Гарри!*

Она бросилась к нему, но Думблдор преградил ей дорогу.

– Молли, – сказал он, выставив ладонь, – выслушай, будь добра. Гарри пережил тяжелейшее испытание. И ему только что пришлось пережить его вновь, когда он все мне рассказывал. Сейчас ему нужны сон, покой и тишина. Если он хочет, чтобы вы, – Думблдор повернулся к Рону, Гермионе и Биллу, – остались с ним – пожалуйста. Но никаких расспросов, пока он не будет в состоянии отвечать, и уж, разумеется, не сегодня.

Миссис Уизли кивнула. Она побелела как полотно.

Потом грозно повернулась к Рону, Гермионе и Биллу, как будто те шумели, и страшным шепотом произнесла:

– Вы слышали?! Ему нужен покой!

– Директор, – обратилась к Думблдору мадам Помфри, с изумлением взирая на черного пса, – а что, позвольте спросить...

– Эта собака побудет с Гарри, – только и ответил Думблдор. – Уверяю вас, она очень хорошо выдрессирована. Гарри... я подожду, пока ты ляжешь.

Гарри захлестнула невыразимая благодарность. Думблдор пресек расспросы, спасибо ему. Нет, Гарри не хотел, чтобы все ушли, но самая мысль о том, чтобы опять пересказывать, переживать заново, была невыносима.

– Гарри, я вернусь, как только повидаю Фуджа, – сказал Думблдор. – Я хочу, чтобы ты и завтра оставался здесь, пока я не поговорю с учащимися. – И он ушел.

Мадам Помфри отвела Гарри к ближайшей койке. В дальнем углу неподвижно лежал настоящий Хмури. Рядом на тумбочке

располагались деревянная нога и волшебный глаз.

— Как он? — спросил Гарри.

— Поправится, — заверила мадам Помфри. Она выдала Гарри пижаму и закрыла шторы. Он снял мантию, натянул пижаму и залез в постель. Вошли Рон, Гермиона, Билл, миссис Уизли и черный пес. Расселись вокруг. Рон и Гермиона глядели на Гарри опасливо, почти в страхе.

— Я в порядке, — успокоил он их, — просто устал.

Глаза миссис Уизли наполнились слезами, и она безо всякой нужды разгладила простыню.

Мадам Помфри вернулась из кабинета с кубком и пузырьком пурпурной жидкости.

— Надо выпить все, Гарри, — объявила она. — Это для сна без сновидений.

Гарри принял у нее из рук кубок и глотнул. Тотчас навалилась сонливость. Все кругом подернулось дымкой; лампы в палате добродушно подмигивали сквозь шторы; тело утопало в пуховой перине. Он не успел допить, не успел произнести ни слова — его утянуло в глубокий-глубокий сон.

Гарри проснулся; так тепло, так покойно, совсем неохота открывать глаза. Лучше снова провалиться в спасительную дремоту. В палате горел приглушенный свет; ясно, что еще ночь и что спал он совсем недолго.

Вокруг шептались:

— Они его разбудят, если не утихомирятся!

— Что они так орут? Вряд ли ведь еще что-то случилось?

Гарри с трудом открыл глаза. Кто-то снял с него очки. Он смутно видел размытые силуэты миссис Уизли и Билла. Миссис Уизли была на ногах.

— Это Фудж, — прошептала она. — И Минерва Макгонаголл, да? Чего они шумят?

Теперь и Гарри расслышал крики; к двери приближались торопливые шаги.

— Прискорбно, Минерва, но тем не менее... — громко говорил Корнелиус Фудж.

— Как вы могли привести его в замок! — вопила профессор Макгонаголл. — Когда Думбльдор узнает...

Дверь распахнулась. Незаметно для остальных — Билл отодвинул занавеску, и все дружно уставились на дверь — Гарри сел и надел очки.

По палате несся Фудж, за ним по пятам — профессор Макгонаголл и Злей.

— Где Думбльдор? — осведомился Фудж у миссис Уизли.

— Его здесь нет, — рассердилась та. — Здесь лазарет, министр, вам не кажется, что хорошо бы...

Но тут снова открылась дверь, и в палату ворвался Думбльдор.

— В чем дело? — Он сурово воззрился на Фуджа, а потом на профессора Макгонаголл. — Почему вы беспокоите этих людей? Минерва, я удивлен... я же просил охранять Барти Сгорбса...

— В этом больше нет необходимости, Думбльдор! — завизжала она. — Благодаря стараниям министра!

Гарри никогда не доводилось видеть, чтобы профессор Макгонаголл до такой степени теряла власть над собой. На ее щеках горели пятна, руки сжимались в кулаки, и от ярости ее всю трясло.

— Когда мы сообщили мистеру Фуджу, что схватили Упивающегося Смертью, ответственного за сегодняшние события, — очень тихо проговорил Злей, — он, очевидно, счел, что под угрозой его собственная безопасность. И настоял на том, чтобы призвать дементора. В сопровождении дементора оншел в кабинет, где находился Барти Сгорбс...

— Я говорила, что вы против! — взорвалась профессор Макгонаголл. — Я говорила, вы бы не позволили, чтобы дементор вошел в замок, но...

— Милая леди! — взревел Фудж. Он тоже был взбешен, Гарри ни разу его таким не видел. — Я министр магии и вправе сам решать, нужна ли мне охрана, когда предстоит допрашивать потенциально опасного...

Но голос профессора Макгонаголл заглушил голос Фуджа.

— Как только это... чудовище... вошло в кабинет, — заорала она, тыча пальцем в дрожащего от возмущения Фуджа, — оно бросилось на Сгорбса и... и...

Профессор Макгонаголл подыскивала слова, но Гарри уже весь похолодел. Она могла бы и не договаривать. Он понимал, что сделал

дементор. Он запечатлел на губах Барти Сгорбса свой страшный Поцелуй. И высосал душу. Сгорбс теперь хуже чем мертвый.

– Да и невелика потеря! – выпалил Фудж. – На нем висело несколько смертей!

– Однако он не сможет дать показания, Корнелиус, – возразил Думблдор. Он пристально смотрел на Фуджа, словно впервые его увидел. – Он не сможет объяснить, почему убивал.

– Почему? Это и так ясно! – завопил Фудж. – Он – маньяк! Судя по тому, что говорят Минерва со Злотеусом, этот тип думал, будто действует по приказу Сами-Знаете-Кого!

– Лорд Вольдеморт *действительно* отдавал ему приказы, Корнелиус, – сказал Думблдор. – Гибель этих людей – условно говоря, побочный продукт заговора с целью возрождения Вольдеморта. Заговор удался. Вольдеморт вновь обрел свое тело.

Фуджа словно кирпичом по голове ударили. Часто заморгав, он ошеломленно перевел взгляд на Думблдора – видимо, не поверил своим ушам. И, не отводя от него вытаращенных глаз, сбивчиво забормотал:

– Сами-Знаете-Кто?.. Вернулся?.. Нелепица. Да вы что, Думблдор!

– Вне всякого сомнения, Минерва и Злотеус уже сообщили вам, – отозвался тот, – что мы своими ушами слышали признание Барти Сгорбса. Под воздействием признавалиума он рассказал, как ему удалось бежать из Азкабана и как Вольдеморт – узнав от Берты Джоркинс, что молодой Сгорбс жив, – освободил его от отца и воспользовался его услугами, чтобы поймать Гарри. И, замечу, его план сработал. Сгорбс помог Вольдеморту вернуться к жизни.

– Послушайте, Думблдор, – сказал Фудж, и Гарри с изумлением увидел, что на лице министра расцветает улыбочка, – вы... вы же на самом деле в это не верите. Сами-Знаете-Кто – вернулся? Полноте вам... разумеется, сам Сгорбс вполне мог *считать*, что действует по приказу Сами-Знаете-Кого, – но, Думблдор... доверять показаниям безумца...

– Сегодня, когда Гарри дотронулся до Тремудрого Приза, тот перенес его прямиком к Вольдеморту, – упорно продолжал Думблдор. – Гарри был свидетелем его возрождения. Давайте пройдем ко мне в кабинет, я все вам объясню.

Думблдор глянул на Гарри, заметил, что тот не спит, но покачал головой и прибавил:

– Боюсь, сейчас я не могу разрешить вам допрашивать самого Гарри.

Улыбка на лице Фуджа стала шире.

Он тоже посмотрел на Гарри, затем вновь повернулся к Думблдору и поинтересовался:

– Думблдор, вы... мmm... готовы поверить Гарри на слово?

Наступило минутное молчание, которое нарушил грозный рык Сириуса. Пес оскалился на Фуджа, и его шерсть всталла дыбом.

– Конечно, я верю Гарри, – ответил Думблдор. В его глазах заполыхал огонь. – Я выслушал признание Сгорбса и выслушал рассказ Гарри о том, что произошло, когда он коснулся Тремудрого Приза. Обе истории друг другу не противоречат – напротив, объясняют все, что случилось с исчезновения Берты Джоркинс.

Фудж по-прежнему странно улыбался. И снова, прежде чем ответить, коротко глянул на Гарри.

– Вы готовы поверить в возрождение Сами-Знаете-Кого со слов маньяка-убийцы и мальчика, который... хмм...

Фудж кинул на Гарри еще один молниеносный взгляд, и до Гарри дошло, в чем дело.

– Вы читаете Риту Вритер, мистер Фудж, – тихо проговорил он.

Рон, Гермиона, миссис Уизли и Билл так и подскочили. Они не замечали, что Гарри не спит.

Фудж слегка покраснел, но упрямо вздернул подбородок.

– Ну а если и читаю? – обратился он к Думблдору. – А если я узнал, что вы скрываете от меня кое-какие сведения касательно этого мальчика? Змеест, скажите, пожалуйста! И эти его припадки!..

– Вы, очевидно, имеете в виду приступы боли в шраме? – холодно осведомился Думблдор.

– Так, стало быть, вы подтверждаете, что у него приступы? – оживился Фудж. – Головные боли? Ночные кошмары? А может, и галлюцинации?

– Послушайте, Корнелиус. – Думблдор шагнул к Фуджу. Он вновь излучал ту непобедимую мощь, которую Гарри почувствовал, когда Думблдор сшиб молодого Сгорбса. – Гарри так же нормален, как вы и

я. Шрам никак не повлиял на работу его мозга. Я считаю, этот шрам болит, когда Лорд Вольдеморт поблизости или настроен кого-то убить.

Фудж слегка попятился, но глядел вызывающе.

– Вы уж меня простите, Думблдор, но я никогда не слыхал, чтобы шрамы от проклятий действовали как сигнал тревоги...

– Слушайте, я видел, как Вольдеморт возродился! – закричал Гарри. Он хотел было вскочить, но миссис Уизли удержала его силой. – Я видел Упивающихся Смертью! Я могу назвать имена! Люциус Малfoy...

Злей как-то дернулся, но, когда Гарри посмотрел, он уже перевел взгляд на Фуджа.

– Малfoy был оправдан! – явно оскорбился Фудж. – Такой старинный род... такие благородные пожертвования...

– Макнейр! – продолжал Гарри.

– Тоже оправдан! И работает в министерстве!

– Эйвери! Нотт! Краббе! Гойл!

– Ты просто называешь тех, кого тринадцать лет назад обвиняли и оправдали! – сердито перебил Фудж. – Ты мог найти эти имена в архивных документах! Ради всего святого, Думблдор, – год назад этот мальчишка тоже сочинил невесть что! Его бредни все невероятнее, а вы безропотно их проглатываете! Да он со змеями разговаривает – и вы считаете, что ему можно верить?

– Вы болван! – не выдержала профессор Макгонаголл. – А Седрик Диггори? А мистер Сгорбс? Это вовсе не случайные жертвы маньяка!

– Я не вижу этому доказательств! – заорал Фудж, тоже дав волю гневу. Его лицо побагровело. – У меня создается впечатление, что вы задались целью посеять панику и дестабилизировать обстановку! Разрушить все, над чем мы трудились последние тринадцать лет!

Гарри не верил своим ушам. Он всегда считал, что Фудж – славный человек; немного несдержан, слегка напыщен, но в целом добр. И вот перед ним злобный коротышка, который наотрез отказывается поверить, что его уютный упорядоченный мирок может быть разрушен, – поверить, что Вольдеморт восстал вновь...

– Вольдеморт вернулся, – повторил Думблдор. – Если вы сейчас же признаете этот факт и примете меры, мы, вероятно, еще сможем спасти ситуацию. Первый и самый важный шаг – вывести Азкабан из-под контроля дементоров...

– Бред! – закричал Фудж. – Удалить дементоров! Да за такое предложение меня выкинут с работы! Половина из нас спокойно спит по ночам лишь потому, что мы знаем: на страже Азкабана стоят дементоры!

– А другая половина, Корнелиус, напротив, ворочается без сна, понимая, что вы поместили самых опасных сторонников Лорда Вольдеморта под надзор существ, готовых перейти на его сторону по первому знаку! – воскликнул Думбльдор. – Они не останутся вам верны, Фудж! Вольдеморт может предложить им куда более широкое поле деятельности! А если к нему вернется старая гвардия плюс дементоры, его будет крайне трудно остановить! И он опять обретет ту же власть, что и тринадцать лет назад!

Фудж, будто никакими словами не в силах выразить свою ярость, молча открывал и закрывал рот.

– Следующий необходимый – и срочный – шаг, – не отступал Думбльдор, – отправка дипломатических представителей к гигантам.

– Дипломатических представителей к гигантам? – взвизгнул Фудж, вновь обретя дар речи. – Это еще что за безумие?

– Протянуть им руку дружбы, и чем скорее, тем лучше, не то будет поздно, – сказал Думбльдор. – Или Вольдеморт, как и прежде, убедит их, что из всех колдунов лишь он один может предоставить им права и свободы!

– Вы... что, серьезно? – в ужасе выдохнул Фудж, тряся головой и пятясь от Думбльдора. – Если колдовское сообщество узнает, что я заигрываю с гигантами... люди ненавидят их, Думбльдор... моей карьере конец...

– Вы слепы, – Думбльдор повысил голос, властная аура стала ощутима физически, глаза засверкали, – и прилипли к насиженному местечку, Корнелиус! Это вас ослепляет. И вы слишком много значения придаете – и всегда придавали – так называемой чистоте крови! Вы так и не поняли, что важно не кем человек родился, а кем он стал! Вот только что ваш дементор уничтожил последнего представителя одной из старейших чистокровных семей – а посмотрите, чем занимался этот человек! Говорю вам – примите меры, которые предлагаю я, и вас запомнят, и в министерстве, и вне его, как одного из храбрейших, одного из величайших министров магии. Предпочтите бездействие – и в истории вы останетесь тем, кто стоял в

стороне и дал Вольдеморту еще один шанс разрушить мир, который мы все так старались возродить!

— Сумасшествие, — прошептал Фудж, продолжая пятиться, — безумие...

И затем воцарилось молчание. Мадам Помфри стояла у Гарри в изножье, ладонями зажимая рот. Миссис Уизли застыла над Гарри, придерживая его за плечо. Билл, Рон и Гермиона таращились на Фуджа.

— Коль скоро вы твердо намерены закрыть глаза на происходящее, Корнелиус, — промолвил Думбльдор, — с этой минуты наши пути расходятся. Действуйте, как считаете нужным. А я... я буду действовать так, как считаю нужным я.

В его голосе не было ни намека на угрозу, то была простая констатация факта, однако Фудж ощетинился, словно Думбльдор надвигался на него с палочкой в руках.

— Вот что, послушайте-ка, Думбльдор, — Фудж погрозил ему пальцем, — я всегда предоставлял вам полную свободу действий. Я очень уважаю вас. Я не соглашался с некоторыми вашими решениями, но молчал. Немногие министры позволили бы вам нанимать на работу оборотней, держать в школе Огрида, решать, чему учить, а чему не учить школьников, безо всякого надзора со стороны министерства. Но если вы намерены действовать против меня...

— Я намерен действовать, — не теряя спокойствия, ответил Думбльдор, — только против Лорда Вольдеморта. Если и вы против него, Корнелиус, тогда мы на одной стороне.

На это Фудж не нашелся что ответить. Он постоял, раскачиваясь на подошвах своих маленьких башмаков и вертя в руках котелок. Наконец с затаенной мольбой произнес:

— Не может быть, чтобы он вернулся, Думбльдор, не может такого быть...

К нему, закатывая рукав мантии, мимо Думбльдора шагнул Злей. Он сунул руку Фуджу под нос. Тот отшатнулся.

— Вот, — хрипло сказал Злей, — вот. Смертный Знак. Уже не такой четкий, с час назад он был угольно-черный, но все равно прекрасно видно. Он есть у каждого Упивающегося Смертью — Черный Лорд выжигал лично. По этому знаку мы узнавали друг друга, с его помощью он нас призывал. Едва он касался этого знака у любого из

нас, нам всем надлежало немедленно аппарировать к нему. Весь год знак становился четче. И у Каркарова тоже. Почему, как вы думаете, Каркаров вечером исчез? Мы оба почувствовали жжение. И оба поняли, что он вернулся. Каркаров страшится мести Черного Лорда. Он предал слишком многих своих бывших товарищей и опасается, что его уже не примут в их ряды с распостертыми объятьями.

Мелко тряся головой, Фудж попятился от Злея. Кажется, он ни слова не понял. Он лишь с омерзением поглядел на уродливую отметину, затем поднял глаза и прошептал:

— Я не знаю, в какие игры вы тут играете, но с меня довольно. Мне нечего добавить. Думбльдор, я свяжусь с вами завтра — обсудим управление вверенной вам школой. А сейчас я должен вернуться в министерство.

Уже почти у двери он остановился. Затем вернулся к койке Гарри.

— Твой выигрыш, — коротко сказал он, достав из кармана и швырнув на тумбочку большой кошелек. — Тысяча галлеонов. Должна была состояться церемония вручения, но при нынешних обстоятельствах...

Он нахлобучил котелок на голову и ушел, громко хлопнув дверью. Стоило ему удалиться, Думбльдор повернулся к собравшимся у постели Гарри.

— Нужно действовать, — объявил он. — Молли… прав ли я, полагая, что могу рассчитывать на вас с Артуром?

— Разумеется, — ответила миссис Уизли. У нее побелели даже губы, но смотрела она решительно. — Он знает, что за птица Фудж. Артур столько лет сидит в министерстве только из любви к муглам. А Фудж считает, что Артуру не хватает колдовской гордости.

— Тогда мне нужно послать ему сообщение, — сказал Думбльдор. — Надо немедленно уведомить всех, кто нам поверит, а у Артура полезные связи — мы выйдем на министерских, которые не так близоруки, как Фудж.

— Я отправляюсь к папе. — Билл встал. — Прямо сейчас.

— Превосходно, — ответил Думбльдор. — Расскажи ему обо всем. Передай, что скоро я сам с ним свяжусь. Но пускай будет осмотрителен. Если Фудж полагает, что я вмешиваюсь в дела министерства...

— Я все сделаю, — успокоил Билл.

Он потрепал Гарри по плечу, поцеловал мать в щеку, надел плащ и выбежал.

– Минерва, – сказал Думблдор, – я должен как можно скорее переговорить с Огридом у себя в кабинете. И с мадам Максим, если она согласится прийти.

Профессор Макгонаголл кивнула и, не говоря ни слова, вышла.

– Поппи, – обратился он к мадам Помфри, – будьте добры, спуститесь в кабинет профессора Хмури. Там, я полагаю, вы найдете домового эльфа по имени Винки в сильнейшем расстройстве. Позаботьтесь о ней, а потом отведите на кухню, хорошо? Думаю, Добби за ней приглядит.

– Хоро... хорошо, – слегка всполошилась мадам Помфри и тоже ушла.

Думблдор проверил, плотно ли закрыта дверь, дождался, пока стихнут шаги мадам Помфри, и снова заговорил:

– А сейчас пришло время представить двоим из нас кое-кого в настоящем обличии. Сириус... прими свой обычный вид, будь любезен.

Большой черный пес поглядел на Думблдора и в мгновение ока превратился в человека.

Миссис Уизли завизжала и отпрыгнула от койки.

– Сириус Блэк! – завопила она, тыча пальцем.

– Мама, да замолчи! – заорал Рон. – Все нормально!

Злей не визжал и не прыгал, но на лице его мешались гнев и ужас.

– Этот! – рявкнул он, уставившись на Сириуса; тот тоже неприязненно кривился. – Он здесь зачем?

– Он здесь по моему приглашению, – ответил Думблдор, переводя взгляд с одного на другого, – как и вы, Злотеус. Я доверяю вам обоим. Вам пора отставить все разногласия и поверить друг другу.

Гарри подумалось, что Думблдор требует практически чуда. Глаза Сириуса и Злея горели непримиримым отвращением.

– На первое время меня устроит, – продолжал Думблдор с еле уловимым раздражением, – если вы обойдетесь без открытой враждебности. Пожмите друг другу руки. Времени в обрез, и если те немногие из нас, кто знает правду, не объединятся, надежды нет.

Очень медленно – но сверля друг друга взглядами, в которых ясно читалось пожелание всего наихудшего, – Сириус со Злеем

приблизились друг к другу и обменялись рукопожатиями. Они разняли руки очень быстро.

— Сойдет для начала. — Думблдор встал между ними. — Теперь для вас обоих у меня есть задание. Позиция Фуджа, хотя и предсказуемая, в корне меняет все. Сириус, ты немедленно отправишься в путь. Предупреди Рема Люпина, Арабеллу Фигг, Мундугнуса Флетчера — всю старую команду. А сам сиди тихо у Люпина, вскорости я с вами свяжусь.

— Но... — подал голос Гарри.

Он не хотел отпускать Сириуса. Ему жалко было расставаться с ним так скоро.

— Гарри, мы увидимся в самое ближайшее время, — сказал Сириус, — обещаю. Но я должен сделать все, что в моих силах, — ты ведь понимаешь, правда?

— Да, — кивнул Гарри, — да... конечно, понимаю.

Сириус сжал его ладонь, кивнул Думблдору, снова превратился в черного пса, побежал к двери и нажал на ручку лапой. Затем исчез.

— Злотеус, — Думблдор повернулся к Злею, — вы знаете, о чем я хочу попросить вас. Если вы готовы...

— Готов, — ответил Злей.

Он был бледнее обычновенного, и его холодные черные глаза странно поблескивали.

— Тогда — удачи, — пожелал Думблдор и тревожным взглядом проводил Злея, молча удалившегося вслед за Сириусом.

Думблдор заговорил вновь лишь через несколько минут.

— Мне нужно вниз, — сказал он. — Надо поговорить с родителями Диггори. Гарри... допей зелье. Всем до свидания, увидимся позднее.

Как только он вышел, Гарри откинулся на подушки. Гермиона, Рон и миссис Уизли смотрели на него без единого слова. Молчание затянулось.

— Допей зелье, Гарри, — в конце концов произнесла миссис Уизли. Она потянулась за пузырьком и кубком и задела кошель с деньгами. — Тебе надо хорошенько выпастися. Подумай пока о чем-нибудь другом... подумай, что купишь на эти деньги!

— Я этих денег не хочу, — пробубнил Гарри. — Возьмите их себе. Пусть их берет кто угодно. Я не должен был их выиграть. Они должны были достаться Седрику.

То, с чем он так старательно боролся с той минуты, когда все закончилось, грозило взять верх. В уголках глаз горячо зашипало. Он моргнул и уставился в потолок.

– Ты ни в чем не виноват, Гарри, – прошептала миссис Уизли.

– Это я предложил ему взять Приз вместе, – сказал Гарри.

Теперь жгло и в горле. Рону что, трудно отвернуться?

Миссис Уизли поставила зелье на тумбочку и обняла Гарри. Его никогда не обнимали так по-матерински. Она прижала его к себе, и события этой ночи внезапно обрушились на него всей тяжестью. Мамино лицо, папин голос, мертвый Седрик... все закружилось перед глазами... он больше не мог этого вынести... его лицо исказилось от усилий сдержать рвущийся наружу горестный крик...

Раздался громкий шлепок. Миссис Уизли и Гарри отпрянули друг от друга. Гермиона стояла у окна, что-то крепко сжимая в кулаке.

– Извините, – прошептала она.

– Допей зелье, Гарри, – поспешила велела миссис Уизли, рукой утирая слезы.

Гарри выпил залпом. Подействовало незамедлительно. Тяжелыми, необоримыми волнами нахлынуло глубокое забытье, он откинулся на подушки и больше ни о чем не думал.

Глава тридцать седьмая

Начало

Даже месяц спустя вспоминая эти дни, Гарри удивлялся, до чего плохо их помнит. Видимо, он столько пережил, что больше в него не вмещалось. Но то, что сохранилось в памяти, причиняло жестокую боль. Ужаснее всего была, пожалуй, встреча с родителями Седрика наутро.

Они ни в чем не винили Гарри, наоборот, благодарили за то, что вернул им тело сына. Мистер Диггори почти весь разговор проплакал. Горе миссис Диггори было так велико, что иссушило все слезы.

— Значит, он почти не страдал, — сказала она, выслушав, как погиб ее сын. — И потом, Амос... он ведь как раз выиграл Турнир. Наверное, умер счастливым...

Когда они уже уходили, она посмотрела на Гарри и проговорила:

— Ты теперь будь очень осторожен.

Гарри схватил с тумбочки кошель с деньгами.

— Возьмите, пожалуйста, — неловко забормотал он. — Это должно было достаться Седрику, он туда первым добрался, возьмите...

Но она отшатнулась:

— Что ты, что ты, милый, это твое, мы не можем... оставь у себя.

На следующий вечер Гарри возвратился в гриффиндорскую башню. От Рона с Гермионой он узнал, что за завтраком Думблдор попросил всю школу оставить Гарри в покое, не задавать ему вопросов и не выпытывать, что случилось в лабиринте. Гарри заметил, что большинство ребят обходят его стороной и прячут глаза. Некоторые шептались, прикрывая рты ладошками. Видимо, многие поверили Рите Врите, что он ненормален и оттого опасен. Возможно, у кого-то имелись свои соображения об обстоятельствах гибели Седрика. Но Гарри это не волновало. Лучше всего ему было с Роном и Гермионой, беседовать на отвлеченные темы, или они вдвоем играли в шахматы, а он молча сидел рядом. Ребята понимали друг друга без слов и,

казалось, молча ждали какого-то знака, известия о том, что творится вне «Хогварца», — а пока ничего не известно, без толку гадать о будущем. Они затронули болезненную тему один-единственный раз — когда Рон сказал Гарри, что миссис Уизли перед отбытием поговорила с Думблдором.

— Она пошла к нему спросить, нельзя ли тебе этим летом прямо к нам, — сообщил Рон. — Но он хочет, чтобы ты поехал к Дурслеям, хотя бы сначала.

— Почему? — спросил Гарри.

— Мама говорит, у Думблдора свои резоны, — угрюмо покачал головой Рон. — Я так понимаю, надо ему доверять, да?

Кроме Рона и Гермионы, Гарри мог общаться только с Огридом. Преподавателя защиты от сил зла в школе больше не было, и эти уроки оказались свободны. В четверг, ярким солнечным днем, ребята отправились к Огриду в гости. Из открытой двери хижины, гулко гавкая и размахивая хвостом, выскочил Клык.

— Кто там? — крикнул Огрид, выходя на порог. — *Гарри!*

Он пошел навстречу, одной рукой привлек Гарри к себе, взъерошил ему волосы и проговорил:

— Рад тебя видеть, приятель. Рад тебя видеть.

В хижине на деревянном столе у камина ребята увидели две полуведерные кружки.

— Мы тут по чайку вдаряли с Олимпией, — объяснил Огрид, — она только ушла.

— С кем? — озадачился Рон.

— С мадам Максим, с кем же еще! — сказал Огрид.

— Значит, у вас все-таки сладилось? — спросил Рон.

— Не знаю, о чем это ты, — беспечно ответил Огрид и пошел к буфету за чистыми кружками.

Потом, приготовив чай и подав на стол сырье печенья, он сел, откинулся на спинку стула и вперил в Гарри глаза-жуки.

— Ну ты как? — сипло спросил Огрид.

— Нормально, — ответил Гарри.

— Ничего не нормально, — покачал головой Огрид, — я же вижу. Но будет нормально.

Гарри промолчал.

— Я знал, что он вернется, — просто сказал Огрид, и все трое изумленно вскинули на него глаза. — Уж много лет знал, Гарри. Чуял, что он где-то прячется, выжидает. Это должно было случиться. И вот случилось. Ну, теперь будем кумекать, как да чего. Бороться. Может, остановим его, пока он полную силу не набрал. У Думбльдора план такой. Великий человек, Думбльдор. Пока он у нас есть, я не очень-то дергаюсь.

Поглядев в их недоверчивые лица, Огрид поднял кустистые брови.

— Какой толк сидеть и бояться? — продолжил он. — Чему быть, того не миновать, ну а наше дело — чести не терять. Думбльдор мне рассказал, что ты сделал, Гарри. — Огрид поглядел на Гарри и весь раздулся от гордости: — Так бы и папка твой поступил — а выше у меня похвалы нет.

Гарри улыбнулся. Впервые за много дней.

— А что Думбльдор тебе поручил, Огрид? — спросил он. — Он посыпал профессора Макгонаголл за тобой и за мадам Максим... в ту ночь.

— Да так, подкинул на лето кой-какую работенку, — неопределенно ответил Огрид, — секретную. Мне про это говорить не положено, даже с вами. Может, и Олимпия — для вас мадам Максим — со мной поедет. Небось поедет. Кажись, уговорил я ее.

— Это из-за Вольдеморта?

От этого имени Огрид поморщился.

— Может быть, — уклончиво сказал он. — Ну а сейчас... кто хочет глянуть на последнего дракла? Шучу я, шучу! — поспешил добавил он при виде скисших физиономий.

Вечером в спальне, накануне возвращения на Бирючинную улицу, Гарри с тяжелым сердцем упаковывал вещи в сундук. Он с ужасом думал о предстоящем прощальном пире — обычно веселом празднике, на котором объявляли победителя соревнования между колледжами. После выхода из лазарета Гарри, прячась от любопытных взглядов, избегал появляться в Большом зале при большом скоплении народа, и ел, когда там почти никого не было.

Отсутствие праздничного убранства в зале тотчас бросалось в глаза. Обычно для прощального пира Большой зал украшали цвета

колледжа-победителя. Но сегодня стену позади учительского стола затянули черным – в знак траура по Седрику.

На возвышении с прочими учителями сидел настоящий Шизоглаз Хмури. Деревянная нога и волшебный глаз были на месте. Хмури нервничал и подскакивал, стоило кому-нибудь с ним заговорить. Вполне объяснимо, подумал Гарри. Хмури и так боится нападений, а уж после десятимесячного заточения в собственном сундуке – и подавно. Кресло профессора Каркарова пустовало. Садясь за стол вместе с остальными гриффиндорцами, Гарри гадал, где сейчас Каркаров, не разделся ли с ним Вольдеморт.

Мадам Максим пока осталась. Она сидела рядом с Огридом, и они тихо беседовали. Чуть дальше, рядом с профессором Макгонаголл, сидел Злей. Взгляд его задержался на Гарри. Лицо у Злея было непроницаемое – впрочем, желчность и неприязнь никуда не делись. Злей отвернулся, а Гарри еще долго на него смотрел.

Интересно, что делал Злей по приказу Думбльдора в ту ночь, когда возродился Вольдеморт? И почему... *почему...* Думбльдор так уверен, что Злей на их стороне? Когда-то он был нашим шпионом – так Думбльдор говорил в дубльдуме. Злей стал «нашим осведомителем, ценою огромного риска для жизни». Может, продолжил работу? Связался с Упивающимися Смертью? Притворился, что никогда по-настоящему не переходил на сторону Думбльдора, просто выжидал подобно самому Вольдеморту?

Размышления Гарри прервал профессор Думбльдор. Как только он встал из-за стола, в Большом зале, необычно тихом для прощального пира, воцарилось гробовое молчание.

– Наступил конец, – начал Думбльдор, обводя взором собравшихся, – очередного учебного года.

Он помолчал, и его глаза остановились на столе «Хуффльпуффа». Там былотише всего, когда Думбльдор еще не заговорил, и сейчас оттуда смотрели самые бледные и грустные лица.

– Я многое хочу вам сказать, – продолжил Думбльдор, – но сначала мы поговорим о замечательном мальчике, который должен был сидеть с нами, – он указал на хуффльпуффцев, – и веселиться на прощальном пиру. Я прошу всех встать и поднять кубки в память о Седрике Диггори.

Все встали, все до единого; заскрипели скамьи. Весь Большой зал поднял кубки и повторил единым низким раскатом:

– За Седрика Диггори.

В толпе Гарри заметил Чо. По ее лицу катились беззвучные слезы. Гарри уставился в стол. Все сели.

– Седрик воплощал в себе многие прекрасные качества, присущие истинным хуффльпуффцам, – сказал Думбльдор. – Он был добр и трудолюбив, он был хорошим товарищем. Он превыше всего ценил честность. Его смерть затронула всех вас, независимо от того, близко ли вы были с ним знакомы. И, мне кажется, именно поэтому вы имеете право знать, что произошло.

Гарри поднял голову и поглядел на Думбльдора.

– Седрика Диггори убил Лорд Вольдеморт.

По Большому залу пронесся испуганный ропот. Школьники в ужасе, с недоверием смотрели на директора. Тот хранил невозмутимое спокойствие и ждал, пока прекратится гомон.

– В министерстве магии, – продолжал он, – возражают против того, чтобы я вам это сообщал. Возможно, ваших родителей мое решение шокирует – быть может, они не верят в возвращение Лорда Вольдеморта или считают, что для подобных известий вы слишком юны... Но, по моему глубокому убеждению, правда вообще предпочтительнее лжи, а делать вид, будто Седрик погиб в результате несчастного случая или по собственной глупости, – прямое оскорбление его памяти.

Все лица в зале, потрясенные и испуганные, были обращены к Думбльдору... или почти все. Гарри увидел, что за слизеринским столом Драко Малфой перешептывается с Краббе и Гойлом. Внутри все вскипало горячей, мучительной злобы. Гарри заставил себя повернуться к Думбльдору.

– В связи со смертью Седрика следует упомянуть еще одного человека, – говорил в это время директор. – Я, разумеется, имею в виду Гарри Поттера.

По Большому залу пробежала рябь – многие лица повернулись к Гарри и тут же обратно к Думбльдору.

– Гарри Поттеру удалось спастись от Лорда Вольдеморта. С риском для жизни он вернул тело Седрика в «Хогварц». Он во всех отношениях показал такую храбрость, какая перед лицом Лорда

Вольдеморта давалась очень немногим колдунам, и за это честь ему и слава.

Думблдор сурово повернулся к Гарри и снова поднял кубок. Почти все в зале повторили за ним. Они тихо произнесли имя Гарри, как до этого – имя Седрика, и выпили за него. Однако в просвете между стоящими фигурами Гарри разглядел, что Малфой, Краббе, Гойл и многие другие слизеринцы демонстративно остались сидеть и даже не прикоснулись к кубкам. Думблдор, который, при всех своих талантах, не имел волшебного глаза, этого не заметил.

Когда все сели, Думблдор заговорил снова:

– Тремудрый Турнир проводится ради укрепления и развития магического сотрудничества. В свете последних событий – возрождения Лорда Вольдеморта – подобные связи важны, как никогда.

Думблдор посмотрел на мадам Максим и Огрида, потом на Флёр Делакёр и остальных бэльстэковцев, на Виктора Крума и дурмштранговцев за слизеринским столом. Крум, заметил Гарри, глядел беспокойно, почти испуганно, словно ожидая от Думблдора какой-то резкости.

– Всех наших гостей, – Думблдор задержал взгляд на дурмштранговцах, – если у них возникнет желание вернуться к нам, мы всегда будем рады видеть. Я хочу, чтобы все вы помнили, – в связи с возвращением Лорда Вольдеморта это необходимо помнить: наша сила – в единстве, слабость наша – в разобщенности... Лорд Вольдеморт обладает великим даром повсюду сеять вражду и раздоры. У нас есть лишь один способ борьбы – крепкие узы дружбы и доверия. Культурные, национальные различия – ничто, если у нас одна цель, а сердца открыты... Я знаю – и еще никогда так сильно не желал ошибиться, – что впереди у нас темные, трудные времена. Кое-кто здесь уже пострадал от Лорда Вольдеморта. Он сломал судьбы многих и многих семей. Неделю назад вы лишились товарища... Помните Седрика. И если придет время выбирать между тем, что просто, и тем, что правильно, вспомните, как поступил Лорд Вольдеморт с хорошим, добрым, храбрым мальчиком, который случайно оказался у него на пути. Помните Седрика Диггори.

Сундук Гарри был упакован; на крышке стояла клетка с Хедвигой. Гарри, Рон и Гермиона вместе с остальными четвероклассниками топтались в переполненном вестибюле и ждали карет, которые отвезут их на платформу Хогсмед. Снова был прекрасный летний день. Вечером Бирючинная улица встретит Гарри во всем своем великолепии, утопая в зелени и поражая глаз буйством красок на клумбах. Мысль об этом не принесла никакой радости.

– ‘Арри!

Он оглянулся. По парадному крыльцу взбегала Флёр Делакёр. Позади нее было видно, как во дворе Огрид помогает мадам Максим запрягать гигантских коней. Бэльстэксская карета готовилась к взлету.

– Ми есче увидимся, я надеюсь, – подбежав, сказала Флёр и протянула руку. – Я ‘очу найти здесь габоту, чтобы усовегшенствовать свой английский.

– У тебя очень хороший английский, – задушенным от волнения голосом проговорил Рон. Флёр улыбнулась ему. Гермиона надулась.

– До свидания, ‘Арри. – Флёр повернулась к выходу. – Било пгиятно с тобой позна комыться!

Гарри посмотрел, как Флёр стремительно идет по газону к мадам Максим, как красиво играет солнечный свет в ее серебристых волосах, и его настроение стало чуточку лучше.

– Интересно, как будут добираться назад дурмштранговцы? – с любопытством спросил Рон. – Как думаете, они смогут вести корабль сами, без Каркарова?

– Каркаров не водил корабл, – проворчали рядом. – Сидел в каюте, а нас заставлял делать всю работу. – Крум подошел попрощаться с Гермионой. – Мошно с тобой поговорит? – спросил он у нее.

– Ой... да... конечно, – слегка разволнившись, ответила она, последовала за Крумом в толпу и скрылась из виду.

– Давай быстрее! – громко закричал ей вслед Рон. – Кареты вот-вот приедут!

Караулить кареты он, однако, предоставил Гарри, а сам провел следующие минуты, вытягивая шею и выглядывая поверх голов, чем там занимаются Крум и Гермиона. Те вернулись довольно скоро. Рон испытывающее взгляделся в лицо Гермионы, но оно было совершенно безмятежно.

— Мне нравился Диггори, — отрывисто сообщил Крум Гарри. — Он всекта был со мной вешлив. Всекта. Хот я и из «Дурмштранга»... с Каркаровым, — добавил он, помрачнев.

— У вас уже есть новый директор? — спросил Гарри.

Крум пожал плечами. Потом, как и Флёр, протянул руку и попрощался сначала с Гарри, потом с Роном.

Рона явно терзала тяжелая внутренняя борьба. Крум уже собрался уходить, и тут Рон выпалил:

— Даешь мне автограф?

Гермиона отвернулась, улыбаясь безлошадным каретам, что приближались по подъездной дороге, а Крум, удивленный, но польщенный, подписал для Рона кусочек пергамента.

На обратном пути к вокзалу Кингз-Кросс погода была совсем не такая, как в сентябре, по дороге в «Хогварц». В небе не было ни облачка. Гарри, Рон и Гермиона отыскали себе отдельное купе. Свинринстеля, чтобы не ухал как сумасшедший, снова накрыли парадной мантией Рона. Хедвига дремала, сунув голову под крыло, а Косолапсус свернулся на свободном сиденье рядом с Гермионой и походил на большую и рыжую мохнатую подушку. Поезд мчался на юг, а Гарри, Рон и Гермиона разговаривали охотнее и свободнее, чем всю последнюю неделю в школе. Речь Думбльдора на прощальном пиру как будто открыла в Гарри какие-то шлюзы. Обсуждать случившееся стало не так больно. Они беседовали о том, что, возможно, уже сейчас предпринимает Думбльдор против Вольдеморта, и прервались, только когда прибыла тележка с едой.

Купив еду, Гермиона вернулась и убрала деньги в рюкзак; оттуда выглянул номер «Оракула».

Гарри неуверенно посмотрел на газету, не зная, стоит ли выяснить, о чем там пишут, но Гермиона, перехватив его взгляд, спокойно сказала:

— Там ничего такого. Можешь сам посмотреть — там ничего нет. Я каждый день проверяла. Была только крохотная заметка, на следующий день после третьего испытания, что Турнир выиграл ты. Седрика даже не упомянули. Об этом вообще ничего. По-моему, Фудж затыкает им рот.

— Рите никто рот не заткнет, — возразил Гарри. — Тут ведь такой сюжет!

— Рита после третьего испытания вообще не пишет, — как-то натянуто произнесла Гермиона. — И, между прочим, — добавила она, и тут ее голос слегка задрожал, — некоторое время и не будет. Если не хочет, чтобы я кое-что сообщила *о ней самой*.

— О чём ты? — удивился Рон.

— Я выяснила, как она подслушивала частные разговоры, хотя ее не пускали в школу, — единым духом выпалила Гермиона.

Гарри показалось, что она носила в себе эту информацию уже не первый день, умирая от желания поделиться, но сдерживалась, считая, что время неподходящее.

— Как она это делала? — немедленно спросил Гарри.

— Как ты выяснила? — вытаращился Рон.

— Вообще-то, Гарри, это ты подал мне идею, — ответила Гермиона.

— Я? — поразился Гарри. — Как это?

— Жучок! — сказала довольная Гермиона.

— Ты же говорила, они не работают...

— Да нет, не электронный жучок, — пояснила она. — Нет, понимаете... Рита Вритеर, — тут ее голос зазвенел от еле сдерживаемого триумфа, — незарегистрированный анимаг. Она может превращаться...

Гермиона достала из рюкзака плотно закрытую стеклянную баночку.

— ...в жука.

— Ты шутишь, — не поверил Рон. — Ты же не... она не...

— Она — очень даже да, — и счастливая Гермиона взмахнула банкой.

В банке были веточки, листики — и большой жирный жук.

— Такого не может... ты шутишь... — шептал Рон, поднося банку к глазам.

— Нет, не шучу. — Гермиона так и светилась. — Я ее поймала в лазарете на подоконнике. Посмотри внимательно — у нее возле усиков отметины, совсем как эти ее кошмарные очки.

Гарри присмотрелся — и правда. А еще он кое-что вспомнил.

— Тем вечером, когда Огрид рассказывал мадам Максим про свою маму, на статуе сидел жук!

– Совершенно верно, – кивнула Гермиона. – И после нашего с Виктором разговора у озера он снял жука у меня с головы. И, я сильно подозреваю, Рита сидела на подоконнике в классе прорицаний, когда у тебя заболел шрам. Весь год она так и сновала повсюду – пикантные истории выискивала.

– А когда, помните, мы видели Малфоя под деревом… – медленно начал Рон.

– Он держал ее в руке и разговаривал, – подтвердила Гермиона. – Он, конечно, знал. Так она брала свои чудненькие интервью у слизеринцев. Им плевать, что она нарушает закон, им бы только наговорить гадостей про нас и про Огрида.

Она забрала у Рона банку и улыбнулась жуку, а тот в негодовании забился о стекло.

– Я обещала выпустить ее в Лондоне, – сказала Гермиона. – Наложила на банку неразбивное заклятие, так что она не сумеет превратиться. И еще я ей велела на год попридержать перо. Посмотрим, может, она оставит дурную привычку врать и писать про людей гадости.

Безмятежно улыбаясь, Гермиона спрятала жука в рюкзак.

Дверь в купе бесшумно отворилась.

– Очень умно, Грейнджен, – процедил Драко Малфой.

За его спиной возвышались Краббе и Гойл. Все трое на редкость наглые, грозные, самодовольные.

– Итак, – неспешно начал Малфой, шагнув в купе. На губах его трепетала усмешка. – Ты поймала какую-то несчастную репортершу, а Поттер – снова любимчик Думблдора. Молодец, возьми с полки пирожок.

Усмешка стала шире. Краббе и Гойл осклабились.

– Стараемся ни о чем не думать, да? – тихонько спросил Малфой, обводя взглядом присутствующих. – Делаем вид, что ничего не случилось?

– Выди вон, – приказал Гарри.

Он не видел Малфоя с тех пор, как тот шептался со своими дружками во время речи Думблдора. Сейчас при виде его у Гарри зазвенело в ушах. Рука непроизвольно потянулась за палочкой.

– Ты примкнул к неудачникам, Поттер! Я тебя предупреждал! Я говорил, нечего водить дружбу с этой швалью, помнишь? В поезде, в

первый день? Я тебе говорил: не якшайся с отребьем! – Он дернул головой в сторону Рона и Гермионы. – А теперь все, Поттер, поздно! Как только Лорд Вольдеморт приступит к делу, их первыми отправят куда следует! Первыми – мугродье и муглофилов! То есть вторыми – Диггори был пе...

В купе словно взорвался ящик с петардами. Ослепленный вспышками заклятий, ударивших со всех сторон, оглушенный грохотом, Гарри заморгал и посмотрел на пол.

На пороге без сознания лежали Малфой, Краббе и Гойл. И Гарри, и Рон, и Гермиона вскочили – каждый ударил своим заклятием. И не только они.

– Решили проверить, что затевает эта троица, – как бы между прочим пояснил Фред, ставя ногу на Гойла, чтобы войти в купе. В руке у него была волшебная палочка – и у Джорджа тоже; тот вошел следом за Фредом, не преминув наступить на Малфоя.

– Интересный эффект, – заметил Джордж, поглядев на Краббе. – Фурнункульное заклятие чье?

– Мое, – сказал Гарри.

– Странно, – небрежно проговорил Джордж. – Я-то использовал ватноножное. Похоже, они не сочетаются. Смотри, у него по всей морде какие-то мелкие щупальца повылезали. Ладно, давайте их куда-нибудь выкатим, чтоб интерьер не портили.

Рон, Гарри и Джордж, пиная и толкая, выкатили в коридор неподвижные тела Малфоя, Краббе и Гойла – все трое прекрасно иллюстрировали действие несочетаемых заклятий, – вернулись в купе и закрыли за собой дверь.

– Перекинемся в картишки? – Фред достал колоду карт-хлопушек.

Посреди пятой партии Гарри решился спросить.

– Так вы нам скажете или нет? – обратился он к Джорджу. – Кого вы шантажировали?

– Ох, – вздохнул Джордж. – Ты об этом.

– Какая разница, – нетерпеливо тряхнул головой Фред. – Это ерунда, не важно. Сейчас, по крайней мере.

– Все равно мы потеряли надежду, – пожал плечами Джордж.

Но Гарри, Рон и Гермиона не отставали, и в конце концов Фред сдался:

– Ну ладно, ладно, раз вам так уж надо знать… Людо Шульмана мы шантажировали.

– Шульмана? – вскинулся Гарри. – Он что, связан с…

– Не-а, – мрачно процедил Джордж. – Ничего подобного. У этого дурака на такое мозгов бы не хватило.

– А что тогда? – спросил Рон.

Фред поколебался, а потом сказал:

– Помните, мы делали ставки на финале кубка? Что выиграет Ирландия, но Проныру поймает Крум?

– Да, – хором ответили Гарри и Рон.

– Так вот, этот тип заплатил нам лепреконовым золотом.

– И?..

– И, – раздраженно бросил Фред, – оно испарилось. На следующее утро его уже не было!

– Но… это же, наверно, случайность? – осторожно предположила Гермиона.

Джордж весьма невесело рассмеялся:

– Да, мы тоже так решили. Сначала. Думали, напишем ему, он узнает, что ошибся, и выложит деньги. Но нет, фигушки. Даже не ответил на письмо. Потом, когда он бывал в «Хогварце», мы всё хотели с ним поговорить, но он каждый раз исхитрялся улизнуть.

– Кончилось тем, что он вообще на нас наехал, – добавил Фред. – Заявил, что мы не доросли еще играть на деньги и он нам ничего не отдаст.

– Тогда мы попросили вернуть нашу ставку, – продолжал Джордж, с каждой секундой мрачнея.

– Отказал? Не может быть! – ахнула Гермиона.

– А вот и может, – ответил Фред.

– Но это же были все ваши сбережения! – воскликнул Рон.

– Это ты нам говоришь? – отозвался Джордж. – Мы в конце концов выяснили, в чем дело. С папой Ли Джордана приключилась такая же история, он тоже не мог получить денег с Шульмана. Ну и выяснилось, что Шульман попал в жуткую историю с гоблинами. Назанимал у них выше крыши. После финального матча они его прижали целой толпой в лесу, забрали все, что у него с собой было, но даже это не покрывало долгов. Гоблины проследили за ним до «Хогварца», хвостом за ним

ходили. Он проиграл все до последнего кнуда. И знаете, как этот идиот собирался расплатиться с гоблинами?

– Как? – спросил Гарри.

– Он поставил на тебя, дружок, – объяснил Фред. – Поставил крупную сумму, что ты выиграешь Турнир. Держал пари с гоблинами.

– Так *вот* почему он все предлагал мне помочь! – догадался Гарри. – Ну так... я и выиграл. Теперь он отдаст вам, что должен!

– Как же, – покачал головой Джордж. – Гоблины тоже играют грязно. Сказали, что ты выиграл пополам с Диггори, а Шульманставил, что ты выиграешь один. Ну и Шульман драпанул. Сразу после третьего испытания.

Джордж глубоко вздохнул и начал снова сдавать карты.

Остаток пути ребята провели весьма приятно; Гарри хотелось, чтобы это длилось вечно и они никогда не приезжали на Кингз-Кросс... только, как он уже выяснил в этом году, время никогда не замедляет свой бег, если впереди тебя ждет что-то неприятное, и поэтому скоро, ох как скоро, поезд начал притормаживать у платформы девять и три четверти. В коридорах образовалась обычная шумная кутерьма, школьники выходили из вагона. Рон и Гермиона кое-как перетащили сундуки через Малфоя, Краббе и Гойла.

Но Гарри остался в купе.

– Фред... Джордж... подождите минутку.

Близнецы обернулись. Гарри открыл сундук и достал оттуда свой выигрыш.

– Возьмите. – И он сунул кошелек в руки Джорджу.

– Что?! – оторопел Фред.

– Возьмите, – твердо повторил Гарри. – Я их не хочу.

– Сбрендил? – Джордж попытался отпихнуть кошелек.

– Нет, не сбрендил, – сказал Гарри. – Возьмите. Это на ваши изобретения. На хохмазин.

– *И впрямь* псих, – проговорил Фред чуть ли не благоговейно.

– Послушайте, – твердо сказал Гарри. – Если вы не возьмете эти деньги, я спущу их в унитаз. Я их не хочу, они мне не нужны. А вот повеселиться мне не повредило бы. Как и всем остальным. У меня такое чувство, что в ближайшем будущем нам это ой как понадобится.

– Гарри, – пролепетал Джордж, взвешивая в руках кошелек, – это же тысяча галлеонов.

— Совершенно верно, — усмехнулся Гарри. — Только подумай, сколько тут «Канареек с кремом».

Близнецы молча смотрели на него.

— Только маме не говорите, где вы их взяли... хотя, если подумать, она, может, теперь не будет так настаивать, чтобы вы шли работать в министерство...

— Гарри, — начал было Фред, но Гарри уже достал волшебную палочку.

— Знаете что, — сухо сказал он, — берите, а то я вас прокляну. Я тут кое-чему научился. И еще, сделайте мне одолжение, ладно? Купите Рону новую парадную мантию и скажите, что это от вас.

Он вышел из купе, не успели близнецы возразить, и перешагнул через Малфоя, Краббе и Гойла — те по-прежнему валялись на полу, все в отметинах от заклятий.

Дядя Верон ждал за барьером. Миссис Уизли стояла неподалеку. Она крепко обняла Гарри и прошептала ему в ухо:

— Думбльдор, наверное, позволит тебе приехать к нам попозже. Пиши, Гарри.

— До встречи, Гарри! — Рон хлопнул его по спине.

— Пока, Гарри! — сказала Гермиона и сделала такое, чего никогда раньше не делала, — поцеловала Гарри в щеку.

— Гарри... спасибо, — тихонько пробормотал Джордж, а Фред яростно закивал.

Гарри подмигнул им, повернулся к дяде Верону и молча пошел вслед за ним к выходу. Сейчас-то о чем беспокоиться? Пока еще не о чем, решил он, забираясь на заднее сиденье Дурслеевой машины.

Как сказал Огрид, чему быть, того не миновать... а уж чести не терять Гарри постарается.

Книги из серии о Гарри Поттере (в порядке чтения):

Гарри Поттер и философский камень

Гарри Поттер и тайная комната

Гарри Поттер и узник Азкабана

Гарри Поттер и кубок огня

Гарри Поттер и орден феникса

Гарри Поттер и принц-полукровка

Гарри Поттер и Дары Смерти

Прочтите первую главу следующей книги из серии о Гарри Поттере...

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер и орден феникса

ГАРРИ ПОТТЕР

И ОРДЕН ФЕНИКСА

5

ДЖ.К. РОУЛИНГ

Глава первая

Деменция Дудли

Рекордно жаркий день этого лета подходил к концу, и большие квадратные дома Бирючинной улицы окружали дремотное молчание. Автомобили во дворах, обыкновенно сверкающие чистотой, потускнели от пыли, а газоны, некогда изумрудно-зеленые, высохли и пожелтели – в связи с засухой пользоваться шлангами запрещалось. Местные жители, вынужденные отказаться от привычных занятий – мытья машин и ухода за лужайками, – прятались по прохладным домам, широко распахнув окна в надежде заманить несуществующий ветерок. На улице оставался один лишь мальчик-подросток, лежавший навзничь на клумбе возле дома № 4.

Этот тощий черноволосый мальчик в очках, видимо, сильно прибавил в росте за очень короткое время и потому выглядел слегка нездоро. На нем были грязные рваные джинсы, мешковатая линялая футболка и старые спортивные тапочки, которые просили каши. Такая наружность, конечно, не прибавляла Гарри Поттеру очарования в глазах других обитателей улицы, свято веривших, что неопрятность следует причислить к уголовно наказуемым действиям. К счастью, нынче вечером от соседских глаз его скрывал большой куст гортензии. Собственно, сейчас Гарри вообще могли бы заметить только его дядя и тетя, да и то если бы высунулись в окно и посмотрели прямо вниз, на клумбу.

В целом Гарри считал, что идея спрятаться здесь очень удачна. Конечно, лежать на раскаленной каменной земле не слишком удобно, зато никто не смотрит на него волком, не заглушает голос диктора зубовым скрежетом и не задает гнусных вопросов, как бывает всякий раз, когда он пытается смотреть телевизор в гостиной вместе с родственниками.

И, словно эта мысль случайно влетела через окно в комнату, оттуда неожиданно послышался голос Вернона Дурслея, приходившегося Гарри дядей:

– Хорошо хоть мальчишка больше сюда не лезет. Кстати, куда он подевался?

– Понятия не имею, – равнодушно ответила тетя Петуния. – В доме его нет.

Дядя Вернон невнятно рыкнул и язвительно прибавил:

– Он теперь, видите ли, *интересуется новостями*. Хотел бы я знать, что он на самом деле затевает. Чтобы нормального парня волновали события в мире!.. Так я и поверил! Дудли вот понятия ни о чем не имеет. Сомневаюсь, что он в курсе, как зовут премьер-министра... И вообще, не станут же про *их кодлу* рассказывать в *наших новостях*...

– Вернон, ш-ш-ш! – испуганно перебила его тетя Петуния. – Окно ведь открыто!

– Ах да... прости, дорогая.

Дурслеи затихли, и Гарри выслушал стишок про мюсли с фруктами и отрубями. Одновременно он наблюдал, как по улице бредет миссис Фигг, чокнутая престарелая кошатница, которая жила неподалеку в Глициниевом переулке. Миссис Фигг хмурилась и что-то бормотала себе под нос. Гарри еще раз порадовался, что догадался спрятаться за кустом: в последнее время миссис Фигг взяла моду при каждой встрече зазывать его на чай. Она уже завернула за угол и скрылась из виду, когда из окна опять поплыл голос дяди Вернона:

– Значит, Дудлика пригласили в гости?

– Да, к Полкиссам, – с нежностью ответила тетя Петуния. – У него столько друзей, ребята его так любят...

Гарри с трудом удержался, чтобы не фыркнуть. Просто поразительно, до чего слепо Дурслеи обожают сына. Все каникулы тот умудрялся кормить родителей весьма неизобретательной ложью про ежевечерние чаепития у приятелей, но Гарри-то прекрасно знал, что никаких чаев Дудли не пьет. Вместо этого каждый вечер Дудли и его банда отправляются в детский парк и крушат что под руку попадется, либо слоняются по улицам, курят и кидаются камнями в проезжающие машины и гуляющих детей. Гарри не однажды видел, как они этим занимаются, когда сам бродил по Литтл Уинджингу, – почти все каникулы он блуждал по улицам, заодно таская газеты из урн.

Тут до ушей Гарри донеслись первые ноты музыкальной заставки, предварившей семичасовые новости, и в животе у него что-то судорожно сжалось. Может быть, сегодня... после целого месяца ожидания... может быть, сегодня.

– Число туристов, застрявших в аэропортах Испании, достигло рекордной отметки. Идет вторая неделя забастовки носильщиков...

– Вот я бы им устроил пожизненную сиесту, – заглушило конец фразы ворчание дяди Вернона, но это было не важно: под окном на клумбе Гарри уже чувствовал, что узел в животе потихоньку развязывается. Случись что-нибудь, об этом, без сомнения, сказали бы в первую очередь; смерть и катастрофы всегда идут раньше застрявших туристов.

Гарри медленно выдохнул и стал смотреть в ослепительно-синее небо. Этим летом каждый день одно и то же: мучительное напряжение, ожидание, потом временное облегчение, потом снова нарастающее беспокойство... и недоумение, всякий раз все острее: *почему* ничего не происходит?

Он продолжал слушать новости – так, на всякий случай, в надежде уловить хоть малейший намек, непонятный для муглов... какое-нибудь необъяснимое исчезновение или загадочный инцидент... но за сообщением о туристах последовал сюжет о засухе в юго-восточном районе («Надеюсь, сосед это смотрит! – заревел дядя Вернон. – Думает, мы не знаем, что он в три утра включает свои поливал-ки!»); потом о вертолете, чуть не потерпевшем крушение в Суррее; потом о разводе одной знаменитой актрисы с ее не менее знаменитым мужем («Очень нам интересно нюхать их грязное белье», – дернула носом тетя Петуния, которая с упорством маньяка выуживала подробности этой истории из всех журналов, какие только попадали в ее костлявые руки).

Яркое небо слепило глаза, и Гарри закрыл их, одновременно услышав: «...И последнее. Попка-дурак изобрел новый способ охладиться. Волнистый попугайчик Попка, проживающий в “Пяти перьях” в Парнсли, выучился кататься на водных лыжах! С подробностями – наш корреспондент Мэри Ахинейс».

Гарри открыл глаза. Раз дошли до попугайчиков на водных лыжах, дальше можно не слушать. Он осторожно перекатился на живот, встал на четвереньки и пополз прочь от окна.

Однако не успел он проползти и двух дюймов, одно за другим случилось сразу несколько событий.

Раздался оглушительный, похожий на выстрел хлопок, громким эхом разнесшийся в солнном молчании улицы; из-под машины

неподалеку очумело выкатилась и унеслась кошка; из окна гостиной Дурслеев донесся вопль, громкое ругательство и звон разбившегося фарфора; и тогда, как по долгожданному сигналу, Гарри вскочил, выхватывая из-за пояса джинсов тонкую деревянную волшебную палочку, словно меч, но, не сумев даже выпрямиться, треснулся макушкой о раму открытого окна. Услышав грохот, тетя Петуния завопила еще громче.

Гарри показалось, что голова раскололась надвое. Из глаз неудержимо полились слезы. Он стоял покачиваясь, стараясь сфокусировать зрение и понять, откуда раздался хлопок, но, едва ему удалось обрести равновесие, из окна протянулись две багровые мясистые руки и крепко обхватили его за горло.

— *А ну — убери — эту — штуку!* — зарокотал Гарри в ухо голос дяди Вернона. — *Быстро! Пока — никто — не — увидел!*

— Отстаньте — от — меня! — задушиенно прохрипел Гарри. Несколько секунд между ними шла ожесточенная борьба. Левой рукой Гарри пытался оторвать от себя дядины пальцы-сардельки, а правой крепко сжимал поднятую палочку. Макушку пронзила особо сильная боль, дядя Вернон пронзительно взвизгнул, как от удара током, и выпустил племянника — будто сквозь тело Гарри текла незримая сила, не позволявшая его коснуться.

Гарри, тяжело дыша, чуть не свалился на куст гортензии, но сумел-таки выпрямиться и огляделся. Вокруг не наблюдалось ничего такого, что могло бы издать хлопок, зато в окнах окрестных домов показались любопытные лица. Гарри поспешил сунул палочку за пояс джинсов и напустил на себя невинный вид.

— Добрый вечер! — прокричал дядя Вернон миссис из дома номер семь напротив, сурово глядевшей из-за тюлевых занавесок. — Слышали, какой сейчас был выхлоп? Мы с Петунией так и подпрыгнули!

Он продолжал неестественно лыбиться во все стороны, пока соседи не отошли от окон, и тогда безумная улыбка превратилась в гримасу яростного бешенства. Дядя Вернон поманил Гарри к себе.

Гарри приблизился на несколько шагов, осторожно, чтобы ненароком не перейти ту черту, за которой руки дяди Вернона смогут вновь схватить его за горло и начать душить.

— Какого рожна ты это сделал, парень? — Голос дяди Вернона прерывался от злости.

— Что сделал? — холодно уточнил Гарри. Он все озирался, надеясь увидеть, кто хлопнул.

— Палишь тут, как из пистолета, прямо у нас под…

— Это не я, — твердо сказал Гарри.

Рядом с широкой багровой физиономией дяди Вернона появилось худое лошадиное лицо тети Петунии. Она была в бешенстве.

— Что ты тут шныряешь?

— Да… Да! Правильно, Петуния! *Что ты делал под окном, парень?*

— Слушал новости, — безропотно признался Гарри. Дядя и тетя возмущенно переглянулись.

— Слушал новости? *Опять?!*

— Они вообще-то каждый день новые, — сказал Гарри.

— Ты мне не умничай! Я хочу знать, что ты *на самом деле* затеваешь, — и нечего мне мозги полоскать! «Слушаю новости»! Тебе прекрасно известно, что *вашу братию*…

— Тише, Вернон! — еле слышно выдохнула тетя Петуния.

Дядя Вернон понизил голос и договорил так тихо, что Гарри с трудом расслышал:

— …Что *вашу братию* не показывают по *нашему* телевидению!

— Это вы так думаете, — сказал Гарри.

Несколько секунд дядя Вернон молча таращил на него глаза, а потом тетя Петуния решительно произнесла:

— Мерзкий лгунишка. Зачем же тогда все эти ваши… — тут она тоже понизила голос, и следующее слово Гарри пришлось читать по губам: — *совы?* Разве они не новости приносят?

— Да-да! — победно зашептал дядя Вернон. — Не пудри нам мозги, парень! Как будто мы не знаем, что свои новости ты получаешь от этих отвратных птиц!

Гарри молчал в нерешительности. Сказать правду было не так-то легко, пусть даже дядя с тетей и не могли понять его боль.

— Совы… не приносят мне новости, — бесцветно выговорил он.

— Не верю, — тут же сказала тетя Петуния.

— Я тоже, — горячо поддержал ее дядя Вернон.

— Ты что-то нехорошее затеял, это ясно, — продолжала тетя Петуния.

— Мы, между прочим, не идиоты, — объявил дядя Вернон.

— А вот *это* уж точно новость дня, — огрызнулся Гарри раздражаясь. Не успели Дурслеи ответить, он круто развернулся, пересек лужайку, переступил через низкую ограду и зашагал по улице.

Он знал, что нажил себе неприятности. Потом, конечно, придется поплатиться за грубость, но пока это не важно; ему и так есть о чем беспокоиться.

Он почти не сомневался, что громкий хлопок раздался оттого, что кто-то аппарировал на Бирючинную улицу или, наоборот, дезаппарируя. Точно с таким же звуком растворялся в воздухе домовый эльф Добби. Возможно ли, что Добби сейчас здесь? Вдруг в эту самую минуту эльф идет за ним по пятам? Гарри круто обернулся, но Бирючинная улица была совершенно пуста, а Гарри точно знал, что Добби не умеет становиться невидимым.

Он шел, не выбирая дороги, — он уже столько раз тут бродил, что ноги сами несли его излюбленными маршрутами, — и каждые несколько шагов оглядывался через плечо. Пока он валялся среди умирающих begonij тети Петунии, рядом был кто-то из колдовского мира, это точно. Почему же они не заговорили с Гарри? И где прячутся теперь?

Разочарование нарастало, а уверенность ослабела и исчезла.

В конце концов, вовсе не обязательно, что звук был волшебный. Может, из-за бесконечного ожидания он, Гарри, дошел до ручки и готов любой самый обычный шум принять за весточку из своего мира? Может, просто у соседей что-то разбилось или взорвалось?

При этой мысли на душе у Гарри сразу стало тягостно, и в мгновение ока опять навалилась горькая безнадежность, преследовавшая его все лето.

Завтра в пять утра он снова проснется по будильнику, чтобы заплатить сове, разносящей «Оракул», — но что толку его выписывать? В последнее время Гарри отбрасывал газету, не раскрывая: новость о возвращении Вольдеморта, когда до идиотов в редакции дойдет наконец, что это правда, поместят на первой полосе, а прочее неинтересно.

Если повезет, совы принесут и письма от Рона с Гермионой. Но Гарри давно оставил надежду узнать от них что-нибудь вразумительное.

Ты же понимаешь, мы не можем писать о сам-знаешь-чем... Нам не велели сообщать тебе никаких важных новостей, на случай, если письма заблудятся... Мы сейчас довольно сильно заняты, но я не могу рассказать в письме подробно... Здесь столько всего происходит, при встрече обо всем расскажем...

При встрече? И когда же это? Что-то никто не торопится назначить дату. На поздравительной открытке, которую Гермиона прислала ему в день рождения, было написано: «Думаю, что мы очень скоро увидимся». Но как скоро наступит это самое «скоро»? Насколько можно понять по их туманным намекам, Рон с Гермионой сейчас вместе, предположительно у Рона. Гарри с трудом мирился с мыслью, что они двое веселятся в «Гнезде», а он вынужден торчать на Бирючинной улице. А если уж до конца откровенно, он злился на друзей так сильно, что выкинул целых две коробки ракатлукловского шоколада, которые они прислали ему в подарок. Правда, сразу об этом и пожалел – после вялого салата, поданного в тот же вечер на ужин тетей Петунией.

И чем это таким они заняты? И почему он, Гарри, не занят ничем? Разве он не доказал, что способен на много, много большее, чем они? Неужели все забыли, что он сделал? Это ведь он был на кладбище и видел, как погиб Седрик, это его привязали к надгробию и чуть не убили...

Не вспоминай, – в сотый раз за лето приказал себе Гарри. Кладбище снилось ему в кошмарах каждую ночь; не хватало еще думать о нем наяву.

Он свернул в Магнолиевый проезд и вскоре прошел мимо узкого прохода рядом с гаражом, где когда-то впервые увидел своего крестного отца. Сириус хотя бы осознает, каково сейчас Гарри. Конечно, и он толком ничего не рассказывает, но его письма полны не многозначительных намеков, а слов заботы и утешения: *я понимаю, как тебе сейчас тревожно... будь умничкой, все наладится... будь осторожен, не глупи...*

«Что же – думал Гарри, сворачивая с Магнолиевого проезда на Магнолиевую улицу и направляясь к парку, над которым уже стущались сумерки, – я по большому счету так и поступаю. Я же не привязал сундук к метле и не улетел в “Гнездо”, хотя ужасно хотелось». Гарри вообще считал себя паинькой – если учитывать, как

его злит вынужденное сидение на Бирючинной улице и шнырянье по кустам в надежде хоть что-то узнать о лорде Вольдеморте. Но все равно, совет не глупить от человека, который двенадцать лет отсидел в колдовской тюрьме Азкабан, бежал, предпринял попытку совершить то убийство, за которое, собственно, и был осужден, а затем отправился в бега вместе с краденым гиппогрифом, – мягко говоря, бесит.

Гарри перелез через запертые ворота парка и побрел по высохшей траве. Кругом было так же пустынно, как и на окрестных улицах. Он дошел до площадки с качелями, сел на те единственныe, которые еще не были сломаны Дудли и его приятелями, одной рукой обвил цепь и мрачно уставился в землю. Больше не выйдет прятаться на клумбе. Завтра придется изобрести новый способ подслушивать новости. А пока ему не светит ничего хорошего, кроме очередной тяжелой беспокойной ночи: вечно снятся если не кошмары про Седрика, так обязательно какие-то длинные темные коридоры, ведущие в тупик, к запертым дверям. Видно, потому, что и наяву он в отчаянной безысходности. Шрам на лбу довольно часто саднит, но теперь это вряд ли обеспокоит Рона с Гермионой, да и Сириуса тоже. Раньше боль предупреждала о том, что Вольдеморт вновь набирает силу, но теперь, когда и так ясно, что он вернулся, друзья, скорее всего, скажут, что шрам, собственно, и должен болеть... не о чем и говорить... старая песня...

Обида на эту сплошную несправедливость переполняла Гарри, и ему хотелось кричать от ярости. Да если бы не он, никто бы и не знал про Вольдеморта! А в награду его вот уже целый месяц маринуют в Литтл Уинджинге, в полной изоляции от колдовского мира! Вынуждают сидеть среди вялых begonias и слушать про попугайчиков! Как мог Думблдор взять и забыть про него? Почему Рон с Гермионой вместе, а его не позвали? Хватает же совести! И сколько ему еще терпеть наставления Сириуса? Сколько сидеть смирно, быть паинькой и бороться с искушением написать в газету: ку-ку, ребята, Вольдеморт вернулся? В голове у Гарри роились гневные мысли, внутри все переворачивалось от злости, а между тем на землю спускалась жаркая бархатистая ночь, воздух был напоен ароматом теплой сухой травы, и в тишине лишь глухо рокотали машины за оградою парка.

Неизвестно, сколько времени Гарри просидел на качелях, но в его мрачные мысли внезапно ворвались чьи-то голоса, и он поднял голову. С близлежащих улиц сквозь кроны деревьев проникал туманный свет фонарей, высветивший силуэты людей, шагавших через парк. Один громко распевал неприличную песню. Остальные смеялись. Все они, судя по приятному стрекотанию, катили рядом с собой дорогие гоночные велосипеды.

Гарри знал, кто это такие. Впереди, вне всякого сомнения, Дудли. Держит путь домой в окружении боевых друзей.

Дудли оставался громадиной, но прошлогодняя суровая диета и вдруг открывшийся талант сильно переменили его внешность. Недавно – о чем с большим восторгом сообщал всем и каждому дядя Вернон – Дудли стал победителем чемпионата по боксу среди юниоров-тяжеловесов школ Юго-Востока. «Благородный», по выражению дяди Вернона, спорт сделал Дудли фигурой еще более устрашающей, чем раньше, во времена, когда они с Гарри ходили в начальную школу и Гарри служил двоюродному брату первой боксерской грушей. Гарри уже не боялся Дудли, но все равно считал, что, если тот научился бить точнее и больнее – это отнюдь не повод для ликования. Для соседских детей Дудли был страшилищем похоже «бандинга Поттера», которым их пугали родители, – такой, мол, отпетый хулиган, что его отдали в школу св. Грубуса, интернат строгого режима для неисправимых преступников.

Гарри смотрел на движущиеся силуэты, гадал, кому они наваляли сегодня вечером, и вдруг поймал себя на том, что мысленно призывает их: *оглянитесь! Ну же... оглянитесь... я тут совсем один... давайте... подойдите-ка...*

Если дружки Дудли увидят его одного, они тут же бросятся к нему – и что тогда делать Дудли? Неприятно ударить лицом в грязь перед своей бандой, но и до смерти страшно спровоцировать Гарри... Интересно будет понаблюдать за этой внутренней борьбой... Дразнить Дудли и видеть, что он боится ответить... А если кто из его прихвостней захочет напасть – пожалуйста, Гарри готов: у него с собой палочка. Пусть только сунутся... он с радостью выместиет злость – хотя бы отчасти – на этих типчиках, кошмаре его детства.

Но они не оборачивались и не видели его и почти уже дошли до ограды. Гарри поборол желание их окликнуть... глупо нарываться на

драку... ему нельзя колдовать... нельзя рисковать... его же могут исключить из школы...

Голоса затихали; компания, направлявшаяся к Магнолиевой улице, скрылась из виду.

Вот тебе, Сириус, получи, – скучно подумал Гарри. – Я не сгупил. Был умничкой. В отличие от тебя.

Он встал и потянулся. Пора. А то дядя Вернон с тетей Петунией уверены, что домой надо приходить именно во столько, во сколько возвращается их сын, и ни секундой позже. Дядя Вернон даже грозился запереть Гарри в сарае, если тот еще раз вернется после Дудли; подавив зевок и по-прежнему хмурясь, Гарри направился к воротам.

Магнолиевая улица ничем не отличалась от Бирючинной – те же большие квадратные дома с ухоженными газонами, те же большие квадратные хозяева и очень чистые машины. Литтл Уинджинг гораздо больше нравился Гарри ночью, когда занавешенные окна ярко и красиво светились в темноте и можно было спокойно идти мимо, не опасаясь услышать очередную гадость о своей «бандитской роже». Он шагал быстро и вскоре нагнал банду Дудли; они прощались у поворота в Магнолиевый проезд. Гарри спрятался за кустом сирени и стал ждать.

– Визжал прямо как свинья, скажи? – говорил Мальcolm подружный гогот приятелей.

– Отличный хук справа, Чемпион, – хвалил Пирс.

– Завтра в то же время? – спросил Дудли.

– Давайте у меня, предков дома не будет, – предложил Гордон.

– Ладно, пока, – сказал Дудли.

– Пока, Дуд!

– До встречи, Чемпион!

Гарри подождал, пока дружки Дудли разойдутся, и отправился дальше. Когда голоса утихли, он свернул в Магнолиевый проезд и очень скоро почти нагнал Дудли. Тот брел весьма неспешно, немузикально напевая себе под нос. Гарри шел за ним.

– Эй, Чемпион!

Дудли обернулся.

– А, – пробурчал он. – Это ты.

– Не-а, не я. Чемпион у нас ты, забыл?

– Заткнись, – рыкнул Дудли отворачиваясь.

– Что ж, хорошее имя, – сказал Гарри и, поравнявшись с кузеном, зашагал с ним в ногу. – Но для меня ты навсегда «Дудинька Дюдюша».

– Я же сказал, ЗАТКНИСЬ! – Руки Дудли сжались в кулаки.

– А твои друзья знают, как тебя называет мамочка?

– Заткни свой поганый рот.

– А *ей* ты не говоришь «заткни свой поганый рот»... Может, «Попкин» или «Пипкин»? Можно мне тебя так называть?

Дудли молчал. Видимо, сосредоточил все усилия на том, чтобы не броситься на Гарри.

– Ладно, лучше расскажи, кого вы отметили сегодня? – спросил тот, и улыбка исчезла с его лица. – Очередного малолетку? Насколько я знаю, пару дней назад не повезло Марку Эвансу...

– Он сам напросился, – пробурчал Дудли.

– Ах вот как?

– Он меня дразнил!

– Ой! Неужто он осмелился сказать, что ты похож на свинью, которую выучили ходить на задних ногах? Это не называется дразнить, Дуд, это называется говорить правду.

Желваки на лице Дудли ходили ходуном. Гарри испытывал огромное удовлетворение оттого, что ему удалось так сильно взбесить двоюродного брата; как будто вылил на Дудли свое раздражение – ведь больше его деть некуда.

Короткий путь из Магнолиевого проезда в Глициниевый переулок вел через тот самый проход, где Гарри впервые увидел Сириуса. Здесь было пустынно и намного темнее – никаких фонарей. С одной стороны возвышался забор, с другой – стены гаражей, и шаги звучали глухо.

– Думаешь, если у тебя эта штука, ты самый крутой, да? – сказал Дудли после короткого раздумья.

– Какая штука?

– Ну эта... эта твоя... которую ты прячешь.

Гарри опять ухмыльнулся:

– Дуд, да ты, видать, не такой тупой! Впрочем, иначе ты, пожалуй, не мог бы ходить и говорить одновременно.

Гарри достал палочку и заметил, как покосился на нее Дудли.

– Тебе нельзя, – поспешно заявил Дудли. – Я точно знаю. А то тебя исключат из твоей дебильной школы.

— А вдруг у нас правила поменяли? А тебе не доложили?

— Ничего не поменяли, — сказал Дудли, но без особой убежденности.

Гарри тихо рассмеялся.

— Все равно, без этой штуки тебе на меня слабо, — проворчал Дудли.

— Да ты сам без четырех ассистентов десятилетнего мальчишку побить не можешь. Вот ты получил разряд по боксу. Сколько было твоему сопернику? Семь? Восемь?

— Шестнадцать, если хочешь знать, — буркнул Дудли, — и, когда я с ним закончил, он двадцать минут валялся как мертвый, а он, между прочим, в два раза тяжелей тебя. Вот погоди, я скажу папе, что ты опять доставал эту дрянь...

— Так, вот мы и побежали к папуле. Дюдоша-Чемпион испугался противной палочки.

— Что-то ты по ночам не такой храбрый, — мерзко ухмыльнулся Дудли.

— Ночь — это то, что сейчас, Попкин. Так называется время, когда вокруг темно.

— Я имею в виду, ночью в кровати! — рявкнул Дудли.

Он остановился. Гарри тоже остановился и уставился на двоюродного брата. В темноте было плохо видно, но, кажется, тот смотрел победителем.

— Чего? Ночью в кровати я не такой храбрый? Что это значит? — озадаченно спросил Гарри. — А чего мне там бояться? Подушек?

— Я слышал сегодня, — негромко проговорил Дудли. — Ты разговаривал во сне. *Стонал*.

— Чего? — снова спросил Гарри, но у него уже похолодело в груди. Этой ночью ему опять снилось кладбище.

Дудли хрюкло хохотнул и заскулил тоненьким голоском:

— «Не убивай Седрика! Не убивай Седрика!» Кто такой Седрик? Твой бойфренд?

— Я... Ты врешь, — машинально сказал Гарри. Но во рту у него пересохло. Он прекрасно понимал, что Дудли не врет — откуда еще ему знать про Седрика?

— «Папа! Помоги мне, папа! Папочка, он хочет меня убить! У-у-у!»

– Заткнись! – тихо приказал Гарри. – Умолкни, Дудли, иначе я за себя не ручаюсь!

– «Папочка, помоги! Мамочка, помоги! Он убил Седрика! Папочка, спаси меня! Он хочет...» *Не тычь в меня этой штукой!*

Дудли вжался в забор. Палочка нацелилась прямо ему в сердце. Вся ненависть, накопившаяся за долгие четырнадцать лет, закипела у Гарри в сердце – чего только он не отдал бы сейчас за возможность садануть Дудли заклятием пострашнее! И пусть ползет домой бессмысленным насекомым с какими-нибудь ложноножками...

– Больше не смей и заикаться об этом, – яростно прошипел Гарри. – Понял?

– Убери эту штуку!

– Я спрашиваю, понял?

– Убери эту штуку!

– ПОНЯЛ МЕНЯ?

– УБЕРИ ОТ МЕНЯ СВОЮ...

И вдруг Дудли судорожно охнул, будто неожиданно окунувшись в ледяную воду.

Произошло что-то непонятное. Звездное небо цвета индиго внезапно почернело, и наступила кромешная тьма – исчезли и луна, и звезды, и мерцающий свет фонарей в переулках. Не стало слышно шелеста листвы и далекого рокота автомобилей. Теплый вечер обжигал пронзительным холодом. Гарри и Дудли окружила абсолютная, непроницаемая, черная тишина, словно чья-то гигантская рука накрыла все вокруг плотной ледяной накидкой, не пропускавшей ни звука, ни света.

Сначала Гарри решил, что, сам того не желая, проделал какое-то волшебство, но потом разум взял верх над чувствами – как бы там ни было, выключить звезды ему не под силу. Он повертел головой, стараясь увидеть хоть что-нибудь, но тьма невесомой вуалью лнула к глазам.

В уши удариł перепуганный голос Дудли:

– Т-ты чего н-наделал? Уб-бери это!

– Ничего я не наделал! Замолчи и не двигайся!

– Я н-ничего н-не в-вижу! Я ослеп! Я...

– Я сказал, помолчи!

Гарри стоял как вкопанный и тщетно пытался разглядеть что-то в темноте. Стало так холодно, что его трясло с головы до ног; руки покрылись гусиной кожей, а волосы на затылке встали дыбом. Гарри все крутил головой и без толку таращил глаза.

Немыслимо... невозможно... как они оказались здесь... в Литтл Уинджинге?.. Гарри напряг слух... он услышит их раньше, чем сможет увидеть...

– Я п-пожалуюсь п-папе! – заскулил Дудли. – Т-ты г-где? Т-ты ч-что?..

– Да тихо ты! – прошипел Гарри. – Дай послу...

И оборвал сам себя – он услышал именно то, чего так боялся.

В проходе кроме них было что-то еще – и оно медленно, судорожно, свистяще втягивало в себя воздух. Гарри окатило волной ужаса.

– Х-хватит! П-прекрати! А то к-как т-тресну, п-понял...

– Дудли, тихо...

БАМ.

Кулак попал Гарри в висок. Ноги оторвались от земли. В глазах вспыхнул белый фейерверк, и во второй раз за вечер Гарри показалось, что голова раскололась надвое. Он тяжело рухнул на землю. Палочка вылетела из рук.

– Ты болван, Дудли! – заорал Гарри, вздернувшись на четвереньки и слепо шаря вокруг. Он услышал, что Дудли понесся куда-то, спотыкаясь на ходу и стукаясь о забор. – ДУДЛИ, НАЗАД! ТЫ БЕЖИШЬ ПРЯМО НА НЕГО!

Тишину прорезал ужасающий визг, и топот прекратился. В то же самое мгновение Гарри спиной ощутил наползающий холод, а это означало только одно: их тут несколько.

– ДУДЛИ, НЕ ОТКРЫВАЙ РОТ! ГЛАВНОЕ, НЕ ОТКРЫВАЙ РОТ! Ну где же... – отчаянно забормотал Гарри. Его руки шныряли по земле как пауки. – Где же... палочка... давай же... люмос!

Он произнес заклинание машинально – очень уж нужен был свет, – и, к его несказанному облегчению, в считанных дюймах от правой руки появился лучик: на кончике волшебной палочки зажегся свет. Гарри схватил палочку, вскочил, осмотрелся...

И внутри все перевернулось.

К нему над самой землей медленно скользила, всасывая на ходу ночной воздух, высокая фигура в плаще с капюшоном, без лица и без ног.

Спотыкаясь, Гарри отступил и поднял палочку.

– Экспекто патронум!

Палочка выпустила облачко серебристого пара, и движение дементора замедлилось, но заклинание не сработало как следует – дементор надвигался на Гарри, а тот лишь в ужасе пятился, путаясь в собственных ногах. Мысли остановились от страха...
Сосредоточься...

Из-под плаща высунулись серые, покрытые слизью и струпьями руки, потянулись к Гарри. В ушах у него зашумело...

– Экспекто патронум!

Его голос прозвучал словно издалека. И опять из кончика палочки выплыло серебристое облачко, еще жиже предыдущего... Все, он разучился, он больше не умеет исполнять это заклинание!

Голова наполнилась хохотом, высоким, пронзительным хохотом... зловонное, смертоносное дыхание дементора заполняло легкие, Гарри стремительно тонул в нем... *скорее... счастливые воспоминания...*

Но он не мог вспомнить ничего счастливого... ледяные пальцы неумолимо смыкались на его шее... пронзительный хохот звучал все громче, и в голове кто-то шептал: «*Поклонись своей смерти, Гарри... это, наверное, даже не больно... не знаю... никогда не умирал...*»

Он больше не увидит Рона и Гермиону...

И когда он отчаянно боролся за глоток воздуха, перед мысленным взором очень отчетливо возникли лица друзей.

– ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!

Из палочки вырвался огромный серебристый олень и на лету ударил дементора рогами туда, где должно было находиться сердце. Дементор, невесомый, как сама тьма, был отброшен назад. Олень грозно наступал, а побежденный дементор ринулся прочь, похожий на летучую мышь.

– СЮДА! – крикнул Гарри оленю. Развернувшись, он помчался по проходу с палочкой наперевес. – ДУДЛИ? ДУДЛИ!

Он не пробежал и десяти шагов, как наткнулся на них: Дудли лежал на земле, сжавшись в комок и закрыв лицо руками, а второй дементор склонялся над ним. Слизкими лапами он держал Дудли за

запястья и медленно, почти любовно разводил его руки и под капюшоном склонялся, будто для поцелуя.

– БЕЙ ЕГО! – вскричал Гарри. Олень с мощным свистом проскакал мимо. Безглазое лицо нависло над самым лицом Дудли, но тут олень ударил дементора рогами; того подбросило, и он, как и его напарник, улетел прочь и исчез в темноте; олень проскакал к переулку и растворился в серебристом тумане.

Луна, звезды и фонари в мгновение ока вернулись на свои места. Подул теплый ветерок. В близлежащих садах зашелестели деревья, а из Магнолиевого проезда снова донесся будничный рокот машин. Гарри застыл – чувства обострены до предела – и не сразу осознал внезапное возвращение к нормальной действительности. Потом заметил, что футболка плотно прилипла к телу; он был весь в поту.

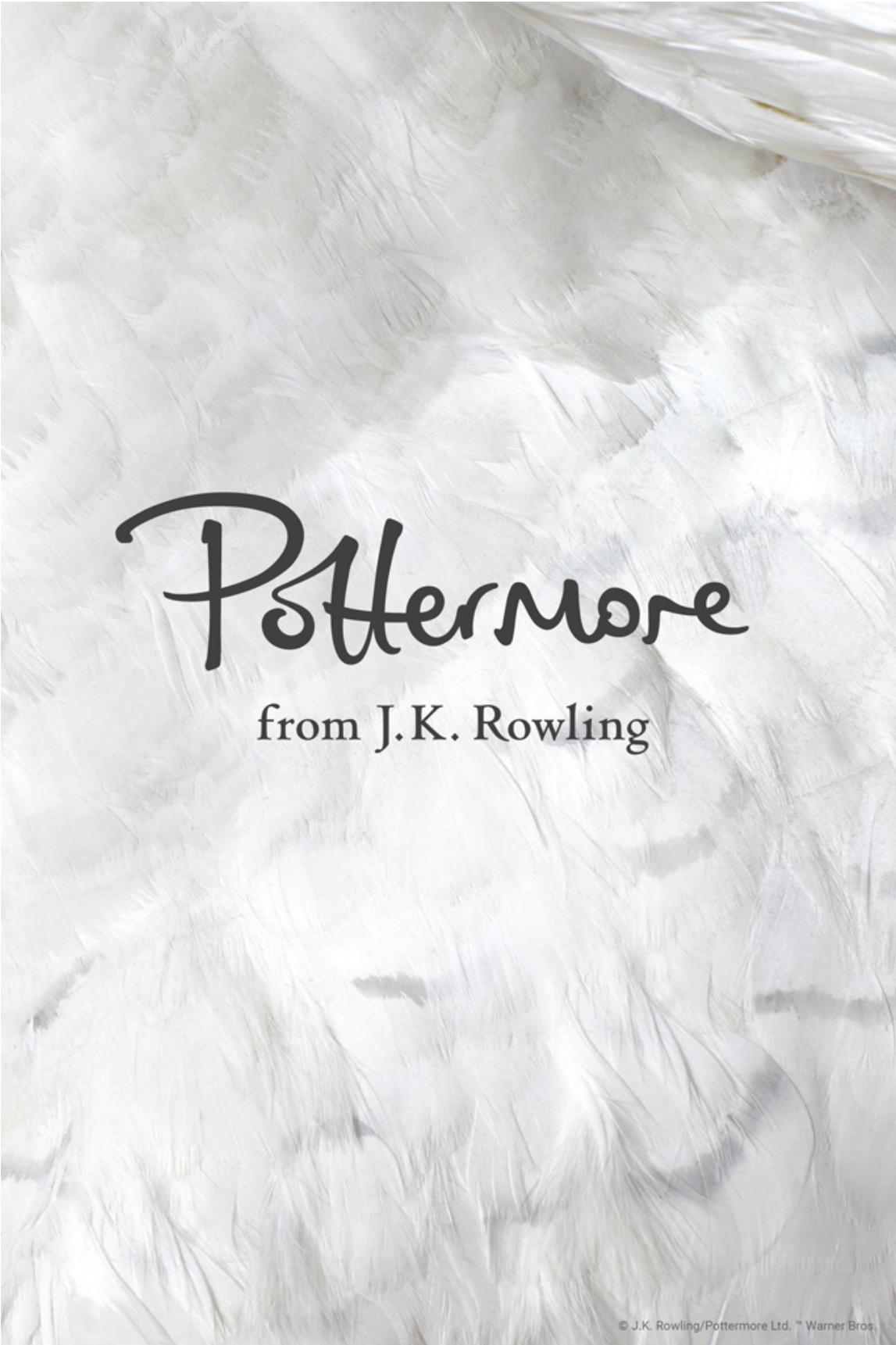
Он никак не мог поверить в случившееся. Дементоры – здесь, в Литтл Уинджинге.

Дудли, скорчившись, лежал на земле. Он трясся и тоненько поскрипывал. Гарри наклонился проверить, в состоянии ли Дудли ходить, но тут за спиной раздался лихорадочный топот. Инстинктивно вскинув палочку, Гарри развернулся – кто бы там ни был, встретить его лицом к лицу.

Из темноты, на ходу теряя клетчатые шлепанцы, появилась совершенно запыхавшаяся полуумная старушка миссис Фигг. Из-под сеточки для волос вырывалась путаная седая пакля, на запястье, позывая, раскачивалась авоська. Гарри суетливо дернулся, намереваясь поскорее спрятать палочку, но...

– Куда, балда! Не убирай! – завопила миссис Фигг. – А если тут еще есть? Нет, я просто укокошу этого Мундугнуса Флетчера!

Pottermore

from J.K. Rowling

© J.K. Rowling/Pottermore Ltd. ™ Warner Bros.

from J.K. Rowling

Узнайте еще больше о мире J.K. Rowling's Wizarding World...

Посетите сайт www.pottermore.com, на котором вы сможете пройти настоящую церемонию распределения, прочесть эксклюзивные новые материалы от Дж. К. Роулинг и узнать о последних новостях из мира Wizarding World.

Pottermore – это компания Дж. К. Роулинг, занимающаяся цифровыми публикациями, электронной коммерцией, развлечениями и новостями. Она является всемирным издательством электронных материалов о Гарри Поттере и мире J.K. Rowling's Wizarding World. Сайт pottermore.com – цифровое сердце мира J.K. Rowling's Wizarding World. Он призван пробуждать силу воображения. Здесь вы найдете новости, очерки, статьи, а также новые и ранее не издававшиеся материалы Дж. К. Роулинг.

Оригинальное название: Harry Potter and the Goblet of Fire

Перевод с английского: Марии Спивак

Все права защищены; никакая часть этой публикации не подлежит воспроизведению, полностью или частично, или передаче в любой форме и любыми средствами, будь то с помощью ксерокопирования, записи или электронным, механическим или иным способом, без предварительного разрешения издателя

Это цифровое издание было впервые опубликовано компанией Pottermore Limited в 2016 г

Впервые опубликовано в печатном виде в Россия в 2014 году издательством Азбука-Аттикус

Авторские права на текст © J.K. Rowling 2000

Иллюстрация на обложке: Олли Мосс © Pottermore Limited

Перевод на русский язык © Азбука-Аттикус

Harry Potter characters, names and related indicia are trademarks of and © Warner Bros. Entertainment Inc.

J.K. ROWLING'S WIZARDING WORLD TM J.K. Rowling and Warner Bros. Entertainment Inc.

Моральное право автора защищено

ISBN 978-1-78110-271-8

Примечания

1

Где мадам Максим? Мы потерялись... (*фр.*)